63.3(2)5
Б-74

ИСТОРІЯ

В. БОГУЧАРСКІЙ

АКТИВНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

МОСКВА. 1912 г.
Изданіе
М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

В. Богучарскій. Активное народничество семидесятых годов

АРИСТОТЕЛЬ. Политика. Пер. проф. С. Жебелева, 3 р.

БЕДЖГОТЪ, В. Государственный строй Англіи. Пер. Е. Прейсъ подъ ред. Н. Никольскаго, 1 р. 60 к.

БЕЛОХЪ, Ю. Исторія Греціи. Пер. М. Гершензона, въ 2-хъ т., 3 р.

БОРЖО, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституціи. Пер. Н. Высоцкой подъ ред. Ѳ. Кокошкина, 1 р.

ВУНДТЪ, В. О наивномъ и критическомъ реализмѣ. Пер. А. Водена, 2 р.

ГРОССЕ, Э. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго, 1 р. 50 к.

ЕЛЛИНЕКЪ, Г. Права меньшинства. Пер. Е. Троповскаго подъ ред. М. Гершензона, 20 к.

ЕШЕВСКІЙ, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи, 2 р.

ЗИММЕЛЬ, Г. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Пер. Н. Вокачъ и Н. Ильина подъ ред. Б. Кистяковскаго, 1 р.

ЗИММЕЛЬ, Г. Религія. Соціально-психологическій этюдъ. Пер. М. Бердоносова и О. Лямбекъ подъ

Пер.

скаго,

848—

ая пе-

ь, 1 р.

ИСТОЧНИК, ОТКУДА ВЗЯТО НАЗВАНИЕ

СЛУЖЕБНЫЕ ОТМЕТКИ БИБЛИОТЕКИ, ВЫПОЛНЯЮЩЕЙ ЗАКАЗ

Отметки библиотек региона при перенаправлении бланка-заказа по координации

9|47|8|003|
Б-74
1987
1965 91
1960
80
144084

В. БОГУЧАРСКІЙ

АКТИВНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

МОСКВА
Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1912

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. л.
Москва—1912.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Всеопредѣляющій, всепроникающій лозунгъ движенія русской активной интеллигенціи семидесятыхъ годовъ гласилъ: „въ народъ“!

Зачѣмъ, для чего—„въ народъ“?

Надо идти въ народъ, чтобы учить его.

Надо идти въ народъ, чтобы учиться у него.

Надо идти въ народъ, чтобы ознакомиться съ нимъ, узнать на мѣстѣ его нужды и потребности.

Надо идти въ народъ, чтобы на себѣ самомъ испытать всѣ его страданія.

Надо идти въ народъ, чтобы слиться съ нимъ и тѣмъ пріобрѣсти его довѣріе.

Надо идти въ народъ, чтобы разъяснить ему весь ужасъ его положенія.

Надо идти въ народъ, чтобы довести его до сознанія лучшаго справедливѣйшаго соціальнаго строя и необходимости бороться за этотъ строй.

Надо идти въ народъ, чтобы разжечь существующія въ немъ революціонныя страсти и тѣмъ возбудить его немедленно же ко всеобщему возстанію.

Различны были непосредственныя цѣли движенія „въ народъ“, но всѣ онѣ исходили изъ одной общей предпосылки:

Отречемся отъ *стараго міра*
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ...

Этотъ „старый міръ“ подлежалъ самой коренной перестройкѣ отъ фундамента и до всѣхъ высящихся надъ нимъ „надстроекъ“,

а тамъ, гдѣ-то на горизонтѣ, выступали уже, казалось, и абрисы „будущаго общества“ съ его „солнцемъ правды и братства людей“, съ сліяніемъ всѣхъ народовъ „въ вѣчномъ царствѣ святого труда“...

Вопросъ о „старомъ мірѣ“ былъ покончень безусловно и безповоротно. Міръ „феодально-буржуазный“ обрекался „на сломъ“,—въ *этомъ* никакихъ разногласій среди *активной* народнической интеллигенціи семидесятыхъ годовъ не существовало и вся проблема сводилась лишь къ *средствамъ* достиженія постановленной ею себѣ цѣли. Одни находили, что радикальному перевороту должна предшествовать подготовка къ нему народа, длительная пропаганда среди него соціалистическихъ идей, уясненіе и развитіе таящихся въ народной массѣ соціалистическихъ инстинктовъ и навыковъ, словомъ, обращеніе къ народной *мысли*. То были такъ называемые „лависты“. Нѣтъ, отвѣчали „бакунисты“, этотъ путь не только долгій, но и ненужный, даже вредный. Въ народѣ накопилась уже такая масса революціонной энергіи, что весь вопросъ только въ превращеніи энергіи потенціальной въ энергію живую, мы должны быть лишь той „спичкой“, которая воспламенитъ горючіе матеріалы. Ни на что другое мы и не годимся. Народъ лучше насъ знаетъ, какъ ему устроиться въ будущемъ. Залогъ тому не только народный бытъ Россіи съ его общиною и артелями, но и вся прошлая исторія *народной* Россіи. Что такое вся эта исторія, какъ не сплошная борьба народа съ *государствомъ* во имя *анархіи?* Да, анархіи, потому что анархія и значитъ безгосударственность. Нашъ расколъ, наше сектанство, выставляющія такія секты, какъ „бѣгуновъ“, „странниковъ“ и массу другихъ имъ подобныхъ, наше историческое казачество съ его вольной жизнью на принципѣ „федераціи автономныхъ общинъ“, наши „народные соціалисты-революціонеры“—Степанъ Разинъ, Емельянъ Пугачевъ и ихъ сподвижники,—все это живо въ памяти народной; пусть, дѣйствительно, „отрекшійся отъ стараго міра“ интеллигентъ идетъ на Волгу многоводную. Тамъ, наряду съ „пѣсней, подобною стону“, онъ узнаетъ и нѣчто другое. Пусть вскарабкается онъ на утесъ Стеньки Разина

И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ:
И утесъ-великанъ,
Все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Идите же, идите „въ народъ“, но не съ вашей плюгавой „пропагандой“, а съ прямой революціонной агитаціей и памятуйте слова великаго учителя: „Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust“ [1]).

„Пропаганда“ или „агитація“, „подготовка“ или немедленный „призывъ“, обращеніе къ „народному разуму“ или „революціонной страсти“,—вотъ тѣ вопросы, которые горячо дебатировались въ семидесятыхъ годахъ среди дѣятелей активнаго народничества и которые находили себѣ отраженіе и въ „легальной литературѣ“, проходя черезъ цензурныя кавдинскія ущелья, подъ такимъ, напримѣръ, скромнымъ названіемъ: „Умъ и чувство, какъ факторы прогресса“... И посвященные въ дѣло читатели отлично понимали, что „умъ“—это пропаганда, „чувство“ — агитація, „прогрессъ“ соціальная революція, тема статьи,—какой изъ этихъ „факторовъ“ ведетъ ближе къ цѣли...

— Какимъ вздоромъ занимаются не только „революціонеры-реакціонеры“,—такъ буквально называлъ ткачевскій *Набатъ* стоявшихъ за „пропаганду“ народниковъ-лавристовъ,—но и анархисты-бакунисты, говорили въ свою очередь, правда, весьма немногочисленные послѣдователи Петра Никитича Ткачева. „Мы должны разъ навсегда вычеркнуть изъ своего словаря пошлыя и безсмысленныя фразы о какомъ-то *народномъ геніи* (курсивъ здѣсь и далѣе подлинника), фразы, взятыя нами на прокатъ у реакціонеровъ-славянофиловъ. Мы не должны, мы не имѣемъ права возлагать на народъ черезъ-чуръ большихъ надеждъ и упованій. Нечего говорить глупости, будто народъ, „предоставленный самому себѣ“, можетъ осуществить соціальную революцію, можетъ самъ наилучшимъ образомъ устроить свою судьбу... Только трусамъ свойственно льстить и вилять передъ ими же самими созданными кумирами... Тотъ не любитъ народъ, кто сваливаетъ исключительно на его плечи великое дѣло соціальной революціи. Освобожденіе народа посредствомъ народа—это та же теорія народной самопомощи, подъ громкими фразами которой буржуазные экономисты стараются скрыть свое безсердечіе, свое эгоистическое отношеніе къ народнымъ стра-

[1]) „Страсть къ разрушенію есть въ то же время страсть творческая“. Знаменитая фраза эта употреблена М. А. Бакунинымъ въ его статьѣ, напечатанной въ 1843 году въ формѣ „Замѣтокъ француза Жюля Элизара“—„Реакція въ Германіи“ (Die Reaction in Deutchland. Fragment eines Franzosen) въ журналѣ Арнольда Ругэ *Deutsche Jahrbücher*.

даніямъ, къ народному горю... Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, народъ, самъ себѣ предоставленный, не въ силахъ осуществить соціальной революціи. Только мы, революціонное меньшинство, можемъ это сдѣлать и мы должны это сдѣлать какъ можно скорѣе“ [1]).

Но какъ же сдѣлаемъ это „мы“? О, очень просто: такъ какъ,—фантазировали „набатчики“,—наше правительство, не представляя въ странѣ ничьихъ интересовъ, кромѣ интересовъ горсти эксплоататоровъ, „виситъ въ воздухѣ“, то повергнуть его въ прахъ не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей. Какой-нибудь тысячи, а то и того меньше революціонеровъ, организованныхъ въ тѣсно сплоченное централизованное тайное общество, совершенно достаточно для ниспроверженія правительства и захвата революціонерами власти. Никто имъ сопротивляться въ такомъ актѣ не будетъ, напротивъ,—всѣ помогутъ. И тогда, создавши „революціонное государство“, захватившіе власть революціонеры приступятъ къ „соціальной революціи“ [2])... Эти „набатчики“ или „ткачевцы“ были въ семидесятыхъ годахъ единственною группою, относившеюся отрицательно къ „хожденію въ народъ“, но притомъ, какъ читатели видѣли изъ вышеприведенной цитаты, „набатчики“ или, какъ ихъ также называли, „якобинцы“, отнеслись отрицательно и къ самому основному принципу всего народническаго движенія—„*освобожденію народа посредствомъ народа*“, къ принципу, на который „набатчики“ ухитрились взглянуть, какъ на „буржуазный“... Та же, молъ, „теорія народной самопомощи, подъ громкими фразами которой буржуазные экономисты стараются скрыть свое безсердечіе, свое эгоистическое отношеніе къ народнымъ страданіямъ, народному горю“... Подавляющее большинство остальныхъ революціонеровъ относилось къ „якобинству“ съ полнымъ несочувствіемъ, и потому лозунгъ „въ народъ“ отъ дѣятельности „набатчиковъ“ не потерпѣлъ, можно сказать, ни малѣйшаго ущерба.

---

[1]) См. статью „Народъ и революція“ въ № 4 журнала *Набатъ* за 1876 годъ.

[2]) См. ту же статью, а также цѣлый рядъ другихъ статей въ *Набатѣ* за разные годы, какъ, напримѣръ, „Въ набатъ“, „Въ чемъ должна заключаться ближайшая, практически достижимая цѣль революціи“, „Итоги“, „Возможна ли соціальная революція въ Россіи въ настоящее время“, „Революціонеры-реакціонеры“ и т. д.

„Освобожденіе народа посредствомъ народа“ являлось *принципомъ* народническаго движенія, но было еще въ этомъ движеніи и особое *настроеніе*, которое можетъ быть охарактеризовано терминомъ *народолюбіе*.

Этимъ *чувствомъ* проникнуты были одинаково, какъ тѣ, которые стремились къ народу, чтобы „учить его“, „учиться у него“, „на себѣ испытать всѣ его страданія“, такъ и думавшіе поднять народъ во имя идеаловъ „соціализма“ и „анархіи“. Наша задача состоитъ однако не въ историческомъ очеркѣ дѣятельности русскихъ народолюбцевъ того времени всѣхъ типовъ и оттѣнковъ, а лишь дѣятельности народниковъ категоріи послѣдней, которыхъ мы и называемъ народниками *активными*. Конечно, и дѣятельность народолюбцевъ другихъ категорій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа дѣятельностью *пассивной*, но въ слово „активность“ мы вкладываемъ въ данномъ случаѣ совершенно спеціальное содержаніе.

Откуда же произошло то активно-народническое движеніе, которое въ той или иной мѣрѣ охватываетъ собою десятилѣтіе 1869—1879 годовъ? [1]) Гдѣ лежатъ идейные корни этого движенія и гдѣ источникъ того *настроенія* активныхъ народниковъ, которое можетъ быть еще болѣе характерно для движенія, нежели его идеи?

Отвѣты на эти вопросы хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ должны предшествовать очерку фактической исторіи народническаго движенія разсматриваемой эпохи и потому къ нимъ теперь мы и перейдемъ.

---

[1]) Въ 1879 году народничество смѣнилось „народовольчествомъ“. О послѣднемъ см. нашу книгу „Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Партія Народной Воли, ея происхожденіе, судьбы и гибель“. Въ ней находятся и бѣглыя страницы о народничествѣ, развитіемъ которыхъ является настоящая книга. Тамъ (стр. 244—примѣчаніе) мы и имѣли въ виду послѣднюю, когда упоминали, что „о народничествѣ мы будемъ подробно говорить въ другой книгѣ“.

II.

Источники идей и настроеній активнаго народничества.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка П. Я. Чаадаевъ писалъ тѣ свои „Философическія письма“, за первое же изъ которыхъ (напечатанное въ 1836 г. въ *Телескопѣ*) онъ былъ объявленъ по личному распоряженію императора Николая Павловича сумасшедшимъ и подлежащимъ лѣченію „на казенный счетъ...“ Не ради однако эпизодической стороны этого факта, какъ ни характерна и она сама по себѣ для судебъ русской интеллигенціи, вспоминаемъ мы здѣсь о „Философическихъ письмахъ“ Чаадаева. Дѣлаемъ мы это по иной причинѣ. Намъ важны онѣ, на-ряду съ другими произведеніями Чаадаева, для установленія слѣдующаго положенія: отчасти прямо, а еще болѣе косвенно, Чаадаевъ далъ первый толчекъ тому огромному теченію русской мысли, изъ котораго развилось впослѣдствіи *русское народничество*. Это произошло такъ: въ напечатанномъ въ *Телескопѣ* письмѣ появилась написанная впервые русскимъ авторомъ философія всемірной и русской исторіи. Центральнымъ пунктомъ этой философіи было утвержденіе, что всѣ христіанскіе народы Европы въ шествіи своемъ по историческому пути осуществляютъ единое внутреннее начало, дающее ихъ жизни вполнѣ опредѣленное содержаніе. Это единое начало есть христіанство, при чемъ внутреннему единству такого начала соотвѣтствуетъ и единство внѣшнее, единство формы, каковой и является форма католическая. Отсюда для Россіи, какъ страны не католической, предстоятъ двѣ возможности: или навсегда остаться внѣ сферы исторической жизни Европы и тогда продолжать составлять, какъ составляла она

до сихъ поръ, „пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія“, или пріобщиться къ общей жизни христіанскихъ народовъ, для чего необходимо принять и тѣ внѣшнія формы, въ которыя облачена христіанская идея въ Европѣ. (Протестантизмъ Чаадаевъ считалъ незначительнымъ эпизодомъ европейской исторіи, которому долженъ придти конецъ и потому онъ говоритъ исключительно о католицизмѣ.) Смѣлость мысли, богатая эрудиція и блестящій литературный талантъ автора произвели огромное впечатлѣніе. Своимъ „философическимъ письмомъ“ Чаадаевъ говорилъ русскимъ людямъ: если вы хотите быть народомъ историческимъ, то оставьте всякую надежду на возможность идти какимъ бы то ни было инымъ путемъ, кромѣ того, которымъ идетъ Европа. Путь народовъ христіанскихъ, желающихъ въ то же время пройти по землѣ въ качествѣ народовъ историческихъ, *путь единый*...

Офиціальныя сферы увидѣли въ такихъ взглядахъ Чаадаева просто доказательство его сумасшествія. Но чаадаевское письмо ударило по больному мѣсту и уже слагавшуюся школу славянофиловъ. Она-то и выступила съ опроверженіями его еретическихъ воззрѣній, утверждаясь все болѣе и болѣе на позиціи обратной: не православіе, а католицизмъ является отклоненіемъ отъ истинно-христіанской идеи, и та всемірно-историческая роль, которую приписываетъ ему Чаадаевъ, принадлежитъ въ дѣйствительности не католическому Западу, а православной Россіи. Поэтому Россіи предстоитъ и *особый, отличный отъ Запада*, путь развитія. Мало того: путь этотъ не только особый, но и лучшій, чѣмъ путь европейскій. Россія, именно Россія, призвана обновить дряхлѣющій міръ. Изъ ея православія исходитъ духъ соборности, однимъ изъ внѣшнихъ выраженій котораго является и *русская община*. Отсюда и безграничная *вѣра* славянофиловъ въ грядущія судьбы Россіи, отсюда, впослѣдствіи, и слова Тютчева:

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только *вѣрить*.

Позиція была опредѣлена: путь развитія Россіи *иной*, нежели путь западный; эта-то идея, въ какихъ бы различныхъ облаченіяхъ она впослѣдствіи ни являлась, и заняла одно изъ главныхъ мѣстъ въ міросозерцаніи народниковъ.

Роль Чаадаева въ появленіи на свѣтъ такой идеи была не косвенной только, но и прямой. Черезъ нѣкоторое время онъ самъ (въ „Апологіи сумасшедшаго“, письмѣ къ А. И. Тургеневу и пр.) заявлялъ, что „Россія должна разрѣшить нѣкогда всѣ вопросы, о которыхъ споритъ Европа“, что „*мы пришли послѣ другихъ, чтобы сдѣлать лучше ихъ*“.

Это былъ, конечно, отказъ отъ центральной идеи перваго „философическаго письма“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зерно тѣхъ мыслей, которыя мы найдемъ и въ первой народническо-революціонной прокламаціи 1861 года („Къ молодому поколѣнію“ М. Л. Михайлова), гдѣ говорится, что „мы имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени“, и въ произведеніяхъ Н. К. Михайловскаго, и въ „Нашихъ направленіяхъ“ г-на В. В., и во многихъ другихъ произведеніяхъ русскихъ народниковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Особый путь развитія Россіи,—таковъ общій множитель, который можно вынести за скобку и у Чаадаева послѣдняго періода его дѣятельности и рѣшительно у всѣхъ писателей, какъ славянофильскаго, такъ и народническаго направленій. Въ чемъ же состоитъ этотъ путь?

„Россія должна разрѣшить нѣкогда *всѣ вопросы*, о которыхъ споритъ Европа“,—говоритъ И. Я. Чаадаевъ, рѣшая проблему въ слишкомъ общей формѣ; славянофилъ Ю. Ф. Самаринъ далъ отвѣтъ не только гораздо болѣе опредѣленный, но и связалъ теоретическія высоты проблемы съ областью конкретныхъ фактовъ русской жизни. Онъ писалъ въ 1847 году, „что германское племя или, точнѣе, романо-германскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое *составляетъ природу племени славянскаго*“; иначе говоря, племя это „даетъ живой, *въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ западнаго міра*“ [1]).

Если отдѣлить находящуюся здѣсь мысль отъ брони, которой защищена она противъ цензуры, то мысль Самарина явится въ такомъ видѣ: „Послѣдній вопросъ западнаго міра“—это соціализмъ. Та „отвлеченная формула“, до которой дошелъ въ своемъ требованіи романо-германскій міръ—это „право на трудъ“. Но формула эта составляетъ „самую природу племени славянскаго“, ибо она *уже* реализована *въ общинномъ землевладѣніи*.

---

[1]) Сочиненія Ю. Ф. Самарина, т. I, стр. 40.

Теперь надо только развивать и укрѣплять эту особенность русскаго быта и проблема рѣшена окончательно.

Что Самаринъ говоритъ здѣсь именно объ общинѣ, это ясно изъ дальнѣйшаго текста его статьи.

„Общинное начало,—писалъ онъ,—составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей... Никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить“ [1]).

Совершенно такъ же смотрѣлъ на этотъ вопросъ и А. С. Хомяковъ.

„Община,—писалъ онъ въ 1849 году А. И. Кошелеву,—есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи. *Отнимите его, не останется ничего;* изъ его развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ“ [2]).

Въ предѣлахъ возможнаго проводилъ Хомяковъ ту же мысль еще въ *Москвитянинѣ* въ 1842 году (въ двухъ статьяхъ „О сельскихъ условіяхъ“, написанныхъ имъ по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ). Такому воззрѣнію славянофиловъ на общину Хомяковъ,—и въ этомъ онъ былъ совершенно правъ,—придавалъ огромное значеніе въ судьбахъ идейнаго движенія въ русскомъ обществѣ.

„Тому восемнадцать лѣтъ назадъ,—писалъ онъ въ № 28 *Молвы* за 1857 г.,—теперешніе сотрудники *Русской Бесѣды* высказали, что славянское племя и по преимуществу русское отличается отъ всѣхъ другихъ особенностями своего общиннаго быта. *Этимъ положено было начало новаго умственнаго движенія*“ [3]).

Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что „Гакстгаузенъ, открывшій (?) русскую общину, обязанъ своимъ открытіемъ Хомякову“ [4]).

Вѣрнѣе было бы сказать, что не Хомякову, а вообще славянофиламъ, ибо Герценъ указываетъ какъ на лицо, черезъ которое Гакстгаузенъ сдѣлалъ свое „открытіе“, на Константина Аксакова. Этотъ послѣдній въ вопросѣ объ общинѣ стоялъ безусловно на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Хомяковъ.

„Константинъ Аксаковъ,—писалъ въ „Былomъ и Думахъ“

---

[1]) Ibid., стр. 51.

[2]) *В. Лясковскій.* А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія, стр. 59.

[3]) „Современный вопросъ“. Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. I, стр. 636.

[4]) Славянофильское ученіе и его судьбы. *Отечественныя Записки* 1862 г. Мартъ, стр. 35.

Герценъ,—въ началѣ 40-хъ годовъ проповѣдывалъ *сельскую общину, міръ* и *артель*. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ и, послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ“ [1]).

Отсюда ясно, до какой степени былъ правъ Хомяковъ, утверждая, что славянофиламъ было положено въ 40-хъ годахъ *начало новаго умственнаго движенія*. Имъ были не только выработаны тѣ соціально-экономическія идеи, которыя вошли затѣмъ полностью въ направленіе народническое (значеніе „общины, міра, артели“, т.-е. тѣхъ „основъ“, которыя „проповѣдывалъ Аксаковъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ“), но въ ихъ средѣ уже намѣчалось, не получившее, правда, впослѣдствіи развитія, и стремленіе къ „сліянію съ народомъ“. Конечно, это стремленіе выразилось въ такой лишь невинной формѣ, какъ отреченіе К. С. Аксаковымъ отъ „барскаго“ костюма и облаченіе въ „рубашку съ кривымъ воротомъ“, но важна здѣсь не форма, а то внутреннее демократическое чувство, которое заставляло славянофиловъ обращать свои взоры „къ народу“. При томъ же въ эпоху Николая I и такой „протестъ“ противъ „установленнаго порядка“ уже обращалъ на себя вниманіе властей предержащихъ, какъ нѣчто совершенно непозволительное. Когда Хомяковъ отпустилъ себѣ бороду, что было также отличительнымъ признакомъ людей „подлаго состоянія“—„мужиковъ и купчишекъ“,—и совершенно неприлично для „дворянъ“ (подобно тому, какъ и среди высшихъ классовъ *усы* имѣли право носить исключительно военные), то ему, Хомякову, было приказано московскимъ генералъ-губернаторомъ Закревскимъ обриться... Иванъ Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ былъ даже арестованъ [2]).

---

[1]) Сочиненія *А. И. Герцена*, т. IV, стр. 306.

[2]) Объ арестѣ и допросѣ И. С. Аксакова см. статью „И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ“ въ книгѣ *М. И. Сухомлинова* „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, т. II, стр. 488—518. Очень интересны и слѣдующія строки изъ письма Бакунина къ издателямъ *Колокола* съ личными воспоминаніями его, Бакунина, о славянофилахъ и въ частности о К. С. Аксаковѣ: „Онъ (К. С. Аксаковъ) былъ старомосковскій фанатикъ,—это правда,—но фанатизмъ его останавливался всегда съ уваженіемъ передъ человѣческимъ правомъ, не заглушалъ въ немъ ни голоса совѣсти, ни требованій справедливости. Его старомосковское изувѣрство всегда подчинялось высшей религіи того, что въ наше время называлось „гуманностью“. Какъ истый поборникъ православія, онъ, наприм., вмѣстѣ съ Хомяковымъ и братьями Кирѣевскими предавалъ теоретической анаоемѣ

Славянофилы стремились слиться съ народомъ и *въ съо вѣрованіяхъ*, при чемъ тутъ не было никакой поддѣлки подъ міросозерцаніе народа, ибо послѣднее они признавали истиннымъ, какъ таковое, и поддерживали его всѣми орудіями своей очень большой эрудиціи. Эту часть славянофильства безусловно отвергли родоначальники народничества, но соціально-экономическую сторону воззрѣній своихъ они, повторяемъ, взяли именно у славянофиловъ. Это признавали они сами.

„Въ Россіи,—писалъ Огаревъ,—уже одинъ фактъ народнаго землевладѣнія противорѣчитъ западной цивилизаціи и требуетъ своего развитія“. Существованіе „иныхъ новыхъ отношеній, новыхъ формъ собственности въ Россіи и у большей части славянскаго племени, а слѣдственно и новыхъ понятій о собственности и потребность новаго пониманія всей гражданственности“, все это „высказано всенародно славянофилами“. Поэтому, „совершенно несогласный ни съ какой религіей, а слѣдственно и съ ихъ преображеннымъ православіемъ, я,—или лучше мы,—тѣмъ не менѣе, искренно, откровенно оставляемъ за ними названіе *пророковъ русскаго гражданскаго развитія*“ [1]).

„На славянофилахъ,—писалъ Герценъ,—лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи; ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть

католическую Польшу, но на практикѣ, повинуясь высшему человѣческому инстинкту, постоянное присутствіе котораго въ немъ именно и дѣлало его порядочнымъ человѣкомъ, онъ, съ опасностью потерять свою собственную свободу, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, нѣсколько разъ посѣщалъ въ московскомъ острогѣ поляковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь за такъ называемыя политическія преступленія и, оставляя всѣ теоріи у порога тюрьмы, становясь настоящимъ самимъ собою, являлся къ нимъ полный горячаго и почтительнаго участія, съ готовностью сдѣлать для нихъ все, что могъ. Я помню его мягкую, сочувственную улыбку, помню, какъ онъ бывалъ тронутъ, когда двоюродный братъ его, іезуитами изуродованный, Карташевскій, своимъ дикимъ, но полнымъ подавленной страсти голосомъ начиналъ пѣть: „Jeszcze Polska nie zginęla“. Его православно-московскій фанатизмъ не мѣшалъ ему понимать святую и законную сторону польско-государственнаго фанатизма“ (Письма Бакунина къ Герцену и Огареву. Женева, 1896 г., стр. 200—201). Такими сторонами воззрѣній и характеровъ отличались однако лишь К. С. Аксаковъ и его друзья сороковыхъ годовъ. Въ семидесятыхъ годахъ даже И. С. Аксаковъ, не говоря уже о „славянофилахъ“, только по недоразумѣнію называвшихъ себя этимъ именемъ, играли совсѣмъ другую роль.

[1]) „Кавказскія воды“. (Отрывокъ изъ моей исповѣди.) *Полярная Звѣзда* 1861 г., кн. 6, стр. 352.

народный бытъ и основы сельской жизни. Православіе славянофиловъ, ихъ истерическій патріотизмъ и раздражительное чувство народности вызваны крайностями въ другую сторону. Важность ихъ воззрѣнія, его истина и существенная часть вовсе не въ православіи, а въ тѣхъ *стихіяхъ* (курсивъ Герцена) русской жизни, которую они открыли подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи" [1]).

Онъ же писалъ въ другомъ мѣстѣ: „труды славянофиловъ приготовили матеріалъ для пониманія, — *имъ принадлежитъ честь и слава почина.* Они первые поняли, что въ подавленныхъ и дремлющихъ силахъ народа русскаго, въ разъединеніи народа съ государствомъ, въ тѣсныхъ формахъ, связанныхъ не по мѣркѣ, въ которыя попалась русская жизнь, больше чѣмъ tabula rasa, *задатокъ* (курсивъ Герцена) самобытнаго будущаго развитія. Что же удивительнаго, что, видя народъ общинный, артельный, *съ своимъ* (курсивъ Герцена) понятіемъ о правѣ на землю и о круговой порукѣ, живущій въ какомъ-то чужестранномъ государственномъ неустройствѣ, которое ничего не удовлетворяетъ, наконецъ, даже защиты границъ, нашлись люди, которые предположили, что этотъ народъ *ближе къ осуществленію экономическаго, т.-е. соціальнаго переворота*, чѣмъ римско-феодальная, мѣщанско-индустріальная Европа" [2]).

Чернышевскій считалъ славянофиловъ людьми заблуждающимися; „но,—писалъ онъ,—эти заблужденія *съ избыткомъ* (курсивъ Чернышевскаго) вознаграждаются убѣжденіемъ ихъ (славянофиловъ), что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ". И Чернышевскій продолжалъ развивать свою мысль такъ: „читатели, зная нашъ образъ мыслей, не могутъ, конечно, предположить въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ *принципамъ* славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи съ идеями, выработанными современною наукою и характеромъ нашего времени (т.-е. Чернышевскій пишетъ здѣсь совершенно то же, что говорилъ Герценъ, указывая, что „важность воззрѣній славянофиловъ не въ православіи". *В. Б.*). Но мы повторяемъ, что выше этихъ за-

---

[1]) Сочиненія *А. И. Герцена*, т. IV, стр. 267.

[2]) „Repetitio est mater studiorum". *Колоколъ* 1861 г., № 107, стр. 894.

блужденій есть въ славянофильствѣ элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія“ [1]).

Такими элементами, какъ это слѣдуетъ отсюда и изъ многихъ другихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Чернышевскаго, являются тѣ самыя начала, которыя „проповѣдывалъ Константинъ Аксаковъ въ началѣ сороковыхъ годовъ“. Говоря о такихъ началахъ, повидимому, Чернышевскій же, обращаясь къ „молодому поколѣнію“, доходитъ даже до несвойственнаго ему паоса: *„умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, умрите за общинное начало“* (курсивъ подлинника) [2]).

О воззрѣніяхъ Добролюбова намъ еще придется говорить ниже по другому поводу. Тамъ увидимъ мы, что и у него всѣ упованія были обращены къ „свѣжимъ, здоровымъ росткамъ народной жизни“, тѣмъ росткамъ, которыя нуждаются лишь въ помощи „ихъ прекрасному, успѣшному росту и цвѣту“, и интеллигенція должна это сдѣлать, дабы такимъ образомъ „предохранить отъ порчи ихъ прекрасные и обильные плоды“.

Изъ всего этого ясенъ и источникъ соціально-экономическихъ идей нашего народничества. Черезъ Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова,—истинныхъ отцовъ народничества,—идеи эти влились въ него изъ того „новаго умственнаго движенія“, о которомъ писалъ Хомяковъ.

Надежды нашихъ народниковъ на особенности русскаго быта, и въ силу ихъ и на „особый путь развитія Россіи“ были такъ велики, что даже у такого геніальнаго человѣка, какъ Герценъ, принимали иногда прямо парадоксальный характеръ.

„Какое это счастье для русскаго народа, писалъ Герценъ,

---

[1]) „Замѣтки о современной литературѣ“. Изд. М. П. Чернышевскаго, стр. 245—246.

[2]) Строками этими оканчивается, присланный въ *Колоколъ*, протестъ противъ В. П. Чичерина. (Объ этой исторіи см. въ книгѣ „Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену“ стр. 16—42 и №№ 61 и 62 *Вольнаго Слова* 1883 г.). Въ протестѣ имѣются такія строки: „только въ русскомъ крестьянскомъ полѣ, только на русской крестьянской сходкѣ, только въ русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко. Умрите, если будетъ нужно,—умрите какъ мученики,—умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму“ и далѣе выше цитированныя строки: „умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю,—умрите за общинное начало“ (стр. 42). Барсуковъ пишетъ, что протестъ этотъ „принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ перу Чернышевскаго“. („Жизнь и труды М. П. Погодина“. Книга XV, стр. 260). Въ оглавленіи книги этотъ документъ прямо называется „протестъ П. Г. Чернышевскаго“.

что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ соціализмѣ до самоотрицанія“ [1]).

Эту парадоксальную идею высказалъ Герценъ въ 1851 году т.-е. въ эпоху его разочарованія въ „европейской цивилизаціи“, но затѣмъ за Герценомъ повторяли ту же самую мысль и другіе крупные русскіе писатели.

„Счастье наше, писалъ Добролюбовъ, что мы позднѣе другихъ народовъ вступили на поприще исторической жизни“ [2]).

„Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе, говорится въ составленной М. Л. Михайловымъ и Н. В. Шелгуновымъ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, мы должны благословлять судьбу, что не живемъ жизнью Европы... До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своею жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства, и *онъ былъ правъ*... Мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію *новое начало,* сказать новое слово, а не повторять зады Европы“... [3])

Вотъ это въ основѣ своей, безъ сомнѣнія, славянофильское противопоставленіе Европѣ Россіи и проходитъ красной нитью черезъ все міросозерцаніе русскаго народничества. Изъ него вытекла и знаменитая изложенная Н. К. Михайловскимъ теорія „консервативнаго рабочаго вопроса“. Утверждая, что „славянофильство и западничество изжиты нами“, Михайловскій развивалъ такую теорію: „Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ передачи условій труда въ руки работника, экспропріаціи теперешнихъ собственниковъ. *Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный,* ибо тутъ требуется только сохраненіе условій труда въ рукахъ работниковъ, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности. У насъ подъ самымъ Петербургомъ, въ мѣстности, испещренной фабриками, заводами, парками, дачами, существуютъ деревни, жители которыхъ живутъ на *своей* (курсивы Михайловскаго) землѣ, жгутъ *свой* лѣсъ, ѣдятъ *свой* хлѣбъ, одѣваются въ армяки и тулупы *своей* работы изъ шерсти *своихъ* овецъ.

[1]) Русскій народъ и соціализмъ (письмо къ И. Мишле). Сочиненія *А. И. Герцена.* Томъ V. стр. 198—199.

[2]) „Отъ Москвы до Лейпцига“. П. Бакста. Сочиненія *Н. А. Добролюбова.* Т. III, стр. 187.

[3]) Объ этой прокламаціи мы будемъ говорить подробнѣе ниже.

Гарантируйте имъ прочно это *свое* и *русскій рабочій вопросъ рѣшенъ*“ [1]).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Рабочій вопросъ, будучи вопросомъ революціоннымъ въ Европѣ, составляетъ одинъ изъ *консервативнѣйшихъ вопросовъ русской жизни*. Это значитъ, что коренныя начала русской жизни не требуютъ революціи и измѣненія направленія своего теченія. Требуется только развитіе этихъ началъ“ [2]).

Мысли эти, какъ мы видѣли выше, были высказаны вполнѣ опредѣленно Самаринымъ еще въ 1847 году. Тургеневъ называлъ Герцена—„непослѣдовательнымъ славянофиломъ“, прибавляя тутъ же, что онъ этой „непослѣдовательности“ очень радъ, ибо именно она и спасала въ Герценѣ Герцена. Но умъ Герцена былъ чрезвычайно многограненъ и благодаря этому ему легко сходило съ рукъ то, что принимало совсѣмъ другой видъ у людей не такъ широко одаренныхъ. Герценъ никогда не думалъ, напримѣръ, приносить политическую свободу въ жертву какому бы то ни было „долгу“, тогда какъ у Михайловскаго можно встрѣтить такое исповѣданіе вѣры:

„Для „общечеловѣка“, для citoyen'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мнѣній (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы. Да будутъ они прокляты, *если* они не только не дадутъ намъ возможности расплатиться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ [3]).

Значитъ, *если* политическая свобода будетъ „буржуазной“, *такой, какъ въ Европѣ*, тогда „да будетъ она проклята“...

Что Михайловскій вложилъ въ свое „если“ именно такой смыслъ, это разъясняетъ онъ самъ въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій. Напоминая, что ему пришлось высказаться о политической свободѣ, онъ писалъ:

„Помню, что выразился при этомъ (при полемикѣ съ Достоевскимъ) приблизительно такъ: свобода великая и соблаз-

[1]) Сочиненія *Н. К. Михайловскаго*. Т. I, стр. 702.
[2]) Ibid. Стр. 736.
[3]) Ibid. Т. II, стр. 306.

нительная вещь, но мы не хотимъ свободы, если она, *какъ было въ Европѣ*, только увеличитъ нашъ вѣковой долгъ народу“ [1]).

Таковы были элементы, вошедшіе въ созданную Михайловскимъ теорію „консервативнаго рабочаго вопроса“ или „консервативнаго соціализма“.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта „теорія“ была лишь варіаціей той же мысли, которую развивалъ гораздо раньше славянофилъ Самаринъ. Неоднократно говорилъ и Иванъ Аксаковъ, что народничество—это сбившееся съ пути славянофильство, примѣшавшее къ нему западную революціонную идею. Онъ утверждалъ, что „революціонный соціализмъ“—*дома* лишь въ Европѣ, гдѣ для него только и существуетъ надлежащая почва, въ Азіи же ему „дѣлать нечего“. Къ этой мысли онъ неоднократно возвращался. „Проповѣдники, вожди, вдохновители, даже большая часть практическихъ дѣятелей анархіи и революціоннаго соціализма,—писалъ онъ,—если не самый цвѣтъ европейскаго просвѣщенія, то все же люди обширныхъ знаній, замѣчательныхъ талантовъ, люди, отъ которыхъ не можетъ отречься современная цивилизація. Они ея дѣтища, они *только въ ея области у себя дома. Въ Азіи имъ дѣлать нечего*“. И Аксаковъ совѣтуетъ молодежи читать „серьезно и основательно „Капиталъ“ Маркса“ [2]).

Отсюда и безусловно отрицательное отношеніе Аксакова къ „революціонному соціализму“, которому въ такой странѣ, какъ Россія, „дѣлать нечего“. Аксаковъ указываетъ на внутреннее противорѣчіе, заключавшееся въ революціонномъ народничествѣ. Онъ говоритъ, что для „революціоннаго соціализма“ лишь въ Европѣ имѣется почва, другими словами, что революціонный соціализмъ можетъ быть „дома“ лишь тамъ, гдѣ развитъ капитализмъ и его послѣдствіе — пролетаріатъ. Внѣ европейскихъ формъ экономической жизни „революціонный соціализмъ“ развиваться не можетъ, иного пути, какъ черезъ эти формы,

---

[1]) Ibid. T. IV, стр. 949.

[2]) *Русь*. 1883 г. № 6. Передовая статья. Мысли славянофиловъ по этому вопросу можно суммировать такъ: народничество это непослѣдовательное славянофильство. Оно отъединило славянофильскіе выводы отъ ихъ религіозно-философскихъ корней и потому оно такъ безпомощно. Чтобы быть послѣдовательнымъ, оно должно или возвратиться къ отброшеннымъ имъ *основнымъ* славянофильскимъ идеямъ или отбросить и выводы изъ нихъ и тогда стать на путь, указываемый Марксомъ. Послѣдній стоитъ на точкѣ зрѣнія самаго плоскаго позитивизма, но онъ, по крайней мѣрѣ, послѣдователенъ.

для него нѣтъ, а такъ какъ вся экономическая структура Россіи совершенно иная, чѣмъ въ Европѣ, то нашъ русскій соціализмъ — явленіе безжизненное, наносное съ Запада. Народничество же, исходя изъ тѣхъ же данныхъ о различіи экономической структуры Россіи и Европы, базируя на томъ же общинномъ землевладѣніи крестьянскихъ массъ, вторя славянофиламъ, что путь Россіи „иной", чѣмъ это было въ Европѣ, словомъ, соглашаясь со многими предпосылками славянофильскаго ученія, дѣлало изъ нихъ выводъ какъ разъ обратный: въ Россіи находятся всѣ условія, чтобы путемъ „соціальной революціи" перейти прямо къ соціалистическому строю, минуя эпоху строя капиталистическаго.

Мысль объ „особомъ пути" развитія Россіи была затѣмъ подкрѣплена въ народнической литературѣ и экономическою теоріею о мертворожденности русскаго капитализма. Такое „счастливое" для Россіи явленіе происходило опять-таки отъ того, что она отстала отъ Европы („мы оттого *впереди* Европы, что такъ отстали отъ нея"). На одномъ внутреннемъ рынкѣ Россіи капитализмъ развиваться не можетъ, а внѣшніе уже заняты другими народами, съ которыми намъ конкурировать не подъ силу. Слѣдовательно, и въ силу экономическихъ условій, Россіи предстоитъ миновать капиталистическую фазу развитія. Этимъ былъ подведенъ какъ бы объективный фундаментъ подъ субъективныя настроенія народнической интеллигенціи. Наконецъ, было и еще одно обстоятельство, укрѣплявшее русскихъ народниковъ въ ихъ воззрѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что въ шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху дѣятельности Интернаціонала,—о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже,—не въ Россіи только, а и повсемѣстно въ Европѣ была широко распространена *вѣра* въ близость европейской „соціальной революціи". А разъ это такъ, разъ „соціальная революція" разразится въ Европѣ прежде, чѣмъ разложится въ Россіи община, то она и явится чрезвычайно важнымъ условіемъ при созданіи у насъ новаго строя. Эту возможность не отрицали и сами основатели такъ называемаго „научнаго соціализма". Доживетъ или не доживетъ русская община до „соціальной революціи",—вотъ вопросъ, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, зависѣло въ Россіи очень многое, и съ этой точки зрѣнія для русскихъ соціалистовъ являлись двѣ важныя задачи: содѣйствовать всѣми силами наступленію соціальнаго переворота и сдѣлать исходнымъ его пунктомъ нашу зе-

14084
БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

мельную общину. Все это разлетѣлось, какъ дымъ, но развѣ не то же случилось и въ Европѣ съ вѣрою въ „соціальную революцію“ въ томъ видѣ, въ какомъ революція эта тамъ мыслилась въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ?

Другою кардинальною идеею русскаго активнаго народничества семидесятыхъ годовъ былъ его *анархизмъ*.

Откуда пришла къ русскимъ народникамъ эта идея? Были ли анархистами теоретики народничества? Герценъ? Нѣтъ, хотя нѣкоторый уклонъ въ эту сторону у него и можно найти. Чернышевскій? Нѣтъ. Добролюбовъ? Нѣтъ. Лавровъ? Отвѣтъ, какъ увидимъ ниже, довольно труденъ, но если и да, то анархизмъ Лаврова или, правильнѣе, журнала *Впередъ* былъ лишь переѣвомъ анархизма бакунистовъ. Остается, стало быть, одинъ Бакунинъ. Но самъ Бакунинъ? Откуда явились у него такія идеи?

Тутъ является интересный вопросъ: нѣтъ ли и анархическихъ элементовъ въ томъ направленіи русской мысли, изъ котораго такъ много позаимствовало народничество, т.-е. въ томъ же славянофильствѣ?

Вотъ замѣчательный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ сочиненіяхъ К. С. Аксакова:

Человѣку, какъ общественному лицу и какъ народу, предстоитъ путь внутренней правды, совѣсти, свободы или путь правды внѣшней, закона, неволи. Первый путь есть путь общественный или лучше земскій; второй путь есть путь государственный. Первый путь есть путь истинный, путь вполнѣ достойный человѣка. Все имѣетъ только цѣну во столько, что дѣлается искренно, свободно. Благо народу, который хранитъ вѣру въ такой путь. Здѣсь то и возникаетъ община. Но удержаться на первомъ пути для человѣка трудно. Не всѣхъ можетъ остановить совѣсть, и люди безсовѣстные вносятъ тревогу и смущеніе въ общество человѣческое, оно видитъ, что для тѣхъ, которымъ совѣсти мало, мало суда внутренняго, нуженъ судъ и наказаніе внѣшнее. Человѣкъ прибѣгаетъ къ другому пути. Заманчивъ путь этотъ, гораздо, повидимому, болѣе удобный и простой: внутренній строй переносится во внѣ, свобода, источникъ которой внутри человѣка, понимается только, какъ порядокъ, нарядъ, какъ устройство, институтъ; основныя начала жизни понимаются, какъ правило; совѣсть понимается, какъ законъ. Это путь не внутренней, а внѣшней правды, не совѣсти, а закона. Начало, лежащее въ основѣ такого пути, есть начало неволи, начало, убивающее жизнь и свободу. Прежде всего формула, какая бы то ни было, не можетъ обнять жизни; потомъ, какъ бы ни была она истинна, налагаясь извнѣ, она уничтожаетъ самую главную силу,

силу внутренняго убѣжденія, свободнаго ея признанія. Далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, она усыпляетъ склонный къ нравственной лѣни духъ человѣка, легко и безъ труда успокаивая его исполненіемъ готовыхъ, опредѣленныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности, нравственнаго бодрствованія. Таковъ путь государства. *Какъ бы широко и повидимому либерально ни развивалось государство, хотя бы достигло самыхъ крайнихъ демократическихъ формъ, все-таки оно, государство, есть начало неволи, внѣшняго принужденія* (Здѣсь и далѣе курсивы наши. *В. Б.*); оно есть не свободное воплощеніе въ дѣло внутренняго человѣка; оно есть данная форма, оно есть учрежденіе. Чѣмъ болѣе развито Государство, тѣмъ сильнѣе замѣняетъ учрежденіе внутренній міръ человѣка, тѣмъ глубже и тѣснѣе оно обхватываетъ общество хотя бы повидимому соотвѣтствовало всѣмъ требованіямъ. Путемъ Государства пошла Западная Европа и разработала великолѣпно государственное устройство съ чрезвычайными оттѣнками, доведши его въ Америкѣ до высокой степени либерализма. Но это либеральное Государство *есть все-таки неволя* и чѣмъ шире ложится она на народъ, тѣмъ болѣе захватываетъ она народъ въ себя и *каменитъ его духомъ закона, учрежденія, внѣшняго порядка.* Если либерализмъ государственный дойдетъ до крайнихъ предѣловъ, до того, что каждый человѣкъ будетъ чиновникомъ, квартальнымъ самого себя, *тогда окончательно убьетъ Государство живое начало въ человѣкѣ.* Передовые умы Запада начинаютъ сознавать, что *ложь лежитъ не въ той или другой формѣ Государства, а въ самомъ Государствѣ,—какъ идеѣ, какъ принципѣ;* что надобно говорить не о томъ, какая форма хуже и какая лучше, какая форма истинна, какая ложна, а о томъ, *что Государство, какъ Государство, есть ложь.* Славянскіе народы представляютъ намъ *иное начало, начало общины. Славянскіе народы, русскій народъ по преимуществу, есть народъ безгосударственный.* Исторія застаетъ ихъ въ состояніи общины, слѣдовательно, уже въ высокой степени человѣческаго совершенства, ибо состояніе общины не есть естественное состояніе (такое состояніе былъ бы родовой бытъ, котораго и слѣдовъ исторія у славянъ не находитъ). Состояніе общины есть уже сознательно народное состояніе, есть человѣческая заслуга. Но можно ли обойтись безъ Государства на землѣ при несовершенствѣ человѣческаго рода? Нѣтъ, невозможно. Вся сила заключается въ томъ, какъ относится народъ къ Государству, какъ къ средству или какъ къ цѣли. Что Государство для народа? Въ этомъ-то взглядѣ на Государство заключается существенная разница между міромъ славянскимъ и западнымъ. На Западѣ это принципъ, идеалъ народовъ. Въ славянскомъ мірѣ Государство—неизбѣжная крайность, средство ради несовершенства человѣческаго рода“ [1]).

[1]) Сочиненія *К. Аксакова.* Т. I. Изд. 1889 г. По поводу VII тома исторіи Россіи г. Соловьева. Стр. 242—243.

Эта длинная цитата изъ сочиненій Константина Аксакова кажется намъ чрезвычайно важною для рѣшенія вышепоставленнаго вопроса о корняхъ анархизма въ русскомъ народничествѣ. Аксаковъ рѣшилъ вопросъ о „государственности“ и „анархіи“ въ пользу перваго, но, такъ сказать, скрѣпя сердце, ибо для него государство—не высшая сама себѣ довлѣющая культурная цѣнность, а „неизбѣжная крайность“, „зло“, „неволя“, явленіе такого порядка, который „каменитъ“ духъ народа. Онъ вступаетъ съ нимъ въ компромиссъ, но только компромиссъ. Для него, натуры въ высшей степени цѣльной и глубокой, основное благо — внутренняя свобода человѣка, корни которой лежатъ уже не въ преходящей жизни отдѣльныхъ людей, цѣлыхъ народовъ и даже всего человѣчества, а въ области иной. Входя съ государствомъ, этимъ „началомъ неволи, началомъ, убивающимъ жизнь и свободу“, въ компромиссъ, Аксаковъ оставляетъ все же за собою, за своимъ воззрѣніемъ на государство, очень многое. Онъ стоитъ какъ бы на почвѣ „воздайте кесарево кесарю, а божіе Богу“, хорошо сознавая, что и при такомъ компромиссѣ христіанство все же остается въ основахъ своихъ анархическимъ. Отрицая революціонные пути по отношенію къ „Кесарю“ или, что то же, государству, христіанство признавало не подлежащими контролю *свободный бытъ*, выраженіе того „божьяго“, которое принадлежитъ одному лишь Богу. То былъ какъ бы уходъ изъ государства при пассивномъ исполненіи его требованій. Устрояется же христіанская община, живетъ она по велѣніямъ „Божіимъ“, а не „Кесаревымъ“. Отсюда же и ея безусловное, ничѣмъ не ограниченное право на свободу слова или, какъ говорили славянофилы, „мнѣнія“; отсюда же и извѣстный восторженный гимнъ Аксакова „свободному слову“. Своеобразный „анархизмъ“ Аксакова, какъ имѣющій своимъ основаніемъ глубокіе религіозно-философскіе корни, былъ, конечно, анархизмомъ особаго рода, но если взять положеніе Аксакова *само по себѣ* — „ложь лежитъ не въ той или иной формѣ государства, а въ самомъ государствѣ, какъ идеѣ, какъ принципѣ“,—то спрашивается: развѣ не подписались бы обѣими руками подъ этимъ положеніемъ и М. А. Бакунинъ и П. А. Кропоткинъ?

Но намъ могутъ возразить, что Аксаковъ писалъ эти строки уже въ 1858 году (онѣ первоначально напечатаны въ второмъ томѣ *Русской Бесѣды* за 1858 г.), и слѣдовательно въ такихъ

воззрѣніяхъ на государство онъ вовсе не былъ самобытенъ. Строки эти,—могутъ намъ сказать,—являлись лишь отраженіемъ анархическихъ идей на Западѣ и даже того же Бакунина, уже бывшаго анархистомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Все это можетъ показаться тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что самъ Аксаковъ говоритъ о „передовыхъ умахъ Запада, которые начинаютъ сознавать, что ложь лежитъ не въ той или иной формѣ государства, а въ самомъ государствѣ“, и слѣдовательно онъ самъ лишь констатируетъ фактъ, подмѣченный имъ въ духовной жизни Европы.

Всѣ такія возраженія можно однако, какъ намъ кажется, вполнѣ опровергнуть. *Аксаковъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія еще въ тридцатыхъ годахъ,* — это во-первыхъ, и Бакунину точка зрѣнія Аксакова была уже и тогда извѣстна — это во-вторыхъ. Слѣдующія строки изъ переписки Бакунина съ Герценомъ не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія: „Константинъ Сергѣевичъ,—писалъ Бакунинъ,—вмѣстѣ со своими вышеупомянутыми друзьми (Хомяковымъ и братьями Кирѣевскими. *В. Б.*) былъ уже тогда (въ тридцатыхъ годахъ. Бакунинъ покинулъ Россію въ 1840 г. *В. Б.*) врагомъ петербургскаго государства и *вообще государственности,* и въ этомъ отношеніи *онъ даже опередилъ меня*“ [1]). Ясно, что Аксаковъ въ 1858 г., когда началась „весна“, лишь формулировалъ тѣ свои идеи, высказать которыя печатно въ эпоху Николая Павловича онъ, разумѣется, не имѣлъ возможности.

Самъ Герценъ не остался и въ этомъ отношеніи вполнѣ чуждъ идеямъ Аксакова и его друзей (великолѣпно его описаніе тѣхъ московскихъ литературныхъ салоновъ сороковыхъ годовъ, гдѣ Аксаковъ „свирѣпствовалъ за Москву“ и гдѣ „всѣ помнили Бакунина“), что потомъ въ связи съ нѣкоторымъ вліяніемъ на Герцена Прудона и дало въ его воззрѣніяхъ тотъ уклонъ въ сторону анархизма, о которомъ мы упомянули вскользь выше [2]) и который въ концѣ-концовъ сдѣлалъ изъ Герцена не анархиста, а федералиста [3]); Бакунинъ же, отбросивши всѣ религіозные корни славянофильскаго анархизма, усвоилъ себѣ вполнѣ

[1]) Письма Бакунина къ Герцену и Огареву, стр. 201.

[2]) См. статью „Робертъ Оуэнъ“ въ IX томѣ сочиненій *А. И. Герцена.* Въ ней „уклонъ“, о которомъ мы говоримъ, особенно замѣтенъ.

[3]) См. Статьи Герцена въ *Колоколѣ*: „Отвѣтъ на письмо изъ Польши“, „По поводу статьи „Украйна“, „По поводу письма изъ Вильно“ и другія.

сдѣланный изъ нихъ славянофилами выводъ. Бакунинъ уже въ 1847 г. вѣрилъ въ числѣ другихъ особенностей и въ „безгосударственность“ славянскаго племени. Ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ того Герценъ писалъ Бакунину слѣдующія, проливающія свѣтъ на интересующій насъ здѣсь вопросъ, строки: „помнишь наши долгіе разговоры передъ февральской революціей (курсивъ нашъ), въ которыхъ я, какъ прозекторъ, указывалъ ростъ смерти западнаго старика, а ты съ надеждой и упованіемъ — ростъ едва обличавшейся жизни славянскаго недоросля. Я и въ него не очень вѣрилъ, а вѣрилъ въ одну Россію и ея *соціальные задатки* (курсивъ Герцена). Мы спорили, надъ нами смѣялись“ [1]).

Въ 1867 году Герценъ спорилъ съ Бакунинымъ именно по вопросу объ анархизмѣ („между мнѣніемъ Лассаля,—писалъ тогда Бакунину Герценъ,—и проповѣдью о немшуемомъ *распущеніи государства* въ федерально-коммунальную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія“), и отсюда можно видѣть, въ чемъ именно состояли „надежды и упованія“ Бакунина. То были упованія на безгосударственность,—иначе говоря, анархизмъ—славянскаго племени [2]).

Между тѣмъ *до февральской революціи* Бакунинъ съ славянами еще въ тѣсномъ общеніи не находился. Онъ жилъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Цюрихѣ, Брюсселѣ и, наконецъ, Парижѣ, откуда, какъ разсказываетъ Герценъ, уже послѣ февральской революціи „префектъ съ баррикадъ“ Косидьеръ послалъ неугомоннаго русскаго „съ братской акколадой“ къ славянамъ въ надеждѣ, что „онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ“. Извѣстно, какую роль игралъ затѣмъ Бакунинъ среди славянъ, прежде чѣмъ очутился въ австрійскихъ, прусскихъ и русскихъ казематахъ. Гдѣ же и какимъ образомъ усвоилъ себѣ Бакунинъ анархическое міровоззрѣніе? Прослѣдить шагъ за шагомъ тѣ вліянія, подъ которыми оно сложилось, очень трудно. Бакунинъ, безъ сомнѣнія, зналъ произведеніе Макса Штир-

[1]) „Изъ письма къ Бакунину“, *Колоколъ* 1 іюля 1867 г., №№ 244—245.

[2]) Свои собственныя настроенія конца сороковыхъ годовъ Герценъ передавалъ въ 1867 году не вполнѣ точно. И онъ писалъ тогда (въ 1849 г.) въ письмѣ къ Маццини, что результатомъ побѣдоносной войны Россіи съ Турціей (съ взятіемъ Константинополя), о возможности которой тогда много говорили, „serait le commencement d'une nouvelle Russie, *d'une fédération slave démokratique et sociale*“.

пера „Индивидуумъ и его собственность“, былъ лично хорошо знакомъ съ Прудономъ, но это еще очень мало выясняетъ дѣло. Самъ Бакунинъ не признавалъ, чтобы Прудонъ оказывалъ на него вліяніе, и считалъ вѣрнымъ фактъ обратный [1]). Анархическія идеи были распространены и въ Германіи, но уже, конечно, не онѣ могли внушить Бакунину мысль объ особой воспріимчивости къ такимъ идеямъ славянскаго племени. Эту мысль, хотя тогда еще съ нею несогласный, Бакунинъ вывезъ, по всей видимости, изъ отечества, гдѣ она родилась среди славянофиловъ. Вѣдь въ вышецитированной статьѣ Аксакова говорится, что „славянскіе народы, русскій народъ по преимуществу, есть народъ безгосударственный“, а эта именно идея и сдѣлалась одной изъ основъ „бакунизма“. Каково бы ни было, однако, первоначальное происхожденіе анархизма у самого Бакунина, не подлежитъ уже сомнѣнію, что именно онъ, вырвавшись затѣмъ изъ Сибири, сталъ главнѣйшимъ пропагандистомъ анархизма во всей Европѣ. На почвѣ борьбы за торжество именно этого направленія и началъ Бакунинъ свою извѣстную борьбу въ Международномъ Обществѣ рабочихъ противъ Маркса и его сторонниковъ. Между тѣмъ русскіе эмигранты изъ „молодого поколѣнія“ шестидесятыхъ годовъ стремились почти съ самаго возникновенія Интернаціонала принимать въ немъ дѣятельное участіе. О томъ, чтобы связать Интернаціоналъ съ революціоннымъ движеніемъ въ самой Россіи, заботился еще въ 1865 г. „каракозовецъ“ И. А. Худяковъ. Потомъ нѣсколько русскихъ были и членами интернаціонала. Понять поэтому, откуда появилось среди революціонной молодежи 70-хъ годовъ въ самой Россіи массовое увлеченіе анархизмомъ, невозможно внѣ связи съ исторіей самого Интернаціонала вообще и ролью въ немъ Бакунина въ частности. Это мы въ общихъ чертахъ и сдѣлаемъ въ особой главѣ, посвященной Бакунину. Теперь же скажемъ лишь, что идея революціоннаго анархизма нашла себѣ вполнѣ подготовленную почву не въ условіяхъ жизни народныхъ массъ Россіи, а въ интенсивно революціонномъ настроеніи русской молодежи, создать которое, какъ мы увидимъ ниже, приложили, между прочимъ, заботы и сами русскія власти. Идея революціоннаго анархизма шла отъ Бакунина; положительные идеалы движенія указывалъ, кромѣ Гер-

[1]) *З. К. Ралли.* „М. А. Бакунинъ“, *Минувшіе Годы*, 1908, октябрь, стр. 146.

цена, Чернышевскій. Въ глазахъ ихъ обоихъ община являлась краеугольнымъ камнемъ, на которомъ должно быть воздвигнуто зданіе будущаго, тогда какъ—замѣчательное обстоятельство, о которомъ мы еще будемъ говорить,—Бакунинъ относился къ общинѣ рѣзко отрицательно. Какую позицію заняли въ этомъ вопросѣ „бакунисты“, мы увидимъ ниже, а теперь подведемъ итогъ сказанному: русское активное народничество упиралось идейными корнями своими въ славянофильство, нѣкоторые элементы котораго оказались, быть можетъ, не безъ вліянія и на анархическія воззрѣнія главнѣйшаго вдохновителя движенія русской революціонной молодежи семидесятыхъ годовъ, М. А. Бакунина. Косвенно, но изъ того же источника заимствовали народники и свою *вѣру* въ народъ, что въ связи съ ихъ *вѣрою* въ „соціальную революцію“ и на Западѣ опредѣлило собою ихъ міросозерцаніе и ихъ настроеніе.

* * *

Если бы изъ всей публицистической литературы шестидесятыхъ годовъ намъ предложили указать произведенія, которыя по духу своему наиболѣе соотвѣтствуютъ демократическому *настроенію* активныхъ народниковъ десятилѣтія слѣдующаго, то, кромѣ „Историческихъ писемъ“ П. Л. Лаврова, о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже, мы указали бы на знаменитую статью Н. А. Добролюбова „Что такое Обломовщина“ и статью Н. Г. Чернышевскаго „Русскій человѣкъ на rendez vous“.

И та, и другая статья ставятъ на такъ называемомъ „культурномъ обществѣ“, „верхнихъ“ слояхъ Россіи, полный крестъ и тѣмъ призываютъ обратиться непосредственно къ слоямъ „нижнимъ“. Добролюбовъ писалъ, что „Обломовъ“ сидитъ слишкомъ глубоко въ каждомъ изъ „образованныхъ“ русскихъ людей, и потому вѣрить въ какую бы то ни было активность этихъ людей рѣшительно невозможно.

„Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности,—говорилъ Добролюбовъ,—я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это—Обломовъ.

„Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства,—онъ Обломовъ.

„Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности „тихаго шага“ и т. д., я не сомнѣваюсь, что онъ—Обломовъ.

„Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, на что мы давно надѣялись и желали, я думаю, что все это пишутъ изъ „Обломовки“.

„Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую „Обломовку“.

„Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разлагольствованіи и скажите: „Вы говорите, что не хорошо то-то и то-то; что же нужно дѣлать?“ Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: „Да какъ же это такъ, вдругъ?“ Непремѣнно скажутъ, *потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ* (курсивъ здѣсь и далѣе нашъ). Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: „Что же вы намѣрены дѣлать?“ Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣчалъ Натальѣ: „Что дѣлать? *Разумѣется, покориться судьбѣ.* Что же дѣлать? Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами“ и пр. Больше отъ нихъ *вы ничего не дождетесь,* потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать „Обломовщины“ [1]).

Не только такимъ же точно образомъ, но почти тѣми же самыми словами характеризовалъ русское „культурное общество“ и Чернышевскій въ статьѣ „Русскій человѣкъ на rendez vous“. Поводомъ для нея послужило появленіе въ 1858 г. въ *Современникѣ* повѣсти Тургенева „Ася“. Статья Чернышевскаго напечатана въ іюньской книжкѣ журнала *Атеней* за тотъ же годъ и носитъ, кромѣ указаннаго названія, еще и подзаголовокъ: „Размышленіе по поводу повѣсти г. Тургенева Ася“. Показавъ, что герой этой повѣсти (русскій Ромео, какъ назвалъ его Чернышевскій) находится въ близкомъ родствѣ съ героями некрасовской поэмы „Саша“, герценовскаго романа „Кто виноватъ“ (Бельтовымъ) и многими другими, Чернышевскій писалъ:

---

[1]) Сочиненія *Н. А. Добролюбова,* т. II, стр. 520—521.

Повсюду, каковъ бы ни былъ характеръ поэта, каковы бы ни были его личныя понятія о поступкахъ своего героя, герой дѣйствуетъ одинаково со всѣми порядочными людьми, подобно ему выведенными другими у другихъ поэтовъ; пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло прямо къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желанія, и большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое-какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятіе объ ихъ мысляхъ; но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія и сказать: „вы хотите того-то и того-то. Мы очень рады. *Начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ*“. При такой репликѣ, одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что... „какъ же можно такъ скоро“ и „притомъ же они честные люди“ и не только честные, но и очень смирные и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ и что, вообще, развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится *отъ нечего дѣлать* и что лучше всего—*ни за что не приниматься*, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами и хорошаго ничего пока не можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они никакъ не желали и не ожидали и пр. и пр.

Обращаясь собственно къ „Асѣ“ и указавъ на „поразительную недогадливость Ромео“, Чернышевскій продолжаетъ такъ:

При видѣ такой нелѣпой неспособности понимать вещи, намъ можетъ показаться, что передъ нами или дитя, или идіотъ. Ни то, ни другое. Нашъ Ромео человѣкъ очень умный, имѣющій подъ тридцать лѣтъ, очень много испытавшій въ жизни, богатый запасомъ наблюденій надъ самимъ собою и другими. Откуда же его невѣроятная недогадливость? Въ ней виноваты два обстоятельства, изъ которыхъ, впрочемъ, одно проистекаетъ изъ другого, такъ что сводится къ одному. Онъ не привыкъ понимать ничего великаго и живого, потому что слишкомъ мелка и бездушна была его жизнь; мелки и бездушны были всѣ отношенія и дѣла, къ которымъ онъ привыкъ. Это—первое. Второе,—онъ робѣетъ, онъ безсильно отступаетъ отъ всего, на что нужна широкая рѣшимость и благородный рискъ, опять-таки потому, что жизнь пріучила его только къ блѣдной мелочности во всемъ. Онъ похожъ на человѣка, который всю жизнь игралъ въ ералашъ по половинѣ копѣйки серебромъ; посадите этого искуснаго игрока за партію, въ который выигрышъ или проигрышъ не гривны, а тысячи рублей,

и вы увидите, что онъ совершенно переконфузится, что пропадетъ вся его опытность, спутается все его искусство: онъ будетъ дѣлать самые нелѣпые ходы, быть можетъ не сумѣетъ и картъ держать въ рукахъ. Онъ похожъ на моряка, который всю жизнь дѣлалъ рейсы изъ Кронштадта въ Петербургъ и очень ловко умѣлъ проводить свой маленькій пароходъ по указанію между безчисленными мелями въ полупрѣсной водѣ. Что, если этотъ опытный пловецъ по стакану воды увидитъ себя въ океанѣ? [1]).

Не настроеніе героевъ романа „Что дѣлать“, какъ ни крупно было въ свое время вліяніе этого романа, передалось семидесятымъ годамъ, а именно настроеніе такихъ статей, какъ „Что такое Обломовщина“ и „Русскій человѣкъ на rendez vous“.

Если все русское „культурное общество“ состоитъ лишь изъ подобныхъ Ромео и Обломовыхъ, игроковъ въ „ералашъ по половинѣ копѣйки серебромъ“, да моряковъ, умѣющихъ плавать только въ „стаканѣ воды“; если на всякій *призывъ ко всякому живому дѣлу*, на всякій вопросъ, „что же они намѣрены дѣлать“, вопрошающій получитъ лишь отвѣтъ—„*разумѣется—покориться судьбѣ и больше отъ нихъ ничего не дождетесь*“, потому что „Обломовы иначе отвѣчать не могутъ“; если все это такъ, а жизнь страны во всемъ ея цѣломъ властно требуетъ не словъ, а именно *живого дѣла*, то выходъ изъ положенія тѣмъ самымъ уже и намѣчается вполнѣ опредѣленнымъ образомъ. Этотъ выходъ и выразится потомъ въ словахъ,—„отречемся отъ стараго міра, отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ“; къ нему именно, къ этому выходу, и была направлена вся дѣятельность обоихъ „властителей думъ“ „молодого поколѣнія“ шестидесятыхъ годовъ.

Если къ тѣмъ идейнымъ вліяніямъ на „молодое поколѣніе“, о которыхъ мы говорили выше, присоединить и вліяніе глубоко демократическаго *настроенія*, какими была запечатлѣна литературная дѣятельность Чернышевскаго и Добролюбова, то, намъ кажется, что уже будутъ даны основные штрихи интеллектуальной и моральной физіономіи будущаго активнаго народника семидесятыхъ годовъ. Уже создавалось опредѣленное народническое *направленіе*. Это констатировалъ и самъ Чернышевскій, при чемъ онъ считалъ главою такого направленія не себя, а именно Добролюбова.

---

[1]) *Атеней*. Май—іюнь. 1858 г. стр. 71 и 81—82.

Въ открытомъ письмѣ къ Зарину, онъ писалъ такія строки: „Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, чтобы не считать Добролюбова *первымъ человѣкомъ* въ своемъ кругу. Но вы можетъ быть не повѣрите моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мною".

Приводя эти случаи, при одномъ изъ которыхъ упомянулъ про извѣстную, обращенную къ нему фразу Тургенева—„вы простая змѣя, а Добролюбовъ очковая", Чернышевскій продолжаетъ такъ:

„Вы можете видѣть отсюда, что Добролюбовъ давно уже считался самымъ полнымъ представителемъ *того направленія*, которое далеко не съ такою опредѣленностью и силою выражалось во мнѣ" [1]).

Что же это было за направленіе?

Да, именно, то направленіе, которое приглашало повернуться спиною къ „образованному обществу", признать безповоротно положеніе не только „tout pour le peuple",—съ этимъ соглашались и другія направленія,—но и „tout par le peuple", начавши и *дѣйствовать* согласно такому положенію *не только въ литературѣ, но и въ самой жизни*, что было другимъ направленіямъ совершенно чуждо [2]).

Правъ ли былъ Чернышевскій, ставя Добролюбова выше себя или нѣтъ,—мы думаемъ, что, конечно, нѣтъ,—это другой вопросъ, но несомнѣнно, что Чернышевскій не ошибался, когда видѣлъ въ Добролюбовѣ столь рѣдкій тогда еще въ Россіи типъ *дѣйственной* натуры. Этой дѣйственностью и стремленіемъ передать ее, вмѣстѣ съ любовью къ народу, читателю была

---

[1]) „Въ изъявленіе признательности". Письмо къ З-ну. *Современникъ*. 1862 г. февраль, стр. 393—394. Эта же статья была перепечатана затѣмъ въ изданныхъ М. Н. Чернышевскимъ „Замѣткахъ о современной литературѣ", стр. 440—441.

[2]) Характеризуя Добролюбова, извѣстный П. А. Бибиковъ писалъ: „при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ жило русское общество въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, увлечься было легко, но много надо было смѣлости и здраваго смысла, чтобы усомниться во всеобщемъ увлеченіи и еще больше, чтобы громко высказать свое мнѣніе. Горе было человѣку, у котораго достало яснаго пониманія и твердой рѣшимости сказать обществу, что оно топчется на одномъ мѣстѣ и ни на шагъ не ступаетъ изъ болота, въ которое втянула его судьба, когда оно было въ полной увѣренности, что корабль тронулся да еще и пошелъ полнымъ ходомъ. За это и поднялись на него люди *всѣхъ партій и оттѣнковъ*" (*Бибиковъ*—„О литературной дѣятельности Добролюбова", Спб. 1862 г., стр. 58).

запечатлѣна вся литературная дѣятельность Добролюбова. „Любовь къ народу и сочувствіе къ нему,—говоритъ В. А. Зайцевъ,—были у Добролюбова не пустымъ звукомъ, какъ у поклонниковъ принципа и не мистическимъ отвлеченіемъ, какъ у платоническихъ любовниковъ народа, а *живымъ* и *дѣятельнымъ чувствомъ*“. [1]) Преломляясь именно черезъ это „живое и дѣятельное чувство“ и выливались изъ подъ пера Добролюбова такія, напримѣръ, строки:

„Въ народѣ,—писалъ Добролюбовъ,—слѣдуетъ строго различать послѣдствія внѣшняго гнета отъ его внутреннихъ и естественныхъ стремленій, которыя совсѣмъ не заглохли, какъ многіе думаютъ“. Отсюда такой выводъ: „Кто серьезно проникается этой мыслью, тотъ почувствуетъ болѣе довѣрія къ народу, болѣе охоты сблизиться съ нимъ... Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и надеждою на его доброе расположеніе, *можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія, свѣжія силы*“.

Яснѣе при цензурныхъ условіяхъ уже невозможно было и выразить желанную мысль и потому Добролюбовъ сводитъ рѣчь на задачи литературы. Но и здѣсь онъ остается, разумѣется, вполнѣ вѣренъ той же идеѣ.

„Неужели же такъ и суждено нашей литературѣ,—восклицаетъ онъ,—навсегда остаться въ узенькой сферѣ пошленькаго общества, волнуемаго карточными страстишками, любовью къ звѣздамъ и боязнью пожелать чего-нибудь страстно и твердо. Неужели только эта грошевая „образованность“, дѣлающая изъ человѣка ученаго попугая и подставляющая ему, вмѣсто живыхъ требованій природы, рутинныя сентенціи отжившихъ авторитетовъ всякаго рода,—неужели она только будетъ красоваться передъ нами въ лучшихъ произведеніяхъ нашей литературы, занимать собою нашихъ талантливыхъ публицистовъ, критиковъ, поэтовъ. Не пора ли уже намъ отъ этихъ тощихъ и чахлыхъ выводковъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ свѣжимъ, здоровымъ росткамъ народной жизни, помочь ихъ правильному, успѣшному росту и цвѣту, предохранить отъ порчи ихъ прекрасные и обильные плоды. *События зовутъ насъ къ этому, говоръ народной жизни доходитъ до насъ* и мы

---

[1]) *В. А. Зайцевъ.* „Бѣлинскій и Добролюбовъ“. *Русское Слово.* 1864 г. февраль стр. 66.

не должны пренебрегать никакимъ случаемъ прислушаться къ этому говору“ [1]).

Если мы вспомнимъ, что это писалъ „отчаянный соціалистъ“, какимъ именемъ Добролюбовъ самъ называетъ себя въ своемъ дневникѣ [2]), то станетъ совершенно ясно, какой смыслъ вкладывалъ онъ въ свой призывъ „дѣйствовать на народъ прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло его крѣпкія, свѣжія силы“. А это и была именно та задача, которую взяли на себя активные народники семидесятыхъ годовъ.

Но кто же долженъ былъ, по мнѣнію Добролюбова, взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ? За освобожденіе Болгаріи отъ деспотическаго ига турокъ взялись такіе люди, какъ Инсаровъ, явившійся главнымъ героемъ романа Тургенева „Наканунѣ“. А за освобожденіе Россіи—кто возьмется? И, вотъ, разбирая этотъ романъ въ статьѣ „Когда же придетъ настоящій день“, Добролюбовъ писалъ:

„Отъ этой (нашей, отечественной) среды, отъ ея пошлости и мелочности должны освободить насъ *новые люди*, которыхъ появленіе *такъ нетерпѣливо и страстно жаждетъ все лучшее въ нашемъ обществѣ*... Не долго намъ ждать его (образа русскаго Инсарова, т.-е. русскаго революціонера. *В. Б.*). За это ручается то лихорадочное, мучительное нетерпѣніе, съ которымъ мы ожидаемъ его появленія... Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И во всякомъ случаѣ канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня. Всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ“ [3]).

Итакъ, вотъ кто призванъ дѣйствовать на народъ „прямо и непосредственно“,—„новые люди“. Ясно, что дѣятелями русской драмы будутъ во-первыхъ, самъ народъ и во-вторыхъ, революціонная интеллигенція. Это опять тѣ самыя идеи, которыя одушевляли активныхъ народниковъ семидесятыхъ годовъ.

---

[1]) „Черты для характеристики русскаго простонародья“. Сочиненія *Н. А. Добролюбова*, т. III, стр. 442—443.

[2]) См. въ дневникѣ Добролюбова за 1857 годъ въ Юбилейномъ Сборникѣ Литературнаго Фонда, стр. 310.

[3]) Сочиненія *Н. А. Добролюбова*, т. III, стр. 321 и слѣд. Въ свою очередь Д. И. Писаревъ почти во всемъ, какъ мы увидимъ ниже, расходившійся съ Добролюбовымъ, отзывался еще въ томъ же 1861 году объ Инсаровѣ, какъ о „недѣпой, безжизненной, картонной куклѣ“. См. боевую статью Писарева „Посмотримъ“. Сочиненія т. V. Изданіе Павленкова. 1894 г. стр. 154.

Смыслъ проповѣди Добролюбова состоялъ именно въ призывѣ „новыхъ людей“ къ активной дѣятельности для воплощенія въ общественныхъ формахъ соціалистическаго идеала и воздѣйствія для этой цѣли на народъ „прямо и непосредственно“. Это намъ чрезвычайно важно замѣтить, ибо такая проповѣдь пришла вскорѣ въ рѣзкое противорѣчіе съ обращенной къ тому же „молодому поколѣнію“ проповѣдью другого замѣчательнаго писателя шестидесятыхъ годовъ—Д. И. Писарева. Его направленіе было направленію Добролюбова діаметрально противоположно. Вѣрившій въ наличность въ народныхъ массахъ „крѣпкихъ и живыхъ силъ“, Добролюбовъ призывалъ къ активной дѣятельности *въ народѣ*; проповѣдь Писарева рѣшительно отрицала такую дѣятельность и призывала сосредоточить все вниманіе на *развитіи личности* и накопленіи не „въ народѣ“, а именно въ культурномъ обществѣ „мыслящихъ реалистовъ“. Полное различіе своихъ взглядовъ съ взглядами Добролюбова самымъ опредѣленнымъ образомъ высказалъ самъ Писаревъ въ такихъ словахъ: „если бы Бѣлинскій и Добролюбовъ,—писалъ Писаревъ,—поговорили между собою съ глаза на глазъ съ полною откровенностью, то они разошлись бы между собою на очень многихъ пунктахъ; еслибы мы поговорили такимъ же образомъ съ Добролюбовымъ, то *мы не сошлись бы съ нимъ почти ни на одномъ пунктѣ*“. (курсивъ нашъ) [1]). Это обстоятельство для пониманія вліяній, подъ которыми складывалось міросозерцаніе слѣдующаго поколѣнія, имѣетъ важное значеніе. Мы увидимъ ниже, что главная идея оказавшихъ такое безспорное и непосредственное вліяніе на народниковъ семидесятыхъ годовъ знаменитыхъ „Историческихъ писемъ“ П. Л. Лаврова состояла въ попыткѣ синтеза проповѣди Добролюбова и Писарева. Поэтому на идеяхъ послѣдняго намъ необходимо здѣсь также нѣсколько остановиться.

Въ одной изъ первыхъ своихъ статей („Схоластика XIX вѣка“) юноша Писаревъ опредѣлялъ съ большимъ сочувствіемъ программу дѣятельности „нигилистовъ“ въ такихъ словахъ: „что можно разбить, то и нужно разбивать, что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится въ дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо, бей налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть“. Въ такихъ словахъ можно видѣть, пожа-

[1]) Собраніе сочиненій *Д. И. Писарева* т. IV, стр. 123.

луй, отраженіе бакунинскаго „страсть къ разрушенію—страсть творческая“,—они и заняли свое мѣсто въ міровоззрѣніи „бакунистической“ интеллигенціи,—но самъ Писаревъ, этотъ „свирѣпый отрицатель“ всего и вся, сдѣлался вскорѣ проповѣдникомъ такой программы практическаго поведенія, которая по *умѣренности* своей, именно умѣренности—мы сейчасъ это докажемъ,—стала не только не революціонной, но и относящейся прямо отрицательно ко всякому стремленію интеллигенціи сколько-нибудь сблизиться съ „народомъ“.

Мы уже приводили слова Писарева, что если бы онъ поговорилъ наединѣ вполнѣ откровенно съ Добролюбовымъ, то оказалось бы, что они не согласны „почти ни на одномъ пунктѣ“. Что это значитъ? Да то и значитъ, что Добролюбовъ (какъ и Чернышевскій), сталъ бы говорить ему о „коренныхъ началахъ“ русскаго народнаго быта и прочихъ китахъ, а Писаревъ приравнялъ бы такую вѣру къ вѣрѣ народа въ то, что и самый міръ на китахъ стоитъ. Добролюбовъ сказалъ бы ему словами Чернышевскаго, что славянофилы заблуждающіеся люди, но въ ученіи ихъ есть элементы „здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія“. Писаревъ безъ малѣйшей оговорки назвалъ бы всѣхъ славянофиловъ „Донъ-Кихотами“. Добролюбовъ сказалъ бы, что на культурные классы общества надо махнуть рукой и обратиться къ народу, дабы, дѣйствуя на него „прямо и непосредственно, вызвать на живое дѣло его крѣпкія и живыя силы“, Писаревъ отвѣтилъ бы, что „надо дѣйствовать исключительно на образованные классы общества“, при чемъ дѣйствовать постепенно, накопляя въ обществѣ путемъ такихъ, исключительно культурнаго, а отнюдь не агитаціоннаго, характера, дѣйствій большее и большее количество „мыслящихъ реалистовъ“. Расхожденіе оказалось бы столь глубокимъ, что при прямолинейности и нетерпимости обоихъ собесѣдниковъ, имъ скоро дѣйствительно и разговаривать стало бы не о чемъ...

Въ статьѣ „Мотивы русской драмы“ Писаревъ прямо указываетъ способы, какими „мыслящій реалистъ“ долженъ воздѣйствовать на общественную среду и создавать новыхъ работниковъ. Извѣстно, съ какою глубокою симпатіей отнесся Добролюбовъ къ Катеринѣ, выведенной Островскимъ въ его „Грозѣ“. Онъ назвалъ ее „лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ“. Писаревъ съ этимъ радикально не согласенъ и чертитъ тутъ же для мыслящей и протестующей противъ гнетущихъ условій рус-

ской жизни личности такой рецептъ: „умная и развитая личность, сама того не замѣчая,—пишетъ онъ,—дѣйствуетъ на все, что съ ней соприкасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость,—все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины. Если эта личность дастъ обществу *двухъ-трехъ работниковъ*, если она внушитъ *двумъ-тремъ старикамъ* невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и проклинали, то неужели эта личность ничего не сдѣлала для перехода къ лучшимъ днямъ? *Такъ вотъ, какіе бываютъ „лучи свѣта“—не Катерины чета*“.

Такова была практическая программа дѣятельности этого напрадикальнѣйшаго отрицателя всѣхъ безъ исключенія устоевъ въ области *теоріи*, въ области *мысли*. Оттого то онъ и взялъ Базарова подъ свою страстную защиту отъ нападокъ на него, исходившихъ изъ *Современника*[1]).

Уже въ чисто программной статьѣ „Реалисты“ Писаревъ писалъ, что *вся* ихъ (реалистовъ) радости и надежды, *весь смыслъ* и *все* содержаніе ихъ жизни пока исчерпывается тремя словами: *любовь, знаніе и трудъ* (курсивъ Писарева) [2]).

Дальше въ „умѣренности“ идти уже было некуда...

Позволимъ себѣ привести для доказательства безусловной справедливости нашего взгляда на „умѣренность“ Писарева еще нѣсколько цитатъ изъ той же „программной“ статьи „Реалисты“: въ ней Писаревъ пишетъ, что конечная цѣль всего нашего мышленія, всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка все-таки состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ и что „внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать“. Но это „конечная цѣль“, общій принципъ, за которымъ тутъ же возникаетъ вопросъ, какъ же намъ подойти къ его осуществленію въ жизни? На это Писаревъ отвѣчаетъ такъ: „реалистъ—мыслящій работникъ, съ любовью занимающійся своимъ трудомъ. Изъ этого опредѣленія читатель видитъ ясно, что реалистами могутъ быть *только пред-*

[1]) Читатель припомнитъ, какъ Базаровъ въ спорѣ съ „дядюшкой“ Кирсановымъ высказался вполнѣ отрицательно объ общинѣ и другихъ устояхъ русской народной жизни. *Современникъ*, конечно, не могъ отнестись сочувственно къ такому типу, какъ Базаровъ. Писаревъ же взялъ его всецѣло подъ свою защиту.

[2]) Собраніе сочиненій *Д. И. Писарева* т. IV, стр. 146.

ставители умственнаго труда". Представители труда физическаго во всемъ мірѣ въ настоящее время „составляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало и не принимаетъ до сихъ поръ никакой опредѣленной формы. Это—туманное пятно, изъ котораго вырабатываются новые міры, но о которомъ до сихъ поръ *рѣшительно нечего говорить*... Что же намъ дѣлать съ этими подвалами? Покуда приходится *оставить ихъ въ покоѣ* и обратиться къ явленіямъ умственнаго труда, который только въ томъ случаѣ можетъ считаться позволительнымъ и полезнымъ, когда, прямо или косвенно, клонится къ созданію новыхъ міровъ изъ первобытнаго тумана, наполняющаго грязные подвалы". Ну, хорошо,—но все-таки конкретно—конкретно, что же намъ дѣлать,—спрашиваемъ мы Писарева, и онъ отвѣчаетъ намъ такъ: „пусть каждый человѣкъ, способный мыслить и желающій служить обществу, дѣйствуетъ собственнымъ примѣромъ и своимъ непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ же самомъ кружкѣ, въ которомъ онъ живетъ постоянно и на тѣхъ самыхъ людей, съ которыми онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ... Такая дѣятельность по своей наружной мизерности не возбуждаетъ противъ себя филистерскихъ стенаній, а подъ конецъ и окажется, что младшіе дѣти самыхъ заклятыхъ филистеровъ сдѣлались реалистами и прогрессистами"... Ну, напримѣръ, въ области отношеній между капиталистами и рабочими,—въ чемъ должна состоять наша роль? „У капиталиста есть умъ и богатство, отвѣчаетъ Писаревъ.—Эти два преимущества упрочиваютъ за нимъ господство надъ трудомъ, *но господство это, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть вредно или полезно для народа*. Если вы дадите этому капиталисту кое-какое смутное полуобразованіе, онъ сдѣлается пьявкой. А дайте ему полное, прочное, чисто человѣческое образованіе и тотъ же самый капиталистъ сдѣлается не благодѣтельнымъ филантропомъ, а мыслящимъ и расчетливымъ руководителемъ народнаго труда, который во сто разъ полезнѣе всякаго филантропа... Разбудить общественное мнѣніе и формировать мыслящихъ руководителей народнаго труда—значитъ открыть трудящемуся большинству путь къ широкому и плодотворному умственному развитію. А чтобы выполнить эти двѣ задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность народа, *надо дѣйствовать исключи-*

тельно на образованные классы общества". Даже на чисто культурную дѣятельность въ народныхъ массахъ Писаревъ смотрѣлъ такъ: „Судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ. Распространеніе грамотности, конечно, *ничему не мѣшаетъ*, но жаль, если на этотъ трудъ употребляются такія силы, которыя могли бы дѣйствовать въ высшихъ сферахъ жизни и въ болѣе обширномъ кругу" [1]).

Читатель теперь, вѣроятно, согласится съ нами, что этотъ ужаснѣйшій реалистъ и „отрицатель" былъ чистой воды идеалистомъ и человѣкомъ, проповѣдывавшимъ самую *умѣренную* программу дѣятельности, которую когда либо создавала русская интеллигенція.

Невѣріе Писарева въ русскихъ экономическихъ „китовъ" не имѣло никакого вліянія на „семидесятые годы" и въ этомъ отношеніи онъ не оставилъ послѣ себя никакого слѣда. Но вліяніе его въ другихъ областяхъ мысли и жизни несомнѣнно. Его страстная защита *самостоятельной личности* и въ частности личности женщины, его борьба за право женщины на ученіе и равноправно-товарищескія отношенія къ мужчинѣ (вспомните, напримѣръ, его статью „Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ")—все это было полностью воспринято русской передовой интеллигенціей и уже въ шестидесятыхъ годахъ мы видимъ начавшееся широкое движеніе женщинъ къ образованію, а затѣмъ и ихъ участіе наряду съ мужчинами въ освободительной борьбѣ. Уже въ процессѣ „нечаевцевъ" мы встрѣчаемъ первую русскую женщину А. Д. Дементьеву-Ткачеву, произносящую на судѣ смѣлую рѣчь, а потомъ рѣдко уже и былъ сколько-нибудь значительный политическій процессъ, въ которомъ въ числѣ подсудимыхъ не фигурировали бы и русскія женщины.

Въ этихъ „сотахъ" несомнѣнно была не капля, а много-много „капель меду" отъ проповѣди Писарева. Женщины семидесятыхъ годовъ не приняли тотъ практическій рецептъ, который рекомендовалъ имъ, какъ и мужчинамъ, Писаревъ—онѣ стали пролагать себѣ въ русской жизни иной путь, но *первоначальный* толчекъ къ самостоятельной *мысли* многимъ и многимъ изъ нихъ далъ именно Писаревъ... Не даромъ же составляли его сочиненія необходимую принадлежность каждой

[1]) Ibid., стр. 68—69 и 130—132.

„нелегальной“ гимназической библіотеки, каждаго „кружка самообразованія“... Писаревъ оказалъ огромное вліяніе на пробужденіе среди его читателей *критической мысли* и въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Кромѣ того онъ былъ прямо блестящимъ популяризаторомъ науки, предъ которой онъ преклонялся и которую призывалъ принимать „бочками сороковыми“.

Добролюбовъ и Писаревъ, повторяемъ, рекомендовали „молодому поколѣнію“ рецепты взаимоисключающіе. Отвернитесь отъ такъ называемаго „культурнаго общества“ и дѣйствуйте въ народѣ,—говорилъ Добролюбовъ. Оставайтесь въ „обществѣ“,—въ народѣ вамъ дѣлать нечего,—нечего даже въ смыслѣ культурной работы, ибо „судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ“,—проповѣдывалъ Писаревъ. Добролюбовъ противопоставлялъ „тощіе и чахлые выводки неудавшейся цивилизаціи“ „здоровымъ росткамъ народной жизни“; Писаревъ говорилъ въ той же знаменитой программной статьѣ „Реалисты“, что „есть въ человѣчествѣ только *одно* зло—невѣжество; противъ этого зла есть только одно лѣкарство—наука; но это лѣкарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а ведрами и сороковыми бочками“. [1]) Бросая въ статьѣ „Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы“ взглядъ на прошлое народа русскаго, Добролюбовъ обрисовывалъ нарождавшійся типъ (этотъ типъ назвалъ впослѣдствіи Михайловскій „кающимся дворяниномъ“), который „долженъ почувствовать *стыдъ, горькій стыдъ* при видѣ самоотверженнаго, безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ“ и тѣмъ призывалъ этотъ типъ къ уплатѣ долга народу; Писаревъ полагалъ, что этотъ долгъ будетъ уплаченъ, если мыслящій реалистъ, работая неустанно надъ собою, направитъ свою дѣятельность и на созданіе въ средѣ самихъ капиталистовъ „мыслящихъ и расчетливыхъ руководителей народнаго труда“... Въ разсказѣ Чернышевскаго „Прологъ пролога“ Левицкій, т.-е. тотъ же Добролюбовъ говоритъ: „если нечѣмъ пробить стѣну душной тюрьмы, буду биться въ нее лбомъ,—пусть она не пошатнется, такъ хоть онъ разобьется—все таки я въ выигрышѣ“... На такое разсужденіе Писаревъ только пожалъ бы плечами... Онъ сказалъ бы, что это доказываетъ лишь непониманіе значенія жизни, какъ самодовлѣющей цѣнности.

---

[1]) Ibid. стр. 128.

Итакъ, центромъ проповѣди Писарева была *личность* и ея развитіе, *научное* развитіе.

Добролюбовъ требовалъ отъ личности *непосредственной дѣятельности* на народъ и въ народѣ. [1]).

Но съ какого, однако, момента сама личность вправѣ считать себя настолько подготовленной, чтобы отдаться такого рода дѣятельности?

Это тотъ вопросъ, о которомъ въ семидесятыхъ годахъ будутъ страстно спорить „бакунисты“ и „лавристы“. Объ этомъ спорѣ рѣчь еще впереди.

* * *

Таково было сильное, нашедшее себѣ главное выраженіе въ публицистикѣ, *умственное* движеніе въ концѣ пятидесятыхъ и первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Но въ какомъ состояніи находилось тогда движеніе *общественно-политическое*?

[1]) Не останавливаясь болѣе подробно на расхожденіи двухъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ шестидесятыхъ годовъ по многимъ вопросамъ и на ихъ вліяніи на поколѣніе активныхъ народниковъ, отмѣтимъ еще только взгляды Писарева на искусство, взгляды, перешедшіе и въ десятилѣтіе слѣдующее. Въ своей безудержной прямолинейности Писаревъ здѣсь дошелъ до того, что въ напечатанныхъ имъ, печальной памяти, статьяхъ о Пушкинѣ, подобно Дантесу, говоря словами Лермонтова, „не могъ понять... *на что* онъ руку подымалъ“!... И ему вѣрили, до такой степени вѣрили, что „отрицаніе эстетики“ сдѣлалось какъ бы необходимымъ атрибутомъ всякаго порядочнаго „мыслящаго реалиста“. Въ своей литературной дѣятельности Добролюбовъ являлся также отнюдь не литературнымъ критикомъ, а лишь публицистомъ. Откуда у него происходило это,—изъ принципіальнаго ли отрицанія „эстетики“ или отъ другихъ причинъ? Существуетъ основаніе рѣшить этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. Добролюбовъ поступалъ такъ по соображеніямъ „текущаго момента“.

Г-жа Островская, у отца которой часто бывалъ Добролюбовъ, разсказываетъ, что однажды ея отецъ спросилъ знаменитаго публициста, какъ ему нравится „Наканунѣ“, т.-е. то самое произведеніе, изъ-за отзыва о которомъ вышелъ разрывъ Тургенева съ *Современникомъ*.

— Прелесть,—отвѣчалъ Добролюбовъ съ непривычнымъ восторгомъ.

— Хорошо-то, хорошо, только герой не совсѣмъ ясенъ.

— Не было у него передъ глазами молодежи для такихъ людей. Но зато новая, свѣжая мысль! И дѣвушка эта,—какъ хороша! И какъ умно, что онъ не воротилъ ее въ Россію послѣ смерти мужа.

Никогда не видала я Добролюбовымъ такимъ: у него лицо стало добрѣе и голосъ звучалъ иначе...

Когда же въ другой разъ зашла рѣчь о повѣсти Тургенева „Первая любовь“, то Добролюбовъ признавалъ всѣ ея художественныя красоты, на-

Говоря о томъ времени, П. Л. Лавровъ писалъ:

„Въ Россіи все яснѣе становился расколъ между либеральными группами тѣхъ, которые продолжали ждать отъ правительственныхъ реформъ блага для Россіи, и тѣхъ, которые видѣли возможность чего-либо лучшаго лишь въ энергичномъ давленіи общества на правительство или даже въ рѣшительномъ революціонномъ вмѣшательствѣ русской интеллигенціи для измѣненія политическаго строя, неспособнаго къ какому либо добру для народа, хотя способнаго допустить разростаніе этого зла. Но и между послѣдними тѣ, для которыхъ политическая свобода по типу Тьера, Кавура, или Пальмерстона составляла крайнюю мечту политическаго идеала для Россіи, начинали враждовать съ тѣми, которые понимали, что эти внѣшнія свободы могли получить содержаніе для массъ лишь

стаивалъ на томъ, что теперь *не время ими заниматься*. (*Н. Островская.*— Мои воспоминанія о Н. А. Добролюбовѣ. *Волжскій Вѣстникъ* 17 ноября 1893 г. № 295).

Совсѣмъ другое Писаревъ. Онъ ввелъ „отрицаніе эстетики", какъ принципъ и договаривался по этому поводу до прямо невѣроятныхъ нелѣпостей.

Вотъ образчикъ его сужденій:

„Любопытно замѣтить, что самъ Добролюбовъ заплатилъ дань эстетикѣ. Защищая какой-то характеръ, кажется, Катерины, онъ говорилъ, что его могутъ извратить и опошлить въ своемъ пониманіи только тѣ грязные люди, которые на какую нибудь Венеру Милосскую смотрятъ съ пріапической улыбкой и съ низкими чувственными помышленіями. Я совершенно согласенъ съ Добролюбовымъ, что скалить зубы передъ мраморной статуей— занятіе очень глупое, безплодное и неблагодарное; но, наперекоръ всѣмъ художникамъ и эстетикамъ въ мірѣ, я осмѣливаюсь утверждать, что всѣ экстазы самыхъ просвѣщенныхъ и рафинированныхъ поклонниковъ древней скульптуры, въ сущности, ничѣмъ не отличаются отъ пріапическихъ улыбокъ и чувственныхъ поползновеній. Послѣднія только проще, непосредственнѣе и откровеннѣе, вслѣдствіе чего и нелѣпость послѣднихъ обрисовывается гораздо рѣзче. Именно эта очевидная нелѣпость дѣлаетъ ихъ менѣе вредными сравнительно съ утонченными восторгами... Два класса людей,—*эстетики и художники только этимъ и занимаются* и при этомъ они находятъ, *что дѣлаютъ дѣло*... (Сочиненія *Писарева* т. IV стр. 42). Таковы на ряду съ несомнѣнно положительными сторонами проповѣди Писарева (главнымъ образомъ его горячая проповѣдь о необходимости накопленія въ нашемъ обществѣ *знаній*) стороны въ ней отрицательныя, чтобы не сказать дикія.

Писаревское терроризированіе всей художественной литературы, какъ таковой и требованіе отъ нея лишь „пользы" и пропаганды реалистическихъ *идей*, сказалось очень ясно и на „критикѣ" конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести по-

при экономической эмансипаціи послѣднихъ отъ новаго рабства, наложеннаго капиталомъ на пролетаріатъ, и стремились предотвратить для Россіи печальный періодъ капиталистической эксплоатаціи“ [1]).

Это значитъ: явились группы и кружки болѣе или менѣе революціонно настроенные, среди которыхъ были и требовавшіе „рѣшительнаго революціоннаго вмѣшательства русской интеллигенціи для измѣненія политическаго строя“ (П. Л. Лавровъ, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду группу, издавшую три листка *Великоросса* [2]) и отчасти авторовъ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“), были и такіе, которые считали, что „эти внѣшнія свободы могли получить содержаніе для массъ лишь

мѣщенные въ книгѣ біографа Л. Н. Толстого отзывы А. М. Скабичевскаго, Н. Н. Ткачева и нѣкоего Неволина о романахъ Толстого.

Объ „Аннѣ Карениной“ Скабичевскій писалъ, что „весь романъ пропитанъ идиллическимъ запахомъ дѣтскихъ пеленокъ“, а изображеніе отношеній Анны къ Вронскому называлъ „мелодраматической дребеденью въ духѣ старыхъ французскихъ романовъ, расточаемой по поводу заурядныхъ амуровъ великосвѣтскаго хлыща и петербургской чиновницы, любительницы аксельбантовъ“. Критикъ *Дѣла* Ткачевъ предлагалъ Толстому написать новый романъ, изображающій любовь Левина къ коровѣ Павѣ, ревность по этому случаю Кити и т. д. Неволинъ въ томъ же *Дѣлѣ* (въ 1868 г.) писалъ о „Войнѣ и Мирѣ“ такъ: „съ начала до конца у гр. Толстого восхваляются буйства, грубость и тупость. Читая военныя сцены романа, постоянно кажется, что ограниченный, но рѣчистый унтеръ-офицеръ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ глухой наивной деревнѣ...“ (*П. И. Бюрюковъ.*— Л. Н. Толстой. Біографія, Т. II, стр. 43 и 222—223). И все это печаталось въ лучшихъ журналахъ того времени...

Но что, впрочемъ, говорить объ этихъ „критикахъ“, когда даже Н. К. Михайловскій высказывалъ полное убѣжденіе, что изъ всѣхъ произведеній Достоевскаго „Записки изъ мертваго дома“—„это крупнѣйшее произведеніе покойника и одно изъ крупнѣйшихъ во всей русской литературѣ, *конечно, намного переживетъ все остальное, имъ написанное, посвященное больному интеллигентному русскому человѣку*“. (Сочиненія *Н. К. Михайловскаго.* т. V, стр. 43). И такой отзывъ о великихъ произведеніяхъ Достоевскаго высказанъ Михайловскимъ не какъ нибудь случайно, а въ статьѣ, спеціально Достоевскому посвященной по случаю его кончины... П. Л. Лавровъ видѣлъ въ Достоевскомъ лишь „мистическаго ренегата убѣжденій своей молодости“. (*П. Лавровъ.*—И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества. *Вѣстникъ Народной Воли.* 1884 г. № 2, стр. 138). Это все конечно, „наслѣдіе“ взглядовъ на художественную литературу Писарева...

[1]) *П. Лавровъ.*—„Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и развитіе русскаго общества“. *Вѣстникъ Народной Воли* 1884 г. № 2, стр. 97.

[2]) Объ этихъ изданіяхъ см. „Процессъ Великорусцевъ“. *Былое,* 1906 г., іюль.

при экономической эмансипаціи послѣднихъ отъ новаго рабства, наложеннаго капиталомъ на пролетаріатъ“ (очевидно, образовавшійся въ 1862 году кружокъ, принявшій названіе Общество „Земля и Воля“ и авторы прокламаціи „Молодая Россія“, о которой мы будемъ говорить ниже). Однако, велики ли были *размѣры* революціоннаго движенія, если даже взять за общую скобку объ, отмѣчаемые Лавровымъ, его разновидности и если не оправдываютъ, то объясняютъ ли, по крайней мѣрѣ, размѣры движенія, которыя оно имѣло, принятыя противъ него властями мѣры? Гдѣ, въ какой именно средѣ, протекало революціонное движеніе и представляло ли оно собою малѣйшую опасность „для государства“? Принимали ли въ немъ участіе народныя массы, принимало ли участіе „общество“? Все, что извѣстно о революціонномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ, заставляетъ категорически сказать, что размѣры его были самые незначительные, что за исключеніемъ единицъ, принадлежавшихъ къ „отцамъ“, протекало оно всецѣло въ средѣ студенчества и вообще „молодого поколѣнія“, что массы народныя были безусловно на сторонѣ верховной власти,—единственнаго источника, откуда онѣ ожидали всякихъ благъ, что „общество“ въ цѣломъ своемъ было крайне пассивно и отъ „революціоннаго движенія“ держалось въ сторонѣ, что, по суммѣ этихъ причинъ „опасности для государства“ движеніе это абсолютно никакой представлять не могло и что далеко не послѣднюю роль сыграло поэтому въ дальнѣйшихъ судьбахъ движенія „политика“ самихъ властей. Что „революціонное движеніе“ начала шестидесятыхъ годовъ было сосредоточено почти исключительно среди молодежи,—и при томъ весьма небольшой его части,—это можно видѣть изъ свидѣтельствъ самихъ его участниковъ, главное мѣсто среди которыхъ принадлежитъ очень интереснымъ мемуарамъ Л. Ф. Пантелѣева [1]). Авторъ статьи въ *Народномъ Дѣлѣ* за 1868 годъ „Пропаганда и организація. Дѣло прошлое и дѣло настоящее“ (по всей вѣроятности, Н. И. Утинъ), вовсе не склонный преуменьшать размѣры революціоннаго движенія первой половины шестидесятыхъ годовъ, писалъ, тѣмъ не менѣе, такія строки: „съ перваго же слова мы должны заговорить и остановиться на одномъ только

[1]) Въ кружкѣ „Земля и Воля“ послѣ ареста Николая Серно-Соловьевича и эмиграціи его брата Александра руководительство перешло къ нѣсколькимъ студентамъ.

слоѣ изъ всѣхъ образованныхъ классовъ,—на юношествѣ. *Оно одно на своихъ плечахъ вынесло все движеніе* при неблаговидной роли всего остального общества"... [1]). Это юношество передало въ извѣстной степени свое настроеніе и юношеству поколѣнія слѣдующаго и потому намъ надо теперь бросить бѣглый взглядъ на главнѣйшія событія шестидесятыхъ годовъ, несомнѣнно оказавшія на созданіе такого настроенія очень большое вліяніе.

19-го февраля 1861 года „порвалась цѣпь великая" т.-е. произошло безъ сомнѣнія самое значительное, самое выдающееся событіе во всей исторіи Россіи XIX вѣка.

Это событіе было въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ центромъ вниманія и власти, и народа, и общества, и литературы. Починъ къ нему восторженно привѣтствовали и Герценъ и Чернышевскій.

„Имя Александра,—писалъ Герценъ въ статьѣ съ знаменитымъ началомъ ея: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ"—принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же окончилось,—все равно, начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ... Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода,* образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе. Мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ преемникомъ Николая, а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывшимъ новую эру для Россіи; онъ столько же наслѣдникъ 14 декабря, какъ Николая. Онъ работаетъ съ нами для великаго будущаго" [2]).

Чернышевскій шелъ еще дальше Герцена. Взявши къ своей статьѣ „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта" стихъ изъ XLV псалма: „Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помазалъ тя Богъ твой", Чернышевскій писалъ: „Высочайшими рескриптами, данными 25-го ноября и 24-го декабря 1857 г. благополучно царствующій Государь Императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ... Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ

[1]) *Народное Дѣло.* 1868 г. октябрь. № 2—3., стр. 28.
[2]) *Колоколъ.* 18 февраля 1858 г.

и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы—счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ" и т. д. [1]).

Но, вотъ, освобожденіе крестьянъ стало совершившимся фактомъ. Совершилось оно далеко не такъ, какъ это представлялось возможнымъ и желательнымъ наиболѣе передовымъ умамъ Россіи, но все же произошло событіе важности огромной, и тотъ же Герценъ оцѣнилъ всю его громадность, давши *первый* Александру Второму имя „Освободителя"...

„Изъ дали нашей ссылки,—писалъ онъ,—мы привѣтствуемъ Александра II именемъ, рѣдко встрѣчающимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *Освободителя*".

Герценъ писалъ это, но онъ же писалъ и такія строки: „мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ, и до тѣхъ только поръ, пока онъ освобождаетъ", а уже въ томъ же 1861 году въ освободительномъ настроеніи власти можно было уже сильно сомнѣваться...

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на недовольствѣ въ средѣ русской интеллигенціи экономической стороной реформы 19-го февраля,—скажемъ лишь, что по мѣрѣ того, какъ результаты ея все болѣе и болѣе обнаруживались на дѣлѣ, недовольство это становилось все сильнѣе и сильнѣе и такое *настроеніе* нашло свое выраженіе въ встрѣченной съ энтузіазмомъ среди революціонной молодежи 70-хъ годовъ знаменитой рѣчи во время процесса 193-хъ (о немъ мы будемъ говорить ниже) И. Н. Мышкина, сказавшаго въ ней: „я,—сынъ крѣпостной крестьянки и солдата, видѣвшій собственными глазами уничтоженіе крѣпостнаго права,—не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою въ рядахъ отъявленныхъ враговъ его"... [2]) И Мышкинъ вовсе не былъ какимъ либо особымъ исключеніемъ.

Еще менѣе можемъ мы останавливаться на петербургскихъ пожарахъ, подготовкѣ польскаго возстанія и самомъ возстаніи, ибо это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Для нашей цѣли достаточно будетъ отмѣтить здѣсь, что правительственныя репрессіи и по отношенію къ русскому „молодому поколѣнію"

---

[1]) *Современникъ*. 1858 г. февраль, стр. 393 и далѣе.
[2]) *Община*. 1878 г. № 1, стр 18.

начались уже въ 1861 году, т.-е. въ то именно время, когда, казалось, только что отошла въ прошлое цѣлая полоса русской исторіи.

Въ этомъ году имѣли мѣсто два крупныхъ факта:

1) Первыя студенческія волненія въ петербургскомъ университетѣ и та крутая расправа со студентами, которая столь характерна для нашихъ властей и въ теченіе цѣлыхъ десятковъ послѣдовавшихъ затѣмъ лѣтъ.

2) Первый въ царствованіе Александра Второго приговоръ въ каторжныя работы по политическому дѣлу и публичное объявленіе этого приговора у „позорнаго столба“. Кому? Столь любимому молодежью того времени писателю Михаилу Ларіоновичу Михайлову. Онъ стоялъ первымъ 14 декабря [1]) 1861 г. у того самого „позорнаго столба“, у котораго стали затѣмъ Чернышевскій, Николай Серно-Соловьевичъ,—этотъ послѣдній, по выраженію Герцена „Маркизъ Поза“—и цѣлый рядъ другихъ лицъ...

Затѣмъ въ одномъ лишь 1862 году правительствомъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія (говоримъ о нихъ подлинными словами правительственныхъ сообщеній):

1) На литературномъ вечерѣ, бывшемъ 2-го числа сего мѣсяца въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, оставшійся за штатомъ профессоръ С.-Петербургскаго университета статскій совѣтникъ Павловъ читалъ статью „О тысячелѣтіи Россіи“. При чтеніи этой статьи г. Павловъ дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, не находящіеся въ статьѣ, пропущенной цензурою, и клонящіеся къ возбужденію *неудовольствія* противъ правительства. Вслѣдствіе сего статскому совѣтнику Платону Павлову запрещено чтеніе публичныхъ лекцій и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ его на жительство подъ надзоръ полиціи въ отдаленный уѣздный городъ [2]),

---

[1]) Замѣчательное совпаденіе, которое отмѣтили мы еще въ сборникѣ „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. *14 декабря* 1825 года была сдѣлана *первая* попытка покончить съ „приказнымъ строемъ“, *14 декабря* 1861 года палъ *первою* жертвою того же стремленія въ шестидесятыхъ годахъ М. Л. Михайловъ. Эпиграфомъ къ той прокламаціи („Къ молодому поколѣнію“), за которую Михайловъ понесъ столь тяжкое наказаніе, онъ взялъ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія Рылѣева—„я-ль буду въ роковое время позорить гражданина санъ“, т.-е. изъ произведенія главнаго дѣятеля 14 декабря 1825. Судьба обоихъ поэтовъ спаялась въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи въ нѣчто общее и нераздѣльное...

[2]) *Русскій Инвалидъ*, 7 марта 1862 г., № 51.— Объ этомъ и слѣдующихъ распоряженіяхъ правительства см. также въ первомъ томѣ нашихъ сборниковъ „Государственныя преступленія въ Россіи“.

2) Вслѣдствіе замѣченнаго вреднаго направленія *въ нѣкоторыхъ* изъ учрежденныхъ въ послѣднее время народныхъ читаленъ, которыя даютъ средство не столько для чтенія, сколько для распространенія между посѣщающими оныя лицами сочиненій, имѣющихъ цѣлью произвести безпорядки и волненія въ народѣ, а также безосновательныхъ толковъ, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ закрыть, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, *всѣ* нынѣ существующія народныя читальни въ Петербургѣ [1]).

3) С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, считая въ настоящее время своею обязанностью принимать всѣ мѣры къ прекращенію встревоженнаго состоянія умовъ и къ предупрежденію между населеніемъ столицы не имѣющихъ никакого основанія *толковъ о современныхъ событіяхъ*, призналъ необходимымъ закрыть, впредь до усмотрѣнія, шахматный клубъ, въ которомъ происходитъ и изъ котораго распространяются тѣ *неосновательныя сужденія* [2]).

4) Государь Императоръ, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ представленныхъ Его Величеству свѣдѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ *нѣкоторыхъ* воскресныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ; 2) впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть *всѣ* нынѣ существующія воскресныя школы и читальни въ Имперіи [3]).

5) Государь Императоръ 10-го сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: чтенія публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ разрѣшать не иначе, какъ *по взаимному соглашенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ* [4]).

6) Государь Императоръ 10-го сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: нынѣ же *закрыть* учрежденное при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ *особое отдѣленіе для вспомоществованія учащимся*, поручивъ комитету, управляющему дѣлами означеннаго отдѣленія, передать въ вѣдѣніе Общества всѣ имѣющіяся въ отдѣленіи денежныя суммы [5]).

---

[1]) *Русскій Инвалидъ*, 8 іюня, 1862 г., № 120.

[2]) Ibid.

[3]) *Сѣверная Почта* (въ то время оффиціальный органъ, которы 1869 году былъ превращенъ въ *Правительственный Вѣстникъ*), 13 іюня № 127.

[4]) *Сѣверная Почта*, 14 іюня, № 128.

[5]) Ibid.

Въ отвѣтъ на какія же революціонныя дѣйствія посыпался этотъ дождь репрессій?

Студенческія волненія 1861 года произошли въ петербургскомъ университетѣ на чисто академической почвѣ, а власти отвѣтили на нихъ всѣми видами „усмиренія“: заключеніемъ множества студентовъ въ Петропавловскую крѣпость, массовымъ ихъ исключеніемъ, закрытіемъ университета, при чемъ „усмиритель“ Бистромъ говорилъ солдатамъ, что „это бунтуютъ подъячіе, недовольные освобожденіемъ крестьянъ“ [1]).

М. Л. Михайловъ былъ осужденъ въ каторжныя работы за составленіе прокламаціи „къ молодому поколѣнію“. Что же говорилось въ этой прокламаціи? Въ ней говорилось, что „правительство при своемъ настоящемъ составѣ рѣшительно никуда не годится... Моментъ освобожденія (отъ крѣпостного права) великъ, потому что имъ посажено первое зерно всеобщаго неудовольствія правительствомъ... Сословія уже начинаютъ понимать, какую роль они играли до сихъ поръ: освобожденные крестьяне уже думаютъ о своемъ безвыходномъ положеніи... Недовольные вездѣ... Молодое поколѣніе! Не забывайте, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ, потому что считаемъ васъ людьми, болѣе всего способными спасти Россію, вы — настоящая ея сила, вы — вожаки народа... Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающіе, чтобы онъ владѣлъ землей, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди, желающіе *убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ пянекъ и опекуновъ*“.

---

[1]) Въ это именно время бросилъ Герценъ то слово, которое въ семидесятыхъ годахъ сдѣлалось для молодежи магическимъ: „въ народъ!“ — „Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку, — писалъ Герценъ въ статьѣ по поводу университетскихъ событій 1861 года.— Прислушайтесь,—благо тьма не мѣшаетъ слушать: со всѣхъ концовъ огромной родины нашей, — съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра, — ростетъ стонъ, подымается ропотъ; это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ чреватая бурями послѣ страшно утомительнаго штиля. *Въ народъ! Къ народу!* — вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки. Покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины русскаго народа“... (*Колоколъ*, 1861 г., № 110).

Далѣе въ прокламаціи высказывается такое мнѣніе объ „особомъ пути“ экономическаго развитія Россіи:

Мы уже довольно были обезьянами англичанъ. Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной
И крестъ не намъ нести...

Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи или Франціи?.. Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земельная община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ. У насъ земли столько, что достанетъ ее намъ на *десятки тысячъ лѣтъ* (!!). Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе. *Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы.* Ея несчастье, ея безвыходное положеніе — урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала... До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своею жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ, и *онъ былъ правъ*. Правительство тоже не знало народа, да ему было и некогда за политическими бирюльками. А между тѣмъ, русская мысль зрѣла, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы видѣли, что у нихъ не ладно, и тутъ то мы поняли, *что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени*... Мы вѣримъ съ свои свѣжія силы, мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, *сказать свое слово, а не повторять зады Европы*....

Мы хотѣли бы, разумѣется, чтобы дѣло не доходило до насильственнаго переворота. Но *если* нельзя иначе, мы не только не отказываемся отъ него, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу... Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа. А чтобы она могла быть такой,— она должна быть изъ насъ,— выборная и ограниченная. Мы хотимъ равенства передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ. Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту... Говорите чаще съ народомъ, объясняйте ему все, чего мы хотимъ и какъ легко всего этого достигнуть... Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ, наше дѣло и въ одинъ годъ подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами къ той роли, которую вамъ придется играть; зрѣйте

въ этой мысли, составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все [1]).

Мы привели нарочно столь длинный отрывокъ изъ этой прокламаціи, дабы читатель могъ судить о настроеніи „лѣвыхъ“ элементовъ 1861 года. Если исключить изъ прокламаціи имѣющуюся въ ней нелѣпую фразу объ истребленіи ста тысячъ помѣщиковъ, — видимо, влетѣвшую въ нее лишь въ качествѣ революціонной бутады, — при чемъ и эта фраза не имѣла значенія „призыва“ къ такого рода дѣйствіямъ и вылущить изъ перваго въ Россіи „подпольнаго листка“ его зерно, то увидимъ, что оно распадается на двѣ части: въ одной изъ нихъ излагаются требованія чисто политическаго характера, какъ выборность и ограниченность власти, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и проч. (въ прокламаціи требованія эти развиты гораздо полнѣе, чѣмъ въ приведенномъ извлеченіи: тамъ говорится о свободѣ печати, гласности и публичности судопроизводства и т. д.), требованія, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже и осуществлены въ тѣ же шестидесятые годы, и эта часть не представляетъ собою рѣшительно ничего „крайняго“; въ другой, — находятся требованія экономическія, — тутъ провозглашается, хотя въ очень смутномъ видѣ, принципъ націонализаціи земли. Для осуществленія тѣхъ и другихъ требованій составители прокламаціи обращаются „къ молодому поколѣнію“ т.-е. студенчеству, какъ къ „силѣ“,—другихъ „силъ“, а слѣдовательно и опасности для „государства“, очевидно, не было,— рекомендуя ему: во-1-хъ, пропагандировать эти идеи въ собственной средѣ и, во-2-хъ, „говорить чаще съ народомъ“ на ту же тему. И съ этой стороны и со стороны *средствъ* для реализаціи требованій прокламаціи, авторы ея въ мало-мальски свободной странѣ тяжелой отвѣтственности, конечно, не подлежали бы, у насъ же М. Л. Михайловъ пошелъ за это въ каторжныя работы [2]).

---

[1]) Полный текстъ этой прокламаціи приведенъ въ сборникѣ „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ (стр. 12—15). Тамъ же помѣщенъ отрывокъ изъ записокъ Михайлова. О процессѣ Михайлова см. ст. М. К. Лемке, въ январской книжкѣ петербургскаго журнала *Былое* за 1906 годъ.

[2]) Общеніе Михайлова съ передовою молодежью начала шестидесятыхъ годовъ не ограничилось только составленіемъ и распространеніемъ обра-

Но прокламація „Къ молодому поколѣнію“ заслуживаетъ большого вниманія и съ другой стороны,— со стороны ея пониманія, такъ сказать, философіи русской исторіи. Очень не трудно открыть и въ ней прямое вліяніе славянофильскихъ идей, въ силу которыхъ Россія противопоставлялась Западу. „Мы призваны внести въ исторію *новое начало*“, „мы имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени“ и т. д. Въ столь счастливомъ положеніи мы находимся опять-таки вслѣдствіе очень интересной причины: это отъ того, что „народъ нашъ жилъ своею жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и онъ былъ правъ“... Почему же, „онъ былъ правъ“, другими словами, почему это хорошо? Да потому, что, пока онъ велъ себя такъ благоразумно— „мы“ работали, „мы изучали экономическое и политическое

щенной имъ „Къ молодому поколѣнію“ прокламаціи. Когда онъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, туда же были посажены многіе студенты за волненія въ петербургскомъ университетѣ. Тамъ написали и послали они ему извѣстное стихотвореніе „Узнику“:

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Пусть облегчитъ въ часъ скорбной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ.
И т. д.

На это Михайловъ отвѣтилъ строками:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ
И проч.

Тутъ же Михайловъ приписалъ и такія строки прозою: „Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь. Дай Богъ лучшаго времени, хотя, можетъ, мнѣ и не суждено воротиться“.

Такъ и случилось: Михайловъ умеръ черезъ четыре года послѣ осужденія въ Нерчинскихъ рудникахъ.

Авторомъ обращеннаго къ Михайлову вышеприведеннаго стихотворенія былъ студентъ петербургскаго университета Н. И. Утинъ. Вскорѣ послѣ того онъ сдѣлался членомъ общества „Земля и воля“, потомъ эмигрировалъ въ Европу, игралъ значительную роль въ русскихъ эмигрантскихъ кружкахъ, сблизился съ Марксомъ, прославился въ качествѣ „марксиста“ своею борьбою съ русскими „бакунистами“, но затѣмъ, не первый и... увы далеко не послѣдній,—... билъ челомъ о прощеніи, возвратился въ Россію, занимался на Уралѣ промышленными дѣлами и умеръ въ началѣ девяностыхъ годовъ.

устройство Европы“ и поняли, что оно никуда не годится... Какой же изъ этого выводъ? Очень простой: „*мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы*“... Такимъ образомъ, прокламація „Къ молодому поколѣнію“ имѣла важное значеніе. Ссылкой автора ея въ каторжныя работы власти опредѣлили свое отношеніе къ передовой интеллигенціи... Это одна сторона дѣла. Другая,—та, излагаемая въ прокламаціи „философія русской исторіи“, о которой мы говорили выше. Поскольку прокламація дошла по адресу, и изъ этого источника,—о другихъ мы уже говорили, — въ нарождавшееся народничество обильно текла все та же славянофильская струя. Въ свое время, при столкновеніи славянофильско-народнической теоріи, хотя и направленной напреволюціоннѣйшими дрожжами, съ жизненной практикой, это сказалось самыми тяжелыми для народниковъ послѣдствіями.

Кромѣ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ въ 1861—62 годахъ въ Россіи появилось еще съ десятокъ „подпольныхъ листковъ“ и среди нихъ извѣстный, вышедшій изъ студенческаго кружка П. Г. Зайчневскаго, дѣйствительно, „горячій“, хотя, разумѣется, тоже рѣшительно никакой опасностью „основамъ“ не грозившій, листокъ „Молодая Россія“. За это произведеніе посыпались со всѣхъ сторонъ всевозможныя обвиненія на „молодое поколѣніе“, но мы не знаемъ ничего лучшаго для характеристики эпохи, какъ вдохновенныя слова, которыя писалъ по поводу листка „Молодая Россія“ и произведеннаго имъ впечатлѣнія въ своемъ *Колоколѣ* А. И. Герценъ и потому позволимъ себѣ привести изъ его замѣчательной статьи нѣсколько большихъ цитатъ [1]).

...Наконецъ-то этотъ листъ, ужаснувшій правительство и литературу, прогрессистовъ и реакціонеровъ, цивилизованныхъ парламентаристовъ и цивилизующихъ бюрократовъ, дошелъ и до насъ.

Мы прочли его разъ, два, три раза... со многимъ очень не согласны, но по совѣсти признаемся, не понимаемъ ни бѣлую горячку правительства, ни хныканія добросовѣстныхъ журналовъ, ни душесмятенія платоническихъ любовниковъ прогресса... Маловѣрные, слабые люди! Какъ мало надобно вашимъ женскимъ нервамъ, чтобы испугаться,

[1]) Полный текстъ прокламаціи „Молодая Россія“ см. въ сборникѣ Базилевскаго „Матеріалы по исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ“. (Заграничное изданіе).

бѣжать назадъ, схватиться за фалду квартальнаго, какъ мало, чтобы и вы туда же пустили свой камень въ преслѣдуемыхъ...

Нѣтъ, господа, не попадете вы ни въ адъ, ни въ рай,—Харонъ васъ отгонитъ весломъ на прѣсный берегъ... Оставляя въ сторонѣ *смирительную* (курсивъ здѣсь и до конца Герцена) литературу и будущихъ жильцовъ смирительнаго дома, мы обращаемся къ дѣйствительно честнымъ, но слабымъ людямъ и спрашиваемъ ихъ: они-то чего испугались „Молодой Россіи"? Добро бы они вѣрили, что русскій народъ такъ и схватится за топоръ по первому крику „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская" [1]). Нѣтъ, они всѣ хоромъ говорятъ, что это невозможно, что народъ этихъ словъ не понимаетъ, а, напротивъ, озлобленный за пожары, готовъ растерзать тѣхъ, которые ихъ произносятъ. И все-таки каждый *честный* человѣкъ считаетъ себя обязаннымъ ругнуть молодыхъ людей, осыпать ихъ упреками и проклятіями, считаетъ себя обязаннымъ ужасаться, возводить глаза горѣ. Разберите-ка, господа, ваше чувство, и вы со стыдомъ увидите, что васъ поразила не опасность, а *продерзостность* вольнаго слова: чувство *іерархической дисциплины обижено*, не по лѣтамъ и не по чину говорятъ... Если молодые люди,—а для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что летучій листъ этотъ писанъ очень молодыми людьми,—въ своей заносчивости наговорили пустяковъ, остановите ихъ, вступите съ ними въ споръ, отвѣчайте имъ, но не кричите о помощи, не подталкивайте ихъ въ казематы... Итакъ, все это страшное дѣло, поставившее Россійскую Имперію и Невскій проспектъ на край соціальнаго катаклизма, разорвавшій послѣднюю связь между хроническимъ и острымъ прогрессомъ, сводится на динамическій порывъ, неосторожный, несдержанный, но который не сдѣлалъ никакого вреда *и не могъ сдѣлать*. Жаль, что молодые люди издали эту прокламацію, но винить ихъ мы не станемъ. Ну что упрекать молодости ея молодость, сама пройдетъ, какъ поживутъ... Горячая кровь, il troppo juvenil bollore [2]), точка ожиданія, растущая не по днямъ, а по часамъ, съ приближеніемъ чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется и чего еще нѣтъ, а тутъ святое нетерпѣніе, двѣ-три неудачи—и страшныя слова крови, страшныя слова срываются съ языка. Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ *ихъ* кровь—юношей-фанатиковъ. Въ чемъ же уголовщина? Если бы правительство умѣло понимать и не хранило бы важную серьезность швейцара съ булавой, какъ бы оно громко расхохоталось теперь, глядя на испугъ мужественныхъ либераловъ, гранитныхъ прогрессистовъ, отважныхъ защитниковъ права и свободы книгопечатанія, неустрашимыхъ обличителей становыхъ приставовъ и квартальныхъ

---

[1]) Этимъ возгласомъ заканчивалась прокламація.

[2]) Слишкомъ юношескій пылъ.

надзирателей, глядя, какъ они, голубчики, побѣжали подъ крылышко той же полиціи, того же правительства... Стыдно вамъ! Вы всю жизнь молчали отъ страха передъ дикой властью, помолчите же сколько-нибудь отъ страха будущихъ угрызеній совѣсти.

„Молодая Россія“ намъ кажется двойной ошибкой. Во-первыхъ, она вовсе не русская; это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя desiderata, которымъ придана форма призыва къ оружію. Вторая ошибка ея—неумѣстность; случайность совпаденія съ пожарами усугубили ее. Ясно, что молодые люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея легкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закалъ и раковины мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ... Ну, есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы русскій народъ возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны? Вы насъ считаете отсталыми [1]),—мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ, а сердце даетъ тактъ. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Мора и Гракха Бабефа на русской площади не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Французы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить Римской латинклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ народъ требовалъ головы несчастнаго Обручева [2])... Бываютъ страшныя историческія несчастья, черные плоды черныхъ дѣлъ; передъ ними, какъ передъ грозой, смолкаетъ человѣческая мудрость и покрываетъ своими руками свои глаза, полные слезъ... Наши жертвы искупленія, какъ Михайловъ, какъ Обручевъ, должны нести двойное мученичество... Народъ не знаетъ ихъ, нѣтъ, хуже, онъ знаетъ ихъ за дворянъ, за враговъ. Онъ

---

[1]) О Герценѣ въ прокламаціи, между прочимъ, говорилось: „его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи, его надежда на мирный переворотъ, его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми однѣми можно только что-нибудь сдѣлать, окончательно уронили журналъ (*Колоколъ*) въ глазахъ революціонной партіи“.

[2]) В. А. Обручевъ былъ приговоренъ за распространеніе листка *Великоросса* въ каторжныя работы. Ему объявляли приговоръ на площади, какъ и Михайлову, Чернышевскому и другимъ. Л. Ф. Пантелѣевъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что окружавшая „позорный столбъ“ Обручева толпа народа „выражала звѣрскія желанія, чтобы Обручеву отрубили голову или наказали кнутомъ или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ вниз головой за то, что онъ смѣлъ идти противъ царя“... См. также написанный А. А. Корниловымъ некрологъ В. А. Обручева въ газетѣ *Рѣчь* отъ 4-го февраля 1912 г. № 34.

не жалѣетъ ихъ, онъ не хочетъ ихъ жертвы. Вотъ куда привелъ разрывъ. Народъ намъ не вѣритъ и готовъ побить каменьями тѣхъ, которые за него отдаютъ жизнь... Очень печально, безгранично печально явленіе на петербургской площади, но вы, бѣдные страдальцы, не предавайтесь отчаянію. Довершите вашъ подвигъ преданности, исполните великую жертву любви и, съ высоты вашей Голгоѳы и изъ подземелій вашихъ рудниковъ, отпустите народу невольную обиду его и скажите, *что онъ имѣетъ право на это заблужденіе, что вы благословляете его*".

По ясности пониманія вопроса, благородству и глубинѣ проникающаго статью чувства, статья эта должна стать однимъ изъ безсмертныхъ образчиковъ творчества Герцена, какъ непревзойденнаго публициста и великаго прозаика-поэта...

Много строже отнесся къ „Молодой Россіи" несравненно болѣе „лѣвый", чѣмъ Герценъ, Бакунинъ.

— Прокламація „Молодая Россія",—писалъ онъ,—доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ существуетъ еще страшное самообольщеніе и совершенное непониманіе нашего критическаго положенія. Они кричатъ и рѣшаютъ, какъ будто бы за ними стоялъ цѣлый народъ. А народъ-то еще и по ту сторону пропасти, и не только васъ слушать не хочетъ, но даже готовъ избить васъ по первому мановенію царя. Что же,—мученичество? Да, вѣдь, мученичество хорошо, когда мученики дѣлаютъ дѣло. Редакторовъ „Молодой Россіи" я упрекаю *въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во-первыхъ, въ безумномъ и истинно доктринерскомъ пренебреженіи къ народу, а, во-вторыхъ, въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія, для успѣха котораго они, между тѣмъ, готовы жертвовать своею жизнью.* Они, видно, такъ мало привыкли еще къ настоящему дѣйствію, что имъ все кажется, будто они вращаются въ мірѣ абстракцій. Въ теоріи все сходитъ съ рукъ. На практикѣ, особливо въ такое время, какъ наше, что не полезно, то вредно. Появленіе „Молодой Россіи" причинило *положительный вредъ общему дѣлу, и виновники вреда были люди, желавшіе служить ему.* Безъ *дисциплины* (курсивъ Бакунина), безъ скромности передъ величіемъ цѣли, мы будемъ только тѣшить враговъ нашихъ и никогда не одержимъ побѣды. Но прокламація редакторовъ „Молодой Россіи" не можетъ быть принята за серьезное выраженіе идей передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей собрались и издали свою прокламацію... Довольно было, чтобы перепугать до смерти нашихъ бѣдныхъ правителей. Правда, что юноши говорятъ и объ „общемъ собраніи" и о „комитетахъ провинціальнаго тайнаго революціоннаго общества". Но вѣдь это *было сказано зря, для пущей важности*, и для того, чтобы доста-

вить лишнее впечатлѣніе черезъ-чуръ впечатлительному правительству. Огромное большинство нашей молодежи принадлежитъ къ партіи народной, той партіи, которая поставила себѣ единою цѣлью *торжество народнаго дѣла* (курсивъ Бакунина). Эта партія не имѣетъ предразсудковъ ни за царя, ни противъ царя и, если бы самъ царь, начавши великое дѣло,...., она бы никогда отъ царя не отстала. И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы только онъ самъ шелъ во главѣ народа. *Не остановили бы ее никакіе западные революціонные предразсудки*, ибо гдѣ жизнь, гдѣ правда, гдѣ разрѣшеніе судебъ народа, тамъ и она. И сколько молодой и благородной энергіи, сколько живыхъ силъ и сколько ума было бы тогда къ его услугамъ для совершенія великаго дѣла—умиротворенія и возсозданія Россіи [1]).

Эти строки Бакунина для оцѣнки положенія вещей въ Россіи и размѣровъ революціоннаго движенія въ ней въ началѣ 60-хъ годовъ чрезвычайно характерны. Такимъ образомъ прокламація „Молодая Россія“ не вызвала сочувствія рѣшительно нигдѣ, а между тѣмъ до 1866 года именно она была самымъ крупнымъ проявленіемъ революціоннаго настроенія въ Россіи, на которое власти отвѣчали столькими репрессіями.

Въ 1864 году безъ малѣйшихъ *юридическихъ основаній* былъ осужденъ въ каторжныя работы Н. Г. Чернышевскій, т.-е. произошло событіе, произведшее на всю русскую интеллигенцію огромное впечатлѣніе [2])... Въ томъ же году былъ приговоренъ къ заключенію въ Петропавловскую крѣпость Д. И. Писаревъ. Въ 1865 г. осужденъ на поселеніе и умеръ въ томъ же году въ Сибири Н. А. Серно-Соловьевичъ. Произошло много и другихъ болѣе незамѣтныхъ процессовъ, а между тѣмъ

[1]) *М. Бакунинъ*. „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“. Отдѣльная брошюра. См. также перепечатку этой брошюры въ книгѣ „М. А. Бакунинъ“ изд. И. Балашова. Петербургъ, 1906 г., стр. 174—175.

[2]) Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что Чернышевскій въ составленіи прокламаціи, за которую онъ осужденъ, не принималъ никакого участія. Напротивъ, на основаніи всего намъ *теперь* извѣстнаго по этому дѣлу, мы думаемъ обратное, но мы повторяемъ, что *тогда* для осужденія Чернышевскаго не было абсолютно никакихъ *юридическихъ доказательствъ*. Это признавали даже нѣкоторые изъ самихъ сенаторовъ. Подъ датою 21 мая 1864 г. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ такія строки: „я спрашивалъ у сенатора Л. (Любощинскаго): доказано ли, что Чернышевскій виновенъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ *юридическихъ доказательствъ* нѣтъ, но что *моральное убѣжденіе* прямо противъ Чернышевскаго“... Но вѣдь это былъ не судъ присяжныхъ, а судъ, обязанный судить на основаніи „формальныхъ уликъ“.

въ 1864—65 годахъ даже ни одного „подпольнаго листка“ въ Россіи болѣе издано не было.

4-го апрѣля 1866 года произошло покушеніе Каракозова на жизнь Государя. Покушеніе это было единоличнымъ актомъ Каракозова [1]), но оно вызвало со стороны тогда только что сдѣлавшаго на польскомъ возстаніи свою „блестящую карьеру“ Каткова самое свирѣпое наускиванье на все и вся сколько-нибудь отзывающееся „либерализмомъ“, до прозрачныхъ намековъ на великаго князя Константина Николаевича включительно... Голосъ „спасителя отечества“ былъ, конечно, услышанъ. Съ цѣлью раскрытія „обширнаго заговора“ была учреждена слѣдственная комиссія съ Муравьевымъ-Виленскимъ во главѣ и глубоко было разочарованіе „сферъ“, когда, кромѣ Каракозова, не взирая на всю „энергію“ комиссіи, суду за принадлежность къ „тайнымъ обществамъ“, такъ называемой „Организаціи“ и такъ называемому „Аду“—оказалось возможнымъ со всѣми правдами и неправдами предать лишь двадцать человѣкъ. Каракозовъ былъ повѣшенъ, остальные отправлены въ каторжныя работы и на поселеніе въ Сибирь, двоюродный братъ Каракозова Ишутинъ также былъ присужденъ къ повѣшенію, взведенъ на эшафотъ въ присутствіи остальныхъ осужденныхъ и простоялъ, какъ разсказываетъ объ этомъ очевидецъ, осужденный по тому же дѣлу Худяковъ, въ саванѣ и съ петлей на шеѣ на табуреткѣ подъ висѣлицей 10 минутъ, послѣ чего ему объявили о замѣнѣ смерти каторжными работами [2]). Нѣсколько человѣкъ оправдано. Но репрессіи по отношенію къ „вреднымъ направленіямъ“ въ обществѣ этимъ, конечно, не

---

[1]) Какъ на единичное явленіе, можно указать, что еще до каракозовскаго покушенія былъ осужденъ за „изъявленіе на словахъ готовности посягнуть на жизнь Священной Особы Государя Императора“ подпоручикъ Линейнаго № 11 батальона Крушевскій (*Русскій Инвалидъ*. 9 іюня 1863 г. № 46). Послѣ покушенія были осуждены совершенно независимо отъ „каракозовцевъ“ за „произнесеніе дерзкихъ словъ, выражающихъ сочувствіе покушенію 4-го апрѣля“ безсрочно отпускной рядовой Невѣдомскій (*Рѣшеніе кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената отъ 21 сентября 1866 г.*) и за „публичное выраженіе преступнаго сочувствія къ покушенію на жизнь Священной Особы Государя Императора“ числящійся по армейской пѣхотѣ поручикъ Нечмировъ (*Сенатскія Вѣдомости*, 17 февраля 1867 г. № 14).

[2]) *Иванъ Александровичъ Худяковъ*. Опытъ автобіографіи. Женева, 1882 г., стр. 171.

ограничились. Мы сейчасъ о нихъ скажемъ, но предварительно для того, чтобы составить себѣ представленіе объ атмосферѣ, среди которой происходили описываемыя событія, обратимъ вниманіе на мнѣніе самихъ каракозовцевъ *о настроеніи въ то время народа*. Вышеупомянутый И. А. Худяковъ,—одинъ изъ главныхъ членовъ „Организаціи“ и тогда уже извѣстный литераторъ, тѣсно соприкасавшійся съ народомъ и много о немъ писавшій [1]), говоря о нѣкоторыхъ „неосторожныхъ“ передъ покушеніемъ поступкахъ Каракозова, объясняетъ ихъ такъ: „Каракозовъ могъ расчитывать на удачу своего покушенія. Онъ былъ хорошій стрѣлокъ и промахнуться въ упоръ было бы неслыханнымъ дѣломъ. *Тогда толпа растерзала бы его на мѣстѣ* и едва ли бы тогда нашли какой-нибудь слѣдъ его происхожденія“ [2]).

Таково было дѣйствительное настроеніе народа не только въ деревняхъ, но и въ самомъ Петербургѣ.

Мы не будемъ болѣе останавливаться на подробностяхъ дѣлъ Каракозова и „каракозовцевъ“, ибо болѣе детальное изложеніе относящихся къ революціонному движенію событій шестидесятыхъ годовъ не входитъ въ нашу задачу [3]), но мы должны

---

[1]) Худяковъ напечаталъ „Сборникъ великорусскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ“. Москва, 1860 г.; „Великорусскія сказки“. М., 1860—1862 гг.; „Великорусскія загадки“. М., 1861 г.; „Матеріалы для изученія русской народной словесности“. Спб., 1863 г.; „Русская книжка“, стихи, пословицы, загадки, пѣсни, былины, стихотворенія, разсказы, басни, народный мѣсяцесловъ. Спб., 1863 г.; „Разсказы о старыхъ людяхъ“. Спб., 1863 г.; „Древняя Русь“. Спб., 1865 г. и др.

[2]) *Худяковъ*. Автобіографія, стр. 115.

[3]) Объ этихъ дѣлахъ см. *Сѣверную Почту* за 1866 г. №№ 70, 75, 77, 99, 142, 166, 177. *Сенатскія Вѣдомости* №№ 28, 70, 71, 79 и 83. Прибавленіе къ № 78 *Сенатскихъ Вѣдомостей* (Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда) и *Вѣдомости Петербургской Городской Полиціи* № 188 (о казни Каракозова). Всѣ эти документы вошли въ первый томъ нашихъ сборниковъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. См. также ст. Д. В. Стасова—„Каракозовскій процессъ“ (*Былое*. 1906 г., апрѣль), П. Гуревича—„Къ дѣлу Каракозова“ (*Былое*. 1907 г., августъ) и П. И. Вейнберга—„4-е апрѣля 1866 г.“ (*Былое*. 1906 г., апрѣль). Изъ заграничныхъ изданій того времени см. статью „Каракозовъ и Муравьевъ“ въ № 1 журнала Элпидина *Подпольное Слово* за 1866 г., брошюру Никифора Г.—„Правительство и молодое поколѣніе“ (по поводу выстрѣла 4 апрѣля), а также рядъ корреспонденцій въ *Колоколѣ*, о которыхъ мы еще упомянемъ, и брошюру „Бѣлый терроръ“, составленную изъ писемъ, первоначально печатавшихся въ №№ 231—232, 233—234 и 235—236 *Колокола* за 1867 годъ.

отмѣтить, однако, еще два обстоятельства: во-первыхъ, изъ дѣлъ этихъ выяснилась наличность броженія среди части московской молодежи, правда, очень пока еще небольшой, въ томъ направленіи, что надо „сближаться съ народомъ“ и вести въ его средѣ соціалистическую пропаганду и, во-вторыхъ, — это впослѣдствіи стало извѣстно изъ литературы предмета,—что Худяковъ думалъ о соединеніи „Организаціи“ съ незадолго передъ тѣмъ образовавшимся „Международнымъ Обществомъ Рабочихъ“ [1]). То и другое составило потомъ предметъ особыхъ заботъ народниковъ семидесятыхъ годовъ.

Мы сказали, что послѣ Каракозовскаго дѣла начались еще болѣе суровыя репрессіи. Одною изъ первыхъ жертвъ ихъ пали *Современникъ* и то самое *Русское Слово*, въ которомъ Писаревъ проповѣдывалъ такія ужасныя идеи, какъ необходимость „мыслящимъ реалистамъ“ построить всю свою жизнь на трехъ коренныхъ началахъ: „любовь, знаніе и трудъ“. Оба журнала были прекращены навсегда по Высочайшему повелѣнію въ одинъ и тотъ же день.

О впечатлѣніи, произведенномъ на общество запрещеніемъ этихъ журналовъ, въ литературѣ имѣется свидѣтельство А. В. Никитенко, занесшаго тогда же въ свой дневникъ такія строки:

„Я не помню, чтобы какая-либо мѣра производила такое единодушное и всеобщее неудовольствіе, какъ запрещеніе журналовъ *Современникъ* и *Русское Слово*,—послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано помимо правилъ“ [2]).

Послѣднія слова Никитенки совершенно непонятны. О какихъ „правилахъ“ онъ говорилъ, когда правительственное сообщеніе о прекращеніи обоихъ журналовъ гласило слѣдующее:

„*По Высочайшему повелѣнію*, объявленному министру внутреннихъ дѣлъ, предсѣдателемъ комитета министровъ 28-го минувшаго мая, журналы *Современникъ* и *Русское Слово*, вслѣдствіе *доказаннаго съ давняго времени* вреднаго ихъ направленія, *прекращены*“ [3]).

О чемъ же говоритъ Никитенко? О нарушеніи какихъ „правилъ?“

---

[1]) Предисловіе къ автобіографіи Худякова, стр. XI.

[2]) *А. В. Никитенко.* Записки и дневникъ. Т. III, стр. 106.

[3]) *Сѣверная Почта* 1866 г. № 18. Объ этой и другихъ карахъ на печать см. статью *Богучарскаго* „Цензурныя взысканія“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Вѣдь у насъ тогда, „слава Богу, еще не было конституціи“... Что значатъ слова „доказаннаго съ давняго времени вреднаго направленія“ обоихъ журналовъ, на это проливаютъ нѣкоторый свѣтъ слѣдующія выдержки изъ офиціально опубликованныхъ свѣдѣній по дѣлу „каракозовцевъ“. „Означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ соціалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ имперіи, которыя поддерживались, съ одной стороны, направленіемъ преподаванія въ значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой — *большею частью журналистики*, которая явно распространяла идеи соціализма и такъ называемаго нигилизма съ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ правительственной власти и государственнаго управленія“ [1]). Попросимъ читателей обратить вниманіе на подчеркнутыя слова, гдѣ сказано, что „большая часть журналистики“ „явно распространяла идеи соціализма“ и проч. Такой порядокъ вещей рѣшено было пресѣчь. Но какія же именно изданія, кромѣ *Современника* и *Русскаго Слова*, были въ этомъ повинны? Обращаясь къ карамъ, наложеннымъ на печать въ томъ же 1866 г., мы видимъ, что пострадали тогда исключительно газеты. Какія же это газеты? Во-первыхъ, умѣренно-либеральный *Голосъ* [2]), во-вторыхъ, такія же *С.-Петербургскія Вѣдомости* (два раза) [3]), въ-третьихъ, называвшаяся не иначе, какъ крѣпостническою, газета *Вѣсть* (два раза) [4]) и, въ-четвертыхъ, ультра-реакціонныя *Московскія Вѣдомости* (три раза) [5]). Такимъ образомъ, сообщеніе о „большей части журналистики“, которая явно распространяла идеи соціализма и такъ называемаго нигилизма, было, очевидно, „лишено всякаго основанія“...

Въ дѣйствительности издѣвательство надъ печатью,—другого слова здѣсь употребить невозможно, ибо даже и оно не выражаетъ всего цинизма властей того времени,—дошло до слѣдующей мотивировки кары, наложенной на газету *Вѣсть*:

„Принимая въ соображеніе, что въ газетѣ *Вѣсть* (№ 79), въ статьѣ по поводу назначенія новаго генералъ-губернатора сѣверо-западныхъ губерній, заключаются неумѣстныя сужденія

---

[1]) *Сѣверная Почта*, № 166.
[2]) Ibid., № 98.
[3]) Ibid., №№ 78 и 189.
[4]) Ibid., №№ 11 и 218.
Ibid., №№ 66, 98 и 99.

о личныхъ свойствахъ его предмѣстника (это еще ничего—дѣло знакомое, но дальше... слушайте, читатель!..) *и что означенная статья могла бы послужить поводомъ къ появленію въ другихъ газетахъ статей, не соотвѣтствующихъ чувству приличій, достоинству государственной службы и обязанностямъ періодической печати,* министръ внутреннихъ дѣлъ на основаніи стт. 29, 31, 33 отд. II Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля минувшаго года мнѣнія Государственнаго Совѣта и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати опредѣлилъ: объявить второе предостереженіе газетѣ *Вѣсть* въ лицѣ издателей-редакторовъ, титулярныхъ совѣтниковъ Владиміра Скарятина и Николая Юматова“ [1]).

Можно подумать, что это чья-нибудь злая пародія на распоряженія господина министра внутреннихъ дѣлъ касательно печати, но нѣтъ, это—*фактъ* историческій, неизгладимо запечатлѣнный на страницахъ правительственнаго органа... Издѣвательству надъ печатью вполнѣ соотвѣтствовали *неслыханныя,* — не ради риторики употребляемъ мы и это слово, такъ какъ издѣвательства были, дѣйствительно, неслыханныя, — и надъ всѣми прогрессивными элементами русскаго общества. Многіе очевидцы событій того времени свидѣтельствуютъ, что послѣ покушенія 4-го апрѣля во время производства массовыхъ обысковъ (на усиленіе полиціи тогда прикомандированы были къ ней нѣкоторые гвардейскіе офицеры), не находя ничего „преступнаго“, но удостовѣряясь нерѣдко, что обыскиваемая интеллигентная пара состоитъ въ бракѣ гражданскомъ, не вѣнчанная, власти офиціально объявляли такихъ женщинъ... *проститутками!!!*...

„Арестовано много дѣвицъ и женщинъ-нигилистокъ,—читаемъ въ корреспонденціи того времени изъ Петербурга въ *Колоколѣ*.— Изъ послѣднихъ нѣкоторыя выпущены и вмѣстѣ съ тѣмъ награждены желтыми билетами, которые выдаютъ публичнымъ женщинамъ...“ [2]).

Это — фактъ, подтвержденный многими современниками той эпохи...

Осуждая безусловно каракозовскій выстрѣлъ, Герценъ въ виду всего послѣ того происшедшаго писалъ:

---

[1]) Ibid., 1866 г., № 218.
[2]) *Колоколъ*, 1866 г., № 221.

„Намъ рѣшительно нѣтъ шанса хоть косвенно сказать слово въ пользу предержащихъ властей. Выстрѣлъ 4-го апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, которую на себя бралъ какой-то фанатикъ. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ — первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами“ [1]).

Но было сдѣлано все, рѣшительно все, чтобы даже у Герцена, сильнаго, мужественнаго, стойкаго Герцена, почти опускались отъ отчаянія руки:

„Новости изъ Россіи безконечно печальны,—писалъ онъ въ слѣдующемъ послѣ того нумерѣ своего журнала.—Выстрѣлъ 4-го апрѣля растетъ не по днямъ, а по часамъ въ какую-то *общую бѣду* (курсивъ здѣсь и далѣе Герцена) и грозитъ вырости въ еще страшнѣйшія и въ еще болѣе незаслуженныя Россіей бѣдствія.

„Полицейское бѣшенство достигло чудовищныхъ размѣровъ. Какъ кость, брошенная разсвирѣпѣлымъ сворамъ, выстрѣлъ вновь раззадорилъ злобу грызшихся и сдулъ слабый пепелъ, которымъ начало было заносить тлѣвшій огонь; темныя силы еще выше подняли голову, и Россію ведутъ въ такую черную гавань, что при одной мысли о ней цѣпенѣетъ кровь и кружится голова.

„Выстрѣлъ безуменъ, но каково нравственное состояніе государства, когда его судьбы могутъ измѣняться отъ случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни отстранить невозможно именно потому, что онѣ безумны. Мы рѣшительно не вѣримъ ни въ серьезный, ни въ огромный заговоръ. Заговоръ создается, выдумывается теперь такъ, какъ Фуше выдумывалъ якобинское участіе въ „адской машинѣ“ улицы Никезъ...

„Жизнь народная превосходно поняла выстрѣлъ. Она его превратила въ торжество. Какая овація, коронація, какой елей или sainte-chrême могли больше утвердить тронъ, больше укрѣпить личную силу государя, какъ этотъ выстрѣлъ, съ рукой спасающаго крестьянина, со всей обстановкой. Тутъ-то бы государю и стать во весь ростъ, во всей полнотѣ великодушнаго забвенія, а стрѣлявшаго предоставить обыкновенному суду, но суду гласному. Онъ этого не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать,— онъ окруженъ *русскимъ тайнымъ жондомъ*. Темная интрига сдѣлала себѣ изъ выстрѣла знамя гибели, то знамя, которое на старинныхъ нѣмецкихъ картинкахъ мы видимъ въ рукахъ смерти вмѣстѣ съ косой... Да, жондъ будетъ косить направо и налѣво, косить

---

[1]) *Колоколъ*, № 219.

прежде всего своихъ враговъ, косить освобождающееся слово, косить независимую мысль, косить головы, гордо смотрящія впередъ, косить народъ, которому теперь льстятъ,—и все это подъ осѣненіемъ знамени, возвѣщающаго, что *они* спасаютъ царя, что *они* мстятъ за него. Горе Россіи, если царь *окончательно* повѣритъ, что тайный жондъ его спасаетъ. Мы пройдемъ страшнѣйшей бпроновски-аракчеевской эпохой, мы пройдемъ застѣночнымъ ханжествомъ новыхъ Магницкихъ, мы пройдемъ всѣми ужасами свѣтскаго инквизиторства да еще со всѣми усовершенствованіями, вводимыми поддѣльной гласностью и полицейской, сквернословящей литературой...".

И Герценъ въ своемъ предвидѣніи не ошибся...

Послѣ 1866 г. власти могли бы ликовать; „крамолу" онѣ, дѣйствительно, искоренили на нѣсколько лѣтъ, но онѣ терроризовали не одно только общество.

Имѣвшій большія связи въ мірѣ аристократическомъ и придворномъ, князь П. А. Кропоткинъ разсказываетъ, что „Треповъ до того напугалъ призракомъ революціи, которая вотъ-вотъ разразится въ Петербургѣ, что если всесильный оберъ-полицеймейстеръ опаздывалъ во дворецъ съ ежедневнымъ докладомъ, то справлялись: все ли спокойно въ Петербургѣ" [1]).

Наступившій послѣ 1866 года усиленный разгулъ реакціи повліялъ на общество самымъ подавляющимъ образомъ.

Пріѣхавши въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургъ, П. А. Кропоткинъ нашелъ тамъ въ литературныхъ кругахъ и обществѣ такое настроеніе:

„Чѣмъ сильнѣе радикальничали они (литераторы) десять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ болѣе трепетали они теперь. Насъ съ братомъ [2]) очень хорошо приняли въ двухъ-трехъ литературныхъ кружкахъ, и мы иногда бывали на ихъ пріятныхъ собраніяхъ. Но какъ только бесѣды теряли фривольный характеръ или какъ только братъ поднималъ серьезные вопросы, направлялъ разговоръ на внутреннія дѣла или положеніе Франціи, которую Наполеонъ велъ къ страшному кризису 1870 года,—такъ кто-нибудь изъ старшихъ уже навѣрно прерывалъ разговоръ громкимъ вопросомъ: „А кто былъ, господа, на послѣднемъ представленіи Прекрасной Елены?" Или: „А какого вы, сударь, мнѣнія объ

[1]) *П. А. Кропоткинъ*. „Записки революціонера", стр. 229.

[2]) Братъ П. А. Кропоткина—А. А. Кропоткинъ былъ сосланъ въ Сибирь административно и въ 1886 г. застрѣлился въ Томскѣ.

этомъ балыкѣ?“ Разговоръ такъ и обрывался. Внѣ литературныхъ кружковъ положеніе дѣла обстояло еще хуже“ [1]).

И все-таки, даже достигши такого „умиротворенія“, власти неукоснительно продолжали систему репрессій.

Въ 1867 году было закрыто Петербургское земство, и были высланы земцы гр. А. П. Шуваловъ за границу и Н. Ф. Крузе въ деревню [2]).

Являвшійся въ своемъ „дневникѣ“ такимъ „конституціоналистомъ“ графъ П. А. Валуевъ велъ себя по отношенію къ земствамъ и печати, какъ чистокровный реакціонеръ.

Достойно замѣчанія, что послѣ того, какъ въ 1871 г. были сожжены двѣ книжки славянофильской *Бесѣды*, даже славянофилы не могли имѣть очень долго своихъ печатныхъ органовъ.

Все было пригнетено, надъ всѣмъ царило всевластное „Третье Отдѣленіе“. Во время разбиравшагося въ 1871 году процесса „нечаевцевъ“,—о нихъ у насъ рѣчь будетъ ниже,—былъ установленъ такой фактъ: Нечаевъ былъ знакомъ въ Петербургѣ съ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Калачевскимъ и задумалъ его шантажировать. Для этого онъ поручилъ братьямъ Лихутинымъ и Мокріевичу [3]) взять съ Калачевскаго шантажнымъ образомъ вексель въ 6.000 рублей. Одинъ изъ Лихутиныхъ пригласилъ Калачевскаго къ себѣ, и когда послѣдній выходилъ отъ него, къ нему подошли другой Лихутинъ (переодѣтый офицеромъ) и Мокріевичъ и заявили, что они — чины III Отдѣленія и арестуютъ Калачевскаго. Приведя затѣмъ якобы арестованнаго въ Знаменскую гостиницу, они предложили ему на выборъ: или быть отправленнымъ немедленно въ III Отдѣленіе, или подписать вексель въ 6.000 рублей. Калачевскій выбралъ послѣднее [4])...

Конечно, подобный фактъ такъ же глубоко возмутителенъ, какъ и многое другое, что продѣлывалъ Нечаевъ, этотъ истинный сынъ эпохи произвола, только навыворотъ, но спрашивается: каково же должно было быть психическое состояніе средняго русскаго человѣка, съ которымъ были вполнѣ воз-

---

[1]) *П. А. Кропоткинъ*, стр. 236.

[2]) Объ этомъ см. „Письмо изъ Петербурга“. *Колоколъ*, 1867 года, №№ 235—236.

[3]) Не надо смѣшивать съ В. К. Мокріевичемъ. Это былъ его однофамилецъ.

[4]) „Государственныя преступленія въ Россіи“, т. I, стр. 212.

можны такія продѣлки? Онъ былъ такъ беззащитенъ, такъ отданъ на растерзаніе всякому произволу, что безпричинный арестъ на улицѣ „чинами III Отдѣленія“ казался ему дѣломъ самымъ обыденнымъ, а когда самозванные „чины“ предложили ему откупиться, то и это не показалось арестованному ни въ малѣйшей степени удивительнымъ. Напротивъ, онъ еще съ радостью схватился за предложенное средство избавленія...

Такъ обстояло дѣло въ Россіи къ концу 60-хъ годовъ касательно отношеній между властью и обществомъ. Духъ протеста противъ „существующаго порядка“ сосредоточился, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ условіяхъ, въ студенчествѣ, изъ среды котораго и вышелъ вскорѣ главный контингентъ активныхъ народниковъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, мы должны посвятить особую главу главнѣйшему вдохновителю движенія молодежи семидесятыхъ годовъ—М. А. Бакунину.

III.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ и „бакунизмъ“.

Бакунинъ... Это былъ настоящій революціонный титанъ, это былъ именно „апостолъ всемірнаго разрушенія“, какъ назвалъ знаменитаго русскаго анархиста въ своей извѣстной книгѣ „Современный соціализмъ“ Лавелэ. Конечно, не столько *идеи* Бакунина влекли къ нему всѣ „горячія головы“, сколько его, дѣйствительно, могучая личность, его сказочная по богатству революціоннаго содержанія жизнь, его замолкнувшій лишь съ послѣднимъ біеніемъ сердца вѣчно юный неугомонъ души, его дерзновенная отвага, его никогда не изсякавшій паѳосъ „бунтаря“...

Не біографію Бакунина, разумѣется, дадимъ мы читателю въ настоящей главѣ нашей книги,—это вывело бы насъ далеко за предѣлы поставленной нами себѣ задачи,—но чтобы понять нашъ русскій „бакунизмъ“ семидесятыхъ годовъ, на главныхъ чертахъ жизни Бакунина намъ остановиться совершенно необходимо.

Дворянинъ Тверской губерніи, учившійся въ артиллерійскомъ училищѣ, произведенный затѣмъ въ прапорщики артиллеріи и вышедшій въ 1835 году въ отставку, потомъ членъ кружка Станкевича, спеціалистъ „по Гегелю“ и „философскій другъ“ Бѣлинскаго, вмѣстѣ съ которымъ онъ доходитъ до полнаго примиренія съ „гнусной рассейской дѣйствительностью“, Бакунинъ въ 1840 году уѣзжаетъ въ Германію, слушаетъ тамъ одновременно съ Тургеневымъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ, потомъ примыкаетъ къ „лѣвому гегелизму“, сходится съ Арнольдомъ Руге и другими нѣмецкими революціонерами, провозглашаетъ подъ псевдонимомъ француза Жюля Элизара въ статьѣ, о которой мы

уже упоминали, лозунгъ всей своей послѣдовавшей жизни — „страсть къ разрушенію есть въ то же время страсть творческая“, ѣдетъ въ Швейцарію, гдѣ сближается съ нѣмецкими коммунистами, группировавшимися около Вейтлинга, потомъ во Францію, гдѣ знакомится съ Прудономъ, на котораго оказываетъ вліяніе, Гервегомъ, Жоржъ-Зандъ, Марксомъ и многими другими революціонными знаменитостями того времени, произноситъ въ Парижѣ въ годовщину польскаго возстанія 1830 года рѣчь, благодаря которой окончательно сжигаетъ всѣ свои по отношенію къ русскимъ властямъ корабли и за которую, по настоянію русскаго посланника, министръ Гизо высылаетъ его изъ Франціи, послѣ чего Бакунинъ переѣзжаетъ въ Брюссель, гдѣ знакомится съ знаменитымъ польскимъ историкомъ Лелевелемъ, продолжаетъ знакомство съ Марксомъ, Энгельсомъ и другими жившими въ Бельгіи представителями нѣмецкой эмиграціи, и хотя онъ былъ уже съ Марксомъ на „ты“, но внутренняго сближенія между ними и тогда не происходитъ,—даже, напротивъ,—возвращается послѣ февральской революціи въ Парижъ, окупается съ головой въ волны революціоннаго моря, затѣмъ выѣзжаетъ съ „братской акколадой“ Косидьера, незнавшаго какъ отъ него отдѣлаться, къ австрійскимъ славянамъ; по дорогѣ видитъ онъ, что крестьяне осаждаютъ какой-то баронскій замокъ, но не могутъ его взять; припоминаетъ онъ тутъ свои военныя познанія, соскакиваетъ съ телѣжки, даетъ наставленія крестьянамъ, строитъ ихъ въ необходимый для приступа на замокъ боевой порядокъ, снова садится въ телѣжку, оглядывается черезъ нѣкоторое время и видитъ, что замокъ уже горитъ со всѣхъ четырехъ сторонъ... Было тутъ что-то стихійное, что-то отъ „Тараса Бульбы“, который тоже не задавалъ вопроса „за что?“, а лишь спрашивалъ: „*кого* нужно бить?“... Въ общемъ враги, конечно, были извѣстны и тому и другому: одинъ говорилъ: „гайда, вырѣжемъ все католичество!“, другой—„гайда, разрушимъ дотла весь старый міръ“. И въ преслѣдованіи своихъ цѣлей оба они обнаруживали одинаково желѣзную мощь *характеровъ*...

По пріѣздѣ снова въ Германію Бакунинъ встрѣтился со многими нѣмецкими революціонерами, которые въ общемъ произвели на него впечатлѣніе большихъ „филистеровъ“. Онъ находилъ, правда,—какъ писалъ онъ тогда же Анненкову,—что „республика въ Германіи неминуема“, мнѣніе, раздѣлявшееся,

впрочемъ, тогда и многими нѣмцами, но это, молъ, пустяки, потому что „Deutsche Einheit“—идеалъ всякаго нѣмца-буржуа, а какой же можетъ быть серьезный изъ этого толкъ? „Что живо въ Германіи,—писалъ Бакунинъ Анненкову въ томъ же письмѣ,—это начинающій двигаться пролетаріатъ и крестьянское сословіе; здѣсь будетъ еще революція страшная, настоящій потокъ взрывовъ; потокъ этотъ смоетъ съ лица земли *развалины стараго міра,* и тогда доброму говорливому Bürger'у будетъ плохо, очень плохо“. Но это потомъ, а сейчасъ гораздо интереснѣе славяне, и Бакунинъ летитъ въ Прагу, гдѣ происходитъ славянскій съѣздъ, дѣлается однимъ изъ его руководителей, редактируетъ манифестъ къ европейскимъ народамъ, затѣмъ принимаетъ горячее участіе въ такъ называемомъ „святодуховскомъ возстаніи“ въ Прагѣ, послѣ подавленія котораго, какъ пишетъ Герценъ, „Бакунинъ дѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому, соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ и со многими поляками; на него отъ венгровъ пріѣзжалъ гр. Телеки. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которую не отрицали его враги“ [1]). Во время своего предводительствованія возстаніемъ въ Дрезденѣ Бакунинъ совѣтовалъ между прочимъ для защиты города отъ прусскихъ войскъ поставить на городскія стѣны знаменитую мадонну Рафаэля и другія величайшія произведенія искусства изъ дрезденской галлереи, ибо, говорилъ онъ, нѣмцы „zu klassisch gebildet“, чтобы рѣшиться стрѣлять по Рафаэлю [2]); но прусскія войска побѣдили, и Дрезденъ былъ взятъ. Бакунинъ еще и тогда старался уговорить одного изъ предводителей инсуррекціи, Борна, пробраться

[1]) *Колоколъ* 15 января 1862 г., № 119—120.

[2]) Такъ разсказывалъ объ этомъ Герценъ (см. Посмертныя сочиненія, стр. 195). *З. К. Ралли* разсказываетъ, какъ въ его присутствіи спросили Бакунина шутя, поступилъ ли бы онъ такъ и въ томъ случаѣ, если бы пришлось защищаться отъ начальниковъ русскихъ войскъ? „Ну, братъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Бакунинъ.—Нѣмецъ—человѣкъ цивилизованный, а русскій человѣкъ—дикарь; онъ и не въ Рафаэля станетъ стрѣлять, а въ самую какъ есть Божію Матерь, если начальство прикажетъ. Противъ русскаго войска съ казаками грѣшно пользоваться такими средствами: и народа не защитишь, и Рафаэля погубишь“ (М. А. Бакунинъ. „Изъ монхъ воспоминаній“. *Минувшіе Годы*, 1908 г., октябрь, стр. 147).

съ оставшимися силами въ Богемію и тамъ попытаться поднять возстаніе, но Борнъ на это не согласился и распустилъ свой отрядъ. Тогда другой предводитель возстанія Гейбнеръ, Бакунинъ и знаменитый композиторъ Рихардъ Вагнеръ направились въ г. Хемницъ, но мѣстные жители арестовали первыхъ двухъ (Вагнеру удалось скрыться) и выдали ихъ пруссакамъ.

Началась для Бакунина многолѣтняя подневольная жизнь въ нѣмецкихъ, австрійскихъ и русскихъ казематахъ, а затѣмъ и въ Сибири. Бакунина судили сначала въ Саксоніи и приговорили къ обезглавленію, но саксонскій король замѣнилъ ему смерть пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпости Кёнигштейнъ, откуда въ 1850 году узникъ былъ выданъ Австріи. Тамъ его снова судили, снова приговорили къ смертной казни и снова замѣнили смерть вѣчнымъ заключеніемъ въ крѣпости. Бакунинъ содержался сначала въ Прагѣ, но въ 1851 г. въ виду слуховъ о готовящемся его насильственномъ освобожденіи перевели его въ Ольмюцъ, гдѣ онъ и просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, *прикованный къ стѣнѣ*. Потомъ австрійцы выдали его Россіи. Императоръ Николай заключилъ Бакунина въ Петропавловскую крѣпость, откуда въ 1854 году его перевезли и замуровали въ Шлиссельбургъ [1]). Съ восшествіемъ на престолъ Александра II за Бакунина начались хлопоты, но первоначально государь отвѣтилъ, что „пока онъ живъ, Бакунинъ изъ крѣпости не выйдетъ“; потомъ онъ однако согласился выслать узника въ Сибирь; генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ тогда извѣстный графъ Муравьевъ-Амурскій, родственникъ Бакунина. Благодаря этому обстоятельству, Бакунину въ Сибири жилось сносно, а въ 1861 году, перебравшись черезъ Амуръ, Японію и Америку, онъ появился снова въ Лондонѣ. Еще изъ Нью-Іорка Бакунинъ извѣщалъ Герцена и Огарева о своемъ побѣгѣ въ такихъ словахъ: „разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ, не говорю—дѣломъ: это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики или даже въ прохвосты, и если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ“...

Изъ вышеприведеннаго отзыва Бакунина о „Молодой Россіи“ мы уже видѣли, что еще въ 1862 году по отношенію къ русскимъ дѣламъ онъ держался весьма умѣренныхъ взглядовъ, но

---

[1]) См. примѣчаніе въ концѣ книги.

событія въ Россіи пошли такою дорогою, что онъ снова и тутъ „тряхнулъ стариной“, принялъ живѣйшее участіе въ польскомъ возстаніи 1863 года, надѣясь, что оно распространится и на Россію, ѣздилъ въ Швецію, заводилъ всякаго рода революціонныя связи...

Объ этомъ времени Герценъ разсказываетъ такъ:

„Бакунинъ былъ въ Швеціи, знакомясь со всѣми, открывая пути въ „Землю и Волю“ черезъ Финляндію, слаживая посылку *Колокола* и книгъ и видаясь съ представителями всѣхъ польскихъ партій. Принятый министрами и братомъ короля, онъ всѣхъ увѣрялъ въ неминуемомъ возстаніи крестьянъ и въ сильномъ волненіи умовъ въ Россіи. Увѣрялъ тѣмъ больше, что онъ самъ *искренно вѣрилъ* (курсивъ Герцена), если не въ такихъ размѣрахъ, то въ растущую силу. Объ экспедиціи Лапинскаго тогда никто не думалъ [1]). Цѣль Бакунина состояла въ томъ, чтобы, устроивши все въ Швеціи, пробраться въ Польшу и Литву“.

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ пишетъ: „Бакунинъ помолодѣлъ: онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикады; онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспираціи, консультаціи, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификаціи, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ... Бакунинъ вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и мы; *да вѣрило и само правительство* (курсивъ Герцена), какъ оказалось впослѣдствіи рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу... Бакунинъ, не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ въ одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекался не доводами, а желаніемъ. Онъ *хотѣлъ* (курсивъ Герцена) вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ, какъ одинъ

[1]) О такъ называемой „экспедиціи Лапинскаго“, т.-е. попыткѣ отправить подъ предводительствомъ послѣдняго на помощь польскимъ повстанцамъ морскимъ путемъ изъ Англіи вспомогательный отрядъ добровольцевъ см. статью Берга „Морская экспедиція повстанцевъ 1863 года“ въ январской книжкѣ *Историческаго Вѣстника* за 1881 г. (Основаніемъ для этой статьи послужилъ помѣщенный самимъ Лапинскимъ разсказъ объ этой экспедиціи въ №№ 180—227 за 1878 годъ польской газеты *Gazeta Narodowa*). См. также статью Герцена „Пароходъ Ward Jackson“.

человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобы узаконить расколъ"...

Но разлетѣлись, какъ дымъ, всѣ эти мечты: возстаніе въ Польшѣ было подавлено огнемъ и мечомъ, реакція въ самой Россіи все болѣе и болѣе свирѣпѣла, и въ 1864 году мы застаемъ Бакунина уже живущимъ во Флоренціи. Затѣмъ онъ переселяется въ Неаполь, гдѣ живетъ до 1867 года. Что же онъ тамъ дѣлаетъ? Вступаетъ въ борьбу не на животъ, а на смерть съ вреднымъ, по его мнѣнію, вліяніемъ въ Италіи Маццини, поставившимъ на своемъ знамени девизъ: „Dio e popolo" (Богъ и народъ),—съ тѣмъ Маццини, къ *личности* котораго онъ относится съ глубочайшимъ уваженіемъ и даже чувствуетъ къ къ нему особую признательность за то, что Маццини принялъ живѣйшее участіе въ опроверженіи клеветъ, взведенныхъ на него, Бакунина, когда онъ былъ въ заточеніи,—объ этомъ мы скажемъ ниже,—и все-таки, находя вліяніе Маццини въ Италіи вреднымъ, онъ вступаетъ съ нимъ въ ожесточенную войну. Въ Италіи онъ основалъ тайное общество подъ названіемъ „Союзъ соціальной демократіи", переименованное затѣмъ въ „Международный союзъ соціалъ-революціонеровъ". Самъ Бакунинъ говорилъ о задачахъ этого общества такъ: „возникнувъ какъ утвержденіе соціализма противъ религіозно-политическаго догматизма Маццини, Союзъ поставилъ въ своей программѣ атеизмъ, совершенное отрицаніе всякаго авторитета и власти, отрицаніе гражданственности, замѣняющей въ государствѣ свободную человѣчность, коллективную собственность; онъ объявилъ трудъ основаніемъ общественной организаціи, которая въ этой его программѣ указывалась въ видѣ вольной федераціи снизу вверхъ" [1]). Въ Неаполѣ Бакунинъ и его друзья основали журналъ *Liberta e Giustizia* (*Свобода и Справедливость*), въ которомъ самъ Бакунинъ подробно развивалъ свои взгляды [2]). Нѣ-

---

[1]) „Историческое развитіе Интернаціонала", изданіе соціально-революціонной партіи, 1873 г., глава XXXI, стр. 301.

[2]) Существуетъ одно чрезвычайно характерное для „бакунизма" письмо Бакунина (1872 г.) къ итальянцамъ Чельсо и Черрети. „Вашъ крестьянскій народъ,—писалъ въ этомъ письмѣ Бакунинъ,—по природѣ революціоненъ, несмотря на духовенство, вліяніе котораго только поверхностно... Вашъ крестьянинъ по необходимости соціалистиченъ, и съ революціонной точки зрѣнія можно сказать, что онъ находится въ самыхъ лучшихъ условіяхъ, такъ

которые изъ друзей Бакунина основали такія же общества въ Испаніи, а отдѣльныхъ членовъ, по словамъ Бакунина, общество имѣло въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Англіи, Бельгіи, Франціи и другихъ государствахъ. Въ то время уже возникло знаменитое „Международное Общество Рабочихъ“, и Бакунинъ спѣшилъ принять въ немъ участіе. Однако, раньше чѣмъ окончательно съ нимъ сблизиться, Бакунинъ сдѣлалъ попытку увлечь на путь революціоннаго соціализма основанную въ 1867 г. „Лигу мира и свободы“. Пріѣхавши въ Швейцарію, онъ явился на первый конгрессъ Лиги въ Женевѣ, примкнулъ къ ней и даже сдѣлался членомъ ея центральнаго комитета. На второмъ конгрессѣ Лиги въ Бернѣ (въ 1868 г.) онъ и его нѣсколько товарищей по тайному обществу (Элизе Реклю, Жакляръ, Фанелли, русскій эмигрантъ Николай Жуковскій, полякъ Валеріанъ Мрочковскій и др.), потерпѣли со стороны большинства Лиги неудачу въ проведеніи соціалистическихъ резолюцій, вышли изъ Лиги и основали „Интернаціональный союзъ соціальныхъ революціонеровъ“, программу котораго редактировалъ Бакунинъ.

Въ этой программѣ говорилось, что „Союзъ объявляетъ себя атеистическимъ; онъ хочетъ окончательнаго и полнаго уничтоженія классовъ и уравненія политическаго, экономическаго и соціальнаго личностей обоего пола и съ этой цѣлью требуетъ прежде всего уничтоженія права наслѣдства, чтобы отнынѣ каждый пользовался пропорціонально своему производству и чтобы, согласно рѣшеніямъ послѣдняго рабочаго конгресса въ Брюсселѣ, земля, орудія труда и всякій вообще капиталъ обратились въ коллективную собственность всего общества и со-

---

какъ онъ находится въ отвратительномъ экономическомъ положеніи... Вообразите себѣ, что во всѣхъ итальянскихъ деревняхъ раздастся кличъ: „guerre aux châteaux et paix aux chaumières“, какъ во время возстанія нѣмецкихъ крестьянъ въ 1520 году, или тотъ другой, еще болѣе выразительный: „земля крестьянамъ, т.-е. всѣмъ тѣмъ и только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками!“—вы думаете, много найдется въ Италіи крестьянъ, которые останутся спокойны. При этомъ жгите побольше офиціальныхъ бумагъ, *и соціальная революція будетъ сдѣлана*“. (Письмо это найдено извѣстнымъ біографомъ Бакунина Нетлау и напечатано въ Брюсселѣ въ февральскомъ номерѣ *Société Nouvelle* за 1896 г. Русскій переводъ былъ напечатанъ въ 1907 г. въ историческомъ сборникѣ *Наша Страна*. Цитируемое мѣсто на стр. 12—13.) Если здѣсь замѣнить слова „Италія“ „Россіей“ и „итальянскій“ „русскимъ“, то получимъ главныя основы „бакунистской“ программы, съ которою двинулась въ 70-хъ годахъ „въ народъ“ русская революціонная молодежь.

стояли бы въ пользованіи исключительно работниковъ, т.-е. земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій. Онъ признаетъ, что всѣ нынѣшнія государства, политическія и авторитарныя, должны уничтожиться во всемірной федераціи земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій. Онъ отвергаетъ всякое политическое дѣйствіе, не имѣющее непосредственной и прямой цѣлью торжество рабочаго дѣла противъ капитала“ [1]).

Вотъ этотъ-то „Союзъ“ и объявилъ себя вѣтвью „Международнаго Общества Рабочихъ“ и принялъ его статуты.

Когда въ 1870 г. началась между Франціей и Германіей война, то Бакунинъ выходилъ изъ себя, всячески ругая нѣмецкихъ рабочихъ за то, что они не пользуются тѣмъ, что нѣмецкія войска выведены изъ Германіи и не совершаютъ соціальной революціи, а когда въ Парижѣ произошла страшная трагедія „Парижской Коммуны“,—событіе, имѣвшее сильное вліяніе и на русскую радикальную молодежь того времени,—то Бакунинъ полетѣлъ въ Ліонъ и принялся за организацію революціонныхъ силъ „федералистовъ“.

Сформировали батальоны, раздѣлили городъ на кварталы и поставили во главѣ каждаго квартала особые комитеты, въ которые вошли члены интернаціональныхъ секцій рабочихъ. Затѣмъ Бакунинъ редактировалъ „декретъ арміи“, которымъ провозгласилъ *„всѣхъ офицеровъ арміи разжалованными“* и приказывалъ солдатамъ „немедленно избрать себѣ новыхъ начальниковъ“. Эту прокламацію развѣсили во всѣхъ казармахъ города Ліона. Издавши затѣмъ прокламацію отъ имени „федераціи революціонныхъ общинъ“, въ которой объявлялось, что „правительство и администрація, признанныя безсильными, низлагаются“ и составляется „конвентъ, который соберется тотчасъ въ городской ратушѣ города Ліона“, и онъ, этотъ конвентъ, „опирающійся на народъ, спасетъ Францію“ (прокламація была подписана Бакунинымъ, Сенемъ, Ривьеромъ, Ришаромъ, Паликсомъ, Бастелика и др.), Бакунинъ и его друзья овладѣли силой зданіемъ ратуши. Съ балкона ея Бакунинъ и другіе произнесли рѣчи къ народу. Объявили, что Клюзере назначается начальникомъ ліонской національной гвардіи, и поручили ему арестовать всѣхъ офицеровъ и коменданта Мазюро. Клю-

[1]) Интернаціональный союзъ соціальныхъ революціонеровъ. Историческое развитіе Интернаціонала, стр. 312—313.

зере отправился исполнять этотъ приказъ, но его арестовали самого, а вслѣдъ затѣмъ арестовали на улицѣ и Бакунина и заперли его въ одной изъ комнатъ ратуши. Но нахлынула толпа его приверженцевъ, во главѣ которой находились бывшій русскій офицеръ Озеровъ и польскій типографщикъ Лункевичъ, и освободили Бакунина изъ-подъ ареста. Тѣмъ не менѣе дѣло было проиграно и пришлось уѣзжать изъ Ліона. Уѣзжая, Бакунинъ написалъ Паликсу письмо, въ которомъ предсказывалъ наступленіе тяжелыхъ временъ: „я покидаю Ліонъ съ глубокой грустью, съ мрачными предчувствіями. Я начинаю думать о томъ, что теперь будетъ съ Франціей. Она сдѣлается вассальнымъ княжествомъ Германіи. Мѣсто ея живого, дѣйственнаго соціализма *займетъ доктринерскій соціализмъ нѣмцевъ*, которые говорятъ лишь то, что позволяютъ имъ сказать русскіе штыки. Бюрократическій и военный разумъ Пруссіи въ союзѣ съ кнутомъ петербургскаго правительства водворятъ спокойствіе и порядокъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ на всемъ континентѣ Европы. Прощай свобода, прощай соціализмъ, прощай народная правда и торжество гуманности“ [1]).

Свои мысли по этому поводу Бакунинъ, возвратясь изъ Ліона въ Локарно, изложилъ въ брошюрѣ „L'empire knouto-germanique et la révolution sociale“, а потомъ, когда къ голосамъ хулителей коммуны присоединилъ свой голосъ Маццини, онъ написалъ „Réponse d'un internationale à Mazzini“ и брошюру „La théologie politique de Mazzini et l'Internationale“. По словамъ Гильома, эти произведенія имѣли огромный успѣхъ.

„Бакунинъ, создавшій Интернаціоналъ въ Испаніи благодаря отправкѣ туда Фанелли въ 1868 году, теперь создалъ Интернаціоналъ въ Италіи, благодаря полемикѣ его съ Маццини въ 1871 году. Итальянскій Интернаціоналъ съ жаромъ бросился въ борьбу не только противъ господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, но и противъ покушеній отдѣльныхъ лицъ, стремившихся въ этотъ моментъ установить принципы власти въ Международной Ассоціаціи Рабочихъ“ [2]).

Годы пребыванія Бакунина въ Интернаціоналѣ наполнены его борьбою съ Марксомъ. Такъ какъ теченіе и исходъ этой

---

[1]) Изъ воспоминаній *З. К. Ралли. Минувшіе Годы.* 1908 г., октябрь. Стр. 163—167.

[2]) *Гильомъ.* „М. А. Бакунинъ“. *Былое.* 1906 г., августъ. Стр. 247.

борьбы оказали на русское активное народничество очень большое вліяніе, то намъ надо на ней остановиться, а для этого мы должны возвратиться къ взаимнымъ отношеніямъ, существовавшимъ между этими двумя лидерами европейскаго революціоннаго движенія съ давнихъ поръ.

Ихъ борьба,—сколько бы ни находилось въ ней личныхъ элементовъ взаимнаго раздраженія,—была несомнѣнно не борьбою личною, а борьбою цѣлыхъ двухъ міросозерцаній, двухъ системъ, двухъ направленій и—last not least—двухъ *настроеній*. Поэтому-то она и заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

Бакунинъ, по его собственнымъ словамъ, познакомился съ Марксомъ въ 1845 году. „Марксъ,—пишетъ Бакунинъ,—былъ тогда болѣе крайній, чѣмъ я. Я совсѣмъ былъ незнакомъ тогда съ политической экономіей, я не освободился еще отъ метафизическихъ абстракцій, и мой соціализмъ былъ тогда инстинктивнымъ. Онъ же, хотя и моложе меня годами, былъ уже атеистомъ, научнымъ матеріалистомъ и сознательнымъ соціалистомъ. Именно въ эту эпоху онъ вырабатывалъ первыя основанія своей настоящей системы (цитируемыя строки написаны Бакунинымъ въ 1871 году. *В. Б.*). Мы довольно часто видѣлись другъ съ другомъ, потому что я очень уважалъ его за его знанія, за его страстную и серьезную преданность дѣлу пролетаріата, хотя всегда съ примѣсью личнаго тщеславія; я съ интересомъ слушалъ его разговоры, всегда поучительные и умные, если только они не вдохновлялись жалкой злобой, что, къ сожалѣнію, бывало очень часто. Однако между нами никогда не было полной близости; наши темпераменты не переносили этого. Онъ называлъ меня сентиментальнымъ идеалистомъ и былъ правъ; я его называлъ мрачнымъ, вѣроломнымъ, тщеславнымъ человѣкомъ и тоже былъ правъ“ [1]).

Говоря въ другомъ письмѣ (отъ 1870 года) о Прудонѣ, какъ о человѣкѣ, „имѣвшемъ инстинкты генія, указывавшіе ему истинную дорогу“, но который, „увлекаемый дурными идеалистическими привычками своего ума, всегда впадалъ въ свои старыя ошибки“ Бакунинъ тутъ же говоритъ о Марксѣ такъ:

„Марксъ, какъ мыслитель, идетъ правильнымъ путемъ. Онъ установилъ принципъ, что въ исторіи всѣ эволюціи политиче-

---

1) *Гильомъ*, стр. 231.

скія, религіозныя и юридическія—не причины, а слѣдствія экономической эволюціи. Эта великая и плодотворная идея не имъ придумана: она была предусмотрѣна, отчасти выражена многими другими; но во всякомъ случаѣ онъ ее обосновалъ и положилъ, какъ базу всей своей экономической системы. Съ другой стороны, Прудонъ лучше его понималъ и чувствовалъ свободу. Прудонъ обладалъ истиннымъ инстинктомъ революціонера; когда онъ не занимался доктриной и метафизикой, онъ поклонялся сатанѣ и провозглашалъ анархію. Вполнѣ возможно, что Марксъ *теоретически* (курсивы Бакунина) могъ возвыситься до системы свободы болѣе раціональной, чѣмъ Прудонъ, но у него нѣтъ *инстинкта свободы*, онъ съ головы до ногъ autoritaire“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Бакунинъ пишетъ:

„Марксъ перечиталъ, разумѣется, всѣхъ французскихъ соціалистовъ отъ Сенъ-Симона до Прудона включительно; послѣдняго, какъ извѣстно, онъ ненавидитъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ безпощадной критикѣ, направленной имъ противъ Прудона, много правды: Прудонъ, не взирая на всѣ старанія стать на почву реальную, остался идеалистомъ и метафизикомъ. Его точка отправленія—абстрактная идея права; отъ права онъ идетъ къ экономическому факту, а Марксъ, въ противоположность ему, высказалъ и доказалъ ту несомнѣнную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей исторіей человѣческаго общества, народовъ и государствъ, что экономическій фактъ всегда предшествовалъ и предшествуетъ юридическому и политическому праву. Въ изложеніи и доказательствѣ этой истины состоитъ именно одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ Маркса. Но что замѣчательнѣе всего и въ чемъ, разумѣется, Марксъ никогда не признавался,—это то, что въ отношеніи политическомъ Марксъ прямой ученикъ Луи Блана. Марксъ несравненно умнѣе и несравненно ученѣе этого маленькаго, неудавшагося революціонера и государственнаго человѣка, но, какъ нѣмецъ, несмотря на свой почтенный возрастъ, онъ попалъ въ ученье къ крошечному французу. Впрочемъ, эта странность объясняется просто: риторикъ-французъ, какъ буржуазный политикъ и какъ отъявленный поклонникъ Робеспьера, и ученый нѣмецъ въ своемъ тройномъ качествѣ гегельянца, еврея и нѣмца, оба отчаянные

[1]) Ibid., стр. 232.

государственники и оба проповѣдуютъ государственный коммунизмъ“ [1]).

Уже изъ этихъ отрывковъ видно, что у Маркса съ одной стороны, и Бакунина—съ другой, дѣйствительно, натуры, темпераменты были не только совершенно различны, но и, можно сказать, прямо противоположны. Сила мысли, мощь логики, объемъ знаній, все это было, по признанію самого Бакунина, на сторонѣ Маркса, но у него Бакунинъ видѣлъ стремленіе къ „авторитарности“ и отсутствіе „истиннаго инстинкта революціонера“. Съ другой стороны, какое впечатлѣніе долженъ былъ производить на Маркса и его друга Энгельса Бакунинъ, этотъ, откуда-то взявшійся, скиѳъ съ его инстинктами „всемірнаго разрушенія“, съ его апологіей „страсти къ разрушенію, какъ страсти творческой“? Да, приблизительно, такое же, какъ „нигилистъ“ Базаровъ на „культурнаго“ дядюшку Кирсанова.

Высланный изъ Парижа Бакунинъ снова встрѣтился въ Брюсселѣ съ Марксомъ и его друзьями. На этотъ разъ отношенія между нимъ и нѣмецкими эмигрантами оказались еще хуже: „Нѣмцы-ремесленники Борнштейнъ, Марксъ и Энгельсъ, въ особенности Марксъ,—писалъ Бакунинъ тогда же Гервегу,—сѣютъ здѣсь свое обычное зло“. По ихъ мнѣнію, „Фейербахъ—*буржуа* (курсивъ Бакунина). Слово „буржуа“—до тошноты надоѣвшая ругань, а самъ всѣ съ головы до ногъ, до мозга костей мелкіе буржуа... Я держусь вдалекѣ отъ нихъ и рѣшительно заявилъ, что не вступлю въ ихъ коммунистическое ремесленное общество и не желаю имѣть съ ними никакого дѣла“ [2]).

Но вотъ разразилась февральская революція, а вслѣдъ за ней и вся Европа „взяла одръ свой и пошла“. Бакунинъ былъ въ Германіи, Марксъ и Энгельсъ были тамъ же, издавая въ Кельнѣ *Neue Rheinische Zeitung*. Въ это время Гервегъ предпринялъ свое инсуррекціонное движеніе въ Баденѣ. Марксъ напалъ въ своей газетѣ на Гервега, Бакунинъ взялъ его подъ

[1]) *Бакунинъ*. Государственность и анархія. (Борьба двухъ партій въ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ.) 1873 г., ср. весь отзывъ на стр. 222—224 о Марксѣ и Энгельсѣ и ихъ дѣятельности. Названное произведеніе Бакунина было переиздано и въ Россіи, занявши весь второй томъ „Полнаго собранія сочиненій М. А. Бакунина“, въ изданіи Балашова. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ дѣлать ссылки по этому изданію. Цитируемое мѣсто на стр. 272—275.

[2]) *Гильомъ*, стр. 232.

свою защиту, что кончилось его разрывомъ съ Марксомъ. Впослѣдствіи (въ 1871 г.) Бакунинъ объ этомъ писалъ такъ: „въ этомъ вопросѣ, какъ я думаю теперь и скажу это откровенно, Марксъ и Энгельсъ были правы; они вѣрно оцѣнивали тогдашнее положеніе дѣлъ. Но они напали на Гервега съ тою безцеремонностью, которая характерна для ихъ нападокъ; я же сталъ горячо защищать противъ нихъ отсутствующаго. Отсюда и началось нашей ссоры“ [1]).

Потомъ Бакунинъ сталъ дѣйствовать среди славянъ въ Прагѣ. Тогда въ газетѣ Маркса вдругъ появляется корреспонденція изъ Парижа, въ которой находились такія строки: „что касается славянской пропаганды, то насъ вчера увѣряли, что Жоржъ-Зандъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи документы, сильно компрометирующіе изгнаннаго отсюда русскаго Михаила Бакунина, которые изображаютъ его, какъ орудіе или какъ агента Россіи, недавно завербованнаго, и которому приписываютъ главную роль въ недавнихъ арестахъ несчастныхъ поляковъ. Жоржъ Зандъ показывала эти документы нѣкоторымъ изъ своихъ друзей“ [2]).

Бакунинъ письмомъ, напечатаннымъ въ *Allgemeine Oder Zeitung*, горячо протестовалъ противъ низкой клеветы и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ Жоржъ-Зандъ съ просьбой разъяснить эту исторію. Получивши такую просьбу, Жоржъ Зандъ немедленно послала Марксу для напечатанія въ *Neue Rheinische Zeitung* письмо отъ 20-го іюля 1848 г., въ которомъ писала:

„Факты, изложенные вашимъ корреспондентомъ, безусловно ложны. Я никогда не видѣла ни малѣйшихъ доказательствъ инсинуацій, распространяемыхъ вами противъ Бакунина, я никогда не была уполномочена высказывать какія бы то ни было сомнѣнія въ лойяльности его характера и искренности его убѣжденій. Я обращаюсь къ вашей чести и вашей совѣсти немедленно напечатать это письмо въ вашей газетѣ“ [3]).

Марксъ напечаталъ письмо, сопроводивши его такимъ удивительнымъ комментаріемъ:

„Такимъ образомъ, мы исполнили обязанность прессы строго наблюдать за поведеніемъ общественныхъ дѣятелей и дали воз-

---

[1]) Ibid., стр. 233.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 234.

можность г. Бакунину разсѣять подозрѣнія, которыя, дѣйствительно, были распространены въ извѣстныхъ кругахъ Парижа...“ [1]).

Такъ понимала газета Маркса „обязанность прессы“ [2])...

Потомъ Бакунинъ очутился на много лѣтъ въ казематахъ, но черная клевета, несмотря на столь категорическое опроверженіе ея со стороны Жоржъ-Зандъ, продолжала виться около имени узника. Когда Бакунинъ вырвался, наконецъ, изъ неволи, онъ узналъ, что клевета на него не прекратилась, и не пожелалъ видѣться съ Марксомъ. Вспоминая съ благодарностью защиту, которую тогда оказывалъ его чести Маццини, Бакунинъ самъ писалъ по этому поводу такія строки:

„Я имѣлъ также счастье встрѣчаться съ Маццини, и даже очень часто, во время моего пребыванія въ теченіе всего 1862 года въ Лондонѣ. Я никогда не забуду оказаннаго имъ мнѣ благороднаго пріема, когда я прибылъ въ этотъ городъ, бѣжавши изъ Сибири, куда я былъ сосланъ на всю жизнь и гдѣ я прожилъ четыре года, проведя передъ тѣмъ около восьми лѣтъ въ различныхъ крѣпостяхъ Саксоніи, Австріи и Россіи. Я даже на всю жизнь въ долгу передъ Маццини, потому что, зная меня передъ тѣмъ лишь по имени, онъ великодушно взялъ на себя мою защиту противъ низкихъ клеветъ, которыя нѣмецкіе эмигранты, въ особенности евреи, съ отличающею ихъ благородною деликатностью, справедливостью и изяществомъ (gout), принялись распространять на мой счетъ, не столько изъ ненависти ко мнѣ лично, сколько изъ ненависти вообще къ Россіи,

---

[1]) Ibid.

[2]) По случаю, о которомъ у насъ будетъ рѣчь въ слѣд. примѣчаніи, объ этомъ эпизодѣ съ позорившею честь Бакунина замѣткой въ *Neue Rheinische Zeitung* разсказывалъ въ датированномъ 31 августа 1853 года письмѣ въ редакцію *Morning Advertiser* самъ Марксъ: ссылаясь на то, что извѣстіе о Бакунинѣ, какъ агентѣ русскаго правительства, было получено редакціей *Neue Rheinische Zeitung* одновременно изъ двухъ различныхъ источниковъ, Марксъ привелъ дословно тамъ же опроверженіе того же извѣстія о Бакунинѣ и редакціонныхъ комментарій къ нему, помѣщенные въ *Neue Rheinische Zeitung* 3-го августа 1848 года. Въ комментаріи этомъ говорилось: „Wir erfüllten damit eine Pflicht der öffentlichen Presse, die über die öffentliche Charaktere streng zu wachen hat, und zugleich gaben wir Herrn Bakunin Gelegenheit einen Verdacht zum schweigen zu bringen, der in gewissen Pariser Kreisen gegen ihn erhoben wurde“. (*Rjasanoff*. Marx als Verleumder. *Neue Zeit*., 2 Dezember, 1910. S. 282.) Такимъ образомъ разсказъ Гильома совершенно точенъ.

къ славянамъ и въ особенности къ моему соотечественнику Герцену, который, естественно, не замедлилъ имъ на это отвѣчать, т.-е. сдѣлалъ то, чего не могъ я сдѣлать самъ, заключенный сначала въ русскихъ крѣпостяхъ, а потомъ сосланный въ Сибирь и не зная даже о столь низкихъ на меня нападкахъ. Герценъ самъ сказалъ мнѣ, что гражданинъ Карлъ Марксъ,—сдѣлавшійся потомъ однимъ изъ главныхъ основателей Интернаціонала, человѣкъ, на котораго я всегда смотрѣлъ, какъ на одареннаго большимъ интеллектомъ и отличающагося глубокой, исключительной преданностью великому дѣлу освобожденія труда,—принималъ дѣятельное участіе въ этихъ клеветахъ. Я этому особенно не удивился, зная изъ прошлаго опыта, ибо я знаю Маркса съ 1845 года, что знаменитый нѣмецкій соціалистъ, великимъ качествамъ котораго я отдавалъ и всегда буду отдавать полную справедливость, имѣетъ, тѣмъ не менѣе, въ своемъ характерѣ черты, которыя было бы менѣе удивительно встрѣтить у еврейскаго беллетриста, корреспондента нѣмецкихъ газетъ, а не у такого серьезнаго, пылкаго защитника гуманности и спреведливости. Поэтому, прибывши въ 1862 г. въ Лондонъ, я воздержался отъ визита Марксу, имѣя естественно мало желанія возобновить съ нимъ знакомство. Но въ 1864 году, когда я проѣздомъ былъ опять въ Лондонѣ, Марксъ самъ пришелъ ко мнѣ и увѣрялъ меня, что никогда ни прямо, ни косвенно онъ не принималъ участія въ клеветахъ противъ меня, о которыхъ онъ самъ отзывался, какъ о гнусныхъ. Я долженъ былъ ему вѣрить. Какъ бы то ни было, но Мадцини благородно сталъ тогда на мою защиту. Нужно ли мнѣ говорить, что я глубоко привязался къ этой изумительной личности, конечно, чистѣйшей и величайшей изъ всѣхъ, какихъ я когда-либо встрѣчалъ въ своей жизни. Я люблю Мадцини, я чту его такъ же сегодня, какъ чтилъ девять лѣтъ тому назадъ, и все-таки я долженъ противъ него выступать. Я долженъ стать противъ него на сторону Маркса. Такова фатальность, уклоняться отъ которой мнѣ не позволяютъ ни мои убѣжденія, ни моя *религія* (курсивъ Бакунина), не менѣе глубокая и не менѣе чистая, чѣмъ его, Мадцини“ [1]).

[1]) La théologie politique de Mazzini et l'Internationale. Par *M. Bakounine*, membre de l'Association internationale des travailleurs, 1871, ps. 45—46. Мы увидимъ еще ниже примѣры того, какъ легко разбрасывалъ Марксъ на своихъ политическихъ противниковъ самыя тяжелыя обвиненія, увидимъ на

Клеветы на Бакунина не прекратились и въ шестидесятыхъ годахъ.

„Лѣтомъ 1869 г. — пишетъ Гильомъ, — одинъ изъ друзей Маркса, Борхгеймъ, напечаталъ въ берлинской газетѣ *Zukunft* старую клевету, что „Бакунинъ — агентъ русскаго правительства", а Либкнехтъ повторилъ ее въ своей газетѣ *Volksstaat*. Когда послѣдній пріѣхалъ на конгрессъ въ Базель, Бакунинъ пригласилъ его объясниться передъ третейскимъ судомъ. На этомъ судѣ саксонскій соціалистъ утверждалъ, что онъ никогда не обвинялъ Бакунина, что онъ ограничился только повтореніемъ того, что уже было напечатано въ другой газетѣ. Судъ единогласно объявилъ, что Либкнехтъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ съ преступнымъ легкомысліемъ и вручилъ Бакунину эту декларацію,

---

основаніи источниковъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (опубликованныхъ писемъ самого Маркса къ Зорге и Кугельману), но въ данномъ случаѣ намъ кажется, что Марксъ былъ правъ, увѣряя Бакунина, что въ „кампаніи" противъ него, ведшейся въ пятидесятыхъ годахъ, т.-е. тогда, когда Бакунинъ томился въ казематахъ, онъ, Марксъ, не принималъ участія. Обвиненія противъ Бакунина, впервые печатно выставленныя, какъ мы видѣли выше, въ 1848 году въ газетѣ Маркса и тамъ же тогда опровергнутыя, поддерживалъ въ пятидесятыхъ годахъ въ газетѣ *Morning Advertiser* нѣкій *F. M.*, противъ чего печатали протесты Герценъ, Маццини, Ворцель и другіе. Этотъ F. M. былъ до такой степени „поврежденнымъ", что видѣлъ во всѣхъ европейскихъ революціяхъ дѣло рукъ русскаго правительства. Въ протестѣ Герцена было упомянуто про печатный первоисточникъ, изъ котораго въ 1848 году пошли позорящіе Бакунина слухи и на опроверженіе, которое напечатала тогда по этому поводу Жоржъ-Зандъ. Вотъ тутъ Марксъ разсказалъ и съ своей стороны въ вышецитированномъ письмѣ въ редакцію *Morning Advertiser* объ обстоятельствахъ, при которыхъ появилось въ *Neue Rheinische Zeitung* обвиненіе Бакунина, прибавляя, что послѣ этого онъ встрѣтился съ Бакунинымъ снова въ Берлинѣ, гдѣ возобновилъ съ нимъ близкія дружескія отношенія (erneute mit ihm die intime Freundschaft), что въ № отъ 14 февраля 1849 года *Neue Rheinische Zeitung* по поводу бакунинскаго „Воззванія къ славянамъ" была напечатана передовая статья, начинавшаяся словами *„Бакунинъ—нашъ другъ* (курсивъ Маркса), но это не должно насъ останавливать отъ того, чтобы подвергнуть его листокъ строгой критикѣ"; что въ помѣщенныхъ его, Маркса, въ *New-York Daily Tribune* письмахъ о „революціи и контръ-революціи въ Германіи" воздается „надлежащая справедливость" (gebührende Gerechtigkeit) Бакунину за его участіе въ нѣмецкомъ движеніи и особенно въ дрезденскомъ возстаніи (мы выше цитировали слова Герцена, что при защитѣ Дрездена Бакунинъ „покрылъ себя славою, которую не отрицали и его враги". Можно думать, что Герценъ говорилъ здѣсь о письмахъ Маркса въ *New-York Daily Tribune* о революціи и контръ-революціи въ Германіи, изъ чего слѣдуетъ предположить, что это произведеніе Маркса ему было извѣстно. *В. Б.*) и что онъ,

подписанную всѣми членами суда; Либкнехтъ, признавая, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе, пожалъ руку Бакунина, а послѣдній передъ всѣми зажегъ декларацію и закурилъ отъ нея свою сигаретку“ [1]).

Конечно, не въ этихъ клеветахъ, какъ бы сами по себѣ онѣ возмутительны ни были, дѣло. Сущность его состоитъ въ глубочайшемъ расхожденіи всѣхъ *основъ* міросозерцанія „бакунизма“ и „марксизма“. Марксисты составили на Бакунина взгляды, прекрасно выраженные сейчасъ же послѣ его смерти въ газетѣ *Tagwacht* (редакціи Грейлиха):

„На Бакунина смотрѣли многіе хорошіе соціалисты, люди безпристрастные, какъ на русскаго агента; это подозрѣніе, ложное, безъ сомнѣнія, основывалось на томъ, что *разрушительная дѣя-*

Марксъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на „въ высшей степени трусливое“ поведеніе нѣмецкой прессы и нѣмецкаго народа, приведшее къ выдачѣ Бакунина его врагамъ. Наконецъ, по адресу обвинителя Бакунина въ американской газетѣ, *F. M.*, Марксъ писалъ: „такъ какъ F. M. одержимъ idée fixe, состоящей въ томъ, что революціи въ Европѣ благопріятствуютъ тайнымъ планамъ Россіи, то онъ долженъ, если онъ имѣетъ какую-либо претензію на послѣдовательность, обвинять въ агентурной дѣятельности не только Бакунина, но и каждаго изъ европейскихъ революціонеровъ. Въ его глазахъ самая революція есть русскій агентъ. Тогда почему не быть имъ также и Бакунину?“ Г. Рязановъ, изъ статьи котораго мы заимствуемъ письмо Маркса въ редакцію *Morning Advertiser*, установилъ, что имя обвинителя Бакунина (F. M.) также Марксъ. То былъ *Францискъ Марксъ*, изъ некролога котораго, помѣщеннаго въ январѣ 1877 года въ *Diplomatic Review*, и другихъ источниковъ слѣдуетъ, что онъ, Францискъ Марксъ, былъ „высокоцѣнимымъ сотрудникомъ“ (hochgeschätzer Mitarbeiter) газеты *Morning Advertiser* и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ издателю ея, Уркхарду, смотрѣвшему на европейскія революціи такъ же, какъ и Ф. Марксъ, и даже полагавшему, что и англійскій чартизмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ также дѣломъ рукъ русскаго правительства. Такое совпаденіе фамилій (Франциска и Карла Маркса) могло, несомнѣнно, подавать поводы къ различнымъ недоразумѣніямъ, но много основаній для того давалъ и самъ Карлъ Марксъ. Онъ писалъ въ защиту Бакунина въ 1853 году, но сколькихъ европейскихъ „бакунистовъ“ обвинялъ онъ же затѣмъ въ томъ, что они состоятъ „бонапартистскими агентами“ и „шпіонами“, обвинялъ иногда даже суммарно... (объ этомъ ниже, стр. 8). И почему столь авторитетное для друзей Карла Маркса его слово не прекратило клеветы и на Бакунина, продолжавшейся печатно поддерживаться и въ шестидесятыхъ годахъ друзьями Маркса, Борхгеймомъ, Гессе, Либкнехтомъ и другими? Сверхъ указанныхъ источниковъ, см. еще ст. Бакунина, „Aux rédacteurs du *Réveil*“, въ V т. франц. изд. его сочиненій.

[1]) *Гильомъ*, стр. 242. См. еще отзывъ Бернштейна, *Минувшіе Годы* 1908 г. окт., стр. 18—19.

тельность Бакунина приносила только зло революціонному движенію и въ то же время была очень полезна для реакціи“ [1]).

Вотъ гдѣ самая сердцевина дѣла: „марксизмъ“ смотрѣлъ на „бакунизмъ“ какъ на явленіе по самому существу своему *реакціонное*, а „бакунизмъ“ видѣлъ совершенно такое же *реакціонное* существо въ „марксизмѣ“.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на дѣятельность Бакунина въ Интернаціоналѣ.

Мы видѣли, что, проживая съ 1864 по 1867 годъ во Флоренціи и въ Неаполѣ, Бакунинъ, не будучи членомъ Интернаціонала, работалъ, однако, все время какъ соціалистъ, ведя борьбу съ „мацциниcтами“. Послѣ короткаго пребыванія затѣмъ въ „Лигѣ Мира и Свободы“ онъ и его друзья вышли изъ нея и основали свой особый „Alliance“, который потомъ сталъ вѣтвью Интернаціонала. Съ этого момента началась борьба бакунинскихъ „автономистовъ“ и марксистовъ „централистовъ“, которая послѣ разныхъ перипетій хотя и окончилась на Гаагскомъ конгрессѣ исключеніемъ Бакунина изъ Интернаціонала, но какою цѣною? Смертью самого Интернаціонала. Внося на этомъ же конгрессѣ предложеніе о перенесеніи Генеральнаго Совѣта Интернаціонала изъ Лондона въ Нью-Іоркъ, Марксъ и Энгельсъ не могли не понимать, что этимъ актомъ, въ сущности, они заканчиваютъ самое существованіе Интернаціонала. И дѣйствительно, множество соціалистовъ разныхъ странъ не подчинилось рѣшеніямъ Гаагскаго конгресса: собравшійся въ швейцарской Юрѣ (въ Сентъ-Имье) новый конгрессъ, въ которомъ приняли участіе представители испанской, итальянской и юрской федерацій, а также секцій американскихъ и французскихъ, единогласно постановилъ: „отвергнуть всѣ резолюціи Гаагскаго конгресса и отнюдь не признавать полномочій избраннаго послѣднимъ новаго Генеральнаго Совѣта, переведеннаго въ Нью-Іоркъ“. Тогда же на развалинахъ Интернаціонала стараго возникъ Интернаціоналъ новый, на женевскомъ конгрессѣ котораго въ 1873 году приняли участіе представители федерацій Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и Швейцарской Юры. Конгрессъ постановилъ совсѣмъ уничтожить „Генеральный Совѣтъ“ и создать изъ Интернаціонала свободную федерацію входящихъ въ него группировокъ. Но этотъ Интернаціо-

[1]) *Гильомъ*, стр. 254.

налъ оказался, хотя онъ просуществовалъ еще нѣсколько лѣтъ, уже нежизненнымъ. Старое, видимо, уже отживало свое время. Марксъ и Энгельсъ занимались въ это время главнымъ образомъ нѣмецкими дѣлами. Какъ реагировалъ Марксъ на происходившія въ международномъ рабочемъ движеніи тогда событія, можно судить по такому, напр., отрывку изъ письма Маркса къ Зорге (отъ 23 ноября 1871 г.):

Въ концѣ 1868 года Бакунинъ вступилъ въ Интернаціоналъ съ цѣлью образовать внутри *еще одинъ интернаціоналъ, съ нимъ во главѣ*, (курсивы здѣсь и далѣе Маркса) подъ именемъ „Alliance de la Démokratie Socialiste“ (союзъ соціалистической демократіи). Будучи человѣкомъ безъ всякихъ теоретическихъ знаній, онъ претендовалъ на то, чтобъ въ этой особой организаціи стать представителемъ *научной* пропаганды Интернаціонала и сдѣлать спеціальной задачей этого *второго интернаціонала эту пропаганду внутри Интернаціонала.* Программа его составляла собою мѣшанину поверхностныхъ идей, нахватанныхъ имъ справа и слѣва: *равенство классовъ* (?), *уничтоженіе наслѣдственнаго права, какъ исходный пунктъ соціальнаго движенія* (сенъ-симонистская чепуха), *атеизмъ*, какъ догматъ, обязательный для членовъ, и т. д., но главнымъ догматомъ должно было быть (прудонистская черта) *воздержаніе отъ политическаго движенія.*

Эти дѣтскіе сказки нашли себѣ отзвукъ (и еще держатся кое-какъ) въ Италіи и въ Испаніи, гдѣ еще не развиты реальныя условія для рабочаго движенія, а также среди немногихъ тщеславныхъ, мелочныхъ, пустыхъ доктринеровъ въ романской Швейцаріи и Бельгіи.

Для господина Бакунина доктрина его (хламъ, собранный имъ у Прудона, Сенъ-Симона и другихъ) была и остается побочнымъ дѣломъ,—только средствомъ для того, чтобы пріобрѣсти личное значеніе. Въ теоретической области это нуль, но интриги — это его стихія.

Въ Женевѣ они (бакунисты) издали подъ покровительствомъ одной буржуазной дамы Андре Лео (не постыдившейся во время лозаннскаго конгресса донести на Ферре его версальскимъ палачамъ) газету подъ названіемъ „Соціальная Революція“, La Révolution Sociale; въ своей полемикѣ съ нами эта газета употребляетъ почти дословно тѣ же выраженія что и Journal de Génève (Женевская Газета, реакціоннѣйшая изъ европейскихъ газетъ).

Въ Лондонѣ они пытались организовать французскую секцію, образчикъ ея работы вы найдете въ прилагаемомъ 42 номерѣ „Кто идетъ?“ (Qui vive?). (Прилагаю также номеръ, въ которомъ помѣщено письмо нашего французскаго секретаря Серайе.) Эта секція, состоящая изъ 20 лицъ (*въ томъ числѣ много шпіоновъ*,—курсивъ нашъ *В. Б.*), не признана Генеральнымъ Совѣтомъ; другая, гораздо болѣе многочисленная, секція признана.

Дѣйствительно, несмотря на интриги этого сброда, мы ведемъ широкую пропаганду во Франціи и въ Россіи, гдѣ знаютъ, кто такой Бакунинъ, и гдѣ теперь печатается русскій переводъ моей книги о капиталѣ.

Секретаремъ первой изъ названныхъ французскихъ секцій (непризнанной нами и близкой къ полному распаду) былъ тотъ же *Дюранъ*, котораго мы, какъ шпіона, исключили изъ Ассоціаціи.

Приверженцы бакунинскаго воздержанія отъ политики, Бланъ и Альбертъ Ришаръ изъ Ліона, теперь состоятъ *бонапартистскими агентами на жалованьи*. Мы имѣемъ въ рукахъ доказательства этого. О корреспондентѣ (той же клики въ Женевѣ) Бурке изъ Везье (во Франціи) намъ донесено мѣстной секціей, что онъ полицейскій [1]).

Оставляя всѣ такія обвиненія „бакунистовъ“ Марксомъ и его сторонниками въ сторонѣ, поставимъ вопросъ: во взглядѣ на какія же именно *практическія* дѣйствія главнымъ образомъ разо-

[1]) *Письма Маркса, Энгельса и др. къ Ф. Зорге и др.* Библіотека „Общественной пользы“, Петербургъ, 1908 г., стр. 46—48. Это письмо и является однимъ изъ свидѣтельствъ той легкости, съ которой разбрасывалъ свои обвиненія Марксъ. А вотъ что писалъ онъ же о Герценѣ и Бакунинѣ въ одномъ изъ циркулярныхъ писемъ къ своимъ единомышленникамъ уже въ 1870 году: „Умеръ Герценъ. Бакунинъ, который съ того времени, какъ онъ захотѣлъ выдавать себя за руководителя европейскаго рабочаго движенія, облыжно отзывался о своемъ другѣ и покровителѣ Герценѣ, сейчасъ же послѣ его смерти принялся громко его восхвалять. Почему? Герценъ, несмотря на то, что онъ самъ былъ богатымъ человѣкомъ, *получалъ ежегодно 25.000 рублей на пропаганду отъ дружественной ему псевдо-соціалистической панславистской партіи въ Россіи*. Благодаря громкимъ славословіямъ Бакунина, эти деньги *перешли къ нему*, и онъ такимъ образомъ въ денежномъ и моральномъ отношеніи sine beneficio inventarii вступилъ во владѣніе „наслѣдствомъ Герцена“, „malgré sa haine de l'heritage“. *Письма Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману* (Библіотека научнаго соціализма, 1907 г., стр. 82). И всему этому легкомысленному вздору въ Германіи вѣрили, потому что онъ былъ освященъ авторитетомъ Маркса... Конечно, и это имѣло свое значеніе среди причинъ рѣзко отрицательнаго отношенія русскихъ бакунистовъ къ Марксу и его партіи.

Прекратились ли такого рода обвиненія Бакунина въ Германіи хоть теперь? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Говоря въ своей книгѣ „Интернаціоналъ“ о Бакунинѣ, Іеккъ пишетъ: „Бакунинъ и Нечаевъ разсорились изъ-за наслѣдія Герцена. Нечаевъ въ 1870 г. въ своемъ органѣ потребовалъ официально принадлежащую ему часть денегъ *и доказалъ, что Бакунинъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ панславистскимъ агентомъ. Карлъ Марксъ, кромѣ того, подтвердилъ этотъ фактъ многочисленными цитатами изъ сочиненій Бакунина*“. Клевета эта появилась и въ русскомъ переводѣ книги Іекка (стр. 221), выпущенной книгоиздательствомъ „Молотъ“ въ Петербургѣ въ 1906 году.

шлись между собою Марксъ и Бакунинъ? Во взглядѣ на *политическую дѣятельность* рабочаго класса: марксисты говорили, что рабочіе должны принимать участіе въ выборахъ въ центральныя и мѣстныя государственныя учрежденія, стараться овладѣть ими путемъ проведенія въ нихъ все большаго и большаго количества своихъ представителей и затѣмъ направлять дѣятельность такихъ учрежденій въ интересахъ пролетаріата. Бакунисты же утверждали, что это значитъ *отказъ* отъ „соціальной революціи", ибо въ самомъ многолѣтнемъ процессѣ „мирной" дѣятельности, состоящей въ выборахъ, законодательствованіи, реформированіи разныхъ сторонъ капиталистическаго строя и проч., непремѣнно притупится остріе революціоннаго соціализма, появятся новые навыки, а съ ними и новая психологія самихъ рабочихъ, которые будутъ все болѣе и болѣе *обуржуазиваться* и кончатъ отреченіемъ отъ „соціальной революціи", сдѣлавшись такими же „буржуазами", какъ и ихъ враги и даже въ своей „буржуазности" превзойдутъ ихъ [1]). Отсюда и полное отрицаніе „бакунистами" участія рабочихъ въ парламентской дѣятельности. Вотъ какъ смотрѣлъ Бакунинъ на дѣятельность Лассаля, выводя ее изъ „авторитарныхъ" идей Маркса.

Лассаль, — писалъ Бакунинъ,—пришелъ къ такому заключенію: „чтобы достигнуть свободы дѣйствительной, свободы, основанной на экономическомъ равенствѣ, пролетаріатъ *долженъ овладѣть государствомъ* и обратить государственную силу противъ буржуазіи въ пользу рабочей массы точно такъ же, какъ теперь она обращена противъ пролетаріата въ единую пользу эксплоатирующаго класса. Какъ же овладѣть государствомъ?

[1]) Ссылаясь на опытъ всѣхъ европейскихъ революцій и высказываясь на основаніи этого опыта рѣшительно противъ участія рабочихъ въ выборахъ и парламентской дѣятельности, Бакунинъ писалъ: „но, возразятъ намъ, теперь работники, наученные опытомъ, не будутъ больше выбирать буржуа въ законодательныя и учредительныя собранія, а будутъ посылать туда простыхъ рабочихъ. Несмотря на свою бѣдность, они могутъ дать необходимую поддержку своему депутату". Знаете ли вы, что изъ этого выйдетъ? Работники-депутаты, перенесенные въ буржуазныя условія существованія, въ буржуазную атмосферу политическихъ идей, перестанутъ быть настоящими работниками, сдѣлаются государственными людьми, въ концѣ-концовъ превратятся въ буржуазовъ *и превзойдутъ въ этомъ отношеніи даже настоящихъ буржуа*". (Статья Бакунина „Политика Интернаціонала", напечатанная въ *Égalité* за 1869 г. и приведенная въ русскомъ переводѣ въ книгѣ „Историческое развитіе Интернаціонала", 1873 г., стр. 62—63.)

Для этого есть только два средства: или политическая революція или законная народная агитація въ пользу мирной реформы. Лассаль, какъ нѣмецъ, какъ еврей, какъ ученый и какъ человѣкъ богатый, совѣтовалъ второй путь. Въ этомъ смыслѣ и съ этой цѣлью онъ образовалъ значительную, преимущественно политическую, партію нѣмецкихъ рабочихъ, организовалъ ее іерархически, подчинилъ строгой дисциплинѣ и своей диктатурѣ,— словомъ, сдѣлалъ то, что г. Марксъ въ послѣдніе три года хотѣлъ сдѣлать въ Интернаціоналѣ. Попытка Маркса вышла неудачная, а попытка Лассаля имѣла полный успѣхъ. Ближайшею цѣлью партіи онъ поставилъ всенародную мирную агитацію для завоеванія всеобщаго права избирательства государственныхъ представителей и властей. Завоевавъ это право, путемъ легальной реформы, народъ долженъ будетъ послать только своихъ представителей въ народный парламентъ, который рядомъ декретовъ и законовъ обратитъ буржуазное государство въ народное. Первымъ дѣломъ народнаго государства будетъ открытіе безграничнаго кредита производительнымъ и потребительнымъ рабочимъ ассоціаціямъ, которыя только тогда будутъ въ состояніи бороться съ буржуазнымъ капиталомъ и въ непродолжительное время побѣдятъ, поглотятъ его. Когда процессъ поглощенія совершится, тогда настанетъ періодъ радикальнаго преобразованія общества. Такова программа Лассаля, такова же и программа соціально демократической партіи. Собственно она принадлежитъ не Лассалю, а Марксу, который ее вполнѣ высказалъ въ извѣстномъ „Манифестѣ Коммунистическихъ Партій“, обнародованномъ имъ и Энгельсомъ въ 1848 году. Ясный намекъ находится на нее также въ первомъ „Манифестѣ Международнаго Общества“, написанномъ Марксомъ въ 1864 году въ словахъ: „первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи себѣ политическаго могущества“, или, какъ говорится въ манифестѣ партіи: „первый шагъ къ революціи рабочихъ долженъ состоять въ возвышеніи пролетаріата на степень господствующаго сословія“. Пролетаріатъ долженъ сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т.-е. пролетаріата, возведеннаго на степень господствующаго сословія.—Не ясно ли, что программа Лассаля ничѣмъ не отличается отъ программы Маркса, котораго онъ признавалъ за своего учителя. Въ брошурѣ противъ Шульце-Делича Лассаль съ истинно-геніальною ясностью, характеризующею его сочиненія, изложивъ свои

основныя понятія о соціально-политическомъ развитіи новѣйшаго общества, говоритъ прямо, что эти идеи и даже терминологія принадлежатъ не ему, а г. Марксу, впервые высказавшему и развившему ихъ въ своемъ замѣчательномъ, еще неизданномъ сочиненіи. Тѣмъ страннѣе кажется протестъ г. Маркса, напечатанный во введеніи къ „Капиталу“. Марксъ горько жалуется, что его обокралъ Лассаль, присвоивши его идеи“.

„Программа Маркса, — продолжаетъ Бакунинъ, — сдѣлалась программою соціалъ-демократической партіи. Въ началѣ въ ней повторяются нѣкоторые изъ главныхъ §§ Интернаціональной программы, утвержденной первымъ женевскимъ конгрессомъ, но потомъ, вдругъ, совершается крутой переходъ къ *„завоеванію политической власти“*, что и рекомендуется нѣмецкимъ работникамъ, какъ „ближайшая и непосредственная цѣль“ новой партіи, съ прибавленіемъ слѣдующей знаменитой фразы: „завоеваніе политическихъ правъ (всенароднаго права избирательнаго, свободы печати, свободы ассоціацій и публичныхъ собраній и т. д.), какъ необходимаго предварительнаго условія экономическаго освобожденія работниковъ“. Эта фраза имѣла вотъ какое значеніе: прежде чѣмъ приступить къ соціальной революціи, работники должны совершить политическую революцію, или, что болѣе сообразно съ правами нѣмцевъ, завоевать или еще проще пріобрѣсти политическія права посредствомъ мирной агитаціи. А такъ какъ всякое политическое движеніе не можетъ быть другимъ, какъ движеніемъ буржуазнымъ, то и выходитъ, что эта программа рекомендуетъ нѣмецкимъ работникамъ усвоить себѣ прежде всего буржуазные интересы и цѣли и совершить политическое движеніе въ пользу радикальной буржуазіи“ [1]).

Мысль эту Бакунинъ развивалъ много разъ и на разные лады: смыслъ его утвержденій состоитъ въ томъ, что изъ такъ называемаго „революціоннаго соціализма“ Маркса неизбѣжно, какъ его логическое слѣдствіе, какъ его самое законное дѣтище, произойдетъ соціальный реформизмъ и что онъ, Бакунинъ, выступая противъ Маркса, выступаетъ, какъ революціонеръ противъ реформиста, въ какія бы революціонныя одѣянія послѣдній ни облачался.

Но какія же средства предлагалъ самъ Бакунинъ для спасенія „соціализма революціоннаго“?

---

[1]) *М. А. Бакунинъ.* Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 213—215 и 226.

Мы еще будемъ говорить о дѣятельности Бакунина, какъ автора разныхъ произведеній, предназначенныхъ для русскихъ, но, дабы читателю теперь сталъ ясенъ отвѣтъ на поставленный вопросъ, приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ составленной и напечатанной Бакунинымъ въ журналѣ *Народное Дѣло* статьи, которая такъ и называется „Наша программа“.

Въ „программѣ“ этой заявлялось, что „земля принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками—земледѣльческимъ общинамъ. Капиталы и всѣ орудія работы—работникамъ, рабочимъ ассоціаціямъ“. (Въ подлинникѣ все это набрано жирнымъ шрифтомъ.)

Что касается стороны политической, то программа излагала ее такъ: „Вся будущая политическая организація должна быть ничѣмъ инымъ, какъ федераціею вольныхъ рабочихъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-ремесленныхъ артелей (ассоціацій). И потому, во имя освобожденія политическаго, мы хотимъ *прежде всего окончательнаго разрушенія государства, хотимъ искорененія всякой государственности со всѣми ея церковными, политическими военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учрежденіями*“ [1]).

И это, замѣтьте, „*прежде всего*“, а что еще останется „искоренять“ послѣ того, какъ будутъ „искоренены“ не только всѣ „государственныя, церковныя“ и прочія, но также и всѣ „юридическія и ученыя“ учрежденія, на такой вопросъ и самъ Бакунинъ не отвѣчаетъ...

Это и значило спасать „соціальную революцію“ отъ грозившей ей опасности...

Понятно, что при всякомъ движеніи народныхъ массъ въ Европѣ „бакунисты“, невзирая на всю свою *личную* преданность идеѣ „соціальной революціи“, всегда терпѣли полное фіаско, что и давало „марксистамъ“ вполнѣ основательныя причины лишь смѣяться надъ неудачниками и выпускать противъ нихъ такія вещи, какъ, напримѣръ, „Bakunisten auf den Arbeit“ Энгельса.

Теперь перейдемъ къ „бакунизму“ русскому. Борьба Маркса съ Бакунинымъ окончилась исключеніемъ послѣдняго изъ Интернаціонала (поводомъ къ исключенію послужили несправед-

---

[1]) *Народное Дѣло*. 1-го сентября 1868 г. № 1, стр. 7.

ливыя обвиненія Бакунина въ грѣхахъ, виновнымъ въ которыхъ былъ Сергѣй Нечаевъ). Мы уже говорили, что множество лицъ и организацій въ разныхъ странахъ не признали рѣшеній Гаагскаго конгресса, и нѣсколько лѣтъ Интернаціоналъ существовалъ съ центромъ въ Швейцаріи безъ всякаго участія Маркса и Энгельса. Молодая русская эмиграція 60-хъ годовъ и начала 70-хъ годовъ слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за борьбою „государственника“ Маркса съ „анархистомъ“ Бакунинымъ и въ огромномъ большинствѣ своемъ стала на сторону послѣдняго. Послѣ исключенія Бакунина эмиграція эта опубликовала по-русски и по-французски протестъ противъ Маркса, гласившій въ существенныхъ частяхъ слѣдующее:

„Въ этомъ докладѣ (Гаагскому конгрессу), внушенномъ, очевидно, ненавистью и желаніемъ отдѣлаться во что бы то ни стало отъ неудобнаго противника, рѣшились бросить нашему соотечественнику и другу Михаилу Бакунину обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ... Г. Марксъ, ловкость котораго мы, впрочемъ, не думаемъ оспаривать, въ данномъ случаѣ ошибся въ расчетѣ. Честныя сердца во всѣхъ странахъ, несомнѣнно, почувствуютъ только негодованіе и отвращеніе при видѣ такой грубой интриги и такого явнаго нарушенія самыхъ простыхъ требованій справедливости. Что касается Россіи, то можемъ увѣрить г. Маркса въ томъ, что его старанія будутъ тамъ напрасны. Бакунинъ тамъ слишкомъ уважаемъ и извѣстенъ, чтобы клевета могла достигнуть его“. Протестъ подписали: *Николай Огаревъ, Варѳоломей Зайцевъ, Владиміръ Озеровъ, Арманъ Россъ (М. П. Сажинъ), Владиміръ Гольштейнъ, Замфиръ Ралли, Александръ Эльсницъ и Валеріанъ Смирновъ* [1]).

Собственно русскими дѣлами, послѣ активнаго участія въ польскомъ возстаніи, Бакунинъ сталъ снова заниматься послѣ своего возвращенія изъ Италіи въ Швейцарію въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Весною 1869 года онъ вошелъ въ сношенія съ прибывшимъ изъ Россіи Нечаевымъ, съ которымъ у него и начались толки о крестьянскомъ возстаніи, Разинѣ, Пугачевѣ и проч. Тогда же Бакунинъ напечаталъ „Нѣсколько словъ молодымъ братьямъ изъ Россіи“ и „Наука и насущное революціонное дѣло“, о которомъ мы еще будемъ говорить въ другой главѣ. Теперь же скажемъ лишь, что именно въ это время

[1]) Цитируемъ по подлиннику.

Бакунинымъ былъ брошенъ и знаменитый лозунгъ „въ народъ". Читатель припомнитъ, что въ первый разъ этотъ лозунгъ былъ брошенъ Герценомъ еще въ 1861 году—теперь онъ былъ повторенъ Бакунинымъ. Но Герценъ вѣрилъ, что новый строй въ Россіи разовьется на основѣ уже существующаго въ Россіи общиннаго землевладѣнія, а Бакунинъ? Какъ смотрѣлъ онъ на общину? Разочаровавшись въ Европѣ, Герценъ писалъ: „бѣдное село наше, съ своей скромной общинной жизнью, съ своимъ общиннымъ землевладѣніемъ, наша черная Русь и крестьянская изба невольно вырѣзываются на сценѣ, съ которой больше и больше исчезаютъ въ туманѣ фаланстеры, икаріи, національные рабочіе, государственныя потребы и проч." На это Бакунинъ въ письмѣ къ Герцену отвѣчалъ такими словами:

Почему ты не прибавилъ, что если фаланстеры исчезаютъ въ туманѣ, зато ваша хваленая русская община болѣе тысячи лѣтъ недвижно коснѣетъ въ навозѣ. Дикое невѣжество и суевѣріе, патріархальный развратъ, тупоумное царство китайской обрядности, отсутствіе всякаго личнаго, презрѣніе къ достоинству человѣка или, лучше сказать, незнаніе, совершеннѣйшее неподозрѣваніе его, безцеремонность наивнаго насилія, холодно-звѣрская жестокость и полнѣйшее рабство обычая, мысли, чувства и воли—вотъ душа этого тысячелѣтняго, безсмысленнаго, гніющаго трупа [1]).

Въ другомъ письмѣ (къ Герцену и Огареву) Бакунинъ писалъ о русской общинѣ еще и такія строки:

Почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіе десяти вѣковъ прошлаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго печальнаго и гнуснаго рабства? Безобразное приниженіе женщины, абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести и апатичная, равнодушная готовность отдать ее, службы цѣлаго міра ради, подъ перваго чиновника, подъ перваго офицера. Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальнаго деспотизма и патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы,—отсутствіе права не только юридическаго, но и простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра и жестокая, злостная безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному или небогатому члену, его систематическая, злорадная, жестокая притѣснительность по отношенію къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ появляются притязанія на малѣйшую са-

[1]) Письма Бакунина къ Герцену и Огареву, стр. 522.

мостоятельность и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки,—вотъ во всецѣлости ея настоящаго характера великорусская крестьянская община. Прибавьте къ этому мгновенное обращеніе всякаго выборнаго крестьянина въ притѣснителя чиновника-взяточника, и картина будетъ полная,—полная для всякой общины, мирно и покорно живущей подъ сѣнью всероссійскаго государства... „земля наша, а мы государевы", съ этимъ понятіемъ, друзья мои, русскій народъ уйдетъ недалеко [1]).

Но тогда зачѣмъ же идти „въ народъ"? Какую почву найдутъ тамъ соціалисты-революціонеры? Какъ бы чувствуя такой вопросъ, Бакунинъ начинаетъ говорить о Россіи „бунтовской, Стеньки Разиновской, Пугачевской" и даже Россіи „раскольничьей", отъ которой и надлежитъ „ждать морализаціи и спасенія для русскаго народа". Не приводя никакихъ данныхъ въ пользу самаго существованія Россіи „бунтовской, Стеньки Разиновской и Пугачевской", Бакунинъ вновь приходитъ къ общинѣ и находитъ въ ней „двѣ добродѣтели": „отсутствіе римскаго и вообще всякаго юридическаго права, замѣненнаго въ великорусскомъ народѣ неопредѣленнымъ и въ отношеніи, собственно, къ лицамъ крайне безцеремоннымъ и даже совершенно отрицающимъ правомъ и весьма темное инстинктивное понятіе народа, которое, если разобрать его строго, отнюдь не утверждаетъ права всего народа на всю землю и чуть ли не заключаетъ въ себѣ другого весьма печальнаго понятія, присваивающаго всю землю государству и государю, — мнѣ ли объяснять вамъ, какая огромная разница между этими двумя положеніями: земля принадлежитъ народу, земля принадлежитъ государю" [2]).

Но тогда, опять-таки, зачѣмъ же „въ народъ"?..

И вотъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Государственность и анархія" Бакунинъ пытается вывести революціонность русскаго народа изъ такого положенія: „онъ (народъ) можетъ похвастаться чрезмѣрною нищетою и рабствомъ примѣрнымъ. Страданіямъ его нѣтъ числа и переноситъ онъ ихъ не терпѣливо, а съ глубокимъ и страстнымъ отчаяніемъ, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтомъ Стеньки Разина и пугачевскимъ бунтомъ, и непрестающимъ по-

[1]) Ibid., стр. 176—177.
[2]) Ibid. стр. 177.

нынѣ проявляться въ безпрерывномъ рядѣ частныхъ крестьянскихъ бунтовъ“ [1]). Этого, однако, было ужъ слишкомъ мало для упованій на грядущее, — какіе тамъ, въ дѣйствительности, „безпрерывные“ крестьянскіе бунты!—и пришлось снова заговорить объ особыхъ „чертахъ“ русскаго народа и той же общинѣ.

„Первая и главная черта (русскаго народа),—пишетъ въ томъ же „прибавленіи“ Бакунинъ,—это всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственнымъ трудомъ. Вторая, столь же крупная черта, что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами; третья черта одинаковой важности съ двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе и, вслѣдствіе того, рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству“ [2]).

Обосновка для „бакунистической“ дѣятельности „въ народѣ“, какъ видятъ читатели, чрезвычайно слабая... Но прежде чѣмъ идти дальше, намъ надо сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ мѣсто до появленія въ свѣтъ бакунинской „Государственности и Анархіи“.

Мы уже сказали, что съ 1-го сентября 1868 года сталъ выходить періодическій органъ *Народное Дѣло*, программа котораго (о ней мы упоминали выше), а также почти всѣ другія статьи перваго номера были написаны Бакунинымъ. Но уже со второго номера Бакунинъ отказался принимать въ *Народномъ Дѣлѣ* какое бы то ни было участіе, и веденіе журнала перешло въ руки „марксиста“ Утина. И тутъ-то и имѣлъ мѣсто одинъ очень любопытный фактъ. Кружокъ „марксистовъ“ съ Утинымъ во главѣ составилъ программу и статуты „русской секціи Интернаціонала“ и послалъ ихъ на утвержденіе Генеральному Совѣту Интернаціонала въ Лондонъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ Маркса быть ихъ представителемъ въ Генеральномъ Совѣтѣ. „Основныя положенія“ этой программы гласили слѣдующее:

„Принимая во вниманіе:

1) что экономическій гнетъ русскаго народа, поддерживаемый всѣмъ общественнымъ и политическимъ устройствомъ, совер-

---

[1]) Государственность и Анархія. Приложеніе А., стр. 247.

[2]) Ibid., стр. 250—251.

менно одинаковъ съ гнетомъ, который душитъ весь европейскій и американскій пролетаріатъ;

2) что народъ русскій *во всѣ времена стремился къ осуществленію великихъ началъ, провозглашенныхъ Международными Конгрессами Рабочихъ: къ общинному владѣнію землею и орудіями труда*;

3) что принципъ общности труда, какъ принципъ, противодѣйствующій эксплоатаціи капиталомъ, находитъ себѣ уже издавна выраженіе въ образованіи рабочихъ союзовъ, *извѣстныхъ подъ именемъ артелей* [1]).

И т. д.

Въ отвѣтъ на эту-то чисто-народническую программу „русская секція“ получила отъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала, за подписью Карла Маркса, офиціальное извѣщеніе, которое гласило:

„Граждане!

Въ своемъ засѣданіи 22-го марта Генеральный Совѣтъ объявилъ *единодушнымъ вотумомъ*, что ваша программа и статуты *согласны съ общими статутами Международнаго Товарищества Рабочихъ*. Онъ поспѣшилъ принять вашу вѣтвь въ составъ Интернаціонала. Я съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую вы мнѣ предлагаете,—быть вашимъ представителемъ при Генеральномъ Совѣтѣ“ [2]).

Такимъ образомъ „община“, „артель“ и прочее, что характеризуетъ наше народничество, по какимъ бы то ни было причинамъ, но получили свою санкцію и отъ Генеральнаго Совѣта Международнаго Общества Рабочихъ съ Марксомъ во главѣ [3]).

[1]) *Народное Дѣло*. 15-го февраля 1870 г.

[2]) Ibid.

[3]) Въ этомъ письмѣ къ „русской секціи“ Марксъ вовсе не ограничивается вышеприведенными словами. Онъ говоритъ, что слѣдовало бы дополнить программу секціи указаніемъ на то, что „захватъ Польши есть пагубная опора и настоящая причина существованія военнаго режима въ Германіи и вслѣдствіе того, на цѣломъ континентѣ“, пишетъ о полученіи имъ книги Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, употребляетъ извѣстную, многократную цитировавшуюся въ русской литературѣ, фразу, гласившую, что „такіе труды, какъ Флеровскаго и вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи вѣка“ (все это напечатано въ тотъ же номерѣ *Народнаго Дѣла*) и не обмолвливается ни словомъ въ возраженіе на полное народническаго духа утвержденіе ав-

Мы уже говорили, что корень разногласія Бакунина съ Марксомъ лежитъ, безъ сомнѣнія, очень глубоко, но на практикѣ главное разногласіе ихъ сводилось къ вопросу,—долженъ или не долженъ рабочій классъ принимать участіе въ „политикѣ“, другими словами, долженъ ли онъ дѣйствовать *черезъ* существующія „буржуазныя“ государства („государственность“) или не только *помимо*, но и принципіально *противъ* нихъ („анархія“),—долженъ или не долженъ пролетаріатъ стремиться проводить *своихъ* представителей въ парламенты? Марксъ и его сторонники говорили *да*, Бакунинъ и *огромное количество тогдашнихъ соціалистовъ въ Европѣ,—нѣтъ* [1]). Послѣдніе утверждали, что нужно стремиться къ „соціальной революціи“, направленной прямо *на государство*, въ цѣляхъ его уничтоженія, и отсюда истекало ихъ безусловное отрицаніе „политики“ и тѣмъ болѣе „политики“ въ такой ея „мирной“ формѣ, какъ борьба избирательными бюллетенями. Но если возможенъ былъ еще споръ среди соціалистовъ Запада о томъ, какъ имъ относиться къ *парламентамъ*, если споръ этотъ и допускалъ (предположимъ) возможность и того и другого рѣшенія, то что было дѣлать соціалистамъ такой страны, въ которой парламента не существовало? Начать борьбу за то, чтобы онъ былъ? Но съ такимъ рѣшеніемъ вопроса не согласился бы тогда никто изъ европейскихъ соціалистовъ, ибо борьба за парламентъ, какъ за таковой, была въ глазахъ всѣхъ ихъ уже борьбою чисто „буржуазною“. Рекомендовалъ ли когда-нибудь тотъ же Марксъ такую тактику тѣмъ русскимъ соціалистамъ, съ которыми онъ нахо-

---

торовъ „основныхъ положеній“ о томъ, что „народъ русскій во всѣ времена стремился къ осуществленію великихъ началъ, провозглашенныхъ Международными Конгрессами Рабочихъ,—къ общинному владѣнію землей *и орудіями труда*“ (!) и т. д. Что должны были думать активные народники 70-хъ годовъ? Не имѣли ли они основанія считать, что, отправляясь „въ народъ“ вести соціалистическую пропаганду среди *крестьянъ*, они дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ основными идеями европейскаго соціализма? И получалось такое положеніе: черезъ общину, артель и проч. Россія пойдетъ къ соціализму, конечно, своимъ *особымъ* путемъ, но путь этотъ въ основѣ своей тотъ же, что и въ Европѣ... Словомъ, старая славянофильская мысль о томъ, что Россія *въ быть своемъ* заключаетъ отвѣтъ „на послѣдній вопросъ Запада“, всплыла снова во всей своей силѣ...

[1]) „Соціальная революція“ и „государство“, писалъ Бакунинъ,—вотъ *два полюса*, антагонизмъ которыхъ составляетъ самую суть настоящей общественной жизни въ цѣлой Европѣ, но во Франціи осязательнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ“ (Государственность и Анархія, стр. 23).

дился въ непосредственныхъ сношеніяхъ? Можно ли послѣ этого удивляться, что предразсудокъ относительно „конституціи“ и „политической свободы“ пустилъ въ умахъ русскихъ активныхъ народниковъ такіе прочные корни?..

Къ этому надо прибавить огромное впечатлѣніе, произведенное на русскую революціонную молодежь разгромомъ парижской коммуны. Сами собою явились вопросы, что несетъ съ собою для трудящихся не только конституція, но даже и республика. Вотъ во Франціи уже третья республика, и что же дала каждая изъ этихъ республикъ рабочему классу? Первая — запрещеніе рабочихъ организацій. Вторая — іюньскіе дни. Третья — ужасы парижской коммуны. Какъ же было принять тогда въ Россіи программу о реорганизаціи государства капиталистическаго въ государство соціалистическое, дѣйствуя черезъ парламентъ, котораго нѣтъ, который еще надо завоевать и который сулитъ „четвертому сословію“ въ будущемъ въ той или иной формѣ „іюньскіе дни“ или „парижскую коммуну“?

Предразсудокъ противъ политической свободы облекался, такимъ образомъ, какъ бы въ научно-историческіе доспѣхи.

Но и это еще не все. Если надо стремиться къ замѣнѣ абсолютизма представительнымъ образомъ правленія, то на какой основѣ послѣднее должно существовать? На основѣ всеобщаго избирательнаго права? Но въ описываемое время вся Европа еще жила подъ впечатлѣніемъ воцаренія Наполеона III, за которое при всенародномъ голосованіи подало свои голоса огромное большинство населенія уже пережившей тогда три революціи Франціи. Это обстоятельство дискредитировало на долгое время въ глазахъ европейской демократіи всеобщее избирательное право, привлекши въ то же время къ послѣднему симпатіи реакціонныхъ элементовъ Европы. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Августъ Бебель разсказываетъ, что въ 1863 году онъ былъ еще *противъ* всеобщаго избирательнаго права, а въ 1865 г. Фридрихъ Энгельсъ писалъ, что впредь до вовлеченія въ движеніе сельскаго пролетаріата, для пролетаріата городского всеобщее избирательное право будетъ не „орудіемъ борьбы, а западнею“. На этой почвѣ, между прочимъ, явилось и недовольство нѣмецкой демократіи противъ выдвинувшаго всеобщее избирательное право Лассаля. На ней же возникла и симпатія къ этому праву Бисмарка.

Такимъ образомъ, весь опытъ Европы какъ бы говорилъ

русскимъ соціалистамъ *противъ* борьбы за политическое преобразованіе Россіи.

Теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, ясно, что весь вопросъ путало введеніе въ него одинаково и марксистами, и бакунистами утопической идеи „соціальной революціи“, но *тогда* идея эта вовсе еще не представлялась утопическою. Мало того, „соціальная революція“ мыслилась въ качествѣ дѣла очень недалекаго будущаго. Тотъ же Бебель, какъ это мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ этой книги, говорилъ въ 1871 г. въ германскомъ рейхстагѣ, что нѣмецкіе соціалъ-демократы надѣются *„осуществить всю свою программу* еще до истеченія XIX вѣка...“ Конецъ такимъ утопіямъ положила сама жизнь, и потому было бы крайне несправедливо говорить объ утопизмѣ однихъ лишь соціалистовъ русскихъ.

То было заблужденіе не ихъ, а заблужденіе вѣровавшей въ „соціальную революцію“ эпохи, и русскіе соціалисты лишь вторили въ этомъ отношеніи вѣрованіямъ соціалистовъ европейскихъ [1]).

Итакъ, бороться за политическое преобразованіе Россіи не слѣдуетъ, а надо стремиться къ „соціальной революціи“. Правда, „конституція“ не исчерпывается одною лишь замѣною абсолютизма тою или иною формою представительнаго образа правленія, въ нее входятъ еще и разнаго рода „свободы“, но что значатъ и онѣ въ сравненіи съ тѣми благами, съ тою истинною

---

[1]) Въ частности Марксъ, бывшій, къ слову сказать, всегда очень неудачнымъ діагностомъ въ области внѣшней политики европейскихъ государствъ, вѣрилъ въ наступленіе именно *„соціальной революціи“ и въ Россіи*, чему толчкомъ должна была, по его мнѣнію, послужить война Россіи съ Германіей.

„Теперешняя война (франко-прусская),—писалъ Марксъ къ Зорге перваго сентября 1870 года,—ведетъ, чего прусскіе ослы не замѣчаютъ, съ такою же неизбѣжностью къ войнѣ между Германіей и Россіей, съ какой война 1866 г. привела къ войнѣ между Пруссіей и Франціей. (Тутъ Марксъ, вѣроятно, забылъ, какъ наканунѣ самой войны 1866 г. въ письмѣ къ Кугельману отъ 6 апрѣля 1866 г. онъ же писалъ, что „безъ революціи, которая бы устранила Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ,—о болѣе мелкихъ майскихъ жукахъ нечего и говорить,—мы опять должны будемъ придти въ концѣ-концовъ къ тридцатилѣтней войнѣ и новому раздѣлу Германіи“. См. *Письма къ Кугельману*. Рус. тер., стр. 16. Революціи не произошло; ни Габсбурги, ни Гогенцоллерны „устранены“ не были, начавшаяся между ними война продолжалась не 30 лѣтъ, а 13 дней, и въ результатѣ ея получился не „новый раздѣлъ Германіи“, а главнѣйшія предпосылки для совершившагося черезъ пять лѣтъ послѣ того объединенія Германіи въ могущественную имперію. *В. Б.*). Таковъ луч-

свободой, которую принесетъ съ собою „соціальная революція“?.. Вѣдь, послѣ нея, по воззрѣніямъ народниковъ,

Настанетъ година свободы.
Сгинетъ зло, сгинетъ мракъ навсегда,
Воедино сольются народы
Въ вѣчномъ царствѣ святого труда...

Такъ какая ужъ тамъ „конституція“!

Но что же, однако, надлежитъ дѣлать для достиженія „соціальной революціи“? Какъ надо дѣйствовать? Да такъ, какъ говоритъ еще Добролюбовъ: „прямо и непосредственно на народъ...“ Вотъ и Герценъ писалъ, что „человѣкъ будущаго въ Россіи *мужикъ*“ (курсивъ Герцена), точно такъ же какъ во Франціи—работникъ“ [1]). И далѣе: не то же ли самое слѣдуетъ и изъ *единогласной* санкціи народнической программы „Русской Секціи Международнаго Общества Рабочихъ“ этимъ самымъ Обществомъ въ лицѣ его Генеральнаго Совѣта марксистскаго состава? Ясно, слѣдовательно, что надо, какъ къ тому призываетъ и Бакунинъ, „идти въ народъ“.

Исключительно этою *атмосферою* только и можно объяснить явленія, которыя безъ того были бы совсѣмъ непонятны.

„Изъ Лассаля черпали мы,—разсказываетъ одинъ изъ активнѣйшихъ „бакунистовъ“ 70-хъ годовъ, В. К. Дебагорій-Мокріевичъ,—аргументы *въ защиту* нашихъ народническихъ воззрѣ-

шій результатъ, какого я ожидаю отъ нея (фр.-пр. войны) для Германіи. Эта война № 2 сослужитъ также службу акушеровъ *неизбѣжной соціальной революціи въ Россіи*“ (*Письма къ Зорге*, рус. пер., стр. 22).

„Революція на этотъ разъ начнется на востокѣ, бывшемъ до сихъ поръ нетронутомъ цивилизаціей и резервной арміей контръ-революціи,—писалъ Марксъ въ Зорге въ 1877 году.—Въ данный моментъ все зависитъ отъ того, чтобы поляки (въ Царствѣ Польскомъ) держались смирно. Иначе Бисмаркъ сейчасъ двинетъ туда свои полки, и русскій шовинизмъ снова окажется на сторонѣ царя. Напротивъ, если поляки будутъ спокойно выжидать, покуда *пожаръ разгорится въ Петербургѣ и Москвѣ*, и если тогда Бисмаркъ явится въ качествѣ спасителя, то Пруссія найдетъ свою Мексику“ (Ibid., стр. 164).

Такого же взгляда на русскія дѣла держался и Энгельсъ даже въ самые глухіе восьмидесятые годы.

„Въ Германіи безконечныя преслѣдованія,—писалъ онъ тому же Зорге 23 апрѣля *1887 года*.—Какъ видно, Бисмарку хочется все приготовить къ началу революціи въ Россіи, которая теперь вопросъ уже только *нѣсколькихъ мѣсяцевъ*“... (Ibid., стр. 262).

[1]) *Сочиненія Герцена*, т. V, стр. 199.

ній, несмотря на то, что Лассаль, какъ извѣстно, въ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ имѣлъ въ виду фабричный пролетаріатъ, а ничуть не крестьянъ, на которыхъ онъ прямо указывалъ даже, какъ на реакціонный элементъ. Это существенное различіе мы тогда игнорировали и все, что Лассаль говорилъ о фабричныхъ, переносили *на наше крестьянство,* являвшееся для насъ нашимъ обездоленнымъ четвертымъ сословіемъ. Особенно близко къ сердцу мы принимали его разсужденія въ томъ родѣ, что всякій рабочій, отдавшійся борьбѣ за интересы своего класса и вмѣстѣ съ тѣмъ за свои личные интересы, совершаетъ этимъ даже высоконравственный актъ, ибо служитъ дѣлу общечеловѣческаго прогресса, такъ какъ въ настоящую историческую минуту рабочее сословіе является носителемъ прогресса, какъ буржуазія была прогрессивнымъ элементомъ въ прошломъ, и т. п. Мы читали это, *замѣняя фабричныхъ рабочихъ крестьянами,* западно-европейскую буржуазію—нашими привилегированными сословіями, въ качествѣ „кающихся дворянъ“ съ одной стороны предавались самобичеванію, а съ другой—еще болѣе крѣпли *въ своей вѣрѣ въ народъ,* признавая его и лучше и нравственнѣе насъ“ [1]).

Такъ продолжалось это болѣе или менѣе до самого конца эпохи, о которой въ настоящей книгѣ идетъ рѣчь.

Составляя для русской революціонной молодежи евангеліе, которое называется „Государственность и Анархія“, Бакунинъ, въ сущности, не особенно вѣрилъ въ эту молодежь. Послѣ разгрома парижской коммуны онъ, какъ мы видѣли, предсказывалъ въ письмѣ къ Паликсу, что теперь „мѣсто живого, дѣйственнаго соціализма французовъ займетъ доктринерскій соціализмъ нѣмцевъ“, и это приводило его въ мрачное настроеніе духа. Не веселило его и русское молодое поколѣніе. По словамъ В. К. Мокріевича въ 1873 году Бакунинъ „далеко уже не увлекался русскими революціонными дѣлами. Напротивъ, по отношенію къ русскимъ у него звучала скептическая нота“ [2]).

— Да что русскіе,—говорилъ Бакунинъ В. К. Мокріевичу.—Всегда они отличались стадными свойствами. Теперь они всѣ анархисты! На анархію мода пошла. А пройдетъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть ни одного анархиста среди нихъ не будетъ...“ [3]) Тѣмъ не

[1]) *Воспоминанія*, стр. 77.
[2]) Ibid., стр. 96.
[3]) Ibid., стр. 100.

менѣе свою „Государственность и Анархію“ Бакунинъ закончилъ и издалъ. Книжка эта и явилась главнѣйшимъ орудіемъ пропаганды „бакунизма“ въ 70-хъ годахъ.

Въ іюнѣ 1876 года Бакунинъ, уже серьезно больной, пріѣхалъ въ Бернъ и сказалъ своему другу, доктору Адольфу Фогту: „я пріѣхалъ сюда, чтобы ты поставилъ меня на ноги или же чтобы умереть здѣсь“. Его помѣстили въ клинику, гдѣ онъ былъ окруженъ заботами Фогта и извѣстнаго композитора Рейхеля. Больному дѣлалось все хуже. Рейхель выразилъ сожалѣніе, что Бакунинъ не написалъ своихъ воспоминаній. На это получился такой отвѣтъ: „скажи-ка, для кого я сталъ бы ихъ писать? Не стоитъ открывать рта. Въ настоящее время народы всѣхъ странъ утеряли революціонный инстинктъ“ [1]).

Перваго іюля того же 1876 года Бакунина не стало.

Въ своей книгѣ „Интернаціоналъ“ Іеккъ называетъ Бакунина „чудовищно-политически-преступною натурой“ [2]). Такъ не улеглись до сихъ поръ страсти, возбужденныя былой враждой двухъ направленій.

Бакунинъ былъ революціонный романтикъ до мозга костей; въ марксизмѣ онъ видѣлъ явный поворотъ отъ „революціоннаго соціализма“ къ столь ненавистному ему, Бакунину, соціальному реформизму, и отсюда всѣ его усилія плыть „противъ теченія“. Высоко ставя Маркса во многихъ отношеніяхъ, онъ находилъ отсутствіе въ немъ „инстинкта революціонера“. Такое наблюденіе болѣе справедливо въ отношеніи къ Энгельсу, чѣмъ Марксу, хотя ихъ всегда сливаютъ воедино. Еще Ругэ въ письмѣ къ Фейербаху говорилъ о Марксѣ, что „по своимъ ученымъ склонностямъ онъ всецѣло принадлежитъ къ нѣмецкому міру, а по своему революціонному образу мышленія онъ стоитъ внѣ его“ [3]). Такое раздвоеніе было чуждо основному складу натуры Энгельса. Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ прочелъ бы Бакунинъ знаменитый гимнъ Энгельса „законности“, какъ наилучшему средству достиженія пролетаріатомъ своихъ цѣлей:

„Иронія міровой исторіи оборачиваетъ все вверхъ дномъ. Мы „революціонеры“, мы „переворотчики“ (die Umstürzler), мы

[1]) *Гильомъ*, стр. 253.

[2]) *Іеккъ* (русскій переводъ), стр. 113.

[3]) *Мерингъ*. Исторія германской соціалъ-демократіи (изданіе Граната), т. I, стр. 209.

преуспѣваемъ въ гораздо большей степени, дѣйствуя законными средствами, чѣмъ незаконными и „переворотными“. Партіи порядка, какъ онѣ сами себя называютъ, погибаютъ въ ими же созданномъ закономъ порядкѣ. Съ отчаяніемъ восклицаютъ онѣ вмѣстѣ съ Одилономъ Барро: „la legalité nous tue“—законность для насъ смертельна, тогда какъ мы, на почвѣ этой самой законности пріобрѣтаемъ крѣпкія мышцы да румяныя щеки (pralle Muskeln und rotte Backen bekommen) и выглядываемъ, какъ сама вѣчная жизнь“ [1]).

Эти строки написаны Энгельсомъ въ мартѣ 1895 года въ послѣдней, изданной имъ его литературной работѣ, и потому работа эта справедливо разсматривается, какъ его духовное завѣщаніе.

Именно эта точка зрѣнія и стала вытѣснять окончательно не въ одной только Германіи точку зрѣнія былого „революціонизма“; именно это и дало основаніе Эдуарду Бернштейну сказать вскорѣ своей партіи словами Шиллера: „пусть она не боится и казаться тѣмъ, чѣмъ она является въ дѣйствительности“; именно, это положеніе вещей и предвидѣлъ Бакунинъ, когда на смертномъ одрѣ говорилъ, что теперь „народы всѣхъ странъ утеряли революціонный инстинктъ“.

И вотъ, называютъ его и донынѣ „чудовищно-политически-преступной натурой“. Между тѣмъ онъ вовсе не таковъ. Онъ романтикъ и, въ сущности, глубоко-религіозный типъ, направившій коренныя свойства своего духа въ ту область, гдѣ требуются не они, а самые позитивные масштабы. Тутъ онъ и потерпѣлъ—и не могъ не потерпѣть—самое полное пораженіе. *Вѣра, чисто-религіозная вѣра* въ живущій въ массахъ духъ „творческаго разрушенія“, а отсюда и вѣра въ преобразованіе міра этими массами путемъ „соціальной революціи“—такова основная черта всего душевнаго склада Бакунина. Изъ своей *вѣры* въ массы Бакунинъ выводилъ и свое „право“ дѣйствовать всѣми способами въ интересахъ соціальной революціи.

„Нужно общее представленіе о своемъ правѣ и глубокая, страстная, можно сказать, *религіозная вѣра въ это право*“,—писалъ, излагая свой символъ вѣры, Бакунинъ [2]). Отстаивая въ

[1]) Предисловіе *Энгельса* къ „Die Klassenkämpfe in Frankreich, 1848—1850“ Маркса, стр. 18.

[2]) Государственность и Анархія, стр. 37.

полемикѣ съ Маццини „соціальную революцію“, онъ же писалъ, что долженъ стать въ этомъ вопросѣ противъ глубокоуважаемаго имъ итальянскаго патріота на сторону своего врага Маркса, ибо „такова фатальность, уклониться отъ которой мнѣ не позволяютъ ни мои убѣжденія, ни моя *религія* (курсивъ Бакунина) не менѣе глубокая и не менѣе чистая, чѣмъ его, Маццини“ [1]).

Съ „государственнымъ соціализмомъ“ Бакунинъ рѣшительно не мирился. Почему?

Еще въ половинѣ сороковыхъ годовъ, изучая соціалистическія идеи Фурье, Консидерана, и другихъ, Герценъ набросалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія замѣчательныя строки: „хорошо, чрезвычайно хорошо, *но не полное рѣшеніе задачи*. Въ широкомъ свѣтломъ фаланстерѣ ихъ *тѣсновато*. Это устройство *одной стороны жизни,—другимъ неловко*“. Бакунинъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, въ чемъ именно дѣло, чувствовалъ тѣмъ не менѣе, что въ построяемомъ нѣмецкими архитекторами своего рода „фаланстерѣ“ заключается „неполное рѣшеніе вопроса“, что это устроеніе лишь „одной стороны жизни“, а другимъ „неловко“, „тѣсновато“. И онъ ринулся на самихъ строителей, не замѣчая, что въ устроеніи той „стороны жизни“, надъ которой они работаютъ,—а устроеніе ея имѣетъ для массъ трудящихся значеніе первостепенное,—романтизмъ менѣе всего долженъ имѣть мѣсто. Бакунинъ думалъ, что массы могутъ завоевать себѣ хлѣбъ однимъ революціоннымъ вдохновеніемъ, и въ этомъ онъ кореннымъ образомъ заблуждался. Не предвидѣлъ онъ и того, что дѣятельность ненавистныхъ ему строителей вовсе не сведется къ одному „парламентарскому кретинизму“ и что наряду съ „законодательствованіемъ“ въ парламентѣ будетъ происходить и внѣ парламента широкая организаціонная работа среди массъ, не на словахъ, а de facto приготовляющая эти массы къ новому будущему. Всѣ атаки Бакунина были поэтому отбиты, рабочее движеніе потекло по реалистическому руслу, и „нѣмецкіе доктринеры“ съ изумительною выдержкою кладутъ кирпичъ за кирпичомъ, возводя зданіе, контуры котораго начинаютъ уже вырисовываться и въ настоящее время. Это, говоря словами Герцена, „хорошо, чрезвычайно хорошо“, но это все-таки „не полное рѣшеніе вопроса“, это „устройство одной стороны жизни, другимъ—неловко, тѣсновато“. Что не-

[1]) La théologie politique de Mazzini et l'Internationale, p. 46.

обходимо для того, чтобы и „другимъ сторонамъ жизни“ было „широко и свѣтло“, это и составляетъ ту великую проблему, которую Бакунинъ не понималъ, но чувствовалъ...

Нѣтъ, не словами Іекка о Бакунинѣ, какъ о „чудовищно-политически-преступной натурѣ“, долженъ быть помянутъ знаменитый агитаторъ, а словами Бѣлинскаго, давшаго Бакунину слѣдующую проникновенную характеристику: „онъ во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки,—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа“...

IV.

Петръ Лавровичъ Лавровъ и „лавризмъ“.

Другой бывшій офицеръ русской арміи, сдѣлавшійся однимъ изъ вождей революціоннаго движенія въ Россіи. Но это не Бакунинъ,—совсѣмъ не Бакунинъ. Мало того: можно сказать, полная противоположность Бакунину. Насколько Бакунинъ былъ по основнымъ склонностямъ своей натуры человѣкомъ непосредственнаго *дѣйствія*, настолько же Лавровъ — человѣкомъ кабинета и академической каѳедры, гдѣ онъ, вѣроятно, и провелъ бы всю свою жизнь, если бы родился не въ Россіи, а въ другой сколько-нибудь культурной странѣ.

Человѣкъ радикальныхъ *мнѣній*, Лавровъ выступалъ въ качествѣ профессора и писателя съ самаго начала 60-хъ годовъ, но *своимъ* въ „лѣвомъ лагерѣ“ онъ признаваемъ тогда не былъ и по немъ вели пальбу со страницъ *Современника*. Но послѣ каракозовскаго выстрѣла у насъ началось искорененіе „нигилизма“ даже и тамъ, гдѣ его не было никакого слѣда. Тогда-то, въ числѣ многихъ другихъ жертвъ безудержнаго произвола, очутился сначала въ тюрьмѣ, а потомъ и въ ссылкѣ и Петръ Лавровичъ Лавровъ.

Человѣкъ науки, Лавровъ мечталъ, сидя и въ тюрьмѣ, объ одномъ: выполнить задуманную имъ уже тогда грандіозную научную работу. Онъ ею и занимался всю жизнь, несмотря на всѣ дальнѣйшія превратности своей судьбы. Мы говоримъ, конечно, объ его замѣчательномъ „Опытѣ исторіи мысли“.

За тюрьмою послѣдовала ссылка въ Вологодскую губернію, гдѣ Лавровъ прожилъ ровно три года (съ февраля 1867 по февраль 1870). Оттуда сталъ помѣщать онъ въ *Недѣлѣ*, подъ очень прозрачнымъ псевдонимомъ Миртова, свои знаменитыя

„Историческія письма“, въ которыхъ наряду съ идеей *долга* личности передъ народомъ давалась и „формула“ для жизни и дѣятельности „критически мыслящей личности“.

П. С. Русановъ пишетъ по поводу этого произведенія Лаврова такія строки:

„Это небольшое сравнительно произведеніе имѣло, какъ извѣстно, успѣхъ поразительный и, слѣдуетъ прибавить, неожиданный какъ для самого Петра Лавровича, такъ и для нѣкоторыхъ очень компетентныхъ судей. Интересно, что такой сильный умъ, какимъ былъ Н. К. Михайловскій, игравшій въ то время важную роль въ редакціи *Недѣли*, прочитавъ первыя письма, находилъ ихъ черезчуръ сухими для большинства публики и даже задавался вопросомъ, стоитъ ли поощрять ихъ дальнѣйшее появленіе? И только болѣе чуткая оцѣнка ихъ покойной Е. И. Конради, участвовавшей также въ редакціи газеты, воспрепятствовала ихъ прекращенію. Между тѣмъ можно смѣло сказать, что „Историческія письма“ скоро сдѣлались и были настольной книгой, евангеліемъ молодежи въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ... Одно время мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки изъ человѣка „мыслящаго реалиста“. Мы готовились всѣ стать такими „мыслящими реалистами“, которые желаютъ жить во имя своего „развитого эгоизма“, низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью свободную и счастливую жизнь, какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ. И вдругъ, небольшая книжка, которая говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся; что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь; что есть другіе важные вопросы; есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть, наконецъ, народъ, голодающій, замученный трудомъ народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на себѣ все зданіе цивилизаціи и который только и позволяетъ намъ заниматься и лягушками, и всякими другими науками; есть, наконецъ, нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, передъ великой арміей трудящихся“ [1]).

Разсказывая о впечатлѣніи отъ „Историческихъ писемъ“ Лаврова, П. С. Русановъ рисуетъ дѣло, конечно, совершенно точно.

[1]) *П. С. Русановъ.* П. Л. Лавровъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. *Былое.* 1907 г. февраль, стр. 260—261.

Но что же это доказываетъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тому кружку лицъ, въ которомъ вращался авторъ воспоминаній? Это доказываетъ лишь, что вся увлекавшаяся Писаревымъ молодежь,—а Н. С. Русановъ говоритъ, что „мы готовились *всѣ* стать „мыслящими реалистами“,—совершенно успѣла уже позабыть проповѣдь Добролюбова. Развѣ Добролюбовъ говорилъ тоже объ „анатоміи лягушки“, а не призывалъ „дѣйствовать на народъ прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло его крѣпкія и свѣжія силы“? Развѣ не говорилъ онъ „молодому поколѣнію“ о необходимости „отъ тощихъ и чахлыхъ выводковъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ свѣжимъ, здоровымъ росткамъ народной жизни, помочь ихъ правильному, успѣшному росту и цвѣту, предохранить отъ порчи ихъ прекрасные обильные плоды“? И развѣ не говорилъ въ свою очередь Писаревъ, что онъ не сходится съ Добролюбовымъ „почти ни въ одномъ пунктѣ“? Въ чемъ состоялъ рецептъ Писарева? Во всестороннемъ (конечно, такъ, какъ понималъ эту „всесторонность“ онъ самъ) развитіи *личности*, дабы выработать изъ нея „мыслящаго реалиста“. А рецептъ Добролюбова? Въ наискорѣйшемъ воплощеніи въ жизнь самыхъ прогрессивныхъ идей времени и въ *активно-народнической* въ этомъ смыслѣ дѣятельности.

Теперь посмотримъ на центральную мысль „Историческихъ писемъ“ или „формулу“ ихъ автора.

„*Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости* (курсивъ Лаврова), — вотъ краткая формула, обнимающая, какъ мнѣ кажется, все, что можно считать прогрессомъ; и прибавлю, что я въ этой формулѣ не считаю ничего мнѣ лично принадлежащимъ; болѣе или менѣе ясно и полно высказанная, она лежитъ въ сознаніи всѣхъ мыслителей послѣднихъ вѣковъ, а въ наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже тѣми, кто дѣйствуетъ несогласно съ нею и желаетъ совершенно иного“ [1]).

---

[1]) *П. Л. Лавровъ (П. Миртовъ).* Историческія письма (4-е изданіе), 1906 г., стр. 51. Мы не будемъ останавливаться на другихъ идеяхъ этой книги, но по поводу одной изъ нихъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Мы говоримъ объ идеѣ Лаврова, что „прогрессъ“ осуществляется въ человѣчествѣ работой „критически мыслящихъ личностей“. Мы уже видѣли, что такъ смо-

Лавровъ замѣчаетъ, что „формула“ эта „въ наше время“ становится „ходячею истиною“. Въ общемъ смыслѣ это, конечно, такъ, но развѣ здѣсь лежалъ центръ вопроса, занимавшаго „молодое поколѣніе“ 60-хъ годовъ? Да въ чемъ же и состояло расхожденіе Писарева съ Добролюбовымъ, какъ не въ томъ, что Писаревъ принималъ за главное *первую* часть „фор-

---

трѣлъ на этотъ вопросъ и Писаревъ, но онъ полагалъ необходимымъ оставить „покуда“ массы „въ покоѣ“ и заняться накопленіемъ въ самомъ обществѣ „мыслящихъ реалистовъ“, дѣятельность которыхъ оправдана, однако, лишь въ томъ случаѣ, если она „прямо или косвенно“ направлена на благо тѣхъ же массъ. Пока же массы эти *сами по себѣ* лишь „туманныя пятна, изъ которыхъ образуются будущіе міры“, и потому не онѣ являются двигательною силой исторіи или, что то же, активными дѣятелями прогресса. Какъ смотрѣлъ на этотъ же вопросъ Лавровъ? Пусть читатель прочтетъ слѣдующее мѣсто изъ „Историческихъ писемъ“: „Я не говорю о тѣхъ, которые всю жизнь бьются изъ-за куска хлѣба. Въ прошломъ письмѣ я упомянулъ о нихъ, и на нихъ не падаетъ ни одного обвиненія. Если прогрессъ прошелъ надъ ихъ головами, не давъ имъ даже развитія, то они лишь жертвы его. Если ихъ коснулось умственное развитіе, если сознаніе лучшаго зажгло въ нихъ ненависть ко лжи и злу, но обстоятельства задавили въ нихъ всякое проявленіе этого сознанія и ограничили ихъ жизнь заботой о насущномъ хлѣбѣ; если при этомъ они все-таки сохранили человѣческое достоинство, то они своимъ примѣромъ, своимъ существованіемъ остаются самыми энергичными дѣятелями прогресса. *Передъ этими незамѣтными героями человѣчества, не совершившими ни одного яркаго дѣла, по историческому значенію ничтожны величайшіе историческіе дѣятели* (курсивъ нашъ). Если бы первыхъ не было, то послѣдніе никогда не могли бы осуществить ни одного своего начинанія. Между тѣмъ какъ замѣтные герои борются и часто даже гибнутъ въ борьбѣ за лучшее, въ это время, несмотря на неблагопріятныя условія, незамѣтные герои поддерживаютъ въ обществѣ традицію человѣческаго достоинства, сознаніе лучшаго, и когда одному на сто изъ всякихъ дѣятелей удастся провести въ жизнь свои идеи, онъ вдругъ видитъ вокругъ себя группу крѣпкихъ людей, закаленныхъ работой, неисколебимыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, радостно протягивающихъ ему свои руки. Изъ этихъ-то незамѣтныхъ героевъ создается во всякую великую историческую минуту *почва* (курсивъ нашъ) для преобразованій. Они хранятъ въ себѣ всю возможность будущаго. Въ томъ обществѣ, въ которомъ не было бы ихъ, прекратился бы разомъ всякій историческій прогрессъ. Но эти энергичные дѣятели заключаютъ въ себѣ лишь *возможность* (курсивъ Лаврова) прогресса. Его осуществленіе никогда не принадлежитъ и не можетъ принадлежать имъ по очень простой причинѣ: каждый изъ нихъ, принявшись за осуществленіе прогресса, умеръ бы съ голода или пожертвовалъ бы своимъ человѣческимъ достоинствомъ, исчезнувъ въ обоихъ случаяхъ изъ ряда прогрессивныхъ дѣятелей. *Осуществленіе прогресса принадлежитъ тѣмъ, которые избавились отъ самой гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ*, но изъ этихъ послѣднихъ всякій критически мыслящій можетъ осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ“ (Исто-

мулы", оставляя, какъ онъ выражался, „покуда" въ сторонѣ вторую, а Добролюбовъ выдвигалъ на главное мѣсто, именно, *вторую* ея часть? Лавровъ же соединилъ чисто-механически обѣ ихъ вмѣстѣ и ничего болѣе... Если „формула" его пришлась такъ по душѣ молодежи, о которой разсказываетъ Н. С. Русановъ, такъ не потому ли это, что молодежь, находясь подъ

рическія письма, стр. 97—98). Все это мѣсто и въ особенности послѣднія подчеркнутыя нами строки выражены до такой степени неясно, что дали даже возможность одному изъ строгихъ, но несправедливыхъ критиковъ Лаврова написать такія строки: „мы видимъ, что по Лаврову „осуществленіе прогресса принадлежитъ" тѣмъ „мыслящимъ личностямъ", которыя... такъ или иначе кормятся на счетъ прибавочной стоимости. Прогрессъ проходитъ „надъ головами" огромнѣйшаго большинства тѣхъ, которые своимъ неоплаченнымъ трудомъ создаютъ эту стоимость. Это очень наивно. Оспаривать эту наивность теперь уже нѣтъ никакой надобности" (*Г. Плехановъ. Современный Міръ*, іюнь 1909 г., стр. 130). Между тѣмъ сформулированіе мысли Лаврова столь рѣшительнымъ образомъ едва ли будетъ отвѣчать истинѣ. Онъ поставилъ (повторяемъ, въ крайне неясномъ изложеніи) вопросъ, какимъ образомъ среди массъ трудящихся зарождается и развивается идея соціализма, т.-е. привносится ли эта идея туда извнѣ, вырабатываясь въ иныхъ слояхъ общества, тогда какъ рабочее движеніе *само по себѣ* могло бы дать лишь тредъ-юніонизмъ (существуетъ среди соціалистовъ и такая точка зрѣнія), или идея соціализма и есть прямой продуктъ рабочаго движенія *самого по себѣ*, другими словами, что къ соціализму пришло бы рабочее движеніе и въ томъ случаѣ, если бы къ нему и совсѣмъ не присоединялись дѣятели изъ другихъ слоевъ общества. Лавровъ, повидимому, сталъ на первую изъ этихъ точекъ зрѣнія и, исходя изъ нея, призывалъ „критически мыслящія личности" къ энергической работѣ надъ „осуществленіемъ прогресса"; но и роль движенія, какъ таковаго, роль „незамѣтныхъ героевъ" въ самихъ массахъ, „по Лаврову", такъ велика, что передъ ними „ничтожны величайшіе историческіе дѣятели". Когда „критически мыслящіе" люди изъ „интеллигенціи" войдутъ въ соприкосновеніе съ „незамѣтными героями", то послѣдніе, по Лаврову, „радостно протянутъ къ нимъ руки", т.-е. между тѣми и другими установится полное взаимное пониманіе, и они начнутъ совмѣстную борьбу за общее дѣло. А затѣмъ? Затѣмъ „незамѣтные герои" сами станутъ „замѣтными", другими словами, возьмутъ дѣло въ собственныя руки, и тогда притокъ силъ изъ среды „интеллигенціи" будетъ все менѣе и менѣе необходимъ. Такъ думалъ Лавровъ. Правильны или нѣтъ были самыя его мысли и въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ излагаемъ,— другой вопросъ, но въ вышеприведенномъ толкованіи ихъ г. Плехановымъ онѣ получаютъ непринадлежащій ученію Лаврова характеръ. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что подъ „рабочимъ" Лавровъ, какъ и всѣ другіе народники семидесятыхъ годовъ, понималъ очень часто „мужика",—объ этомъ смѣшеніи мы уже говорили выше (въ главѣ о Бакунинѣ), — и отсюда произошло много важныхъ послѣдствій, обнаружившихся въ исторіи активнаго народничества семидесятыхъ годовъ. О нихъ у насъ рѣчь будетъ ниже.

вліяніемъ Писарева, не будучи въ силахъ противостоять его „натиску“, гдѣ-то въ глубинѣ души протестовала противъ того душевнаго увѣчья, которое онъ нѣкоторыми сторонами своей проповѣди ей наносилъ? Быть можетъ, именно поэтому „формула“ Лаврова, подъ первой частью которой подписался бы обѣими руками Писаревъ, а подъ второю Добролюбовъ,—что не помѣшало бы Писареву объявить все-таки, что онъ не согласенъ съ Добролюбовымъ „почти ни въ одномъ пунктѣ“,—и явилась для такой молодежи манной небесной...

„Можете себѣ представить,—продолжаетъ свои воспоминанія П. С. Русановъ,—какой ураганъ новыхъ мыслей и новыхъ чувствъ (подъ вліяніемъ чтенія „Историческихъ писемъ“) проходилъ въ нашей душѣ. Къ чорту и „разумный эгоизмъ“ и „мыслящій реализмъ“, и къ чорту всѣхъ этихъ лягушекъ и прочіе предметы наукъ, которыя заставляли насъ забывать о народѣ! Отнынѣ наша жизнь должна была всецѣло принадлежать массамъ, и, только посвящая всѣ наши силы торжеству общественной правды, мы могли не оказаться злостными банкротами передъ страною и всѣмъ человѣчествомъ“ [1]).

Это превосходно, но... гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно, что и не замедлило случиться съ Лавровымъ, какъ только онъ попытался *для практическихъ цѣлей* соединить обѣ части своей „формулы“ — не механически, а органически. „Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи“,—очень хорошо. „Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“—не совсѣмъ опредѣленно, ибо—что есть „истина“, что есть „справедливость“,—но все-таки тоже прекрасно. Однако, когда же, именно, „личность“ имѣетъ право считать себя въ умственномъ отношеніи настолько „развитою“, т.-е. усвоившею такое количество „знаній“, чтобы, положа руку на сердце, чувствовать себя готовою „воплощать въ общественныя формы истину и справедливость“? Это уже оказалось дѣломъ до такой степени спорнымъ, что именно на вопросѣ о количествѣ необходимыхъ для революціонера „знаній“ и происходили въ 70-хъ годахъ всѣ баталіи между „лавристами“ и „бакунистами“... Но объ этомъ ниже.

Лавровъ сидѣлъ въ городишкахъ Кадниковѣ и Тотьмѣ. Герценъ звалъ его за границу. Неутомимый и вѣчно дѣятельный

[1]) *Русановъ*, стр. 261—262.

Г. А. Лопатинъ „увезъ“ Лаврова въ Европу, но, прибывши въ Парижъ, Петръ Лавровичъ Герцена въ живыхъ уже не засталъ. Вскорѣ Лавровъ пережилъ такія событія, какъ осаду пруссаками Парижа и ужасную трагедію парижской коммуны. Передъ тѣмъ Лавровъ познакомился и сошелся съ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей коммуны—типографщикомъ Варленомъ (вскорѣ разстрѣляннымъ „версальцами“), который успѣлъ даже ввести его въ Интернаціоналъ. Во время коммуны Лавровъ выполнилъ смѣлое дѣло: онъ пробрался изъ Парижа черезъ непріятельскія войска, отправился въ Лондонъ и просилъ у Интернаціонала помощи французскимъ коммунарамъ. Помощи этой Интернаціоналъ, конечно, оказать не былъ въ состояніи, но для Лаврова поѣздка въ Лондонъ имѣла большое значеніе. Тамъ познакомился онъ съ Марксомъ и Энгельсомъ и сталъ прилежно изучать европейскій рабочій вопросъ.

Очутившись за границей въ качествѣ эмигранта, Лавровъ еще не опредѣлилъ той „позиціи“, которую онъ займетъ по отношенію къ соціалъ-революціонному движенію въ Россіи. Да и трудно было ему ее опредѣлить. Человѣкъ, склонный болѣе всего къ кабинетнымъ занятіямъ, онъ очутился передъ такими вопросами и запросами, къ которымъ менѣе всего былъ подготовленъ. Мы видѣли, какъ рѣшалъ Лавровъ въ „Историческихъ письмахъ“ тотъ вопросъ, который рѣзко разъединилъ „формулы“ Писарева и Добролюбова. Мы видѣли, какія возраженія вызываетъ рѣшеніе Лаврова. Какъ же было ему быть теперь, когда отъ него требовалось дать рѣшеніе того же вопроса въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ?.. Не имѣвшій ничего общаго съ *дѣйственной* натурой Бакунина, но въ то же время и не считавшій для себя нравственно возможнымъ замкнуться въ области однѣхъ лишь теоретическихъ идей, Лавровъ вступилъ на путь практической революціонной дѣятельности, хотя, повторяемъ, именно къ ней онъ былъ менѣе всего приспособленъ.

Интернаціоналъ, парижская коммуна, Нечаевскій процессъ,—о нихъ мы будемъ говорить особо,—все это имѣло сильное вліяніе на русскую молодежь. Пріѣхало много молодежи и за границу,—главнымъ образомъ въ Цюрихъ, гдѣ Лавровъ сталъ выступать въ защиту пріобрѣтенія и сообщенія народу „знаній“, противъ „бакунистовъ“, стоявшихъ за немедленную „соціальную революцію“, которая должна похоронить весь „старый міръ“, а съ нимъ и его такъ называемую „цивилизацію“ подъ ихъ собственными развалинами.

Съ легкимъ налетомъ тонкой ироніи и въ то же время очень живо разсказываетъ объ этомъ времени, учившаяся тогда въ Цюрихѣ, В. Н. Фигнеръ.

„Кажется, я не неглижировала своимъ образованіемъ,—пишетъ она,—въ Цюрихѣ была даже членомъ особеннаго ферейна изъ однѣхъ женщинъ, русскихъ студентокъ, цѣлью котораго было тоже научиться логически говорить,—потому мужчины и не допускались, какъ конкуренты, которые своимъ краснорѣчіемъ и вѣками накопленной логикой могли препятствовать нашимъ упражненіямъ. И мы упражнялись, увѣряю, добросовѣстно: читали рефераты о самоубійствѣ и о Стенькѣ Разинѣ, о Кабэ и Сенъ-Симонѣ, спорили до хрипоты о теоріи ренты Рикардо, о законѣ народонаселенія Мальтуса и распустили ферейнъ, только дойдя до вопроса о томъ, должно ли при соціальномъ переустройствѣ разрушить цивилизацію или можно отнестись къ ней снисходительно и сохранить ее для обновленнаго человѣчества. Этотъ вопросъ такъ глубоко затронулъ страсти, что мы точно бѣлены объѣлись: нѣкоторыя пролили даже кровь,—не ужасайтесь,—изъ носу отъ волненія, а не отъ удара съ чьей-либо стороны; спорили-спорили, никакъ не могли перекричать другъ друга; раздѣлились на партіи, объявили, что примиреніе невозможно,—о логикѣ и забыли, но, вѣроятно, никто не сомнѣвался, что она на его сторонѣ,—и послѣ этого уже не собирались вмѣстѣ. Я тогда была умѣренной, стояла за цивилизацію, находя довольно жестокимъ заставлять человѣчество вновь завоевывать то, что оно пріобрѣло съ такими жертвами, но другимъ казалось, что въ ней-то и кроется корень соціальныхъ бѣдствій“ [1]).

Въ такой атмосферѣ жилъ и Лавровъ, когда получилъ предложеніе стать во главѣ новаго заграничнаго журнала, на что онъ немедленно и согласился.

Но до какой степени руководительство подобнымъ дѣломъ было ему, въ сущности, чуждо, до какой степени онъ не зналъ, что собственно въ этомъ органѣ нужно проповѣдывать, слѣдуетъ изъ разсказа самого Лаврова объ обстоятельствахъ, при которыхъ возникъ журналъ *Впередъ*.

„Въ мартѣ 1872 г.,—вспоминаетъ онъ,—делегаты изъ Россіи предложили пишущему эти строки организовать изданіе рус-

[1]) *П. Л. Лавровъ*. „Народники-пропагандисты 1874—78 годовъ“, стр. 63—64.

скаго заграничнаго изданія". Ясно, что разъ это были „делегаты", то Лаврову они прежде всего и сказали, отъ какихъ, именно, организацій, группъ или кружковъ явились они „делегатами". Ничего подобнаго, однако, не случилось, и почему Лавровъ не задалъ „делегатамъ" этого, казалось бы, перваго и самаго естественнаго вопроса, онъ въ своихъ воспоминаніяхъ не объясняетъ. Вмѣстѣ такого вопроса „делегатамъ" Лавровъ начинаетъ прямо-таки гадать: „Кто же могъ быть въ числѣ иниціаторовъ новаго предпріятія, — раздумывалъ онъ. — Я построилъ себѣ *гадательную теорію*, которая оказалась впослѣдствіи ошибочною. Для меня иниціатива могла принадлежать лишь той группѣ литературныхъ радикаловъ, которую я зналъ и энергію которыхъ я могъ оцѣнить въ то время, когда они относились ко мнѣ недружелюбно. Садясь за программу *Впередъ*, я представлялъ себѣ дѣло такъ: растущая реакція принудила представителей радикальной литературы убѣдиться, что борьба на почвѣ литературы легальной въ данную минуту уже недостаточна. Они въ два года послѣ моего отъѣзда изъ Россіи организовались, вѣроятно, для литературной и политической борьбы. Они обращаются ко мнѣ, потому что я уже отрѣзалъ себѣ путь возвращенія на родину и видятъ во мнѣ лишь литератора, не расходящагося съ ними въ оппозиціи существующимъ порядкамъ и, можетъ быть, способнаго литературно вести новый органъ" [1]).

На основаніи этой „гадательной теоріи" Лавровъ и составилъ примѣнительно къ тому *первую* программу журнала *Впередъ*.

Началъ Лавровъ затѣмъ провѣрять свою „теорію" и, — пишетъ онъ, —„мои предположенія оказались *совершенно фантастическими:* литературные радикалы вовсе не собирались организоваться для борьбы на почвѣ подпольной прессы. Зато имѣлись самыя благопріятныя свѣдѣнія о возбужденіи среди молодежи, о „растущей силѣ" среди нея, объ отсутствіи единства въ этомъ движеніи за недостаткомъ вліятельнаго органа, наконецъ, о существованіи живыхъ и энергическихъ молодыхъ группъ уже не только среди эмиграціи, а въ самой Россіи" [2]).

Между тѣмъ первая программа произвела среди эмиграціи самое невыгодное для Лаврова впечатлѣніе. Вотъ что писалъ

[1]) Ibid., стр. 53 и 56.
[2]) Ibid., стр. 57.

тогда Н. П. Огареву извѣстный эмигрантъ, бывшій подполковникъ Н. В. Соколовъ (авторъ книги „Отщепенцы“) въ письмѣ отъ 2-го января 1873 года:

„Ты спрашиваешь меня, что дѣлается въ Цюрихѣ. На этотъ вопросъ скажу тебѣ вотъ что: со дня моего пріѣзда произошелъ у насъ расколъ въ средѣ русской молодежи. Вина, разумѣется, не моя, а господина Лаврова, нѣкоего философа, пріѣхавшаго въ Цюрихъ изъ Парижа съ намѣреніемъ основать журналъ. Написалъ этотъ Лавровъ программу журнала и написалъ ее въ такомъ отвратительномъ духѣ, что Бакунину, Зайцеву, мнѣ и лучшей здѣшней молодежи стало тошно, и мы рѣшили отдѣлиться, отщепиться отъ Лаврова и его клики. Представь себѣ, что въ программѣ Лаврова революція объявляется зломъ и проповѣдуется легальность“ [1]).

Убѣдившись, что „литературные радикалы вовсе не собирались организовываться для борьбы на почвѣ подпольной прессы“ и что надежды на это были „совершенно фантастическими“, написалъ Лавровъ тогда *вторую* программу журнала *Впередъ*. Въ этой программѣ онъ старался объединить своихъ сторонниковъ съ бакунистами, но послѣдніе предъявили такія условія, что дѣло и тутъ разстроилось.

Сталъ Лавровъ писать *третью* программу для журнала, которая и была помѣщена въ первомъ номерѣ *Впередъ*.

Вотъ основныя черты этой программы:

Всѣ нынѣшнія централизованныя политическія программы намъ прямо враждебны. Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими распредѣленіями съ другими центрами и другими законами,—все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индиферентно для насъ въ своемъ проявленіи.

Вопросъ объ участіи рабочихъ въ современномъ политическомъ движеніи Европы и Америки мы оставимъ спорнымъ. Мы охотно примемъ сотрудничество лицъ, которыя думаютъ, что въ государствахъ, гдѣ рабочее сословіе—крестьянское или фабричное—можетъ захватить въ свои руки политическое вліяніе, едва ли не полезнѣе ему воспользоваться существующими политическими формами для своего дѣла, чтобы потомъ перестроить общество путемъ прямого законодательства.

---

[1]) Письма Бакунина къ Герцену и Огареву, стр. 344.

Мы не отказываемся и отъ содѣйствія лицъ, считающихъ этотъ путь нецѣлесообразнымъ и проповѣдывающихъ, что рабочіе не должны имѣть ничего общаго съ современнымъ государственнымъ строемъ, должны противопоставлять ему свою самостоятельную организацію, которая въ данную минуту, достигнувъ до надлежащей силы, низвергнетъ весь существующій порядокъ вещей путемъ соціальной революціи и замѣнитъ этотъ порядокъ другимъ.

Для русскаго соціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы широки они ни были, и никакъ не выйдетъ изъ подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота—вотъ спеціально-русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству".

Кардинальною задачей соціалистовъ въ Россіи журналъ считаетъ „сближеніе съ народомъ" для „подготовленія переворота, долженствующаго осуществить лучшее будущее". При этомъ,—говоритъ журналъ,—мы считаемъ существенными и неизмѣнными слѣдующіе пункты:

Лишь строгою и усиленною *личною* подготовкой можно выработать въ себѣ возможность полезной дѣятельности среди народа.

Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, *какъ личности,* можно создать необходимыя условія подобной дѣятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія ясно понятыхъ цѣлей, можно считать себя дѣйствительно полезнымъ участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности въ Россіи.

Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и *готовность къ нему народа русскаго,* можно считать себя *въ правѣ* призвать народъ къ осуществленію этого переворота.

Кто воображаетъ, что можетъ рѣшить угадываніемъ или инстинктомъ трудныя и сложныя задачи, которыя представляетъ установка новаго общественнаго строя, тотъ приготовляетъ себѣ неминуемое пораженіе въ минуту, когда задача станетъ передъ нимъ со всею своею практическою неизбѣжностью. Онъ окажется безполезнымъ дѣятелемъ въ то самое время, когда силы его будутъ всего нужнѣе; онъ станетъ

игрушкой въ рукахъ шарлатановъ или эгоистовъ, которые лучше его подготовились въ области мысли. Если же онъ проповѣдуетъ систематическую вражду къ строгой и основательной подготовкѣ въ области мысли, то онъ готовитъ вести своихъ товарищей и союзниковъ на гибель въ битвѣ съ лучше подготовленными врагами; онъ готовитъ вести народъ къ революціи безъ будущности, мгновенный успѣхъ которой неизбѣжно вызоветъ подавленіе, потому что у народной партіи не будетъ знанія—единственнаго орудія возможной побѣды. Проповѣдь систематическаго невѣжества въ виду рѣшенія трудныхъ задачъ будущаго соціальнаго переворота встрѣтитъ на нашихъ страницахъ самое рѣшительное противодѣйствіе [1]).

Въ этой программѣ, за которую въ отличіе отъ первыхъ двухъ—компромиссныхъ—Лавровъ, какъ писалъ онъ самъ, принималъ на себя „полную отвѣтственность“, бросается въ глаза удивительная смѣсь элементовъ чисто доктринерскихъ съ элементами высокой культурной цѣнности. Цѣль „сближенія съ народомъ“—все та же „соціальная революція“ въ такой странѣ, какъ Россія, что, разумѣется, должно было сразу обрекать и эту программу на полное практическое безплодіе. Съ точки зрѣнія *принципіальной* Лавровъ не внесъ въ свою программу рѣшительно ничего новаго.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отличалась его *программа* (а не „тактика“) отъ программы бакунистовъ?

„Программу“ Бакунина мы уже знаемъ. Теоретически она, конечно, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, но самъ Бакунинъ былъ вдохновенный революціонеръ, дѣйствующій на другихъ не убѣжденіемъ, а страстью, могучимъ революціоннымъ паѳосомъ, всей своей огромной революціонной личностью.

Въ этомъ тайна его вліянія на окружающихъ при всей фантастичности его идей.

Но Лавровъ?

Человѣкъ, вовсе не обуреваемый революціонною страстью, которая одна только и давала Бакунину заразительную силу—силу „внушенія“, а весьма уравновѣшенный, человѣкъ большого ума и обширныхъ знаній, неужели же этотъ человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ не видѣть всей фантастичности бакунинскихъ *идей, какъ таковыхъ*, и той „программы“, въ которую идеи эти были воплощены? Фактъ совершенно невѣроятный.

---

[1]) *Впередъ* (непериодическое изданіе) 1873 г., томъ I, стр. 9, 11, 14 и 15.

Между тѣмъ что же мы видимъ на дѣлѣ?

А на дѣлѣ даже черезъ много лѣтъ послѣ прекращенія журнала *Впередъ*, вспоминая и документируя со всегда отличавшей его безупречною добросовѣстностью исторію этого журнала, Лавровъ писалъ такія въ высшей степени цѣнныя строки:

„Во все продолженіе существованія „бакунистовъ“ и „впередовцевъ“ (т.-е. „лавристовъ“—*В. Б.*) за границею и въ Россіи никогда не было опредѣленно установлено, *въ чемъ существенно расходятся ихъ политическія и соціальныя программы*, а столкновенія происходили по *второстепеннымъ* пунктамъ“, какъ по вопросу о важности или ненужности пріобрѣтенія знаній, въ агитаціонной тактикѣ и т. д.“ [1]).

Это значитъ, что Лавровъ и его сторонники, „впередовцы“ или „лавристы“, въ „политическихъ и соціальныхъ программахъ“ съ Бакунинымъ и „бакунистами“ *не расходились*, а это въ свою очередь означаетъ, что Лавровъ раздѣлялъ основныя воззрѣнія Бакунина на соціальную революцію, анархію и проч....

Но могло ли это быть въ дѣйствительности такъ? Конечно, нѣтъ.

Значитъ, Лавровъ былъ неискренъ, когда говорилъ, что раздѣляетъ бакунинскія иллюзіи? Тоже нѣтъ. Все дѣло здѣсь именно въ томъ, что насколько активная, дѣйствительно революціонная *личность* Бакунина гипнотизировала все его окружавшее, настолько же пассивная, но глубоко благородная натура Лаврова сама легко поддавалась зараженію со стороны другихъ, и тогда ему казалось, *искренно* казалось, что онъ *самъ* смотритъ на дѣло такъ, и онъ пускалъ тогда въ ходъ весь арсеналъ своего научнаго багажа, всѣ свои очень большія знанія въ подкрѣпленіе мыслей, въ сущности, тѣхъ же бакунинскихъ.

Это и вело, разумѣется, къ тому, что, разъ оппоненты Лаврова были настолько сильны характеромъ, чтобы не поддасть подъ гипнозъ программы Бакунина, они сразу видѣли всю несостоятельность и программы *Впередъ*. Лавровъ былъ совершенно правъ, утверждая, что въ „существенномъ“ *они были одинаковы* [2]).

---

[1]) „Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.“, стр. 60.

[2]) До какой степени это вѣрно, т.-е. до какой степени въ *принципіальномъ* отношеніи „лавризмъ“ сливается съ „бакунизмомъ“, можно видѣть, напр., изъ отрицательнаго отношенія журнала *Впередъ* къ законодательной защитѣ труда въ формѣ фабричной инспекціи даже въ Англіи... „Пасъ

Левъ Дейчъ разсказываетъ о нѣкоемъ Фесенко, который не увлекся „бакунизмомъ“ и въ то же время отнесся съ большимъ скептицизмомъ и къ идеямъ Лаврова. Это нисколько не помѣшало ему, однако, оставаться революціонеромъ-народникомъ.

Вотъ что говорилъ Фесенко познакомившемуся съ нимъ тогда юношѣ Дейчу:

„По вашему убѣжденію нашъ крестьянинъ, конечно, надѣленъ всѣми существующими въ мірѣ добродѣтелями. Онъ, понятно, добръ, великодушенъ, альтруистиченъ, склоненъ къ соціализму съ самыхъ пеленокъ, революціонеръ еще въ утробѣ матери и пр. Знаю, знаю всѣ эти бредни, выдуманныя Бакунинымъ, правда, не имъ однимъ: часть ихъ онъ позаимствовалъ у славянофиловъ. Ну, а за нимъ безъ малѣйшей критики повторяетъ эту нелѣпость и Лавровъ, тотъ самый Лавровъ, который всегда толковалъ о громадномъ значеніи „критики“, о роли, которая въ исторіи играетъ „критически мыслящая личность“. Повѣрьте,—продолжалъ Фесенко, вспоминая о своихъ устныхъ спорахъ съ Лавровымъ,—я совершенно не въ силахъ былъ понять, какъ не только образованный, но и чрезвычайно ученый человѣкъ, къ тому же довольно пожилыхъ уже лѣтъ, можетъ серьезно толковать о чисто дѣтскихъ мысляхъ“ [1]).

Фесенко неправильно излагалъ взгляды Бакунина на „народъ“, но онъ былъ правъ въ своей критикѣ программы „бакунизма“. Такихъ, однако, какъ онъ, было немного: огромное большинство, правда, почти исключительно молодежи, примыкало къ „бакунизму“ pure et simple или къ „бакунизму“, измѣненному во „второстепенныхъ пунктахъ“, что и составляло программный „лавризмъ“. Однако „второстепенные пункты“, хотя, по словамъ Лаврова, они и лежали въ области тактическихъ,

крайне удивляетъ,—писалъ *Впередъ*,—какимъ образомъ Марксъ можетъ находить, что въ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ *существуетъ хотя нѣчто какого-нибудь прогресса*“ (*Впередъ*, 1873 г., т. I, стр. 176). Болѣе рѣшительно, конечно, не могъ бы выразиться и самъ Бакунинъ. Можно привести не мало и другихъ цитатъ изъ выходившихъ подъ редакціей Лаврова изданій, пропикнутыхъ такимъ же „бакунистскимъ“ духомъ. „Мы боремся не противъ варварскаго правительства, не противъ дурного правительства, *а противъ правительства вообще, каково бы оно ни было*“ („Готовящійся прогрессъ“, газета *Впередъ*, № 11). Несомнѣнно, и подъ такимъ заявленіемъ Бакунинъ подписался бы обѣими руками.

[1]) *Левъ Дейчъ*. „Одинъ изъ первыхъ марксистовъ“. *Вѣстникъ Европы*, 1911 г., ноябрь, стр. 93.

а не „программныхъ“ расхожденій лавризма съ бакунизмомъ (программы, какъ мы уже видѣли, на основаніи свидѣтельства самого Лаврова ни въ чемъ „существенномъ“ между собою не расходились), *сами по себѣ* имѣли чрезвычайно важное значеніе.

Подъ пунктами расхожденій тактическихъ или „второстепенныхъ“ Лавровъ разумѣетъ такіе пункты, какъ о *„важности или ненужности пріобрѣтенія знаній“*, по вопросу „объ агитаціонной тактикѣ“ и т. д.

И тутъ, къ великой чести Лаврова, онъ не уступилъ даже Бакунину: слишкомъ онъ былъ культурный человѣкъ, слишкомъ пропитанный духомъ науки, чтобы и въ вопросѣ „о важности или ненужности знаній“ расшаркаться передъ „бакунистами“. Вѣдь это же была основа всего его существа, его „святая святыхъ“, и вдругъ бы онъ отдалъ „бакунистамъ“ на растерзаніе и самую науку. (Вспомнимъ пунктъ написанной Бакунинымъ для *Народнаго Дѣла* „программы“, въ которомъ объявлялись подлежащими „искорененію“ на ряду съ военными, церковными и другими учрежденіями также и учрежденія „ученыя“.) Нѣтъ, это было слишкомъ даже для уступчиваго Лаврова, и по этому „второстепенному пункту“ онъ возсталъ, возсталъ энергично, возсталъ до того, что быстро попалъ вмѣстѣ со своими сторонниками въ „революціонеры-реакціонеры“. Быстро изобразили его, редактора революціонно-анархическаго журнала *Впередъ*, въ такой карикатурѣ: нарисовали рака, изобразили сидящимъ на немъ верхомъ Лаврова и подписали:

Эксъ-профессоръ, эксъ-философъ,
Революціи оплотъ,
Онъ засѣлъ верхомъ на рака
И кричитъ: впередъ! впередъ!

Въ вопросѣ о „наукѣ“ и „знаніяхъ“ Лавровъ не уступалъ. Но развѣ такой „позиціей“ не ставилъ онъ сильнаго тормоза не бакунизму только, а и своему собственному,—чего онъ не замѣчалъ,—пониманію „соціальной революціи“? Бакунисты, если хотите, были гораздо послѣдовательнѣе. Ихъ программа,—программа „нигилистовъ“,—отлично была сформулирована еще въ 1861 году тогда еще очень молодымъ и чрезвычайно пылкимъ Писаревымъ: „что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится вдребезги, то хламъ;

во всякомъ случаѣ, бей направо, бей налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть". А если такъ, то какая тамъ „наука",—за коимъ, съ позволенія сказать, чортомъ она нужна? Надо „бунтовать" народъ, а не разглагольствовать съ нимъ о всякихъ „матеріяхъ", уже доведшихъ буржуазный міръ Европы до полнаго гніенія. Соціальная революція снесетъ этотъ міръ до основанія и тогда выростетъ нѣчто совершенно новое. Значитъ,—о чемъ же и толковать, о какой „наукѣ"? Лавровъ слушалъ всѣ эти рѣчи о гніеніи міра стараго и возникновеніи новаго и въ основанной имъ вскорѣ газетѣ съ тѣмъ же именемъ *Впередъ* завелъ постоянный отдѣлъ, который назвалъ „Гниль стараго и ростъ новаго", но по вопросу о наукѣ все-таки не сдавался и отстаивалъ необходимость ученія. На этой почвѣ случались вещи, которыя самъ Лавровъ справедливо называетъ „трагикомическими". Такъ, у извѣстнаго князя Васильчикова спросили, читаетъ ли онъ *Впередъ?* Васильчиковъ на это будто бы отвѣтилъ такъ: „я взялъ эту книгу, развернулъ, увидѣлъ, что тамъ спорятъ о пользѣ ученія и не нашелъ нужнымъ читать далѣе"... [1])

Да, приходилось защищать „знанія", а разъ приходилось защищать ихъ, какъ необходимыя для пропагандиста, то надо было взять ихъ подъ свою защиту и какъ необходимыя „для народа". Значитъ, ставился вопросъ о „распространеніи *знаній* въ народѣ". Но распространять въ народѣ знанія, уже въ силу одной почти поголовной неграмотности русской деревни, значило заниматься *культурною дѣятельностью,* къ чему на практикѣ и сводилась дѣятельность лавристовъ, разъ они поселялись „въ народѣ" сколько-нибудь осѣдло. Но „культурной дѣятельности" мѣшали политическія условія, а бороться съ ними, *какъ съ таковыми,* программой Лаврова, какъ и программой Бакунина, было строжайше воспрещено. Это значило бы просто-таки измѣнить „народному дѣлу". Какъ же, однако, быть при такихъ условіяхъ съ „соціальной революціей?" Ну, бакунисты говорятъ „жарь", а тамъ что выйдетъ, но лавристы,—не они ли заявили, имѣя въ виду именно бакунистовъ, что „проповѣдь систематическаго невѣжества" встрѣтитъ съ ихъ стороны „самое рѣшительное противодѣйствіе"? Какъ же все это примирить? Какъ спасти и „знанія" отъ вандаловъ-бакунистовъ, и „со-

1) *П. Л. Лавровъ.* Народники-пропагандисты, стр. 122.

ціальную революцію“ отъ всякихъ буржуевъ-конституціоналистовъ, и „враждебность“ къ тѣмъ, кто вздумаетъ бороться за преобразованіе *политическаго* строя въ Россіи, и возможность культурной пропаганды соціально-революціонныхъ идей среди неграмотнаго населенія, живущаго подъ гнетомъ самаго безудержнаго произвола властей? Какъ спасти все это одновременно, не поступившись,—боже, храни,—„соціальной революціей“ въ пользу презрѣнной „конституціи“?...

Конституція—зло. На эту тему Лавровъ упорно вторилъ Бакунину. Въ изданной имъ въ 1874 году брошюрѣ „Русской соціально-революціонной молодежи“ онъ указывалъ послѣдней на вредоносность „конституціоналистовъ“ для народа. „Пойдетъ ли она (молодежь),—писалъ Лавровъ,—вмѣстѣ съ конституціоналистами, которые тоже могутъ составить заговоръ съ цѣлію ограниченія власти всероссійскимъ представительнымъ соборомъ, съ либеральными гарантіями? Забыла ли она, что при союзѣ народныхъ партій съ партіями буржуазіи *всегда* проигрываетъ, *всегда* былъ обманутъ народъ? Неужели она думаетъ, что есть что-либо общее между народной соціальной революціей и революціей въ пользу либеральной конституціи, которою прежде всего воспользуются капиталисты и адвокаты?“ [1])

Всякія „либеральныя завоеванія“ буржуазіи, — писалось въ газетѣ Лаврова,—не только не пошли на пользу рабочимъ, но, напротивъ, „постепенно ухудшали ихъ положеніе“ [2]).

Въ 1875 году В. А. Гольцевъ обратился въ редакцію *Впередъ* (подъ псевдонимомъ „Конституціоналистъ“) съ замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ доказывалъ всю необходимость „прежде всего добиться чего-либо подобнаго германской конституціи, дающей возможность рабочимъ объединиться и идти впередъ при свѣтѣ науки“. Помѣстивши это письмо съ оговоркой, что, „помѣщая письмо неизвѣстнаго намъ конституціоналиста и отвѣчая на него, мы заранѣе отказываемся помѣщать какія-либо догматическія или полемическія статьи изъ того же лагеря“, редакція писала въ отвѣтѣ Гольцеву (въ томъ же номерѣ, въ которомъ помѣстила его письмо), что „наше дѣло убѣждать какъ народъ, такъ и искреннихъ друзей народа, что „народное верховенство“ есть иллюзія пока оно не связано съ

---

[1]) Русской соціально-революціонной молодежи, стр. 39.
[2]) Рабочій соціализмъ. Газета *Впередъ*, № 19.

разрушеніемъ экономической эксплоатаціи большинства меньшинствомъ“ и т. д. [1]).

На той же аполитической точкѣ зрѣнія стоялъ Лавровъ и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, что доказывается между прочимъ его статьей „Объ организаціи революціонной партіи“, помѣщенной въ № 3 *Чернаго Передѣла* за 1880 годъ. И тамъ на сценѣ все та же „соціальная революція“.

Какъ же, однако, быть съ вопросомъ объ осуществленіи этой „соціальной революціи“ въ такой странѣ, какъ Россія?

И вотъ, Лавровъ дѣлаетъ математическое вычисленіе, въ силу котораго выходитъ, что, начавши пропаганду въ народѣ, можно получить уже черезъ 5 лѣтъ „10.000 сознательныхъ руководителей народнаго движенія, которые сгруппированы въ 5 территоріяхъ, наиболѣе воспріимчивыхъ для пропаганды, примѣрно по 2.000 въ каждой и окружены *несравненно большимъ* (курсивъ подлинника) числомъ лицъ, готовыхъ каждую минуту идти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала“ [2]).

Ну, конечно, если такія блестящія перспективы для „соціальной революціи“ получатся при русскихъ условіяхъ дѣятельности „въ народѣ“ уже черезъ 5 лѣтъ, то чего же лучше? Представьте только себѣ, сколько „соціалистовъ-революціонеровъ изъ народа“ должно было получиться не черезъ пять, а

---

[1]) Газета *Впередъ*, № 21. Отвѣтъ Гольцеву кончается такими словами: „Можетъ весьма легко настать минута, когда противъ возстанія крестьянъ на Волгѣ, Днѣпрѣ, на Уралѣ не будетъ имѣть возможности двинуть свои войска князь Бисмаркъ, потому что городскіе рабочіе Саксоніи, Баваріи, Брауншвейга, Гамбурга *не дозволятъ* (курсивъ подлинника) ему сдѣлать это. Нельзя ручаться, чтобы въ то же время и могучіе союзы Англіи, давно уже организованные, не захотѣли перейти отъ легальныхъ мѣръ къ нелегальнымъ. А въ подобную минуту неужели вы думаете, не развернется красное знамя на берегахъ Сены? Неужели не поднимутся итальянскіе, испанскіе рабочіе, повидимому, организующіеся втайнѣ для революціи? Нѣтъ, на этотъ счетъ мы спокойны“. Это писалось почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, а въ 1912 году нѣмецкое правительство, увы, могло совершенно спокойно двигать свои войска на „усмиреніе“... стачки шахтеровъ въ Вестфаліи... И тѣмъ не менѣе наличность именно той „германской конституціи“, о которой писалъ въ 1875 году Гольцевъ Лаврову, много содѣйствовала росту соціалъ-демократіи въ Германіи, ибо конституція эта давала, „возможность рабочимъ объединиться и идти впередъ при свѣтѣ науки“. Письмо Гольцева было воспроизведено въ X книгѣ *Русской Мысли* за 1906 годъ и въ № 13 (заграничнаго) *Былого*. Въ послѣднемъ перепечатанъ и отвѣтъ редакціи *„Впередъ“*.

[2]) Газета *Впередъ*. 1876 г. № 34, стр. 312.

черезъ десять лѣтъ, примѣрно къ 1886 году? Милліоны, прямо милліоны! Если изъ ничего черезъ 5 лѣтъ дѣлается 10.000, то изъ 10.000 въ слѣдующіе пять?.. На бумагѣ дѣла обстояли очень недурно...

Шло, однако, время, а результаты пропаганды въ народѣ не только отъ математическихъ выкладокъ отставали, но простотаки не имѣли съ ними ничего общаго. А старый вопросъ о количествѣ необходимыхъ для революціонера „знаній“ попрежнему стоялъ во весь ростъ. Хорошо было говорить въ „Историческихъ письмахъ“, что и всестороннее „развитіе личности“ необходимо и „воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“—тоже необходимо. Это, конечно, такъ, но вотъ теперь, теперь-то какая же степень „развитія“, какое количество „знаній“ необходимо для революціонера, чтобы „воплощать истину и справедливость въ общественныхъ формахъ?“ Механическое соединеніе формулъ Писарева и Добролюбова въ одну, очевидно, недостаточно. Какъ же быть?

Будучи самъ человѣкомъ чрезвычайно культурнымъ, Лавровъ требовалъ,—и въ этомъ его великая заслуга,—той же культурности и отъ своихъ послѣдователей. Будучи человѣкомъ съ очень большой эрудиціей, онъ требовалъ, чтобы и пропагандисты были людьми широко образованными. Но пропагандисты-интеллигенты — это, вѣдь, только первые провозвѣстники въ народѣ соціалистическихъ истинъ; далѣе ихъ должны смѣнить пропагандисты изъ самаго народа. А они-то какъ же? И они, конечно, должны воспитываться не на революціонныхъ же брошюркахъ, а пріобрѣсти основательныя знанія. Иначе, какіе же изъ нихъ будутъ самостоятельные пропагандисты? Съ этимъ какъ быть? Какъ просто было достиженіе цѣли путемъ математическихъ выкладокъ, и какъ сложно оказывалось это дѣло на практикѣ! И „соціальная революція“, какъ заколдованный кладъ, только манила, дразнила, а въ руки не давалась...

Среди наиболѣе самостоятельно мыслящихъ русскихъ революціонеровъ споръ лавристовъ съ бакунистами о „знаніяхъ“ отражался такимъ образомъ:

„Нельзя удовлетвориться одною практическою дѣятельностью,— говорилъ Льву Дейчу вышеупомянутый Фесенко.— Необходимо одновременно заниматься и теоріею. Это только „бакунисты“ воображаютъ, будто они перевернутъ все вверхъ дномъ, оставаясь при этомъ невѣжественными людьми. Глубоко

заблуждаются они: никогда и ничего они не измѣнятъ; все останется по-старому, если послѣдуютъ за Бакунинымъ. Конечно, нельзя требовать, *какъ это дѣлаетъ Лавровъ*, чтобы каждый пропагандистъ предварительно *прошелъ чуть не всѣ науки*, къ тому же *по обширнѣйшей программѣ:* для пріобрѣтенія такихъ энциклопедическихъ знаній могла бы оказаться недостаточной жизнь Маоусаила" [1]).

Вотъ она и обрисовывается вполнѣ—личность Лаврова и вся его огромная историческая заслуга: проповѣдникъ лишь по недоразумѣнію „соціальной революціи" чуть не въ патріархальной странѣ,—это былъ: во-1-хъ, человѣкъ *нравственнаго долга* и во-2-хъ, *истинный борецъ за культуру, науку и знанія.* То, что въ лавризмѣ было слабаго и наивнаго, было плодомъ эпохи и неумѣнія Лаврова бороться съ чужими вліяніями; то, что въ немъ было крѣпкаго и вѣрнаго, было у Лаврова *его собственное.*

Но прежде чѣмъ кончить эту главу, мы считаемъ нужнымъ возвратиться еще къ тому моменту, когда Лавровъ думалъ, что издавать *Впередъ* ему предлагаютъ „радикальные литераторы",—предположеніе, оказавшееся, какъ назвалъ его самъ Лавровъ, „совершенно фантастическимъ"—и съ этою цѣлью вербовалъ среди литераторовъ сотрудниковъ.

Два нынѣ опубликованныя въ отвѣтъ на такое предложеніе письма Михайловскаго къ Лаврову чрезвычайно характерны для изображаемой эпохи и потому мы приведемъ ихъ здѣсь полностью.

Письмо первое гласило:

Я очень поздно прочиталъ ваше письмо, потому что поздно узналъ объ его существованіи, а получивъ, не могъ разобрать адреса и такъ и до сихъ поръ его не знаю. Вотъ почему отвѣтъ затянулся. Несмотря на все мое желаніе, мнѣ, можетъ быть, не удастся съ вами видѣться и потому прошу у васъ пока письменнаго собесѣдованія, а тамъ, что будетъ. Главное объ журналѣ и моемъ участіи въ немъ. Откровенно говоря, это дѣло мнѣ съ самаго начала не улыбалось. Заграничный журналъ, особенно теперь, долженъ быть, по моему мнѣнію, блистателенъ или его вовсе не должно быть. Вы пользуетесь превосходной репутаціей въ извѣстной части русскаго читающаго общества, не говоря уже о томъ, что никакая партія не можетъ отрицать вашего таланта, глубокомыслія и обширности вашихъ знаній. Это даетъ вамъ положеніе очень выгодное, но и очень отвѣтственное.

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1911 г., декабрь, стр. 92. И тутъ опять надо припомнить проповѣдь Писарева о необходимости усваивать знанія „бочками сороковыми".

Поставивъ неудачно на карту свою репутацію, вы проиграете не только ее, а и много чужого имущества. И тогда жди опять времени и людей. Зная наличныя силы литературы и зная, что изъ этихъ крохотныхъ силъ въ заграничный журналъ можно привлечь только ничтожную долю и притомъ далеко не самыхъ лучшихъ, я относился къ вашему плану скептически. Однако, свое согласіе далъ. Мало того, въ горькую минуту, тянувшуюся, впрочемъ, не одну минуту, я рѣшилъ было эмигрировать и пристроиться къ вамъ окончательно и безповоротно. Мысль эту я бросилъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя разскажу. Во-первыхъ, вышеизложенное, т.-е. безполезность и пожалуй даже вредность такого поступка: я—не вы, но и себя я не считаю вправѣ промѣнять 8.000 читателей, обезпеченныхъ прочнымъ соединеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ литературныхъ силъ, на дѣло невѣрное и трудное. Потомъ общія основанія, по которымъ эмигрировать вообще не легко. Потомъ частности, въ родѣ возмутительной исторіи Смирнова: жить въ такой мерзости противно и во всякомъ случаѣ для этого нѣтъ надобности уѣзжать изъ Россіи, гдѣ эта мерзость не такъ больно и оскорбительно колетъ глаза. Потомъ чуть ли не самое важное. Мои литературныя замѣтки создали мнѣ положеніе, котораго я побаиваюсь, но принимаю. Ко мнѣ лично и письменно обращаются молодые люди съ изложеніемъ своихъ сомнѣній и за разрѣшеніемъ разныхъ близкихъ имъ вопросовъ. Отъ этого положенія я, во-первыхъ, не откажусь ни за что въ мірѣ, а во-вторыхъ, сомнѣнія и вопросы таковы, что посколько я могу вообще помочь тутъ, я могу дѣлать это въ русскомъ журналѣ, а посколько не могу вообще—не могу и въ заграничномъ. Я не революціонеръ—всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже. Смотря такъ на дѣло, я могу до извѣстной степени быть въ дружбѣ со старыми богами и, слѣдовательно, писать и въ Россіи. Вы скажете, что я не такъ ставлю вопросъ, что незачѣмъ или быть дѣятельнѣйшимъ вашимъ сотрудникомъ, здѣсь на мѣстѣ, или не принимать въ вашемъ журналѣ никакого участія. Но въ корреспонденты, въ собиратели и сообщители фактовъ, не подлежащихъ публикаціи въ Россіи, я не гожусь по свойству моихъ связей и знакомствъ. Доставить же вамъ время отъ времени статью, которая почему-нибудь не можетъ быть напечатана въ Россіи, конечно, можно, но объ этомъ не стоитъ разговаривать. Въ заключеніе мнѣ хочется сказать вамъ, что я васъ очень люблю и уважаю.

А вотъ содержаніе другого письма Михайловскаго къ Лаврову:

Опять запаздываю отвѣтомъ, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, потому что уѣзжалъ на нѣсколько дней изъ Вѣны, а ваше письмо пришло безъ меня.

Между нами вышло маленькое недоразумѣніе. Говоря, что заграничный журналъ и особенно теперь долженъ быть блестящимъ или его вовсе не должно быть, я имѣлъ въ виду *блескъ* не въ спеціально литературномъ отношеніи. Это, конечно, дѣло второстепенное, хоть и далеко не лишенное значенія. Я говорилъ, что журналъ долженъ быть блестящимъ по своему внутреннему достоинству. И если онъ такимъ не будетъ, онъ будетъ не только не полезенъ, будетъ вреденъ, потому что дастъ случай порадоваться или поскалить зубы однимъ и разочароваться другимъ.

Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ о значеніи и цѣнности вашей репутаціи. Какія у васъ данныя, не считая вашей высокоуважаемой личности, въ пользу того, что журналъ будетъ дѣйствительно хорошъ? Нашъ посредникъ склоненъ смотрѣть на вещи въ розовомъ свѣтѣ. Впрочемъ, я не знаю всего добытаго имъ, можетъ быть, есть и много цѣннаго, хотя мнѣ странно, что вы отъ него до сихъ поръ ничего не имѣете. Сообщу, что я знаю. Три или четыре талантливые и подходящіе писателя (а они на перечетѣ), съ которыми я говорилъ, отказались на отрѣзъ или отозвались весьма неопредѣленно и уклончиво. Смотрите на это, какъ хотите, но это фактъ. Затѣмъ мнѣ извѣстно, что *Впередъ* ждутъ, но, насколько мнѣ извѣстно, не какъ сокровищницы, въ которую желательно вложить свою лепту, а какъ повелительнаго наклоненія. Эти вамъ ничего не дадутъ, а будутъ съ васъ спрашивать. Вотъ что я знаю. Затѣмъ думаю, что найдутся способы для собиранія и передачи голыхъ фактовъ, но сильно сомнѣваюсь, чтобы, не считая исключеній, вы получили изъ Россіи вещи обработанныя, я опять-таки не объ одномъ литературномъ отношеніи говорю.

Надѣюсь, вы не мечтаете направлять на путь истины правительство. Остаются двѣ цѣли: мѣсто, гдѣ можно вволю наплакаться и насмѣяться, для однихъ, и повелительное наклоненіе для другихъ.

Первыхъ вамъ придется искать и организовать съ большимъ трудомъ, потому что готовый человѣкъ—писатель къ вамъ не пойдетъ. Я первый не пойду, пока я живу въ Россіи. Легко сказать: высказывайте, что въ васъ накипѣло, выкрикивайте, что въ васъ наболѣло. Какъ будто человѣка, къ которому приглядѣлись, не узнаютъ съ перваго десятка строкъ и не упрячутъ въ тундры сибирскія, не лишатъ его общества и не лишатъ общество его. А ломаться, не быть искреннимъ, выкрикивать, что наболѣло, поддѣлываясь подъ чужой голосъ, развѣ это возможно? Вотъ почему я, незадолго передъ отъѣздомъ, сказалъ нашему посреднику: или я буду принимать въ журналѣ самое близкое участіе, или никакого.

Я думалъ тогда объ эмигрантствѣ. Кстати, эта мысль, въ концѣ-концовъ мимолетная, непзвѣстна никому, ни даже самымъ близкимъ ко мнѣ людямъ. Считаю не лишнимъ предупредить васъ объ этомъ.

Что касается до повелительнаго наклоненія, то молодежь его очень ждетъ и голосъ *Впередъ*, какъ бы онъ ни устроился, если только вы будете вести его, будетъ имѣть большой вѣсъ. Скажите же мнѣ ваше повелительное наклоненіе не въ теоретической области, а въ практической. Въ ожиданіи я вамъ скажу свое: *сидите смирно и готовьтесь*.

Другого я не знаю, другого, по моему, русскій соціалистъ теперь имѣть не можетъ. Никакой радикально соціалистической оппозиціи въ Россіи нѣтъ, ее надо воспитать. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать. Само оно безсильно его вызвать и будетъ только задаромъ гибнуть въ этихъ попыткахъ. А что моментъ настанетъ и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это, по моему, несомнѣнно. Японія (?), Турція имѣютъ конституцію, долженъ же придти и нашъ чередъ. Я, впрочемъ, не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что теперь его нѣтъ, и что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молешотомъ на устахъ и не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи. Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи. Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію, какъ слѣдуетъ, можно и, слѣдовательно, должно. Въ тотъ часъ, когда станетъ невозможнымъ,—я вашъ, несмотря ни на что, до тѣхъ поръ—нѣтъ.

Будемте, пожалуйста, продолжать бесѣду, отвѣтьте мнѣ на вопросъ о повелительномъ наклоненіи. Я читалъ объ программы, но яснаго понятія все-таки не имѣю. Можетъ быть, тогда мы столкуемся [1]).

Вотъ при какихъ условіяхъ начиналъ Лавровъ изданіе журнала. Поневолѣ ему пришлось имѣть дѣло съ одною молодежью. Несчастный предразсудокъ относительно „конституціи“, которая сама придетъ, какъ уже въ 1874 году будто бы пришла она не только въ Турцію, но и,—тутъ Михайловскій говоритъ ужъ прямую небылицу,—въ Японію, владѣлъ умами. Придетъ конституція и къ намъ, долженъ придти и „нашъ чередъ“. Важность не въ „старыхъ богахъ“, ибо „ихъ пѣсня спѣта и паденіе ихъ есть дѣло времени“. „Борьба съ ними“, поэтому, Михайловскаго „не занимаетъ“. „Новые боги гораздо опаснѣе“, вотъ съ ними и надо бороться. Какіе же это „новые боги“? Конечно, буржуазія и прочее. А самому Лаврову,—

[1]) Два письма Н. К. Михайловскаго къ П. Л. Лаврову.—*Минувшіе Годы*. 1908 г. январь, стр. 125—128.

какое „повелительное наклоненіе“ совѣтуетъ съ своей стороны Михайловскій дать молодежи? Ясное и опредѣленное: *„сидите смирно и готовьтесь“*.. Но что скажутъ на это Бакунинъ, Соколовъ, Зайцевъ? Что скажетъ сама молодежь?..

Лавровъ былъ правъ, назвавши свою „гадательную теорію“, разсчитывавшую на „радикальныхъ литераторовъ“ въ Россіи, „совершенно фантастическою“... Оставалась революціонная молодежь. Но она была въ массѣ своей „бакунинскою“, а Лавровъ требовалъ отъ нея „усвоенія знаній“. Опять рядъ недоразумѣній. Часть молодежи пошла, тѣмъ не менѣе, именно за Лавровымъ и стремилась къ тщательному пріобрѣтенію знаній. Отправившись затѣмъ „въ народъ“, она хотѣла, конечно, распространять пріобрѣтенныя знанія и тамъ. Но это сводилось къ „культурничеству“, отодвигая „соціальную революцію“ куда-то очень далеко, что вызвало новыя рѣзкія нападки на вдохновителя такого направленія—редактора журнала *Впередъ*.

„Лавровъ,—пишетъ Н. С. Русановъ,—былъ самъ настроенъ много крайнѣе своихъ учениковъ, особенно тѣхъ, которые группировались въ Россіи вокругъ умнаго, но отнюдь не революціоннаго Г., къ 1877 году превратившаго окончательно лавристовъ въ партію культурниковъ съ легкой соціальной прожилкой. Когда *Впередъ* изъ двухнедѣльной газеты снова сталъ сборникомъ, Лавровъ отказался отъ редакторства (въ концѣ 1876 года), такъ какъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе въ рядахъ своихъ сторонниковъ придать органу болѣе „боевой“ характеръ, необходимый въ виду того, говорилъ на парижскомъ съѣздѣ „лавристовъ“ [1]) старый редакторъ, что въ Россіи сама жизнь выдвигаетъ все чаще и чаще демонстраціи, вооруженныя сопротивленія революціонеровъ, казни шпіоновъ и т. д.“ [2]).

Съ этимъ весьма трудно согласиться. Какъ фактъ совершенно исключительный, исторія освободительнаго движенія знаетъ вооруженное сопротивленіе, оказанное Ціціановымъ еще въ 1875 году, но „сама жизнь“ стала выдвигать это явленіе

---

[1]) Извѣстное подъ именемъ „парижскаго съѣзда“ 1876 года совѣщаніе не было совѣщаніемъ однихъ „лавристовъ“, ибо на немъ, хотя оно и было очень немногочисленно (всего около десяти участниковъ), принимали участіе такія лица, какъ Гриневичъ и Попко (о немъ у насъ будетъ рѣчь ниже), „лавристами“ не бывшіе. Нѣкоторыя подробности о съѣздѣ см. у Лаврова („Народники-пропагандисты“) и въ біографіи Г. А. Попко. *Былое*, 1906 г., февраль.

[2]) *Былое*, 1907 г., февраль, стр. 274.

лишь со времени вооруженнаго сопротивленія въ Одессѣ Ковальскаго и его товарищей, что имѣло мѣсто только 30 января 1878 года. Именно поэтому въ литературѣ предмета сопротивленіе Ковальскаго и называется *первымъ* вооруженнымъ сопротивленіемъ [1]). То же самое и съ демонстраціями. Одна изъ нихъ (демонстративныя похороны Чернышева) была, правда, третьяго марта 1876 года, т.-е. до парижскаго съѣзда, но опять лишь какъ явленіе единичное. Что же касается „казней шпіоновъ", то тогда всѣ находились подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ отъ ужасныхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось покушеніе на жизнь Гориновича (11 іюня 1876 года,—объ этомъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ). Самъ же Лавровъ „террористическимъ актамъ" никогда не сочувствовалъ. Просто на парижскомъ съѣздѣ онъ опять не сумѣлъ быть вполнѣ самостоятельнымъ. Не то же ли произошло съ нимъ и потомъ? Рѣшительно не сочувствуя „террору", онъ редактируетъ, тѣмъ не менѣе, совмѣстно съ г. Львомъ Тихомировымъ террористическій журналъ *Вѣстникъ Народной Воли*, а послѣ покаянія г. Тихомирова издаетъ „письмо товарищамъ въ Россіи", въ которомъ опять повторяетъ, что онъ никогда не былъ террористомъ и что „великую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, кто прибѣгаетъ къ террору" [2]). Это, конечно, такъ, но вѣдь *Вѣстникъ Народной Воли* проповѣдывалъ именно „народовольческіе" методы борьбы, а редакторами журнала были г. Тихомировъ и Лавровъ... Повторилась исторія съ написанными Лавровымъ одна за другой тремя программами *Впередъ*...

Возвращаясь къ 1876 году, мы приведемъ здѣсь большія выдержки изъ никогда еще не бывшаго въ печати очень длиннаго письма С. М. Кравчинскаго-Степняка къ П. Л. Лаврову [3]). Письмо это чрезвычайно характерно во многихъ отношеніяхъ, ибо проливаетъ яркій свѣтъ на отношенія „бунтарства" къ „лавризму" и на причины, въ силу которыхъ самъ Лавровъ оказался на парижскомъ съѣздѣ „лѣвѣе" своихъ сторонниковъ. Письмо относится къ 1876 году, но написано оно еще до парижскаго съѣзда.

---

[1]) *Н. А. Виташевскій.* Первое вооруженное сопротивленіе — первый военный судъ. *Былое*, 1906 г., февраль.

[2]) *П. Л. Лавровъ.* Письмо товарищамъ въ Россіи. Женева. 1888 г., стр. 18.

[3]) Копія съ этого письма Кравчинскаго къ Лаврову передана пишущему эти строки съ правомъ использованія В. Л. Бурцевымъ.

Вы рѣшили,—пишетъ Кравчинскій по поводу *Впередъ*, — быть выразителемъ убѣжденій молодежи, признавъ ее болѣе себя компетентною. *Вы всегда уступаете то, что касается лично вашего убѣжденія, если увидите, что это не убѣжденіе партіи.* (Курсивъ нашъ. Это именно то, о чемъ говорили выше и мы.—*В. Б.*). Въ этомъ случаѣ вы поступаете, какъ считаете своимъ долгомъ. Это дѣлается съ вашей стороны совершенно искренно и добросовѣстно и лично васъ ни въ чемъ упрекнуть нельзя.

Далѣе Кравчинскій пишетъ о томъ, что „нужно имѣть то, что называется революціоннымъ инстинктомъ. Это всего менѣе продуктъ мысли или логики". Главный источникъ его—„революціонная страсть", а всего этого въ журналѣ Лаврова не имѣется.

Только этотъ революціонный инстинктъ можетъ служить путеводной нитью. Только онъ можетъ сдѣлать органъ вѣчно юнымъ, передовымъ. *У васъ этого инстинкта нѣтъ* (Замѣчаніе опять совершенно вѣрное.—*В. Б.*). Вы человѣкъ мысли, а не страсти. Ну, а этого недостаточно. Вашъ органъ неминуемо долженъ былъ раздѣлить участь всѣхъ эмигрантскихъ органовъ и онъ раздѣлилъ ее.

Вы страшно заблуждаетесь, думая, что вашъ органъ руководитъ нашей революціонной партіей. Я не соображенія высказываю, а факты, какъ экспертъ. Только весьма незначительная часть нашей революціонной молодежи удовлетворилась вашимъ органомъ. Громадное же большинство было противниками его.

Вы хотите соціальной революціи въ самомъ полномъ, самомъ обширномъ, однимъ словомъ, въ самомъ *научномъ* (здѣсь и далѣе курсивъ Кравчинскаго) смыслѣ этого слова. Вы ждете того времени, когда русскій народъ будетъ въ состояніи подняться съ *ясно сознанной* программой самой высшей пробы. Вы ждете затѣмъ, чтобы онъ могъ подняться *по всей русской землѣ*, потому что только при соблюденіи *обоихъ* этихъ условій возможна такая революція, о которой вы говорите, т.-е. полная въ смыслѣ принципіальномъ и полная въ смыслѣ удачности побѣды надъ полумилліонной арміей.

Очевидно, что для такой революціи нужна страшная подготовка. Нужно выработать въ средѣ народа ясное сознаніе соціальныхъ принциповъ, потому что теперь этого сознанія нѣтъ. Нужно покрыть всю Россію цѣлой сѣтью революціонныхъ организацій.

Что же вы предлагаете для этого? Вы совѣтуете идти „въ народъ" и пропагандировать, пропагандировать и пропагандировать до тѣхъ поръ, пока не будетъ спропагандирована такая часть народа, которая въ состояніи дать сознаніе массѣ, въ состояніи повести за собой массу.

Итакъ—пропаганда—вотъ что написано на вашемъ знаменіи и на всѣхъ страничкахъ вашего органа. Вся дѣятельность революціонеровъ сводится на пропаганду (и, разумѣется, на побочныя и подготовитель-

ныя для нея работы). Однимъ словомъ, для васъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ—словоговоренье. Ничего другого у васъ нѣтъ. Вы, разумѣется, скажете мнѣ, что это вздоръ, что вы проповѣдуете свою „пропаганду“ только какъ подготовительную ступень и что за ней послѣдуетъ „взрывъ“, „революція“ и все такое.

Но въ этомъ-то и бѣда, что мы этому-то не можемъ повѣрить. Никогда, во вѣки-вѣковъ вашимъ послѣдователямъ не сдѣлать и перваго шага къ осуществленію своихъ конечныхъ цѣлей, потому что подготовка такой революціи, какой вы ждете, потребуетъ нѣсколько поколѣній. Ну, и можетъ ли какая бы то ни было организація продержаться хотя бы десять лѣтъ, если члены ея будутъ думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ самосохраненія?

Вотъ почему мы не вѣримъ въ ваше словоговоренье. Все что оно можетъ дать—это рядъ проваловъ.

Мы не вѣримъ ни въ возможность, ни въ необходимость такой революціи, какой вы ждете. Никогда еще въ исторіи не бывало примѣра, чтобы революція начиналась ясно, сознательно, „научно“, какъ вы ждете отъ самой великой и самой трудной изъ всѣхъ—революціи соціальной. И 89-й и 48-й гг. и Коммуна начались *безсознательно*. Только потомъ, въ самомъ развитіи своемъ эти революціи достигли сознательности. Всякая революція начинается *бунтомъ*. Но достаточно, чтобы въ немъ тлѣла хоть одна революціонная искра, чтобы бунтъ перешелъ со временемъ въ *революцію*.

Впрочемъ, объ этомъ предметѣ я не стану распространяться. Если мысль моя не ясна, то я разъясню ее.

Мы не вѣримъ, точно также, и въ возможность и необходимость громаднаго или всероссійскаго возстанія. Всегда народныя возстанія начинались и у насъ и у другихъ народовъ съ возстанія небольшой кучки, небольшой области. Однимъ словомъ, съ бунта, къ которому присоединялись съ большей или меньшей быстротой и окружающія области.

То же будетъ и теперь.

Если въ народѣ достаточно революціонныхъ элементовъ, то первый бунтъ разростается въ революцію. И заранѣе никто не можетъ сказать, есть ли эти элементы или ихъ нѣтъ. Не идей недостаетъ народу. Всякій, кто много шатался по народу, скажетъ вамъ, что въ его головѣ совершенно зрѣлы основы „элементарнаго“ (конечно, не научнаго) соціализма. Все чего не достаетъ народу—это *страсти*. Ну, а страсти вспыхиваютъ мгновенно и нежданно.

Если же въ народѣ революціонныхъ элементовъ мало, то бунтъ неминуемо будетъ подавленъ. Но тотъ примѣръ, который онъ дастъ, та программа, которую онъ поставитъ, то возбужденіе страстей, которое онъ вызоветъ, принесутъ больше пользы, чѣмъ цѣлыя десятилѣтія неутомимѣйшей и успѣшнѣйшей пропаганды. Бунтъ сразу взволнуетъ всю Россію. Онъ сразу заставитъ весь народъ задуматься надъ

соціальнымъ вопросомъ, значитъ, онъ сразу покроетъ всю Россію сѣтью людей изъ народа, готовыхъ къ революціи, потому что для народа *подумать* о соціальномъ вопросѣ и способѣ его разрѣшенія значитъ сдѣлаться революціонеровъ. Ну, а тогда успѣхъ революціи обезпеченъ. И такъ резюмирую: мы хотимъ дѣйствія болѣе рѣшительнаго, болѣе быстраго, мы хотимъ непосредственнаго возстанія, *бунта*. Наша дѣятельность будетъ заключаться въ организаціи бунта. „Бунтъ"—вотъ слово, которое стояло на знамени всѣхъ фракцій болѣе крайней партіи, о которой я говорилъ. Разница была только въ частностяхъ. Я не стану входить въ подробности, не стану излагать, *какъ* организовывать бунтъ. Эти вопросы рѣшаются на мѣстѣ, а не въ кабинетахъ. Скажу только, что при всѣхъ ошибкахъ, при всѣхъ недостаткахъ, которыя обнаружимъ на этомъ пути, мы все-таки будемъ идти по немъ и мы убѣждены, что вся молодежь пойдетъ по этому пути, потому что онъ одинъ можетъ дать великіе результаты. Въ ваше же словоговоренье мы не вѣримъ. Это одно толченіе воды въ ступѣ.

Можетъ ли пропаганда образовать хотя бы самое ничтожное революціонное меньшинство въ народѣ? Нѣтъ, для того она совершенно безсильна. Прежде всего скажу, что „соціалистъ" еще не значитъ „революціонеръ", но положимъ, что каждый соціалистъ—революціонеръ. Спрашивается, много ли мы можемъ напропагандировать соціалистовъ? Объ этомъ смѣшно и спрашивать! Вѣдь насъ ничтожная горсточка, а народу 60 милліоновъ. Орудія пропаганды у насъ самыя ничтожныя, а орудія развращенія у нашихъ противниковъ—страшныя. Мы не можемъ измѣнить образа мыслей не только $^1/_{60}$-й, но даже $^1/_{600}$-й доли этой массы. Вѣдь слишкомъ ужъ наивно воображать (какъ вы дѣлаете въ одной изъ статей „толстаго" *Впередъ*'а), что число пропагандистовъ растетъ въ геометрической прогрессіи. На самомъ же дѣлѣ было бы хорошо, если бы число ихъ только не уменьшалось. И такъ всегда будетъ. Никакими предосторожностями вы не избѣгнете проваловъ. Требованія осторожности противоположны требованіямъ успѣха. Чтобы имѣть успѣхъ, нужно рисковать. Чѣмъ меньше риску, тѣмъ меньше успѣхъ.

Ну, а долго ли мы будемъ въ состояніи выдерживать эти страшныя кровопусканія? Нѣтъ, это выше нашихъ силъ! Мы рады отдать всю нашу кровь для народнаго дѣла, но не станетъ у насъ ея, если каждый годъ будутъ проливаться такія рѣки! Вы говорите о „гидрѣ стоглавой", говорите, какъ на мѣстѣ срубленной головы выростаютъ двѣ новыхъ. Ужъ позвольте мнѣ увѣрить васъ, что вы ошибаетесь. Это, можетъ, издали такъ кажется. Я же былъ на мѣстѣ, я видѣлъ какъ рубятъ головы этой гидрѣ. Не выростаетъ на ихъ мѣстѣ двухъ новыхъ, увѣряю васъ. Уже теперь мы обанкрутились. У насъ нѣтъ почти ничего, мы ходимъ послѣднимъ козыремъ. Теперь жизнь чуть теплится. Скоро она потухнетъ совсѣмъ. Наступитъ полная реакція. И будетъ

тянуться эта канитель, пока наша молодежь не обуржуазится, какъ она обуржуазилась во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ она была когда то революціонной. И вѣдь это не за горами. Процессъ этотъ совершается съ весьма достаточной скоростью и недостаетъ только *конституціи*, чтобы онъ распустился полнымъ цвѣтомъ. Но и она, по всѣмъ признакамъ, не заставитъ себя ждать.

Ну, а что произойдетъ отъ того, что интеллигенція обуржуазится? Выйдетъ то, что революція оттянется не на одинъ десятокъ лѣтъ. Наша интеллигенція—горящая головня. Народъ—это уголья. Конечно, уголья, сложенные въ кучу, по прошествіе долгаго времени сами разгорятся отъ развитія внутренней теплоты. Но умно ли дать безполезно потухнуть головнѣ? Не будетъ ли отъ этого какихъ ущербовъ? А вѣдь при слѣдованіи по вашему пути она неминуемо потухнетъ, ничего не воспламенивши.

Вотъ что неминуемо произошло бы, если бы наша интеллигенція дѣйствительно шла за вашимъ органомъ: революція погибла-бы въ Россіи на нѣсколько поколѣній!

Но этого не будетъ! Русская интеллигенція не шла за вами. Съ страшными усиліями, ощупью и въ потемкахъ она вырабатывала себѣ иной путь, и не далеко то время, когда она вступитъ на него твердо, ясно и сознательно. Теперь это только инстинктивно. Не доставало факта, который раскрылъ бы всѣмъ глаза. Но скоро этотъ фактъ разразится и тогда ваше направленіе—умерло! Все, что есть живого, дѣятельнаго, энергичнаго, все это соберется подъ другими знаменами, провозгласитъ другія программы. Какой-же это фактъ? Это будущій *процессъ* [1]). Я уже говорилъ вамъ, что огромное большинство нашей революціонной молодежи было противниками вашего направленія. Но между ними не было единства, не было и тѣни организаціи. Почему это случилось, говорить здѣсь нечего. Фактъ несомнѣненъ: организаціи не было и слѣда. Каждый дѣйствовалъ совершенно въ одиночку. Ну, а въ одиночку возможно либо ничего не дѣлать, либо вести *только пропаганду*. Поэтому даже самые ярые послѣдователи Ковалика, такъ называемые „вспышечники“, въ сущности вовсе не бунтовали, а вели пропаганду, потому что бунтъ безъ организаціи такая же невозможность, какъ строй безъ шеренгъ, рычагъ безъ коромысла. Это случилось роковымъ образомъ, совершенно противно ихъ убѣжденіямъ и цѣлямъ, но это случилось. Вотъ почему вся дѣятельность нашей революціонной партіи ограничивалась одной пропагандой. Правительство это отлично выразило: въ брошюрѣ только и рѣчи, что о *пропагандѣ* соціальныхъ идей [2]).

---

[1]) Ожидавшійся тогда процессъ 193-хъ.

[2]) „Брошюра“, о которой говоритъ здѣсь Кравчинскій,—изданный заграницей докладъ министра юстиціи графа Палена „Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи“. О немъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Процессъ будетъ процессомъ пропаганды. Вотъ онъ-то и покажетъ все ея безсиліе.

Онъ покажетъ, съ одной стороны, громадность силъ, безконечное самоотверженіе, геропзмъ въ дѣятеляхъ; съ другой стороны, совершенную ничтожность результатовъ. Вѣдь, это правительство только сдуру такъ перепугалось. На самомъ дѣлѣ мы ничего страшнаго не дѣлали. Мы оставили послѣ себя нѣсколько десятковъ пропагандистовъ изъ народа, вотъ и вся непосредственная польза, которую мы принесли! А, вѣдь, судиться-то будетъ 800 человѣкъ и изъ нихъ по крайней мѣрѣ 400 погибнетъ навсегда, значитъ, человѣкъ 10 и 20 гибло, чтобы оставить послѣ себя одного! Нечего сказать, выгодный обмѣнъ, успѣшная борьба, прекрасный путь!

Вотъ каковы оказались результаты пропаганды. Всѣмъ станетъ ясно, какъ день, что пропаганда совершенно безсильна дать что-нибудь заслуживающее названія результатовъ. Поэтому всѣмъ живымъ людямъ, которымъ дорого дѣло, а не „спасеніе души“, т.-е. удовлетвореніе разнымъ своимъ нравственнымъ потребностямъ, придется либо сложить руки, либо выбрать другой путь. Разумѣется, молодежь наша не сложитъ рукъ. Въ ней слишкомъ много жизни, значитъ, она пойдетъ по другому пути. Какой же это будетъ путь? Очевидно, путь болѣе крайній, болѣе смѣлый, болѣе рѣшительный, т.-е. путь прямого бунта. Иного выбора нѣтъ.

Но процессъ дастъ и другой прекрасный урокъ. Онъ покажетъ всѣмъ и каждому необходимость *организаціи*. Уже и теперь это начинаетъ чувствоваться всѣми. Послѣ же процесса это будетъ еще очевиднѣе. Никто не пойдетъ *пропагандировать* бунтъ. Всѣ поймутъ, что это абсурдъ. Бунтъ нужно организовать. Вотъ къ чему тяжелымъ путемъ личнаго опыта дошелъ и я и многіе изъ моихъ друзей, которые сами были дѣйствующими лицами въ послѣдней драмѣ, когда она совершалась еще въ городахъ и деревняхъ.

Это письмо является однимъ изъ замѣчательныхъ документовъ для характеристики не только Кравчинскаго и Лаврова, но и общаго настроенія среди активныхъ народниковъ въ самомъ началѣ второй половины семидесятыхъ годовъ. Кравчинскій безусловно правильно охарактеризовалъ Лаврова, какъ человѣка, лишеннаго „революціоннаго инстинкта“ и поступавшагося своими личными убѣжденіями, разъ онъ видѣлъ, что „это не убѣжденіе партіи“. И уступчивость Лаврова въ этомъ отношеніи была такъ велика, что онъ уступилъ и здѣсь, невзирая на то, что не могъ же онъ не видѣть всей несостоятельности „программы“ Кравчинскаго и другихъ „бунтарей“. Вѣдь, по словамъ самого же Кравчинскаго,—и это мы увидимъ далѣе и изъ другихъ

многочисленныхъ документовъ, — пропаганда „въ народѣ“ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, не взирая на огромную энергію сотенъ пропагандистовъ, дала почти нулевые результаты („У насъ нѣтъ ничего. Мы ходимъ послѣднимъ козыремъ. Теперь жизнь чуть теплится. Мы обанкрутились“, и т. д.), а съ другой стороны Кравчинскимъ же констатировался тотъ фактъ, что „народу не достаетъ страсти“, т.-е. того самаго „революціоннаго инстинкта“, на который „бунтари“ возлагали всѣ свои упованія. Какой же выводъ сдѣлалъ изъ этихъ двухъ фактовъ Кравчинскій? Выводъ тотъ, что если при такихъ условіяхъ никто болѣе не пойдетъ „пропагандировать бунтъ“,— „всѣ поймутъ, что это абсурдъ“,—то ясно, что нужно не пропагандировать, а просто бунтовать и „организовывать бунтъ“... Выводъ, очевидно, столь же ни съ чѣмъ несообразный, какъ и предостереженія Кравчинскаго и еще отъ одной опасности—отъ возможности въ Россіи „конституціи“... Но Лавровъ уступилъ, а когда другіе „впередовцы“ на это не согласились, то отказался отъ редактированія журнала... Въ этой уступчивости и подчиненіи чужимъ вліяніямъ и лежала причина расхожденія послѣ парижскаго съѣзда Лаврова съ „лавристами“, а вовсе не въ большей сравнительно съ послѣдними революціонности самого Лаврова.

Гораздо выше, однако, недостатка самостоятельности въ характерѣ Лаврова были положительныя качества этого замѣчательнаго человѣка: ему и его журналу принадлежала борьба за знанія и за культуру въ средѣ революціонной молодежи, онъ тщательно знакомилъ ее въ своемъ *Впередъ* съ рабочимъ движеніемъ на Западѣ, онъ работалъ самъ всю жизнь, не покладая рукъ, онъ въ черные „восьмидесятые годы“ никогда не падалъ духомъ и одобрялъ своимъ примѣромъ стойкаго борца всѣхъ маловѣрныхъ. Какъ направленіе, лавризмъ былъ средп активнаго народничества наиболѣе культурнымъ теченіемъ, и одно уже это составляетъ огромную заслугу того, кто далъ „лавризму“ самое его имя.

V.

Студенческія волненія конца шестидесятыхъ годовъ.—С. Г. Нечаевъ и „Нечаевщина“.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ власти отличились точно такою же дальновидностью и прозорливостью, какъ и въ самомъ началѣ знаменитаго десятилѣтія. Подобно тому, какъ въ 1861 году невинныя, исключительно на академической почвѣ происходившія, студенческія волненія сами власти раздули до степени актовъ характера чисто политическаго, такъ же точно „ничего не забывши и ничему не научившись“, отнеслись онѣ и къ студенческимъ волненіямъ 1868—1869 года.

Участникъ этихъ волненій, тогда студентъ медико-хирургической (впослѣдствіи военно-медицинской) академіи, недавно скончавшійся въ Одессѣ, С. Л. Чудновскій рисуетъ возникновеніе безпорядковъ въ академіи такъ: инспекторъ академіи, Смирновъ, встрѣтилъ студента Василевскаго, который,—„возможно, что онъ его (Смирнова) и не замѣтилъ“, прибавляетъ въ скобкахъ Чудновскій,—не снялъ передъ нимъ шапки и не вынулъ изо рта папироски. Смирновъ накинулся на студента, тотъ не исполнилъ его „приказанія“ бросить папироску. Словомъ, произошла чисто домашняя „исторія“. Студента, однако, за нее исключили; тогда товарищи заступились за исключеннаго, начались сходки и начальство обѣщало, что студента скоро опять примутъ въ академію. Возбужденіе, однако, не улеглось и въ мартѣ 1869 года вспыхнула новая „исторія“: „сдавъ экзамены на второй курсъ,—разсказываетъ Чудновскій,—студентъ Падуткинъ, по принятому обычаю, передалъ экзаменаціонный листъ конференцъ-секретарю, профессору Рудневу, и на этомъ совершенно успокоился. Вдругъ, въ началѣ марта, заявляютъ Недуткину, что онъ не имѣетъ

права посѣщать лекцій 2-го курса, такъ какъ онъ-де не держалъ экзаменовъ. Надуткинъ обращается тогда къ Рудневу съ просьбой возвратить переданный ему экзаменаціонный листъ для предъявленія его инспекціи. Рудневъ же, повидимому, листъ затерялъ, произошло крупное объясненіе между нимъ и Надуткинымъ и Рудневъ наговорилъ послѣднему кучу дерзостей. Вспылившій Надуткинъ подалъ въ конференцію прошеніе объ увольненіи его изъ академіи въ виду нанесенныхъ ему конференцъ-секретаремъ оскорбленій. Вмѣсто того, чтобы серьезно вникнуть въ это прискорбное дѣло, совѣтъ академіи съ легкимъ сердцемъ уволилъ Надуткина, которому крайне тяжелымъ трудомъ приходилось добывать себѣ возможность заниматься въ академіи". Вновь пошли сходки съ требованіями немедленнаго обратнаго пріема Надуткина, а также и Васплевскаго, который все еще принятъ не былъ. Одна изъ сходокъ послала депутацію къ Смирнову, но послѣдній не явился и заперся въ комнатѣ профессора Боткина. „Студенты осадили клинику и заявили, что не разойдутся, пока не выйдетъ Смирновъ". Изъ клиники вышелъ Боткинъ, попросившій студентовъ пропустить Смирнова, котораго и пропустили. Затѣмъ студенты разошлись, постановивши продолжать сходки, пока не будутъ удовлетворены требованія. Вотъ и вся „исторія", вслѣдъ за которой начались аресты и вмѣстѣ съ тѣмъ, „по высочайшему повелѣнію наряжена была военно-слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ новаго начальника академіи Козлова, въ составѣ четырехъ профессоровъ, двухъ флигель-адъютантовъ и полицеймейстера".

Вмѣстѣ съ тѣмъ академія была временно закрыта. Эти событія нашли себѣ отголосокъ среди студенчества другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ также вспыхнули „волненія". Въ университетѣ появилось воззваніе, приглашавшее университантовъ отъ имени студентовъ-медиковъ принять участіе въ студенческомъ движеніи. Были предъявлены такія крамольныя требованія, какъ право сходокъ, участіе студентовъ въ распредѣленіи стипендій и пособій, право имѣть студенческую кассу, библіотеку и даже—о, ужасъ!—кухмистерскую... Катковъ, конечно, объяснилъ все это „польской интригой". Послѣдовали исключенія, аресты, высылки на родину „подъ присмотръ родителей" и „надзоръ полиціи" [1]).

[1]) Обо всемъ этомъ см. ст. *С. Л. Чудновскаго.* Изъ дальнихъ лѣтъ. *Былое.* 1907 г. октябрь, стр. 278—295.

Въ этихъ студенческихъ „волненіяхъ“ принимали участіе и нѣкоторые элементы изъ „общества“, принялъ и С. Г. Нечаевъ, скоро послѣ того пріобрѣвшій себѣ громкую извѣстность тѣми формами революціонной дѣятельности, къ которымъ на цѣлыя десятилѣтія приросло названіе „нечаевщины“.

Объ этомъ мы будемъ говорить ниже, но отмѣтимъ тутъ же, что нечаевщина была въ русскомъ революціонномъ движеніи лишь *эпизодомъ, совершенно исключительнымъ*, не имѣвшимъ, *какъ таковая*, никакихъ корней въ движеніи прошломъ и вызывавшимъ къ себѣ въ средѣ послѣдовавшихъ поколѣній революціонной молодежи *лишь безусловно отрицательное отношеніе*.

Но возвратимся къ студенческимъ волненіямъ.

Во время этихъ волненій была выпущена *печатная* — вещь неслыханная съ 1863 года—прокламація, которая гласила [1]):

Къ обществу!

Мы, студенты Медицинской Академіи, Университета, Технологическаго Института, Земледѣльческой Академіи, желаемъ:

1) Чтобы намъ предоставлено было право имѣть кассу, т.-е. помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

2) Чтобы намъ предоставлено было совѣщаться объ нашихъ общихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній

и 3) чтобы съ насъ снята была унизительная полицейская опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками.

Мы апеллируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло—его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею.

Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ“.

Мартъ 20, 1869 г.

Такъ ужъ, говоря извѣстными словами, „русская печь печетъ...“ „Кассы“, „помощь бѣднымъ товарищамъ“—въ началѣ и „ссылки“, „казематы“—въ концѣ. Что за нелѣпость! Но это нелѣпость не прокламаціи, а самой „русской печи“...

Прокламація была составлена кандидатомъ правъ петербургскаго университета П. Н. Ткачевымъ и хотя доказательствъ на это

[1]) Цитируемъ по подлиннику.

никакихъ не было, но Ткачевъ былъ арестованъ, преданъ суду по нечаевскому дѣлу, приговоренъ на годъ и четыре мѣсяца къ тюремному заключенію, что вмѣстѣ съ заключеніемъ предварительнымъ составило за *такую* прокламацію *четыре года* тюрьмы... По окончаніи заключенія въ 1873 г., Ткачевъ былъ высланъ административно подъ надзоръ полиціи въ Великія Луки, откуда въ концѣ того же года, при содѣйствіи М. И. Куприянова, бѣжалъ за границу [1]). Это и былъ впослѣдствіи глава русскихъ „якобинцевъ“ и редакторъ *Набата*.

Отпечатана прокламація была въ типографіи А. Д. Дементьевой, смѣло признавшей это на судѣ и произнесшей мужественную рѣчь. Дементьеву судъ приговорилъ въ тюрьму на четыре мѣсяца, но съ предварительнымъ заключеніемъ это составило тоже три года...

Теперь обратимся къ Нечаеву.

Какъ выяснилось изъ процесса „нечаевцевъ“ [2]), Нечаевъ уѣхалъ за границу уже 4 марта 1869 года и, слѣдовательно, непосредственнаго воздѣйствія на студенчество онъ оказывалъ во время волненій немного. Но тутъ уже начинается его дѣятельность обманщика. Распустивши слухъ, что онъ былъ арестованъ, но бѣжалъ изъ Петропавловской крѣпости, затѣмъ придавши дѣлу другой варіантъ, Нечаевъ обратился изъ-за границы къ студенчеству съ двумя прокламаціями, въ которыхъ писалъ [3]):

Русскимъ студентамъ.

Товарищи!

Еще разъ судьба сохранила меня.

Среди разгрома кровавой реакціи послѣднихъ дней, въ числѣ немногихъ уцѣлѣлъ и я.

Разъяренные правительственные тигры не успѣли захватить меня.

---

[1]) См. *Общее Дѣло*. 1886 г. № 88.

[2]) Процессъ этотъ былъ напечатанъ въ №№ 156—168, 171—177, 179—180, 182—185, 187, 195—202 и 205—206 *Правительственнаго Вѣстника* за 1871 годъ. Въ суммѣ это составило бы книгу болѣе чѣмъ въ 50 печатныхъ листовъ. Поэтому въ сборники *Базилевскаго* онъ вошелъ только частью. Процессъ самого Нечаева помѣщенъ въ № 10 *Правительственнаго Вѣстника* за 1873 годъ. Онъ перепечатанъ въ первомъ томѣ сборниковъ *Базилевскаго* полностью.

[3]) Обѣ эти прокламаціи „Русскимъ студентамъ“ (помѣченная Лондономъ) и начинающаяся словами „Русскіе студенты“ (помѣченная Женевой) мы воспроизводимъ съ подлинниковъ.

Бѣшенство ихъ довело до безумія, до нелѣпости: они бросились искать меня по Европѣ.

Но я внѣ ихъ рукъ. Видно суждено мнѣ пережить это... правительство!

Молодежь еще разъ принесла въ жертву лучшихъ людей изъ своей среды.

Еще рядъ нашихъ братьевъ легъ костьми.

Мы говоримъ—это послѣдній рядъ.

Вслушайтесь въ стоны умирающихъ подъ пытками и прочувствуйте ихъ ошибки. Чаша страданій преисполнилась.

Прокламація кончается словами:

Итакъ, пусть же весь умъ, энергія, воля и страсть въ каждомъ изъ насъ направлены будутъ теперь къ созданію силы.

Будемъ же глухи и нѣмы ко всему, что *не дѣло* [1]), ко всему, что *не мы, не народъ.*

Во имя погибшихъ, впередъ, кто уцѣлѣлъ.

До свиданія, до радостной встрѣчи въ родимой страдающей Русской землѣ!

Вашъ *Нечаевъ.*

Другая прокламація гласила:

Русскіе студенты!

Полиція васъ бьетъ, но это „бдительному, умудренному опытностью“ начальству показалось мало: казенная литература принялась васъ надувать.

Васъ хотятъ увѣрить, что въ Европѣ нѣтъ ни одной живой народной потребности и все застыло.

Васъ хотятъ увѣрить, что вы—не вы, а поляки.

Васъ хотятъ увѣрить, что для васъ право помогать бѣднымъ товарищамъ *мнимо основанія* и требованіе права сходокъ — *неестественный мотивъ.*

Случалось не разъ намъ самимъ указывать на Европу, которая замираетъ. Да! Но какая Европа? Европа императорская, Европа папская, Европа королевская, поповская, дворянская, буржуазная, Европа политическая, Европа государственная.

Поднимается, домогается, надѣется, вѣритъ въ свою будущность, соединяется, перерабатываетъ—Европа угнетенная, голодающая, работающая, Европа экономическая, Европа труда, безсословная, безгосударственная.

Опровергая затѣмъ объясненія волненій, явившихся будто бы продуктомъ польскихъ подстрекательствъ, прокламація продолжаетъ такъ:

---

[1]) Здѣсь и далѣе курсивы подлинниковъ.

Если бы у васъ такія потребности (какъ требованія права сходокъ и права помощи больнымъ товарищамъ) родились не изъ собственнаго сознанія, а чуждаго вліянія ради,—вы были бы дураки или были бы подкуплены. Да, впрочемъ, все въ этой казенной клеветѣ до такой степени глупо, что ее могли наклеветать только какія-нибудь жидовскія уста, за рубль серебромъ перешедшія въ православіе.

И т. д. въ томъ же родѣ.

Прокламація эта не подписана, но она, какъ намъ говорили старые эмигранты, принадлежитъ также Нечаеву.

И въ ней вопросы о студенческихъ кассахъ и помощи товарищамъ тѣсно переплетаются съ вопросомъ о томъ, замираетъ или не замираетъ „Европа политическая, Европа государственная“ и развивается или не развивается „Европа труда, Европа безгосударственная“...

Своимъ несомнѣнно огромнымъ характеромъ,—его онъ доказалъ потомъ въ теченіе многолѣтняго заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ,—Нечаевъ вліялъ нѣкоторое время и на Бакунина, вслѣдствіе чего послѣдній выпустилъ въ свою очередь (за свосю подписью) листокъ „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи“, въ которомъ находится не мало чрезвычайно характерныхъ для послѣдующаго „бакунизма“ строкъ.

Листокъ этотъ начинается словами [1]):

„Вы стали опять. Значитъ, васъ похоронить не успѣли. Значитъ, противогосударственный, всесокрушительный духъ молодого, безсословнаго поколѣнія не мимолетная вспышка юношескаго легкомыслія или тщеславія, а выраженіе настоящей жизни и страсти. (Отъ „кассъ“ силлогизмъ къ „противогосударственному, всесокрушительному духу“! *В. Б.*).

Значитъ, онъ коренится глубоко въ потребностяхъ и во всемъ настроеніи народа“.

Упомянувши затѣмъ про петербургскіе пожары 1861 года, польское возстаніе, каракозовскій выстрѣлъ и проч., Бакунинъ продолжаетъ и оканчиваетъ листокъ такъ:

Кто побѣдитъ въ этотъ разъ? Народъ, безъ сомнѣнія. Стенька Разинъ былъ богатырь, но онъ былъ одинъ между всѣми и надъ всѣми; его личная громадная сила не могла устоять противъ сплотившейся и организованной государственной силы, такъ какъ въ народѣ, предводительствуемомъ имъ однимъ, не было и тѣни организаціи. Погибъ,

---

[1]) Цитируемъ по подлиннику.

онъ и все погибло. Теперь будетъ не то. Не будетъ, вѣроятно, народнаго богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всю народную жизнь и силу. Но будетъ зато легіонъ безсословной и безымянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью и сплоченной крѣпко между собой одною мыслью и цѣлью. Соединеніе этой молодежи съ народомъ, вотъ залогъ народной побѣды.

Русская грамотная молодежь потому сдѣлалась теперь такъ крѣпка, непреклонна и непримирима, что она приняла уже въ себя душу народную, она хочетъ не своего, а народнаго торжества. Стенька Разинъ, на этотъ разъ не одинокій, а коллективный, и тѣмъ самымъ непобѣдимый, у ней за плечами...

Итакъ, молодые друзья, бросайте скорѣй *этотъ міръ, обреченный на гибель,* эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. *Ступайте въ народъ!* Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, какъ служить народу и какъ лучше вести его дѣло. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителемъ, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ-указателемъ для народа, а только повивальною бабкой самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій. Чтобы пріобрѣсти способность и право служить народному дѣлу, она должна утопиться въ народѣ. Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. *Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель* [1]). Наука же новая и живая несомнѣнно народится *потомъ*, послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа.

Таково убѣжденіе лучшихъ людей на Западѣ, гдѣ такъ же, какъ и въ Россіи, старый государственный міръ, основанный на религіи, на метафизикѣ и на буржуазной цивилизаціи, на правѣ семейномъ и на наслѣдственномъ правѣ, *видимо падаетъ* и долженъ уступить мѣсто освобожденному черноработему міру. Вамъ врутъ, господа, что въ Европѣ все спитъ. Напротивъ, все просыпается и надо быть, право, слѣпымъ и глухимъ, чтобы не услышать и не увидѣть несомнѣнныхъ признаковъ приближающейся общественной бури.

Готовьтесь къ борьбѣ, помимо всѣхъ границъ государственныхъ, рабочій міръ подалъ себѣ руку въ Европѣ и Америкѣ и во имя общей побѣды зоветъ васъ, русскую безсословную молодежь, какъ работниковъ революціи, на крѣпкій союзъ.

Михаилъ Бакунинъ.

Женева, 1869 г.

[1]) Такой же взглядъ на этотъ предметъ развивалъ Бакунинъ и въ другомъ листкѣ: „Наука и насущное революціонное дѣло“.

Читатель припомнитъ, что призывъ „въ народъ!“ раздался еще въ 1861 году со страницъ герценовскаго *Колокола* по такому же поводу, какъ и въ 1869, — по поводу изгнанія молодежи изъ учебныхъ заведеній. Но разница между обоими призывами была настолько же огромна, какъ и между ихъ авторами— Герценомъ и Бакунинымъ. Молодежь семидесятыхъ годовъ слѣдовала за призывомъ Бакунина, но съ „нечаевщиной“ она абсолютно ничего общаго не имѣла.

Теперь возвратимся къ Нечаеву.

Убѣдивши Бакунина въ существованіи въ Россіи центральнаго революціоннаго комитета, членомъ котораго онъ, Нечаевъ, будто бы состоитъ и взявши у Бакунина удостовѣреніе въ томъ, что онъ (Нечаевъ) является вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ „Русскаго Отдѣла Всемірнаго Революціоннаго Союза“, выпустивши два номера журнала *Народная Расправа,* о которомъ мы еще упомянемъ ниже (оба номера были напечатаны за границей, но помѣчены они первый Москвой, а второй Петербургомъ), Нечаевъ въ сентябѣ 1869 года отправился изъ-за границы въ Москву. Тамъ, выдавая себя, опять-таки обманомъ, за члена „Комитета Народной Расправы“, онъ организовалъ нѣсколько кружковъ, преимущественно изъ студентовъ. Главный кружокъ состоялъ изъ самого Нечаева, Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и студента Петровской академіи Иванова, который вскорѣ былъ убитъ Нечаевымъ и его сообщниками. На основаніи показаній на слѣдствіи Успенскаго и другихъ (которыя они затѣмъ вполнѣ подтвердили и на судѣ) обвинительный актъ излагаетъ причины, приведшія къ убійству Иванова, слѣдующимъ образомъ: „вступить въ общество Нечаевъ пригласилъ и Иванова, который, хотя и далъ свое согласіе на вступленіе въ общество, но затѣмъ на разныхъ собраніяхъ членовъ заявлялъ постоянно недовѣріе къ словамъ Нечаева о комитетѣ, не желалъ безпрекословно подчиняться приказаніямъ послѣдняго, объявляемыхъ тѣмъ же Нечаевымъ, и вообще высказывалъ строптивость, намекая даже на то, что онъ отдѣлится отъ общества и образуетъ новое общество подъ своимъ главенствомъ“. Вотъ за это-то Нечаевъ и его сообщники заманили Иванова въ гротъ Петровской академіи и тамъ задушили, послѣ чего Нечаевъ прострѣлилъ еще задушенному голову. Затѣмъ трупъ былъ брошенъ съ привязанными на шею и ноги камнями въ прорубь пруда...

Мерзкое дѣло совершилось и оно же, конечно, повлекло за собою открытіе всего „общества“. Арестованы были всѣ его члены, за исключеніемъ Нечаева, который снова скрылся за границу.

Кромѣ возмутительности факта убійства Иванова за „строптивость“ на всемъ дѣлѣ „нечаевцевъ“ лежитъ печать какой-то глубокой неосмысленности членовъ „общества“. Изъ процесса выяснилась необыкновенная легкость, съ которой вербовалъ Нечаевъ членовъ въ свое „общество“, изумительная готовность ихъ отдавать себя въ распоряженіе неизвѣстнаго и ничѣмъ рѣшительно себя не заявившаго „комитета“, безпрекословное подчиненіе его велѣніямъ... И замѣчательно, что въ числѣ членовъ центральнаго кружка оказался и человѣкъ далеко не первой молодости,—уже довольно извѣстный литераторъ Прыжовъ[1]). И даже этотъ человѣкъ говорилъ на слѣдствіи и судѣ слѣдующее: „объясняя конечную цѣль тайнаго общества, Прыжовъ показалъ, что онъ изъ перваго разговора съ Нечаевымъ уразумѣлъ, что цѣль была крайне радикальная, но подробностей плана, съ помощью котораго эта цѣль могла быть осуществлена въ дѣйствительности, онъ не зналъ; знаетъ только, что Нечаевъ, предлагая ему ѣхать за границу съ отчетомъ, настоятельно просилъ, чтобы онъ въ Женевѣ никому ни однимъ словомъ не упоминалъ, что дѣлается въ Россіи, но чтобы на всѣ вопросы отвѣчалъ: „не знаю“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Прыжовъ заявилъ, что Нечаевъ, на вопросы его о томъ, что будетъ, если революція сдѣлаетъ свое дѣло, показывалъ ему найденную при обыскѣ у Успенскаго книжечку, напечатанную условнымъ шрифтомъ и *давалъ понять, что въ ней заключается конечная цѣль всякаго революціоннаго движенія*, такъ что знакомство съ нею должно быть искомою цѣлью всякаго агитатора, прибавивъ тутъ же, что книжечка эта есть знакъ, по которой узнаютъ членовъ комитета“... Такимъ образомъ Нечаевъ члену главнаго кружка Прыжову лишь показывалъ книжечку и „давалъ понять“, что въ книжечкѣ этой „заключается конечная цѣль всякаго революціоннаго движенія“... И этого было достаточно, чтобы Пры-

[1]) Имъ написаны извѣстная въ свое время „Исторія кабаковъ въ Россіи“ и „Нищіе на святой Руси“. Онъ состоялъ сотрудникомъ *Русскаго Архива*, *Филологическихъ Записокъ*, *Голоса* и другихъ изданій. О дѣлѣ Прыжова см. его собственную „Исповѣдь“ (составленную имъ для его защитника), напечатанную въ февральской книжкѣ журнала *Минувшіе Годы* (1908 года).

жовъ не только вступилъ въ „общество“, но и принялъ участіе въ убійствѣ ни въ чемъ неповиннаго человѣка... Другой членъ того же кружка, также принимавшій непосредственное участіе въ убійствѣ Иванова, Успенскій, „относительно цѣли общества“ показалъ такъ: „прежде всего *о цѣли никогда не говорилось*, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы мнѣ пришлось формулировать эту цѣль категорично. Разговоровъ, спеціально посвященныхъ этому, никогда не бывало, и цѣль эта скорѣе подразумѣвалась, чѣмъ была постановлена прямо, но все-таки это подразумѣваемое цѣлью было возмущеніе“. И тутъ тоже: хотя даже о цѣли Общества „никогда неговорилось“, но Успенскій „все-таки“, полагая, что „подразумѣваемаго цѣлью было возмущеніе“, принялъ участіе не только въ нечаевскомъ обществѣ, но и въ убійствѣ Иванова...

Совершенно такъ же мало заботится о формулировкѣ „цѣлей“ Общества журналъ *Народная Расправа*. Выдержки, приведенныя изъ него въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, гласятъ слѣдующее: „начинаніе нашего святого дѣла положено утромъ 4-го апрѣля 1866 года Дмитріемъ Владиміровичемъ Каракозовымъ...“ „Мы имѣемъ только одинъ отрицательный, неизмѣнный планъ безпощаднаго разрушенія“... „Да, мы не будемъ трогать ....., если насъ къ тому не вызоветъ преждевременно какая-нибудь безумная мѣра или фактъ, въ которомъ будетъ замѣтна его инициатива. Мы убережемъ его для казни мучительной и торжественной передъ лицомъ всего освобожденнаго чернаго народа, на развалинахъ государства“... „А теперь мы безотлагательно примемся за истребленіе его Аракчеевыхъ, т.-е. тѣхъ изверговъ въ блестящихъ мундирахъ, обрызганныхъ народною кровью, что считаются столбами государства“... „До начала всеобщаго народнаго возстанія намъ необходимо придется истребить цѣлую орду грабителей казны“ и проч. „И тутъ же въ выноскѣ,—продолжаетъ *Правительственный Вѣстникъ*,—дѣлается перечисленіе лицъ, стоящихъ во главѣ управленія въ Россіи, которыхъ необходимо истребить прежде всего, чтобы избавиться отъ министерствъ, генералъ-губернаторствъ и барства вообще и, кромѣ того, сдѣланы указанія на нѣкоторыхъ издателей газетъ, долженствующихъ подвергнуться той же участи“ [1]).

---

[1]) Мы свѣряли эти цитаты изъ *Правительственнаго Вѣстника* съ подлинникомъ (*Народной Расправой*), и онѣ оказались совершенно точными.

Чего въ „нечаевщинѣ“ больше,—моральнаго помѣшательства или прямой безсмыслицы,—сказать трудно, но фактъ тотъ, что за Нечаевымъ шли, шли, не спрашивая даже о цѣли, во имя которой должны совершаться всѣ эти „истребленія“,—о ней на собраніяхъ не говорилось, она „скорѣе подразумѣвалась“, и, стало быть, были же въ нашей общественной жизни условія, накопившія среди молодежи такое настроеніе... Кто за это отвѣтствененъ?..

Во время процесса „нечаевцевъ“ были прочитаны, составленныя Нечаевымъ, „Общія правила организаціи“. Изъ нихъ мы приведемъ слѣдующія мѣста:

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

1. Революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью—революціей.

2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, приличіями, общепринятыми условіями и нравственностью этого міра. Онъ для него—врагъ безпощадный и еслибъ онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку—науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, пожалуй медицину. Для этого изучаетъ онъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна—наискорѣйшее разрушеніе этого поганаго строя.

4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю обществен-

---

Впрочемъ, все это уже цитировалось неоднократно въ нашей исторической литературѣ. (См. книгу *А. А. Корнилова* „Общественное движеніе при Александрѣ II“ и проч.). Въ спискѣ лицъ, подлежащихъ „немедленному истребленію“, у Нечаева значатся: Адлербергъ, Мезенцевъ, Треповъ, затѣмъ „Шуваловы, Тимашевы, Валуевы, Потаповы, Обуховы, Зеленые, Толстые, Долгорукіе, Апраксины и проч.“ Далѣе идутъ Катковъ, Градовскій (профессоръ), Я. Ламанскій, Краевскій (редакторъ *Голоса*), Скарятинъ, Погодинъ и т. д. О журналистахъ и особо сказано, что ихъ надо „заставить молчать тѣмъ или другимъ способомъ, хоть лишеніемъ языка“...

ную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что помѣшаетъ ему.

5. Революціонеръ—человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго общества. Онъ и отъ нихъ не долженъ ждать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ пріучить себя выдерживать пытки.

6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе—успѣхъ революціи. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цѣль—безпощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

7. Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежемгновенно должна соединяться съ холоднымъ расчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціоннымъ дѣломъ, какъ онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

9. О солидарности революціонеровъ и говорить нечего. Въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи-революціонеры, стоящіе на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти, должны по возможности обсуждать всѣ крупныя дѣла вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

10. У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ второго и третьяго разрядовъ, т.-е. не совсѣмъ посвящен-

ныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе. Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу. На себя онъ смотритъ, какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ безъ согласія всего товарищества вполнѣ посвященныхъ распоряжаться не можетъ.

11. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ,—спасать его или нѣтъ,—революціонеръ долженъ соображаться не съ какими-нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ,—съ одной стороны, а съ другой—трату революціонныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношеніе революціонера къ обществу.

12. Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

13. Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый образованный міръ и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего-нибудь жаль въ этомъ мірѣ. Если онъ можетъ, то не остановится передъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого-либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру,—всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если у него есть въ немъ родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если они могутъ остановить его руку.

14. Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній Дворецъ.

15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій. Первая категорія — неотложно осужденныхъ на смерть. Да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ, по порядку ихъ относительной зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ чтобы предыдущіе нумера убрались раньше послѣдующихъ.

16. При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышерѣченнаго порядка, должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемой имъ въ товариществѣ или въ народѣ. Это злодѣйство и эта ненависть могутъ

быть даже отчасти полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта. Должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла. И такъ, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также и внезапная и насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство и, лишивъ его умныхъ и энергичныхъ дѣятелей, потрясти его силу.

17. Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобы они рядомъ звѣрскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

18. Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силой. Надо ихъ эксплоатировать всевозможными манерами, путями: опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности, ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, вліяніе, богатство, сила сдѣлаются такимъ образомъ неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разныхъ предпріятій.

19. Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками. Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометировать ихъ до-нельзя, такъ, чтобы возвратъ для нихъ былъ невозможенъ, и ихъ руками мутить государство.

20. Пятая категорія доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздно глаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ въ головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

21. Шестая и важная категорія — женщины, которыхъ важно раздѣлить на три главные разряда: однѣ — пустыя, безсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться, какъ третьей и четвертой категоріями мужчинъ; другія — горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго безстрастнаго и фанатическаго революціоннаго пониманія; ихъ должно употреблять, какъ мужчинъ пятой категоріи. Наконецъ, женщины совсѣмъ наши, т.-е. вполнѣ посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу. Мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношенія товарищества къ народу.

22. У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастья народа, т.-е. чернорабочаго люда. Но, убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно

только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать *развитію тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести, наконецъ, народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.*

23. Подъ революціей народной товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образу,—движеніе, которое всегда останавливалось передъ собственностью и передъ традиціями общественныхъ порядковъ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другою и стремилось создать такъ называемое революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи.

24. Товарищество поэтому не намѣрено навязывать народу какую бы то ни было организацію сверху. Будущая организація безъ сомнѣнія выработается изъ народнаго движенія и жизни. Но это дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе.

25. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ, противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака-міроѣда. Мы соединимся *съ дикимъ разбойнымъ міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи.*

26. Сплотить *этотъ міръ* въ одну непобѣдимую всесокрушающую силу,—вотъ *вся* наша организація, конспирація, задача.

Это и есть та „книжечка“, въ которой, по словамъ Нечаева, „заключается конечная цѣль всякаго революціоннаго движенія“. Какимъ же образомъ этотъ безумный фанатикъ былъ все-таки въ состояніи увлечь подобной „программой“ десятки людей? Откуда взялся и самъ онъ? Конечно, были въ немъ и ярко выраженныя черты, ему индивидуально принадлежавшія, но развить вполнѣ свои природныя свойства могъ Нечаевъ только въ опредѣленной общественно-политической средѣ, а та среда, которая сложилась въ Россіи подъ вліяніемъ „внутренней политики“ властей, и была средою, максимально развитію свойствъ Нечаева благопріятствовавшею. Этой „политикой“ послѣ 1866 года произволъ безграничный, абсолютный произволъ, былъ возведенъ уже прямо въ принципъ, и въ примѣненіи его, подъ

завываніе катковской музыки со Страстного бульвара въ Москвѣ, власти ничѣмъ не стѣснялись и ни передъ чѣмъ не останавливались. Вспомнимъ лишь про выдававшіеся состоявшимъ въ гражданскомъ бракѣ интеллигентнымъ женщинамъ „желтые билеты“. Въ результатѣ въ такихъ натурахъ, какъ Нечаевъ, уголъ паденія оказался лишь равенъ углу отраженія. Съ другой стороны, пріученная властями къ безпрекословному повиновенію свыше исходящимъ велѣніямъ,—а „свыше“ это и значило изъ всемогущаго и столь же таинственнаго, столь же „подпольнаго“, какъ и нечаевскій „комитетъ“, III Отдѣленія,—рыхлая общественная среда легко поддавалась всякаго рода „внушеніямъ“, „гипнозу“ людей съ настойчивыми характерами. Въ послѣднемъ же Нечаеву отказать невозможно. Сложись для Нечаева обстоятельства иначе, и въ русскихъ условіяхъ изъ него легко могъ бы выйти бравый шефъ жандармовъ и начальникъ III Отдѣленія, смотрѣвшій на міръ тѣми же самыми глазами, но только обрекавшій на истребленіе другіе общественные элементы... Общественно-политическій строй Россіи,—вотъ та среда, которая только и могла воспитать Нечаева и „нечаевщину“...

По дѣлу „нечаевцевъ“ было предано суду 87 человѣкъ; изъ нихъ четверыхъ судъ приговорилъ въ каторжныя работы (за убійство), двоихъ — на житье въ Сибирь, 27 — къ тюремному заключенію и остальныхъ оправдалъ.

Самъ Нечаевъ, какъ сказано, скрылся за границу. Тамъ вздумалъ онъ возобновить послѣ смерти Герцена *Колоколъ*, но изданіе прекратилось на шестомъ номерѣ; издалъ онъ также два номера *Общины* и цѣлый рядъ совершенно шарлатанскихъ листковъ: „Благородное россійское дворянство!“, „Къ русскому мѣщанству“ и другія, отъ имени будто бы „комитетовъ“ дворянскаго, мѣщанскаго и пр. Имъ же издана прокламація „Мужичкамъ и всѣмъ простымъ людямъ работникамъ“, которая послужила къ несправедливому обвиненію революціонеровъ, — ибо листки были продуктомъ индивидуальнаго „творчества“ Нечаева,—во всякой уголовщинѣ. Сказавши о высшихъ правителяхъ Россіи, прокламація продолжаетъ такъ: „становые, исправники, мировые посредники, мировые судьи—все одна сволочь, другъ за дружку заступаются, а насъ тѣснятъ да жмутъ. Надо намъ ихъ всѣхъ въ конецъ истребить, чтобы и духу ихъ не осталось, чтобы и завестись они не могли опять никакъ. А для этого надо намъ будетъ, братцы, *города ихъ жечь. Да выжигать до*

тла. Да мѣста выжженныя вспахивать. Въ городахъ простого народу совсѣмъ мало живетъ, да и тотъ живетъ въ услуженіи, чтобы на подать заработать. А какъ не будетъ подушныхъ, да поборовъ, незачѣмъ и въ городѣ нашему брату жить, незачѣмъ прислуживать, каждый мужикъ будетъ самъ себѣ господинъ" и т. д. [1]).

Словомъ, Нечаевъ все время оставался вѣренъ самому себѣ. За всю „нечаевщину" отвѣтственность передъ исторіей должна падать, сверхъ тѣхъ условій русской жизни, о которыхъ мы уже говорили, разумѣется, на самого Нечаева, но въ непростительномъ по отношенію къ Нечаеву легковѣріи виновенъ и Бакунинъ. Это признаютъ даже такіе „бакунисты", какъ Гильомъ и З. К. Ралли.

„Бакунину пришлось платиться,—пишетъ Гильомъ,—за свою слишкомъ большую довѣрчивость и за поразившую его странную энергію Нечаева" [2]).

З. К. Ралли высказывается по этому же поводу гораздо рѣшительнѣе: „О бахметьевскомъ фондѣ [3]), о Семенѣ С—вѣ и о попыткахъ Михаила Александровича [4]) сблизить Нечаева съ семьею Герцена нахожу прямо-таки неудобнымъ передавать здѣсь всѣ смѣха достойныя дрязги... Во всякомъ случаѣ письма, напечатанныя М. А. Бакунинымъ, относящіяся къ этому періоду времени, болѣе чѣмъ ясно устанавливаютъ тотъ фактъ, что во всѣхъ некрасивыхъ передрягахъ виноватъ не только Нечаевъ, но и Бакунинъ, который показалъ себя слишкомъ наивнымъ конспираторомъ, слишкомъ довѣрчивымъ къ человѣку, котораго психику абсолютно не разгадалъ. Отношенія Бакунина къ Нечаеву измѣнились лишь тогда, когда оказалось, что Вл. С—въ

[1]) Цитируемъ по печатному подлиннику.

[2]) *Гильомъ.*—„М. А. Бакунинъ" *Былое.* 1906 г. августъ, стр. 244.

[3]) „Бахметьевскій фондъ",—20.000 франковъ, оставленные Герцену пѣкимъ Бахметьевымъ, необыкновеннымъ русскимъ человѣкомъ (съ него, говорятъ, Чернышевскій писалъ въ „Что дѣлать" своего Рахметова) для передачи на освободительное дѣло въ Россіи, если онъ, Бахметьевъ, не возвратится съ Маркизскихъ острововъ, куда онъ ѣхалъ заложить новыя основы соціальной жизни среди дикарей и откуда больше не только не возвратился, но о немъ и не было болѣе никогда ни малѣйшихъ извѣстій. Эта исторія подробно разсказана Герценомъ. По поводу этихъ денегъ см. также разсказъ А. А. Герцена (сына А. И. Герцена) М. П. Драгоманову, напечатанный въ № 45 *Вольнаго Слова* (1882 года).

[4]) Бакунина.

(креатура Нечаева) похитилъ письма у нѣкоторыхъ эмигрантовъ, а разорвалъ Бакунинъ съ Нечаевымъ лишь тогда, когда открылось, что Нечаевъ задумалъ устроить за границей, въ самой Швейцаріи, изъ нѣсколькихъ горцевъ шайку экспропріаторовъ для добыванія средствъ, въ которыхъ сильно нуждался. На великое счастье для русской революціонной дѣятельности въ нашемъ прошломъ, задуманное не осуществилось..." [1]).

Самъ Бакунинъ, въ началѣ пораженный „страшной энергіей" Нечаева, но потомъ разглядѣвшій его, изображалъ въ письмѣ къ Таландье образъ знаменитаго русскаго „макіавелиста" въ такихъ словахъ:

„Истина, взаимное довѣріе, солидарность серьезная и строгая,—существуютъ только между десяткомъ лицъ, которыя образуютъ sanctum sanctorum общества [2]). Все остальное должно служить слѣпымъ орудіемъ и какъ бы матеріей для пользованія въ рукахъ этого десятка людей, дѣйствительно солидарныхъ. Дозволительно и даже простительно ихъ обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нуждѣ, даже губить ихъ. Это мясо для заговоровъ. Напр., вы приняли Н. [3]), благодаря нашему рекомендательному письму, вы ему оказали отчасти довѣріе, вы его рекомендовали вашимъ друзьямъ г-ну и г-жѣ М. И вотъ онъ помѣщенъ въ вашемъ кругу,—что же онъ будетъ дѣлáть? Прежде всего онъ начнетъ вамъ разсказывать кучу лжей, чтобы увеличить вашу симпатію и довѣріе къ нему, но этимъ не удовольствуется. Симпатіи людей умѣренно теплыхъ, которые преданы революціонному дѣлу только отчасти и которые внѣ этого дѣла имѣютъ еще другіе человѣческіе интересы, какъ любовь, дружба, семья, общественныя отношенія,—эти симпатіи въ его глазахъ не представляютъ достаточной основы,—и во имя дѣла онъ долженъ завладѣть вашею личностью безъ вашего вѣдома. Для этого онъ будетъ васъ шпіонить и постарается овладѣть всѣми вашими секретами и для этого въ вашемъ отсутствіи, оставшись одинъ въ вашей комнатѣ, онъ откроетъ всѣ ваши ящики, прочитаетъ всю вашу корреспонденцію и когда какое письмо покажется ему интереснымъ, т.-е. компрометирующимъ

---

[1]) *З. К. Ралли.*—„М. А. Бакунинъ". *Минувшіе Годы.* 1908 г. октябрь, стр. 160.

[2]) У Нечаева никогда не было не только „десятка", но и одного человѣка, основою отношеній къ которому было бы „взаимное довѣріе".

[3]) Т.-е. Нечаева.

съ какой бы то ни было точки, для васъ или для одного изъ вашихъ друзей, онъ его украдетъ и спрячетъ старательно, какъ документъ противъ васъ или вашего друга. Онъ это дѣлалъ съ О. [1]), со мною, съ Татою [2]) и съ другими друзьями, — и, когда, собравшись вмѣстѣ, мы его уличили, онъ осмѣлился сказать намъ: „ну да, это наша система. Мы считаемъ какъ бы врагами и мы ставимъ себѣ въ обязанность обманывать, компрометировать всѣхъ, кто не идетъ съ нами *вполнѣ*“, т.-е. всѣхъ тѣхъ, кто не убѣжденъ въ прелести этой системы и не обѣщалъ прилагать ее такъ же, какъ эти господа. Если вы его представите вашему пріятелю, первою его заботою станетъ посѣять между вами несогласіе, дрязги, интриги, словомъ, — поссорить васъ... Всякая личная связь, всякая дружба считаются ими зломъ, которое они обязаны разрушить, потому что все это составляетъ силу, которая, находясь внѣ тайной организаціи, уменьшаетъ единую силу этой послѣдней. Не кричите о преувеличеніяхъ. Все это было имъ мнѣ пространно развиваемо и доказываемо. Увидѣвъ, что маска съ него сброшена, этотъ бѣдный Н. былъ столь наивенъ, столь дитя, несмотря на свою систематическую испорченность, что считалъ возможнымъ обратить меня; онъ дошелъ даже до того, что упрашивалъ меня изложить эту теорію въ русскомъ журналѣ, который онъ предлагалъ мнѣ основать. Онъ обманулъ довѣренность всѣхъ насъ, онъ покралъ наши письма, онъ плутъ. Единственное ему извиненіе — это его фанатизмъ. Онъ страшный честолюбецъ, самъ того не зная, потому что кончилъ тѣмъ, что отождествилъ вполнѣ свое революціонное дѣло съ своею собственною персоною, но это не эгоистъ въ банальномъ смыслѣ слова, потому что онъ страшно рискуетъ и ведетъ мученическую жизнь лишеній и неслыханнаго труда. Это фанатикъ, а фанатизмъ его увлекаетъ быть современнымъ іезуитомъ“ [3]).

Познакомился съ Нечаевымъ и Герценъ, но отнесся къ нему сразу же съ глубочайшей антипатіей. Послѣ смерти Герцена Бакунинъ писалъ о Нечаевѣ Огареву такъ: „нечего говорить,— какую роль глупцовъ сыграли мы (т.-е. Бакунинъ и Огаревъ). Если бы былъ живъ Герценъ, какъ бы онъ надъ нами зло по-

---

[1]) Н. П. Огаревъ.
[2]) Дочь А. И. Герцена — Наталья Александровна Герценъ.
[3]) Письма Бакунина, стр. 291—293.

смѣялся и какъ былъ бы онъ правъ. Теперь намъ остается только проглотить эту горькую пилюлю и быть осторожнѣе на будущее время".

Такимъ образомъ самъ Бакунинъ признавалъ свое легкомысліе въ нечаевской исторіи.

Русское правительство начало переговоры съ правительствомъ швейцарскимъ о выдачѣ Нечаева. Послѣднее согласилось на это подъ условіемъ, чтобы Нечаевъ былъ судимъ лишь за убійство Иванова. Условіе было принято, Нечаева судили за убійство и приговорили къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ. Но вмѣсто каторги его заключили въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ и пробылъ много лѣтъ. Заключеніе не сломило характера Нечаева и не измѣнило въ то же время нисколько его взгляды на методы революціонной борьбы. Въ 1881 году черезъ крѣпостныхъ солдатъ Нечаеву удалось вступить въ сношенія съ нѣкоторыми членами народовольческаго Исполнительнаго Комитета. Онъ писалъ имъ письма, въ которыхъ рекомендовалъ пустить въ ходъ истинно-„нечаевскіе" пріемы борьбы... Совѣты, конечно, были отвергнуты [1]). Вскорѣ послѣ того Нечаевъ умеръ.

Въ заключеніе повторяемъ снова, что въ исторіи русскаго освободительнаго движенія „нечаевщина" была лишь эпизодомъ характера совершенно исключительнаго и умозаключать что-либо по ней о самомъ движеніи было бы совершенно несправедливо.

---

[1]) Объ этомъ отчасти мы говорили въ нашей книгѣ „Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80-хъ годахъ XIX вѣка" (стр. 183—184). Подробнѣе см. „Матеріалы для біографіи С. Г. Нечаева" въ № 1 журнала *Вѣстникъ Народной Воли* 1883 г.

VI.

„Чайковцы“ и другіе народническіе кружки первой половины семидесятыхъ годовъ. Политическіе процессы той же эпохи.

Не въ силу только рѣзкаго перехода отъ „нечаевщины“ къ „чайковцамъ“ испытываешь ощущеніе, будто изъ душнаго подземелья попадаешь сразу на залитый солнцемъ, благоухащій лугъ, а по той причинѣ, что „кружокъ чайковцевъ“ и самъ по себѣ представляетъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій даже и среди другихъ кружковъ того русскаго юношества семидесятыхъ годовъ, которое дало такъ много примѣровъ настоящаго моральнаго подвижничества.

Вспоминая послѣ многихъ лѣтъ изгнанія кругъ „людей сороковыхъ годовъ“ въ Москвѣ, Герценъ писалъ: „такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ: ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и артистическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое“.

Почти тѣми же словами характеризуетъ „чайковцевъ“ П. А. Кропоткинъ: „никогда впослѣдствіи не встрѣчалъ я,—пишетъ онъ,—такой группы идеально чистыхъ и нравственно выдающихся людей, какъ тѣ человѣкъ двадцать, которыхъ я встрѣтилъ на первомъ засѣданіи кружка чайковцевъ. До сихъ поръ я горжусь тѣмъ, что былъ принятъ въ такую семью“ [1]).

Замѣчательно, что кружокъ этотъ развился изъ кружка са-

---

[1]) *П. А. Кропоткинъ.*—Записки революціонера, стр. 290.

мообразованія, основаннаго жинщинами,—тремя сестрами Корниловыми и Софьей Перовской [1]), причемъ на ряду съ самообразованіемъ преслѣдовалась и другая цѣль. П. А. Крапоткинъ говоритъ, что „кружокъ возникъ изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности“ [2]). Быть можетъ, это женское вліяніе на мужской элементъ, который сталъ постепенно присоединяться къ кружку, и придало всему его составу такой высоко-моральный характеръ.

Среди женщинъ основательницъ кружка, была, какъ сказано, Софья Львовна Перовская.

Настоящая подвижница, ригористка и монахиня въ міру, она вся въ служеніи ближнимъ, она всѣмъ существомъ своимъ—одна дѣятельная любовь къ людямъ. Аристократка по происхожденію и средѣ, въ которой выросла, она уходитъ изъ нея, учится и учитъ, усваиваетъ соціалистическое міросозерцаніе, занимается съ рабочими и является вмѣстѣ съ тѣмъ постоянной „сестрой милосердія“ по отношенію ко всѣмъ попавшимъ въ бѣду товарищамъ. Она смотрѣла на жизнь, какъ на исполненіе нравственнаго долга.

„Мы затѣяли большое дѣло, — сказала она однажды П. А. Крапоткину,—быть можетъ, двумъ поколѣніямъ придется лечь на немъ, но сдѣлать его надо...“ И она отдалась этому дѣлу.

„Мы собирались тогда въ предмѣстьи Петербурга въ домикѣ, который сняла Перовская, жившая подъ паспортомъ жены мастерового, разсказываетъ П. А. Крапоткинъ. — Въ повязанной платкомъ мѣщанкѣ, въ ситцевомъ платьѣ, въ мужскихъ сапогахъ, таскавшей воду изъ Невы, никто не узналъ бы барышни, которая недавно блистала въ аристократическихъ петербургскихъ салонахъ. Она была общей любимицей“ [3]).

Оправданная по процессу 193-хъ, Перовская подверглась, тѣмъ не менѣе, административной высылкѣ, но съ дороги бѣжала. Дальнѣйшая судьба ея общеизвѣстна...

Такими же свойствами отличались и другія женщины кружка.

„Ни одна изъ женщинъ нашего кружка,—разсказываетъ далѣе П. А. Крапоткинъ, — не отступила бы передъ смертью на эшафотѣ, Каждая изъ нихъ взглянула бы смерти прямо въ глаза. Разъ ночью мы съ Куприановымъ отправились съ важнымъ сообщеніемъ къ Варварѣ Б.

---

[1]) Ibid., стр. 299.
[2]) Ibid., стр. 287.
[3]) Ibid., стр. 299—300.

(также члену кружка чайковцевъ). Было уже далеко за полночь; но такъ какъ мы увидѣли свѣтъ въ ея окнѣ, то поднялись по лѣстницѣ. В-ва сидѣла въ маленькой комнатѣ за столомъ и переписывала программу нашего кружка. Мы знали ея рѣшительность и намъ пришла въ голову мысль выкинуть одну изъ тѣхъ глупыхъ шутокъ, которыя люди иногда считаютъ остроумными.

— Б., мы пришли за вами,—началъ я. Мы хотимъ сдѣлать почти безумную попытку освободить товарищей изъ крѣпости.

Б. не задала ни одного вопроса. Она положила перо, спокойно поднялась и сказала „идемъ!“ Она произнесла это такъ просто, что я сразу понялъ, какъ глупа была моя шутка, и признался во всемъ Б. Она опять опустилась на стулъ и на глазахъ у ней блеснули слезы.

- Такъ это была только шутка?—переспросила она съ упрекомъ. Какъ можно *этимъ* шутить!“ Я вполнѣ понялъ тогда всю жестокость моихъ словъ [1]).

Мужская часть кружка была такого же нравственнаго закала. Вотъ молодой помѣщикъ изъ Екатеринославской губерніи, студентъ Сергѣй Силычъ Синегубъ. Аскетъ въ личной жизни, онъ отдаетъ всего себя дѣлу освобожденія трудящихся массъ. Онъ одинъ изъ первыхъ сходится съ петербургскими рабочими, посѣщаетъ ихъ „артели“, обучаетъ рабочихъ грамотѣ и начаткамъ знаній по естественнымъ и общественнымъ наукамъ, отбираетъ среди своихъ учениковъ наиболѣе способныхъ и отзывчивыхъ для дальнѣйшихъ съ ними занятій, привлекаетъ къ тому же дѣлу цѣлый рядъ другихъ интеллигентовъ. Узнавши среди такой кипучей дѣятельности, что гдѣ-то, въ далекой Вятской губерніи находится дѣвушка, рвущаяся къ свѣту и полезной для народа дѣятельности, но находящаяся въ такой гнетущей семейной обстановкѣ, вырваться изъ которой было возможно только путемъ выхода замужъ,—Синегубъ, никогда, разумѣется, въ глаза не видавшій этой дѣвушки, не задумывается ни одной минуты дать ей свободу путемъ фиктивнаго съ нею брака. Онъ ѣдетъ въ Вятскую губернію, женится на дѣвушкѣ, привозитъ ее въ Петербургъ и предоставляетъ ей жить, какъ ей угодно. Потомъ Синегубъ работаетъ нѣкоторое время въ качествѣ учителя въ сельской школѣ въ Тверской губерніи, потомъ онъ снова въ Петербургѣ, снова занимается съ рабочими, развивая это дѣло все шире и шире, но на немъ же и оканчиваетъ дни своей свободной жизни. Его арестуютъ

[1]) Ibid., 300—301.

и держать въ тюрьмѣ въ предварительномъ заключеніи почти пять лѣтъ (изъ которыхъ большая часть времени приходится на Петропавловскую крѣпость), затѣмъ его предаютъ суду по знаменитому процессу 193-хъ. Судъ приговариваетъ Синегуба къ каторжнымъ работамъ на девять лѣтъ. Хотя судъ и ходатайствовалъ о замѣнѣ ему каторжныхъ работъ поселеніемъ, но ходатайство это уважено не было и Синегуба отправили на Кару [1]). По отбытіи срока каторги онъ былъ поселенъ въ Сибири, дожилъ тамъ до событій 1905 года, которыя привѣтствовалъ стихотвореніями (онъ былъ поэтъ,—его стихотворенія печатались въ *Русскомъ Богатствѣ*) и умеръ, не успѣвши испытать еще одного тяжелаго горя: его сынъ былъ казненъ въ 1908 году на Лисьемъ Носу въ числѣ „семи повѣшенныхъ..."

Вотъ Леонидъ Эммануиловичъ Шишко.

Окончивъ курсъ въ военномъ училищѣ и будучи произведенъ въ офицеры, онъ быстро вышелъ въ отставку. Поступивши затѣмъ въ Технологическій институтъ, Шишко начинаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вести пропаганду среди рабочихъ, за что, послѣ четырехлѣтняго заключенія, предается все по тому процессу 193-хъ суду и получаетъ приговоръ въ каторжныя работы на девять лѣтъ. Отбывши каторгу на Карѣ, Шишко жилъ въ Сибири, но оттуда въ 1889 году бѣжалъ заграницу, гдѣ продолжалъ свою дѣятельность въ прежнемъ направленіи. Во время революціи былъ въ Россіи, принималъ участіе въ литературѣ, но затѣмъ снова былъ принужденъ скрыться за-границу, гдѣ и умеръ [2]).

Вотъ Михаилъ Васильевичъ Купріановъ.

Онъ совсѣмъ юноша,—почти мальчикъ, но обнаруживаетъ свойства необыкновенно сильнаго душою человѣка. Такой же суровый аскетъ въ личной жизни, какъ и другіе члены кружка, онъ весь проникнутъ однимъ лишь чувствомъ долга. Онъ также занимается съ рабочими, ѣдетъ за границу для пріобрѣтенія ти-

[1]) См. С. Синегубъ. „Воспоминанія чайковца". *Былое.* 1906 г., августъ, сентябрь и октябрь.

[2]) Шишко написаны: „Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ" (брошюра); „Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ". *Русское Богатство.* 1906 г. Ноябрь; „Разсказы изъ русской исторіи" (отдѣльными книжками); „М. Р. Гощъ. *Былое.* 1906 г. Ноябрь. О Шишко см. также ст. І. Смирнова „Изъ старыхъ воспоминаній" въ іюльской книжкѣ *Современника* за 1912 годъ. Тамъ же приведенъ перечень и нѣкоторыхъ другихъ (самостоятельныхъ и переводныхъ) литературныхъ работъ Шишко, скончавшагося въ Парижѣ 8 января 1910 года.

пографскаго станка, встрѣчается тамъ съ С. Л. Чудновскимъ, на котораго производитъ впечатлѣніе „чуднаго юноши“ [1]), а также съ В. К. Дебогоріемъ-Мокріевичемъ, который говоритъ о немъ такъ: „помню, особенно много спорили мы съ нимъ о значеніи *темперамента* для революціоннаго дѣла (Мокріевичъ былъ тогда „бунтарь“). Онъ не придавалъ никакого значенія темпераменту и все сводилъ къ понятію о долгѣ“ [2]). Заключенный въ Петропавловскую крѣпость, Купріановъ тамъ и умеръ.

Вотъ самъ, давшій имя кружку, Николай Васильевичъ Чайковскій.

Кандидатъ петербургскаго университета, онъ принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ трудахъ кружка, вездѣ поспѣвая и во всемъ успѣвая, но затѣмъ съ нимъ происходитъ переворотъ. Будучи всегда человѣкомъ напряженнаго моральнаго *долга*, онъ встрѣчается съ А. К. Маликовымъ, интереснымъ человѣкомъ, проповѣдывавшимъ еще въ семидесятыхъ годахъ ученіе о „непротивленіи злу насиліемъ“, близкое къ ученію Л. Н. Толстого, котораго онъ и явился въ этомъ отношеніи предшественникомъ. Маликовъ отрицаетъ, во имя нравственнаго начала, во имя той „божественной искры“, которая живетъ въ каждомъ человѣкѣ, всякое насиліе, въ томъ числѣ не только какіе бы то ни было насильственные революціонные акты, но и самый принципъ революціи. Онъ становится основателемъ среди интеллигенціи чего-то въ родѣ секты такъ называемыхъ „богочеловѣковъ“. Чайковскій вполнѣ проникся идеями Маликова, они отправились вмѣстѣ въ Америку, гдѣ основали общину для жизни на новыхъ началахъ, но община успѣха не имѣла. Проведя три года въ Америкѣ, гдѣ много пришлось имъ претерпѣть трудовъ и лишеній, Маликовъ вернулся затѣмъ въ Россію, а Чайковскій въ Англію. Тамъ пріобрѣлъ онъ столь широкую популярность, что, когда онъ снова былъ арестованъ въ Россіи въ 1908 году, англичане собрали пятьдесятъ тысячъ рублей для внесенія за него залога. Преданный суду, Чайковскій былъ оправданъ.

Вотъ князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.

Будучи много старше другихъ членовъ кружка, Кропоткинъ уже и ко времени вступленія своего въ кружокъ многое ви-

[1]) Страничка изъ воспоминаній. *Былое* 1907 г. Іюнь, стр. 287—290.— Продолженіе этихъ воспоминаній печаталось затѣмъ въ *Вѣстникѣ Европы*.
[2]) *Мокріевичъ*, стр. 89.

дѣлъ, многое испыталъ. Аристократъ по рожденію и образованію (онъ окончилъ курсъ первымъ въ пажескомъ корпусѣ въ 1862 году), Кропоткинъ служилъ затѣмъ офицеромъ въ Сибири, куда повлекли его и любознательность, и рано проснувшееся въ немъ отвращеніе ко всякому наружному блеску, и желаніе приложить свои силы въ горячую „эпоху реформъ“ къ работѣ въ столь дѣвственной странѣ. Тамъ онъ предался по преимуществу научной дѣятельности въ области физической географіи и возвратился въ Россію, уже доработавшись до недюжиннаго ученаго. Наряду съ тѣмъ Кропоткинъ много работалъ въ Забайкальѣ надъ изученіемъ экономическаго и правового быта населенія, а на Амурѣ и надъ практическимъ разрѣшеніемъ разнаго рода административныхъ вопросовъ. Пріѣхавши въ Петербургъ, П. А. Кропоткинъ поступилъ на физико-математическій факультетъ университета, работая въ то же время самостоятельно въ области геологіи и физической географіи. Эта дѣятельность его очень влекла; работая въ ней, онъ пришелъ къ заключенію, что „теперь мы—въ періодѣ быстраго высыханія, сопровождаемаго образованіемъ степей, и человѣку надо найти способъ, какимъ образомъ остановить это угрожающее юго-восточной Европѣ высыханіе, жертвой котораго уже пала центральная Азія. Въ то время вѣра въ ледяной покровъ, достигавшій до центральной Европы, считалась непозволительной ересью; но передъ моими глазами возникла величественная картина, и мнѣ хотѣлось передать ее въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ я ее представлялъ себѣ. Мнѣ хотѣлось примѣнить эту картину, какъ ключъ, къ современному распредѣленію флоры и фауны и открыть новые горизонты для геологіи и физической географіи“. Но такія стремленія въ Кропоткинѣ столкнулись съ другими: „*какое право* имѣлъ я,—думалъ онъ,—на всѣ эти высокія радости, когда вокругъ меня—гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусокъ хлѣба? Когда все, затраченное мною, чтобы жить въ мірѣ высокихъ душевныхъ движеній, неизбѣжно должно быть вырвано изо рта сѣющихъ пшеницу для другихъ и неимѣющихъ достаточно чернаго хлѣба для собственныхъ дѣтей! У кого-нибудь кусокъ долженъ быть вырванъ изо рта, потому что совокупная производительность людей еще такъ низка“ [1]).

[1]) Кропоткинъ, стр. 227.

Многое можно было возразить на это и прежде всего, конечно, сказать, что человѣкъ, который былъ бы въ состояніи, не говоримъ уже „найти способъ, какимъ образомъ остановить угрожающее юго-восточной Европѣ высыханіе“, но дать на такой способъ лишь намекъ, идею, былъ бы не только заработавшимъ право, моральное право, на свою долю изъ труда „сѣющихъ пшеницу“, а благодѣтелемъ человѣчества... Но, съ другой стороны, и мотивы, которые влекли П. А. Крапоткина на иную дорогу, характера такого, что не существуй ихъ вовсе у людей, и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, по слову поэта, „заглохла-бъ нива жизни“, по крайней мѣрѣ, жизни въ ея высокочеловѣческомъ значеніи...

Таковы были типичные представители „кружка чайковцевъ“ настоящіе „кающіеся дворяне“ русской земли, до глубины души проникшіеся убѣжденіемъ въ необходимости жизнью и кровью своей заплатить долгъ трудовому народу, загладить передъ нимъ грѣхи отцовъ, возвратить ему все неправедно отцами этими захваченное...

Характеризуя „основную революціонную идею“ народническаго движенія, Л. Э. Шишко говоритъ, что идея эта „заключалась въ представленіи о революціонной дѣятельности, какъ о служеніи народному дѣлу, вытекающему изъ сознанія огромной *отвѣтственности*, лежащей на интеллигенціи по отношенію къ обездоленнымъ рабочимъ массамъ“ [1]).

Надо, однако, выяснить, какое значеніе вкладывалось тогда кружкомъ въ самое понятіе „революціонность“.

П. А. Крапоткинъ категорически заявляетъ, что кружокъ чайковцевъ „въ 1872 году не имѣлъ въ себѣ ничего революціоннаго“ [2]). И, дѣйствительно, по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются въ литературѣ объ этомъ кружкѣ, первоначально онъ представлялъ собою группу юношей и дѣвушекъ съ высокимъ душевнымъ настроеніемъ, съ жаждою дѣятельности на благо народа, съ готовностью посвятить всю свою жизнь на служеніе народу, но въ какія формы должно все это облечься, на такой вопросъ въ кружкѣ еще не было сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта. Болѣе старшіе члены кружка думали связать чуть-чуть намѣчавшееся революціонное теченіе среди молодой ни-

---

[1]) „С. М. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ“, стр. 12.
[2]) *Крапоткинъ*, стр. 288.

теллигенціи съ рабочимъ движеніемъ въ Европѣ, — мы уже знаемъ, что этой мыслью занятъ былъ еще Худяковъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, къ тому же стремилось и *Народное Дѣло* (редакція Утина), образуя „русскую секцію Ивтернаціонала“,—но большинство даже членовъ кружка чайковцевъ ни о чемъ подобномъ не помышляло. Характерныя строки находимъ мы поэтому поводу у того же П. А. Крапоткина. „Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ за-границы, въ 1872 г., разсказываетъ онъ,—Дмитрій К. предложилъ мнѣ поступить въ кружокъ, извѣстный въ то время среди молодежи подъ названіемъ кружка чайковцевъ. „Члены нашего кружка,—сказалъ мнѣ К.,—покуда большею частью конституціоналисты, но всѣ они прекрасные люди. Они готовы принять всякую честную идею. У нихъ много друзей повсюду въ Россіи; вы сами увидите впослѣдствіи, что можно сдѣлать“ [1]). Какъ понимать слова, что чайковцы въ 1872 году были „большею частью конституціоналисты“? Это наврядъ ли обозначало, чтобы кружокъ готовился къ созданію партіи для борьбы за конституцію, это обозначало скорѣе, что члены кружка не были еще *противъ* конституціи, т.-е. не проникпись тѣми аполитическими воззрѣніями, которыя сдѣлались вскорѣ одною изъ характернѣйшихъ чертъ активнаго народничества семидесятыхъ годовъ. Члены кружка желали прежде всего работать на пользу народа для уплаты ему *долга*, который тяготилъ ихъ чуткую совѣсть, и они искали еще *легальныхъ* путей для такого рода дѣятельности. Съ этой цѣлью они направили свое вниманіе на земство. „Нѣкоторые изъ членовъ кружка,—пишетъ Л. Э. Шишко,—спеціально изучили тогда земскую литературу и входили въ сношенія съ земскими дѣятелями, но скоро должны были придти къ *совершенно отрицательнымъ выводамъ*“ [2]). Но тогда что же? Непосредственная борьба за конституцію? „Конечно, — разсказываетъ П. А. Крапоткинъ,—мы часто говорили о необходимости политической агитаціи противъ самодержавія. Мы видѣли, что крестьяне совершенно раззорены чрезмѣрными податями и продажей скота для покрытія недоимокъ. Мы, мечтатели, и тогда уже предвидѣли то полное обнищаніе всего населенія, которое, увы, теперь стало совершившимся фактомъ. Мы знали, какой

[1]) Ibid., стр. 287.
[2]) *Шишко*, стр. 19.

наглый грабежъ идетъ повсемѣстно въ Россіи. Мы знали о произволѣ чиновниковъ, о почти невѣроятной грубости многихъ изъ нихъ и каждый день приносилъ намъ новые факты въ этомъ направленіи. Мы постоянно слышали о ночныхъ обыскахъ, объ арестованныхъ друзьяхъ, которыхъ гнопли въ тюрьмахъ и потомъ ссылали административнымъ порядкомъ въ глухіе поселки на окраинахъ Россіи. Мы сознавали, поэтому, необходимость политической борьбы противъ этой страшной власти, убивающей лучшія умственныя силы страны. *Но мы не видѣли никакой почвы, легальной или полулегальной, для подобной борьбы.* Все молодое поколѣніе огуломъ признавалось „неблагонадежнымъ“ и потому *старшее поколѣніе боялось* имѣть что-нибудь общее съ нимъ“ [1]).

Вотъ строки, на которыя слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: молодежь была предоставлена самой себѣ, власти расправлялись съ нею самымъ жестокимъ образомъ, а старшіе *боялись* не только громко поднять голосъ противъ произвола, но и „имѣть что-нибудь общее“ съ самою молодежью... Поведеніе этихъ „старшихъ“ было тѣмъ болѣе непростительно, что о преданности ихъ „приказному строю“ не могло быть и рѣчи: они ненавидѣли его и, въ то же время, боялись. Духъ протеста сконцентрировался среди молодежи, но куда и какъ онъ долженъ былъ направиться? Мирное настроеніе молодого поколѣнія, жаждавшаго лишь возможности уплатить народу свой долгъ, сталкивалось постоянно и съ жестокостью властей, и съ отсутствіемъ всякаго гражданскаго мужества среди общества. Настроеніе молодежи, поэтому, не могло не обостряться.

А жажда работать на пользу народа охватывала молодое поколѣніе все сильнѣе и сильнѣе. Вышли въ свѣтъ тѣ „Историческія письма“ Лаврова, о которыхъ мы говорили выше. Говорили мы и о томъ, что „формула“, которую далъ въ этой книгѣ Лавровъ, была формулою эклектическою, механическимъ соединеніемъ рецептовъ Писарева и Добролюбова. Но Лавровъ все же говорилъ на тему „что дѣлать“, и его голосъ находилъ въ сердцахъ молодежи самый сочувственный откликъ. Въ книгѣ проповѣдывалась сверхъ того идея *долга* развитой личности передъ тѣмъ народомъ, которому она обязана и самымъ своимъ развитіемъ. Эта идея была воспринята лучшей частью молодежи

---

[1]) *Кропоткинъ*, стр. 292.

всѣмъ сердцемъ, молодежь проникласъ ею до мозга костей. Но все-таки, какъ же быть, что же дѣлать для уплаты народу долга?..

„Чайковцы“ и другіе кружки молодежи работали усердно надъ осуществленіемъ первой части формулы Лаврова—„развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи“, но до какихъ же поръ только самоусовершенствованіемъ и заниматься? Когда же слѣдуетъ приступать ко второй части формулы—„воплощеніе въ общественныхъ формулахъ истины и справедливости“? Дальнѣйшія событія показали, что отвѣтъ явился въ такой формѣ: надо приступать немедленно. Но какую же, именно, „истину“ и какую „справедливость“ слѣдуетъ воплощать въ общественныхъ формахъ? Отвѣтъ гласилъ: ту истину и ту справедливость, о которой говоритъ послѣднее слово западной мысли, а послѣднее слово это—соціализмъ.

А какимъ же образомъ воплотить идеи соціализма въ жизнь, разъ онѣ по самому существу своему враждебны господствующимъ классамъ? Что для этого надо дѣлать, какъ поступать? Да такъ же точно, какъ поступаютъ соціалисты западные: они пропагандируютъ идеи соціализма среди рабочаго класса, ведутъ тамъ же агитацію, создаютъ организацію и все это для той „соціальной революціи“, которая положитъ конецъ господству сильныхъ міра сего и призоветъ на праздникъ жизни всѣхъ нынѣ трудящихся и угнетенныхъ.

Разъ мысль стала на эту почву, надо было подумать и о пріобрѣтеніи себѣ возможно большаго числа единомышленниковъ среди интеллигенціи для роли пропагандистовъ. И чайковцы съ замѣчательной энергіей заводятъ связи во многихъ высшихъ, а отчасти и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во всей Россіи и организуютъ „книжное дѣло“. Съ этой цѣлью кружокъ вступалъ въ сношенія съ издателями лучшихъ книгъ, бралъ ихъ на комиссію съ уступкой, а иногда и покупалъ цѣлыя изданія. Такимъ путемъ при посредствѣ своихъ связей кружокъ распространилъ тысячи экземпляровъ книгъ,—главнымъ образомъ сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Щапова, Костомарова, Дрэпера, Бокля, Лаврова („Историческія письма“), Флеровскаго („Положеніе рабочаго класса въ Россіи“), Лассаля, Маркса („Капиталъ“), романы Шпильгагена, Швейцера и т. д. Однимъ уже этимъ актомъ кружокъ чайковцевъ безспорно вызвалъ среди молодежи большое умственное ожи-

вленіе, а преслѣдованія властей давали кружку съ одной стороны, въ лицѣ высылаемыхъ студентовъ, все новыхъ и новыхъ агентовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кружокъ не имѣлъ еще связей, а съ другой, пріучалъ молодежь въ массѣ ея видѣть во властяхъ съ гимназической скамьи своего смертельнаго врага и относиться съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ каждому, въ борьбѣ съ этими властями пострадавшему.

„Херсонское общество,—разсказываетъ С. Л. Чудновскій,—было въ 1869 году типично-провинціальное общество второй половины прошлаго столѣтія: совершенное отсутствіе высшихъ интересовъ, низкій уровень идейности, мелочность, дрязги, взаимные пересуды и сплетни. Мало здѣсь кто читалъ, да и никакой библіотеки для чтенія во всемъ городѣ не было". Въ этотъ то „типично-провинціальный" городъ были присланы подъ надзоръ полиціи исключенный изъ медико-хирургической академіи авторъ воспоминаній и его товарищъ. „Старшіе", разумѣется, всячески чурались поднадзорныхъ. „Полное исключеніе составляла молодежь, отношеніе которой къ „пострадавшимъ" было діаметрально противоположное" [1]). Въ результатѣ, разумѣется, оживленіе среди учащейся молодежи, кружки, организаціи и т. д. Если вмѣсто „Херсонъ" подставить Тамбовъ, Архангельскъ, Кострому, Томскъ, или десятки другихъ городовъ, то картина отъ этого не измѣнится. Вездѣ было одно и то же. Да не только въ какомъ-нибудь Херсонѣ или Тамбовѣ, а и въ городахъ университетскихъ.

„1866, 67 и 68 года,—разсказываетъ В. К. Дебогорій-Мокріевичъ,—были глухимъ періодомъ студенческой жизни въ Кіевѣ. Были кружки шахматистовъ, были просто дебоширы, но не было кружковъ даже „саморазвитія". Въ 1869 году въ кіевскій университетъ поступили студенты, выключенные изъ медико-хирургической академіи, а съ тѣмъ началось и оживленіе" [2]). Началась организація кружковъ и скоро „крамола" пустила въ университетѣ свои корни.

Такъ, въ 1873 году настроеніе молодежи становилось все болѣе и болѣе „бунтовскимъ". Бакунинское слово „въ народъ" раздалось уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, но оно еще

[1]) *С. Чудновскій.* Изъ дальнихъ лѣтъ. *Былое.* 1907 г. Октябрь. Стр. 222—223.

[2]) *Мокріевичъ,* стр. 32—40.

не наполнилось какимъ-либо опредѣленнымъ содержаніемъ. Настроеніе было, но форма, въ которую оно должно было вскорѣ вылиться, еще не окончательно вырисовалась.

Настало время и для этого.

Л. Э. Шишко пишетъ, что на настроеніе молодежи оказали сильное вліяніе, сверхъ общихъ условій внутренней жизни Россіи, теченіе событій въ Интернаціоналѣ и варварская расправа съ парижской коммуной. Впечатлѣніе отъ разгрома парижской коммуны было, дѣйствительно, огромнымъ. Изучая эпоху семидесятыхъ годовъ, постоянно сталкиваешься съ сильнымъ вліяніемъ этого событія на русскую интеллигенцію того времени. Въ первыхъ же прокламаціяхъ семидесятыхъ годовъ, составленныхъ и отпечатанныхъ ручнымъ способомъ студентомъ Гончаровымъ, видимо настолько возбужденнымъ, что онъ даже далъ имъ общее заглавіе, содержанію прокламацій совершенно не отвѣчавшее,—„Висѣлица“,—выражалась увѣренность, что „начавшаяся въ Парижѣ революція распространится повсюду и, такимъ образомъ, проникнетъ въ Россію“, а въ прокламаціи № 3 (и послѣдней) той же серіи содержалось обращеніе „ко всѣмъ честнымъ людямъ, кои должны откликнуться погибающему Парижу и возобновить начатое имъ дѣло революціи“ [1]).

П. Л. Лавровъ, какъ мы говорили, былъ активнымъ участникомъ парижской коммуны, а М. П. Сажинъ принималъ участіе тамъ же и въ бою на баррикадахъ. Хотя „процессъ 193-хъ“ разбирался уже въ 1877 г., но лица, преданные суду по этому дѣлу, были пересарестованы большею частью въ 1874—1876 году (а нѣкоторые и раньше) и потому дѣятельность ихъ относится къ самому началу семидесятыхъ годовъ, когда впечатлѣніе отъ парижской коммуны было особенно велико. Это впечатлѣніе и отразилось въ сильной степени на ихъ настроеніи.

Въ томъ же 1877 г. въ Женевѣ издавался журналъ *Le Travailleur*, въ которомъ, на ряду съ Элизэ и Эли Реклю, Перрономъ, Лефрансэ и др. работали русскіе —Жуковскій, Клеменцъ, Мечниковъ, Эльсницъ и Драгомановъ. И вотъ, по поводу обвинительнаго акта по процессу 193-хъ въ этомъ жур-

[1]) См. дѣло дворянина Гончарова, обвиняемаго въ государственномъ преступленіи. *Правительственный Вѣстникъ* 25 февраля 1872 года № 47. Гончаровъ былъ приговоренъ за эти прокламаціи въ каторжныя работы на шесть лѣтъ.

налѣ были напечатаны такія, совершенно справедливыя строки: „En le lisant on constate *l'influence énorme* qu'ont eu sur la propagande socialiste russe les évenements dont Paris a été le théatre en 1871, dont la Commune a été le symbole“ [1]).

И даже черезъ семь лѣтъ послѣ Коммуны, когда русскіе народники, не пріобрѣтя себѣ „въ народѣ“,—не взирая на огромное количество затраченной ими для того энергіи,—почти совсѣмъ прозелитовъ, пріобрѣли ихъ сравнительно значительное количество среди городскихъ рабочихъ, симпатіи къ Коммунѣ проявились въ слѣдующемъ адресѣ, посланномъ 18 марта 1878 года одесскими рабочими рабочимъ французскимъ:

Одесскіе рабочіе, собравшись на сходку въ достопамятный день провозглашенія Парижской Коммуны, шлютъ вамъ, французскіе рабочіе, свой пламенный братскій привѣтъ. Мы работаемъ на своей родинѣ для той же великой цѣли, для достиженія которой погибло въ 1871 г., на баррикадахъ Парижа, столько вашихъ братьевъ, сестеръ, отцовъ, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждемъ наступленія той исторической минуты, когда и мы сможемъ ринуться въ бой за права трудящихся противъ эксплоататоровъ, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока, у насъ идетъ глухая, неравная борьба, въ которой гибнутъ медленной мучительной смертью, въ тюрьмахъ и каторгѣ, наши лучшіе люди, эти мужественные застрѣльщики святого дѣла народнаго освобожденія. Вы правы были, когда въ 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за *все* человѣчество: да, интересы всѣхъ народовъ такъ тѣсно связаны между собою, что торжество народа въ одной странѣ немедленно повлечетъ за собою торжество народа во всемъ мірѣ. Французскіе рабочіе! Когда наступитъ время и вы снова поднимете красное знамя соціальной революціи, то пусть одушевляетъ васъ то же самое геройское мужество и горячая любовь къ человѣчеству, какія одушевляли борцовъ 1871 г.,—но пусть для блага всего человѣчества побѣда увѣнчаетъ на этотъ разъ ваши многолѣтніе труды [2]).

Фактовъ, свидѣтельствующихъ о впечатлѣніи отъ парижской коммуны на русскую молодежь, можно было бы привести еще много, но и приведенныхъ для иллюстраціи такого впечатлѣнія

---

[1]) *Le Travailleur*. 1877. *Novembre*, № 7, p. 23. Переводъ: „Читая его (обвинительный актъ) убѣждаешься въ *огромномъ вліяніи*, которое оказывали на русское соціалистическое движеніе событія 1871 г., театромъ которыхъ былъ Парижъ, а символомъ Коммуна“.

[2]) „Адресъ русскихъ рабочихъ французскимъ“. *Община*. 1878 г. № 3—4, стр. 4—5.

вполнѣ достаточно. Разрывъ, полный разрывъ съ міромъ буржуазнымъ, объявленіе ему безпощадной войны и работа въ этомъ направленіи рука объ руку съ Интернаціоналомъ,—вотъ задача, которая окончательно вырисовывалась приблизительно къ 1873 году передъ русской революціонной молодежью.

Съ Интернаціоналомъ? Но въ немъ самомъ происходитъ огромная борьба двухъ направленій,—къ какому же изъ нихъ примкнуть? Въ вопросѣ о томъ, что „русскій народъ всегда стремится къ осуществленію великихъ началъ, провозглашеннымъ Международнымъ Обществомъ Рабочихъ—общинному владѣнію землей и орудіями труда“,—въ этомъ вопросѣ разнорѣчія между „бакунистами“ и „марксистами“ Интернаціонала нѣтъ,—здѣсь, слѣдовательно, все ясно, но по другому вопросу, раздѣлившему Интернаціоналъ на два враждебныхъ лагеря,—на каждую сторону стать? На сторону „государственности“ или „анархіи“? Кромѣ кружка чайковцевъ въ Петербургѣ существовало еще нѣсколько кружковъ необыкновенно энергичнаго С. Ф. Ковалика. Кружки эти съ С. Ф. Коваликомъ во главѣ стали самымъ рѣшительнымъ образомъ подъ знамя „анархіи“. Самъ С. Ф. Коваликъ и другой членъ этихъ кружковъ Лермонтовъ вошли въ прямыя отношенія съ Бакунинымъ и такимъ образомъ вдохновлялись „бакунизмомъ“ у самаго его первоисточника.

С. Ф. Коваликъ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ уже не юношей. До того времени онъ былъ мировымъ судьей въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи и одно время предсѣдателемъ мглинскаго съѣзда мировыхъ судей. Но въ этой должности С. Ф. Коваликъ утвержденъ не былъ, поэтому въ 1872 году онъ оставилъ земскую службу, пріѣхалъ въ Петербургъ и всецѣло отдался революціоннымъ дѣламъ. Онъ предпринялъ поѣздку по девяти губерніямъ и основалъ въ нихъ среди молодежи тринадцать революціонныхъ кружковъ. Воспріятіе этой молодежи къ идеямъ „анархіи“ оказалось очень значительнымъ и С. Ф. Коваликъ „обращалъ“ ее поэтому въ свою „вѣру“ съ необыкновенной легкостью. При условіяхъ, въ которыхъ молодежь тогда жила, такая реакція съ ея стороны на капральскій строй всей русской жизни явленіе психологически вполнѣ понятное. Рука объ руку съ С. Ф. Коваликомъ работалъ и другой бывшій мировой судья (Пензенской губ.) покойный П. И. Войнаральскій. Отдавши на революціонное дѣло все состояніе, Войнаральскій завелъ въ Поволжьѣ сѣть лавочекъ, постоялыхъ дворовъ и т. п. учрежденій, которыя

должны были служить „очагами революціи“. На его же средства въ Саратовѣ была организована сапожная мастерская, куда доставлялась изъ Москвы революціонная литература, печатавшаяся въ типографіи И. Н. Мышкина (по профессіи стенографа), также вступившаго въ это время на путь революціонной дѣятельности. Внѣ кружка „чайковцевъ“ эти три лица и являются самыми центральными фигурами революціоннаго движенія въ Россіи въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ. Члены кружковъ Ковалика, — столичные и провинціальные,—были по направленію всецѣло „бакунистами“, „анархистами“ и „бунтарями“. А чайковцы? Программа ихъ кружка была написана П. А. Кропоткинымъ, который, находясь въ началѣ семидесятыхъ годовъ за границей, также всецѣло примкнулъ къ „бакунистическому“ направленію Интернаціонала. Программу Кропоткина кружокъ принялъ и такимъ образомъ и онъ окрасился тоже въ вполнѣ „анархическій“ цвѣтъ. Возникли уже кружки и на югѣ Россіи. Въ Кіевѣ существовала такъ называемая „Кіевская коммуна“, также принявшая, какъ догматъ, „анархію“.

Наконецъ, за границей, среди русской учащейся молодежи,— что тамъ происходило?

Членъ южныхъ „анархическихъ“ группъ В. К. Дебогорій-Мокріевичъ, вошедшій въ личныя сношенія съ Бакунинымъ, описываетъ настроеніе въ 1873 году русской учащейся молодежи въ Цюрихѣ слѣдующими словами: „Въ Цюрихъ я пріѣхалъ въ апрѣлѣ 1873 года и тамъ засталъ много русскихъ. То была молодежь, по большей части студенты цюрихскаго университета и политехникума, состоявшая на половину изъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ за границу учиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которыя закрытъ былъ тогда для нихъ на родинѣ. Тихіе кварталы этого города, возлѣ политехникума, гдѣ преимущественно жили русскіе, совершенно преобразились. Организовались двѣ русскія библіотеки, заведены были двѣ вольныя русскія типографіи, купленъ былъ домъ, если не ошибаюсь, тысячъ за восемьдесятъ франковъ, въ которомъ устроена была кухмистерская и гдѣ по вечерамъ въ большой залѣ происходили общія собранія и чтенія рефератовъ и лекцій, преимущественно Лаврова, проживавшаго въ то время въ Цюрихѣ. Интернаціоналъ успѣлъ тогда распасться на два враждебныхъ лагеря: соціалъ-демократическій и анархическій. Когда эти двѣ враждебныя между собою программы

были поставлены на выборъ русской молодежи, она *въ громадномъ большинствѣ высказалось за анархію*. Можетъ быть, это произошло отъ того, что намъ, русскимъ, успѣло надоѣсть государственное вмѣшательство и въ государствѣ мы видѣли скорѣе врага прогресса, чѣмъ пособника; а можетъ быть, потому, что мы не имѣли рейхстага и некуда намъ было посылать своихъ депутатовъ. Какъ бы то ни было, но, повторяю, *почти весь* высказались за анархическія теоріи".

Цюрихская молодежь уже раздѣлилась на „бакунистовъ" и „лавристовъ", но въ чемъ состояло ихъ *принципіальное* между собою расхожденіе?

„Какъ одни, такъ и другіе конечной своей цѣлью ставили *разрушеніе государства;* какъ одни, такъ и другіе признавали только революціонный путь борьбы,—но на средства достиженія революціи смотрѣли различно, и въ *этомъ-то* и заключались главнымъ образомъ ихъ разногласія".

Другими словами, и тѣ и другіе были анархистами, но расходились между собою по *тактическимъ* вопросамъ.

„Лавристы на первомъ планѣ ставили пропаганду соціалистическихъ идей въ народѣ, которая должна была подготовить, какъ имъ казалось, народную массу къ соціальной революціи. Бакунисты признавали бунтовской путь, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, благодаря общему недовольству существующимъ строемъ бунтъ всегда имѣлъ шансы перейти во всенародное возстаніе или, другими словами, въ революцію. Но даже въ худшемъ случаѣ, будучи подавленнымъ, бунтъ все-таки являлся школою, которая воспитывала народъ въ желательномъ направленіи и революціонизировала его, то-есть дѣлала способнымъ къ сознанію революціи".

Итакъ, и члены кружковъ Ковалика, и чайковцы, и южане, и „заграничники"—всѣ были въ массѣ своей *анархистами*. Собираясь двинуться „въ народъ", всѣ они были проникнуты двумя основными идеями: то были „соціализмъ" и „анархія". Эти идеи и рѣшено было нести русской крестьянской массѣ.

Къ этому надо прибавить и всеобщее убѣжденіе народнической молодежи, что благодаря особенностямъ русскаго быта,—общинѣ, артели и проч.—Россія имѣетъ уже и теперь всѣ задатки для самыхъ великолѣпныхъ всходовъ отъ посѣва на ея нивѣ идей соціализма. Противъ этого возраженій не было ни откуда,—не только со стороны Бакунина и Лаврова, но и Ге-

неральнаго Совѣта Интернаціонала съ Марксомъ во главѣ: вспомнимъ отвѣтъ послѣдняго русской секціи Интернаціонала. Оставалось, значитъ, только стать лицомъ къ лицу съ этимъ народомъ, принести ему благую вѣсть о всемірной „соціальной революціи“ и онъ совершитъ ее даже раньше другихъ народовъ.

Но прежде чѣмъ осуществилось массовое движеніе революціонной молодежи „въ народъ“, члены различныхъ кружковъ и въ особенности „чайковцы“ начали заниматься съ городскими рабочими. Занятія эти были различнаго рода: начиная отъ обученія рабочихъ грамотѣ и сообщенія имъ начатковъ знаній по естественнымъ и общественнымъ наукамъ и до непосредственной революціонной пропаганды. Успѣхи такихъ занятій среди рабочихъ были, относительно говоря, значительны, но особенно серьезнаго значенія городскимъ рабочимъ, какъ таковымъ, сами пропагандисты не придавали. Ихъ помыслы были направлены въ деревню. Наконецъ „чайковцы“ стали составлять и издавать для народа нелегальныя брошюры. Въ выше цитированныхъ воспоминаніяхъ Шишко перечисляются слѣдующія брошюры, какъ изданныя „чайковцами“: 1) „Исторія одного французскаго крестьянина“ (передѣлка извѣстнаго историческаго романа Эркмана-Шатріана). 2) „Сказка о четырехъ братьяхъ“ (авторъ Л. А. Тихомировъ),—наиболѣе революціонная брошюра, оканчивающаяся прямымъ призывомъ къ возстанію. 3) „Исторія Пугачевскаго бунта“ (Тихомирова и Крапоткина). 4) „Чтой-то, братцы“,—скорѣе прокламація, чѣмъ брошюра. 5) „Сборникъ революціонныхъ пѣсенъ“. Позже были изданы „Сказка о копѣйкѣ“ и „Мудрица Наумовна“, Сергѣя Кравчинскаго, а также „Хитрая Механика“ и нѣкоторыя другія. Изъ легальныхъ произведеній распространялись разсказы Наумова, изданные подъ общимъ заглавіемъ „Сила солому ломитъ“, „Стенька Разинъ“, драматическая поэма Навроцкаго, напечатанная первоначально въ *Вѣстникѣ Европы*, и „Древняя Русь“, Худякова. Если прибавить сюда же изданныя бакунистами „Государственность и Анархія“ Бакунина, „Историческое развитіе Интернаціонала“ и прокламацію „Отъ революціонной общины русскихъ анархистовъ“ (З. К. Ралли, Эльсницъ, В. А. Гольштейнъ), то этимъ мы почти и исчерпаемъ тотъ литературный арсеналъ, который служилъ въ описываемое время цѣлямъ революціонной пропаганды и агитаціи. Съ такимъ незначительнымъ оружіемъ въ рукахъ молодежь, тѣмъ не менѣе, дѣятельно стала готовиться „къ походу“: изу-

чались ремесла, заготовлялись крестьянскіе костюмы, фабриковались паспорта, словомъ—работа кипѣла. Бакунинъ говорилъ, что „ничего не стоитъ поднять каждую деревню“, а такъ какъ въ походъ собрались сотни людей, то рѣяли мечты быстро поднять сотни и тысячи деревень, затѣмъ революціонный пожаръ разольется по всей Россіи, и въ нѣсколько лѣтъ „соціальная революція“ станетъ совершившимся фактомъ. Вѣдь народъ ждетъ только новаго Стеньку Разина, чтобы возстать. Стеньки Разина, какъ индивида, болѣе не рождается, за то родился, по выраженію Бакунина, „Стенька Разинъ коллективный“ — русская революціонная молодежь; она и явится той искрой, изъ которой быстро возгорится всесокрушающее пламя и пронесется оно изъ конца въ конецъ по всему лицу нашей необъятной родины. А потомъ? Потомъ... „взойдетъ за кровавой зарею солнце правды и братства людей“.... Полная самой восторженной вѣры въ народъ и пламенныхъ на него упованій и двинулась лѣтомъ 1874 года молодежь въ свой крестовый походъ.

Двинулась она... и велики были разочарованія, которыя ее ожидали...

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ „походѣ“, намъ надо сказать еще объ отдѣльныхъ попыткахъ приступить непосредственно къ революціонному дѣлу, изшедшихъ изъ такъ называемаго „кружка долгушинцевъ“ и нѣкоторыхъ другихъ. Они и пали первыми жертвами движенія семидесятыхъ годовъ.

А. В. Долгушинъ привлекался по нечаевскому дѣлу, но по суду былъ оправданъ. Поселившись въ Петербургѣ въ качествѣ управляющаго мастерской желѣзной посуды Верещагина, Долгушинъ сблизился съ рабочими, велъ среди нихъ пропаганду, но это его не удовлетворило. Около него образовался кружокъ интеллигентовъ, состоящій изъ Л. А. Дмоховскаго, Н. А. Плотникова, Н. И. Панина и другихъ піонеровъ движенія „въ народъ“, тѣхъ „долгушинцевъ“, о которыхъ, какъ о „многострадальныхъ“, часто вспоминала нелегальная литература семидесятыхъ годовъ. Съ весны 1873 года „долгушинцы“ переѣзжаютъ въ Москву, а самъ Долгушинъ пріобрѣтаетъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи пять десятинъ земли и выстраиваетъ тамъ дачу. Въ этой дачѣ „долгушинцы“ начали печатать для распространенія въ народѣ нелегальные листки. Такихъ листковъ они издали три, изъ которыхъ одинъ носилъ характерное для настроенія молодежи того времени заглавіе „Какъ

должно жить по закону природы и правды". Два другіе назывались „Къ интеллигентнымъ людямъ" и „Русскому народу". Чтобы дать читателю понятіе объ этихъ листкахъ, мы приведемъ здѣсь содержаніе листка „Къ интеллигентнымъ людямъ":

Къ вамъ, интеллигентные люди, которые вполнѣ поняли крайнюю ненормальность современнаго порядка,—гласитъ листокъ,—къ вамъ мы обращаемся и приглашаемъ васъ *идти въ народъ* (Здѣсь и далѣе курсивъ нашъ. *В. Б.*), чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства. Пусть, кто только можетъ, направляетъ всѣ свои силы на это дѣло народнаго освобожденія и не думаетъ, чтобы какая бы то ни было жертва была для него слишкомъ велика. И гдѣ можно болѣе принести пользы? Уже не въ земствѣ ли, куда рвутся наши молодыя силы, обманутыя внѣшностью? Но земство безправно, оно—лживая форма, постоянно исправляемая рукою... Или хотите вы заняться устройствомъ артели? Но, вѣдь, это значитъ вливать новое вино въ старые мѣхи, потому что артель предполагаетъ принципъ солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, гдѣ абсолютно господствуетъ грубый личный произволъ. Подготовьте сначала почву, если хотите, чтобы принялось новое растеніе. Вспомните Рочдельскую артель: вотъ хорошій примѣръ того, какъ вырождается новый принципъ, когда онъ окруженъ старыми несоотвѣтственными ему условіями. Благотворительность? Но она не выдерживаетъ никакой критики. Что же еще? Ужъ не хотите ли вы быть примѣрными отцами семейства и заняться воспитаніемъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ людей съ новыми воззрѣніями? Или будете вы добиваться такъ называемой личной независимости? Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вамъ придется цѣлую жизнь остаться эксплоататорами и паразитами. Неужели васъ не замучитъ эта гнетущая мысль?

Да, нигдѣ, нигдѣ, вы не будете такъ полезны, какъ въ роли народнаго пропагандиста новой лучшей жизни. Вспомните слова Прудона: „Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена величайшими силами природы и человѣчества"; въ насъ живетъ *вѣра* въ справедливость нашего дѣла, въ правду нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ,—намъ ли не достаетъ воли? Неужели мы не представимъ въ одинъ прекрасный день новое зрѣлище людей убѣжденныхъ и неопредолимыхъ въ своихъ вѣрованіяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ и постоянныхъ въ своемъ предпріятіи? Докажемъ, что мы искренни, *что наша вѣра горяча,—и нашъ примѣръ измѣнитъ лицо земли*. И не думайте, чтобы русскій народъ не могъ понять васъ и грубо оттолкнулъ бы васъ отъ себя; если это говорятъ иногда, то говорятъ на основаніи фактовъ, которые всегда доказываютъ только неумѣнье дѣйствовать, а чаще всего отсутствіе искренней преданности дѣлу. Кто не знаетъ, какъ русскій человѣкъ любитъ сочувствіе и какъ онъ умѣетъ

цѣнить того человѣка, который страдаетъ его страданіями, лишь только подмѣтитъ эту симпатію? Но если онъ видитъ, что съ нимъ только бобы разводятъ, онъ справедливо раздражается и даритъ презрѣніемъ. Такъ пусть люди, которымъ дорога правда, для которыхъ проводить истину въ жизнь стало органическою потребностью, пусть эти люди *идутъ въ народъ*, не страшась ни гоненій, ни смерти".

Листокъ оканчивается стихомъ—„нашъ лозунгъ—равенство, свобода" и т. д. [1]).

Относительно листка „Русскому Народу" обвинительный актъ по дѣлу Долгушина и другихъ гласитъ слѣдующее: „Эта прокламація, представляя настоящее положеніе крестьянъ въ самомъ безотрадномъ видѣ, направлена *преимущественно къ возбужденію въ народѣ враждебнаго настроенія противъ существующихъ законоположеній относительно поземельной собственности и порядка, принятаго при распредѣленіи между сословіями податей и повинностей*. Указывая на угнетеніе крестьянъ, допускаемое правительствомъ со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ и на намѣренное держаніе народа необразованнымъ, прокламація даже и освобожденію его изъ крѣпостной зависимости придаетъ значеніе лишь коммерческаго оборота правительства. При этомъ объясняется, что благодаря пропскамъ барства, крестьяне въ этомъ случаѣ кругомъ обижены и малыми плохими надѣлами и большими оброками. Чтобы выйти изъ такого положенія, прокламація приглашаетъ народъ къ дружному, согласному возстанію, внушая требовать всеобщаго передѣла земли, управленія, составленнаго изъ выборныхъ отъ народа, отмѣны помѣщичьихъ оброковъ и т. п. [2]).

Наконецъ прокламація „Какъ должно жить по закону природы и правды", согласно тому же обвинительному акту, „имѣя главною цѣлью указать на равенство людей между собою по рожденію и равноправность ихъ на землѣ", исключающую всякое понятіе о „собственности личной", содержитъ также *„явныя порицанія существующаго порядка вещей"*, говоритъ неуважительно о верховной власти и „все это въ прокламаціи какъ бы подкрѣпляется примѣрами изъ отечественной исторіи" [3]).

Вотъ за распространеніе этихъ-то листковъ и было предано

---

[1]) Не имѣя въ настоящее время этого листка въ подлинникѣ, цитируемъ его по книжкѣ В. Л. Бурцева „За сто лѣтъ", стр. 97—98.

[2]) *Правительственный Вѣстникъ*. 1874 г. № 162.

[3]) Ibid.

суду десять человѣкъ и въ числѣ ихъ женщина—А. Я. Ободовская, игравшая впослѣдствіи видную роль въ народническомъ движеніи.

По суду Долгушинъ и Дмоховскій были приговорены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на десять лѣтъ, Гамовъ—на восемь, Плотниковъ и Панинъ—на пять лѣтъ, Васпльевъ на 2 года и восемь мѣсяцевъ. Остальные обвиняемые были приговорены къ болѣе легкимъ наказаніямъ

Затѣмъ Долгушинъ, Дмоховскій, Гамовъ, Плотниковъ и Панинъ были заключены въ харьковскую „централку“, гдѣ Гамовъ и Плотниковъ впали въ психическое разстройство (Гамовъ тамъ и умеръ). Панинъ отбылъ весь срокъ своего заключенія въ „централкѣ“. Долгушинъ и Дмоховскій пробыли тамъ по семи лѣтъ и затѣмъ были отправлены на Кару: Дмоховскій по дорогѣ умеръ, а Долгушинъ былъ затѣмъ переведенъ съ Кары въ Шлиссельбургъ, гдѣ и окончилъ свои дни [1]). Въ харьковской „централкѣ“ Долгушинъ написалъ и передалъ на волю описаніе режима заключенныхъ. Это описаніе, выпущенное въ 1878 году землевольцами брошюрой подъ заглавіемъ „Заживо погребенные“ произвело на революціонную молодежь чрезвычайно сильное впечатлѣніе и послужило однимъ изъ главныхъ импульсовъ къ убійству въ 1879 году харьковскаго губернатора князя Кропоткина.

Кромѣ „долгушинцевъ“ тяжелыя кары понесъ тогда еще кружокъ студента Дьякова. Преданные суду за пропаганду среди рабочихъ и нижнихъ чиновъ Московскаго полка, Дьяковъ, Сиряковъ, Герасимовъ и Александровъ были приговорены въ каторжныя работы на разные сроки (Дьяковъ—на десять лѣтъ) [2]).

Но это были кружки отдѣльные, съ другими кружками не связанные, а потому аресты „долгушинцевъ“ и членовъ кружка Дьякова другихъ значительныхъ арестовъ тогда за собою еще не повлекли.

Между тѣмъ революціонно-народническое настроеніе наростало среди молодежи все болѣе и болѣе; это настроеніе и вылилось въ форму перваго массоваго движенія „въ народъ“ весною 1874 года.

[1]) Біографія Долгушина помѣщена въ сборникѣ „Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ“.

[2]) *Правительственный Вѣстникъ*. 1874 г. № 162.

VII.

Первое массовое движеніе русской молодежи „въ народъ“ и его послѣдствія.

Начнемъ съ большого извлеченія изъ касающагося той эпохи важнѣйшаго правительственнаго документа,—секретной записки министра юстиціи графа Палена („Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи“), напечатанной въ Женевѣ въ 1875 году. Документъ этотъ сразу введетъ насъ въ нѣкоторыя подробности внѣшней стороны картины.

Въ началѣ 1874 года въ нѣкоторыхъ изъ губерній средней и преимущественно восточной полосы Россіи стали обнаруживаться признаки противоправительственной пропаганды: сначала темные и неопредѣленные, потомъ все болѣе и болѣе ясные и несомнѣнные и, наконецъ, 31-го мая того же 1874 года, было возбуждено въ городѣ Саратовѣ дознаніе о распространеніи въ народѣ книгъ революціоннаго содержанія. Первыми же дѣйствіями этого дознанія было установлено, что многіе молодые люди, изъ которыхъ нѣкоторые бросили ученье, одѣлись въ крестьянскіе костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и въ качествѣ простыхъ чернорабочихъ двинулись, по ихъ выраженію „въ народъ“, имѣя задачею проводить въ немъ путемъ печатныхъ сочиненій и устной пропаганды революціонныя идеи. Развиваясь далѣе, саратовское дознаніе обнаружило: 1) что въ Москвѣ уже довольно продолжительное время существуетъ типографія, содержимая правительственнымъ стенографомъ Мышкинымъ, въ которой набирались и печатались книги и брошюры преступнаго содержанія, массою захваченныя въ Саратовѣ и долженствовавшія служить дѣлу распространенія въ народѣ вышеозначенной пропаганды: 2) что пропаганда эта не ограничивалась какою-либо отдѣльною мѣстностью, а развивалась въ большинствѣ Великорусскихъ и Малорусскихъ губерній; 3) что дѣятели ея вполнѣ между собою солидарны, какъ по направленію конечной цѣли, такъ и по самымъ пріемамъ, средствамъ

и способамъ своихъ дѣйствій. Произведенными дознаніями настолько уже выяснились въ настоящее время всѣ фазисы развитія въ Россіи преступной революціонной пропаганды, что представляется полная возможность съ вѣроятностью опредѣлить, какъ ея общій характеръ, такъ и тѣ основныя условія, въ силу существованія которыхъ въ самомъ обществѣ она могла принять столь обширные размѣры и выразиться въ столь прискорбныхъ проявленіяхъ.

...Въ началѣ 1872 г. стали появляться въ средѣ учащейся молодежи и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ книги и изданія заграничной прессы прямо революціоннаго характера и направленныя къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго строя. Изданія эти, будучи произведеніями преимущественно русской эмиграціи, имѣющей въ свою очередь близкія сношенія съ Интернаціональнымъ обществомъ, провозились въ Россію или путемъ контрабанды, или лично возвращающимися изъ-за границы русскими путешественниками, которые, пропитавшись тамъ теоріями Бакунина и другихъ ультра-демократовъ и соціалистовъ, разносили по всѣмъ концамъ и классамъ Россіи ядъ преступныхъ ученій и демагогическихъ стремленій.

...Въ началѣ 1874 г. дѣятели революціонной пропаганды начинаютъ одновременно свою преступную дѣятельность въ разныхъ пунктахъ и сферахъ нашего общества. Обладая достаточною энергіею и кое-какими матеріальными средствами, они не останавливаются ни передъ чѣмъ, не стѣсняются никакими условіями и препятствіями, организуютъ постоянныя между собою сношенія, при чемъ весьма искусно затемняютъ ихъ различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами; весьма быстро проникаютъ въ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, семинаріи, гимназіи и сельскія народныя школы; къ концу 1874 года они успѣваютъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ *большую половину Россіи* (!!!). Дознаніемъ раскрыта пропаганда въ 37 губерніяхъ.

...Всѣхъ привлеченныхъ нынѣ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознанію, произведенному въ этихъ губерніяхъ—770; изъ нихъ мужчинъ—612, женщинъ—158; подъ стражею—265; на свободѣ съ принятіемъ противъ нихъ другихъ мѣръ—452; не разысканныхъ—53. Дознанія показали, что многія лица не молодыя—отцы и матери семействъ, обезпеченныя матеріальными средствами и болѣе или менѣе почетнымъ положеніемъ въ обществѣ, не только не противодѣйствовали, а, напротивъ, нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе, помощь и поддержку, какъ бы не сознавая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ, что конечнымъ послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій должна быть гибель всякаго общества и ихъ самихъ. Такъ, довольно богатый землевладѣлецъ и мировой судья Пензенской губерніи Эндауровъ способствовалъ укрывательству одного изъ главныхъ и опасныхъ дѣятелей—Войнараль-

скаго, бывшаго прежде того мировымъ судьей въ Городищенскомъ уѣздѣ. Такъ, жена оренбургскаго губ. жандармскаго управленія полковника Голоушева не только не отклоняла своего сына отъ участія въ дѣлѣ преступной пропаганды, а напротивъ помогала ему совѣтами и свѣдѣніями. Такъ, профессоръ Ярославскаго лицея Духовской не только принималъ къ себѣ агитатора Ковалика, но познакомилъ его и, такъ сказать, ввелъ во внутреннюю жизнь студентовъ лицея. Такъ, весьма многіе изъ уроженцевъ Вятской губерніи, привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, оказались стипендіантами Вятскаго земства, а предсѣдатель Вятской губ. управы Колотовъ въ выборѣ лицъ на земскія должности совѣтовался со студентомъ Казанскаго университета Овчинниковымъ, весьма сильно скомпрометированнымъ по дознанію, и безъ его рекомендаціи не давалъ мѣста. Такъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій земскій врачъ Португаловъ принималъ къ себѣ лицъ, завѣдомо скрывающихся отъ розысковъ и помогалъ имъ продолжать свою преступную дѣятельность. Такъ, весьма богатая и уже пожилая женщина Софья Субботина не только лично и открыто вела революціонную пропаганду среди ближайшаго крестьянства, но склоняла къ тому же свою воспитанницу Шатилову и дочерей, даже несовершеннолѣтнихъ, посылала доканчивать образованіе въ Цюрихъ. Такъ, бывшій чембарскій казначей Плетневъ, прочитавъ найденную имъ у сына, гимназиста, книгу революціоннаго содержанія, прямо заявилъ, что готовитъ сына „для народа“, но къ его несчастію, правительство это преждевременно обнаружило. Такъ, дочери дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Наталья Армфельдъ, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генералъ-маіора Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и многія другія, шли въ народъ, занимались полевыми поденными работами, спали вмѣстѣ съ мужчинами-товарищами по работѣ, и за всѣ эти поступки не только не встрѣчали порицанія со стороны нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а напротивъ сочувствіе и одобреніе. И такихъ примѣровъ много. Примѣры эти, безъ сомнѣнія, должны служить подтвержденіемъ того убѣжденія, что успѣхи пропагандистовъ зависятъ не столько отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, сколько отъ той легкости, съ какой ученія ихъ проникаютъ въ разные слои общества и отъ того сочувствія, которое они встрѣчаютъ. Такъ, напр., трое изъ самыхъ ярыхъ вожаковъ крайней революціонной партіи—отставные артиллерійскіе поручики Рогачевъ и Кравчинскій и студентъ Клеменцъ проживали нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ семейныхъ домахъ г. Москвы, отнюдь не скрывая, а напротивъ пропагандируя свои ученія и направленія. Тотъ же Рогачевъ въ Пензенской губ. познакомился съ бывшимъ мировымъ судьею Войнаральскимъ, который затѣмъ и обратился въ одного изъ самыхъ ревностныхъ его послѣдователей, пожертвовалъ почти всѣмъ состояніемъ, до 40.000 рублей, на дѣло революціонной пропаганды. Въ виду

возможно большого и быстраго ея распространенія въ городахъ и сёлахъ устраивались школы, мастерскія, рабочія артели и т. д.

...Подготовляя себѣ среди рабочаго класса адептовъ и помощниковъ, и въ свою очередь пропагандистовъ, вожаки этого дѣла распространяли свои мысли и взгляды путемъ устной пропаганды, а также посредствомъ огромнаго (?!!) количества книгъ и брошюръ, написанныхъ въ формѣ общедоступныхъ народныхъ разсказовъ. Таковы „Дѣдушка Егоръ“, „Митюха“, „Степные очерки“ Левитова, „Очерки фабричной жизни“ Голицынскаго, „Сила солому ломитъ“ и т. д.

...Дѣйствуя такимъ образомъ, агитаторы все менѣе и менѣе стѣсняются въ выборѣ средствъ для своей преступной дѣятельности. Такъ, князь Кропоткинъ еще въ 1873 г. объяснялъ на лекціи, въ устроенной въ Петербургѣ школѣ, о значеніи Интернаціональнаго Общества на западѣ и проповѣдывалъ революцію; устраивались сходки, библіотеки, кассы; достаточно подготовленные фабричные мастеровые снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, гдѣ должны были подготовлять народъ къ возстанію... Пѣсня играла всюду немаловажную роль; многія пѣсни крайне возмутительнаго содержанія выучивались наизусть и даже, случалось, распѣвались на улицахъ...

...Заканчивая краткій обзоръ добытыхъ дознаніемъ данныхъ, нельзя не вывести изъ нихъ слѣдующихъ главныхъ положеній: а) въ Россіи существуютъ тайныя и противозаконныя сообщества, съ цѣлью ниспроверженія государственнаго устройства, всего существующаго порядка и водворенія полнѣйшей анархіи; б) сообщества эти состоятъ изъ множества мелкихъ, самостоятельно дѣйствующихъ отдѣльныхъ кружковъ и даже личностей, но связанныхъ между собою, какъ совершенною солидарностью цѣлей и способовъ дѣйствій, такъ и постоянными сношеніями; в) сношенія между кружками, а равно организація новыхъ производится уполномоченными на то агентами; г) пропаганда производится, какъ устно, такъ и прямымъ распространеніемъ книгъ, брошюръ и, вообще, разнаго рода печатныхъ и рукописныхъ сочиненій; д) стремясь къ извѣстной точно опредѣленной цѣли, къ ниспроверженію существующаго порядка, дѣятели революціи идутъ по строго послѣдовательно выполняемому плану; е) планъ этотъ, въ главныхъ чертахъ изложенный программой князя Кропоткина, представляетъ между прочимъ ту опасность, что, какъ бы ни были энергичны разслѣдованія и преслѣдованія виновныхъ, все-же несомнѣнно останутся нераскрытыми нѣсколько кружковъ и личностей, которые и будутъ неутомимо продолжать свою преступную дѣятельность; ж) быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала довольно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже

съ сочувствіемъ, такъ, въ особенности, и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандой, не находитъ отпора въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается, ибо тѣ нравственныя основы воспитанія, которыя можетъ дать только семья, повидимому, вовсе не развиты у многихъ изъ этихъ молодыхъ людей, не обладающихъ при поступленіи въ школы никакими твердыми началами уваженія религіи, семейства, чужихъ правъ, личности и собственности [1]).

Уже по этимъ выдержкамъ изъ „Записки графа Палена“ читатель составитъ себѣ достаточно ясное представленіе о всей мудрости ея составителя. Эмигранты,—изволите ли видѣть,—брошюрокъ понаиздавали, да „путешественники пропитались теоріями Бакунина и разнесли по всѣмъ концамъ и классамъ Россіи ядъ преступныхъ ученій и демагогическихъ стремленій“... Отсюда и возникло сообщество, „покрывшее, словно сѣтью, большую половину Россіи“... И „ядъ“ этотъ не только не встрѣчаетъ „отпора“ въ обществѣ, но находитъ себѣ нерѣдко въ немъ прямое „сочувствіе“...

И не приходитъ даже въ голову автору „Записки“ поставить себѣ вопросъ: да въ чемъ же причина того, что даже „серьезные люди“ такъ быстро поддаются дѣйствію „яда“? И не отъ того ли зависитъ это явленіе, что, не борясь по малодушію своему само съ невыносимыми условіями жизни, „общество“, тѣмъ не менѣе, глубоко недовольно существующимъ строемъ и своимъ сочувствіемъ къ революціонерамъ свидѣтельствуетъ тѣмъ о своемъ къ нему отношеніи?

Но критика паленской „Записки“ дѣло слишкомъ легкое, чтобы на немъ стоило долго останавливаться. Мы привели большія изъ нея цитаты лишь для того, чтобы *документально*, подлинными словами вершителей судебъ Россіи того времени, показать читателю, что̀ представляла собою тогдашняя власть и какія изъ такихъ ея свойствъ должны были, поэтому, рано или поздно, произойти послѣдствія...

Обращаясь къ „пропагандистамъ“, мы видимъ, что ихъ дѣятельность имѣла несомнѣнный успѣхъ среди молодежи, пользовалась даже въ извѣстной мѣрѣ сочувствіемъ,—конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь пассивнымъ и обусловленнымъ лишь непріязненнымъ чувствомъ къ властямъ,—среди

[1]) Записка министра юстиціи графа Палена. Изданіе газеты *Работникъ*. Женева. 1875 г. стр. 5, 7, 10 и др.

образованныхъ слоевъ общества и затѣмъ имѣла также, относительно говоря, значительный откликъ среди *городскихъ рабочихъ*.

Но вѣдь съ точки зрѣнія народническихъ *теорій* того времени все это были элементы, для „соціальной революціи“ очень мало подходящіе. „Молодежь“, да, конечно, но вѣдь это только такъ, временно, пока изъ самого „народа“ не образуются свои собственные агитаторы... Сама же по себѣ, какъ принадлежащая къ „буржуазіи“, она, разумѣется, не можетъ имѣть большого значенія...

„Общество“,—тѣмъ паче! Да противъ кого же и будетъ направлена „соціальная революція“, какъ не противъ него?.. На немъ долженъ быть прямо поставленъ крестъ... Это еще со временъ Добролюбова и Чернышевскаго извѣстно...

„Городскіе рабочіе“—это и „народъ“ и „не-народъ“, такъ, что-то среднее... Они, конечно, ближе къ „настоящему народу“, чѣмъ „интеллигенція“ и изъ нихъ можно вырабатывать хорошихъ дѣятелей *для деревни*. Но все это не то. Они уже „испорчены“ городомъ, въ извѣстной мѣрѣ „обуржуазились“, смотрятъ часто на мужицкую массу какъ-то сверху внизъ и, что всего хуже, готовы подчасъ даже увлечься политическими бреднями, а это, какъ всѣмъ извѣстно, равносильно полной измѣнѣ „соціальной революціи“...

Деревня—вотъ обѣтованная земля; мужикъ—вотъ кто носитель идей „соціализма“ и „революціи“ въ ихъ чистомъ, безпримѣсномъ, неповрежденномъ городскою „культурою“ видѣ...

Но тутъ-то и начался трагизмъ.

Вспоминая эту эпоху, С. А. Венгеровъ писалъ еще въ 1881 г. такія строки:

„Самые отдаленные идеалы казались близко осуществимыми, для самыхъ отдаленныхъ мечтаній приносились самыя реальныя жертвы, и твердая рѣшимость, дѣйствительно, положить душу свою за благо ближняго становится почти массовымъ свойствомъ. Ни съ чѣмъ инымъ мы не можемъ сравнить эту знаменательную эпоху русской жизни, какъ съ эпохой таборитства, т.-е. съ Чехіей начала XV вѣка, когда, по словамъ хроникеровъ, по всей странѣ широкою волною разлилось совершенно лихорадочное желаніе заботиться о благѣ ближняго, когда злобная формула „homo homini lupus“, какъ бы потеряла свое вѣчное примѣненіе... Ни мѣсто, ни „независящія обстоятельства“ не позволяютъ намъ иллюстрировать свои мысли фак-

тами, почерпнутыми изъ всѣхъ слоевъ русскаго общества. Намъ остается только надежда, что со временемъ отчетливое представленіе объ идеализмѣ тѣхъ лѣтъ, подкрѣпленное длиннымъ списокомъ почти фантастическихъ фактовъ, длинною вереницею именъ людей, мало чѣмъ уступающихъ нравственною силою первымъ христіанамъ, что такое представленіе вырисуется подъ перомъ добросовѣстнаго изслѣдователя во всемъ своемъ строгомъ величіи, во всей своей нравственной чистотѣ“ [1]).

Разсказывая о движеніи той же эпохи, П. А. Кропоткинъ говоритъ:

„Это не было организованное движеніе, а стихійное, — одно изъ тѣхъ массовыхъ движеній, которыя наблюдаются въ моменты *пробужденія человѣческой совѣсти*“ [2]).

„Движеніе это,—писалъ С. М. Кравчинскій,— едва ли можно назвать политическимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполнѣ заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ *религіозныхъ движеній*. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности *личнаго нравственнаго очищенія*. Но это движеніе не выдержало и не могло выдержать столкновенія съ грубой и суровой дѣйствительностью... Пропагандисты ничего не хотѣли для себя. Они были чистѣйшимъ олицетвореніемъ самоотверженности. Но это были люди слишкомъ неподходящіе для предстоявшей страшной борьбы. Типъ пропагандиста семидесятыхъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются *скорѣе религіозными, чѣмъ революціонными движеніями*. Соціализмъ былъ *его вѣрой*, народъ—*его божествомъ*. Не взирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня—завтра произойдетъ революція, *подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе страшнаго суда*“ [3]).

Это точная характеристика русскаго пропагандиста 1874 г. Его самой отличительной чертой была *вѣра*. То былъ, при всей его безрелигіозности въ обычномъ смыслѣ слова, типъ глубочайшимъ образомъ религіозный, только перенесшій всѣ свои

[1]) *С. Венгеровъ*. „Достоевскій и его популярность“. Литературный сборникъ „Откликъ“, 1881 г., стр. 289.

[2]) *Кропоткинъ*, стр. 291.

[3]) Подпольная Россія, стр. 15 и 17.

чувства съ небесъ на землю, сдѣлавшій себѣ изъ „народа“, по вѣрному выраженію Кравчинскаго, „божество“, и онъ ждалъ отъ своего божества чуда, называвшагося „соціальной революціей“. Онъ *вѣрилъ* глубочайшимъ образомъ въ это чудо „подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе страшнаго суда“.

Откуда произошло это явленіе? П. А. Кропоткинъ говоритъ, что такія явленія, вообще, „наблюдаются въ моменты пробужденія человѣческой совѣсти“. Это такъ, но отъ чего зависятъ сами такіе „моменты“,—этого П. А. Кропоткинъ не объясняетъ. С. А. Венгеровъ, уподобляя очень вѣрно народническое движеніе молодежи въ Россіи чешскому таборитству, объясняетъ его тѣмъ, что „народная сущность славянскаго племени кроется въ страстномъ стремленіи устроить общественный строй на началахъ любви и братства“ [1]). Согласиться съ такимъ объясненіемъ нельзя, но оно весьма замѣчательно въ томъ отношеніи, что само является лишь литературнымъ выраженіемъ тѣхъ самыхъ вѣрованій почтеннаго писателя, которыми были полны и активные народники семидесятыхъ годовъ [2]). Съ своей стороны, цѣня глубочайшимъ образомъ *этическое* содержаніе активнаго народничества, мы видимъ и въ самомъ,—вѣрно отмѣченномъ и С. М. Кравчинскимъ, и С. А. Венгеровымъ, и другими,—*религіозномъ* характерѣ его яркое свидѣтельство тѣснаго духовнаго родства народничества съ славянофильствомъ. Послѣдніе *выводили* прямо изъ своихъ религіозныхъ воззрѣній и *вѣру* въ русскій народъ, народники, оборвавши нити, которыми была прикрѣплена у славянофиловъ вѣра въ народъ къ ихъ болѣе глубокимъ религіозно-философскимъ корнямъ, сохранили, тѣмъ не менѣе, *ихъ вѣру въ самый народъ*. Если бы выразить эту мысль въ бывшихъ въ употребленіи у славянофиловъ терминахъ (не ими, конечно, изобрѣтенныхъ, а весьма древнихъ), то пришлось бы формулировать ее такъ: народники были людьми великой *душевности*, но ихъ душевность не питалась отъ болѣе глубокихъ корней *духовности*. Съ этой точки зрѣнія типъ славянофила можетъ показаться типомъ болѣе высокимъ, чѣмъ

---

[1]) Откликъ, стр. 287.

[2]) Повторяемъ, что цитируемыя строки были написаны С. А. Венгеровымъ въ 1881 году, т.-е. еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ движенія молодежи „въ народъ“.

типъ народника,—въ дѣйствительности же это вовсе не такъ. Славянофилы твердо стояли на извѣстномъ положеніи, что „безъ вѣры невозможно угодить Богу“, но далеко не съ такою же твердостью слѣдовали положенію другому, гласящему, что „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“. Это значитъ, что свою вѣру человѣкъ долженъ воплощать въ жизнь, не взирая ни на какія за нее гоненія, а отличались ли такими свойствами наши славянофилы? Правда, самый цѣльный представитель этого ученія Константинъ Аксаковъ носилъ въ себѣ уже огромную, хотя ей и не пришлось развернуться, *дѣйственную* силу своихъ убѣжденій (Герценъ характеризуетъ его какъ человѣка, который за свои убѣжденія всегда готовъ былъ „пойти на плаху“),—но большинство славянофиловъ были не таковы. Они, какъ и западники того времени, по образному выраженію Герцена, были лишь „тайнобрачными супругами своихъ идей“, т.-е. были менѣе всего борцами и бойцами. То была отличительная черта „отцовъ“ въ противоположность дѣйственности „дѣтей“. Обстоятельства закалили характеръ „дѣтей“, и они, пламенѣя той же вѣрой въ народъ, которой отличались и славянофилы, поставили, какъ бы во главу своихъ убѣжденій, положеніе, что „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“, а поставивши, бросились воплощать въ жизнь свои славянофильскія же вѣрованія въ общину, артель и другія „особенности“ быта русскаго народа съ необыкновенно высокимъ подъемомъ духа. Если здѣсь не было того религіозно-философскаго углубленія въ предметъ, которое отличало славянофильство, то здѣсь было другое,—*дѣйствованіе* во имя той же славянофильской вѣры въ народъ. А такъ какъ „дѣйствованіе“ составляетъ необходимый атрибутъ „истинной вѣры“ („вѣра безъ дѣлъ мертва есть“), то, уступая славянофиламъ одной стороной, народники превосходили ихъ другой, а потому и были людьми во всякомъ случаѣ не менѣе ихъ религіозными. Именно здѣсь и лежитъ корень, изъ котораго выросли тѣ возвышенныя свойства движенія семидесятыхъ годовъ, которыя многіе писатели справедливо квалифицируютъ, какъ „религіозныя“ [1]).

[1]) Глава народовольцевъ, А. И. Желябовъ, былъ въ описываемое время самымъ горячимъ народникомъ. Человѣкъ выдающагося ума, отрекшійся однимъ изъ первыхъ отъ политическихъ предразсудковъ народничества, Желябовъ сохранилъ въ душѣ своей до конца характерную особенность народничества,—ея высоко-моральную основу. На предложенный ему предсѣдателемъ

Такова огромная этическая цѣнность движенія. Она-то безслѣдно во всякомъ случаѣ не прошла, ибо именно она и возбудила тѣ глубокія симпатіи къ движенію, на которыя горько жалуется въ своей „Запискѣ“ графъ Паленъ. Этимъ же движеніемъ, каковы бы ни были его заблужденія въ чисто идейной области, былъ нарушенъ мѣщанскій „покой“ начинавшаго уже застаиваться и покрываться плѣсенью болота русской жизни; имъ, этимъ движеніемъ, передъ всѣмъ міромъ была доказана наличность въ Россіи великихъ и кипучихъ силъ; имъ же не только сохраненъ всегдашній *демократическій* характеръ русскаго освободительнаго движенія, но и съ особенною силою подчеркнутъ. „Молодежь,—говоритъ г. Старикъ,—сдѣлала отчаянное усиліе, переряднвшись въ народные костюмы, сблизиться, чего бы это ей ни стоило, съ народомъ. Въ результатѣ ничего эффектнаго не произошло, но первая тропинка была проложена, по временамъ она могла болѣе или менѣе заростать, но не окончательно заглохнуть“. Онъ же продолжаетъ такъ: „Первымъ во всеуслышаніе произнесъ слово *„партія“* Мышкинъ въ знаметой своей рѣчи, произнесенной на судѣ. Онъ доказалъ, что „кучка“ людей, стремившихся разрушить существующій строй, составляетъ соціально-революціонную партію. Движеніе именно

суда въ 1881 г. вопросъ о вѣроисповѣданіи, Желябовъ отвѣчалъ: „крещенъ въ православіи, но православіе отрицаю, хотя сущность ученія Іисуса Христа признаю. Эта сущность ученія среди моихъ нравственныхъ побужденій занимаетъ почетное мѣсто. Я вѣрю въ истинность и справедливость этого вѣроученія и торжественно признаю, что вѣра безъ дѣла мертва есть, и что всякій истинный христіанинъ долженъ бороться за правду, за права угнетенныхъ и слабыхъ и, если нужно, то за нихъ и пострадать. Такова моя вѣра“. (Дѣло 1 марта 1881 г. Стенографическій отчетъ, стр. 6 — 7.) Въ этомъ же отношеніи чрезвычайно интересны взгляды и настроенія, также прошедшаго черезъ народничество, другого главы народовольчества А. Д. Михайлова. Авторъ примѣчаній къ его автобіографіи, лицо, Михайлова близко знавшее, пишетъ о немъ слѣдующія строки: „Религіознымъ въ формальномъ смыслѣ слова онъ не былъ и тогда (въ 1877 — 78 гг.), но однако имѣлъ какую-то особую подкладку въ міросозерцаніи, *которая очень приближалась къ религіи*. „Богъ—это правда, любовь, справедливость, и я въ этомъ смыслѣ съ чистой совѣстью говорю о Богѣ, въ котораго вѣрю“. Онъ увѣрялъ, что всѣ основатели великихъ религій, Христосъ даже, именно въ такомъ смыслѣ понимали Бога. „Но все-таки, — спрашивали его, — что такое Справедливость, Любовь и т. д.? Есть ли это нѣчто личное, нѣкоторое существо или отвлеченный принципъ? Не помню, чтобы Александръ Дмитріевичъ давалъ на это вполнѣ рѣшительный отвѣтъ. У него была какая-то идея,— смутная для постороннихъ, потому что онъ мало говорилъ

и создало эту партію, хотя еще и не организованную, но имѣющую всѣ признаки таковой“ [1]). Все это элементы огромной моральной и политической цѣнности. Они-то и привлекли симпатіи къ движенію всего, что только было лучшаго въ Россіи, но въ крестьянствѣ, составлявшемъ „божество“ активныхъ народниковъ, послѣдніе не имѣли никакого успѣха... „Открытый призывъ къ бунту, скажемъ Войнаральскаго, разъѣзжавшаго по деревнямъ,—говоритъ В. К. Дебогорій-Мокріевичъ,—конечно, не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Крестьяне нигдѣ не возстали, а какъ жили раньше, такъ и продолжали жить, мирно заботясь лишь о насущномъ хлѣбѣ. Сомнительно даже, вспомнилъ ли потомъ кто-нибудь изъ нихъ о Войнаральскомъ. Но вся мыслящая Россія, читая обвинительный актъ (по процессу 193-хъ), съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ нему за то, что онъ, не задумываясь, пожертвовалъ своимъ имуществомъ, а въ концѣ-концовъ и своею жизнью, ради дѣла, которому вѣрилъ. Правительственныя преслѣдованія еще болѣе подняли соціалистовъ въ глазахъ лучшей части нашего общества“ [2]).

Тутъ положительные и отрицательные результаты движенія от-

объ этомъ, а можетъ быть смутная и для него самого,—что идеалы соціальной революціи должны создать людямъ нѣкоторую новую религію, которая бы такъ же поглощала все существо человѣка, какъ это дѣлали старыя“. (На родинѣ, № 3. Женева, 1883 г., стр. 23.) Съ этими настроеніями несомнѣнно находились въ связи и этическія чувства Михайлова. Разсказывая въ составленной имъ для близкихъ товарищей дышащей правдивостью своей автобіографіи о впечатлѣніяхъ юности, Михайловъ писалъ: „Я и товарищи мои по гимназіи въ Новгородѣ-Сѣверскѣ имѣли обыкновеніе собираться для чтенія и бесѣдъ на живописномъ берегу Десны. Любовь къ природѣ какъ-то незамѣтно переходила въ любовь къ людямъ; являлось страстное желаніе видѣть человѣчество столь же гармоничнымъ и прекраснымъ, какъ сама природа; являлось желаніе для этого счастья жертвовать всѣми силами и своей жизнью. Здѣсь, въ виду синяго неба, ясныхъ водъ рѣки и лѣса, тянувшагося по берегу, я далъ себѣ тайную клятву жить и умереть для народа“ (Ibid., стр. 8). Клятву свою А. Д. Михайловъ свято выполнилъ... Въ связи именно съ подобными чертами въ характерахъ многихъ народниковъ становится особо интереснымъ и вышеупомянутый нами фактъ о „сектѣ богочеловѣковъ“, во главѣ которой стоялъ А. К. Маликовъ, такъ легко обратившій въ свою „вѣру“ и самого главу „чайковцевъ“ Н. В. Чайковскаго.

[1]) *Старикъ*. „Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу“. *Былое*. Декабрь, 1906 г., стр. 64 и 75. („Старикъ“—литературный псевдонимъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ дѣятелей активнаго народничества 70-хъ годовъ.)

[2]) *Мокріевичъ*, стр. 224.

мѣчены очень точно. Общественное сочувствіе оно пріобрѣло, но полный неуспѣхъ пропаганды въ народѣ въ формѣ непосредственныхъ ея результатовъ фактъ тоже неоспоримый. Вѣдь въ деревнѣ, за исключеніемъ „Чигиринскаго дѣла“,—о немъ у насъ еще будетъ рѣчь ниже, — „дѣла“ для психологіи активныхъ народниковъ не только не характернаго, но такого, о которомъ можно сказать, что было бы много лучше, если бы его и совсѣмъ не существовало, — за исключеніемъ этого дѣла, вся колоссальная энергія активныхъ народниковъ не дала „въ народѣ“ рѣшительно ни одного факта „бунтовского“ характера. Полную неудачу похода „въ народъ“ констатировали тогда же и революціонные органы печати: „движеніе 1870 — 75 годовъ не вызвало ни въ одномъ городѣ, ни въ одной деревнѣ, не только бунта, но даже простого *пассивнаго сопротивленія* (курсивъ подлинника) властямъ“. [1]) Старикъ пишетъ по этому поводу такія строки: „безслѣдно пропаганда, конечно, не могла пройти, а между тѣмъ, не существуетъ никакихъ видимыхъ или матеріальныхъ слѣдовъ воздѣйствія ея на народъ“ [2]). Лишь единицами считались и пріобрѣтенные въ крестьянствѣ адепты. Къ результатамъ похода „въ народъ“ 1874 года мы еще возвратимся, а теперь обратимся къ разсказамъ объ этомъ походѣ самихъ его участниковъ и непосредственныхъ его свидѣтелей.

Къ концу 1873 года настроеніе революціонной молодежи было очень приподнятое. „Ничего не стоитъ поднять любую деревню“ [3]) вслѣдъ за Бакунинымъ думали активные народники и, полные вѣры въ близкую „соціальную революцію“, назначили они лѣто 1874 года временемъ общаго движенія „въ народъ“.

„Весною 1874 года, — пишетъ въ своихъ мемуарахъ О. В. Аптекманъ, — волна революціонно-пропагандистскаго движенія достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Они теперь уже не нужны. Всѣ вопросы рѣшены. Время ужъ идти въ народъ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего нужно научиться физическому труду. И работа закипѣла. Одни направляются на заводы, фабрики,

---

[1]) Жертвы дезорганизаціи революціонныхъ силъ. *Набатъ*. 1878 года, стр. XXXV.

[2]) *Старикъ*, стр. 69—70.

[3]) „Государственность и анархія“, стр. 260.

гдѣ, съ помощью спропагандированныхъ рабочихъ, устраиваются и приступаютъ къ работѣ. Поступокъ этихъ студентовъ импонируетъ товарищамъ, примѣръ ихъ заразителенъ. Тѣ, которые почему-либо не могутъ ему послѣдовать, страдаютъ отъ огорченія. Другіе, — такихъ было, если не ошибаюсь, большинство, — бросаются на изученіе ремеслъ, — сапожнаго, столярнаго, слесарнаго и пр., этому можно скорѣе научиться, да и ремесло пригодится въ ссылкѣ. Надо быть готовымъ. Во многихъ частяхъ Петербурга,— на Выборгской, Петербургской сторонахъ, въ Измайловскомъ полку, на Васильевскомъ островѣ и проч., — открываются такія мастерскія, въ которыхъ выучка, подъ руководствомъ опять-таки рабочаго-революціонера, идетъ довольно успѣшно. Мастерскія, устраивавшіяся молодежью, были всѣ почти на одинъ манеръ. Мастерскія были одновременно и „коммунами“. Зайдемъ въ такую мастерскую-коммуну. Небольшой деревянный флигель изъ трехъ комнатъ съ кухней, на Выборгской сторонѣ. Скудная мебель. Спартанскія постели. Запахъ кожи, вара бьетъ въ носъ. Это — сапожная мастерская. Трое молодыхъ студентовъ сосредоточенно работаютъ. Одинъ особенно занятъ прилаживаніемъ двойной толстой подметки къ ботфортамъ. Подъ подошву надо спрятать паспортъ и деньги — на всякій случай. У окна, согнувшись, вся ушла въ работу молодая дѣвушка. Она шьетъ сорочки, шаровары, кисеты для своихъ товарищей, собирающихся на дняхъ идти въ народъ. Надо торопиться — и иголка такъ и мелькаетъ въ воздухѣ. Лица—молодыя, серьезныя, добрыя и ясныя. Говорятъ мало, потому что некогда. Да и о чемъ разговаривать? Все уже рѣшено, все ясно, какъ день. То же самое и при встрѣчахъ на улицахъ. Лаконическіе вопросы: „Куда направляетесь? Куда ѣдете?“ И т. д. въ томъ же родѣ. Крѣпкія рукопожатія и всякія благія пожеланія. Въ путь дорогу!“ [1]).

Другой непосредственный участникъ движенія того времени, г. Старикъ, пишетъ по этому поводу такія строки:

„Изъ Петербурга революціонеры двинулись на родину или мѣста, гдѣ у нихъ имѣлись какія-нибудь случайныя связи, другіе, — большинство, — на Волгу, гдѣ они ожидали найти наиболѣе благопріятную почву для революціонной дѣятельности, третьи, — меньшая часть, — направилась на югъ, — пре-

[1]) *О. В. Аптекманъ.* Изъ исторіи революціоннаго народничества, стр. 53.

имущественно въ Кіевъ, — четвертые, наконецъ, считали нужнымъ предварительно заѣхать въ разные губернскіе города, гдѣ имѣлись революціонные кружки, съ которыми предполагалось установить связи или представлялся какой-нибудь случай для пропаганды. Чайковцы въ большинствѣ избрали первый путь, кружки Ковалика и частью Лермонтова отправились въ Поволжье, при чемъ часть членовъ заѣзжали въ Пензу; кружокъ Каблица [1]) направился въ Кіевъ и т. д. Нѣсколько пропагандистовъ поѣхали въ отдѣльный Оренбургскій край (голоушевцы), на мѣсто своей родины. Изъ Кіева и Одессы пропагандисты разбрелись по югу Россіи, преимущественно, по губерніямъ: Кіевской, Подольской и Екатеринославской и доходили даже до Крыма. Нѣкоторые направились въ Полтавскую и Черниговскую губерніи, гдѣ въ Конотопскомъ уѣздѣ основались братья Жебуневы. Муравскій [2]) звалъ голоушевцевъ даже въ Сибирь, предвѣщая имъ тамъ полный успѣхъ, но они не рѣшились забираться такъ далеко. На этотъ разъ, т.-е. въ 1874 году, Сибирь осталась внѣ вліянія пропагандистовъ. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ уже тогда, когда она была наполнена ссыльными. Не даромъ Веревочкина, отказавшись наотрѣзъ отъ предложенія Муравскаго, писала: „здѣсь мы нужнѣе, а тамъ мы еще будемъ“... Точно также никто, кромѣ Данилова [3]), дѣйствовавшаго особнякомъ, не отправился къ сектантамъ... Такимъ образомъ, лѣтомъ 1874 года революціонеры разсыпались по всему обширному пространству европейской Россіи, за исключеніемъ Кавказа и самыхъ сѣверныхъ губерній. Работа въ народѣ, какъ и самое начало движенія, оставалась неизвѣстной обществу до времени крупныхъ арестовъ. Посторонній глазъ не замѣчалъ революціонеровъ въ селахъ такъ же, какъ мы не замѣчаемъ отдѣльныхъ муравьевъ, снующихъ по разнымъ направленіямъ въ лѣсу, пока не наткнемся на муравейникъ. Первою заботою революціонеровъ,

---

[1]) Впослѣдствіи извѣстный народническій публицистъ, писавшій подъ псевдонимомъ Юзова.

[2]) М. Д. Муравскій, носившій кличку „Отецъ Митрофанъ“, былъ однимъ изъ немногихъ „шестидесятниковъ“, принявшихъ непосредственное участіе и въ движеніи семидесятыхъ годовъ. О немъ см. брошюру Е. К. Брешковской „Изъ моихъ воспоминаній“. Петербургъ. 1906 г. Изданіе Вл. Распопова.

[3]) В. А. Даниловъ и понынѣ занимаетъ совершенно особую соціально-политическую позицію.

двинувшихся въ народъ, было пріисканіе такихъ пунктовъ въ районѣ будущей ихъ дѣятельности, изъ которыхъ можно было бы совершать экскурсіи въ народъ. Многіе сравнительно легко находили такіе пункты въ домахъ родныхъ или знакомыхъ, чаще всего въ помѣщичьихъ усадьбахъ, квартирахъ учителей, медицинскаго персонала и т. д. Кружки устраивали съ этою же цѣлью кузницы и другія мастерскія или же пользовались квартирами распропагандированныхъ рабочихъ, переселившихся въ свои деревни для пропаганды. Практическій умъ Войнаральскаго подсказалъ ему, что „пункты“ имѣютъ большое значеніе для развитія въ народѣ революціонной дѣятельности. Онъ увлекался планомъ устройства такихъ пунктовъ по извѣстной системѣ на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи и приступилъ къ практическому осуществленію этого плана въ районѣ Поволжья. Владѣя сѣтью пунктовъ, революціонеры, по мнѣнію Войнаральскаго, имѣли бы возможность приступить къ устройству областной организаціи крестьянъ. Главнымъ пунктомъ въ Поволжьѣ Войнаральскій избралъ Саратовъ, гдѣ на его средства была открыта сапожная мастерская съ настоящимъ сапожникомъ (Пелькопеномъ) во главѣ. Въ этой мастерской находился между прочимъ складъ изданій типографіи Мышкина и собраніе фальшивыхъ печатей и паспортовъ. Въ предполагаемую сѣть пунктовъ Войнаральскому удалось ввести нѣсколько постоялыхъ дворовъ и частныхъ домовъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Особенно удачна была въ этомъ отношеніи дѣятельность Войнаральскаго въ Самарской губерніи“. Среди пропагандистовъ находились и женщины... „Нужно замѣтить, — продолжаетъ Старикъ, — что пропагаторская дѣятельность въ народѣ женщины, особенно молодой, представляла такія затрудненія, какихъ не зналъ мужчина. Еще на сходкахъ (молодежи) нерѣдко поднимался этотъ вопросъ, но опредѣленнаго рѣшенія не было постановлено: большинство же, — въ томъ числѣ и сами женщины, склонялись къ тому мнѣнію, что въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать равноправія,—пусть тѣ изъ женщинъ, кто можетъ, идутъ въ народъ, какъ и мужчины, въ крестьянской одеждѣ и сами, какъ знаютъ, избѣгаютъ непріятностей, связанныхъ съ принадлежностью къ прекрасному полу“ [1]).

[1]) *Старикъ*, стр. 65—67 и 70.

Эта послѣдняя черта русскаго освободительнаго движенія единственная въ своемъ родѣ. Нигдѣ въ мірѣ женщина не работала въ освободительномъ движеніи такъ тѣсно рука объ руку съ мужчиною, преодолѣвая на этомъ пути самыя тяжелыя затрудненія, какъ въ Россіи. Въ „походѣ“ 1874 года принимали самое активное участіе Екатерина Брешковская, Марія Колѣнкина, Вѣра Рогачева, Софья Перовская и многія другія. Мы встрѣтимся далѣе съ Бардиной, Фигнеръ и другими молодыми дѣвушками, поступившими, въ цѣляхъ пропаганды, на фабрики въ качествѣ простыхъ работницъ. Исторія народовольчества знаетъ цѣлый рядъ именъ женщинъ, самоотверженно работавшихъ и умиравшихъ на избранныхъ ими себѣ постахъ. Много именъ ихъ занесено уже и въ лѣтописи борьбы перваго десятилѣтія XX вѣка...

Возвращаясь къ мемуарамъ Старика, мы должны отмѣтить, что будучи весьма интересными во многихъ отношеніяхъ, мемуары эти, однако, не содержатъ въ себѣ картинъ непосредственныхъ встрѣчъ пропагандистовъ съ крестьянствомъ и потому для пополненія этого недостатка мы обратимся теперь къ содержащимъ именно такія данныя чрезвычайно живо написаннымъ воспоминаніямъ о хожденіи „въ народъ“ А. О. Лукашевича и В. К. Дебогорія-Мокріевича. Воспоминанія этихъ замѣчательныхъ мемуаристовъ тѣмъ цѣннѣе, что одинъ изъ нихъ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ хожденія „въ народъ“ въ сѣверной, а другой — въ южной полосѣ Россіи. Дополняя другъ друга, они даютъ картину весьма яркую и красочную.

Что же встрѣтили пропагандисты „въ народѣ“?

Бросившись массою „въ деревню“, „къ крестьянину“, „къ мужику“, бросившись съ чисто религіозною въ него вѣрою, пропагандисты констатировали, къ своему великому изумленію и огорченію, во-1-хъ, что, хотя идея общаго передѣла земли и очень широко распространена въ народной массѣ, но живетъ она въ ней приблизительно такъ, какъ у евреевъ вѣра въ пришествіе мессіи. Мессія придетъ, но когда—никому знать не дано. Крестьянами вносилась, однако, въ ожиданія и нѣкоторая конкретность о томъ способѣ, которымъ надежды ихъ будутъ осуществлены. Передѣлъ будетъ,—это несомнѣнно, но будетъ онъ по той же самой иниціативѣ, по которой произошло и освобожденіе отъ крѣпостного права. Въ *эту* иниціативу на-

родъ, настоящій деревенскій „народъ“, вѣрилъ ничѣмъ непоколебимою вѣрою, вѣрилъ одинаково и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ,—вездѣ, куда только ступала нога пропагандиста, и такую вѣру превосходило, пожалуй, по своей интенсивности лишь стремленіе мужика,— вымолвить ли ужасное слово? — *къ личной собственности*... [1]).

Въ силу этого результаты похода „въ народъ“ оказались весьма для пропагандистовъ печальны. Другія черты жизни деревни также оказались совсѣмъ не такими, какими ожидали найти ихъ пропагандисты. Вотъ строки изъ разсказа А. О. Лукашевича, который такъ и называется „Въ народъ“ и носитъ подзаголовокъ „Изъ воспоминаній семидесятника“.

Авторъ былъ „чайковецъ“.

Нарядившись въ „ордынскіе полушубки“ и всѣ другія принадлежности крестьянскаго костюма, авторъ и его товарищъ по путешествію „7-го марта 1874 г. выѣхали изъ Петербурга“, доѣхали до уѣзднаго города Московской губерніи Клина, откуда „по заранѣе предположенному маршруту предстояло продолжать путь уже пѣшкомъ, направляясь черезъ Дмитровъ на востокъ въ намѣченную Владимірскую губернію“. Пошли, но сразу же встрѣтили препятствіе въ видѣ *подозрительности* крестьянъ: „крестьяне чуть-чуть побогаче прямо отказывали намъ въ ночлегѣ или безъ всякихъ разговоровъ высказывали кратко и безцеремонно свой взглядъ относительно нечистоты на руку, вообще, прохожихъ. *И это повторялось много разъ.* Въ самыя бѣдныя избы насъ пускали, но почти вездѣ только послѣ тщательныхъ распросовъ—въ особенности о нашемъ маршрутѣ—предыдущемъ и послѣдующемъ, а также о нашихъ *намѣреніяхъ*“...

Приходилось, конечно, выдумывать...

Пришли въ уѣздный городъ Александровъ Владимірской губерніи, зашли въ трактиръ, спросили „двѣ пары чаю“ и стали

---

[1]) Сошлемся на слѣдующія слова Г. В. Плеханова: „легче возстановить крестьянина противъ верховной власти, чѣмъ убѣдить его въ томъ, что не надо „частной собственности“, говорилъ на одной изъ революціонныхъ сходокъ осенью 1876 г. Боголюбовъ, который былъ очень опытнымъ и умѣлымъ пропагандистомъ“. Приведя разсказъ другого пропагандиста, на живомъ примѣрѣ иллюстрировавшаго то же стремленіе крестьянина къ частной собственности, Г. В. Плехановъ прибавляетъ: „подобныхъ разсказовъ можно было тогда услышать отъ всякаго бывалаго пропагандиста великое множество“ (Предисловіе къ переводу книги Туна стр. 35.).

„угощаться“ этимъ чаемъ да запасомъ бывшаго съ собой чернаго хлѣба.

Черезъ нѣсколько времени замѣтили, что хозяинъ трактира и его работники „что-то недружелюбно поглядываютъ въ нашу сторону“. Спросили, откуда, „за какимъ случаемъ“? Одинъ изъ пропагандистовъ отвѣтилъ, что они слесаря, работали на фабрикѣ въ Киржачѣ.

— Такъ ты, говоришь, былъ въ Киржачѣ?

— Былъ.

— А сколько тамъ церквей?

Я, что называется, съ бацу, говорю:

— Пять!

— Вотъ и видать, какіе „мастера“: одна тамъ всего церковь и никогда и не было больше одной. Вы не то, что въ Киржачѣ, знать и близко не были!

Дѣло шло къ скандалу, но хозяинъ его прекратилъ, посовѣтовавши „слесарямъ“ внушительнымъ тономъ уходить сейчасъ „по добру — по здорову изъ трактира, пока до полиціи дѣло не дошло...“

Пришлось послѣдовать благоразумному совѣту...

Побывши въ Москвѣ, А. О. Лукашевичъ отправился оттуда „въ народъ“ одинъ. На этотъ разъ онъ выбралъ извѣстное село Павлово на Окѣ. „Тамъ уже существовала пропаганда, и нижегородскіе товарищи много говорили объ *удачныхъ* ея результатахъ,— о переходѣ въ соціализмъ *двухъ* самостоятельныхъ хозяевъ-кустарей“.

Къ одному изъ такихъ новообращенныхъ и дали рекомендаціи А. О. Лукашевичу; онъ былъ тамъ принятъ очень радушно. При помощи этого уже „своего человѣка“ А. О. Лукашевичъ поступилъ въ „кологривскую артель плотниковъ“. Артель эта состояла „человѣкъ изъ 12—15, все больше изъ одной деревни съ подрядчикомъ,—такимъ же, какъ и они, прирожденнымъ плотникомъ, но уже не работавшимъ. Никакого „артельнаго начала“ не было и въ поминѣ въ ихъ отношеніяхъ между собою и къ подрядчику. Всѣ были просто наняты имъ, кто помѣсячно, а больше „въ лѣто“, и наняты, конечно, еще съ зимы и, стало быть, дешево. Мнѣ было назначено „жалованье“ еще дешевле, какъ неумѣлому и очень молодому“.

Подрядчикъ,—такой же мужикъ изъ деревни, какъ и другіе члены „артели“,— своихъ обѣщаній относительно пищи не

исполнялъ и „за обѣдомъ было принято ежедневно зубоскалить по поводу постоянныхъ обѣщаній подрядчика купить сазанины къ постнымъ щамъ, которой онъ регулярнѣйшимъ образомъ не покупалъ все время. Зачастую легкое зубоскальство переходило въ форменную перебранку „ребятъ“ съ подрядчикомъ, и меня въ этихъ случаяхъ изумляло равенство, полная, такъ сказать, „равноправность“ въ брани, свято признаваемая обѣими сторонами. Наблюдаемыя особы, видимо, находились еще въ той стадіи „развитія гражданственности“, когда еще не выработалось представленіе о неравныхъ между собою по достоинству работникѣ и хозяинѣ. Только уже на одной изъ дальнѣйшихъ ступеней дифференціаціи, работникъ, почесывая затылокъ, начинаетъ соображать, что его дѣло помалкивать, когда хозяинъ „лается“. Здѣсь еще лаялись *обоюдно* земляки, лишь случайно попавшіе въ положеніе работниковъ и нанимателя, и — надо имъ отдать справедливость—лаялись очень хорошо“...

Работалъ А. О. Лукашевичъ съ плотниками, работалъ, но надо же и „пропаганду“ вести. Узнали, что онъ грамотный и „счетъ знаетъ“,—вся артель состояла изъ неграмотныхъ поголовно,— и это возвысило, конечно, пропагандиста въ глазахъ „артели“. Надо было воспользоваться такимъ преимуществомъ, но... „въ возможности идейнаго вліянія на этихъ плотниковъ въ желательномъ направленіи я совершенно разочаровался послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ разговориться „по душѣ“ съ болѣе толковыми изъ нихъ. Въ этихъ случаяхъ я начиналъ съ „распросовъ“ объ ихъ деревнѣ, нуждѣ, о томъ, какъ у нихъ ведетъ себя начальство и затѣмъ уже приходилъ къ своимъ заключеніямъ и обобщеніямъ. Но тутъ я натыкался всякій разъ *на одно и то же возраженіе:* согласившійся съ моими посылками кологривецъ дѣлалъ изъ нихъ *свой* (здѣсь и далѣе курсивъ подлинника) выводъ или подводилъ свой итогъ, а именно, утверждалъ, что сами они, деревенскіе, во всемъ виноваты... По этому воззрѣнію имъ приходилось терпѣть нужду, обиды и скверное обращеніе, собственно по тому, что сами они всѣ поголовно *пьяницы и забыли Бога.* Не помню за давностью, находилъ ли я аргументы противъ этого, но остается фактъ, что я никакъ *не могъ* сбить моихъ собесѣдниковъ съ ихъ позиціи“...

Когда А. О. Лукашевичъ разсказалъ о своихъ разочарованіяхъ „своему человѣку“—кустарю, при помощи котораго онъ поступилъ въ артель, тотъ, „хорошо зная этотъ элементъ, ни-

сколько не удивился безплодности моихъ попытокъ". Вскорѣ пропагандистъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что „оставаться болѣе въ Павловской артели плотниковъ" ему „не зачѣмъ", онъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ и сталъ работать въ качествѣ плотника на ярмаркѣ. Его принимали за заправскаго работника, но „товарищи по работѣ мѣнялись такъ же часто, какъ и нанимателн, и до настоящей пропаганды и тутъ дѣло не дошло". Разъ только работалъ Лукашевичъ съ однимъ плотникомъ-атлетомъ. „Этотъ добродушный силачъ показался было мнѣ какъ будто болѣе отзывчивымъ, но, кажется, сила пониманія и, вообще, мозговая энергія были ему отпущены природой въ количествѣ обратно-пропорціональномъ его мускульной силѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не могъ при всемъ стараніи ни путемъ втолковать ему что-либо, ни вызвать у него сколько-нибудь замѣтное „шевеленіе" интеллекта" [1]).

Такъ, разочаровавшись и здѣсь, А. О. Лукашевичъ отправился въ Москву, гдѣ мы съ нимъ еще встрѣтимся.

Вспоминая свое хожденіе „въ народъ" черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, послѣ каторги, ссылки, эмиграціи, словомъ, обычной „карьеры" активнаго народника семидесятыхъ годовъ, А. О. Лукашевичъ восклицалъ: „Бѣдные, темные люди! — Авось теперь-то ужъ они или дѣти ихъ прозрѣли въ своихъ уженскихъ лѣсахъ!" [2]).

Такова была страшная опасность отъ той „пропаганды въ народѣ", изъ-за которой власти забили нелѣпѣйшую тревогу и принесли въ жертву собственному страху цѣлыя гекатомбы молодыхъ жизней...

Но можетъ быть А. О. Лукашевичу, по собственному ли его неумѣнію вести дѣло или потому, что попалъ онъ въ мѣстности съ исключительно неразвитымъ (это въ промышленномъ-то районѣ!) населеніемъ такъ не повезло и отъ этихъ именно причинъ и зависелн столь неудачные результаты его хожденія „въ народъ"? Перенесемся на Украину, въ страну съ „гайдамацкими традиціями" и обратимся для этого къ превосходнымъ „Воспоминаніямъ" одного изъ крупнѣйшихъ активныхъ народниковъ семидесятыхъ годовъ—В. К. Дебогорія-Мокріевича.

---

1) *А. О. Лукашевичъ.* „Въ народъ" *Былое*, 1907 г. Мартъ, стр. 12, 15 и др.

2) Ibid, стр. 30.

Въ южныхъ кружкахъ было то же, что и на сѣверѣ: вѣра въ революціонность и соціалистическіе инстинкты „народа“. И къ этой вѣрѣ уже подгонялись всѣ факты.

„Мы толковали,— разсказываетъ Дебогорій-Мокріевичъ,—о томъ, что у насъ на окраинахъ сохранилось много революціонныхъ традицій, что на Волгѣ до сихъ поръ поются пѣсни про Стеньку Разина, а на Днѣпрѣ про гайдамаковъ. И это было справедливо: пѣсни дѣйствительно пѣлись, но только мы недостаточно тогда обратили вниманія на мелодіи этихъ пѣсенъ. Заунывныя и грустныя мелодіи эти скорѣе могли вызвать у слушателя слезы, нежели разжечь революціонную страсть“...

„Всѣ свои доказательства въ пользу революціонности крестьянской массы мы черпали изъ болѣе или менѣе отдаленнаго историческаго прошлаго, не находя таковыхъ въ настоящемъ. Такъ, между прочимъ, доказательства въ пользу революціонности украинскихъ крестьянъ я находилъ въ ихъ поведеніи во время польскаго возстанія, въ ихъ преслѣдованіи—польскихъ „пановъ-повстанцевъ“ и той ненависти, съ какой они относились тогда вообще къ панамъ, къ разряду которыхъ причисляли всѣхъ людей привилегированнаго званія, носившихъ европейскіе костюмы“...

И вотъ, съ такими мнѣніями о революціонности украинскихъ крестьянъ, компанія кіевскихъ пропагандистовъ, къ которой принадлежалъ В. К. Дебогорій-Мокріевичъ, отправилась „въ народъ“ подъ видомъ красильщиковъ.

„Мы шли по самымъ населеннымъ мѣстностямъ Подольской и Кіевской губерній; пройдено было по пути множество деревень, и свѣдѣнія, собранныя нами, правда, по спеціальнымъ вопросамъ, годились для кое-какихъ обобщеній. Такъ, изъ разговоровъ оказалось, что крестьянскія движенія происходили, главнымъ образомъ, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т.-е. въ періодъ до и тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и что, приблизительно, съ половины 60-хъ годовъ волненія стали происходить рѣже, а къ 70-мъ годамъ ихъ почти совсѣмъ уже не было. Этому чрезвычайно важному обстоятельству мы не придавали тогда ровно никакого значенія; мы, такъ сказать, пропустили его мимо ушей, благодаря предвзятому взгляду, укоренившемуся еще въ 60-хъ годахъ среди русскихъ революціонеровъ и исповѣдуемому равнымъ образомъ и нами, что народъ готовъ къ возстанію всякую минуту“.

Пропагандисты вездѣ встрѣчали толки о „передѣлѣ земли“, но... „отъ всѣхъ, отъ кого мы слышали о „передѣлѣ земли“, мы слышали также, что этотъ передѣлъ долженъ совершиться по волѣ царя... Такимъ образомъ царизмъ являлся въ самой тѣсной связи съ земельнымъ идеаломъ крестьянъ... Крестьянину хотѣлось передѣла земли, но для достиженія этого завѣтнаго желанія у него не было силъ. Онъ это чувствовалъ и сознавалъ, поэтому предпочиталъ лучше ждать и надѣяться, что наступитъ, наконецъ, такое время, когда царь совершитъ передѣлъ земли, какъ совершилъ онъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Въ общемъ получалась картина крайне пассивнаго характера“...

На этой почвѣ, именно, и выросло, печальной памяти, „чигиринское дѣло“, съ подложными царскими манифестами, о которомъ у насъ еще будетъ рѣчь, а теперь продолжимъ еще нѣсколько разсказъ Дебогорія-Мокріевича.

„Мы проходили верстъ по двадцать въ день, останавливаясь на ночлегъ по деревнямъ. Крестьяне крайне неохотно пускали насъ къ себѣ на ночь, такъ какъ сильно поношенная, почти оборванная, одежда явно возбуждала у нихъ подозрѣнія. Надо сознаться, что этого мы менѣе всего ожидали, когда отправлялись въ наше путешествіе подъ видомъ рабочихъ. Мы знали о недовѣрчивомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ, носящимъ панскій, т.-е. европейскій костюмъ, и полагали, что чѣмъ бѣднѣе надѣнемъ мы одежду на себя, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ станутъ они относиться къ намъ. И въ этомъ ошиблись. Всюду они встрѣчали насъ подозрительно и до того неохотно давали пристанище, видимо, боясь, чтобы мы не украли чего-нибудь, что розыски ночлеговъ сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наказаніемъ. Случалось обойти десятокъ избъ и всюду получить отказы. Не одну ночь проводили мы подъ открытомъ небомъ. Между тѣмъ, время стояло дождливое и не разъ, бывало, ночью вскакивалъ я на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ, отъ холода и сырости“.

„Какъ и у насъ, среди украинцевъ,—говоритъ В. К. Дебогорій-Мокріевичъ,—на Волгѣ крестьяне также ожидали милостей отъ царя. Царизмъ былъ такъ же силенъ тамъ, какъ и на югѣ Россіи“ [1]).

---

[1]) *В. К. Дебогорій-Мокріевичъ.* Воспоминанія, стр. 149, 183, 204, 224 и друг.

Рѣдко, рѣдко пріобрѣтали пропагандисты среди крестьянъ и отдѣльныхъ прозелитовъ.

Дмитрій Михайловичъ Рогачевъ, имѣвшій большой успѣхъ среди молодежи и исколесившій въ качествѣ пропагандиста половину Россіи, не могъ похвалиться ни однимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ среди крестьянъ. А это былъ человѣкъ огромной энергіи. Человѣкъ изъ ряду вонъ выходящій, атлетической физической силы,—онъ тянулъ въ буквальномъ словѣ „лямку“ съ бурлаками на Волгѣ,—работалъ въ разныхъ концахъ Россіи и все-таки результаты всей такой работы „въ народѣ“ рѣшительно ничѣмъ конкретнымъ не сказались....

Дѣло доходило даже до комичныхъ анекдотовъ.

С. М. Кравчинскій разсказывалъ П. А. Кропоткину изъ своего „хожденія въ народъ“ такую, напримѣръ, сцену:

„Идемъ мы съ товарищемъ по дорогѣ. Нагоняетъ насъ мужикъ на дровняхъ. Я сталъ толковать ему, что податей платить не слѣдуетъ, что чиновники грабятъ народъ и что по писанію выходитъ, что надо бунтовать. Мужикъ стегнулъ коня, но и мы прибавили шагу. Онъ погналъ лошадь трусцей, но и мы побѣжали вслѣдъ и все время продолжали ему вталкивать насчетъ податей и бунта. Наконецъ, мужикъ пустилъ коня вскачь, но лошаденка была дряпная, такъ что мы не отставали отъ саней и пропагандировали крестьянина, покуда совсѣмъ перехватило дыханіе [1]).

А если и вызывали пропагандисты гдѣ нибудь „броженіе“, то оно сводилось къ тому, что „старые и молодые крестьяне *шептались* по амбарамъ про „ходоковъ“ и громче говорили, что землю отберутъ отъ господъ, которыхъ царь возьметъ на жалованье“ [2]).

Словомъ, результаты пропаганды „въ народѣ“ получились вездѣ,—рѣшительно вездѣ,—самые для пропагандистовъ плачевные. Правда, Е. К. Брешковская разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ пропагандистки“ [3]), какъ охотно крестьяне ее слушали, какъ были они враждебно настроены противъ помѣщиковъ и властей, но объ отношеніяхъ крестьянъ къ верховной власти, сама того не замѣчая и даже думая обратное,

---

[1]) *Кропоткинъ*, стр. 302—303.
[2]) Ibid., стр. 304.
[3]) *Община* 1878 г. №№ 6—7 и 8—9.

Е. К. Брешковская лишь подтверждаетъ наблюденія другихъ пропагандистовъ. „На югѣ Россіи,—пишетъ она,—народъ далеко не привязанъ къ верховной власти. Всѣ традиціи его находятся въ антогонизмѣ съ нею“ и непосредственно за такимъ категорическимъ утвержденіемъ Е. К. Брешковская продолжаетъ свой разсказъ такъ: „но дѣло въ томъ, что традиціи эти все болѣе и болѣе сглаживаются изъ памяти народа, вытѣсняются современными интересами, и такъ какъ нужда и безвыходность положенія постигаютъ и населеніе Малороссіи, то оно, не зная, куда обратить свою надежду, гдѣ искать спасенія, безсознательно впадаетъ въ суевѣрное отношеніе къ источнику власти“ [1])... Начало и конецъ этихъ строкъ, очевидно, плохо между собою вяжутся.....

Распространяли пропагандисты въ народѣ нелегальныя книжки, но какое могли имѣть значеніе эти книжки, сколько ихъ было издано сравнительно съ многомилліонными массами крестьянства и какая, слѣдовательно, „опасность“ могла грозить „основамъ“ и съ этой стороны?

Вспоминая въ составленной ею біографіи Николая Александровича Морозова то время, активная участница движенія, Вѣра Николаевна Фигнеръ, пишетъ:

„Даже самое главное орудіе дѣйствія на умы—простая грамотность почти отсутствовала въ деревнѣ; *нѣсколько книжекъ* подпольнаго изданія, которыя теперь кажутся *почти дѣтскими* по содержанію и по формѣ, составляли весь *литературный арсеналъ*, предназначенный для читателя-простолюдина. *Никакихъ шансовъ* на что-нибудь похожее на возстаніе или партизанскую войну, о которыхъ мечталъ Николай Александровичъ,—*не было*“ [2]).

Таковы факты доподлинной исторической вѣрности. Факты эти громко вопіяли объ абсолютномъ отсутствіи какой бы то ни было опасности отъ пропаганды для „основъ“, но власти остались вѣрны себѣ и начали они свою травлю молодежи. Тѣмъ не менѣе, движеніе разбилось вовсе не объ эту травлю.

„Движеніе это,—писалъ Кравчинскій,—не выдержало и не

---

[1]) *Община* № 8—9, стр. 9.

[2]) *В. Н. Фигнеръ*. „Біографія Н. А. Морозова. Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ“. Подъ редакціей Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича, ч. I. С.-Петербургъ, стр. 99.

могло выдержать столкновенія съ грубой и суровой дѣйствительностью". О какую же, именно, „дѣйствительность" оно разбилось? Безспорно, поведеніе властей имѣло здѣсь огромное значеніе, но, повторяемъ, центръ тяжести неудачи движенія въ крестьянскую массу активныхъ народниковъ лежалъ все-таки не въ преслѣдованіяхъ правительства. Лежалъ онъ въ полномъ несоотвѣтствіи идей, съ которыми начали свой походъ народники 1874 года, съ идеями самого народа. Какія идеи были написаны тогда на знамени активныхъ народниковъ? Идеи эти—соціализмъ и анархія. Но онѣ-то и оказались крестьянской массѣ, вопреки всѣмъ увѣреніямъ Бакунина, абсолютно чуждыми. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ очень вдумчивыхъ народниковъ семидесятыхъ годовъ, О. В. Аптекманъ:

„Между нами были,— пишетъ онъ,— пропагандисты талантливые, умные и производили впечатлѣніе, несомнѣнно, глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее,— душу народную? *Не соціализмъ и не анархія*, а самыя животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземеліе и тягота податей и были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ. Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знанія, которыми онъ обладалъ, давали возможность обобщать данные частные факты и освѣщать ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе овладѣвалъ онъ вниманіемъ всѣхъ слушателей. *Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось.* Не то, что бы его не хотѣли слушать,— „почто не послухать?"—а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо не слушай, а врать не мѣшай". Пропагандисты тогда же почувствовали, что здѣсь кроется что-то неладное, но торопливость, съ какой велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значеніе этого факта, проанализировать его съ необходимою серьезностью" [1]).

---

[1]) „Изъ исторіи революціоннаго народничества", стр. 77. Къ этимъ строкамъ своихъ воспоминаній, написанныхъ еще въ 1884 г. и много лѣтъ ходившихъ среди революціонной интеллигенціи въ рукописи (ею пользовались и Э. А. Серебряковъ для своего очерка „Земля и Воля", и П. Л. Лавровъ для

Это—то самое, что далъ во многихъ своихъ художественныхъ произведеніяхъ и Глѣбъ Успенскій, напримѣръ, въ знаменитомъ „Не суйся“...

Разумѣется здѣсь, именно, „корень вещей“, здѣсь, именно, кардинальная причина полнаго неуспѣха движенія въ народъ 1874 года. Сопоставьте только: съ одной стороны, „ничего не стоитъ поднять любую деревню“ и поднять ее, именно, во имя „соціализма“ и „анархіи“, а съ другой, когда пропагандисты начинали вести рѣчи именно о „соціализмѣ“ и „анархіи“, то „народъ“ слушалъ ихъ рѣчи лишь такъ, какъ слушаютъ „запятную сказку“,—„не любо не слушай, а врать не мѣшай“...

Это побольше, чѣмъ всѣ преслѣдованія правительства...

И, тѣмъ не менѣе, исчезла ли у активныхъ народниковъ слѣдующаго періода (1875—1879) „вѣра въ народъ?“

Бывшій въ семидесятыхъ годахъ весьма активнымъ народникомъ Г. В. Плехановъ пишетъ по этому поводу такія строки: „У насъ многіе думаютъ, что „хожденіе въ народъ“ прекратилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе полицейскихъ строгостей“. На самомъ дѣлѣ это не такъ: „Дѣятельность въ крестьянствѣ отнюдь не была невозможной; революціонеры справились бы и съ полицейскими препятствіями, если бы ихъ *настроеніе* (курсивъ здѣсь и далѣе подлинника) продолжало толкать ихъ въ деревню. Но въ томъ то и дѣло, что во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ ихъ настроеніе очень измѣнилось, и „хожденіе въ народъ“ потеряло въ ихъ глазахъ почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что дѣятельность въ народѣ не оправдала тѣхъ радужныхъ, можно сказать, почти ребяческихъ надеждъ, какія возлагались на нее революціонерами. Отправляясь въ народъ, революціонеры воображали, что „соціальную революцію“ сдѣлать очень легко, и что она очень скоро совершится; иные надѣялись, что года *черезъ два-три*. Но извѣстно, что подобная легкомысленная *„вѣра“* представляетъ собой нѣчто до крайности хрупкое и разбивается при первомъ столкновеніи съ жизнью. Разбилась она и у нашихъ тогдашнихъ революціонеровъ. „Народъ“ пере-

---

„Народниковъ-пропагандистовъ 70-хъ годовъ“; при ссылкахъ у того и другого авторъ воспоминаній фигурируетъ подъ именемъ „землевольца“), О. В. Аптекманъ говоритъ, что ему и черезъ двадцать лѣтъ послѣ того „ничего не остается добавить“..... (Ibid.).

сталъ привлекать ихъ къ себѣ, потому что „хожденіе въ народъ“ перестало казаться имъ вѣрнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ повалить существующій порядокъ“. И далѣе: „революціонное народничество погибло, но погибло не подъ ударами полиціи, будто бы загородившей революціонной интеллигенціи всѣ пути къ народу, а въ силу неблагопріятнаго для него настроенія тогдашнихъ революціонеровъ, которымъ во что бы то ни стало хотѣлось „отомстить“ правительству за его преслѣдованія и вообще вступить съ нимъ въ „непосредственную борьбу“, т.-е. собственно говоря, какъ можно скорѣе добиться конституціи“ [1]).

Эти слова Г. В. Плеханова нуждаются въ очень значительномъ исправленіи. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ нельзя говорить о „второй половинѣ семидесятыхъ годовъ“, какъ дѣлаетъ Г. В. Плехановъ, не разбивши этого промежутка времени въ свою очередь на два періода: 1875—1878 и 1878—1879 года. Хотя и въ первомъ періодѣ (въ концѣ его, т.-е. въ 1877 г.),—это мы увидимъ ниже,—прежнее настроеніе стало исчезать *на югѣ Россіи*, но въ общемъ именно оно окрашивало еще собою въ этомъ періодѣ всю психику тогдашнихъ революціонеровъ. На сѣверѣ же и въ средней Россіи оно въ значительной мѣрѣ было еще живо и въ 1878 и въ первой половинѣ 1879 года. Несомнѣнно, что послѣ „похода“ 1874 года перестали вѣрить въ то, что „соціальную революцію“ можно „сдѣлать“ съ головокружительной быстротой („иные надѣялись, что года черезъ два-три“), но „легкомысленная вѣра“ въ то, что „соціальную революцію“ эту, хотя и не такъ скоро, но все-таки можно „сдѣлать“ и что въ нашемъ крестьянствѣ находится для этого много необходимыхъ элементовъ, *такая* вѣра вовсе не разбилась „при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью“. Мы говоримъ вотъ что: *объективно*, несомнѣнно, что все народническое движеніе семидесятыхъ годовъ было обречено на гибель вслѣдствіе полнаго несоотвѣтствія идей народниковъ съ понятіями народа, полной невоспріимчивости крестьянства къ этимъ идеямъ (слушали, какъ слушаютъ „занятную сказку“), но сами народники *субъективно* были и послѣ похода 1874 года безконечно далеки отъ признанія этой истины. Стали толковать объ улучшеніи методовъ дѣятельности въ народѣ, но отнюдь не о пересмотрѣ

[1]) Предисловіе *Г. В. Плеханова* къ книгѣ Тупа. Стр. 27, 29 и 33.

самыхъ принциповъ, изъ которыхъ исходила практическая дѣятельность; какъ сказали бы теперь, перемѣна произошла въ области „тактики“, но отнюдь не „программы“. Революціонеровъ 1873—1874 года можно назвать „максималистами“, у народниковъ періода слѣдующаго „народниковъ“ въ болѣе тѣсномъ и болѣе точномъ смыслѣ слова, появилась въ своемъ родѣ „программа минимумъ“. На судѣ по дѣлу 1-го марта А. И. Желябовъ говорилъ: „мы—государственники, а не анархисты... Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы были, дѣйствительно, анархистами...“ „Непродолжительный періодъ пребыванія нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій, но, съ другой стороны, тотъ же періодъ убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи *есть много такого*, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ *до поры до времени* слѣдуетъ остановиться“ [1]). Вотъ этого-то „до поры до времени“ и не зналъ максимализмъ предшествовавшаго періода, который Желябовъ справедливо назвалъ „книжнымъ“ и „доктринерскимъ“. Но въ этомъ только и состояла перемѣна. Въ другихъ отношеніяхъ даже у самого Желябова,—этого замѣчательнаго реалиста, однимъ изъ первыхъ, какъ мы уже упомянули, разставшагося съ народническимъ предразсудкомъ касательно политической свободы [2]), вѣра въ народъ осталась нетронутой, и онъ, оставивъ деревню, взялся за „политику“ не потому, что у него въ деревню пропала „вѣра“, а по причинѣ, какъ полагалъ онъ, невозможности дѣйствовать тамъ по чисто-полицейскимъ условіямъ жизни Россіи. „Считая, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство,—говорилъ Желябовъ на судѣ,—невозможно провести въ народное сознаніе соціалистическіе идеалы *цѣлостью*, соціалисты перешли къ народникамъ (значитъ, даже Желябовъ думалъ, что не ставь правительство препятствій пропагандистамъ, такое „проведеніе въ народное сознаніе соціалистическихъ идеаловъ цѣлостью“ было бы возможно...), мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ, уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, ими сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ они перешли въ позитивизмъ и держались почвы,—это основная черта на-

---

[1]) *Дѣло 1-го марта 1881 года.* Стр. 333 и 338—339.
[2]) *Андрей Ивановичъ Желябовъ.* Лондонъ. 1882 г. Стр. 26.

родничества“ [1]). Такимъ образомъ, стремленіе держаться *въ тактикѣ* („до поры до времени“) *почвы*, продолжая, однако, безусловно дѣйствовать лишь „въ народѣ“ т.-е. крестьянствѣ, такова „отличительная черта народничества“, т.-е. періода времени съ 1875 года до возникновенія народовольчества. Желябовъ и дѣйствовалъ все это время въ такомъ именно направленіи, не потерявши своей *вѣры въ крестьянскую массу* до конца жизни. По его собственнымъ словамъ, онъ еще лѣтомъ 1878 года „находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ“ [2]), и ушелъ отъ нея отнюдь не вслѣдствіе утраты вѣры „въ деревню“. „Я долго былъ въ народѣ,—говорилъ онъ,—работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ подсудимый Кибальчичъ“ [3]). А Кибальчичъ, говоря о движеніи перваго періода (онъ принималъ въ немъ непосредственное участіе), сказалъ: „если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы въ цареубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія“ [4]). Наконецъ, говоря въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи о движеніи въ народъ, Желябовъ выразилъ убѣжденіе, что „оно разбилось *исключительно* о многочисленныя преграды, которыя встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ“ [5]).

Мы нарочно приводимъ здѣсь мнѣнія объ этомъ предметѣ Желябова, какъ человѣка, стоявшаго по широтѣ кругозора многими головами выше средняго уровня пропагандиста семидесятыхъ годовъ.

Другой выдающійся дѣятель семидесятыхъ годовъ, явившійся затѣмъ вмѣстѣ съ Желябовымъ главнымъ организаторомъ партіи Народной Воли, А. Д. Михайловъ,—о немъ у насъ еще будетъ рѣчь, когда мы будемъ говорить о землевольцахъ,—работалъ въ 1877 году въ народѣ среди раскольниковъ Саратовской губерніи и вотъ что пишетъ онъ самъ по этому поводу въ своей автобіографіи: „Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно-народной жизни и народнаго твор-

[1]) *Дѣло 1-го марта.* Стр. 339.
[2]) *Ibid.*, Стр. 340.
[3]) *Ibid.*, стр. 92.
[4]) *Ibid.*, стр. 88.
[5]) *Ibid.*, стр. 337.

чества... Но, увы, пришлось все бросить. Въ началѣ апрѣля *1878 года* я вернулся въ Петербургъ, имѣя, впрочемъ, намѣреніе образовать новую группу для отправленія въ расколъ. Благопріятныя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ раскольничьей среды, еще наполняли меня и мнѣ было трудно сразу отрѣшиться отъ начатой дѣятельности, но кипучая жизнь Петербурга вскорѣ потребовала всѣ мои силы и *съ работой въ народѣ пришлось разстаться* сначала фактически, а впослѣдствіи и принципіально по мѣрѣ того, какъ успѣшность борьбы съ правительствомъ становилась очевидною“ [1]). Такимъ образомъ и Михайловъ былъ лишь обстоятельствами—а дѣло происходило уже *въ 1878 году*—оторванъ отъ той дѣятельности „въ народѣ“, къ которой онъ тяготѣлъ всей душой и которую, по его собственнымъ словамъ, „увы, пришлось бросить“. (Въ Петербургъ Михайловъ поѣхалъ для того, чтобы найти тамъ для саратовскихъ пропагандистовъ денегъ: „финансы были плохи и остановился вслѣдствіе этого притокъ новыхъ силъ *въ народъ*. Въ Саратовѣ наши положительно голодали“) [2]). О разочарованіи въ народѣ, какъ таковомъ, въ народѣ, какъ народѣ, еще нѣтъ и помину даже у Желябова и Михайлова, людей, сдѣлавшихся всего черезъ годъ послѣ этого вождями народовольчества.

Настанетъ время и Я. В. Стефановичъ скажетъ передъ судомъ такія слова: „Я не вѣрю въ возможность русской народной революціи въ настоящемъ значеніи этого слова: только молодость, не знающая всей реальности крестьянской жизни, представляетъ русскаго мужика легко воспламеняющимся матеріаломъ, подобно парижскому пролетарію. Только умышленное намѣреніе запугать правительство можетъ прибѣгать къ призраку народной революціи, какъ это дѣлали крѣпостники въ моментъ освобожденія крестьянъ. Нѣтъ, Россіи не грозитъ крестьянская революція, *хотя бы всей интеллигенціи было предоставлено свободно двинуться въ народъ и безпрепятственно тамъ пропагандировать*“ [3]). Но это слово раздалось почти черезъ десять лѣтъ (въ 1883 году) послѣ неудачнаго похода въ народъ пропагандистовъ 1874 года. Не то говорилъ тотъ же

---

[1]) А. Д. Михайловъ (автобіографическія замѣтки)—*На родинѣ*. Женева. 1883 г., стр. 24—25.

[2]) *Ibid.*

[3]) Рѣчи подсудимыхъ по процессу 17-ти. Гектографированное изданіе. Петербургъ. 1883 г. Стр. 4.

Я. В. Стефановичъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе активные народники, не только непосредственно послѣ похода 1874 года, но и во весь второй періодъ народничества. Ихъ „вѣра“ вовсе не оказалась такой „хрупкой“, чтобы „разбиться при первомъ столкновеніи съ жизнью“. Это мы еще увидимъ изъ многихъ документальныхъ данныхъ, но уже и теперь быть можетъ читатель согласится съ нами въ слѣдующемъ выводѣ: жестокія преслѣдованія властями людей, рѣчи которыхъ „народъ“ слушалъ, какъ „занятную сказку“, не могли не вызвать въ концѣ-концовъ со стороны этихъ же людей извѣстнаго отпора самимъ властямъ. Но преслѣдованія властей имѣли и другой результатъ: онѣ *затемнили* въ глазахъ пропагандистовъ причины ихъ неудачи „въ народѣ“; пропагандистамъ, именно въ силу преслѣдованій, стало казаться, что не будь послѣднихъ и „въ народное сознаніе“ можно было бы „провести соціалистическіе идеалы цѣлостью“. Эти преслѣдованія продлили народническую вѣру въ народъ еще на нѣсколько лѣтъ, не взирая на весь поучительный опытъ 1874 года, громко говорившій о томъ, что „соціалистичности“ и „революціонности“ въ крестьянской массѣ нѣтъ и слѣда. Волей или неволей, но при такихъ условіяхъ для желающихъ жить и работать въ крестьянской средѣ народниковъ ничего другого, кромѣ культурной дѣятельности, и не оставалось.

Что народническое движеніе семидесятыхъ годовъ безъ правительственныхъ преслѣдованій въ массѣ своей должно было бы неизбѣжно пройти черезъ періодъ чисто культурной работы, къ этому заключенію, бросая взглядъ на прошлое, пришли многіе изъ самыхъ активныхъ участниковъ этого движенія.

„Припоминая теперь движеніе 1870 — 78 года, — говоритъ оставшійся и понынѣ анархистомъ П. А. Кропоткинъ,—я могу сказать, не боясь ошибиться, что большинство молодежи *удовлетворилось бы* возможностью спокойно жить среди крестьянъ и фабричныхъ работниковъ, учить ихъ, работать съ ними, либо лично, либо въ земствѣ, — словомъ, возможностью оказывать народу тѣ безчисленныя услуги, которыми образованные, доброжелательные и серьезные люди могутъ быть полезны крестьянамъ и рабочимъ. Я зналъ людей этого движенія и говорю съ полнымъ знаніемъ дѣла“ [1]).

Совершенно то же говоритъ и В. К. Дебогорій-Мокріевичъ:

[1]) *Кропоткинъ.* Стр. 403.

„Уже и тогда болѣе безпристрастные изъ насъ,— пишетъ онъ,— приходили къ заключенію, что нашъ народъ далеко не обладаетъ революціоннымъ настроеніемъ. Правда, мы слышали отовсюду, что крестьяне ждали передѣла земли, но ожидали они его мирно, терпѣливо, какъ царскую милость. Можно желать передѣла и въ то же время спокойно ожидать его многіе годы, ничего не предпринимая. Очевидно, однако, что еще годъ-другой подобныхъ странствій по деревнямъ или жизни среди народа и *мы отрезвились бы отъ нашихъ революціонно-народническихъ утопій.* Движеніе наше улеглось бы, приняло бы болѣе спокойное теченіе и въ концѣ-концовъ, пожалуй, мы оказались бы ничѣмъ другимъ, какъ „крайней лѣвой“ нашего общеземскаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшера, кто ремесленника и стали бы пропагандировать идеи соціализма. Окружающая дѣйствительность скоро наложила бы свою печать на нашу пропаганду. Мы увидѣли бы вокругъ себя почти поголовную безграмотность,— а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія,—*и само собою выступилъ бы на очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и т. п. культурной дѣятельности.* Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русской жизни были сколько-нибудь нормальны, другими словами, если бы у насъ было правительство, которое сумѣло бы правильно взглянуть на движеніе и предоставило бы его теченіе самому себѣ. Повторяю, *революціонное народничество было обречено на гибель, такъ какъ народная масса не была революціонной*“ [1]).

Удовлетворились ли бы народники „мирной“ дѣятельностью? Отвѣтъ находимъ въ рѣчахъ на судѣ многихъ изъ народниковъ, ставшихъ наиболѣе крупными представителями народовольчества.

„Моя личная задача, цѣль моей жизни,—говорилъ на судѣ Желябовъ,—было служеніе общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію... По своимъ убѣжденіямъ я оставилъ бы эту форму борьбы, если бы только явилась возможность *борьбы мирной,* т.-е. *мирной* пропаганды и *мирной* организаціи своихъ сторонниковъ“.

„Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ из-

[1]) *Мокріевичъ*, стр. 180.

вѣстно,— говорилъ тогда же Н. И. Кибальчичъ,— *мирное* рѣшеніе вопроса [1])".

„Дайте намъ слиться съ народомъ,—говорилъ на судѣ въ 1883 году П. А. Теллаловъ,—дайте проявиться той горячей любви, которая живетъ въ каждомъ изъ насъ, и вы увидите, что изъ террористовъ мы превратимся въ *мирныхъ учителей и просвѣтителей народа*" [2]).

Мы могли бы провести множество такихъ же заявленій дѣятелей семидесятыхъ годовъ, но и приведенныхъ, полагаемъ, вполнѣ достаточно. Столкновеніе съ конкретными условіями самой жизни не могло бы не дать вполнѣ опредѣленныхъ результатовъ въ смыслѣ и дальнѣйшаго приспособленія, употребляя выраженія Желабова, „книжности" и „доктринерства" идей первой половины семидесятыхъ годовъ къ этимъ условіямъ. Народники и послѣ неудачъ „похода" 1874 года еще очень крѣпко держались за бакунистскія идеи, но жизнь оказалась бы безъ сомнѣнія сильнѣе этихъ идей.

Но можно поставить и вопросъ: а что-же было дѣлать правительству? Неужели такъ-таки ничего не предпринимать противъ движенія? Пусть, молъ, распространяютъ революціонныя книжки, пусть подстрекаютъ народъ къ бунтамъ—это *не мое дѣло*. А если не такъ, то должно же оно было принимать свои мѣры. Ну, можно его упрекнуть въ излишествѣ репрессій, но, вѣдь, и вполнѣ пассивнымъ могло ли оно, въ самомъ дѣлѣ, остаться?

На такіе вопросы отвѣтъ одинъ: разъ вступивши на ложный путь, а вступило оно на него еще тогда, когда даже о такомъ „массовомъ" движеніи, какъ движеніе семидесятыхъ годовъ, не было и помину, не только не доведя до конца ни одной реформы, но даже торопясь искажать все, ранѣе совершенное, оно, правительство того времени, неизбѣжно должно было продолжать идти по ложному же пути. Но въ этомъ и состоитъ его историческая вина передъ страной. Оно было *единственною* силой въ государствѣ, которая могла идти по пути реформъ свободно и безостановочно, идти къ прямо и ясно поставленной цѣли—конституціи и политической свободѣ. И нѣтъ сомнѣ-

---

[1]) Дѣло 1-го марта 1881 г., стр. 92.

[2]) Рѣчи подсудимыхъ по процессу 17-ти. Гектографированное изданіе 1883 г. Петербургъ 1883 г. стр. 11.

нія, что множество молодыхъ силъ нашло бы себѣ въ такомъ случаѣ приложеніе въ освобожденномъ отъ административной опеки земствѣ, во всякихъ формахъ свободной культурной на пользу народа дѣятельности. А затѣмъ, когда конституція и политическая свобода стали бы фактами русской жизни, т.-е. когда Россія стала бы страною европейскою не по одному имени только,—тогда и на вышепоставленный вопросъ, что же было дѣлать правительству,—отвѣтъ вполнѣ ясенъ: да то самое, что дѣлаютъ въ этихъ случаяхъ правительства всѣхъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ: смотрѣть на пропаганду соціалистическихъ идей лишь, какъ на осуществленіе гражданами ихъ правъ на свободу рѣчи и ничего болѣе... [1])

Возвращаясь къ первому „походу“ молодежи „въ народъ“, мы видимъ, что походъ этотъ потерпѣлъ полный крахъ, но причины его были *затемнены* въ сознаніи молодежи начавшимися правительственными репрессіями. Неудачи стали объясняться многими народниками не существомъ дѣла, а *техническими* несовершенствами приведенія его въ исполненіе съ одной стороны, и преслѣдованіями властей съ другой. Стали говорить, что пропаганду въ народѣ необходимо вести не „летучую“, а длительную, т.-е. что пропагандисты должны быть людьми не бродячими, а образовывать „поселенія“; нужно затѣмъ внести въ пропаганду больше планомѣрности, больше выдержки, больше конспиративности,—и дѣло пойдетъ на ладъ. О томъ, чтобы бороться непосредственно за созданіе лучшихъ условій для веденія той же пропаганды, что свелось бы къ борьбѣ за политическую свободу, въ 1875—76 годахъ попрежнему еще никто и не помышлялъ. Вѣдь это значило бы бороться за „буржуазное“ начало, а, воспитанная въ этомъ отношеніи на бакунинской „Государственности и анархіи“, молодежь была въ массѣ своей еще одинаково чужда подобной ереси. Вѣдь этотъ катехизисъ гласилъ, что никакая конституція, „даже самая либеральная и демократическая, не можетъ измѣнить къ лучшему отношеніе государства къ народу“, что думать иначе—„просто нелѣпость“ и потому надо думать не о конституціи, а о „соціальной революціи“, которую въ Россіи

[1]) На все это можно возразить, что власть, по самой своей природѣ, и *не могла* быть иной, нежели она была, а потому событія и *не могли* протечь иначе, чѣмъ они протекли, но это уже такой вопросъ, разсмотрѣніе котораго отвлекла бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей прямой темы.

совершитъ крестьянство. Вѣра въ самое крестьянство, какъ въ главную революціонную силу, неудачнымъ походомъ 1874 года нисколько подорвана не была. Мы уже приводили заявленіе Я. В. Стефановича, сдѣланное имъ на судѣ въ 1883 году, гласившее, что „Россіи не грозитъ крестьянская революція, хотя бы всей интеллигенціи было предоставлено свободно двинуться въ народъ и безпрепятственно тамъ пропагандировать". Но совсѣмъ—совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на дѣло тотъ же Я. В. Стефановичъ въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ.

Не отрицая того выведеннаго имъ и другими пропагандистами изъ наблюденій надъ непосредственной жизнью факта, что все русское крестьянство смотрѣло съ безграничною вѣрою на верховную власть, Я. В. Стефановичъ еще въ концѣ 1878 года отмахивался отъ этого факта такими разсужденіями:

„Но, что-же такое, въ сущности, эта пресловутая вѣра?.. Не болѣе, какъ результатъ громаднаго недоразумѣнія, какъ сказалъ Бакунинъ". И Я. В. Стефановичъ вполнѣ довольствуется такимъ объясненіемъ дѣла Бакунинымъ... Зато „мы не должны забывать тѣхъ основъ въ его (народа) характерѣ и формъ быта, которыя по существу своему могутъ стать твердой опорой силъ и живучести нашего соціалистическаго движенія". Основы эти находятся, разумѣется, въ общинномъ землевладѣніи, артели и проч. „Въ чемъ же должно выразиться содѣйствіе народу соціалистовъ изъ привилегированной среды въ осуществленіи его желаній?— продолжаетъ Я. В. Стефановичъ. Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ,—говоритъ онъ,—задамъ такой: при какихъ условіяхъ народъ сумѣетъ добиться осуществленія своихъ желаній? Дѣло соціальной революціи и ея успѣхъ требуютъ прежде всего организаціи въ самомъ народѣ. Если такъ, то ясна и та точка, куда, по нашему мнѣнію, должны быть устремлены силы русскихъ соціалистовъ" [1]). И т. д.

Ясно, что въ 1878 году Я. В. Стефановичъ стоялъ на точкѣ зрѣнія идей соціалистовъ перваго періода „хожденія въ народъ". Онъ предлагалъ иные *методы* дѣятельности въ народѣ, но точкой приложенія этой дѣятельности должно было оставаться попрежнему крестьянство съ его общиннымъ землевладѣніемъ и другими „особенностями" народнаго быта, которыя „по су-

---

[1]) *Я. Стефановичъ.* „Наши задачи въ селѣ". *Община* 1878 г. Ноябрь—Декабрь, стр. 36.

ществу своему могутъ стать твердой опорой силѣ и живучести нашего соціалистическаго движенія".

Въ томъ же 1878 г. П. Б. Аксельродъ писалъ о движеніи „въ народъ" такія строки:

„Исходнымъ пунктомъ революціоннаго движенія въ Россіи въ 1873—74 г. было стремленіе осуществить свободную федерацію общинъ, пользующихся на коллективныхъ основаніяхъ землею и всѣми орудіями труда. Таково было наше знамя въ 73—74 г. Оно представляло собою именно ту крайнюю формулу, до которой дошла революціонная мысль на западѣ. Полнѣйшее отреченіе людей отъ авторитетовъ въ сферѣ религіи, политики и экономическихъ отношеній—таково ея содержаніе".

Это движеніе потерпѣло неудачу, въ числѣ причинъ которой П. Б. Аксельродъ признаетъ и собственныя „ошибки" народниковъ, при чемъ относительно послѣднихъ онъ дѣлаетъ нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній:

„Первая и самая основная наша ошибка,—пишетъ онъ,—заключалась въ томъ, что мы отправились на дѣло, требующее всюду, а тѣмъ болѣе въ Россіи, громадныхъ усилій цѣлыхъ поколѣній, съ надеждой на полученіе быстрыхъ и блестящихъ результатовъ. Мы такъ легко и поверхностно отнеслись къ дѣлу организаціи народныхъ массъ для соціальной революціи, что полагали (по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ) достаточнымъ *нѣсколькихъ лѣтъ* дѣятельной пропаганды для осуществленія нашихъ идеаловъ. Благодаря этому поверхностному, чтобы не сказать дѣтскому, пониманію нами сущности соціальнаго переворота и условій его осуществленія, мы впали въ другую столь же гибельную по своимъ послѣдствіямъ ошибку. Всѣ наличныя силы должны были заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ—непосредственной пропагандой или агитаціей. Мало того, господствующее мнѣніе признавало дѣйствительнымъ революціонеромъ *только* того, кто облекался въ крестьянскую сермягу. Никто не спрашивалъ себя,—могу ли я быть полезнымъ непосредственно въ крестьянской средѣ, особенно въ непривычномъ мнѣ видѣ. Считалось преступленіемъ противъ народнаго дѣла сдерживать наплывъ почти мальчиковъ и дѣвочекъ на пропаганду среди рабочихъ, *измѣнникомъ* считался тотъ, кто совѣтовалъ соблюдать нѣкоторую постепенность при переходѣ съ гимназической скамьи на практическую дѣятельность. Отсюда непростительный и безалаберный характеръ

нашего „хожденія въ народъ“, скорѣе походившаго на пилигримство вѣрующихъ, но легкомысленныхъ толпъ изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей къ святымъ мѣстамъ, чѣмъ на серьезно обдуманное дѣло сознательной и организованной партіи“.

„Перелетая изъ села въ село, изъ одной мѣстности въ другую и въ то же время выкладывая повсюду на одинъ и тотъ же ладъ весь принесенный съ собою запасъ революціонныхъ идей, нельзя было ничего путнаго сдѣлать ни въ интересахъ пропаганды, ни въ интересахъ изученія условій жизни и взглядовъ крестьянъ разныхъ мѣстностей.

„Можно ли удивляться послѣ этого незначительности результатовъ нашей дѣятельности въ селахъ?“

Отсюда П. Б. Аксельродъ отнюдь не дѣлаетъ какихъ-либо выводовъ въ смыслѣ коренного пересмотра основныхъ программныхъ вопросовъ той самой дѣятельности, которая должна, по его собственнымъ словамъ, потребовать „громадныхъ усилій *цѣлыхъ поколѣній*“, нѣтъ, все сводится лишь къ усовершенствованію партійнаго механизма, къ измѣненію лишь нѣкоторыхъ пріемовъ работы все среди той же крестьянской массы.

Невосприимчивость крестьянъ къ пропагандѣ его нисколько не смущала: „что касается неблагодарности крестьянской среды для нашей дѣятельности,—писалъ онъ,—то мнѣніе это опровергается *обиліемъ нашихъ сектъ*, въ которыхъ проявляется умственная подвижность народа, и *бунтами крестьянскими*, которые и количественно и качественно все же превосходятъ протесты нашей привилегированной среды“ [1]).

Главнѣйшимъ средствомъ достичь болѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ 1874 году, результатовъ пропаганды считалось послѣ массовыхъ погромовъ этого года, замѣна „летучей“ пропаганды пропагандой, исходящей отъ лицъ и группъ, селившихся „въ

---

[1]) *П. Аксельродъ.* „Переходный моментъ нашей партіи“. *Община.* 1878 г. № 8—9. Стр. 21, 24 и 28. П. Б. Аксельродъ остался въ числѣ „старовѣровъ“ и тогда, какъ появились на исторической сценѣ народовольцы. Впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ соціалъ-демократовъ, но въ описываемое время, въ рядѣ статей на страницахъ той же *Общины*, онъ относился совершенно отрицательно и къ методамъ дѣятельности нѣмецкой соціалъ-демократіи. Мотивъ и тутъ былъ бакунинскій: политическая борьба есть борьба буржуазная. (См. „Итоги соціалъ-демократической партіи въ Германіи“. *Община.* №№ 1—9). Объ этихъ статьяхъ у насъ еще будетъ рѣчь въ послѣдней главѣ настоящей книги.

народѣ“ на продолжительное время. Съ этою цѣлью должны были основываться повсемѣстно „поселенія“. Попытками создать такія „поселенія“ и наполненъ второй періодъ дѣятельности активныхъ народниковъ семидесятыхъ годовъ. О второмъ періодѣ „хожденія въ народъ“ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, а теперь отмѣтимъ еще нѣкоторыя, связанныя съ массовыми арестами 1874 года, явленія и резюмируемъ все сказанное нами о томъ, какъ отразился первый походъ „въ народъ“ на психикѣ уцѣлѣвшихъ отъ погрома активныхъ народниковъ и лицъ, смѣнившихся собою находившихся подъ замками.

Аресты произошли повсемѣстно. Кто изъ „ходившихъ въ народъ“ или даже оказывавшихъ имъ какія-либо услуги успѣваетъ спастись отъ ареста, тотъ либо переходитъ на „нелегальное положеніе“, либо скрывается за границу. Но, именно, эти массовые аресты привлекаютъ къ пропагандистамъ несравненно больше общественнаго вниманія, чѣмъ это было раньше; кругъ лицъ, захваченныхъ *идейнымъ* вліяніемъ народниковъ, становится гораздо шире, а репрессіи властей вызываютъ противъ нихъ раздраженіе многихъ лицъ, до того времени совершенно равнодушно относившихся къ „политикѣ“. Еще въ большей степени все это имѣло мѣсто среди молодежи, которая, поэтому, стала быстро пополнять собою происшедшую въ рядахъ пропагандистовъ убыль. Возникли, разумѣется, и самые горячіе дебаты о причинахъ неудачи „похода“. Эта неудача была объяснена тремя, какъ тогда казалось, „коренными“ причинами: 1) Анархичностью въ *организаціонномъ отношеніи* веденія всего дѣла; каждый, молъ, молодецъ дѣйствовалъ на свой образецъ, тогда какъ дѣло слѣдуетъ вести планомѣрно, создавши для этого единую соціально-революціонную организацію. 2) *Абстрактностью* самой пропаганды; теперь находили, что необходимо дѣйствовать не во имя „чистаго соціализма“, а „до поры до времени“ *опираться* на назрѣвшіе уже „въ самомъ народѣ“ требованія. 3) Правительственными преслѣдованіями. Отнюдь не отвѣчая на эти преслѣдованія какими-либо „актами“ и, тѣмъ болѣе, не переводя движенія на почву политическую, бороться съ правительственными преслѣдованіями надлежитъ путемъ усиленія *конспиративнаго элемента* среди участниковъ движенія вообще, и дѣйствующихъ „въ народѣ“, подъ которымъ понималось попрежнему *земледѣльческое крестьянство*,

въ частности. Цѣлью же движенія оставалась та же „соціальная революція“ [1]). Въ это же время была сдѣлана первая попытка созданія „Всероссійской Соціально-Революціонной Организаціи“. Авторами ея явились нѣсколько учившихся въ Швейцаріи дѣвушекъ и такъ называемый кружокъ „кавказцевъ“. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Можно усмотрѣть противорѣчіе между тою цѣлью, къ которой продолжали стремиться народники („соціальной революціей“), и сдѣланными на судахъ многочисленными заявленіями самыхъ извѣстныхъ революціонеровъ, что ихъ дѣятельность въ народѣ была дѣятельностью „мирной“. На дѣлѣ противорѣчія тутъ нѣтъ, ибо дѣло не въ революціонности самой *идеи*, носителями которой были народники, а въ томъ, что́ именно *дѣлали* они въ крестьянской массѣ. Тамъ идея „соціальной революціи“ претворялась *не въ дѣйствіе*, а наоборотъ, *въ мечту*. Мы уже видѣли и еще увидимъ, что дѣятельность народниковъ въ деревнѣ,—хотѣли они этого или нѣтъ,—по фактически становилась отнюдь не „бунтовской“, а именно „мирной“, какъ и опредѣляли ее сами активные народники. Иной эта дѣятельность въ крестьянствѣ тогда и быть не могла. Это подтверждается всей исторіей народническаго движенія. Исключеніе составило одно лишь „Чигиринское дѣло“.

VIII.

„Всероссійская Соціально-Революціонная Организація“. Общество „Земля и Воля“. Демонстрація на Казанской площади въ Петербургѣ 6-го декабря 1876 г. „Чигиринское Дѣло“. Кружокъ Заславскаго въ Одессѣ.

Послѣ перваго похода „въ народъ“ и послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ арестовъ пропагандистовъ, тюрьмы переполнились небывалымъ количествомъ заключенныхъ, и у властей не сходили съ языка разговоры о „преступномъ сообществѣ“, опутавшемъ своими сѣтями цѣлыхъ тридцать семь губерній. На дѣлѣ же никакого, сколько-нибудь организованнаго „сообщества“ еще и вовсе не существовало. Пропагандисты дѣйствовали „вразсыпную“, одиночками или небольшими кружками, чисто анархически, „всякъ молодецъ—на свой образецъ“, и первая попытка создать „Всероссійскую Организацію“ явилась уже послѣ разгрома пропагандистовъ 1874 года. Какъ мы сказали, иниціаторами этой попытки были съ одной стороны учившіяся въ Цюрихѣ студентки, съ другой—такъ называемый „кружокъ кавказцевъ“.

О жизни учившейся въ Цюрихѣ русской молодежи мы уже отчасти говорили, когда у насъ была рѣчь о П. Л. Лавровѣ. Тогда же цитировали мы и яркія воспоминанія о томъ времени В. Н. Фигнеръ.

Конечно, и заграничная молодежь жаждала принять непосредственное участіе въ движеніи „въ народъ“, дошедшія же до нея извѣстія о массовыхъ арестахъ пропагандистовъ вызвали въ ея средѣ еще болѣе горячее желаніе возмѣстить собою происшедшую убыль. Какъ и всегда, такому настроенію пошли навстрѣчу съ необыковеннымъ остроуміемъ сами власти: еще

въ 1873 году, какъ снѣгъ на голову, упало на цюрихскихъ курсистокъ „правительственное сообщеніе“, которое гласило буквально слѣдующее:

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ.

Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе необлагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентовъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціалъ-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секція интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: „Пугачевскій бунтъ“, „Французская революція 1870 года“,—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычныхъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ понѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль

акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей. Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возростить такія женщины?

Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи. Оно сознаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ, преимущественно предупредительныя.

Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и неимѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта на четыре года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсть и научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ числа однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ влія-

ніями, не имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями—всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ [1]). Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два-три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому непормальному движенію.

Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе и дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе.

Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ“ [2]).

Это „правительственное сообщеніе“ было встрѣчено учившимися въ Цюрихѣ русскими женщинами съ величайшимъ негодованіемъ. Возникъ вопросъ,—что же дѣлать,—подчиниться ли распоряженію или въ какой-либо формѣ противъ него протестовать? Отвѣтъ вылился въ такомъ рѣшеніи: протестовать слѣдуетъ не противъ такой частности, а противъ всего строя русской жизни, для чего и необходимо принять немедленное и непосредственное участіе въ революціонной противъ этого строя борьбѣ.

Рѣшили, поэтому, разъѣхаться пока въ разныя мѣста Европы, а затѣмъ возвратиться въ Россію и примкнуть къ революціонному движенію.

Но прежде чѣмъ это осуществилось, члены одного цюрихскаго женскаго кружка, носившаго названіе „фрпчей“ [3]), встрѣ-

---

[1]) Число студентокъ изъ Россіи доходитъ до 108, изъ прочихъ же государствъ Европы не составляетъ и 20. *Примѣчаніе „правительственнаго сообщенія“.*

[2]) *Правительственный Вѣстникъ.* 1873 г., № 120.

[3]) Кажется, по имени квартирной хозяйки, у которой жили нѣкоторые члены этого кружка.

тились и вступили въ тѣсное дѣловое общеніе съ „кружкомъ-кавказцевъ“, съ которыми и работали потомъ вмѣстѣ въ Россіи, а затѣмъ также вмѣстѣ предстали предъ судомъ по „процессу пятидесяти“.

На кружкѣ „кавказцевъ“ мы теперь нѣсколько и остановимся, тѣмъ болѣе, что о немъ имѣются въ литературѣ предмета прекрасныя воспоминанія одного изъ его выдающихся членовъ,— И. С. Джабадари,—называющіяся „Процессъ пятидесяти“.

Авторъ воспоминаній и нѣкоторые другіе его товарищи пріѣхали въ петербургскія высшія учебныя заведенія, не только уже сильно затронутыми еще на гимназическихъ скамьяхъ въ Тифлисѣ освободительнымъ движеніемъ, но съ опредѣленно сложившимися симпатіями. Мало того, поступивши въ медико-хирургическую академію, — И. С. Джабадари увидѣлъ себя въ средѣ, мало чѣмъ отличавшейся отъ той, которую онъ только что оставилъ. „Помню,—пишетъ онъ,—меня очень поражало тогда, что темы споровъ на этихъ сходкахъ (т.-е. студенческихъ собраніяхъ въ частныхъ квартирахъ, на которыхъ часто бывали также и не студенты: Коваликъ, Рогачевъ и другіе *В. Б.*) были тѣ же, что и въ нашемъ тифлисскомъ кружкѣ: говорили о парижской коммунѣ, говорили о буржуазныхъ республиканцахъ, какъ измѣнникахъ народа, говорили о Нечаевѣ и его арестѣ въ Цюрихѣ и въ связи со всѣмъ этимъ о нашемъ правительствѣ, которое душитъ молодежь и народъ, какъ душило французское правительство парижскую коммуну“ [1]).

Разсказавши далѣе, какъ интересовалась молодежь соціальными вопросами, какъ дѣлилась она уже въ 1873 году на „бакунистовъ“ и „лавристовъ“, какъ поддерживала она почти исключительно своими крохами заграничныя революціонныя изданія, И. С. Джабадари сообщаетъ и нѣкоторыя подробности уже и тогда существовавшей борьбы обѣихъ „фракцій“. Въ то время,— разсказываетъ онъ,— агентуру бакунистскихъ изданій держалъ нѣкто Рабиновичъ, впослѣдствіи извѣстный ренегатъ; агентура журнала *Впередъ* была въ рукахъ студента медико-хирургической академіи Гинсбурга, который до конца 1875 года дѣятельно собиралъ деньги для поддержки лавровскаго изданія. Между этими двумя агентами происходили вѣчныя недоразумѣнія...“ [2]).

[1]) *И. С. Джабадари.* „Процессъ пятидесяти“. (Всероссійская Соціально-революціонная Организація). *Былое.* 1907 г., августъ, стр. 2.

[2]) Ibid., стр. 14.

И. С. Джабадари и другіе „кавказцы“ отличались отъ массы студенчества, — преимущественно „горожанъ“, — тѣмъ, что они съ дѣтства видѣли и, какъ имъ казалось, знали деревню. На этой почвѣ у „кавказцевъ“ съ „горожанами“ происходили большія препирательства: „горожане совершенно не знали массы народа, никогда не имѣли съ нею дѣла; они думали, что проповѣдью отрицанія Бога, царя, церковныхъ обрядовъ, брака и проч. можно увлечь народъ; мы же, съ дѣтства знавшіе его въ деревнѣ, безсознательно изучившіе тамъ психологію массъ, никогда не переоцѣнивали ее; мы прекрасно знали, что къ народу надо подходить осторожно и при томъ умѣло; въ противномъ случаѣ вся эта масса пойдетъ противъ насъ и станетъ за правительство...“ [1]).

Такой, казалось бы, реализмъ не помѣшалъ, однако, И. С. Джабадари и его друзьямъ при составленіи основаній, на которыхъ должна дѣйствовать первая „Всероссійская Соціально-Революціонная Организація“, о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже, мало чѣмъ отличаться отъ другихъ народниковъ-утопистовъ семидесятыхъ годовъ.

Въ 1874 году И. С. Джабадари вышелъ изъ академіи и вмѣстѣ съ товарищемъ Иванишевичемъ, сербомъ по происхожденію, котораго „страшно тяготилъ петербургскій режимъ и который увѣрялъ, что даже славянамъ въ Турціи живется гораздо свободнѣе, нежели намъ въ Россіи“, задумалъ ѣхать за границу. Къ нимъ присоединились еще двое кавказскихъ уроженцевъ и они отправились въ Цюрихъ. Тамъ происходило въ то время и любопытное сепаристическое движеніе среди грузинской учащейся молодежи, мечтавшей основать „кавказскую федеративную республику“. Устроенъ былъ съ этой цѣлью конгрессъ изъ уроженцевъ Кавказа, на которомъ вопросъ о „кавказской федеративной республикѣ“ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

„Ничтожное меньшинство, — разсказываетъ Джабадари, — въ лицѣ Домгата, Циціанова, Челокаева, Эліазова, Чикоидзе и меня, высказались за то, что ни о какой федеративной республикѣ не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ между отдѣльными національностями не существуетъ ни взаимныхъ симпатій, завѣщанныхъ прошлой исторической жизнью, ни общихъ интересовъ,

[1]) Ibid., стр. 15.

ни общности культуры; что для созданія этой общности потребуется гигантская мирная работа цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, а за это время при теперешнихъ обще-государственныхъ условіяхъ отъ кавказскихъ народностей можетъ, пожалуй, остаться одно лишь печальное воспоминаніе. Всеобщая же дружная работа всѣхъ безъ различія народностей, составляющихъ русское государство, во имя освобожденія всего русскаго народа отъ деспотизма, гнета и власти капитала скорѣе приведетъ къ торжеству свободы и лучшаго соціальнаго строя—этой конечной цѣли человѣчества; что стремленіе къ объединенію Кавказа въ форму кавказской республики сведетъ великую соціально-революціонную борьбу къ узкой національной задачѣ, которая вызоветъ опасный антагонизмъ между русскимъ народомъ, съ одной стороны, и кавказскими народами съ другой, а также вызоветъ раздраженіе и между самими кавказскими, неравными по силѣ народностями. Такой неосторожный политическій шагъ, при маломъ политическомъ развитіи кавказскихъ народовъ и самого народа русскаго, можетъ привести къ тѣмъ же печальнымъ событіямъ, театромъ которыхъ еще такъ недавно была Польша; эти чаянія завершаются не свободой, а полнымъ разгромомъ“ [1]). Большинство конгресса рѣшительно не пожелало стать на эту точку зрѣнія, клеймило меньшинство именемъ „измѣнниковъ отечеству“ и потому меньшинство совершенно осталось изолированнымъ, сплотившись за то въ еще болѣе тѣсный кружокъ.

Бросая взглядъ на этотъ эпизодъ, И. С. Джабадари заканчиваетъ его такими словами:

„Всѣ члены большинства конгресса вернулись въ Россію и въ то время, какъ почти всѣ лица, примкнувшія къ меньшинству конгресса, бросились со всѣмъ пыломъ молодости работать на пользу обще-русскаго революціоннаго движенія, не забывая и Кавказа, націоналисты поступили въ чиновники, а нѣкоторые изъ нихъ дослужились и до казенной пенсіи...“ [2]).

Джабадари былъ еще человѣкомъ совершенно „чистымъ“, но послѣ массоваго разгрома народническихъ кружковъ въ Россіи онъ неожиданно узнаетъ, что онъ и Иванишевичъ уже скомпрометированы.

„Я никакъ не могъ объяснить себѣ,—пишетъ И. С. Джабадари,—

---

[1]) *Былое.* 1907, сентябрь, стр. 178—179.
[2]) Ibid.

кто могъ оговорить меня, такъ какъ никакихъ практическихъ дѣлъ съ революціонерами въ Россіи у меня еще не было, а за границей съ эмигрантами я также ни въ какія практическія отношенія не вступалъ. Впослѣдствіи разъяснилось, что оговоренъ былъ не я, а только Иванишевичъ; оговоръ былъ сдѣланъ Рабиновичемъ, а отчасти и Исаакомъ Павловскимъ, впослѣдствіи сотрудникомъ *Новаго Времени,* писавшимъ письма изъ Парижа за подписью И. Яковлевъ" [1]).

Между тѣмъ изъ Россіи приходили постоянно все новыя и новыя вѣсти о громадныхъ арестахъ и многіе изъ учившейся за границею молодежи горѣли желаніемъ ѣхать на родину, дабы замѣнить собою выбывшихъ изъ строя.

Кавказцы стали обсуждать предстоявшіе способы дѣятельности вмѣстѣ съ нѣсколькими членами бывшаго цюрихскаго женскаго кружка. Дѣло происходило въ Женевѣ.

„Возникъ тутъ же вопросъ — если ѣхать, то зачѣмъ, — т.-е. какой способъ революціонной дѣятельности признать наиболѣе плодотворнымъ: порицали борьбу вразсыпную, признавали необходимымъ объединить дѣятельность, но не допускали централизаціи, боясь „генеральства", о которомъ тогда какъ за границей, такъ и въ Петербургѣ, никто и слышать не могъ; послѣ нечаевскаго процесса это отрицательное отношеніе къ руководительству сверху доходило въ молодежи до такой степени, что нерѣдко каждый мало-мальскій выдающійся своей организаторской дѣятельностью или иниціативой обвинялся въ генеральствѣ, въ желаніи захватить въ руки все. Нечаевъ у всѣхъ былъ въ памяти, всѣхъ возмущалъ и отталкивалъ его образъ дѣйствій и это, какъ мнѣ кажется, и было главной причиной привычки обвинять чуть ли не каждаго въ генеральствѣ. Конечно, не безъ вліянія остались для насъ и господствовавшія тогда анархическія теоріи, отрицавшія всякую власть въ семьѣ, церкви, обществѣ и государствѣ. Но, несмотря на такое отрицательное отношеніе къ единственной извѣстной въ то время организаціи — нечаевской, мы въ тотъ же вечеръ пришли все-таки къ выводу, что если члены организаціи явятся носителями нравственныхъ началъ истинной свободы, то въ такой организаціи не будетъ мѣста для лицъ, желающихъ генеральствовать" [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 181.
[2]) Ibid., стр. 183.

Это было нѣчто новое. О революціонной „организаціи“ говорилось еще въ шестидесятыхъ годахъ, на дѣлѣ же до момента, о которомъ у насъ въ данную минуту идетъ рѣчь, не только не было ничего подобнаго, но не было, въ сущности, и ничего организованнаго даже въ болѣе широкомъ смыслѣ слова: были кружки, была между нѣкоторыми изъ нихъ слабая федеративная связь, но дѣйствовали именно „вразсыпную“... Теперь же, какъ никакъ, но возникъ вопросъ о дѣятельности *организованной*.

Рѣшили приступить немедленно къ дѣлу.

„Такъ какъ наши новыя знакомки тоже собирались въ Россію и мы съ ними сходились въ убѣжденіяхъ, то рѣшено было войти съ ними въ болѣе тѣсныя сношенія, не ограничиваясь выясненіемъ однихъ программныхъ вопросовъ. Изъ нѣсколькихъ разговоровъ съ этими дѣвушками мы убѣдились, что въ смыслѣ идейнаго и нравственнаго закала лучшаго ничего нельзя было искать; онѣ представляли собой не случайную компанію студентокъ, а уже тѣсно сплоченный кружокъ, созданный извѣстнымъ самоподборомъ, что могло сильно помочь замышляемому нами дѣлу организаціи. Затѣмъ необходимо было вступить также въ болѣе тѣсныя сношенія съ заграничными типографіями, гдѣ печатались нелегальныя изданія, такъ какъ для устройства типографіи въ Россіи требовались большія денежныя средства и силы. Для осуществленія этихъ задачъ, Чикоидзе остался въ Женевѣ, я же уѣхалъ въ Петербургъ“ [1]).

Послѣ пребыванія въ теченіе нѣкотораго времени въ Петербургѣ, гдѣ И. С. Джабадари заручился связями съ оставшимися послѣ разгрома чайковцевъ рабочими, рѣшено было такъ же, какъ раньше это уже было сдѣлано кружкомъ „долгушинцевъ“, взять за операціонную базу Москву.

Туда и съѣхались, кромѣ „кавказцевъ“, С. И. Бардина, Л. Н. Фигнеръ, Бети Каминская, сестры О. С. и В. С. Любатовичъ, В. И. Александрова и другія. Къ кружку примкнули также уже извѣстный читателямъ по „хожденію въ народъ“ А. О. Лукашевичъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи громкую извѣстность въ качествѣ народовольца М. Ф. Грачевскій и нѣсколько рабочихъ: прославившійся своею необыкновенно сильной рѣчью на судѣ Петръ Алексѣевъ, Агановъ, Союзовъ и другіе.

---

[1]) Ibid., стр. 186.

Приступили къ выработкѣ основъ организаціи и здѣсь-то,— говоримъ уже отъ себя, а не излагаемъ мнѣнія И. С. Джабадари,— и оказалась еще большая незрѣлость мысли этого все же сравнительно болѣе реалистически смотрѣвшаго на вещи кружка молодыхъ пропагандистовъ. Не только въ кружкѣ чайковцевъ, но и гораздо раньше, много дебатировались вопросы о „будущемъ строѣ“ и о томъ, въ какія именно формы строй этотъ отольется послѣ грядущей „соціальной революціи“. Затѣмъ вопросы о „будущемъ строѣ“ и „будущемъ обществѣ“ получили рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что заниматься ими „не наше дѣло“, ибо на каждаго изъ пропагандистовъ и одной разрушительной работы достаточно, что, совершивши „соціальную революцію“, самъ народъ лучше нихъ и безъ всякихъ съ ихъ стороны совѣтовъ и наставленій устроитъ свою жизнь наилучшимъ и наисправедливѣйшимъ образомъ.

Задумавшій осуществить „Всероссійскую Соціально-Революціонную Организацію“ кружокъ взглянулъ на эти вопросы слѣдующимъ любопытнымъ образомъ:

„Первый день засѣданія кружка, разсказываетъ И. С. Джабадари;—былъ посвященъ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вырабатывать *детали формы будущаго строя* или ограничиться выработкой устава организаціи и способовъ революціонной дѣятельности. Вопросъ этотъ былъ поставленъ, помнится, Жуковымъ, но я, Бардина и другіе энергично возстали противъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, какой былъ смыслъ вырабатывать форму будущаго строя, когда *цѣлые десятки лѣтъ*, мы знали, придется посвятить *одной лишь разрушительной дѣятельности*. Достаточно было для насъ и того, что мы всѣ были приверженцами ученія соціализма, хотя и разныхъ толковъ; были между нами коммунисты, коллективисты и даже катедеръ-соціалисты, какъ, напр., Жуковъ. Въ политическомъ же отношеніи наши требованія сводились къ свободѣ слова, собраній, равенства всѣхъ передъ закономъ безъ различія пола и національности и проч. Выработку *деталей будущаго экономическаго и политическаго строя* мы предоставили тѣмъ, кому посчастливится присутствовать при ликвидаціи стараго порядка, на развалинахъ котораго придется осуществлять новыя политическія и экономическія формы, сообразно условіямъ времени и свободнаго желанія народа“ [1]).

[1]) *Былое.* 1907 г. Октябрь, стр. 173.

Сравнительную „реалистичность“ мысли,—если здѣсь позволительно употребить такое слово,—можно открыть въ приведенныхъ словахъ, конечно, лишь въ томъ смыслѣ, что „старый порядокъ“ представлялся кружку не только не карточнымъ домикомъ, на который стоитъ дунуть и онъ разлетится, но „порядкомъ“ настолько прочнымъ, что для его разрушенія потребуются „цѣлые десятки лѣтъ“.

Въ *этомъ* отношеніи, повторяемъ, мысль „москвичей“ [1]) была несомнѣнно зрѣлѣе ихъ предшественниковъ - пропагандистовъ 1874 года, но вѣдь и только.

Въ самомъ дѣлѣ, какое содержаніе вкладывали „москвичи“ въ свой отказъ вырабатывать „*детали* будущаго экономическаго и политическаго строя“? Что же подъ этими „деталями“, ну, хоть въ области политической, они подразумѣвали? Напримѣръ, принципъ *народоправства*, — это „деталь“ или нѣтъ? „Москвичи“, навѣрное, отвѣтили бы, что, разумѣется, они стремились къ народоправству, но въ такомъ случаѣ надо же было понятіе это хоть нѣсколько конкретизировать. Рѣшивши совершенно правильно, что „деталями будущаго строя“, т.-е. соціалистическаго строя заниматься не слѣдуетъ, „москвичи“ отнесли къ „деталямъ“ и такіе *основные* вопросы программы, безъ рѣшенія которыхъ въ ту или другую сторону обойтись, конечно, невозможно.

Не для критики, разумѣется, идей „москвичей“ говоримъ мы это,—*теперь* такая критика дѣло слишкомъ легкое, а для того, чтобы отмѣтить проходящую черезъ всю исторію активнаго народничества чрезвычайно характерную черту,—его прямо-таки пренебрежительное отношеніе къ условіямъ конкретной дѣйствительности. Объясняется же это вовсе не недостаткомъ у пропагандистовъ мыслительныхъ силъ для анализа этихъ условій, совсѣмъ нѣтъ, — объясняется это предвзятостью воспринятыхъ пропагандистами *анархическихъ* идей. Разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ вопроса, напр., объ учредительномъ собраніи принадлежитъ уже эпохѣ „народовольчества“, отдѣлавшагося отъ анархизма и заявившаго на судѣ устами Желябова, что „анархизмъ — это *старое* обвиненіе, мы соціалисты - *государственники*“. Предшественники народовольцевъ этого сказать бы

---

[1]) „Москвичами“ назывался этотъ кружокъ и потому, что главной ареной его явилась Москва.

не могли, ибо они, будучи анархистами, тѣмъ самымъ вполнѣ логически боролись съ *государствомъ*, и съ точки зрѣнія этого идеала, дѣйствительно, какая угодно конкретность въ представленіи о „будущемъ строѣ“ могла казаться лишь „деталью“, о которой не стоитъ даже и говорить, дабы „не плодить разногласій“...

Но если въ области идей, въ области пониманія соціальныхъ явленій, „москвичи“ были вполнѣ чадами своего времени, то зато со стороны моральной, со стороны твердости характеровъ и готовности на всякую жертву,—они явили собою такую высоту духа, которая выдѣляетъ ихъ наряду съ чайковцами, даже среди замѣчательнѣйшаго въ этомъ отношеніи поколѣнія молодежи семидесятыхъ годовъ.

„Будучи крайне уступчивъ въ вопросахъ *деталей будущаго* строя, продолжаетъ И. С. Джабадари,—каждый изъ насъ былъ крайней требователенъ въ вопросѣ о способахъ организаціи революціонной дѣятельности; насъ не столько интересовалъ въ данную минуту будущій строй, сколько то положеніе, въ которое каждый изъ насъ долженъ поставить себя, отдавая на революціонную дѣятельность *всего себя, всю свою жизнь*; въ этой дѣятельности, несмотря на всю исключительность нашего положенія, мы стремились осуществлять на дѣлѣ *самыя строгія нравственныя начала*, которыя должны были руководить какъ дѣятельностью самихъ членовъ организаціи, такъ и воздѣйствовать на массу, съ которой приходили въ соприкосновеніе члены организаціи, хорошо понимая, что только нравственный идеалъ можетъ освѣщать нашъ путь и привлекать сердца, ищущія правды. Словомъ, до момента революціи, въ наступленіе которой мы не могли не вѣрить, мы хотѣли словомъ, дѣломъ и всѣмъ образомъ жизни расположить къ себѣ не только революціонные кружки, но и широкую индифферентную массу, а *можетъ быть и враговъ* своихъ; и въ этомъ отношеніи, по общему признанію нашихъ современниковъ, наша организація достигла, дѣйствительно многаго“ [1]).

Говоря такъ, И. С. Джабадари нисколько не отступаетъ отъ дѣйствительности: „москвичи“ вообще и въ особенности женщины этого кружка,—С. И. Бардина, Л. Н. Фигнеръ, сестры Субботины и другія,—какъ мы это еще увидимъ, когда встрѣ-

[1]) Ibid. стр. 174.

тимся съ ними на судѣ въ время „процесса 50-ти“,—привлекли къ себѣ самыя горячія симпатія всего русскаго интеллигентнаго общества. Любопытно, тѣмъ не менѣе, отмѣтить вліяніе духа времени: проектируя учрежденіе отдѣловъ своей организаціи въ разныхъ городахъ Россіи, „москвичи“ назвали въ своемъ „уставѣ“ такіе отдѣлы „шайками“.

Какъ объяснить это? А вотъ какъ:

„Это слово (шайка),—говоритъ И. С. Джабадари,—не могло въ то время особенно шокировать нашъ слухъ, такъ какъ литература наша идеализировала понизовую вольницу (Мордовцевъ), и имя Стеньки Разина съ его шайкой отважныхъ удальцовъ вызывало въ насъ большую симпатію къ себѣ“...

Такимъ образомъ дѣло и тутъ объясняется все той же тѣнью Степана Тимофеевича Разина, которая прекрасно уживалась съ „соціализмомъ“ въ его русской народнической интерпретаціи.

Для окончательной редакціи проекта устава была избрана комиссія изъ трехъ лицъ: Жукова, Лукашевича и Бардиной и тутъ былъ внесенъ такой пунктъ: *„членъ долженъ быть въ положеніи простого работника, объ исключеніяхъ рѣшаетъ община“*.

Бардина, Каминская, Любатовичъ, Фигнеръ и другія „москвички“ поступили на фабрики въ качествѣ простыхъ работницъ. Преодолѣвая чрезвычайныя затрудненія,—приходилось жить въ корпусахъ на фабрикахъ, отлучаясь оттуда лишь по праздничнымъ днямъ,—мирясь съ отсутствіемъ не только самого минимальнаго для интеллигентнаго человѣка комфорта, но также съ невообразимой грязью и съ крайне антисанитарными условіями существованія, „москвички“ приносили всю свою душу на алтарь того дѣла, которому онѣ такъ беззавѣтно отдавались.

Когда Каминская пришла въ одинъ изъ воскресныхъ дней на свиданіе къ товарищамъ,—„мы встрѣтили ее,—разсказываетъ И. С. Джабадари,—точно нѣсколько лѣтъ не видались. И въ самомъ дѣлѣ, она сильно измѣнилась, точно прошли цѣлые годы. Раньше обыкновенно краснощекая и свѣжая, она теперь выглядѣла блѣдной, похудѣвшей, утомленной, но замѣчательно довольной и разговорчивой“. Одинъ изъ рабочихъ, съ которыми она сблизилась, явился даже на заведенную „москвичами“ особую „рабочую квартиру“.—„Это былъ молодой парень, лѣтъ 18-ти, Иванъ Спиридоновъ, хорошо грамотный и удивительно

симпатичный; онъ увѣрялъ всѣхъ рабочихъ, что эта дѣвушка, должно быть, ангелъ небесный, посланный Богомъ, и что всѣмъ надо познакомиться съ ней поближе. Кампинская подарила ему нѣсколько легальныхъ книгъ; онъ былъ въ восторгѣ и за недѣлю перечелъ ихъ всѣ; на слѣдующей недѣлѣ онъ явился къ намъ съ другими рабочими, тоже грамотными и взялъ съ собою нѣсколько книжекъ".

Еще въ семидесятыхъ годахъ (послѣ смерти Кампинской) о ней были напечатаны за границею воспоминанія, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующія строки:

Вопреки обычаямъ и закопамъ фабрики, она стала посѣщать мужскія казармы и вскорѣ заинтересовала всю фабрику, сперва своею личностью, а потомъ успѣла возбудить участіе и интересъ и къ тѣмъ вопросамъ, которые ей приходилось затрагивать. Она пользовалась всевозможными предлогами, чтобы свести разговоръ на желанную тему. Вотъ, она видитъ въ рукахъ одного парня рабочую книжку, выдаваемую отъ хозяина, гдѣ содержатся правила, опредѣляющія обязанности въ отношеніи къ нему. Кампинская читаетъ ее вслухъ, разбираетъ значеніе каждаго правила и указываетъ рабочимъ, какъ всѣ эти правила клонятся къ ихъ ущербу и къ пользѣ однихъ только хозяевъ. Она указываетъ имъ на факты изъ жизни западныхъ рабочихъ, ихъ солидарность и борьбу съ хозяйской эксплоатаціей и, мало-по-малу увлекаясь, вдается въ исторію, разсказываетъ эпизоды изъ революціи Франціи и другихъ странъ и т. д. Разсказы эти, конечно, не мало поражали рабочихъ своею необычностью. Они дивились имъ, слыша ихъ изъ устъ простой крестьянки. Ея серьезность и необычная въ крестьянской средѣ начитанность привели ихъ къ заключенію, что она раскольница, такъ какъ женщины-раскольницы составляютъ самый интеллигентный элементъ въ русскомъ крестьянствѣ. Вдохновенная рѣчь ея производила впечатлѣніе, которое усиливалось еще ея наружностью. Въ эту минуту она поистинѣ была прекрасной. Большіе каріе глаза искрились и горѣли, щеки покрывались яркимъ румянцемъ. Въ голосѣ слышались хватающія за душу ноты. Вотъ кружокъ слушателей все ближе и ближе тѣснится вокругъ нея, лица оживляются, на глазахъ навертываются слезы, но вдругъ неумолимый пронзительный свистокъ, призывающій на работу, заставляетъ ихъ встрепенуться, какъ бы отъ сна. Неумолимая дѣйствительность предъявляетъ свои права и всѣ разбредаются, прося Бетю снова какъ-нибудь разсказать или прочитать имъ что-нибудь интересное. Нѣсколько дней спустя Кампинская опять встрѣчается съ этими людьми, заговариваетъ о прошлой бесѣдѣ и съ грустью видитъ, что все впечатлѣніе ея рѣчи уже испарилось, что, утомленные тяжелымъ трудомъ, они

думаютъ только объ отдыхѣ. Подобныя явленія производили подавляющее впечатлѣніе на болѣзненно-впечатлительную душу Каминской. Она сомнѣвалась и отчаивалась, грустила и плакала. Но ничто не могло сломить настойчивости этой молодой, слабенькой дѣвушки. Она снова и снова возвращалась къ своему дѣлу. Говорила, убѣждала, разъясняла неутомимо, непрестанно. Наконецъ, застарѣлая, наросшая вѣками кора рутины и косности подалась. Ей удалось составить изъ рабочихъ небольшой кружокъ. Но при всемъ своемъ удивленіи къ уму и „грамотности“, рабочіе ни на минуту не заподозрили происхожденія Каминской. Это было минутой торжества, минутой упоительнаго счастья, врядъ ли когда-либо еще испытаннаго ею. Нужно было видѣть, какимъ восторгомъ сіяло ея милое личико, когда она объявила объ этомъ своимъ друзьямъ! Къ ней снова возвратились всѣ свѣтлыя надежды, силы ея какъ бы утроились, и она съ лихорадочнымъ увлеченіемъ продолжала вести свое дѣло. Но это хорошее время продолжалось недолго: вскорѣ ее арестовали [1]).

Заключенная въ тюрьму, Каминская заболѣла психически, была выпущена на поруки къ роднымъ и вскорѣ умерла.

Не меньшій успѣхъ имѣла на фабрикѣ дѣятельность С. И. Бардиной, біографъ которой разсказываетъ слѣдующее:

Такъ какъ женщины работали отдѣльно отъ мужчинъ, то она начала съ того, что обратилась съ своей пропагандой къ товаркамъ по мастерской. Но тутъ она потерпѣла полное фіаско. „Бабы“ оказались глухи ко всякой пропагандѣ, которая отскакивала отъ нихъ, какъ горохъ отъ стѣны. Тогда Бардина задумала пробраться на мужское отдѣленіе. При господствовавшихъ на фабрикахъ нравахъ явиться въ мужскія спальни было дѣло опасное. Поэтому она озаботилась познакомиться предварительно съ однимъ женатымъ рабочимъ черезъ его жену, свою сосѣдку по станку, и однажды вечеромъ послѣ работы отправилась къ нему въ общую спальню за какимъ-то, якобы, дѣломъ, и поспѣшила придраться къ первому предлогу, чтобы начать чтеніе захваченной съ собою книжечки, — кажется, „Сказки о четырехъ братьяхъ“. Успѣхъ ея дебюта былъ огромный, около нея собралась цѣлая толпа... Когда чтеніе было окончено,—разспросамъ не было конца: кто ты? Откуда? Гдѣ научилась такъ хорошо грамотѣ? — сыпалось на нее со всѣхъ сторонъ. Бардина отвѣтила: она раскольница, съ молоду была въ услуженіи у господъ и обучилась у нихъ грамотѣ; потомъ вернулась въ село и стала тамъ начетчицей, а теперь, по нуждѣ, поступила на фабрику... Съ этого дня Бардина часто навѣдывалась на мужскую половину... Рабочіе, какъ будто гордились ею и по суб-

[1]) „Бетя Каминская“—*Община*, 1878 г. № 8—9, стр. 8.

ботамъ въ трактирѣ нарочно обращались къ ней съ просьбой почитать имъ „вѣдомости“, какъ называли они безразлично всякую газету“... [1]).

Черезъ нѣсколько времени Бардиной пришлось, однако, спасаясь отъ ареста, бѣжать съ фабрики.

Тѣмъ не менѣе, связи съ рабочими завязались.

Но, конечно, все это продолжалось недолго: по доносу одной работницы на ея мужа началось слѣженіе и внезапно девять членовъ организаціи — Бардина, Камынская, Чиковдзе, Джабадари, Лукашевичъ, Петръ Алексѣевъ, Николаевъ, Агаповъ и Георгіевскій были сразу арестованы на одной и той же квартирѣ. Затѣмъ послѣдовали аресты и другихъ членовъ: арестованъ былъ Здановичъ, у котораго найденъ уставъ организаціи, арестованъ князь Цицiановъ, оказавшій при арестѣ вооруженное сопротивленіе, арестованы и многіе другіе.

Такъ кончилась попытка „москвичей“, оставившихъ послѣ себя самую свѣтлую память и завѣщавшихъ послѣдовавшимъ поколѣніямъ дѣятелей освободительнаго движенія идею *организаціи*.

По иниціативѣ той же группы „москвичей“ возникла заграницею также первая *рабочая газета*. То былъ, выходившій въ 1875—76 годахъ въ Женевѣ при дѣятельномъ сотрудничествѣ З. К. Ралли, В. А. Гольштейна, Жуковскаго и другихъ, *Работникъ*. (Всего вышло 15 номеровъ). Газета была направленія анархическаго и съ этой стороны чего-либо новаго собою не представляла, но важна была все же самая идея издавать органъ для рабочихъ, правильнѣе, для трудового люда, ибо газета имѣла въ виду, главнымъ образомъ, крестьянство. Въ первомъ же номерѣ газета писала: „теперь всякому ясно, для кого мы печатаемъ газету. Мы хотимъ по мѣрѣ силъ и возможности познакомить русскій рабочій людъ съ житьемъ-бытьемъ и дѣлами рабочихъ другихъ земель; хотимъ познакомить ихъ съ тѣмъ, что думаютъ другіе работники о своемъ горькомъ положеніи и какимъ средствомъ хотятъ выйти изъ него. Мы пишемъ газету для работающаго народа русскаго, вотъ почему она и называется *Работникъ*“ [2]). И газета старалась знакомить своихъ читателей съ европейскимъ рабочимъ

[1]) „С. П. Бардина“, книгоиздательство „Другъ народа“, стр. 12—14.
[2]) „Почему мы печатаемъ газету“—*Работникъ*, 1875 г., № 1.

движеніемъ. Газета проповѣдывала солидарность интересовъ трудящихся въ городѣ и деревнѣ. Задача „крестьянства“ состоитъ въ томъ, чтобы „отъ помѣщиковъ землю въ общину отобрать“, а „городскихъ фабричныхъ да заводскихъ работниковъ“—„всѣ мастерскія, фабрики и заводы въ рабочія артели отобрать“. „Какъ у земледѣльцевъ, такъ и у работниковъ городскихъ дѣло, стало быть, одно, хотятъ они одного“. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли „нужно приняться за дѣло великое: разрушить *государство* русское и устроить свой вольный союзъ рабочихъ общинъ“ [1]). Съ этой чисто анархической точки зрѣнія смотрѣла газета и на европейскія событія. Во второмъ „письмѣ французскаго работника къ его братьямъ въ Россіи“, авторъ письма (членъ Интернаціонала Шалэнъ) писалъ: „не вѣрьте, товарищи, никогда тѣмъ людямъ, которые обѣщаютъ вамъ свободу и братство подъ покровительствомъ какого-нибудь новаго „мудраго и справедливаго правительства“; справедливаго правительства быть не можетъ; согласить справедливость съ правительствомъ такъ же трудно, какъ помирить воду съ огнемъ. Всякое правительство, *какое бы оно ни было*, всегда будетъ врагомъ народнымъ. Народъ освободится только тогда, когда у него не будетъ болѣе правительства, когда онъ окончательно уничтожитъ государство“. И т. д.

Все это, конечно, звучитъ теперь крайне наивно, но все это было въ духѣ времени, а самый фактъ изданія газеты для трудящихся массъ остается несомнѣнной заслугой со стороны ея руководителей. Газета была распространена, разумѣется, весьма слабо, но о ней упоминается, однако, какъ о находимой при обыскахъ, въ обвинительныхъ актахъ „по процессу пятидесяти“, Дьякова, кружка Заславскаго и другихъ. Стало быть въ Россію она все же доходила.

Съ „москвичами“ мы еще встрѣтимся, когда у насъ будетъ идти рѣчь о „процессѣ пятидесяти“, а теперь перейдемъ къ другимъ революціоннымъ кружкамъ той же эпохи.

„Москвичи“ находились по тюрьмамъ, но брошенная ими идея *организаціи* не только не умерла, но все болѣе и болѣе укоренялась въ умахъ революціонеровъ. Необходимость дѣйствовать организованно сознавалась уже многими изъ нихъ, но что значитъ дѣйствовать? Значитъ ли это вести попрежнему

[1]) „Борьба народа съ государствомъ“—*Работникъ*, № 6.

пропаганду „соціализма“ и „анархіи“, дабы народъ опять воспринималъ это, какъ „занятную сказку“ или какъ-нибудь иначе? И, вотъ, огромное большинство активныхъ народниковъ сходится на томъ, что надо „держаться почвы“, т.-е. опираться на существующія въ народѣ его реальныя нужды и потребности. Въ идеѣ „соціальная революція“ оставалась, какъ мы уже говорили, въ полной неприкосновенности, но въ дѣйствительности она отходила куда-то далеко, и передъ глазами вырисовывалась задача иная: возбуждать народъ къ возстанію на почвѣ его повседневныхъ нуждъ, изъ которыхъ главнѣйшими являлись, конечно, малоземелье и тягота податей, и вести въ этомъ направленіи агитацію. Вотъ это нѣкоторое приближеніе къ дѣйствительности, конкретнымъ условіямъ русской жизни, и составляетъ основную черту *народничества* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова. Наряду съ тѣмъ сознавалась необходимость дѣйствовать не путемъ „летучей пропаганды“, какъ это практиковалось въ 1874 году, а путемъ „пропаганды осѣдлой“, образованія въ народѣ возможно большаго количества „поселеній“.

Всѣ эти мысли горячо обсуждались въ 1876 году въ Петербургѣ, гдѣ собрались многіе изъ побывавшихъ „въ народѣ“ революціонеровъ, и гдѣ послѣ продолжительныхъ дебатовъ возникло тайное общество съ названіемъ „Земля и Воля“. Необходимо, однако, замѣтить, что названіе это укрѣпилось за обществомъ лишь во второй половинѣ 1878 г., когда въ Петербургѣ сталъ издаваться съ этимъ названіемъ журналъ; до того же времени сколько-нибудь широкой извѣстности названіе это не имѣло. Правда слова „Земля и Воля“ были написаны на знамени, выброшенномъ 6-го декабря 1876 года во время демонстраціи на Казанской площади [1]), но то былъ фактъ совершенно единичный. Нѣкоторые изъ дѣятелей того времени даже отрицаютъ, чтобы возникшее въ 1876 году общество называлось уже и тогда „Земля и Воля“, и самъ коренной членъ и историкъ этого общества, книга котораго такъ и называется: „Земля и Воля 70 годовъ“ — О. В. Аптекманъ, разсказавши о возникновеніи общества, говоритъ: „такъ образовалась „Сѣверная революціонно-народническая“ группа, извѣстная уже *со второй половины 1878 года* подъ именемъ общества „Земля и Воля“ [2]).

---

[1]) О ней ниже.

[2]) *Аптекманъ*, стр. 99.

По другимъ, однако, свѣдѣніямъ описываемая О. В. Аптекманомъ группа называлась обществомъ „Земля и Воля“ съ 1876 года.

Какъ бы то ни было, но именно это тайное общество, возникшее, главнымъ образомъ, благодаря энергіи М. А. Натансона, явилось крупнѣйшею народническою организаціей 1876—1879 года и потому надо на ней остановиться подробнѣе, причемъ мы и будемъ называть ее организаціею землевольческою. „До того времени, — вспоминаетъ землеволецъ М. Р. Поповъ, — существовали отдѣльные, независимые другъ отъ друга кружки,— теперь же большинство революціонныхъ дѣятелей стремилось къ тому, чтобы создать организацію, которая объединила бы разрозненные кружки подъ однимъ знаменемъ. Кружокъ бывшихъ чайковцевъ и кружокъ безъ опредѣленнаго названія, но имѣвшихъ своихъ представителей во многихъ мѣстахъ провинціи, послужили главными, составными частями организаціи „Земля и Воля“ [1]). Это и была та организація, которую О. В. Аптекманъ называетъ „Сѣверной революціонно-народнической группой“. Программа этой организаціи напечатана не была и въ архивахъ не сохранилась [2]), поэтому извѣстна она лишь по позднѣйшимъ изложеніямъ ея землевольцами. О духѣ ея можно судить также по статьямъ (уже въ 1878 г.) въ газетѣ „Земля и Воля“. На основаніи этихъ источниковъ видно, что программа организаціи была программою анархическою, бакунистическою, возлагавшею попрежнему всѣ упованія на крестьянство, но переносившею центръ тяжести отъ пропаганды отвлеченныхъ соціалистическихъ идей къ агитаціи на почвѣ „сознанныхъ народомъ“ интересовъ. „Старая программа, рекомендовавшая проповѣдь принциповъ соціализма въ деревнѣ,— говоритъ М. Р. Поповъ, — замѣнена была программой протестовъ на почвѣ жизненныхъ интересовъ деревни“. Въ извѣстномъ письмѣ къ М. П. Драгоманову А. И. Желябовъ писалъ:

---

[1]) *М. Р. Поповъ.* Изъ моего революціоннаго прошлаго. *Былое*, 1907 г., Май, стр. 284.

[2]) Напечатавши въ своемъ очеркѣ „Общество „Земля и Воля“ программу этого Общества (см. „Матеріалы для исторіи соціально-революціоннаго движенія“, № 4. Женева, 1894 г., стр. 8—12, а также въ отдѣльномъ изданіи, стр. 9—12),—Э. А. Серебряковъ впалъ въ ошибку. Въ дѣйствительности, какъ это выяснилъ Г. В. Плехановъ, приведенный Э. А. Серебряковымъ документъ относится уже къ 1880 г., т.-е. онъ появился уже послѣ распаденія общества „Земля и Воля“ на „Народную Волю“ и „Черный Передѣлъ“. (См. предисловіе Г. В. Плеханова къ русскому переводу книги Туна, стр. 39).

„наступила зима 75—76 года. Тюрьмы переполнены народомъ сотни жизней разбиты, но движеніе не улеглось; только *пріемъ борьбы перемѣнился* и на смѣну пропаганды научнаго соціализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій“ [1]). О. В. Аптекманъ выражается по этому поводу такъ: „дѣло шло если не о радикальномъ переворотѣ въ революціонныхъ воззрѣніяхъ молодежи, то во всякомъ случаѣ о *рѣшительномъ поворотѣ фронта* (Здѣсь и далѣе курсивъ Аптекмана, В. Б.). Я выражаюсь такъ осторожно потому, что новое революціонное направленіе, шедшее уже на смѣну старому, *отнюдь не было новымъ ни по содержанію, ни по формѣ*“. И О. В. Аптекманъ подкрѣпляетъ свою оцѣнку такимъ разсужденіемъ: „Бакунинъ и его молодые послѣдователи основали свою программу именно на реальныхъ потребностяхъ массы, посколько эту потребности вылились въ исторически данныя формы общежитія, въ опредѣленный укладъ жизни этихъ массъ... Но пропагандистская волна, унесшая такую массу молодежи въ народъ, перетасовала тамъ въ народѣ всѣ направленія, уничтоживъ *практически* всѣ различія и оттѣнки революціонныхъ фракцій, революціонеры, словно сговорившись, дѣлали въ народѣ *одно дѣло—пропагандировали идеи соціализма*. И вышло, *что всѣ были пропагандистами*: и „бунтари“, и „лавристы“. И только $1^1/_2$—2 года спустя, когда пропаганда завершила полный циклъ своего развитія, молодежь, въ критической оцѣнкѣ свой пропагандистской дѣятельности, вернулась къ *исходному* ея пункту,—къ *бакунизму*, возродившемуся въ формѣ „революціоннаго народничества“ съ лозунгомъ „Земля и Воля“. Вотъ почему я назвалъ новое, народившееся направленіе, не „переворотомъ“, а лишь „поворотомъ фронта“ [2]).

Это нуждается, однако, въ значительной оговоркѣ: „пропаганду идей соціализма“ рекомендовалъ „лавризмъ“, а непосредственное „бунтарство“, „агитацію“ проповѣдывалъ „бакунизмъ“. И хотя огромное большинство ушедшей въ народъ молодежи было „бакунистскимъ“, но на практикѣ оно превратилось въ „пропагандистовъ“, т.-е. болѣе „лавристовъ“, чѣмъ „бакунистовъ“. Теперь произошло „возрожденіе бакунизма“, возвра-

---

[1]) Письмо Желябова къ Драгоманову. *Былое*. 1906 г., мартъ, стр. 70.
[2]) *Аптекманъ*, стр. 78.

щеніе къ его „исходному пункту“,—все это какъ будто и такъ, но въ дѣйствительности произошло и еще нѣчто, на нашъ взглядъ весьма новое: теперь уже не думали, какъ прежде, что „ничего не стоитъ поднять любую деревню“ и потому міровоззрѣніе народниковъ, хотя и попрежнему утопическое, все же не было въ *такой степени* утопическимъ, какъ раньше, это во-первыхъ. А во-вторыхъ, активные народники безсознательно подвинулись въ это время ближе къ болѣе „хозяйственнымъ“ элементамъ деревни, чѣмъ раньше. Въ самомъ дѣлѣ, у бакунистовъ всѣ упованія покоились именно на крестьянской бѣднотѣ,—чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ онъ революціоннѣе,—а теперь? Что значатъ слѣдующія слова О. В. Аптекмана: „прежнее догматическое утвержденіе, требовавшее, чтобы революціонеръ отправлялся въ народъ въ качествѣ чернорабочаго, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе *бездомнаго батрака* (курсивъ Аптекмана), ибо онъ никоимъ образомъ не могъ внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкшему почитать *матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность*“ [1]).

Если бы объектомъ для воздѣйствія въ деревнѣ считались „бездомные батраки“, „голытьба“ (или, что то же, сельскій пролетаріатъ), то тогда и положеніе революціонера въ качествѣ „бездомнаго батрака“ было бы, конечно, наилучшимъ. Онъ легче всего сошелся бы тогда, именно, съ такими же „бездомными“, какъ онъ самъ, слился бы съ сельскимъ пролетаріатомъ и,—а въ этомъ и состоялъ „бакунизмъ“ въ его чистой формѣ,—ставши на манеръ Стеньки Разина во главѣ „голытьбы“ (вспомните обращеніе Бакунина къ молодежи, которая должна представить собою именно „коллективнаго Стеньку Разина“), повелъ бы ее на дѣло „соціальной революціи“. Вѣдь попытка Разина разбилась не только о „Москву“, но и о сопротивленіе его замысламъ именно „домовитыхъ“ казаковъ, и потому „домовитые“ и „хозяйственные“ элементы деревни и теоретически, и исторически съ точки зрѣнія Бакунина никакъ не могли быть разсматриваемы, какъ элементы „соціально-революціонные“. Между тѣмъ, по словамъ О. В. Аптекмана,—и онъ подчеркиваетъ

[1]) Ibid, стр. 108. (Послѣдній курсивъ нашъ).

это,—„положеніе *бездомнаго батрака*“ теперь „безусловно отрицалось“. Почему? Да потому, что такое положеніе „никоимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству“... А почему не могло? Потому что крестьянство „*привыкло почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность*“... Но вѣдь это уже взглядъ на крестьянство, какъ на среду, отличающуюся весьма „буржуазными“ задатками. Раньше смотрѣли иначе... Такъ-то сквозь старое анархическое и соціально-революціонное облаченіе безсознательно пробивалось и нѣчто совершенно новое... Идеологія оставалась старая, но „почва“—новая, а такъ какъ послѣдняя была уже менѣе всего соціалистическою, то безъ правительственныхъ преслѣдованій, попрежнему затемнявшихъ сознаніе активныхъ народниковъ касательно причинъ ихъ неуспѣховъ въ народѣ, и „идеологія“ продолжавшихъ работать „въ народѣ“ народниковъ приспособилась бы современемъ къ своей „почвѣ“. Среди народниковъ появилась бы вѣрнѣе всего и дальнѣйшая дифференціація,—явились бы и такіе, которые оказались бы идеологами „бездомнаго батрачества“; имъ пришлось бы затѣмъ, конечно, работать рука объ руку съ идеологами движенія пролетаріата городского, и они восприняли бы изъ стараго народничества лишь основной его *принципъ*—„освобожденіе народа посредствомъ самого народа“, отбросивши полностью всѣ утопическіе элементы народнической теоріи; явились бы и другіе, которые *фактически* стали бы защитниками крестьянской земельной *собственности* противъ собственности крупныхъ землевладѣльцевъ. Они составили бы современемъ, какъ это и предполагаетъ В. К. Мокріевичъ, „крайнюю лѣвую“ земскаго движенія. Тѣмъ и другимъ, однако, безъ правительственныхъ преслѣдованій, пришлось бы еще долго ограничиться въ деревнѣ чисто культурною дѣятельностью. Но и послѣдняя была страшно затруднена политическимъ строемъ Россіи, что въ связи съ раздраженіемъ революціонеровъ противъ репрессій властей и привело затѣмъ къ борьбѣ политической.

Что безъ правительственныхъ репрессій „пропаганда“ народниковъ свелась бы фактически именно къ культурной дѣятельности въ народѣ,—въ этомъ убѣждаютъ насъ и мемуары того же О. В. Аптекмана, отличающіеся необыкновенною искренностью. Даже и тамъ, гдѣ авторъ видимо увлекается, его увлеченія исходятъ изъ такого чистаго источника, что лишь подтвер-

ждаютъ общее впечатлѣніе отъ этихъ въ высшей степени цѣнныхъ воспоминаній.

Авторъ остался убѣжденнымъ народникомъ и тогда, когда „землевольцы“ раздѣлились на „народовольцевъ“ и „черно-передѣльцевъ“, онъ примкнулъ къ послѣднимъ,—а между тѣмъ вотъ что читаемъ мы въ его же мемуарахъ. Устроился онъ въ селѣ Муратовкѣ Мокшанскаго уѣзда Пензенской губерніи и сталъ вести пропаганду среди крестьянъ. Результаты оказались такіе: „я замѣчалъ,—разсказываетъ Аптекманъ,—что рѣзкія выходки противъ царя или религіи дѣйствовали крайне непріятно на крестьянъ; такъ же сильно смущали ихъ энергичные призывы къ бунту, возстанію. Вообще, я замѣтилъ уже тогда, какъ *чутко относится народъ къ правдѣ и какъ его коробитъ отсутствіе чувства мѣры* (курсивъ Аптекмана). Беру наугадъ нѣсколько примѣровъ. Въ Пензенской губерніи еще живо тогда было преданіе о пугачевскомъ бунтѣ или какъ пензяки выражались, о „Пугачѣ“. Мнѣ называли старуху, которая была еще жива и хорошо помнила „Пугача“, т.-е. не самого Пугачева, а бунтъ, связанный съ именемъ Пугачева. Казалось бы, что книжка о „Емельянѣ Пугачевѣ“ (революціонная брошюра, написанная Л. А. Тихомировымъ и изданная за границею въ 1874 году. *В. Б.*) должна была произвести впечатлѣніе. Ничуть. Ореолъ, которымъ авторъ окружилъ Пугачева, остался непонятенъ мало-культурнымъ пензякамъ, и только при словесной бесѣдѣ, когда мнѣ удалось развернуть передъ ними картину крестьянской жизни во время царствованія Екатерины, пензяки уяснили себѣ значеніе этого народнаго бунта совершенно независимо отъ личности „Пугача“. Мои пензяки были страшно поражены, когда узнали, какая масса земель была расхищена казною и подарена „господамъ“. Чтобы вполнѣ убѣдить въ правдѣ моихъ словъ, я принесъ Романовича-Славатинскаго (Исторію русскаго дворянства) и оттуда вычиталъ имъ соотвѣтствующія мѣста. *Объемистая книга, а не тощая книжечка, подѣйствовала на слушателей моихъ весьма убѣдительно*“ [1]). Такимъ образомъ революціонная брошюрка оказалась въ обиходѣ пропагандиста почти совершенно ненужной. Ее не только замѣнило, но именно плодотворно замѣнило толковое изложеніе „объемистой книги“. И случай съ „Емельяномъ Пугаче-

[1]) *Аптекманъ*, стр. 71.

вымъ“ былъ вовсе не исключительнымъ. „Сказка о четырехъ братьяхъ“ (другая революціонная брошюра того же г. Тихомирова, конецъ составленъ П. А. Кропоткинымъ. *В. Б.*),— продолжаетъ О. В. Аптекманъ,—предварительно процензурованная мною (очевидно, отъ особо рѣзкихъ мѣстъ) слушалась, вообще, очень охотно, но какъ „сказка“,—и только“. Благодаря этому получилось вотъ что: „по мѣрѣ того, какъ наши „бесѣды“ подвигались впередъ, истинный ихъ характеръ сталъ самъ собою все болѣе и болѣе выясняться и, наконецъ, окончательно опредѣлился. *Нелегальная литература мало-по-малу отодвинулась на задній планъ, а потомъ и совсѣмъ исчезла изъ программы нашего курса пропаганды* (курсивъ Аптекмана). Для пропаганды у насъ нашлись другіе болѣе дѣйствительные способы. Я захватилъ съ собой изъ Петербурга глобусъ и небольшую коллекцію картограммъ, составленныхъ, если не ошибаюсь, главнымъ штабомъ. По этимъ наглядымъ картамъ я знакомилъ моихъ слушателей съ географіей, этнографіей, съ земледѣльческимъ и промысловымъ характеромъ нашей родины“. Вотъ въ чемъ состояли „болѣе дѣйствительные способы пропаганды“. Но что же другое это и означаетъ, какъ не то, что революціонная пропаганда,—обращеніе по-бакунински къ чувству, къ „революціонной страсти“,—было замѣнено, многомного „лавристскою“ дѣятельностью въ народѣ, а въ сущности даже и не ею, а простымъ сообщеніемъ народу географическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и всякаго рода другихъ *знаній*, общимъ расширеніемъ умственнаго горизонта крестьянъ. И эта „пропаганда“ принесла плоды: „солидные мужики особенно интересовались этими чтеніями и нерѣдко сами обращались ко мнѣ съ просьбами читать „по плану“, т.-е. по картамъ. Аграрный вопросъ, конечно, больше всего захватывалъ ихъ. Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушали меня мои муратовцы, когда я имъ на картѣ показывалъ ихъ Пензенскую губернію, разсказывалъ имъ, сколько въ этой губерніи всѣхъ земель государственныхъ („казенныхъ“), „господскихъ“ и крестьянскихъ, сколько въ губерніи лѣсу и другихъ угодій! Порою дѣло не обходилось безъ курьезовъ и совершенно неожиданныхъ сужденій, которыя, въ началѣ, пока я не привыкъ, смущали и огорчали меня. Какъ-то разъ я былъ въ ударѣ. Съ „планомъ“ въ рукахъ я развернулъ передъ моею аудиторіею картину будущаго соціальнаго строя, долженствующаго воца-

риться у насъ послѣ народнаго возстанія, когда самъ народъ сдѣлается хозяиномъ всѣхъ земель, лѣсовъ и водъ. На самомъ, такъ сказать, интересномъ мѣстѣ меня вдругъ прервалъ одинъ изъ слушателей торжествующимъ возгласомъ: „вотъ будетъ хорошо, какъ землю-то подѣлимъ! Тогда я принайму двухъ работниковъ да и какъ заживу-то“! Признаться, въ первую минуту этотъ неожиданный аргументъ меня совершенно сбилъ съ толку и весь мой соціалистическій пылъ разлетѣлся, словно меня ушатомъ холодной воды окатили. Но, опомнившись, я указалъ моему слушателю всю безсмыслицу его сужденій, причемъ не удержался и впустилъ ему такую шпильку, что вся аудиторія разразилась здоровымъ дружнымъ смѣхомъ. И, однако, я получилъ урокъ, хорошій урокъ, о которомъ я нѣсколько дней подъ рядъ думалъ“ [1]).

Должно быть, не совсѣмъ „хорошій“, если, не взирая на такую кричащую о себѣ дѣйствительность, не взирая на то, что народъ не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ „соціальной революціи“, не взирая на то, что онъ совершенно забылъ и думать о „Пугачѣ“, а интересовали его лишь вопросы малоземелья да знаній въ разныхъ областяхъ, т.-е. не взирая на картину, доказывавшую, что дѣйствительное русское село съ фантастическимъ селомъ „бакунизма“, рѣшительно ничего общаго не имѣетъ, не взирая на все это, авторъ умудрился лишь укрѣпиться въ „бакунизмѣ“... Правда, описывая свое свиданіе съ другимъ пропагандистомъ (Хотинскимъ), авторъ говоритъ, что „мы пришли къ тому заключенію, что пропаганду соціализма надо, если не совсѣмъ оставить, то ограничить ее опредѣленными рамками, въ предѣлахъ, въ которыхъ она можетъ имѣть еще значеніе. Это во-первыхъ,—а во-вторыхъ,—и это самое важное,—чтобы опереться на народъ, какъ на твердый операціонный базисъ революціонной дѣятельности, необходимо боевой лозунгъ соціализма замѣнить другимъ, болѣе дѣйствительнымъ и родственнымъ народу. Такимъ лозунгомъ могутъ быть только народныя требованія, назрѣвшія и ищущія разрѣшенія. Чтобы разрѣшить эти требованія, недостаточно одной пропаганды словомъ: *надо перейти къ дѣйствію*“. (Курсивъ Аптекмана.) [2]) Слова эти, конечно, очень мало убѣдительны:

[1]) Ibid., стр. 71—72.
[2]) Ibid., стр. 80.

вѣдь все то, о чемъ разсказываетъ О. В. Аптекманъ въ своихъ воспоминаніяхъ, свидѣтельствуетъ совершенно ясно, что пропагандисты не только не нашли въ народѣ готовности къ революціи во имя соціалистическихъ идеаловъ, но и вообще абсолютно никакого революціоннаго настроенія во имя какихъ бы то ни было требованій. Значитъ предстояло, переходя „къ дѣйствію“, создавать „собственными средствіями“ самое *настроеніе*, т.-е. брать на себя задачу завѣдомо неразрѣшимую. Бакунизмъ предполагалъ „революціонное настроеніе“ народа, какъ *данное* и отсюда уже исходили его практическіе рецепты. Народники 1876 года видѣли, что такого настроенія въ народѣ нѣтъ и слѣда, и тѣмъ не менѣе, находили необходимымъ „перейти къ дѣйствію“, считая себя попрежнему бакунистами... Это то самое, что мы уже видѣли въ письмѣ Кравчинскаго къ Лаврову. Неразрѣшимая задача, разумѣется, и дала лишь тѣ результаты, которые только и могла дать: какъ и въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ во время „летучей пропаганды соціализма“, такъ и за все время существованія землевольцевъ, т.-е. по 1879 годъ включительно, *ни одного* движенія ни въ одной губерніи и ни въ одномъ уѣздѣ или въ деревнѣ активными народниками вызвано не было... И такой результатъ затраченной народниками колоссальной энергіи никакъ не можетъ быть объясненъ однимъ лишь преслѣдованіемъ властей...

Какъ бы то ни было, но именно съ тѣмъ сумбуромъ въ мысляхъ, но въ то же время и съ тѣмъ громаднымъ *дѣйственнымъ* настроеніемъ, которые такъ живо обрисованы въ воспоминаніяхъ О. В. Аптекмана, съѣхались въ 1876 году многіе революціонеры въ Петербургъ. Ихъ собесѣдованія между собою повели къ организаціи „сѣверной революціонно-народнической“ группы, или общества „Земля и Воля“. Кромѣ программы, Общество выработало и уставъ, сущность котораго сводилась къ слѣдующему: учреждался „основной кружокъ“, въ который могъ быть принятъ затѣмъ всякій активный народникъ по рекомендаціи трехъ членовъ того же основного кружка. Каждый членъ основного кружка старается по такому же типу организовать около себя другіе кружки, являющіеся автономными въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Изъ среды основного кружка избирается „администрація“ или „центръ“ съ обязательнымъ мѣстопребываніемъ въ Петербургѣ. Въ важныхъ случаяхъ администрація собираетъ „Совѣтъ“ изъ всѣхъ нахо-

дящихся въ данную минуту въ Петербургѣ членовъ основного кружка. Кромѣ „центра“ были организованы группы: „интеллигентная“ для пропаганды среди учащейся молодежи; „рабочая“ для пропаганды среди рабочихъ; „деревенская“ изъ пропагандистовъ, либо направляющихся въ народъ, либо поддерживающихъ съ послѣдними связи; „дезорганизаторская“, функція которой состояла въ освобожденіи арестованныхъ товарищей [1]) и дѣятельности „террористической“, направленной, какъ противъ шпіоновъ, такъ и тѣхъ агентовъ власти, которые отличались особою жестокостью по отношенію къ заключеннымъ. Послѣдняя группа явилась эмбріономъ сначала землевольческаго, а потомъ и народовольческаго „Исполнительнаго Комитета“.

Въ „основной кружокъ“, по воспоминаніямъ Аптекмана, вошли слѣдующія лица: Маркъ Натансонъ, Ольга Натансонъ, Оболешевъ, Адріанъ Михайловъ, Александръ Михайловъ, Лизогубъ, Оспинскій, Квятковскій, Емельяновъ (Боголюбовъ), Поповъ, Плехановъ, Преображенскій, Трощанскій, Зунделевичъ, Баранниковъ, Леонидъ Булановъ, „Титычъ“, „Сергѣй Андреевъ“, „Егорычъ“, Хотинскій, Мощенко, Тютчевъ, Игнатовъ, Бердниковъ и Аптекманъ. Всего, значитъ, 25 человѣкъ.

Читатель, знакомый съ исторіей партіи „Народной Воли“, видитъ здѣсь уже цѣлый рядъ именъ (Александръ Михайловъ, Квятковскій, Зунделевичъ, Баранниковъ) будущихъ участниковъ „Липецкаго съѣзда“, а затѣмъ и дальнѣйшей дѣятельности смѣнившаго народничество новаго направленія.

Первымъ актомъ образовавшагося общества было устройство въ Петербургѣ на Казанской площади 6-го декабря 1876 года демонстраціи. Правительственныя преслѣдованія уже создали въ это время повышенное настроеніе и оно вылилось въ демонстративныхъ похоронахъ 3-го марта 1876 года выпущеннаго изъ дома предварительнаго заключенія и нажившаго тамъ чахотку студента Чернышева. На смерть, именно, этого студента было сложено извѣстное стихотвореніе „Замученъ въ тяжелой неволѣ, ты славною смертью почилъ, въ борьбѣ за народное дѣло ты голову честно сложилъ“ и т. д. Сначала похороны

[1]) Въ это время былъ устроенъ замѣчательный побѣгъ изъ николаевскаго госпиталя П. А. Кропоткина. Кромѣ „Записокъ революціонера“ см. объ этомъ разсказъ А. П. Иванчина-Писарева „Побѣгъ кн. П. А. Кропоткина“, *Былое*. 1907 г. Январь.

происходили съ участіемъ священника, толпа пѣла „вѣчную память“, но потомъ, сообразивши въ чемъ дѣло, священникъ сбѣжалъ, и похороны превратились въ гражданскія и демонстративныя. Полиція была захвачена врасплохъ, но затѣмъ появились жандармы; тѣло, тѣмъ не менѣе, было донесено до кладбища, послѣ чего демонстранты разошлись. Это была первая демонстрація. Участниками ея была исключительно интеллигенція. Когда въ концѣ того же 1876 года возникла землевольческая организація, то, по разсказу Г. В. Плеханова, землевольцы, дѣйствовавшіе въ рабочихъ кварталахъ, задумавши демонстрацію, „употребляли всѣ завпсѣвшія отъ нихъ средства, чтобы привлечь на нее какъ можно больше рабочихъ“. Еще и до того „въ теченіе всего ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстраціи, имѣющей произойти около Исакія, и публика была уже подготовлена. Кто задумалъ эту демонстрацію и какой характеръ собирались придать ей, мы, землевольцы, хорошенько не знали, хотя, разумѣется, явились бы къ Исакію, если бы тамъ, дѣйствительно, что-нибудь произошло. Но этой демонстраціи не суждено было состояться, она все какъ-то откладывалась отъ одного праздника до другого, такъ что нетерпѣливые „нигилисты“ начали, наконецъ, сердиться. О демонстраціи у Исаакія стали говорить не иначе, какъ съ пропіей. Не желая, чтобы публика смѣшивала насъ съ этими медлителями, мы нарочно выбрали другое мѣсто,—Казанскій соборъ,—для *нашей* (курсивъ Плеханова) демонстраціи. И все-таки, когда въ публику проникнули слухи о нашихъ замыслахъ, многіе рѣшили, что предстоящая Казанская демонстрація и есть та, которая должна была произойти у Исакія. Давно жаждавшая сильныхъ впечатлѣній революціонная молодежь отовсюду повалила къ Казанскому собору и сравнительно съ рабочими оказалась тамъ, вопреки нашимъ первоначальнымъ расчетамъ, въ большинствѣ. Рабочихъ пришло немного, 200—250 человѣкъ. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавшихъ къ революціоннымъ кружкамъ рабочихъ демонстрація имѣла смыслъ агитаціонной попытки, то для ихъ нетронутыхъ пропагандой товарищей она могла быть интересна развѣ лишь какъ новое невиданное зрѣлище. Для дѣятельнаго участія въ ней у нихъ не было никакого осязательнаго повода. Поэтому они и не пришли на нее. Еще за нѣсколько дней до демонстраціи мы увидѣли, какъ несбыточны были розовыя на-

дежды задумавшихъ ее революціонныхъ рабочихъ кружковъ. Но отступать было уже поздно. Мы всѣ видѣли, какъ смѣшны стали въ глазахъ публики слишкомъ осторожные организаторы Исакіевской демонстраціи и не хотѣли уподобляться имъ. Вечеромъ 4-го декабря собраніе, на которомъ, кромѣ насъ, землевольцевъ, были вліятельнѣйшіе рабочіе съ разныхъ концовъ Петербурга, почти единогласно рѣшило, что демонстрація должна состояться, если на нее соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. На этомъ же собраніи была предложена и одобрена мысль о красномъ знамени, о которомъ прежде никто не думалъ. Вышитую на этомъ знамени надпись „Земля и Воля“ мы считали наилучшимъ выраженіемъ народныхъ идеаловъ и требованій. Но именно народу-то, по крайней мѣрѣ, столичному, она показалась непонятной“ [1]).

Самая демонстрація затѣмъ произошла такъ: по выходѣ собравшихся демонстрантовъ изъ собора на Казанскую площадь, Г. В. Плехановъ произнесъ рѣчь, а затѣмъ было выброшено красное знамя съ надписью „Земля и Воля“. Полиція, дворники и проч. рвались на демонстрантовъ, многіе были избиты и арестованы. Хватали и людей, въ демонстраціи не принимавшихъ никакого участія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно трагична судьба Емельянова-Боголюбова. „Считаю нужнымъ сказать,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. Р. Поповъ,—что Боголюбовъ не участвовалъ въ демонстраціи, хотя и былъ приговоренъ за участіе въ ней къ 15 годамъ каторги. Рѣшено было членами основного кружка, что лица, исполняющія опредѣленныя функціи по организаціи, на площадь не должны выходить. Андрейчъ (Емельяновъ), во избѣжаніе соблазна, въ часы, опредѣленные для демонстраціи, занятъ былъ другимъ, именно, онъ въ это время отправился учиться стрѣлять въ тиръ. Возвращаясь оттуда, на одномъ изъ угловъ Невскаго проспекта, послѣ того, какъ на Казанской площади все успокоилось, онъ сталъ распрашивать о томъ, что произошло на Казанской площади сегодня, и въ это время, по указанію кого-то изъ толпы посыльныхъ, былъ арестованъ; револьверъ, найденный при немъ, послужилъ достаточной уликой противъ личности задержаннаго“ [2]).

---

[1]) *Плехановъ*.—Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. (По личнымъ воспоминаніямъ.) Стр. 29—30.

[2]) *Поповъ*, стр. 288.

Это былъ тотъ самый Боголюбовъ, который, будучи осужденъ въ каторжныя работы, былъ подвергнутъ затѣмъ въ домѣ предварительнаго заключенія Треповымъ истязанію розгами... Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ выстрѣлъ въ Трепова В. И. Засуличъ, а затѣмъ — дальнѣйшее обостреніе борьбы. Но объ этомъ ниже.

Казанская демонстрація въ качествѣ дѣла, устроеннаго землевольцами, была въ то время фактомъ единичнымъ. Весь 1877 г. прошелъ безъ демонстрацій, и эта форма протеста начала получать выраженіе лишь въ 1878 году—сначала демонстраціей при оправданіи В. И. Засуличъ въ Петербургѣ и затѣмъ во время суда надъ И. М. Ковальскимъ въ Одессѣ.

Главнымъ дѣломъ землевольцевъ было, однако, отнюдь не устройство подобныхъ актовъ, а созданіе „поселеній“ въ народѣ для дѣятельности въ немъ по землевольческой программѣ. Предполагалось создать въ возможно большемъ количествѣ городовъ организацію по тому же типу, по которому она сложилась въ Петербургѣ, т.-е. съ „основнымъ кружкомъ“ въ центрѣ, „рабочей“, „деревенской“ и другими „группами“ и т. д. Но въ дѣйствительности осуществить этого почти нигдѣ не удалось. Наиболѣе серьезная попытка создать организацію по петербургскому образцу была сдѣлана въ Саратовѣ, но и тамъ, благодаря ряду неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, попытка эта успѣхомъ не увѣнчалась. Тѣмъ не менѣе, именно Саратовская губернія была одною изъ главнѣйшихъ, куда были направлены землевольческія силы для дѣятельности въ народѣ и потому на ней намъ надо нѣсколько остановиться.

Въ Саратовъ отправились Александръ Михайловъ, Г. В. Плехановъ, Мощенко, О. В. Аптекманъ и нѣкоторые другіе. Въ „деревню“ шли исключительно интеллигенты. Останавливаясь на этомъ обстоятельствѣ, О. В. Аптекманъ пишетъ: „такъ-то никто изъ рабочихъ народниковъ не попалъ въ деревню, и всю тяжесть этой работы пришлось вынести исключительно интеллигенціи. И въ нашей деревенской тактикѣ съ самаго начала, такимъ образомъ, образовалась щель“... [1]).

Между тѣмъ самая пропаганда среди рабочихъ имѣла своею главнѣйшею цѣлью выработать изъ нихъ дѣятелей для самостоятельной пропаганды въ деревнѣ...

---

[1]) *Аптекманъ*, стр. 114.

Еще до пріѣзда Александра Михайлова и другихъ въ Саратовъ туда были посланы для заведенія необходимыхъ связей на мѣстѣ Трощанскій и Ольга Натансонъ. По арестъ въ Петербургѣ М. А. Натансона заставилъ ихъ возвратиться обратно, такъ что, когда пріѣхали въ Саратовъ другіе, то у нихъ почти не оказалось никакихъ связей. „Ольга Натансонъ и Трощинскій,—вспоминаетъ О. В. Аптекманъ,—пробыли здѣсь (въ Саратовѣ) слишкомъ короткое время и не успѣли еще завязать необходимыхъ знакомствъ. Приходилось добывать себѣ мѣста собственными усиліями, энергіей и настойчивостью. Нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищей приходилось пѣшкомъ исколесить нерѣдко полъ-уѣзда прежде, чѣмъ удавалось имъ найти что-нибудь подходящее“ [1]). Нѣсколькимъ землевольцамъ удалось пристроиться въ качествѣ фельдшеровъ и учителей. Совокупность ихъ и явилась тѣмъ, что называлось „саратовскимъ поселеніемъ“. Они, конечно, вели пропаганду въ народѣ, но въ агитаціонномъ отношеніи, по землевольческой программѣ, ими ничего предпринято не было. Очевидно, не существовало никакой для этого „почвы“. Не только „бунтовъ“ никакихъ въ Саратовской губерніи тогда не произошло, но и о самой дѣятельности саратовскихъ „агитаторовъ“ въ народѣ ни въ литературѣ того времени, ни въ литературѣ мемуарной впослѣдствіи не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Скоро дѣло съ поселеніями въ Саратовской губерніи и совсѣмъ пришлось пріостановить. О. В. Аптекманъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „въ то время, когда наши „поселенцы“, худо ли, хорошо ли, но уже стали работать въ деревнѣ, знакомились съ населеніемъ, входили въ его интересы и т. д., наши горожане (саратовцы), члены коммуны переживали тяжелый кризисъ. Они всѣми силами стремились въ деревню, а деревня не давалась имъ въ руки. Не такъ то просто создать себѣ мало-мальски прочное положеніе, а мы именно этого и хотѣли въ деревнѣ“... Между тѣмъ, „было ясно, что за коммуной зорко слѣдятъ и что провалъ неизбѣженъ“. Пришлось разъѣхаться, что нѣкоторые и сдѣлали. Изъ оставшихся нѣсколькихъ человѣкъ арестовали; Саратовское „поселеніе“ лишилось, такимъ образомъ, своего центра. „При подобныхъ обстоятельствахъ не только революціонная, но и культурная работа едва ли могла расчитывать на какой-нибудь

[1]) Ibid., стр. 110.

успѣхъ. „Деревенщики“ стали выползать изъ своихъ деревень и разбредаться врозь; осталась въ деревнѣ лишь кучка твердыхъ и непоколебимыхъ. Такъ распалось саратовское поселеніе, не просуществовавъ и года, какъ единое и цѣльное“ [1]). Чтобы покончить съ Саратовскимъ поселеніемъ, необходимо отмѣтить, что черезъ нѣкоторое время была сдѣлана попытка образовать тамъ еще разъ поселеніе, извѣстное подъ именемъ „новосаратовскаго“. Туда перебрались не примкнувшіе формально къ землевольческой организаціи, но стоявшіе къ ней въ близкихъ отношеніяхъ В. Н. Фигнеръ, Соловьевъ, Богдановичъ, И—нъ-П—въ, и другіе. „В. Н. Фигнеръ,—пишетъ Аптекманъ,—помнится, избрала Вольскій уѣздъ (Саратовской губерніи), гдѣ она и поселилась въ качествѣ фельдшерицы, а ея товарищи—въ положеніи волостныхъ писарей“ [2]).

Эта попытка въ „бунтарскомъ“ отношеніи тоже не имѣла рѣшительно никакого значенія. Вспоминая въ одной изъ своихъ статей именно это время, В. Н. Фигнеръ пишетъ: „Трогательно было стремленіе крестьянъ къ просвѣщенію и къ намъ (В. Н. Фигнеръ жила со своей сестрой Евгеніей Николаевной), какъ къ людямъ, въ рукахъ которыхъ свѣтильникъ знанія. Въ трехъ волостяхъ Петровскаго уѣзда, которыми я завѣдывала, не существовало въ то время (78—79 гг.) ни одной школы; въ селѣ Вязьминѣ, въ которомъ мы жили, было всего два человѣка грамотныхъ. Но потребность въ знаніи, пониманіе необходимости и важности школы были ярко выражены. Послѣ тяжелаго трудового дня, когда вечеромъ мы заходили съ книжкой въ чью-нибудь избу, для хозяевъ это былъ праздникъ, на который быстро сходились сосѣди. Насъ обогрѣвало безыскусственное радушіе, милое гостепріимство; и, кончивъ чтеніе, мы уходили съ миромъ, чувствуя надъ собой словно теплое благословеніе. Особенною любовью пользовалась моя сестра Евгенія, учившая дѣтей читать и писать. „Наша золотая учительница“—было ея прозвище. И эти хорошія воспоминанія я унесла въ тюрьму и сохранила во всѣ годы заточенія въ крѣпости“ [3]).

[1]) Ibid., стр. 118—120.

[2]) Ibid., стр. 157. В. Н. Фигнеръ жила не въ Вольскомъ, а въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

[3]) *Русское Богатство*. 1912, мартъ, стр. 96.

Такимъ образомъ и здѣсь дѣятельность была въ высшей степени плодотворной, но чисто культурной.

Одинъ очень крупный дѣятель того времени, жившій въ описываемое время въ качествѣ волостного писаря, разсказывалъ пишущему эти строки, что ни онъ, ни его товарищи никакой агитаціей не занимались и даже ни одной нелегальной брошюрки крестьянамъ не передали. Стоя на почвѣ мѣстныхъ нуждъ крестьянъ, они скоро увидѣли, что для пріобрѣтенія вліянія на населеніе нужны совсѣмъ не брошюрки и не „бунтарство“, и они это вліяніе пріобрѣли. Повторилась та же исторія, что и съ О. В. Аптекманомъ, когда „Емельянъ Пугачевъ“ и т. п. произведенія оказались совершенно не нужны. Такъ сами собой разбивались прежнія иллюзіи относительно „революціонности“ крестьянъ.

Въ Саратовской губерніи работалъ также А. Д. Михайловъ (среди раскольниковъ), но, — мы уже объ этомъ упоминали, — уѣхалъ потомъ въ Петербургъ, гдѣ и явился впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ организаторовъ партіи Народной Воли.

Кромѣ саратовскаго, была сдѣлана попытка организовать поселеніе въ Тамбовской губерніи (Э. Пекарскій, Гартманъ, Девель и другіе), но это поселеніе было очень недолговѣчнымъ.

О. В. Аптекманъ упоминаетъ еще о воронежскомъ поселеніи, называя въ качествѣ его членовъ М. Н. Ошанину (Оловенникову), А. А. Квятковскаго, А. И. Баранникова, М. Ф. Фроленко и М. Р. Попова. Объ этомъ поселеніи говоритъ и Э. А. Серебряковъ, прибавляя, что оно „не просуществовало и полгода“ [1]). По этому же поводу Г. В. Плехановъ пишетъ: „Воронежское поселеніе землевольцевъ, дѣйствительно, просуществовало очень недолго, но и въ этомъ виноваты были не полицейскія условія, что доказывается между прочимъ тѣмъ, что ни одинъ изъ его участниковъ не былъ арестованъ. Я не могу припомнить теперь, по какой именно причинѣ они такъ скоро покинули облюбованное ими мѣсто, но думаю, что причина эта была въ значительной степени субъективнаго свойства“ [2]). Въ дѣйствительности у всѣхъ трехъ названныхъ авторовъ (Аптекмана, Серебрякова и Плеханова) все это основано на слыш-

[1]) *Э. Серебряковъ.* Общество „Земля и Воля“. Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія, № 4, стр. 22.

[2]) *Плехановъ.* Предисловіе къ переводу Тупа, стр. 25.

номъ недоразумѣніи. Изъ очень подробныхъ по этому поводу воспоминаній М. Р. Попова точно извѣстно, что „воронежское поселеніе“ никогда и не возникало. Поповъ и Квятковскій, дѣйствительно, разъѣзжали по Воронежской губерніи подъ видомъ торговцевъ, высматривая мѣсто для поселеній, а Ошанина и другіе жили въ ожиданіи этого въ самомъ Воронежѣ, но пришло письмо изъ Петербурга отъ Александра Михайлова, извѣщавшаго объ арестѣ Ольги Натансонъ, Оболешева и другихъ членовъ землевольческаго центра, и просившаго поэтому воронежцевъ немедленно ѣхать въ Петербургъ, что они и сдѣлали [1]).

Дѣйствовали землевольцы еще въ Ростовѣ-на-Дону и прилежащихъ къ нему мѣстностяхъ и дѣйствовали успѣшно, но главнымъ образомъ среди рабочихъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже, а теперь обратимся къ дѣятельности невошедшихъ въ землевольческую организацію южныхъ „бунтарей“ съ В. К. Дебогоріемъ-Мокріевичемъ, Я. В. Стефановичемъ и другими во главѣ.

На югѣ также въ этотъ періодъ рѣшено было „держаться почвы“ и стараться вызывать въ народѣ активныя движенія, и хотя результатъ былъ тотъ же, что и на сѣверѣ, ибо никакихъ движеній, за исключеніемъ печальной памяти „чигиринъ-

---

[1]) См. *М. Р. Поповъ*. „Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда. *Былое*, 1906 г., августъ. Между прочимъ Поповъ въ этой статьѣ пишетъ: „Въ Воронежѣ насъ ожидало письмо отъ А. Д. Михайлова, въ которомъ онъ сообщалъ намъ о разгромѣ въ Петербургѣ и объ арестѣ многихъ членовъ изъ предполагаемой воронежской группы. Александръ Дмитріевичъ сообщилъ намъ, что онъ остался безъ всякихъ средствъ и почти одинъ и предлагалъ немедленно продать все, что можно продать (для разъѣздовъ по Воронежской губерніи въ качествѣ торговцевъ Поповъ и Квятковскій купили лошадь и мелочной товаръ. *В. Б.*) и ѣхать въ Петербургъ... И мы, скрѣпя сердце, рѣшили, что я отправлюсь въ Петербургъ. Но въ то же время у насъ было твердое намѣреніе не откладывать надолго *планъ предполагаемаго поселенія* въ Воронежской губерніи. Квятковскій, провожая меня въ Петербургъ, напутствовалъ меня совѣтами *не поддаваться соблазнамъ дѣятельности въ Петербургѣ* и, какъ только мало-мальски наладится въ Петербургѣ, ѣхать обратно въ Воронежъ. Онъ же рѣшилъ оставаться въ Воронежѣ и уѣхать въ Петербургъ въ томъ только случаѣ, если я найду, что его пріѣздъ туда настоятельно необходимъ“ (стр. 19—20). Но вслѣдъ затѣмъ и Квятковскій уѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлавшись, несмотря на свое столь народническое настроеніе, уже черезъ годъ послѣ того однимъ изъ самыхъ видныхъ организаторовъ партіи „Народной Воли“. Такъ кончилась попытка устроить Воронежское поселеніе. Она была разрушена обстоятельствами, прежде чѣмъ осѣлъ на мѣстѣ хотя бы одинъ поселенецъ-землевольцъ.

скаго дѣла", о которомъ рѣчь ниже, южные „бунтари" не вызвали, но настроеніе самихъ бунтарей тамъ было гораздо болѣе повышеннымъ, чѣмъ на сѣверѣ. Можетъ быть, здѣсь игралъ нѣкоторую роль и болѣе сангвиническій темпераментъ южанъ, но въ то время какъ въ Саратовской или Тамбовской губерніи дальше бесѣдъ съ крестьянами и распространенія среди нихъ нелегальныхъ брошюръ дѣло никогда не заходило, на югѣ готовились къ „гайдамачинѣ", пріобрѣтали револьверы, казацкія сѣдла и прочія принадлежности предстоявшаго, по мнѣнію южанъ, „всенароднаго бунта". Разсказывая въ своей автобіографіи про свое пребываніе въ Кіевѣ еще совсѣмъ въ качествѣ юнца (зима и лѣто 1875 — 76 гг.), Александръ Михайловъ писалъ: „Здѣсь же я познакомился съ Стефановичемъ, Капитаномъ [1]) и со многими другими бунтарями; нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой съ револьверами, сѣдлами и пр. моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ; это ясно было и по ихъ внѣшности, и по ихъ настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя и доходили въ принципахъ до крайностей" [2]). Однако, именно „почвы" для осуществленія такихъ начинаній на югѣ, какъ и на сѣверѣ, и не оказывалось. Правда, однажды въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи „агитаторы" встрѣтили среди нѣкоторыхъ крестьянъ сочувствіе своимъ планамъ, но въ общемъ картина получалась совсѣмъ иная. Ее можно точно выразить въ двухъ словахъ: народъ повсемѣстно желалъ передѣла земли и также повсемѣстно ждалъ такого передѣла, какъ реформы сверху, по иниціативѣ верховной власти. Весною 1875 года В. К. Дебогорій-Мокріевичъ поѣхалъ въ Петербургъ. „Тутъ между прочимъ,—разсказываетъ онъ,—я познакомился съ Г—вымъ, человѣкомъ легальнымъ, но принимавшимъ участіе въ 1874 г. въ саратовскомъ кружкѣ, и мы съ нимъ часто бесѣдовали, дѣлясь впечатлѣніями, вынесенными изъ прошлогодняго хожденія въ народъ. Наблюденія, сдѣланныя имъ, весьма подходили къ нашимъ. Какъ у насъ, среди украинцевъ, и на Волгѣ крестьяне тоже ожидали милостей отъ царя... Г—въ высказалъ мнѣніе, что въ народѣ возможно вызвать возстаніе только отъ имени

---

[1]) Эту кличку носилъ казненный въ 1879 г. въ Одессѣ Чубаровъ.

[2]) *А. Д. Михайловъ.* Автобіографическія замѣтки. *На родинѣ*, Женева, 1883 г., № 3, стр. 15—16.

царя, и я, съ своей стороны, размышляя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною отъ крестьянъ, не могъ не согласиться съ его мнѣніемъ"...

Возстаніе, крестьянское возстаніе, всенародный бунтъ,—эта идея проникала все существо „бунтарей" и отнимала у нихъ всякую способность къ сколько-нибудь критическому отношенію къ окружавшей ихъ дѣйствительности. „Вѣра въ революціонность народа, въ его могущество и непобѣдимость,—говоритъ Мокріевичъ,—вотъ та слабая сторона, на которой,—увы!—построено было все наше революціонное народничество. И любопытнѣе всего то, что доказательства свои мы черпали изъ исторіи, тогда какъ исторія-то, казалось, и должна была насъ уберечь отъ подобной ошибки. Мы ухитрялись отдѣльныя историческія событія, совершавшіяся, скажемъ, въ прошломъ (XVIII) вѣкѣ, цѣликомъ какъ-то пріурочивать къ нашему времени"...

И В. К. Мокріевичъ иллюстрируетъ свой разсказъ такими примѣрами:

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ такого-то года возлѣ города Яицка на Уралѣ появилась толпа казаковъ, состоящая изъ трехсотъ человѣкъ", читали мы исторію пугачевскаго бунта; потомъ переворачивали нѣсколько страницъ и читали далѣе: „Въ концѣ октября того же года подъ городомъ такимъ-то у Пугачева уже было тридцать тысячъ войска, столько-то лошадей, столько-то пушекъ и пр."—Вотъ какъ растетъ народная армія! — восклицали мы. Въ одинъ мѣсяцъ съ небольшимъ съ трехсотъ она выросла до тридцати тысячъ. Очевидно, и намъ стоитъ только начать съ самымъ маленькимъ отрядомъ, и мы не оглянемся, какъ будемъ имѣть десятки тысячъ въ своихъ рядахъ... Дальше въ описаніи того же пугачевскаго бунта мы наталкивались на факты въ родѣ того, напр., что правительственныя пушки доставлялись изъ одной губерніи въ другую, скажемъ, на волахъ и ѣхали цѣлыхъ два мѣсяца или что-нибудь въ такомъ родѣ; такіе факты нисколько не вызывали у насъ сравненій. Мы не говорили: „Однако, легко было тогда бунтовать. Тогда правительство возило пушки на волахъ, а не по желѣзнымъ дорогамъ; везло ровно два мѣсяца тамъ, гдѣ теперь въ три часа привезетъ". Мы, напротивъ, читая о подобномъ казусѣ, только радовались: „такъ имъ и надо, мерзавцамъ... вотъ имъ и пушки опоздали". Или, напр., начитываемъ мы въ исторіи того же пугачевскаго бунта нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Пу-

гачевъ окружилъ городъ съ шестидесятитысячнымъ войскомъ. Но въ это время полковникъ такой-то сдѣлалъ удачную вылазку, и въ рядахъ самозванца произошли смятеніе и паника. Въ лагерѣ его всю ночь слышался крикъ, а когда на другой день утромъ Пугачевъ вышелъ изъ своей палатки, то „къ ужасу своему увидѣлъ совершенно опустѣвшій лагерь. При самозванцѣ осталось только пятнадцать человѣкъ“. Затѣмъ слѣдуетъ поименное перечисленіе этихъ пятнадцати. „Чика“, конечно, одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ Пугачева и другіе. „Но это, однако, ужасный фактъ. Изъ шестидесяти тысячъ осталось вѣрныхъ своему дѣлу только пятнадцать человѣкъ... Куда же дѣвались остальные? Бѣжали! Какъ они смѣли бѣжать?.. Какое безобразіе! Какъ мало мужества у толпы!.. „Что?.. Мало мужества у толпы?..“ съ азартомъ восклицали мы. Но найти оправданіе и сказать что-нибудь въ пользу мужества толпы при этомъ казусѣ мудрено было; поэтому мы предпочитали поворачивать вопросъ другой стороной: „Ничего,—успокаивали мы,—сегодня разбѣжались, завтра опять придутъ“... „Конечно,—продолжаетъ В. К. Мокріевичъ,—я, быть можетъ, нѣсколько ретуширую здѣсь, но сущность нашихъ историческихъ объясненій событій была именно въ такомъ духѣ. Все то, что подтверждало наши теоріи, мы брали цѣликомъ. Все то, что противорѣчило имъ, мы ухитрялись поворотить все-таки въ пользу нашихъ взглядовъ или, наконецъ, просто уклонялись отъ объясненій. То былъ поистинѣ самообманъ или даже болѣе того—гипнозъ какой-то“ [1])...

При такомъ настроеніи не удивительно, что „бунтари“ пришли къ заключенію о возможности и даже легкости произвести возстаніе въ Украйнѣ „на почвѣ сознанныхъ народомъ интересовъ“, лишь распустивши среди массы народной революціонные манифесты. Для этого лишь требовалось, чтобы самое небольшое количество отважныхъ людей образовало въ народѣ поселенія или, какъ говорили южане, „притоны“, и оттуда подали сигналъ къ возстанію. Остальное сейчасъ же явится само собой.

И вотъ принялись за дѣло.

„Прежде всего,—разсказываетъ В. К. Мокріевичъ,—каждый изъ насъ имѣлъ по револьверу и по кинжалу, которые и носилъ всегда при себѣ. Мы закупили множество патроновъ и систематически упражнялись въ стрѣльбѣ. Въ результатѣ мы выучи-

[1]) *Мокріевичъ*, стр. 190—191.

лись прекрасно стрѣлять. Такъ, помню, я не выходилъ изъ игральной карты на разстояніи 20—25 шаговъ. Мы находили полезнымъ и даже нужнымъ изучать мѣстность, гдѣ предполагалось поднять возстаніе. И вотъ, кромѣ того, что мы, ѣздивши, познакомились съ окрестностями, мы закупили еще подробныя карты, изданныя генеральнымъ штабомъ, Кіевской, Подольской и Херсонской губерній и нерѣдко, разложивъ ихъ на столѣ, изучали обозначенныя на нихъ проселочныя дороги, лѣса, рѣченки... Но ни стрѣлять въ цѣль, ни изучать карты нельзя было у всѣхъ на виду. Револьверы, которые мы чистили (я, напримѣръ, необыкновенно тщательно совершалъ это), кинжалы, которые острили, вороха патроновъ, карты генеральнаго штаба, паспорта, которые приходилось самимъ себѣ дѣлать, — всѣ эти бунтовскія принадлежности заставляли насъ держаться подальше отъ окружающей среды. Приходилось тщательно скрывать отъ сосѣдей свою интимную жизнь, беречься, какъ бы кто изъ нихъ не подсмотрѣлъ и не замѣтилъ чего-нибудь такого, чего ему не слѣдовало знать. Наши наружныя двери были всегда заперты, чтобы при стукѣ мы имѣли время спрятать ту или другую подозрительную вещь. Наши окна по вечерамъ всегда были завѣшаны. Получалось странное нелѣпое явленіе: народникъ-бунтарь сталъ бояться посѣщенія крестьянъ. Мужикъ входилъ въ избу, чтобы поболтать о чемъ-нибудь съ человѣкомъ, „видѣвшимъ свѣтъ“,—бунтарь ежился, хмурился и думалъ лишь о томъ, кабы поскорѣе избавиться отъ непрошеннаго гостя“.

Завели тогда бунтари (человѣкъ пятнадцать) „притонъ“ въ мѣстечкѣ Смѣлѣ у еврея Сруля. „У него въ заднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами въ тѣсный непроѣзжій переулокъ, жило нѣсколько человѣкъ нашихъ, куда обыкновенно и сходились для свиданія другіе, жившіе по окрестнымъ деревнямъ. Сруль пользовался отъ насъ порядочнымъ заработкомъ и потому смотрѣлъ снисходительно на наши безконечныя шатанія. Впрочемъ, надо сказать, что онъ понималъ насъ по-своему... Сруль видѣлъ въ насъ просто шайку воровъ и при томъ ловкихъ, опытныхъ воровъ, умѣвшихъ обдѣлывать свои дѣла, какъ говорятъ, чисто. Во время „кіевскихъ контрактовъ“ (такъ называется ярмарка, начинающаяся въ Кіевѣ весною и продолжающаяся около мѣсяца) многіе изъ насъ какъ-то долго не заходили въ Смѣлу, и Сруль тогда говорилъ Рохальскому,

потирая руки: „я знаю, ваши теперь, навѣрно, въ Кіевѣ... Тамъ то они, должно быть, дѣла дѣлаютъ!..“

Сруль заботливо оберегалъ „притонъ“, предупреждалъ своихъ жильцовъ о малѣйшей опасности, и они продолжали лелѣять свои фантастическіе планы. „Предполагалось, что разъ только мы выступимъ вооруженнымъ отрядомъ и объявимъ крестьянамъ манифестъ, крестьяне тотчасъ станутъ волноваться. Этой минутой мы и должны были воспользоваться и дать возможность вооружиться бунтовщикамъ. Для этого мы и должны были заблаговременно заготовить оружіе... Но, по мѣрѣ того, какъ мы спускались съ облаковъ на землю или, другими словами, переходили отъ нашихъ проектовъ и плановъ къ ихъ практическому осуществленію — наши мечты становились все менѣе и менѣе пылкими“... [1])

Уѣхалъ делегатъ отъ южныхъ бунтарей добыть денегъ и оружія въ Петербургѣ, но вернулся оттуда съ тридцатью „никуда негодными револьверами“ и только, ибо въ Петербургѣ тоже ни денегъ, ни оружія не оказалось... „Мы имѣли, такимъ образомъ, для нашего предполагаемаго возстанія цѣлыхъ тридцать плохихъ ревельверовъ! Хороша оказалась помощь петербургскихъ кружковъ! Только и оставалось для полнаго обезпеченія успѣха въ возстаніи призвать еще на помощь того колдуна, что брался заговаривать отъ пуль! Однако, я иронизирую здѣсь заднимъ числомъ. Тогда же мнѣ было совсѣмъ не до того. Я былъ слишкомъ вѣрующимъ народникомъ“. В. К. Мокріевичъ былъ даже гораздо болѣе вѣрующимъ чѣмъ другіе.

„Между тѣмъ многіе изъ нашихъ тогда уже стали иронизировать надъ мужикомъ, и надъ собою, и надъ всѣми нашими предпріятіями. Они прекрасно видѣли и понимали, что народъ оставался такъ же чуждъ имъ, какъ былъ для нихъ и раньше, до ихъ жизни въ деревняхъ; чувствовали, съ другой стороны, и себя чуждыми народу и это, конечно, должно было развить у нихъ недовѣріе къ своимъ силамъ и своему дѣлу. Они увидѣли, что ни народъ для нихъ, ни они для народа не были нужны. Революціонное народничество отживало свое время, и мало по малу начинали уже зрѣть какія-то новыя чувства.

---

[1]) *Ibid.*, стр. 156 и слѣд.
[2]) *Ibid.*, стр. 197.

Трудно формулировать, однако, въ чемъ заключались эти чувства. Не у одного изъ скептиковъ въ ту минуту поднимался, можетъ быть, вопросъ въ такомъ родѣ: „а что если мы не тамъ ищемъ рѣшеніе вопроса, гдѣ его слѣдуетъ искать“...

Нарождался на югѣ какой-то другой типъ и, можетъ быть къ нему, именно, и въ эту именно эпоху подходили слова революціоннаго поэта:

Не разрѣшивъ своихъ задачъ,
Растративъ силы безвозвратно,
Разбитъ онъ рядомъ неудачъ,
Изломанъ жизнью безпощадно.
Въ комъ сердца нѣтъ,—быть можетъ, тотъ
Съ укоромъ на него укажетъ,
Его безумцемъ назоветъ,
„Виновенъ самъ“—сурово скажетъ.
Онъ увлекался, какъ дитя,
Онъ ошибался,—да, конечно,
Но онъ такъ вѣрилъ безконечно
И такъ измученъ не шутя [1]).

На югѣ, стала назрѣвать, если еще не мысль о политической борьбѣ, то все-же что-то близкое къ тому. Злой рокъ сулилъ, однако, чтобы случилось въ это время одно кошмарное дѣло.

Произошло событіе, невѣдомое со временъ Нечаева: то было покушеніе на убійство заподозрѣннаго въ шпіонствѣ Горіновича. Арестованный въ числѣ многихъ другихъ, бывшій гимназистъ Гориновичъ повыдавалъ товарищей и,—разсказываетъ В. К. Мокріевичъ,—„можетъ быть, именно въ награду за его раскаяніе выпущенный изъ тюрьмы, вмѣсто того, чтобы куда-нибудь удалиться, гдѣ могли бы его поскорѣе всѣ забыть, принялся *зачѣмъ-то* усиленно разыскивать Стефановича и меня, какъ своихъ знакомыхъ, мотивируя это тѣмъ, что хочетъ работать съ нами въ народѣ. *Кажется*, миссія разыскать насъ просто на просто возложена была на него жандармами“. И, вотъ, по такимъ основаніямъ, рѣшено убить Гориновича... Исполнителями этого преступленія явились Малинка [2]) и извѣстный Левъ Дейчъ. Они вызвали Гориновича въ Одессу и нанесли

[1]) Сборникъ „Изъ-за рѣшетки“ (стихотворенія Волховскаго, Синегуба, Морозова, Тихомирова и др). 1878 г. Стр. 11—12.

[2]) Повѣшенъ въ 1879 г. въ Одессѣ.

ему нѣсколько ранъ. Полагая, что онъ убитъ, они облили его лицо сѣрной кислотой... Но Гориновичъ остался живъ, сѣрная же кислота произвела свои страшныя послѣдствія: она совершенно лишила его глазъ и носа... Это ужасное дѣло вызвало содроганіе во всемъ революціонномъ мірѣ, и только въ *Набатѣ* появилась совершенно исключительная по своей гнусности статья: „Надѣвайте почаще такія маски шпіонамъ“...

Но опустимъ поскорѣй занавѣсъ надъ этимъ печальнымъ эпизодомъ и скажемъ лишь еще, что послѣ него репрессіи, разумѣется, еще больше усилились.

Тогда южные революціонеры рѣшили съѣхаться для обсужденія создавшагося положенія дѣлъ въ Харьковѣ и вотъ замѣчательныя строки, характеризующія то время, изъ не разъ уже цитированныхъ нами „Воспоминаній“ В. К. Мокріевича.

„Если бы мы бодро относились къ нашему дѣлу и вѣрили въ его осуществимость, то всѣ затрудненія, какія представились намъ вслѣдъ за неудачнымъ покушеніемъ на жизнь Гориновича, конечно, были бы преодолѣны и мы продолжали бы преслѣдовать нашу цѣль. *Но вѣры въ дѣло уже не было.* Да и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, было опять селиться по деревнямъ? Вѣдь *тамъ дѣлать было нечего.* Рознь проявилась среди насъ невообразимая! Наши сходки на „Основѣ“ (роща около Харькова) памятны мнѣ до сихъ поръ! Лежимъ, бывало, мы подъ соснами и толкуемъ; доказываетъ что-нибудь одинъ изъ насъ, а другіе слушаютъ и только улыбаются; тотъ развиваетъ свою мысль,—ему даже и не возражаютъ серьезно, а дѣлаютъ лишь вскользь кой-какія замѣчанія. Горячихъ споровъ почти не было. Но и отъ улыбокъ, и отъ замѣчаній, брошенныхъ вскользь, вѣяло такой непримиримой разноголосицей, какой, конечно, никогда не чувствовалось у насъ раньше при самыхъ горячихъ спорахъ.—„Неправда! работать (въ народѣ) можно!“ — возражаетъ Дробязгинъ [1]) скептикамъ и развиваетъ свою мысль. „Но разсужденія Дробязгина о томъ, какъ можно было бы вести дѣло на будущее время, такъ и остались одними разсужденіями. Напрасно силился онъ вдохнуть жизнь въ нашу организацію,—*то былъ уже трупъ* [2]).

Такъ и разъѣхались...

---

[1]) Повѣшенъ въ Одессѣ рѣшительно безъ всякихъ юридическихъ основаній одновременно съ Малинкой.

[2]) *Мокріевичъ*, стр. 211—212.

Бывшій на этомъ съѣздѣ Я. В. Стефановичъ попросилъ передать ему для пользованія составлявшій общественную собственность южныхъ народниковъ типографскій станокъ. Ему станокъ предоставили. Зачѣмъ же онъ понадобился Я. В. Стефановичу? Затѣмъ, что въ это время совмѣстно съ Л. Г. Дейчемъ онъ затѣялъ дѣло, составляющее одну изъ самыхъ темныхъ страницъ русскаго освободительнаго движенія. Необходимо отмѣтить, что еще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ на Волгѣ была попытка, строго осужденная тогда же Герценомъ, поднять возстаніе крестьянъ при помощи подложныхъ царскихъ манифестовъ [1]). Съ тѣхъ поръ къ обману народа, хотя бы съ самыми благими цѣлями, дѣятели русскаго освободительнаго движенія не прибѣгали. „Чигиринское дѣло“ составило въ этомъ отношеніи полное исключеніе.

Это произошло такъ.

Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ среди крестьянъ нѣсколькихъ волостей Чигиринскаго уѣзда начались волненія на аграрной почвѣ. Одни хотѣли „душевого передѣла“ земли, другіе же этого не хотѣли, желая закрѣпить за собою тѣ надѣлы, которыми владѣли. Послѣдніе назывались „актовиками“ (они хотѣли составленія „актовъ“ на право владѣнія надѣлами въ желаемомъ ими смыслѣ), другіе,—ихъ противники,—назывались „душевиками“. Начальство приняло сторону „актовиковъ“, вслѣдствіе чего и возникли волненія среди тѣхъ, которые не желали подписывать „актовъ“. Началась обычная исторія съ усмиреніями, постоями, экзекуціями, тюрьмою, высылками... Явился у „душевиковъ“ и свой собственный „вожакъ“ — крестьянинъ Хома (Фома) Прядько, который задумалъ „добраться до царя“; въ качествѣ „ходока“ поѣхалъ онъ было въ Петербургъ, гдѣ полиція, разумѣется, хотѣла его арестовать, но ему удалось скрыться. Онъ возвратился на родину и продолжалъ агитировать среди крестьянъ за „душевые надѣлы“, поддерживая ихъ въ общей у крестьянъ увѣренности, что, „царь скоро прикажетъ передѣлить землю“. Многіе изъ чигиринскихъ крестьянъ сидѣли въ Кіевѣ по участкамъ, но порядки были столь патріархальны, что ихъ отпускали днемъ

---

[1]) Герценъ выразилъ тогда увѣренность, что „Общество „Земля и Воля“ (60-хъ годовъ) не имѣетъ никакого участія въ составленіи этого манифеста“. (*Колоколъ*. 1863 г. № 166).

искать въ городѣ работу и лишь на ночь они должны были возвращаться въ участки. Въ это время и познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ Стефановичъ. Отправившись въ Чигиринщину, онъ завелъ сношенія съ мѣстными „душевиками“ и вскорѣ выдалъ себя за царскаго коммиссара, имѣвшаго полномочія дѣйствовать среди крестьянъ отъ имени самого царя. Дѣятельными помощниками Стефановича были въ этомъ дѣлѣ лишь Дейчъ и еще самое незначительное количество лицъ. Стефановичъ и его помощники начали именемъ царя организовывать крестьянъ въ „Тайную Дружину“.

Въ петербургскомъ журналѣ *Былое* былъ приведенъ полностью „Уставъ Тайной Дружины“ и другіе документы, относящіеся къ Чигиринскому дѣлу. Мы заимствуемъ здѣсь изъ нихъ лишь самыя характерныя мѣста.

Печатныя брошюры, носящія заглавіе „Уставъ крестьянскаго общества Тайная Дружина, Высочайше утвержденный Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ“, имѣютъ на второй страницѣ вверху оттискъ орла и текстъ такого содержанія:

Высочайшая Тайная Грамота.

Вѣрные наши крестьяне. Со всѣхъ концовъ Государства нашего слышимъ мы жалобы дорогого намъ крестьянства на тяжкія угнетенія исконн враждебныхъ ему дворянъ. Между тѣмъ мы съ самаго вступленія нашего на Престолъ Имперіи Россійской старались улучшить положеніе ваше. Вопреки желанію всего дворянства, Высочайшимъ Манифестомъ 19-го февраля 1861 года мы освободили васъ отъ крѣпостной зависимости и даровали вамъ всю землю безо всякаго за нее платежа, а также лѣса и сѣнокосы, несправедливо дотолѣ принадлежавшія однимъ дворянамъ...

Мы повелѣли оставить помѣщикамъ только усадьбы и такое же количество земли и лѣса, какое придется всякому бывшему ихъ крѣпостному по равному подушному раздѣлу. Такова была воля наша, обнародованная въ манифестѣ 19 февраля 1861 года. Но къ величайшему огорченію нашему, дворяне воспрепятствовали исполненію повелѣній нашихъ. Они хитростью и обманомъ удержали за собою большую и лучшую часть земли, всѣ лѣса и сѣнокосы и только самую худшую и ничтожную часть отвели вамъ, притомъ еще наложили за оную чрезвычайные выкупные и оброчные платежи...

Непрестанная двадцатилѣтняя борьба наша за васъ съ дворянствомъ убѣдила насъ, наконецъ, что мы единолично не въ силахъ помочь вашему горю и что только вы сами можете свергнуть съ себя дворян-

ское иго... и посему... повелѣваемъ: соединяйтесь въ тайныя общества, именуемыя „Тайныя Дружины“ съ тѣмъ, чтобы подготовиться къ возстанію... Всякій, кто готовъ положить свою жизнь за великое дѣло, обязанъ дать присягу на вѣрность обществу Тайной Дружины. Сіи общества должны держать себя въ самой строгой тайнѣ...

Повелѣваемъ Тайнымъ Дружинамъ исполнять нами утвержденные уставы, сохранять твердость и единодушіе въ своемъ дѣлѣ...

Итакъ, осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови благословеніе Божіе на святое дѣло твое... На подлинномъ собственная Его Императорскаго Величества печать и подпись „Александръ II“.—С.-Петербургъ, 1875 года, Февраля 19-го дня [1]).

Далѣе идетъ слѣдующее содержаніе самаго устава [2]):

I. Тайныя крестьянскія общества, именуемыя Дружинами, имѣютъ своимъ назначеніемъ подготовиться къ возстанію противъ дворянъ и другихъ высшихъ сословій съ тѣмъ, чтобы силою возвратить себѣ захваченную ими землю, уничтожить повинности и налоги, введенные дворянскимъ начальствомъ и возстановить полную „Волю“, какъ даровалъ ее Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Дружина состоитъ подъ покровительствомъ самого Государя Императора Александра Николаевича и пользуется отъ Его Величества поддержкою.

II. Всею Дружиною заправляетъ Совѣтъ Коммиссаровъ, который состоитъ изъ лицъ, облеченныхъ въ званіе коммиссара особенною грамотою, выданною изъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи за печатью самого Государя Императора Александра Николаевича.

III. Коммиссаръ избираетъ изъ извѣстныхъ ему крестьянъ наиболѣе честныхъ, твердыхъ, трезвыхъ, преданныхъ Государю Императору Александру Николаевичу и враждебныхъ дворянству, объявляетъ имъ волю Государя Императора и, если они заявятъ готовность служить святому народному дѣлу, хотя бы пришлось умереть за него, тогда приводитъ ихъ къ присягѣ на вѣрность дѣлу.

IV. Коммиссаръ доноситъ Его Величеству о ходѣ дѣлъ дружины...

Послѣ еще многихъ пунктовъ слѣдуетъ „обрядъ святой присяги“, передъ текстомъ котораго находилось такое поясненіе:

„Къ святой присягѣ желающій быть членомъ Дружины приводится послѣ поручительства двухъ знающихъ его дружинниковъ. Только коммиссаръ имѣетъ право приводить къ святой присягѣ безъ поручи-

---

[1]) Цитируемъ съ пропусками.
[2]) Приводимъ лишь нѣкоторые пункты.

тельства. Обрядъ святой присяги совершается такъ: предъ иконою Спасителя, святымъ Крестомъ и святымъ Евангеліемъ, передъ двумя накрестъ воткнутыми пиками или ножами зажигается восковая свѣчка. Приводимый къ святой присягѣ становится на колѣни, поднимаетъ второй и третій персты правой руки вверхъ, а лѣвую полагаетъ на грудь и повторяетъ слова святой присяги, читаемыя старостою (одна изъ должностей по уставу Тайной Дружины) или грамотнымъ свидѣтелемъ такъ:

„Я (имя, отчество, фамилія) передъ ликомъ Спасителя, Святымъ Евангеліемъ, Святымъ Крестомъ, клянусь всю мою жизнь пожертвовать святому народному дѣлу Дружины. Клянусь по приказу Государя Александра Николаевича бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ помѣщиками, чиновниками и всякими моихъ собратій и моего Государя Александра Николаевича врагами, погубившими нашу волю и отнявшими отъ насъ землю, врученную намъ самимъ Богомъ и Государемъ Александромъ Николаевичемъ, непрестанно вербовать членовъ въ Тайную Дружину. Клянусь жить со всѣми дружинниками въ мирѣ и согласіи и, какъ братьямъ, помогать имъ въ нуждахъ. Клянусь сохранять въ строгой тайнѣ наше общее дѣло даже на исповѣди и никого изъ товарищей-дружинниковъ не выдавать врагамъ, и если замѣчу въ другомъ такое намѣреніе — донести своему старостѣ. Клянусь безпрекословно исполнять уставы Дружины, исходящіе черезъ Коммиссаровъ за печатью Совѣта Коммиссаровъ отъ самого Государя Императора Александра Николаевича. Ежели нарушу сію мою клятву, то призываю гнѣвъ Господа Бога и всѣхъ святыхъ его на меня и все мое потомство, и да поразятъ меня всякія бѣды и несчастія и да не щадитъ меня рука брата-дружинника. Аминь.

Послѣ произнесенія сихъ словъ присягнувшій цѣлуетъ икону, крестъ и Евангеліе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему. Александръ II. С.-Петербургъ. 1875 г. Февраля 19 дня“.

Въ концѣ присяги приложена золотого цвѣта круглая печать, среди которой изображены накрестъ пика и топоръ, а кругомъ значится: „Печать Совѣта Коммиссаровъ“ [1]).

Мнимымъ царскимъ коммиссарамъ удалось съ помощью этихъ грамотъ и обрядовъ организовать среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда „Тайную Дружину“, въ которую вступило около тысячи членовъ. Это былъ единственный успѣшный опытъ крупной организаціи среди крестьянъ, но и онъ былъ проведенъ при посредствѣ такихъ, увы, недостойныхъ средствъ...

---

[1]) Документы по Чигиринскому дѣлу. *Былое*. 1906 г. Декабрь, стр. 258—261.

Въ концѣ-концовъ Дружина была открыта, множество крестьянъ переарестовано и совершенно раззорено, сами организаторы Дружины—Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій—попали въ кіевскую тюрьму, откуда затѣмъ бѣжали, благодаря необыкновенной ловкости сумѣвшаго поступить въ ту же тюрьму надзирателемъ будущаго извѣстнаго народовольца М. Ф. Фроленко [1]).

Крестьянъ судили, 74 человѣка приговорили къ различнымъ наказаніямъ, нѣсколькихъ,—въ томъ числѣ Прядько,—сослали въ Сибирь, и намъ достовѣрно извѣстно, что нѣкоторые изъ сосланныхъ крестьянъ питали самыя враждебныя чувства къ иниціаторамъ „Тайной Дружины“ за тѣ пріемы, къ которымъ послѣдніе въ этомъ дѣлѣ прибѣгли...

Такимъ образомъ, и послѣ 1874 года, какъ и до этого, дѣло „хожденія въ народъ“ надо признать, по достигнутымъ „бунтарями“ непосредственнымъ результатамъ, потерпѣвшимъ полную неудачу.

„Ко времени русско-турецкой войны,—разсказываетъ Мокріевичъ,— скептицизмомъ были заражены болѣе или менѣе всѣ, по крайней мѣрѣ, южные народники.“

Здѣсь рѣчь идетъ о скептицизмѣ по отношенію къ „народу“ и всѣмъ тѣмъ способамъ, въ которые раньше горячо вѣрили, какъ въ ведущіе прямо къ цѣли—къ „соціальной революціи“, но совершенно вѣрна и оговорка В. К. Мокріевича, что такъ были настроены ко времени русско-турецкой войны, т.-е. въ 1876—77 годахъ, по „крайней мѣрѣ, южные народники“, ибо на сѣверѣ косность мысли была гораздо упорнѣе, и тамъ землевольцы, какъ это мы еще увидимъ, продолжали въ своемъ

---

[1]) См. разсказъ М. Ф. Фроленко „Какъ я былъ тюремнымъ надзирателемъ“. *Русское Богатство*. 1906 г. Май. Стефановичъ былъ осужденъ въ каторжныя работы въ 1883 году по такъ-называемому „Процессу 17-ти“. Дейчъ былъ выданъ русскому правительству Германіей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ былъ выданъ Швейцаріей Нечаевъ, т.-е. для суда надъ нимъ исключительно за покушеніе на жизнь Гориновича. Его судили и осудили въ каторжныя работы въ 1884 году. Бохановскій остался за границей. По этому дѣлу трагична судьба Владиміра Малавскаго, не принимавшаго абсолютно никакого участія въ Чигиринскомъ дѣлѣ и узнавшаго о самомъ его существованіи лишь въ тюрьмѣ, куда онъ попалъ, будучи арестованъ на квартирѣ одного изъ участниковъ дѣла. Его осудили на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ, затѣмъ онъ былъ перевезенъ изъ Кары въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ...

органѣ *Земля и Воля* твердить и въ 1879 году о Пугачевѣ и прочихъ народническихъ иллюзіяхъ болѣе раннихъ эпохъ.

Чтобы покончить съ изображеніемъ того, что происходило въ это время на югѣ Россіи, отмѣтимъ еще одно явленіе: среди крестьянства на югѣ, какъ и на сѣверѣ, народниками было затрачено огромное количество энергіи съ почти нулевыми результатами. Пропагандой среди трудящагося населенія городовъ и на сѣверѣ и на югѣ занимались, такъ сказать, между дѣломъ, имѣя въ виду не столько непосредственное на это населеніе воздѣйствіе, сколько приготовленіе изъ рабочихъ самостоятельныхъ пропагандистовъ для той же главной дѣятельности—среди крестьянъ, и, тѣмъ не менѣе, *эта* пропаганда давала, относительно говоря, значительные результаты.

Въ Одессѣ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ проживалъ дворянинъ Евгеній Іосифовичъ Заславскій, уже не юноша (во время разбирательства его дѣла въ 1877 года ему было тридцать лѣтъ), организовавшій „Южно-Россійскій Союзъ Рабочихъ“ [1]).

Организація эта охватила десятки одесскихъ рабочихъ; затѣмъ сталъ образовываться подъ ея вліяніемъ кружокъ рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону, одинъ изъ членовъ организаціи (Наддачинъ) былъ посланъ въ Керчь, чтобы заняться тѣмъ же и въ этомъ городѣ, словомъ, Союзъ дѣйствовалъ очень успѣшно и различіе результатовъ пропаганды сравнительно съ пропагандой среди крестьянъ не можетъ не бросаться въ глаза. Надо при этомъ

---

[1]) Объ этомъ весьма интересномъ дѣлѣ, несмотря на то, что оно разбиралось въ 1877 году, когда еще отчеты о политическихъ процессахъ печатались въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, правительство не опубликовало ни одного слова. Между тѣмъ, почти всѣ обвиняемые по этому процессу (16 человѣкъ) были рабочіе. Обвинительный актъ и приговоръ по дѣлу Заславскаго были помѣщены въ V томѣ журнала *Впередъ*, откуда они и перепечатаны въ первомъ томѣ сборниковъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Въ послѣднемъ мы писали: „въ то время въ Петербургъ пріѣхалъ И. С. Тургеневъ и просилъ разрѣшенія присутствовать на процессѣ. Отказать знаменитому писателю было неудобно и, какъ передавалъ намъ одинъ изъ участниковъ процесса, Тургеневъ находился все время въ залѣ засѣданія, сидя за судейскими креслами. Это обстоятельство, видимо, дѣйствовало на судей, ибо за ходомъ разбиравшагося безъ дневного свѣта дѣла слѣдилъ „европеецъ“ въ полномъ смыслѣ слова“. Объ „Южно-Россійскомъ Союзѣ Рабочихъ“ нѣкоторыя свѣдѣнія находятся еще въ брошюрѣ П. Л. Лаврова„ Народники-пропагандисты“ и въ статьѣ С. А. Жебунева „Отрывки изъ воспоминаній“. (*Былое*. 1907 г. Май).

замѣтить, что пріемъ пропаганды и вербованіе новыхъ членовъ въ Союзъ были тогда чрезвычайно первобытны. Такъ, рабочій Толстоносовъ, благодаря прямому доносу котораго въ жандармское управленіе власти обнаружили весь Союзъ, былъ „распропагандированъ“ такимъ образомъ: былъ онъ въ трактирѣ и читалъ какую-то газету. Подошелъ къ нему неизвѣстный человѣкъ, который сказалъ, что газету слѣдуетъ читать не эту, а другую, при чемъ далъ ему номеръ революціонной газеты *Работникъ*. Толстоносовъ заинтересовался газетой, сталъ встрѣчаться съ незнакомцемъ, оказавшимся членомъ Союза Рыбицкимъ, и тотъ разсказалъ ему о существованіи Союза, назвавши вмѣстѣ съ тѣмъ рабочихъ Мрочковскаго и Курганскаго, какъ членовъ Союза, работающихъ на той же желѣзной дорогѣ, что и Толстоносовъ (послѣдній былъ желѣзнодорожный машинистъ), отъ которыхъ онъ можетъ получать газету *Работникъ* и другія революціонныя изданія. Сблизившись съ этими лицами, узнавши черезъ нихъ многихъ другихъ, побывавши на нѣсколькихъ собраніяхъ и примкнувши къ Союзу, Толстоносовъ явился затѣмъ по собственной иниціативѣ въ жандармское управленіе, донесъ о существованіи тайнаго общества и въ доказательство справедливости своего доноса представилъ начальнику жандармскаго управленія нѣсколько номеровъ газетъ *Впередъ* и *Работникъ*, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Хитрую Механику“ и другія произведенія революціонной печати того времени. Дѣло, такимъ образомъ, обнаружилось, начались аресты, которые и повлекли за собою „процессъ Заславскаго“. Хотя процессъ этотъ разбирался въ Петербургѣ уже въ 1877 году (съ 23 по 29 мая), но, чтобы покончить съ дѣятельностью въ описываемый моментъ „южанъ“, мы остановимся здѣсь же на короткое время и на самомъ процессѣ членовъ „Южно-Россійскаго Союза рабочихъ“.

Объ „Уставѣ Южно-Россійскаго Союза рабочихъ“ въ обвинительномъ актѣ говорилось слѣдующее: „рабочіе, сознавая, что установившійся нынѣ относительно рабочихъ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости, что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества,— рабочіе южно-россійскаго края соединяются въ одинъ союзъ, поставляя себѣ цѣлью: а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ и б) объединеніе рабочихъ южно-рос-

сійскаго края для будущей борьбы съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ". Затѣмъ слѣдуютъ правила „относительно взносовъ, порядка расходованія суммъ, кассирѣ, кружкахъ и депутатахъ".

Этотъ уставъ свидѣтельствуетъ о совершенно новой постановкѣ дѣла въ кружкѣ Заславскаго; кромѣ того, мы видимъ изъ того же обвинительнаго акта, что если литература, которую распространялъ среди рабочихъ Союзъ, была въ значительной части литературою тою самою, которая распространялась и народниками среди крестьянства, — вѣдь другой литературы „подпольной" тогда и не существовало,—то все же очень любопытно, что, напримѣръ, народническо-бунтарское евангеліе— бакунинская „Государственность и анархія" — вовсе не встрѣчается среди распространявшихся кружкомъ Заславскаго изданій, а на ряду съ „Сказкой о мудрицѣ Наумовнѣ" тамъ фигурируютъ „Очерки фабричной жизни", „Паровая машина", „Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ" и т. д.

За организацію Союза и распространеніе книжекъ подсудимымъ по дѣлу Заславскаго былъ вынесенъ слѣдующій приговоръ: самъ Заславскій—каторжныя работы на 10 лѣтъ [1]). Рыбицкій и Кравченко—каторжныя работы на пять лѣтъ. Наумовъ, Силенко, Ляховичъ и Мрочковскій—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе. Лущенко, Короленко и Курганскій — въ арестантскія роты, первый на два года, двое послѣднихъ—на годъ. Тараненко, Наддачинъ, Соколовъ и Волощукъ—къ тюремному заключенію.

Такъ закончилъ дни свои *первый* рабочій союзъ въ Россіи.

Кружокъ Заславскаго существовалъ слишкомъ короткое время и представлялъ собою явленіе слишкомъ еще исключительное, чтобы на основаніи одного факта существованія такого кружка можно было бы строить сколько-нибудь широкія обобщенія, но, по крайней мѣрѣ, симптоматическое значеніе за нимъ отрицать едва ли возможно.

Въ 1877 году *на югѣ Россіи* прежняго *массоваго* увлеченія деревней уже не замѣчалось, и среди самихъ народниковъ какъ бы нащупывались другія формы дѣятельности: возникла идея организаціи рабочихъ въ самостоятельный союзъ, нарождалось смутное сознаніе необходимости борьбы за политиче-

[1]) Въ 1878 году онъ впалъ въ психическое разстройство и умеръ.

скую свободу, появилось и настроеніе „террористическое“ [1]). Иное теченіе среди народниковъ преобладало еще на сѣверѣ и въ средней Россіи. Слѣдя за судьбами активнаго народничества, намъ слѣдовало бы поэтому возвратиться теперь снова къ сѣверянамъ и въ частности къ обществу „Земля и Воля“, но въ 1877 году началась русско-турецкая война, имѣвшая несомнѣнно большое значеніе и для освободительнаго движенія въ Россіи, и потому войнѣ этой, равно какъ и предшествовавшимъ ей событіямъ въ формѣ революціонныхъ движеній на Балканскомъ полуостровѣ и отношеніямъ къ нимъ активныхъ народниковъ, намъ надо посвятить особую главу.

[1]) Идея „террора“ явилась въ одномъ южномъ кружкѣ еще въ 1873 году, но это было явленіе совершенно исключительное и никакой связи съ общимъ ходомъ движенія семидесятыхъ годовъ не имѣвшее.

IX.

Революціонное движеніе среди балканскихъ славянъ, русско-турецкая война 1877—1878 года и отношеніе къ этимъ событіямъ русскихъ соціалистовъ [1]).

Событія на Балканскомъ полуостровѣ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ и русско-турецкая война имѣли, безъ сомнѣнія, очень большое вліяніе на судьбы русскаго освободительнаго движенія въ Россіи, но, чтобы прослѣдить это вліяніе, намъ,—хотя это и нарушаетъ архитектуру книги,—необходимо отступить отъ нашей прямой темы и бросить бѣглый взглядъ не только на причины, вызвавшія войну, и на отношеніе къ ней разныхъ элементовъ русскаго общества, но и на существовавшую по отношенію къ славянамъ на Балканскомъ полуостровѣ нѣкоторую *традицію* въ русской революціонной средѣ.

Отрицать вполнѣ, какъ это дѣлали нѣкоторые писатели, существовавшую въ описываемое время наличность сочувствія народной массы въ Россіи къ находившимся подъ турецкимъ гнетомъ славянамъ, было бы совершенно не вѣрно, ибо *факты*

---

[1]) Отношеніе русскихъ соціалистовъ къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ 1875—1877 года и къ послѣдовавшей затѣмъ русско-турецкой войнѣ—одна изъ самыхъ неразработанныхъ страницъ въ исторіи русскаго освободительнаго движенія. Пишущій эти строки старался собрать относящіеся сюда всякаго рода матеріалы (они въ значительной степени вошли въ нашу, напечатанную въ мартовской книжкѣ *Современника* за 1911 г., статью „Русское освободительное движеніе и война за освобожденіе Болгаріи“,—ранѣе мы помѣстили статью на ту же тему въ издающемся въ Софіи болгарскомъ журналѣ *Мисъль*), но литература по этому вопросу, какъ русская, такъ равно болгарская и сербская, оказались чрезвычайно бѣдны. Поэтому въ названныхъ статьяхъ мы пользовались частными письмами къ намъ со свѣдѣніями по дан-

говорятъ обратное: не взирая на все свое незнаніе „исторіи и географіи“, надъ которымъ столько зубоскалили нѣкоторые газетчики семидесятыхъ годовъ, русская крестьянская масса изъ всѣхъ другихъ чужихъ народовъ имѣла несомнѣнно наибольшее представленіе именно о туркахъ и находившихся подъ ихъ властью „единокровныхъ и единовѣрныхъ“ славянахъ. Происходило это, во-первыхъ, потому, что война 1877—1878 года была по счету *десятою* войною, которую вела Россія съ Турціей [1]), и, слѣдовательно, именно относительно Турціи русская народная масса была освѣдомлена чрезъ принимавшихъ участіе въ этихъ войнахъ въ теченіе *двухсотъ лѣтъ* солдатъ въ весьма значительной степени, и, во-вторыхъ, потому, что именно въ предѣлахъ Турціи находится и святыня всехристіанская—Іерусалимъ, и святыня спеціально православная—Аѳонъ, куда всегда устремлялись изъ Россіи массы богомольцевъ. То былъ, такъ сказать, второй корпусъ,—первымъ корпусомъ являлись принимавшіе участіе въ войнахъ солдаты,—дававшій русской народной массѣ уроки „политической географіи и исторіи“.

Вотъ почему русскіе крестьяне, дѣйствительно, принимали близко къ сердцу доходившія до нихъ вѣсти о событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, дѣйствительно, давали отъ души на дѣло освобожденія славянъ свою трудовую копейку; вотъ почему возможны были даже такіе поразительные факты, какъ посылка въ Сербію добровольцевъ, избираемыхъ на сходахъ цѣлой деревней, или такіе, какъ трогательное пожертвованіе въ 1876 г. старымъ солдатомъ изъ скопленныхъ имъ въ теченіе всей жизни трехсотъ рублей — 225 въ пользу славянъ и поѣздка съ

ному вопросу такихъ крупныхъ дѣятелей русскаго освободительнаго движенія, какъ *З. К. Арборе-Раллы*, *М. П. Сажинъ* и *В. Ф. Костюринъ*. То же самое мы будемъ дѣлать и въ этой главѣ настоящей книги. Указанія на матеріалы, имѣющіеся по этому вопросу на болгарскомъ языкѣ, даны намъ извѣстными болгарскими писателями *Пенчо Славейковымъ*, *Петко Тодоровымъ* и *Бояномъ Пеневымъ*. По этому же поводу имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія также въ книгѣ на сербскомъ языкѣ профессора бѣлградскаго университета *Іована Скерлича* (въ біографіи извѣстнаго сербскаго соціалиста Свѣтозара Марковича)—„Свѣтозаръ Марковичъ. Ньеговъ животъ, радъ и идеје“.

[1]) При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ (1676); при Петрѣ Великомъ (1696 и 1711); при Аннѣ Іоанновнѣ (1739); при Екатеринѣ II (1768—1774 и 1787—1791); при Александрѣ I (1806—1812); при Николаѣ I (1827—1829 и 1853—1855); при Александрѣ II (1877—1878).

остальными 75 рублями добровольцемъ биться за свободу сербовъ [1]).

Ѣздившій самъ добровольцемъ въ Сербію, извѣстный писатель и въ то же время одинъ изъ самыхъ активныхъ народниковъ, Д. А. Клеменцъ, разсказываетъ, что, когда онъ ѣхалъ передъ тѣмъ съ Урала въ Петербургъ, то „на пароходѣ и на желѣзной дорогѣ только и слышалъ, что нельзя оставлять славянъ на съѣденіе туркамъ“ [2]).

Разумѣется, среди добровольцевъ было множество всякаго рода авантюристовъ,—объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже,—но авантюристовъ этихъ было менѣе всего изъ массы народной.

Протестуя противъ грубаго и безтактнаго поведенія многихъ изъ нашихъ добровольцевъ въ Сербіи, такой трезвый политическій реалистъ, какъ покойный М. П. Драгомановъ, писалъ еще въ 1876 году и такія строки: „нашихъ добровольцевъ не слѣдуетъ смѣшивать всѣхъ въ одну кучу. Были между ними и такіе, которые искренно и сознательно шли сложить свои кости за народную свободу, но многіе изъ нихъ говорили, какъ тургеневская Елена,—„что дѣлать въ Россіи?“ Затѣмъ честно и искренно шли *крестьяне и значительная часть солдатъ*. Эти шли „пострадать за вѣру“ и защитить „честной крестъ“ [3]).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же М. П. Драгомановъ писалъ:

Въ 1875 году „я уѣхалъ на вакаціи въ Галицію, Буковину и Венгрію, причемъ повезъ съ собою маленькую сумму денегъ, собранную пріятелями на помощь герцеговинцамъ, тогда только начинавшимъ свое знаменитое возстаніе. Это, я увѣренъ, было *первое* пособіе для герцеговинцевъ, явившееся изъ Россіи“ [4]).

Такимъ образомъ первыми откликнувшимися на возстаніе герцеговинцевъ были украинцы. Затѣмъ отклики на возстаніе широко распространились по всей Россіи.

Въ начавшемъ издаваться за границею въ 1877 году, подъ редакціею извѣстнаго доктора Н. А. Бѣлоголоваго, А. Х.

---

[1]) См. предисловіе къ сборнику „Лента“. Петербургъ, 1876 г., стр. 3. Сборникъ этотъ былъ изданъ „въ пользу южныхъ славянъ“. Предисловіе къ нему написано извѣстнымъ западникомъ проф. *А. Д. Градовскимъ*.

[2]) *Д. Клеменцъ*. Изъ прошлаго. *Русскія Вѣдомости*, 9 октября 1910 г., № 232.

[3]) „Турки внутренніе и турки внѣшніе“. Сочиненія *М. П. Драгоманова*. Т. II. Парижъ, 1906 г., стр. 62.

[4]) Автобіографія М. П. Драгоманова. *Былое* 1906 г. Іюнь, стр. 200.

Христофорова и В. А. Зайцева (изданіе продолжалось непрерывно въ теченіе 14 лѣтъ), журналѣ *Общее Дѣло* читаемъ такія строки:

„Народъ при слухѣ о турецкихъ звѣрствахъ заволновался, какъ одинъ человѣкъ. О томъ, кого эта рука разила, онъ не могъ дать подробныхъ показаній; но онъ зналъ, что это христіане и *свои* (курсивъ подлинника) и для него этого было достаточно. Ему кричали иные: „куда ты, остановись, ты самъ несчастенъ!“ Но онъ понесъ свою кровь и достояніе на поле борьбы съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ голодный крестьянинъ дѣлитъ послѣдній кусокъ хлѣба съ своимъ голоднымъ собратомъ въ пору народнаго бѣдствія. Его страданія не затушили въ немъ состраданія; въ своихъ великихъ несчастіяхъ онъ оказался великимъ народомъ“ [1]).

Говоря о движеніи среди южныхъ славянъ, русскій революціонный анархическій органъ *Община* писалъ:

„Въ началѣ возстанія и помощь, денежная и вещами (изъ Россіи), и число лицъ, ставшихъ подъ ружье, были очень незначительны. Но съ развитіемъ борьбы, вовлекшей въ войну сначала Черногорію, а потомъ и Сербію, сочувствіе русскаго общества росло, развивалось и, наконецъ, пробудило въ простомъ народѣ его старинную вражду къ туркамъ и магометанству, его симпатіи къ единовѣрцамъ. Тогда-то *посыпались пожертвованія мужицкими грошами, и стали являться сотни добровольцевъ* для борьбы съ исконнымъ врагомъ русскаго народа“ [2])...

Да, *народная* лепта, *народомъ* посылавшіеся на помощь инсургентамъ добровольцы,—то были жертвы, дѣйствительно, исходившія отъ сердца, тѣ жертвы, которыя не могли бы не спаять твердой спайкой русскія народныя массы съ трудовыми массами же балканскихъ славянъ. И спайка эта оказалась бы весьма прочной, если бы не искажающій все и вся своимъ тлетворнымъ дыханіемъ русскій „приказный“ строй.

Но если таково было отношеніе русскаго народа къ начавшемуся среди славянъ движенію, то совсѣмъ другое надо сказать объ отношеніяхъ къ этому движенію русскаго образованнаго общества. Самые мотивы того или иного къ нему отношенія здѣсь были непзмѣримо сложнѣе. И въ обществѣ несо-

[1]) *Общее Дѣло*, 9 іюня 1877 г., № 2. Передовая статья („Уроки“).
[2]) *Община*, 1878 г. январь, № 1, стр. 23.

мнѣнно было разлито, въ болѣе или менѣе сильной степени, сочувствіе къ славянамъ, и въ немъ тянувшіяся въ теченіе двухсотъ лѣтъ войны съ Турціей не могли, разумѣется, пройти безслѣдно, но здѣсь дѣйствовали на ряду съ тѣмъ и другіе мотивы, народной массѣ, конечно, совершенно чуждые. Нѣтъ сомнѣнія, что старые славянофилы (съ которыми якобы „славянофилы“ современные, кромѣ названія, не имѣютъ, конечно, рѣшительно ничего общаго) горячо желали освобожденія славянъ отъ турецкаго ига; нѣтъ сомнѣнія, что знаменитое стихотвореніе А. С. Хомякова „Орелъ“, написанное имъ задолго до послѣдней русско-турецкой войны, выражало дѣйствительныя чувства поэта; нѣтъ сомнѣнія, что во время движенія среди балканскихъ славянъ и послѣдовавшей затѣмъ войны Россіи съ Турціей дѣятельность Ивана Аксакова исходила непосредственно изъ общаго строя его славянофильскихъ воззрѣній; все это такъ, но на ряду съ искренними славянофилами дѣйствовали, вѣдь, и другіе общественные элементы, сыгравшіе безспорно значительную роль въ дѣлѣ возбужденія среди русскаго общества воинственныхъ чувствъ, какъ, напр., Катковъ. Теченіе, имъ выражаемое и имъ представляемое, было теченіемъ высшихъ полицейско-бюрократическихъ верховъ, спеціальностью—„борьба съ крамолою“, и въ ней, въ этой „спеціальности“, Катковъ не имѣлъ себѣ равнаго. Ей и только ей обязанъ Катковъ былъ тѣмъ, что еще съ эпохи польскаго возстанія 1863 г. онъ сталъ признаннымъ вождемъ всѣхъ реакціонныхъ силъ Россіи. Для пониманія его роли въ дѣлѣ возбужденія въ русскомъ обществѣ воинственныхъ по отношенію къ Турціи чувствъ не надо забывать, что, на ряду съ мотивами, относящимися къ „высшей политикѣ“, у Каткова несомнѣнно было и желаніе отвлечь войною вниманіе русскаго общества отъ внутреннихъ вопросовъ [1]). Вотъ изъ этого-то источника и явилось у Каткова

[1]) Такая точка зрѣнія имѣетъ много сторонниковъ въ тѣхъ бюрократическихъ кругахъ, выразителемъ интересовъ которыхъ и былъ Катковъ, и вовсе не умерла вмѣстѣ съ смертью героя московскаго Страстного бульвара. Ея же держался въ своей политикѣ, какъ теперь это установлено, и В. К. Плеве, сказавшій передъ японской войной А. Н. Куропаткину: „повѣрьте мнѣ, Алексѣй Николаевичъ, что намъ необходима маленькая побѣдоносная война,—иначе революціи удержать невозможно“. См. стр. 19 вышедшей въ прошломъ году брошюры „Исходъ россійской революціи“ г. Морского, т.-е., въ сущности, гр. С. Ю. Витте. Къ своему объ этомъ разсказу г. Морской сдѣлалъ многоговорящую сноску: „фактъ удостовѣренный“...

его „славянолюбіе“, въ немъ лежали и причины чрезвычайно воинственныхъ статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* того времени и главный мотивъ, въ силу котораго, какъ извѣстно, не было закончено въ редактировавшемся Катковымъ же журналѣ *Русскій Вѣстникъ* печатаніе даже такого нынѣ всемірно извѣстнаго произведенія, какъ романъ Л. Н. Толстого, „Анна Каренина“ [1]).

И такой точки зрѣнія на „славянскій вопросъ“, какъ на средство борьбы съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, держался далеко не одинъ Катковъ. Ее открыто высказывала и псевдо-либеральная, весьма распространенная газета того времени *Голосъ*.

Когда во время герцеговинскаго возстанія въ Россіи началось воинственное движеніе, то *Голосъ* писалъ:

„Это здоровое и могущественное историческое движеніе Россіи на помощь единовѣрныхъ и единокровныхъ ей племенъ всего болѣе способно снести всѣ наносныя, напущенныя и прибитыя волною Запада *революціонныя стихіи въ умственной жизни русскаго общества*. (Курсивъ здѣсь и далѣе нашъ *В. Б.*). Это сознаніе, объявшее теперь все русское общество, скорѣе всего можетъ *вынать изъ него всякія праздныя политическія мечтанія*. Да и кто же всего этого не знаетъ и стоитъ ли повторять эти элементарныя истины въ серьезной печати?“ [2])

---

[1]) Вотъ тѣ сакраментальныя строки изъ „Анны Карениной“, которыя Катковъ непремѣнно хотѣлъ выкинуть изъ романа, на что Толстой, разумѣется, не согласился и взялъ окончаніе романа изъ *Русскаго Вѣстника*. Рѣчь шла о движеніи русскихъ добровольцевъ въ Сербію.

„— Мы видѣли и видимъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—сотни и сотни людей, которые бросаютъ все, чтобы послужить правому дѣлу, приходятъ со всѣхъ концовъ Россіи и прямо и ясно выражаютъ свою мысль и цѣль. Они приносятъ свои гроши или сами идутъ и прямо говорятъ зачѣмъ. Что же это значитъ?

„— Значитъ, по-моему,—сказалъ начинавшій горячиться Левинъ,—что въ восьмидесятимилліонномъ народѣ всегда найдутся не сотни, какъ теперь, а десятки тысячъ людей, потерявшихъ общественное положеніе, безшабашныхъ людей, которые всегда готовы въ шайку Пугачева, Хиву, Сербію“...

Не таковъ былъ Катковъ, чтобы изъ-за этого мѣста въ романѣ лишиться сотрудничества въ журналѣ самого Льва Толстого, если бы у него не существовало на это своихъ весьма опредѣленныхъ соображеній.—Что касается Толстого, то, несмотря на высказанные имъ въ романѣ взгляды, когда началась война, его, по разсказу графини С. А. Толстой, едва могли удержать отъ вступленія въ армію... „Вся Россія тамъ, и я долженъ идти“,—говорилъ онъ. (См. *Новое Время*, 10 декабря 1910 г., № 12482).

[2]) *Голосъ*, 1876 г., № 233. Не мѣшаетъ тутъ же припомнить, что за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ той же якобы либеральной, но въ дѣйствительно-

Чрезвычайно характерно и то, что извѣстная брошюра Гладстона „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ“ появилась на русскомъ языкѣ въ 1876 году въ переводѣ проф. Бестужева-Рюмина и... К. П. Побѣдоносцева!.. Побѣдоносцевъ,—этотъ изъ іезуитовъ іезуитъ,—въ роли защитника славянскаго дѣла!.. [1]).

Но если побѣдоносцевско-катковское направленіе возлагало упованіе на то, что война съ Турціей затормозитъ политическое развитіе Россіи, то круги либеральные разсчитывали на результаты войны, какъ разъ противоположные, т.-е. на то, что именно черезъ войну Россія и пойдетъ къ конституціи.

Въ своей книжкѣ „За кулисами дипломатіи“ г. Карцовъ дважды отмѣчаетъ это явленіе:

„Ратуя за самостоятельность турецкихъ славянъ,—пишетъ онъ,—русское общество давало понять своему правительству, что пора бы и съ него снять опеку и дать ему права народнаго представительства, которыми прочіе европейцы давно пользуются“ [2]).

„Въ консервативномъ лагерѣ,—пишетъ г. Карцовъ въ другомъ мѣстѣ той же книги,—возобладало славянофильское теченіе. Либералы-западники разсчитывали, что пробужденіе общественныхъ силъ благопріятно отразится и на внутреннемъ строѣ Имперіи и положитъ конецъ наступившей съ 1866 г. реакціи“ [3]).

Д. А. Клеменцъ, описывая это же время, говоритъ:

„Даже *Отечественныя Записки* помѣстили у себя горячую статью Мордовцева, звавшую на помощь страдающимъ единоплеменникамъ: Петербургъ страшно шумѣлъ. Нѣкоторые, какъ напр., покойный адвокатъ Ольхинъ, бѣгали по городу съ газетами въ рукахъ и читали на улицахъ и площадяхъ телеграммы съ театра войны... Правительство можетъ думать, какъ

сти угодничесой газетѣ (*Голосъ*, 1867 г., № 46) была помѣщена основанная на отчетѣ генералъ-полицеймейстера Царства Польскаго статья, въ которой заявлялось, что въ Россіи существуетъ *общество поджигателей* (не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова) и что къ обществу этому принадлежатъ Бакунинъ и Герценъ. На это дикое обвиненіе Герценъ отвѣчалъ въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ статей, помѣщенныхъ въ №№ 239—241 *Колокола*.

[1]) О роли Побѣдоносцева въ борьбѣ съ „крамолою“ см. въ нашей книгѣ „Изъ исторіи политической борьбы въ Россіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX вѣка“ главу „Антиреволюціонное тайное общество мужественныхъ добровольцевъ“.

[2]) За кулисами дипломатіи. Стр. 18.

[3]) Ibid., стр. 38.

угодно, но народъ самъ идетъ на защиту христіанъ. Мы считаемъ славянъ турецкихъ своими братьями и пойдемъ защищать ихъ“ [1]).

А вѣдь Ольхинъ былъ крупный русскій либералъ и даже болѣе того. Ему принадлежитъ напечатанное въ 1878 году въ первомъ номерѣ газеты *Земля и Воля* стихотвореніе на смерть убитаго Кравчинскимъ Мезенцева „У гроба“ („Какъ ударъ громовой, всенародная казнь и т. д.“), а въ слѣдующемъ году онъ уже самъ явился на скамьѣ подсудимыхъ по политическому дѣлу. Поступая во время славянскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ такъ, какъ это описываетъ Д. А. Клеменцъ, Ольхинъ несомнѣнно разсчитывалъ на то, что война будетъ этапомъ къ конституціи.

Припомнимъ, что послѣ войны конституція въ Болгаріи явилась однимъ изъ основаній для возбужденія вопроса о представительномъ правленіи въ Россіи въ адрессахъ нѣкоторыхъ земствъ [2]).

Бросимъ бѣглый взглядъ и на отношеніе къ балканскимъ событіямъ русскихъ писателей.

Отношеніе къ нимъ Ф. М. Достоевскаго фактъ общеизвѣстный, но припомнимъ еще отношеніе къ тѣмъ же событіямъ со стороны такихъ писателей, какъ И. С. Тургеневъ и нѣкоторые другіе.

Единственное политическое стихотвореніе Тургенева, которое онъ самъ нашелъ нужнымъ включить въ полное собраніе своихъ сочиненій,—это „Крокетъ въ Виндзорѣ“ [3]). Стихотвореніе это

---

[1]) *Русскія Вѣдомости* 1910 г., № 232.

[2]) Харьковскіе земцы писали въ своемъ адресѣ въ 1879 году: „Великій Государь! Дай твоему вѣрному народу право самоопредѣленія, которое соотвѣтствуетъ его природѣ; *дай ему то, что ты далъ болгарамъ*“. Тверскіе: „Государь Императоръ, въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига *болгарскаго народа*, призналъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость труда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такой полной готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю несшій всю тяжесть войны, воспользуется тѣми же благами“.

[3]) См. полное собраніе сочиненій *И. С. Тургенева*, т. I. изд. 1883 г., стр. 459—460. Вообще Тургеневъ интересовался славянскими дѣлами. Онъ не только написалъ романъ, героемъ котораго взялъ болгарина („Наканунѣ“), но и работалъ надъ укрѣпленіемъ интеллектуальной связи между Россіей и Болгаріей, принимая,—какъ о томъ засвидѣтельствовала переводчица на болгарскій языкъ „Отцовъ и дѣтей“ г-жа Живкова—живѣйшее участіе въ судьбѣ

написано въ отвѣтъ на покровительственную туркамъ политику англійскаго кабинета, несмотря на ужасающія событія въ Болгаріи, и въ частности—на чудовищную рѣзню болгаръ въ селѣ Батакѣ.

В. М. Гаршинъ въ дѣлѣ подъ Аясляромъ пролилъ свою кровь за свободу болгаръ, отправившись въ русскую армію волонтеромъ-рядовымъ. Въ біографіи Гаршина находится такое мѣсто: „Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи находился Гаршинъ весною и лѣтомъ 1876 года, когда до него стали доходить ужасныя извѣстія о турецкихъ неистовствахъ въ Болгаріи". Онъ хотѣлъ немедленно ѣхать добровольцемъ, но „къ несчастью,—пишетъ самъ Гаршинъ,—меня не выпустили, такъ какъ я былъ записанъ въ призывные списки". За то, какъ только была объявлена война, онъ тотчасъ же поступилъ въ армію рядовымъ. „12 апрѣля 1877 года,—пишетъ Гаршинъ,—я съ товарищемъ своимъ Афанасьевымъ готовился къ экзамену по химіи. Принесли манифестъ о войнѣ. Записки остались неприбранными. Мы подали прошеніе объ увольненіи изъ (горнаго) института и отправились въ Кишиневъ" [1]).

Какъ только была объявлена война, Н. М. Альбовъ поступилъ въ дѣйствующую армію въ качествѣ „брата милосердія" и исполнялъ возложенныя имъ на себя обязанности во все продолженіе войны.

Но все это имѣло мѣсто либо въ кругахъ высшихъ, либо среди міра интеллигентнаго,—а въ массѣ русскаго общества, въ его толщѣ,—тамъ что дѣлалось?

Въ сгнетенныхъ, лишенныхъ всякой свободы, всякой при-

болгаръ. „Что онъ, дѣйствительно, интересовался ходомъ нашего возрожденія,—пишетъ г-жа Живкова, въ этомъ я могла убѣдиться лишній разъ зимою 1879 года, когда мнѣ представился случай видѣться и бесѣдовать съ Иваномъ Сергѣевичемъ. Онъ съ особеннымъ любопытствомъ разспрашивалъ меня о нашей литературѣ и языкѣ, о нашемъ мѣстномъ поэтѣ Славейковѣ, о многихъ другихъ, извѣстныхъ ему, молодыхъ интеллигентныхъ болгарахъ. Въ письмѣ ко мнѣ онъ говоритъ: „я надѣюсь, что трудъ вашъ (переводъ „Отцовъ и дѣтей") будетъ оцѣненъ вашими соотечественниками и послужитъ однимъ изъ звеньевъ той связи, которая должна установиться между Болгаріей и нами". Нравственная связь была дорога Ивану Сергѣевичу и онъ зналъ, что начатое оружіемъ должно быть завершено элементами культуры и общностью идеаловъ и стремленій" (см. *В. Зелинскій*. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ 2, часть вторая, стр. 237).

[1]) Сочиненія *В. М. Гаршина*. С.-Петербургъ, 1896 года стр. 32—34 и 41—44.

вычки прилагать свои силы на аренѣ политической дѣятельности широкихъ слояхъ русскаго общества, на ряду съ искренними симпатіями къ славянамъ, ясно обнаружилось желаніе схватиться за событія на Балканахъ, во-первыхъ, какъ за вопросъ модный и, во-вторыхъ, какъ за безопасный, какъ за такой, о которомъ можно шумѣть и даже критиковать начальство. Затѣмъ въ дѣло вмѣшались всякіе „славянолюбцы“ изъ бюрократическихъ сферъ, которые и взяли движеніе въ свои руки. Тогда-то „на помощь братушкамъ“ потянулась цѣлая масса дѣльцовъ, авантюристовъ и просто пропоицъ, вызвавшихъ противъ себя справедливое негодованіе сербовъ.

Д. А. Клеменцъ встрѣтилъ въ Бѣлградѣ пріѣхавшаго туда же Г. И. Успенскаго. Разговорились.

— Неразберіха какая то, — говоритъ Успенскій. — Я еще дорогою разспрашивалъ волонтеровъ, съ какою цѣлью ѣдутъ они на войну. И что же вы думаете? Одинъ говоритъ, что неудачно женился, другой пострадалъ на службѣ, третій... Да всѣхъ и не перечтешь. Вижу только что здѣсь цѣлая куча народа нашего шатается безъ дѣла.

— Не забывайте, Глѣбъ Ивановичъ, что мы теперь въ тылу арміи, а тамъ всегда любятъ тереться люди самыхъ разныхъ сортовъ.

— Да, да. Я еще вчера встрѣтилъ повара изъ одного петербургскаго ресторана, говоритъ—маркитантомъ буду. И конечно, будетъ у какого-нибудь обжоры изъ провіантскихъ чиновъ за вѣру, за братьевъ сербскихъ, куръ да индѣекъ фаршировать.

Мы оба расхохотались.

Только что мы успѣли пообѣдать, какъ вдругъ раздались крики: „держи, держи вора!“

Въ ресторанъ, какъ бомба, влетѣлъ какой-то растрепанный субъектъ съ крикомъ: „заступитесь, земляки, сербы обижаютъ!

— Какъ! Русскихъ обижаютъ! Мы за вѣру, за братьевъ! Къ оружію!—раздались крики по ресторану.

— Чекайте, чекайте (подождите),—закричалъ не своимъ голосомъ серб, приказчикъ табачнаго магазина.—У меня вотъ этотъ добровольцъ укралъ двѣ пачки дувана (табаку).

Въ результатѣ у добровольца въ карманахъ оказался похищенный имъ табакъ [1]).

Сцены въ такомъ же родѣ и даже еще хуже разсказываетъ и г. Карцовъ. Описывая свою встрѣчу въ Бѣлградѣ съ генераломъ Черняевымъ, онъ говоритъ:

---

[1]) *Русскія Вѣдомости* 1910 г., № 232.

„Впервые я увидѣлъ Черняева въ консульствѣ. Онъ былъ внѣ себя отъ негодованія на какого-то добровольца, который съ перепою, ни съ того, ни съ сего, всадилъ нѣсколько пуль въ сербскаго ребенка“ [1]).

Когда такимъ образомъ волною хлынули въ Сербію духовные отцы нынѣшняго „Союза русскаго народа“ и т. п. элементы, то въ результатѣ явилось слѣдующее, вполнѣ понятное, распоряженіе сербскихъ властей:

„22 марта 1877 г.,—пишетъ г. Карцовъ,—на бѣлградскихъ улицахъ были расклеены объявленія о томъ, *что добровольцы должны покинуть Сербію въ 48 часовъ,—въ противномъ случаѣ они будутъ посажены въ тюрьму.* [2]).

Такъ достославно закончился эпизодъ съ посылкою добровольцевъ въ Сербію знаменитыми полуоффиціальными славянскими комитетами Петербурга и Москвы.

Посмотримъ теперь, какъ относился къ движенію среди балканскихъ славянъ наиболѣе лѣвый лагерь Россіи—русскіе активные народники.

Лагерь славянофиловъ, указывая на написанное Хомяковымъ еще въ 1832 году стихотвореніе „Орелъ“, считаетъ себя родоначальникомъ идеи освобожденія славянъ отъ турецкаго ига, тогда какъ, молъ, другіе, либеральные и радикальные, слои русскаго общества отнеслись къ этой идеѣ, по меньшей мѣрѣ, равнодушно.

Такое утвержденіе не выдерживаетъ рѣшительно исторической критики, ибо, если гдѣ была въ Россіи дѣйствительная и притомъ *дѣйственная* традиція освобожденія славянъ, то это именно въ русскихъ революціонныхъ кругахъ. Имъ же, а отнюдь не славянофиламъ, принадлежитъ и *первоначальная* идея этого освобожденія, ибо обсуждалась и проповѣдывалась она въ кругахъ декабристовъ задолго до хомяковскаго „Орла“. Но уже и наши революціонеры двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка представляли себѣ идею освобожденія славянъ, разумѣется, въ иномъ, чѣмъ „славянофилы“ семидесятыхъ годовъ, аспектѣ. Извѣстно, что послѣдніе рисовали себѣ картину союза славянъ подъ покровительствомъ Россіи при непремѣнномъ сохраненіи въ ней самодержавнаго строя. Съ иною руководящею

---

1) За кулисами дипломатіи, стр. 42.

2) Ibid., стр. 53.

идеей подходили къ вопросу объ освобожденіи славянъ еще декабристы.

Членъ тайнаго „Общества Соединенныхъ Славянъ“ (образовавшагося, какъ извѣстно, въ Кіевской губерніи въ 1823—25 годахъ), извѣстный декабристъ П. И. Горбачевскій опредѣляетъ цѣль Общества такъ:

„Общество имѣло главною цѣлью *освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластья*, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и *соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ*. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ *форму демократическаго представительнаго правленія*, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія въ случаѣ надобности общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній“. [1]).

Само собой разумѣется, что „освобожденіе отъ самовластья“ и устройство на началахъ „демократическаго представительнаго правленія“ должно было не только распространяться и на Россію, но, такъ сказать, въ первую же голову именно въ ней и быть приведеннымъ въ исполненіе.

И не надо думать (въ эту ошибку впадалъ и покойный М. П. Драгомановъ), что о судьбѣ балканскихъ народовъ думали среди декабристовъ одни лишь члены Общества Соединенныхъ Славянъ, тогда какъ два другія тайныя общества декабристовъ—Сѣверное и Южное—о нихъ какъ будто не помышляли. Это не такъ.

Казненный вмѣстѣ съ Пестелемъ, Рылѣевымъ, Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ членовъ Сѣвернаго Общества П. А. Каховскій написалъ изъ Петропавловской крѣпости цѣлый рядъ писемъ прямо къ императору Николаю I. Эти дышащія смѣлостью и убѣжденностью борца за свободу письма представляютъ собою цѣлый обвинительный актъ противъ внутренней и внѣшней политики русскаго правительства эпохи Александра I. Обвиняетъ Каховскій эту политику, между прочимъ, и за равнодушіе къ судьбѣ балканскихъ славянъ.

[1]) „Записки неизвѣстнаго“ (Горбачевскаго). *Русскій Архивъ*, 1882 г. кн 2. стр. 443.

„Сербы, вѣрные наши сопутники,—пишетъ Каховскій,—стонутъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго. Черногорцы, на дающе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе во время кампаніи флота нашего въ Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ адмирала Сенявина, забыты, покинуты на произволъ судьбы [1]).

Членъ Южнаго Общества декабристъ Лореръ говоритъ о томъ сочувствіи, которое возбудило въ передовыхъ кругахъ Россіи также возстаніе противъ турокъ—грековъ.

„Болѣе всего воспламенило молодежь,—пишетъ Лореръ,—извѣстіе и возстаніи Греціи. Всѣ были увѣрены, что Государь подастъ руку помощи единовѣрцамъ и что двинутъ наши арміи въ Молдавію. Но политика Меттерниха преобладала, а общество, между тѣмъ, не переставало высказывать свое сочувствіе къ несчастнымъ угнетеннымъ. Многіе офицеры гвардіи стали проситься въ полки арміи, думая тѣмъ приблизиться къ имѣющемуся въ виду походу на помощь грекамъ. И я помню одного поручика нашей артиллеріи Райко, который, не спрашивая разрѣшенія, по собственному убѣжденію, отправился въ Аѳины и долго старался быть полезнымъ. Въ Греціи онъ былъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, сдѣлался другомъ Байрона и помогалъ много успѣху возстанія“ [2]).

То же сочувствіе возставшимъ грекамъ отмѣчаетъ и декабристъ Завалишинъ [3]).

Событія 1825 года смели съ исторической арены самыя интеллигентныя силы Россіи и наступили иныя времена. Тѣмъ не менѣе, лишь только на нивѣ русской жизни взошла новая поросль, какъ среди опять-таки ея наиболѣе „лѣвыхъ“ элементовъ, на ряду съ идеей освобожденія Россіи, воскресла и идея освобожденія славянъ.

Тѣ же вопросы освобожденія, какъ Россіи, такъ и другихъ славянъ стали занимать возникшее въ 1847 году извѣстное тайное „Кирилло-Меѳодіевское Братство“, членами котораго были Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаровъ и другіе [4]).

---

[1]) *П. Щеголевъ.* И. А. Каховскій. *Былое*, 1906 г. Январь, стр. 151.

[2]) „Изъ записокъ декабриста“ (Лорера). *Русское Богатство.* 1904 г. Мартъ, стр. 68.

[3]) Записки декабриста *Д. И. Завалишина.* Т. I, стр. 194.

[4]) Объ этомъ см. превосходныя статьи *В. И. Семевскаго* „Кирилло-Меѳодіевское Общество“, напечатанныя въ майской и іюньской книжкахъ *Русскаго Богатства* за 1911 годъ.

Разгромлено было, конечно, и Кирилло-Меѳодіевское Братство.

Прошло еще пятнадцать лѣтъ, оживленіе среди балканскихъ народовъ развивалось все болѣе и болѣе, чему несомнѣнно способствовало и знакомство ихъ съ литературными трудами Н. Г. Чернышевскаго, А. И. Герцена и М. А. Бакунина.

О взглядахъ на „славянскій вопросъ“ послѣдняго мы еще будемъ говорить ниже, а что касается первыхъ двухъ, то уже въ 1864 году, вопреки протестамъ и противодѣйствію тогдашняго сербскаго министра народнаго просвѣщенія, Чернышевскій и Герценъ были провозглашены почетными членами „Дружества Сербской Словесности“, изъ котораго впослѣдствіи выработалась „Сербская Академія“. (Четыре года тому назадъ эта Академія провозгласила своимъ почетнымъ членомъ Л. Н. Толстого.) Дѣло кончилось тогда (1864 г.) закрытіемъ за это „Дружества“. Литературное вліяніе Герцена и на Болгарію было весьма значительно. „Въ новой культурной исторіи Болгаріи,— говоритъ г. Петко Тодоровъ,—Герценъ занимаетъ очень важное мѣсто, хотя его значеніе и вліяніе у насъ осталось почти неотмѣченнымъ“ [1]).

Знакомъ былъ Герценъ и лично съ нѣкоторыми изъ прямыхъ дѣятелей болгарскаго революціоннаго движенія, какъ, напримѣръ, извѣстнымъ Любеномъ Каравеловымъ, чему доказательствомъ служитъ, между прочимъ, хранящійся нынѣ въ софійской національной библіотекѣ, томикъ „Прерванныхъ разсказовъ“ Искандера съ надписью: „Любену Каравелову, въ знакъ искреннихъ симпатій отъ А. Герцена. 22 мая 1858 г.“.

Чернышевскій весьма симпатизировалъ Сербіи, высоко цѣнилъ сербскую народную поэзію (онъ зналъ сербскій языкъ), но желалъ освобожденія славянства тоже отнюдь не „подъ сѣнью крыльевъ русскаго двуглаваго орла“. Объ этомъ читатель можетъ прочесть въ изслѣдованіи о Чернышевскомъ Г. В. Плеханова [2]).

Что касается Бакунина, то добрую часть своей громадной революціонной энергіи онъ посвятилъ именно славянскому движенію. Стоитъ вспомнить для этого его роль во время славян-

[1]) *Петко Тодоровъ* и *Иванъ Калина*. „А. И. Герценъ. Двѣ лекции четени на торжественото собрание на русско-българското дружество, свикано на 2-и февруарій 1910 г. послучай четиредесятъгодишнато на Герценовата смъртъ“. София. 1910 г., стр. 1.

[2]) *Г. В. Плехановъ*—Н. Г. Чернышевскій. Стр. 62—63 и 316—317.

скаго съѣзда въ Прагѣ въ 1848 году и другіе подобные же факты его жизни, о которыхъ мы уже говорили въ посвященной Бакунину главѣ этой книги.

Протомившись много лѣтъ въ казематахъ, Бакунинъ затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ встрѣтился онъ со своимъ родственникомъ гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, о „программѣ“, котораго онъ написалъ 8 декабря 1860 года изъ Иркутска восторженное письмо Герцену. По его словамъ, эта „программа“ сводилась къ слѣдующимъ пунктамъ.

1) Полное безусловное освобожденіе крестьянъ съ землей. 2) Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ отъ малаго до великаго. 3) Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ. 4) Народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможной децентрализаціей Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и парламентъ, а желѣзная диктатура *въ виду освобожденія славянъ, начиная съ возсоединенной Польши и борьбы на смерть съ Австріей и Турціей*“ [1]).

Бѣжавши изъ Сибири черезъ Америку и Европу, Бакунинъ въ 1862 году пишетъ свою брошюру „Народное Дѣло“. Въ этой брошюрѣ, перечисливши четыре пункта своей программы, касающихся владѣнія крестьянъ землею и ихъ внутренняго самоуправленія, Бакунинъ продолжаетъ такъ:

„5) Вмѣстѣ съ Польшей, съ Литвой, съ Украйной мы хотимъ подать руку помощи нашимъ братьямъ-славянамъ, томящимся нынѣ подъ гнетомъ прусскаго королевства, австрійской и турецкой имперій, обязываясь не вложить меча въ ножны, пока хоть одинъ славянинъ останется въ нѣмецкомъ, турецкомъ или другомъ какомъ рабствѣ.

„6) Мы будемъ искать тѣснаго союза съ Италіей, съ которой у насъ чувства, интересы и враги общіе, съ мадьярами, ненавидящими, какъ и мы, Австрійскую монархію, если только они совершенно откажутся отъ притѣсненія славянъ, съ румынами и даже греками, когда послѣдніе оставятъ въ покоѣ болгаръ и, довольствуясь быть собою, забудутъ свои честолюбивыя и свободопротивныя, а главное, суетливыя византійскія мечты.

---

[1]) *Вольное Слово.* 1 февраля. 1883 г. № 54. Также — Письма Бакунина къ Герцену, стр. 5—6.

„7) Мы будемъ стремиться вмѣстѣ со всѣмъ племенемъ славянскимъ къ осуществленію завѣтной славянской мечты: *великой и вольной федераціи Всеславянства* (курсивъ Бакунина), гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ, чтобы каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ — за каждаго, и чтобы не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобы не было ничьей гегемоніи, но чтобы существовала единая и нераздѣльная общеславянская сила“ [1]).

Такова, какъ мы сказали выше, *дѣйственная* традиція по отношенію къ освобожденію славянъ, которая отъ временъ декабристовъ и до времени освобожденія Болгаріи красной нитью проходитъ черезъ мысль „лѣвой“ русской интеллигенціи, и не случаенъ тотъ фактъ, что первымъ, бросившимся фактически на помощь балканскимъ славянамъ въ 1876 г. и сражавшимся съ турками въ рядахъ черногорцевъ русскимъ былъ извѣстный „бакунистъ“ М. П. Сажинъ, онъ же Арманъ Россъ.

Объ этомъ, какъ и вообще о непосредственномъ вліяніи, оказанномъ въ семидесятыхъ годахъ русскими революціонерами на революціонеровъ сербскихъ и болгарскихъ, мы будемъ говорить еще ниже, но раньше остановимся еще на одномъ теченіи, которое несомнѣнно существовало въ семидесятыхъ годахъ по отношенію къ балканскимъ славянамъ въ русской революціонной средѣ.

Ненавидя всѣми силами души соціально-политическій строй Россіи и вѣруя въ скорое пришествіе того, именуемаго „соціальной революціей“, мессіи, который смететъ всю неправду жизни и въ Европѣ, и въ Россіи, и тѣмъ даруетъ истинную свободу всѣмъ страждущимъ, поэтъ направленія, о которомъ идетъ рѣчь, восклицалъ:

А вы, славяне, наши братья,
Пусть васъ не тѣшитъ звукъ мечей:
Іуды новаго объятья
Страшнѣй турецкихъ палачей!

„Іуда“,—это, по воззрѣніямъ поэта, та бюрократія, которая наградитъ „братьевъ-славянъ“ своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ послѣ войны, и поэтъ желаетъ, чтобы славяне боролись

[1]) *М. А. Бакунинъ.* Полное собраніе сочиненій. Т. I. С.-Петербургъ. Стр. 231—232.

рука объ руку не съ „оффиціальной Россіей“, а съ Россіей революціонной или, какъ тогда говорили, вѣруя въ „революціонность“ русскихъ народныхъ массъ, „Россіей народной“.

Значило-ли это, что поэтъ не желалъ освобожденія славянъ отъ турецкаго ига? Конечно, не значило. Онъ вѣрилъ въ то, что освобожденіе это придетъ, и придетъ очень скоро, черезъ всеевропейскую „соціальную революцію“, и въ этой именно *вѣрѣ* лежитъ ключъ и къ причинамъ его отношенія къ балканскимъ дѣламъ.

Что же касается, въ частности, строя русскаго, то развѣ не тѣ же ноты звучали тогда и въ устахъ болгарскаго національнаго героя-мученика, того, памятникъ которому украшаетъ теперь Софію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла его висѣлица,—мы имѣемъ въ виду, конечно, Василія Левскаго [1]).

Вспоминая время русско-турецкой войны, В. К. Дебогорій-Мокріевичъ говоритъ, что „русское царство“ представлялось тогдашнимъ революціонерамъ „почти такимъ же гнилымъ, какъ и Турція.—„Воровство и злоупотребленія въ русской арміи, по слухамъ достигали ужасающихъ размѣровъ. Неуспѣхъ въ войнѣ даже съ Турціей казался неизбѣжнымъ. Подобное преувеличенное представленіе въ дурную сторону диктовано было простотаки желаніемъ, чтобы нашу армію разбили. Я такъ привыкъ отдѣлять и противопоставлять народъ правительству, съ его чиновниками и военной организаціей, что пораженіе послѣдняго не считалъ пораженіемъ перваго, и даже находилъ, что съ пораженіемъ правительства народъ только выигрывалъ“ [2]).

---

[1]) Въ біографіи Левскаго, составленной *З. Стояновымъ*, находятся такія строки: на вопросъ Б. Георгіева, что онъ будетъ дѣлать послѣ освобожденія Болгаріи, Левскій въ присутствіи Ангела Кончева, Дмитрія Общаго и Савы Младенова отвѣчалъ: „когда Болгарія станетъ свободной, мнѣ нечего больше будетъ здѣсь дѣлать. Тогда я отправлюсь *въ Россію*, гдѣ мы образуемъ комитеты. Тамъ, хотя и нѣтъ турецкой чалмы, *но народъ унитенъ еще больше нашего*“. (В. Левски. Дякоптъ. Черти отъ живота му. Отъ З. *Стояновъ*. Пловдивъ 1883. Стр. 75—76.) Въ повѣсти такого извѣстнаго „русофила“, какъ болгарскій беллетристъ г. *Иванъ Вазовъ* „Не мили, не други“ разсказывается о Левскомъ почти то же самое, хотя и глуше. На вопросъ Левскому, что онъ будетъ дѣлать послѣ освобожденія Болгаріи, онъ отвѣтилъ: „тогда я пойду къ другимъ *порабощеннымъ народамъ* дѣлать то же самое, что дѣлаю здѣсь“. (Ив. Вазовъ. Т. I, стр. 74). „Порабощенные народы“ у И. Вазова болѣе точно не названы, но въ связи съ разсказомъ З. Стоянова догадаться, о комъ шла рѣчь, не трудно.

[2]) *Вл. Дебогорій-Мокріевичъ*. „Воспоминанія“. Стр. 228.

На томъ психическомъ раздвоеніи, которое вносили въ души русской интеллигенціи ведшіяся Россіей въ теченіе послѣднихъ 50—60 лѣтъ войны, намъ надо здѣсь остановиться нѣсколько подробнѣе, ибо разсмотрѣніе этого явленія должно пролить свѣтъ и на занимающій насъ въ данную минуту вопросъ.

Мы думаемъ, что одинъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ, которые лежатъ на русскомъ приказно-бюрократическомъ строѣ, состоитъ въ томъ, что онъ, именно онъ, а никто другой, заставилъ русскую интеллигенцію относиться очень подозрительно къ великому самому по себѣ чувству патріотизма. Ни для кого не тайна отношеніе многихъ представителей русской интеллигенціи къ пораженію нашихъ войскъ на поляхъ Дальняго Востока во время русско-японской войны. Одни встрѣчали вѣсти объ этихъ пораженіяхъ съ полнымъ душевнымъ раздвоеніемъ, другіе—почти съ радостью, видя въ позорномъ для насъ исходѣ войны зарю освобожденія самой Россіи, восходящую звѣзду, озаряющую русскому народу путь къ новой жизни. Не мы будемъ отрицать, что чувство это совершенно непормальное, но мы спрашиваемъ: кто въ немъ виноватъ, гдѣ и въ чемъ его источникъ?—Въ томъ, что русская интеллигенція просто — „vaterlandlose Gesellen“, какъ окрестилъ императоръ Вильгельмъ нѣмецкую соціалъ-демократію,—скажутъ защитники приказнаго строя, но дешевое, слишкомъ дешевое, будетъ это объясненіе.

А чтобы показать, что оно именно дешевое, мы приведемъ разсказъ извѣстнаго славянофила Юрія Самарина о томъ, какимъ образомъ встрѣчалъ извѣстія о нашемъ пораженіи во время крымской компаніи 1854—53 года, какъ вы думаете—кто? Да ни болѣе, ни менѣе, какъ глава славянофильской школы самъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

„Во время осады Севастополя,—разсказываетъ Ю. Ф. Самаринъ въ предисловіи къ сочиненіямъ А. С. Хомякова—въ самую пору мучительнаго для нашего самолюбія отрезвленія, когда очарованія одно за другимъ спадали съ нашихъ глазъ и передъ нами выступало все безобразіе и вся нищета нашей дѣйствительности, на одномъ вечерѣ и въ пріятельскомъ кругу Хомяковъ былъ какъ-то особенно *веселъ и безпеченъ*, и на недоумѣніе одного изъ друзей, какъ можетъ *онъ смѣяться въ такое время*, отвѣтилъ: „я плакалъ про себя тридцать лѣтъ, когда

вокругъ все смѣялось; поймите же, что мнѣ позволительно радоваться при видѣ всеобщихъ слезъ къ спасенію“ [1]).

Приведя этотъ же разсказъ Самарина о Хомяковѣ, Вл. С. Соловьевъ говоритъ, что *за такія рѣчи* Хомяковъ и его единомышленники подверглись „внушительной“ анаѳемѣ со стороны представителей позднѣйшаго „зоологическаго патріотизма“ [2]). Со стороны представителей „зоологическаго патріотизма“, конечно, ничего другого и ожидать было нельзя, но фактъ, разсказанный Самаринымъ, все-таки фактъ такой, который долженъ бы заставить призадуматься даже нашихъ бюрократовъ.

Хомяковъ *радующійся* тому, что происходило въ Россіи въ 1854 году! Хомяковъ принужденный считать всеобщія слезы — „слезами къ спасенію!“ И это разсказываетъ не какой-нибудь тамъ „крамольникъ“, а очевидецъ, другъ Хомякова, самъ одинъ изъ столповъ стараго славянофильства—Юрій Самаринъ, разсказываетъ въ предисловіи къ полному собранію сочиненій Хомякова и, слѣдовательно, достовѣрность факта не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Что же изъ этого факта слѣдуетъ? Не придется ли и Хомякова зачислить по вѣдомству „vaterlandlose Gesellen?..“

---

[1]) Сочиненія *А. С. Хомякова*, т. I. Предисловіе. Стр. XVIII—XIX. Въ вышедшихъ въ Петербургѣ „Письмахъ Л. Н. Толстого 1848—1910 г.“ находится письмо Толстого къ его брату гр. С. Н. Толстому, написанное „на батареѣ около Севастополя 20 ноября 1854 г.“. Въ этомъ письмѣ Л. Н. Толстой, между прочимъ писалъ: „Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во время древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска, вмѣсто: „здорово ребята!“ говорилъ: „нужно умирать, ребята, умремте?“ И войска одвѣчали: „умремъ, ваше превосходительство, ура“! И это былъ не аффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а взаправду, и уже 22.000 исполнили это обѣщаніе. Раненый солдатъ, почти умирающій, разсказывалъ мнѣ, какъ они брали 24-ю французскую батарею, и ихъ не подкрѣпили; онъ плакалъ навзрыдъ. Рота моряковъ чуть не взбунтовалась за то, что ихъ хотѣли смѣнить съ батареи, на которой они простояли 30 дней подъ бомбами. Солдаты вырываютъ трубки изъ бомбъ. Женщины носятъ воду на бастіоны для солдатъ. Многія убиты и ранены. Священники съ крестами ходятъ на бастіоны и подъ огнемъ читаютъ молитвы. Въ одной бригадѣ 24-го было 160 человѣкъ, которые раненые не вышли изъ фронта. Чудное время!“ (Письма *Л. Н. Толстого*, стр. 43.) Зналъ ли все это Хомяковъ? Безъ сомнѣнія зналъ, но каковъ же долженъ былъ быть адъ въ его душѣ отъ окружавшей тогда Россію николаевской атмосферы, если, зная это, онъ все-таки находилъ, что ему „позволительно радоваться при видѣ всеобщихъ слезъ къ спасенію“...

[2]) *В. С. Соловьевъ.* Очерки изъ исторіи русскаго самосознанія. *Вѣстникъ Европы.* 1889 г. ноябрь стр, 364.

Вотъ каковы психогическіе результаты воздѣйствія русскаго соціально-политическаго строя на лучшихъ русскихъ людей!..

То же самое происходило и въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. *Психологически* и тамъ и тутъ явленіе совершенно одинаковое, но *историческая* обстановка, въ которой оно имѣло мѣсто, была, разумѣется, различная. Представительницей того теченія, о которомъ у насъ сейчасъ идетъ рѣчь, была въ семидесятыхъ годахъ редакція заграничнаго журнала и газеты *Впередъ* съ П. Л. Лавровымъ во главѣ.

Ея „позиція“ по отношенію къ начавшемуся тогда среди южныхъ славянъ движенію и симпатіямъ къ этому движенію со стороны прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества была совершенно „особая“, выразившаяся въ такихъ, напримѣръ, строкахъ:

Если 16-тилѣтній Базаровъ въ Екатеринославѣ, котораго не пустили въ Сербію, застрѣлился, какъ разсказываютъ газеты, находя, что „теперь всѣмъ такъ худо живется, что положительно не стоитъ жить“,—его напрасно не пустили; пусть бы лучше онъ умеръ, воображая, что умираетъ за великое дѣло, чѣмъ смотря съ отвращеніемъ на все окружающее. Но въ рядахъ идущихъ въ бой есть люди, которые, повидимому, искренно воображаютъ, что у нихъ есть нѣкоторый планъ жизни, нѣкоторый политическій идеалъ и, что они могутъ осуществить этотъ планъ, этотъ идеалъ въ борьбѣ, которая кипитъ на Балканскомъ полуостровѣ. Этимъ слѣдуетъ разогнать свои иллюзіи. Туда можно идти биться изъ-за какого-нибудь расчета, изъ невыносимой тоски и пустоты русской жизни, изъ желанія подраться, но никакіе политическіе идеалы тамъ осуществлены быть не могутъ... [1]).

Что касается самихъ южныхъ славянъ, то, по мнѣнію *Впередъ*, они должны вести себя такъ:

Южные славяне,—освобожденные или неосвобожденные отъ турокъ, подданные Милана или Франца Іосифа,—могутъ, независимо отъ границъ, образовать для соціалистической пропаганды и для революціонной организаціи плодотворную почву, которая вызвала бы въ надлежащую минуту народное движеніе въ чисто соціалистическомъ духѣ во всѣхъ юго-славянскихъ земляхъ; это движеніе подало бы руку соціалистамъ Австріи, Венгріи и Россіи, *которые парализовали бы усилія своихъ правительствъ подавить славянскихъ соціалистовъ юга силами другихъ національностей.* Когда же южно-славянскіе соціалисты расправились бы съ *своими* (здѣсь и далѣе курсивъ подлинника) правительствами и капиталистами, они могли бы совершенно успѣшно

[1]) *Впередъ.* Октябрь, 1876 года. № 42. Передовая статья. Стр. 595—598.

понести на югъ своимъ братьямъ, еще неосвобожденнымъ отъ турецкаго ига, вооруженную проповѣдь отъ всякаго политическаго и всякаго экономическаго ига. Нынѣшняя національно-религіозная война неизбѣжно сблизитъ между собою среди южныхъ славянъ классы экономическихъ и государственныхъ эксплоататоровъ съ массами, ими эксплоатируемыми. Политическіе вопросы заслонятъ и отложатъ на неопредѣленное время вопросы экономическіе. Пропаганда и организація соціальной революціи потеряютъ въ значительной мѣрѣ свою нравственную почву. Если война кончится въ пользу славянъ, то послѣ ея окончанія придется начинать чуть не сначала дѣло Свѣтозара Марковича [1]) и его товарищей. Конечно, оно окончательно должно восторжествовать, но всякій идущій теперь биться на берега Моравы и Ирины, если онъ человѣкъ разсуждающій, долженъ сказать себѣ, что онъ своими силами содѣйствуетъ процессу временнаго *ослабленія* соціалистической пропаганды среди южныхъ славянъ и отложенія въ болѣе *дальнее* будущее соціальной революціи среди нихъ [2]).

Такова должна была быть, по мнѣнію *Впередъ*, позиція сербовъ, черногорцевъ и другихъ южныхъ славянъ въ половинѣ 70-хъ годовъ. Они должны не возставать противъ турецкаго гнета, а приготовить и начать „народное движеніе въ чисто-соціалистическомъ духѣ“. Въ это же время австрійскіе и русскіе соціалисты „парализуютъ усилія своихъ правительствъ подавить славянскихъ соціалистовъ юга силами другихъ національностей“. Когда же они „расправятся съ своими правительствами и капиталистами“, то освободятъ и другихъ славянъ, напр., болгаръ... Источникъ такихъ воззрѣній былъ все тотъ же: наивная и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто-религіозная вѣра въ „соціальную революцію“... Реальность объекта этой вѣры была такъ же безспорна въ глазахъ вѣрующихъ въ него, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ вѣры религіозной. И отъ нея отскакивали, разумѣется, всѣ факты, громко кричащіе объ ея несостоятельности.

Кромѣ пламенной вѣры въ всемірную „соціальную революцію“, которую редакція *Впередъ* старалась внѣдрить и въ своихъ читателей, она же старалась, по мѣрѣ силъ, противодѣйствовать

[1]) Въ упомянутый выше, составленной профессоромъ бѣлградскаго университета *Іованомъ Скерлячемъ* біографіи извѣстнаго сербскаго соціалиста Свѣтозара Марковича вспоминаются „нелѣпые“ совѣты *Впередъ* южнымъ славянамъ „подождать съ своимъ возстаніемъ до соціальной революціи въ Австріи и Россіи“. (Свѣтозаръ Марковичъ. Његовъ живот, радъ и идеје“. Београдъ. 1910 г. стр. 196).

[2]) „Что дѣлается на родинѣ“? *Впередъ*, 1879. Ноябрь. № 44, стр. 665.

вмѣшательству русскаго правительства въ дѣла южныхъ славянъ также и доводами, заимствованными, какъ ей казалось, изъ области реальной политики. Съ этой цѣлью въ томъ же 1876 году редакціей *Впередъ* былъ изданъ особый „Славянскій сборникъ“, изъ котораго мы приведемъ слѣдующія строки:

Не служитъ ли русское правительство своимъ вызывающимъ положеніемъ, своимъ шумнымъ задоромъ въ рѣшеніи славянскаго вопроса помѣхой къ скорѣйшему и лучшему рѣшенію его? Если бы наше правительство не лѣзло такъ впередъ, то, можетъ быть, другія европейскія державы и прежде всего Англія, принялись бы энергичнѣе за этотъ вопросъ въ смыслѣ разрѣшенія его въ пользу славянъ. Въ подтвержденіе этого предположенія вспомнимъ факты: первое извѣстіе о болгарскихъ ужасахъ заявлено англійскою прессою, первое сильное выраженіе о необходимости дать автономію разнымъ славянско-турецкимъ провинціямъ проявилось торжественно на митингахъ Англіи. Такое же рѣшеніе славянскаго вопроса было предложено Гладстономъ, человѣкомъ, могущимъ не сегодня-завтра быть англійскимъ министромъ и направить свои силы и вліяніе Англіи въ пользу подобнаго рѣшенія [1]).

Редакція *Впередъ*, разумѣется, и здѣсь очень заблуждалась: кромѣ Гладстона въ самой Англіи находился тогда и находился у власти могущественный „туркофилъ“ Биконсфильдъ; противъ балканскихъ славянъ, кромѣ Турціи, стояла еще и Австрія, страна, о которой тотъ же Гладстонъ выразился тогда такъ: „no man could put his finger on the map of Europe and find a place where Austria had done good“ (ни одинъ человѣкъ не въ состояніи указать такого мѣста на картѣ Европы, гдѣ бы Австрія сдѣлала что-либо доброе). Наконецъ, и самъ Гладстонъ стоялъ за *сохраненіе территоріальной цѣлости Турціи* и хотѣлъ бы видѣть Боснію, Герцеговину и Болгарію въ томъ же по отношенію къ Турціи положеніи, въ какомъ была тогда Румынія. „Имѣя такой примѣръ передъ собою (какъ Румынія),—писалъ Гладстонъ въ своей знаменитой брошюрѣ о болгарскихъ ужасахъ, — будемъ надѣяться, по крайней мѣрѣ, что нѣтъ необходимости нарушать территоріальную цѣлость Турціи, когда Европа обратится къ ней и потребуетъ примѣненія мѣры, которая составляетъ наименьшее изъ того, что требуется дѣломъ, т.-е. устраненія турецкаго управленія изъ Болгаріи такъ

[1]) *Славянскій вопросъ*. Изд. редакціи *Впередъ*. 1876 г., стр. 10.

же какъ изъ Босніи и Герцеговины и даже преимущественно изъ первой“ [1]).

Такое разрѣшеніе вопроса, какое предлагалъ Гладстонъ, конечно, не удовлетворило бы ни одну изъ славянскихъ странъ на Балканскомъ полуостровѣ, а между тѣмъ, мнѣніе Гладстона о славянскомъ вопросѣ было тогда среди европейскихъ государственныхъ людей наиболѣе радикальнымъ. Послѣдовавшій послѣ русско-турецкой войны Берлинскій конгрессъ, снова расчленившій Болгарію и возвратившій Македонію Турціи, дирижировался, кромѣ Бисмарка, главнымъ образомъ, лордомъ Биконсфильдомъ и графомъ Андраши, т.-е. Германіей, Англіей и Австріей.

Надо отмѣтить тутъ же отношеніе къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ и нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ.

Марксъ, какъ это видно изъ его собственной, теперь напечатанной переписки, употреблялъ всѣ силы, чтобы противодѣйствовать вызваннымъ агитаціей Гладстона симпатіямъ англійскаго общества къ движенію балканскихъ славянъ въ оттоманской имперіи. Вотъ что читаемъ мы въ статьѣ Эдуарда Бернштейна „Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры“:

Согласно съ своимъ взглядомъ на положеніе вещей и роль Россіи въ европейской политикѣ, Марксъ цѣнилъ возстанія балканскихъ славянъ противъ турецкаго господства *исключительно* съ точки зрѣнія ихъ вліянія на внѣшнюю мощь Россіи въ Европѣ. А такъ какъ ослабленіе Турціи и усиленіе славянскаго вліянія на Балканахъ казалось ему связанными съ усиленіемъ оффиціальной Россіи, то всѣ балканскіе славяне представлялись ему сознательными или безсознательными орудіями русской дипломатіи, а потому незаслуживающими никакой поддержки. Поэтому, когда зимою 1876—1877 года Гладстонъ повелъ свою кампанію въ пользу болгаръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ пользу заступившейся за нихъ Россіи, Марксъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, *чтобы помѣшать этой агитаціи*. Его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкій солодовникъ Барри, который позднѣе—послѣ напрасныхъ попытокъ превратить англійскую рабочую партію въ орудіе консерваторовъ, закончилъ свою карьеру оффиціальнымъ наемнымъ избирательнымъ агентомъ консервативной партіи. Относительно этого Барри Марксъ писалъ 27 сентября 1877 года къ Ф. Зорге слѣдующее: „черезъ него именно я поддерживалъ *инкогнито* (курсивъ подлинника) въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ бѣглый огонь противъ руссофила Гладстона въ великосвѣтской лондонской прессѣ (*Vanity Fair* и *White*

[1]) *Гладстонъ*. Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ. Русскій переводъ. С.-Петербургъ. 1876 г., стр. 38—40.

Hall Review), а также во многихъ провинціальныхъ англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ газетахъ, разоблачая его шашни (Mogelei) съ русскимъ агентомъ Новиковой, съ русскимъ посольствомъ въ Лондонѣ и т. д. Наконецъ, черезъ него я вліялъ и на англійскихъ парламентаріевъ нижней и верхней палаты, которые всплеснули бы отъ изумленія и ужаса руками, если бы узнали, что ихъ суфлеръ (Ohrenblaser) по восточному кризису есть никто иной, какъ „докторъ краснаго террора“ (Red Terror Doctor), какъ они называютъ меня [1]).

Отсюда ясно, что Марксъ шелъ въ противодѣйствіи вмѣшательству Россіи въ дѣла балканскихъ славянъ несравненно дальше, чѣмъ даже „лавристы“. Послѣдніе указывали именно на агитацію Гладстона и симпатіи къ балканскимъ славянамъ англійскаго общества, какъ на могущественные факторы, которые могутъ дать славянамъ свободу и безъ вмѣшательства оффиціальной Россіи,—Марксъ пустилъ въ ходъ все отъ него зависѣвшее, въ цѣляхъ противодѣйствія и Гладстону. Онъ готовъ былъ принести балканскихъ славянъ въ жертву Турціи, ибо смотрѣлъ на балканскія событія „*исключительно* съ точки зрѣнія ихъ вліянія на внѣшнюю мощь Россіи въ Европѣ“...

Когда происходили описываемыя событія, о письмахъ Маркса къ Зорге, конечно, еще не было извѣстно въ революціонныхъ кругахъ ни Россіи, ни балканскихъ славянъ, но Либкнехтъ, напримѣръ, уже и тогда совершенно открыто агитировалъ въ томъ же смыслѣ, считая турецкія звѣрства надъ болгарами въ родѣ извѣстныхъ ужасовъ въ деревнѣ Батакѣ (они то и послужили темою для стихотворенія Тургенева „Крокетъ въ Виндзорѣ“) русской выдумкой и сомнѣвался въ самомъ существованіи „южныхъ славянъ, стремящихся къ свободѣ“. Въ этомъ же смыслѣ онъ издалъ брошюру „Zur orientalische Frage, oder: soll Europa kasakisch werden? Mahnwort an das deutche Volk“. На эту брошюру тогда же одинъ сербъ отвѣтилъ тоже брошюрою: „Zur orientalischen Frage, oder: soll die sozialistische Arbeiterpartei türkisch werden? Ein Mahnwort an die deutsche Socialdemocratie“ [2]). И Либнехтъ былъ далеко не одинъ. Все это содѣйствовало еще большему отчужденію русскихъ „бакунистовъ“,

[1]) *Минувшіе Годы.* Ноябрь. 1908 г., стр. 18—19.

[2]) Объ отношеніи къ движенію славянъ на Балканахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи читатели могутъ найти свѣдѣнія въ біографіи Бакунина, составленной Драгомановымъ и приложенной къ „Письмамъ Бакунина Герцену и Огареву“. Эта біографія перепечатана также въ книгѣ „М. А. Бакунинъ“ изд. Балашова.

которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, отнеслись совсѣмъ иначе къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ, отъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и для объясненія чего мы лишь и упоминаемъ здѣсь объ отношеніяхъ къ славянскому революціонному движенію на Балканскомъ полуостровѣ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ соціалистовъ Германіи.

Если мы припомнимъ затѣмъ все теченіе войны, наши крупныя неудачи,—чего стоила одна только Плевна!—и, наконецъ, исходъ войны, закончившейся знаменитымъ берлинскимъ трактатомъ, припомнимъ впечатлѣніе, которое произвело все это даже на весьма умѣренные слои общества, то мы представимъ себѣ, что переживали въ это время его крайніе элементы.

Вѣдь даже такой лойальный человѣкъ, какъ И. С. Аксаковъ не находилъ словъ для выраженія своего возмущеннаго чувства, называлъ берлинскій трактатъ „трижды проклятымъ“ [1]), произнесъ въ Московскомъ Славянскомъ Обществѣ въ этомъ смыслѣ негодующую рѣчь, на которую правительство отвѣтило закрытіемъ Общества и высылкою изъ Москвы самого Аксакова.

Что касается русскихъ революціонеровъ, то на нихъ произвелъ впечатлѣніе не столько „Берлинскій трактатъ“, сколько полная немощь оффиціальной Россіи во время самого хода войны. По свидѣтельству В. К. Дебогорія Мокріевича, въ революціонерныхъ кругахъ раздавались въ это время такія рѣчи: „Какое суровое, безчеловѣчное отношеніе у себя дома и какое въ то же время постыдное, жалкое безсиліе во внѣшней политикѣ, во внѣшнихъ дѣлахъ... Посмотрите какая несостоятельность въ войнѣ, хотя бы съ этой самой Турціей. Эта гнилая держава, полудикая орда съ красными фесками на бритыхъ головахъ потребовала чуть не всѣ силы стомилліонной имперіи для того, чтобы какъ-нибудь окончить войну... *Задать же имъ страху!* Это вовсе не такъ трудно. Побѣгутъ и здѣсь“...

Мы увидимъ ниже, какъ чувство, выражавшееся фразой „задать же имъ страху“, получило затѣмъ и реальное выраженіе. Именно этимъ чувствомъ опредѣлилось появленіе новаго направленія среди революціонеровъ, вылившееся затѣмъ уже въ формы борьбы за политическое преобразованіе Россіи.

Мы остановились такъ подробно на теченіи, которое представлялъ въ славянскомъ вопросѣ этотъ журналъ въ русской

[1]) Сочиненія *И. С. Аксакова*. „Славянскій вопросъ“. 1886 г., стр. 375.

революціонной средѣ семидесятыхъ годовъ, дабы избѣгнуть упрека въ односторонпемъ освѣщеніи дѣла, но мы тутъ же должны сказать, что теченіе въ этомъ вопросѣ, представляемое журналомъ *Впередъ*, раздѣлялось далеко не всѣми русскими активными народниками. Напротивъ, едва начались событія на Балканскомъ полуостровѣ, какъ у многихъ изъ нихъ событія эти нашли самый живой откликъ. Революціонеръ А. Г. Ерошенко сложилъ свою голову въ битвахъ съ турками въ Сербіи, куда онъ отправился въ качествѣ добровольца. Туда же,—въ Сербію и Черногорію,—устремились „бакунисты“ М. П. Сажинъ, М. С. Кравчинскій и многіе другіе.

„Мои лучшіе друзья,—говоритъ П. А. Кропоткинъ,—Сергѣй Степнякъ, Дмитрій К. и многіе другіе отправились на Балканскій полуостровъ, чтобы присоединиться къ инсургентамъ. Другіе писали мнѣ: „Мы читали корреспонденціи *Daily News* о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, мы плачемъ при чтеніи и идемъ записываться въ отряды инсургентовъ, какъ добровольцы или какъ сестры милосердія“ [1]).

Слѣдующая выписка изъ письма къ пишущему эти строки М. П. Сажина бросаетъ свѣтъ на настроеніе, господствовавшее тогда въ нѣкоторыхъ русскихъ революціонныхъ кружкахъ:

„Недѣли за двѣ-за три до герцеговинскаго возстанія (вспышка въ Невесиньѣ) я пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ познакомился съ Сергѣемъ Кравчинскимъ. Очень скоро мы сошлись и всѣ дни проводили вмѣстѣ. Какъ только получилось извѣстіе о событіяхъ въ Невесиньѣ, я ему тотчасъ же предложилъ ѣхать въ Герцеговину. Онъ согласился на мое предложеніе, и мы рѣшили немедленно отправиться въ путь, при чемъ я поѣхалъ черезъ Локарно, гдѣ жилъ Бакунинъ, въ Загребъ, а Сергѣй черезъ Сѣверную Италію, гдѣ онъ хотѣлъ видѣться съ женою и Волховскимъ, съ которымъ онъ находился въ очень близкихъ отношеніяхъ. Въ Загребѣ находился комитетъ, который снабжалъ оружіемъ добровольцевъ и переправлялъ ихъ черезъ границу—въ Рагузѣ или Каттарѣ. Пробывъ 4—5 дней въ Загребѣ и не дождавшись Сергѣя, я отправился съ партіей добровольцевъ въ Рагузу. Изъ Рагузы насъ отправили въ Каттаро и Кастель-Ново, гдѣ меня съ знакомыми мнѣ итальянскими гарибальдійцами и собрали затѣмъ въ иностранный легіонъ подъ

[1]) *Кропоткинъ*, Записки революціонера, стр. 362.

командой серба генерала Любибратича. Въ это время подготовлялась экспедиція для очищенія отъ турокъ шоссе между Требинье и, кажется, Невесинье. Мѣсто сбора было назначено гдѣ-то въ горахъ, куда мы шли по горамъ почти сутки. Здѣсь произошло одно сраженіе и нѣсколько схватокъ съ турками, послѣ которыхъ намъ приказано было отступать и отправляться вразсыпную снова въ Кастель-Ново. Такимъ путемъ я въ компаніи 5—6 человѣкъ возвращаемся и въ виду Кастель-Ново, на разстояніи 3—4 километровъ отъ него, встрѣчаемъ Сергѣя, ѣдущаго на мулѣ съ проводникомъ. Конечно, я его вернулъ назадъ, разсказавши все о положеніи дѣлъ. Проживши нѣкоторое время здѣсь и узнавши, что военныя предпріятія до весны почти прекратятся, мы оба рѣшили уѣхать, что и сдѣлали, поѣхавши назадъ чрезъ Локарно, гдѣ я познакомилъ Сергѣя съ Бакунинымъ".

Такимъ образомъ, изъ русскихъ бакунистъ М. П. Сажинъ былъ *первымъ* участникомъ въ герцеговинскомъ возстаніи.

Въ революціонныхъ кружкахъ самой Россіи, несмотря на то теченіе, которое выражалось журналомъ *Впередъ*, несмотря на вышеотмѣченное психическое раздвоеніе, давно уже вызывавшееся войнами въ душахъ русской интеллигенціи, непосредственное чувство и революціонная по отношенію къ славянскому вопросу традиція взяли верхъ надъ рефлексіями: въ революціонной средѣ стали образовываться негласные и полугласные комитеты задолго до полуофиціальныхъ комитетовъ „славянскихъ". Тамъ, въ этихъ, состоящихъ изъ революціонеровъ, комитетахъ, встрѣчались въ общихъ заботахъ о поддержкѣ балканскихъ славянъ такіе люди, какъ М. П. Драгомановъ и А. И. Желябовъ.

Въ 1880 году А. И. Желябовъ обратился къ М. П. Драгоманову съ письмомъ, въ которомъ просилъ его оказывать нѣкоторыя услуги народовольцамъ. Въ письмѣ этомъ Желябовъ, между прочимъ, напоминалъ Драгоманову объ ихъ встрѣчахъ на югѣ Россіи въ семидесятыхъ годахъ.

Въ коментаріи къ опубликованному имъ письму Желябова Драгомановъ писалъ:

„Другую встрѣчу съ Желябовымъ въ 1875 году мы отлично помнимъ. Въ первый разъ мы увидали его на собраніи полугласнаго комитета, *который занимался собираніемъ денегъ и отправкою волонтеровъ въ Герцеговину*. Это было за годъ до

офиціальнаго черняевскаго похода. *Двое сербовъ, трое украинцевъ* (одинъ австрійскій), *одинъ полякъ*, —интересный человѣкъ о которомъ тоже стоило бы разсказать, теперь (1882 г.) умершій Магеръ и Желябовъ, уже притянутый къ процессу, что послѣ былъ названъ 193-хъ, но оставленный на волѣ,—вотъ каковъ былъ составъ этого комитета. Я допущенъ былъ въ собраніе, какъ участникъ *другого подобнаго комитета*, но совершенно негласнаго и сплошь украинскаго по своему составу, въ другомъ городѣ“ [1]).

Такимъ образомъ изъ этихъ строкъ Драгоманова не только нельзя опредѣлить (за исключеніемъ Желябова и Магера) личный составъ комитетовъ, но даже и тѣ города, въ которыхъ комитеты дѣйствовали.

Кто эти сербы, кто украинцы? Этого, къ сожалѣнію, намъ не удалось установить ни въ Украйнѣ, ни въ Сербіи.

Но вопросъ о городахъ, въ которыхъ находились комитеты, можно разрѣшить на основаніи другого источника—автобіографіи Драгоманова. Изъ нея слѣдуетъ, что комитетъ, въ которомъ участвовалъ Желябовъ, находился въ Одессѣ, а „сплошь украинскій“—въ Кіевѣ.

Вотъ эти строки изъ автобіографіи Драгоманова:

„Кіевскіе и одесскіе украинцы еще съ осени 1875 г. (задолго до Черняева) составили комитеты для отправленія въ Герцеговину волонтеровъ. Въ Одессѣ, впрочемъ, въ комитетѣ участвовали и „радикалы“ (Желябовъ), которые тамъ больше сближались съ украинцами“ [2]).

Принимая энергичное участіе въ помощи балканскимъ славянамъ, Желябовъ преслѣдовалъ при этомъ и русскія революціонныя цѣли. Его біографъ пишетъ:

„*Политическій агитаторъ* (курсивъ подлинника) рано сказался въ немъ (Желябовѣ). Такъ, напр., онъ принималъ *дѣятельное участіе въ организаціи помощи славянамъ*, расчитывая, какъ разсказывалъ впослѣдствіи, на дѣлѣ возрожденія славянъ помочь политическому воспитанію самого русскаго общества“ [3]).

---

[1]) Собраніе сочиненій *М. П. Драгоманова*. Т. II, стр. 433—434.

[2]) Автобіографія Драгоманова, *Былое*, 1906 г. іюнь стр. 201. См. также (на украинскомъ языкѣ) — *М. Павлик* — Михайло Петрович Драгоманов, его юбилей, смерть, автобіографія и спис творив“. Львів, 1896 г., стр. 371.

[3]) Андрей Ивановичъ Желябовъ. Лондонъ. Вольная русская типографія. 1882 г., стр. 10.

Вспоминая повѣшеннаго въ 1879 году въ Одессѣ сына богатаго полтавскаго помѣщика Малинку, В. К. Дебогорій-Мокріевичъ пишетъ:

„Но Малинкѣ, отецъ котораго былъ еще живъ, не удалось, подобно Лизогубу, помочь революціонерамъ деньгами, если не считать тысячъ около трехъ, внесенныхъ имъ разновременно въ кассу. Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ увлеченъ въ ту минуту болгарскимъ освободительнымъ движеніемъ отъ турецкаго ига и все время возился съ болгарами, проживавшими въ Одессѣ. Насколько мнѣ помнится, среди нихъ былъ и Стамбуловъ“ [1]).

Извѣстная впослѣдствіи въ качествѣ выдающагося члена центральной организаціи партіи „Народной Воли“ А. П. Корба принимала дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій въ пользу русскихъ добровольцевъ въ Сербіи; въ декабрѣ 1877 г. она отправилась въ Румынію и въ Бухарестѣ была принята въ число сестеръ милосердія Благовѣщенской общины, занимаясь перевозкою раненыхъ на поѣздахъ отъ Бухареста до русской границы [2]).

Вотъ, кажется, и все, что извѣстно по этому поводу изъ печатныхъ источниковъ.

Дополнимъ поэтому печатныя свѣдѣнія объ участіи русскихъ революціонеровъ въ славянскомъ движеніи выдержками изъ частныхъ писемъ къ намъ по этому поводу нѣсколькихъ дѣятелей русскаго освободительнаго движенія семидесятыхъ годовъ.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ дѣятелей революціоннаго движенія на югѣ Россіи въ семидесятыхъ годахъ, осужденный въ 1879 г. въ Одессѣ въ каторжныя работы и понынѣ живущій въ Сибири В. Ф. Костюринъ [3]) писалъ намъ:

„Первые добровольцы въ Герцеговину отправились изъ Кіева,— это я хорошо знаю, потому что видѣлъ двоихъ изъ нихъ, когда они только что вернулись изъ Герцеговины. Фамиліи ихъ—одного я хорошо знаю, потому что онъ былъ потомъ въ той же компаніи, которая жила въ Чигиринскомъ уѣздѣ,—это „Васплекъ“,

---

[1]) „Воспоминанія“, стр. 294.

[2]) Изъ обзора, составленнаго департаментомъ полиціи за 1882 годъ. *Былое*. 1906 г., ноябрь, стр. 247.

[3]) О *Костюринѣ* см. въ „Воспоминаніяхъ В. К. Дебогорія-Мокріевича, а также статью шлиссельбуржца М. Ф. Фроленко „Побѣгъ Алеши Поповича“ въ майской книжкѣ журнала *Былое* за 1906 г.

какъ его называли у насъ, по фамиліи Лепешинскій. Другой, бывшій тогда студентомъ-медикомъ кіевскаго университета— Емельяновъ. Такъ вотъ отъ этого „Василька“ я слышалъ нѣкоторыя подробности поѣздки. Кто снаряжалъ этихъ первыхъ добровольцевъ въ Кіевѣ, я не помню, но всѣ они были кіевляне, было ихъ, если не ошибаюсь, семь человѣкъ. Черезъ Австрію попали они затѣмъ въ Герцеговину и направились къ гремѣвшему тогда Пеко Павловичу. Ихъ появленіе въ лагерѣ Пеко Павловича вызвало необычайный энтузіазмъ, имъ устроили торжественную встрѣчу, отнеслись самымъ любовнымъ, трогательнымъ образомъ. Черезъ нѣсколько же дней по приходѣ въ лагерь Пеко Павловича ихъ взяли съ собой въ набѣгъ на какой-то турецкій отрядъ.

„Стычки сводились къ тому, что сподвижники Пеко Павловича, скрываясь межъ камней, неожиданно, какъ львы, огромными прыжками наскакивали на турокъ и, поработавъ ятаганами, скрывались опять въ камняхъ, уходя быстрымъ ходомъ въ безопасное мѣсто. Наши добровольцы къ такому образу дѣйствій оказались, разумѣется, совершенно неприспособленными.

„Въ 1876 году масса добровольцевъ шла уже совершенно открыто. Между прочимъ, въ качествѣ сербскаго добровольца ѣздилъ изъ Одессы Волошенко [1]), но уже ѣздилъ въ формѣ, какъ и всѣ „сербскіе добровольцы“ того времени.

„Среди радикаловъ того времени много было разговоровъ о необходимости принять участіе въ движеніи сербовъ и болгаръ и для того, чтобы получить „боевое крещеніе“ и изучить на практикѣ „механику народныхъ возстаній“, но, насколько я знаю, ничего изъ этихъ разговоровъ не вышло“.

Въ вышецитированномъ уже письмѣ къ намъ М. П. Сажинъ пишетъ:

„Передъ выѣздомъ моимъ изъ Парижа я написалъ въ Россію нѣсколько писемъ съ предложеніемъ ѣхать въ Герцеговину. Изъ моихъ друзей, одесскихъ и кіевскихъ, направилась въ Герцеговину группа человѣкъ въ шесть, куда пріѣхали уже послѣ насъ и, слѣдовательно, во время, очень неудачное для военныхъ экспедицій. Сколько мнѣ помнится, имъ не пришлось принять участія въ сколько-нибудь крупномъ дѣлѣ. Въ числѣ

[1]) Волошенко былъ осужденъ въ каторжныя работы въ Кіевѣ въ 1879 г.

этихъ лицъ были мои пріятели: Иванъ Дебогорій-Мокріевичъ [1]), Орестъ Габель, Пименъ Энкуватовъ (нечаевецъ) и еще носившій кличку „помѣщикъ“, а фамилію его я теперь забылъ“.

Чтобы покончить съ отношеніемъ русскихъ революціонеровъ къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ въ семидесятыхъ годахъ, отмѣтимъ еще, что многіе изъ балканскихъ дѣятелей того времени находились подъ непосредственнымъ личнымъ вліяніемъ революціонеровъ русскихъ [2]).

Въ числѣ наиболѣе громкихъ дѣятелей Болгаріи того времени были братья Каравеловы (Любенъ и Петко), Ботевъ (извѣстный болгарскій поэтъ-революціонеръ, убитый въ схваткѣ болгарской революціонной четы съ турками въ 1876 году. Память Ботева чествуется въ Софіи ежегодно и понынѣ) [3]), З. Стояновъ и Ст. Стамбуловъ.

На всѣхъ этихъ лицъ русскіе революціонеры имѣли самое прямое вліяніе:

„Любенъ Каравеловъ,—писалъ намъ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ эмигрантовъ З. К. Арборе-Ралли [4]),—былъ лично знакомъ съ Бакунинымъ и Огаревымъ, зналъ также Герцена, но немного, подъ конецъ его жизни. Петко Каравеловъ былъ

---

[1]) Въ личной бесѣдѣ съ нами въ Софіи В. К. Мокріевичъ также разсказываетъ объ участіи его брата — Ивана Мокріевича — въ добровольческомъ походѣ.

[2]) Въ біографіи Свѣтозара Марковича, составленной Іованомъ Скерличемъ, находится цѣлая отдѣльная глава, посвященная вліяніямъ на Марковича и его друзей русскихъ революціонеровъ („Утицај русского соціализма“, т.-е. „Вліяніе русскаго соціализма“). Много свѣдѣній находится о томъ же и въ другой главѣ книги г. Скерлича „У емиграцији“. О вліяніи на сербовъ Бакунина содержится много матеріаловъ въ „Письмахъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву“, а также въ третьемъ томѣ L'Internationale. Documents et souvenirs“ (Paris, 1910) Джемса Гильома.

[3]) О вліяніи на Ботева русской литературы см. вышецитированныя двѣ лекціи о Герценѣ Петко Тодорова и Ив. Калины, а также брошюру С. Максимова „Христо Ботевъ и русската литература“. О вліяніи русской литературы на болгарскую см. прекрасное изслѣдованіе д-ра *И. Д. Шишманова* „Наченки отъ руско влияние въ болгарската книжница“. София, 1899 г. и помѣщенную въ № отъ 23 января 1909 г. журнала „Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technick“, статью проф. софійскаго университета Кръстева „Die neue bulgarische Literatur“.

[4]) О *З. Ралли* см. статью въ XXI томѣ „Большой Энциклопедіи“ подъ редакціею С. Н. Южакова (стр. 393—394). Онъ былъ сотрудникомъ журналовъ *Былое* и *Минувшіе Годы*. Благодаря его воспоминаніямъ изъ семейной хроники разъяснены вопросъ о происхожденіи пушкинскихъ „Цыганъ“.

нѣкоторое время въ кружкѣ 50-тп (въ 1874 г. въ Москвѣ), а Стамбуловъ былъ членомъ кружка Квятковскаго [1]) въ Одессѣ; на З. Стоянова имѣли воспитательное вліяніе Судзиловскій [2]) и докторъ Добровольскій [3]). На Ботева—тотъ же Судзиловскій и Кацъ [4]). Здѣсь въ Румыніи (З. К. Ралли писалъ намъ изъ Бухареста) всѣ они проживали вмѣстѣ до болгарскаго возстанія 1876 года: строили революціонную организацію и организовывали возстаніе изъ Журжева".

По этому же поводу М. П. Сажинъ писалъ намъ:

„Любенъ Каравеловъ былъ знакомъ съ Нечаевымъ. Я его тоже однажды или два раза видѣлъ. Въ архивѣ Нечаева было нѣсколько писемъ Любена, изъ которыхъ, сколько я помню, можно было вывести только, что Любенъ оказалъ Нечаеву нѣсколько услугъ въ родѣ адресовъ для переписки и прочее.

„Свѣтозаръ Марковичъ въ 1868—1870 годахъ былъ въ Цюрихѣ студентомъ, дружилъ съ русскою учащеюся молодежью. Онъ былъ страстнымъ послѣдователемъ Чернышевскаго".

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что многіе дѣятели балканскаго освободительнаго движенія находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ дѣятелями освободительнаго движенія русскаго.

Но когда именно начались эти сношенія? Съ сербскими и хорватскими дѣятелями Бакунинъ, напр., былъ знакомъ еще въ сороковыхъ годахъ,—они вмѣстѣ принимали участіе и въ пражскомъ славянскомъ съѣздѣ,—но съ болгарскими отношенія возникли значительно позже. Въ „письмахъ Бакунина къ Герцену и Огареву" находится одно мѣсто, бросающее свѣтъ на время возникновенія такихъ отношеній. Вотъ это мѣсто:

[1]) *Тимофей Квятковскій* осужденъ по процессу 193-хъ въ каторжныя работы. *Александръ Квятковскій* повѣшенъ въ 1880 году въ Петербургѣ.

[2]) Біографія *Н. К. Судзиловскаго* (онъ же д-ръ Руссель) одна изъ самыхъ сказочныхъ. См. о немъ статью Е. Е. Лазарева „Гавайскій сенаторъ", въ іюньской книжкѣ журнала *Былое* за 1907 г. См. также „Воспоминанія" В. К. Дебогорія-Мокріевича.

[3]) Докторъ *И. И. Добровольскій*—извѣстный писатель, сотрудникъ *Русскихъ Вѣдомостей, Сѣвернаго Вѣстника, Русской Мысли* и др. изданій. См. о немъ ст. въ XXI томѣ „Большой Энциклопедіи" Южакова (стр. 279—280).

[4]) *М. И. Кацъ* эмигрировалъ еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Румынію, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ писатель, подъ псевдонимомъ Геро-Добруджано. О немъ см. въ книгѣ О. В. Аптекмана „Земля и Воля" 70-хъ годовъ". С.-Петербургъ, 1907 г. Изданіе *Русской Исторической Библіотеки* № 20.

„Вчера я прочелъ въ *Liberté*, писалъ Бакунинъ Огареву 17 декабря 1869 года, что нѣсколько болгаръ арестованы въ Константинополѣ. Между ними названъ и „Raizeff [1]), тотъ самый симпатичный молодой человѣкъ, который былъ у меня при Неч. (очевидно Нечаевъ) *и доставилъ намъ всѣ наши болгарскія связи*. Имѣешь ли ты извѣстія о нихъ?“ [2])

Слѣдовательно прочныя связи съ болгарами стали устанавливаться лишь во время перваго пребыванія за границей Нечаева, т.-е. въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, но затѣмъ связи эти развивались и ко времени возстанія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ стали уже довольно прочными; это, конечно, должно было облегчить и прямое участіе многихъ русскихъ активныхъ народниковъ въ движеніяхъ балканскихъ славянъ.

Таково было отношеніе къ балканскимъ событіямъ второй половины семидесятыхъ годовъ различныхъ элементовъ русскаго общества и въ частности активныхъ народниковъ. Затѣмъ послѣдовала самая война, на ходѣ которой мы останавливаться здѣсь, конечно, не будемъ. Этотъ ходъ и его исходъ общеизвѣстны.

Послѣ окончанія войны, не взирая на исказившій ея результаты Берлинскій трактатъ болгары все же получили бытіе свободнаго народа и конституціонныя учрежденія. А сами „освободители“ болгаръ? Самъ народъ русскій? Ему попрежнему предстояло жить въ тѣхъ же политическихъ условіяхъ, какъ и до войны. На этомъ фонѣ и разыгрались многія событія конца семидесятыхъ годовъ. О нихъ, какъ и о событіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ самой Россіи въ то время, когда война еще не окончилась,—въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Въ бесѣдѣ съ пишущимъ эти строки въ Софіи, недавно скончавшійся извѣстный болгарскій поэтъ Пенчо Славейковъ сдѣлалъ предположеніе, что въ письмѣ Бакунина рѣчь идетъ о болгаринѣ Райтевѣ, жившемъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Константинополѣ и основывавшемъ тамъ среди болгаръ тайныя общества.

[2]) *Письма*. Стр. 250.

X.

Процессы демонстрантовъ Казанской площади, „пятидесяти“ и „ста девяносто трехъ“. Покушеніе на жизнь генерала Трепова и дѣло Вѣры Засуличъ. Первые нелегальные журналы въ Россіи: „Начало“ и „Земля и Воля“. Настроеніе активныхъ народниковъ на югѣ Россіи и возникновеніе „террористическаго“ направленія. Убійство шефа жандармовъ Мезенцева. Идейный кризисъ въ „Обществѣ Земля и Воля“ и распаденіе Общества на „Черный Передѣлъ“ и „Народную Волю“ [1]).

Мы знаемъ изъ свидѣтельства В. К. Дебогорія-Мокріевича, что уже „ко времени русско-турецкой войны скептицизмомъ (по отношенію къ народническимъ методамъ дѣятельности) были заражены всѣ, по крайней мѣрѣ, южные народники“. Еще съ большею силою стало замѣчаться это явленіе послѣ войны. Тѣмъ не менѣе, оговорку В. К. Мокріевича, „по крайней мѣрѣ, *южные* народники“ надо имѣть въ виду и по отношенію къ народническому движенію вплоть до второй половины 1879 года, ибо на сѣверѣ „старовѣрчество“ продолжало еще гнѣздиться

1) Промежутокъ времени, наполненный событіями, изображаемыми въ этой главѣ, могъ бы быть названъ общимъ именемъ „Наканунѣ Народной Воли“. Богатый фактами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и моментомъ идейнаго кризиса народничества, вслѣдствіе чего переплетъ внѣшнихъ событій движенія и идейной его стороны здѣсь особенно сложенъ. Для удобства читателей мы разбиваемъ поэтому настоящую, являющуюся и заключительной, главу нашей книги на нѣсколько отдѣловъ.

очень прочно. Въ 1878 году и первой половинѣ 1879 года оно даже закрѣпило за собою свои теоретическія позиціи изданіемъ въ самой Россіи первыхъ нелегальныхъ журналовъ *Начало* и *Земля и Воля*. Объ этихъ журналахъ мы будемъ говорить ниже, а теперь намъ необходимо остановиться на событіяхъ, сыгравшихъ тогда огромную роль въ дѣлѣ повышенія революціоннаго *настроенія* среди народниковъ.

Событія эти — цѣлая серія политическихъ процессовъ, изъ которыхъ мы остановимся на трехъ главнѣйшихъ: процессѣ демонстрантовъ на Казанской площади, такъ называемомъ „процессѣ пятидесяти“ и „процессѣ 193-хъ“.

По первому изъ этихъ процессовъ, разбиравшемуся въ особомъ присутствіи правительствующаго сената съ 18 по 25 января 1877 года, суду было предано двадцать человѣкъ, большинство которыхъ принадлежало къ учащейся молодежи.

Читатели припомнятъ, что демонстрація состояла въ томъ, что одинъ изъ ея участниковъ (Г. В. Плехановъ) произнесъ рѣчь; потомъ нѣкоторые демонстранты подняли на рукахъ 16-тилѣтняго крестьянина Потапова, который развернулъ красное знамя съ надписью на немъ „Земля и Воля“. Остальные присутствовали на демонстраціи; нѣкоторые, можетъ быть, издавали при этомъ „мятежные возгласы“.

Приговоръ суда: Боголюбова [1]), Бибергаля, Чернявскаго, Бочарова и Гервасія (19 лѣтъ)—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Боголюбова, Бибергаля и Чернявскаго—въ рудникахъ на *пятнадцать* лѣтъ, а Бочарова и Гервасія въ крѣпостяхъ на *десять* лѣтъ. Шефтель (дѣвушку 16-ти лѣтъ), Потапова (16 лѣтъ), Геллера, Попова, Громова, Григорьева (18 лѣтъ) и Тимофеева лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать: Шефтель въ каторжныя работы на *шесть* лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, а всѣхъ прочихъ—на поселеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ наказанія: Шефтель, Геллеру, Попову и Громову ссылкою на житье въ Тобольскую губернію, а Потапову, Тимофееву и Григорьеву—„отдачею *въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на пять лѣтъ*, съ порученіемъ ихъ тамъ особому попеченію монастырскаго начальства для исправленія ихъ нравственности и утвержденія

[1]) Мы уже говорили выше, что Боголюбовъ даже не былъ на Казанской площади.

ихъ въ правилахъ христіанскаго долга“ [1]). Трое было оправдано [2]).

Въ это именно время мы готовились „освобождать славянъ“...

За процессомъ демонстрантовъ на Казанской площади послѣдовалъ, продолжавшійся съ 21 февраля по 14 марта того же 1877 года, „процессъ 50-ти“ (Бардина, Любатовичъ, Фигнеръ, Джабадари, Петръ Алексѣевъ и другіе) или „москвичей“.

Процессъ „москвичей“ произвелъ сильное впечатлѣніе на революціонеровъ и интеллигентное общество, особенно произнесенными на судѣ рѣчами С. И. Бардиной и рабочаго П. А. Алексѣева. Эти, много разъ переиздававшіяся рѣчи, являются и до сихъ поръ прекрасными документами для характеристики разсматриваемой эпохи.

Обвиняемымъ, разумѣется, инкриминировалось отрицаніе „собственности, семьи, религіи и государства“.

[1]) Будучи отправленъ въ Соловецкій монастырь, Потановъ ударилъ тамъ одно изъ духовныхъ начальствующихъ лицъ, за что и былъ снова судимъ и сосланъ, какъ *уголовный*, въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области съ распоряженіемъ поселить его среди якутовъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ тамъ селили уголовныхъ, т.-е. на слѣдующихъ: привозили такихъ лицъ и оставляли въ якутскихъ улусахъ съ возложеніемъ на якутовъ обязанности въ теченіе недѣли кормить привезеннаго. Черезъ недѣлю онъ передавался для его прокормленія другому якуту и т. д. пока ссыльный не совершалъ полный „оборотъ“ и не возвращался къ якуту первому, послѣ чего путешествіе изъ юрты въ юрту начиналось снова. Нечего и говорить, что голодные якуты ненавидятъ своихъ обязательныхъ нахлѣбниковъ, а послѣднимъ ничего другого не остается дѣлать, какъ принимать подаяніе, иначе въ буквальномъ смыслѣ слова имъ грозитъ голодная смерть. Повторяемъ, все это относится не къ политическимъ, а къ уголовнымъ ссыльнымъ. Но Потапова привезли именно, какъ *уголовнаго*, и отправили въ Суптарскій улусъ Вилюйскаго округа такъ, что мѣстные политическіе ссыльные рѣшительно ничего о немъ не знали, и подать о себѣ какую-либо вѣсть изъ улуса Потановъ, очевидно, тоже не имѣлъ никакой возможности. Такъ и прожилъ онъ *много лѣтъ*. Находившіеся въ 1889 году въ Вилюйскѣ нѣсколько политическихъ ссыльныхъ случайно узнали, что изъ Суптарскаго улуса былъ привезенъ близкій къ психическому разстройству какой-то Потановъ. Они посѣтили его и изъ „статейнаго списка“ узнали, что это и есть тотъ Потановъ, котораго нѣкогда судили за казанскую демонстрацію. Онъ почти *совершенно забылъ русскую рѣчь*, произносилъ несвязныя фразы, состоявшія большею частью изъ якутскихъ словъ, плохо вообще понималъ и изъ его прошлаго у него сохранились лишь неясные проблески... По настоянію ссыльныхъ, вилюйскій исправникъ отправилъ затѣмъ Потанова въ больницу въ Якутскъ, о немъ, конечно, были увѣдомлены и мѣстные политическіе ссыльные, принявшіе участіе въ больномъ. Но было уже поздно.

[2]) *Правительственный Вѣстникъ*. 1877 года. № 31.

На это Бардина и отвѣчала въ своей рѣчи такъ:

„Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливаюсь даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обезпеченную его личнымъ производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть хозяиномъ своего труда и его продукта. И скажите, послѣ этого,—я-ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть рабочаго дня, двѣ трети беретъ даромъ? Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я и никто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуемъ. Мы только выставляемъ на первый планъ право рабочаго на полный продуктъ его труда... Относительно семьи я также не знаю, подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращается и она и ея дѣти, тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, или подрываемъ эту семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, а въ томъ числѣ и разрушенія семьи? Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ основателемъ христіанства. Въ подрываніи государства я столь же мало виновата. Я, вообще, думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государства не могутъ... Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей“... Прерываемая предсѣдателемъ, Бардина говоритъ: „Но какъ бы то ни было и какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самымъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами“... *Предсѣдатель*:—„намъ совсѣмъ не

нужно знать, въ чемъ вы такъ убѣждены". *Бардина*:—„...оно можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи,—и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не восторжествуютъ. Я убѣждена еще въ томъ, что наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій. И тогда оно отомститъ за нашу гибель. Преслѣдуйте насъ,—за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи,—увы,—на штыки не улавливаются".

Въ иномъ родѣ была рѣчь Петра Алексѣева, рѣчь въ полномъ смыслѣ слова „боевая".

Обрисовавши положеніе трудящагося люда, онъ говорилъ:

„Изъ всего мною вышесказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается надѣяться только на самого себя и ни отъ кого не ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи". (Предсѣдатель прерываетъ подсудимаго, Алексѣевъ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ, возвысивши голосъ:) „Она одна братски протянула къ намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значитъ и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская рукъ, ведетъ насъ, раскрывая всѣ двери для выхода всѣхъ нашихъ собратьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки... И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока подымется (говоритъ, поднявъ руку) мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда"... *Предсѣдатель*: „Молчать! молчать!" *Алексѣевъ* (возвышая голосъ)... „и ярмо деспотизма... разлетится въ прахъ"!..

Произошелъ сильный переполохъ...

Судъ приговорилъ въ каторжныя работы на разные сроки:

Алексѣева, Бардину, Ольгу и Вѣру Любатовичъ, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Хоржевскую, князя Циціанова, Владиміра и Григорія Александровыхъ, Здановича, Джабадари, Гамкрелидзе, Кардашева, Агапова. На поселеніе: Чихондзе и Лукашевича.

Остальные были приговорены къ болѣе легкимъ наказаніямъ. По ходатайству суда и при конфирмаціи приговоры были смягчены, но все же остались очень жестокими [1]).

Главные герои процесса—Бардина и Алексѣевъ—кончили оба свою жизнь весьма трагически.

Отбывши каторгу, Алексѣевъ былъ поселенъ въ Якутской области, гдѣ въ 1891 году убитъ съ цѣлью грабежа якутами, польстившимися на его какія-то скромныя денежныя сбереженія.

Бардина была сослана на поселеніе въ Ишимъ, Тобольской губерніи, но оттуда бѣжала. Потомъ ею овладѣло мрачное настроеніе, она уѣхала за границу и тамъ вскорѣ застрѣлилась.

Процессъ 50-ти, какъ мы сказали, произвелъ особенно сильное впечатлѣніе. Женщинамъ этого процесса посвятилъ Боровиковскій стихотвореніе, въ которомъ писалъ:

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще и скорѣй:
Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей.
Крестьянскія вериги, вмѣсто платья,
Надѣвъ, и снявъ преступно башмаки,
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный трудъ, гдѣ бѣдняки.
Захвачена на мѣстѣ преступленья,
Съ поличнымъ я къ тебѣ приведена.
Зачѣмъ же здѣсь свидѣтели и пренья?
Вѣдь я кругомъ уличена.
Но знаешь ли, что какъ я ни преступна,
А предо мной безсиленъ ты, судья,
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна
И побѣдишь не ты, а я...

---

[1]) Подробные отчеты о процессахъ казанскихъ демонстрантовъ и „пятидесяти“ см. во II томѣ (тамъ они перепечатаны полностью изъ „*Правительственнаго Вѣстника*“ съ нѣкоторыми другими дополненіями) сборниковъ *Базилевскаго* „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“ стр. 1—415.

И. С. Тургеневъ цѣловалъ фотографическія карточки „святыхъ“.

Я. П. Полонскій посвятилъ тѣмъ же женщинамъ знаменитое стихотвореніе: „Узница“, которое начиналось словами.

Что она мнѣ—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего-жъ ея доля проклятая
Ходитъ за мной день и ночь?
Словно зоветъ меня, въ злѣ неповинная,
Въ судъ отвѣчать за нее.
Словно страданьемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
И т. д. [1]).

Наконецъ, Н. А. Некрасовъ посвятилъ всѣмъ обвинявшимся по „процессу 50-ти“ слѣдующія строки:

Смолкли честные, доблестно павшіе,
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе,
Но разнузданы страсти жестокія,
Вихорь злобы и бѣшенства носится,
Надъ тобою, страна безотвѣтная,
Все живое, все честное коснется,
Только слышно, о, ночь безпросвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ на грудь великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитыя гады сползаются [2]).

Въ томъ же 1877 году разбиралось дѣло о „революціонной пропагандѣ въ Имперіи“, болѣе извѣстное подъ именемъ „Большого процесса“ и „Процесса 193-хъ“. Разбирательство его тя-

[1]) Стихотвореніе это ходило въ спискахъ, большею частью неполныхъ и неправильныхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ. Полностью оно было напечатано въ январьской книжкѣ *Былого* за 1906 годъ съ рукописи, написанной рукой самого Полонскаго и предоставленной редакціи журнала Л. Ф. Пантелѣевымъ. Рукопись датирована 1877 годомъ.

[2]) Это стихотвореніе написано Некрасовымъ уже на одрѣ смертельной болѣзни. Оно было напечатано впервые, съ нѣкоторыми ошибками, въ № 47 заграничнаго журнала *Общее Дѣло* въ мартѣ 1882 года; но, какъ разсказывалъ самъ покойный Н. А. Алексѣевъ, онъ получилъ это стихотвореніе еще находясь послѣ процесса въ тюрьмѣ въ Петербургѣ.

нулось свыше трехъ мѣсяцевъ,—съ октября 1877 по 23 января 1878 года.

Тогда же въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось такое оффиціальное сообщеніе:

„Краткія свѣдѣнія о засѣданіяхъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи будутъ съ настоящаго времени постоянно публиковаться въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Къ опубликованію обвинительнаго акта будетъ приступлено по прочтеніи его въ засѣданіи Особаго Присутствія. *Подробный же стенографическій отчетъ объ этомъ обширномъ дѣлѣ, вслѣдствіе невозможности своевременнаго его опубликованія на газетныхъ столбцахъ, будетъ отпечатанъ особо*“ [1]).

Это торжественно данное на страницахъ *Правительственнаго Вѣстника* обѣщаніе не только никогда не было приведено въ исполненіе, но когда въ 1878 году нѣкоторые изъ адвокатовъ, участвовавшихъ въ процессѣ, пригласившіе на свой счетъ стенографовъ, отпечатали, опять-таки на свой собственный счетъ, первую половину стенографическаго отчета о процессѣ, то, по постановленію комитета министровъ, книга эта была сожжена...“ [2]).

Мы уже приводили выше выдержки изъ письма С. М. Кравчинскаго къ П. Л. Лаврову. Въ письмѣ этомъ, какъ читатель припомнитъ, Кравчинскій придавалъ огромное значеніе для оживленія революціоннаго движенія предстоявшему процессу. И онъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ. Процессъ 193-хъ привлекъ къ себѣ очень большое общественное вниманіе, но привлекъ не столько идеями, которыя развивали подсудимые, сколько обнаружившимися на немъ яркими фактами жестокости властей и несостоятельности всего *политическаго* порядка вещей въ Россіи.

Какъ „Процессъ 50-ти“ особенно извѣстенъ рѣчами Алексѣева и Бардиной, такъ „Процессъ 193-хъ“—рѣчью Мышкина.

Мы уже упоминали выше объ этой рѣчи. Она была произнесена съ сильнымъ подъемомъ и произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Нервы революціонной молодежи и безъ того

---

[1]) *Правительственный Вѣстникъ*, 1877 г. № 231.

[2]) См. въ Энциклопедическомъ Словарѣ *Брокгауза* статью *Болгарскаго* „Цензурныя взысканія“.

были взвинчены всѣмъ ею пережитымъ, а тутъ открывались все новыя и новыя жестокости тюремщиковъ. Это и дѣйствовало на *настроеніе*, приближая кризисъ народническаго направленія въ самой „соціально-революціонной *партіи*“, слово, которое въ первый разъ было произнесено именно Мышкинымъ.

Послѣ длинной и много разъ прерываемой предсѣдателемъ рѣчи, Мышкинъ говоритъ:

„Я хочу заявить о тѣхъ незаконныхъ, насильственныхъ мѣрахъ, которыя были приняты противъ меня во время предварительнаго ареста. Послѣ перваго же допроса я, за нежеланіе отвѣчать на нѣкоторые изъ предложенныхъ вопросовъ, былъ закованъ сначала въ ножные кандалы, а спустя нѣкоторое время еще въ наручники. Одновременно съ тѣмъ, я былъ лишенъ права пользоваться не только чаемъ, но и кипяченою водою“. *Предсѣдатель*. — „Ваше заявленіе совершенно голословно“. *Мышкинъ*.—„О заковкѣ въ кандалы имѣется протоколъ въ дѣлѣ. До какой мелочности доходитъ мстительность властей къ политическому преступнику, въ которомъ они видятъ своего личнаго врага, лучше всего доказываетъ слѣдующій, правда, мелкій, но очень характерный фактъ: когда я унизился до ничтожной просьбы, носить подъ кандалами чулки, потому что на ногахъ образовались язвы отъ кандаловъ, то даже на эту ничтожную просьбу я получилъ отказъ...“. Предсѣдатель отказывается выслушивать такія заявленія. *Мышкинъ*.—„Итакъ, насъ могутъ пытать, мучить, а мы не только не можемъ искать правды,— конечно, я не настолько наивенъ, чтобы ожидать правды отъ суда и различныхъ властей, но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣдѣнія общества, что на Руси обращаются съ политическими преступниками хуже, чѣмъ турки съ христіанами“. Снова столкновеніе съ предсѣдателемъ,—затѣмъ *Мышкинъ* говоритъ: „Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, что это не судъ, а пустая комедія или нѣчто болѣе худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости...“ [1]). Происходитъ бурная сцена, жандармы, по приказанію предсѣдателя, при протестахъ и сопротивленіи другихъ подсудимыхъ, силою выводятъ Мышкина изъ

[1]) *Община*, 1878 годъ. Январь. № 1, стр. 21.

суда; прокуроръ Желиховскій воскликналъ: „Это чистая революція!“ [1])

Рѣчь Мышкина печатается нелегально и впечатлѣніе отъ нея разносится далеко за предѣлы Петербурга...

Инкриминировавшіяся почти всѣмъ подсудимымъ по процессу 193-хъ дѣянія сводились либо къ передачѣ одной-другой книжки крестьянамъ, либо къ „преступнымъ“ съ ними разговорамъ, либо къ пѣнію „Барки“, либо къ агитаціи среди молодежи въ цѣляхъ двинуть ее „въ народъ“, либо къ другимъ подобнымъ же „тяжкимъ преступленіямъ“. Одинъ Мышкинъ обвинялся сверхъ того и въ вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ имъ при задержаніи въ Якутской области, куда Мышкинъ ѣздилъ съ цѣлью освободить изъ Вилюйска находившагося тамъ Чернышевскаго. Многіе изъ обвиняемыхъ уже тогда протомились по три-четыре года въ предварительномъ заключеніи,—значительное количество привлеченныхъ къ дѣлу умерло или впало въ психическое разстройство до суда. Судъ принялъ это во вниманіе, постановилъ многимъ изъ обвиняемыхъ вмѣнить въ наказаніе время, проведенное ими въ тюрьмѣ, за другихъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи имъ наказанія, но ходатайство уважено не было, третьихъ, наконецъ, оправдалъ, но они, если не успѣвали перейти на нелегальное положеніе, что сдѣлали многіе, были по распоряженію III Отдѣленія снова арестованы и высланы административно въ сѣверныя губерніи, по тогдашнему обыкновенію, безъ назначенія срока...

За всѣмъ тѣмъ и самый приговоръ суда былъ чрезвычайно суровъ. — Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ, Рогачевъ и Муравскій—въ каторжныя работы на 10 лѣтъ.

Спигубъ, Стаховскій, Добровольскій, Квятковскій (Тимофей), Ливановъ, Чарушинъ, Шишко, Зарубаевъ, Союзовъ и Чернявскій — на десять лѣтъ. Макаревичъ, Сажинъ, Брешковская— на пять лѣтъ.

И т. д. [2]).

[1]) Во время этой рѣчи Мышкинъ произнесъ и тѣ слова, о которыхъ мы упоминали во второй главѣ настоящей книги, касательно своего—„сына крѣпостной крестьянки и солдата“,—отношенія къ реформѣ 19 февраля 1861 года.

[2]) Обвинительный актъ по процессу 193-хъ, нѣкоторыя подробности процесса и приговоръ суда составляютъ содержаніе 3-го тома сборниковъ *Базилевскаго* „Государственныя преступленія въ Россіи“. Опредѣливши столь

Этотъ процессъ, несомнѣнно, сильно способствовалъ возникновенію новой партіи, поставившей своей цѣлью борьбу за политическую свободу. Многіе получившіе вскорѣ громкую извѣстность въ качествѣ „народовольцевъ“ (Желябовъ, Перовская, Якимова, Грачевскій, Саблинъ и др.), были участниками процесса 193-хъ. Всего полтора года отдѣляетъ моментъ выхода ихъ изъ тюрьмы отъ того „Липецкаго съѣзда“, на которомъ были заложены основы новой партіи.

Что касается осужденныхъ, то они ушли отбывать наложенное на нихъ наказаніе съ полной вѣрой въ свое дѣло. Уже вскорѣ послѣ окончанія процесса въ заграничномъ журналѣ *Община* появилось такое ихъ „завѣщаніе“.

Въ редакцію Общины.

„Прилагаемое наше заявленіе должно быть напечатано *непремѣнно* (курсивъ подлинника). Органъ партіи, къ которой мы принадлежимъ, не можетъ отказать намъ въ этомъ, какъ членамъ партіи. Срокъ (время) появленія въ печати заявленія отдается на волю редакціи, но мы обязываемъ ее руководиться при этомъ *исключительно* (курсивъ подлинника) политическими мотивами, интересами партіи, а не соображеніями объ участи того или иного изъ насъ“.

Это заявленіе гласило:

Товарищи по убѣжденіямъ!

Процессъ русской народно-революціонной (соціально-революціонной) партіи оффиціально законченъ: такъ называемый „приговоръ“ въ окончательной формѣ подписанъ и оффиціальной власти остается только отправить насъ, осужденныхъ, въ каторгу и въ ссылку,— по назначенію. Уходя съ поля битвы плѣнными, но честно-исполнившими свой долгъ, по крайнему нашему разумѣнію, уходя, быть можетъ, навсегда, подобно

суровое наказаніе обвиняемымъ, судъ, однако, находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ сослать въ каторжныя работы одного Мышкина, а объ остальныхъ возбудить ходатайство о значительномъ смягченіи назначеннаго имъ наказанія: такъ, Ковалика, Войнаральскаго, Рогачева и Муравскаго судъ полагалъ сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, Синегуба— на поселеніе въ Сибирь въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ и т. д. Но всѣ эти ходатайства, какъ уже сказано, уважены не были. (См. вышеназванный сборникъ, стр. 297—302).

Куприянову [1]), мы считаемъ нашимъ правомъ и нашею обязанностью обратиться къ вамъ, товарищи, съ нѣсколькими словами. Не придавая себѣ значенія болѣе того, какое мы имѣемъ, мы будемъ говорить лишь въ предѣлахъ той роли, какая наложена на насъ извнѣ. Оффиціальная власть нашла для себя полезнымъ сдѣлать насъ наглядными примѣромъ устрашенія для людей одинаковаго съ нами направленія, путемъ лицемѣрнаго различія въ „мѣрѣ наказанія“, быть можетъ, средствомъ развращенія людей слабыхъ, готовыхъ руководиться въ своемъ поведеніи не однимъ голосомъ совѣсти, но и соображеніями о личномъ благополучіи. Въ силу этой невольной роли, мы чувствуемъ себя обязанными заявить, что никакія „кары“ и „снисхожденія“ не въ состояніи измѣнить ни на іоту нашей приверженности къ русской народно-революціонной партіи.

Мы попрежнему остаемся врагами дѣйствующей въ Россіи системы, составляющей несчастье и позоръ нашей родины, такъ какъ въ экономическомъ отношеніи она эксплоатируетъ трудовое начало въ пользу хищнаго тунеядства и разврата, а въ политическомъ — отдаетъ трудъ, имущество, свободу, жизнь и честь каждаго гражданина на произволъ „личнаго усмотрѣнія“. Мы завѣщаемъ нашимъ товарищамъ по убѣжденіямъ идти съ прежней энергіей и удвоенной бодростью къ той святой цѣли, изъ-за которой мы подверглись преслѣдованіямъ и ради которой готовы бороться и страдать до послѣдняго вздоха.

P. S. Это заявленіе посылается нами за подлинными нашими подписями въ редакцію *Общины* съ просьбою опубликовать его; оригиналъ же сохранить, какъ доказательство вѣрности и подлинности документа.

Войнаральскій, Волховской, Жебуневъ, Зарубаевъ, Квятковскій, Коваликъ, Костюринъ, Ливановъ, Лермонтовъ, Лукашевичъ, Макаревичъ, Муравскій, Осташкинъ, Рогачевъ, Сажинъ, Синегубъ, Союзовъ, Стаховскій, Стопани, Чарушинъ, Чернявскій, Чудновскій, Шишко, Брешковская [2]).

Петропавловская крѣпость.
25 мая 1878 г.

---

[1]) Куприяновъ умеръ въ 1877 г. въ Петропавловской крѣпости.

[2]) *Община*. 1878 г. № 6 — 7. Относительно Брешковской въ примѣчаніи напечатано: „Прибавлено по личной просьбѣ за невозможностью доставить ей лично“. *Сергѣй Кравчинскій.*

Впечатлѣніе среди революціонеровъ отъ этого „извѣщенія“ было, конечно, громадное... Д. А. Клеменцъ написалъ за своею подписью статью „По поводу завѣщанія“, которая оканчивалась словами: „ни казни, ни осадныя положенія не остановятъ насъ на пути исполненія завѣщанія нашихъ товарищей—и оно будетъ исполнено!“ [1])

Атмосфера стала сгущаться...

Но въ жизни, какъ въ произведеніяхъ Шекспира, трагическое часто перемѣшивается съ комичнымъ. Одинъ изъ подсудимыхъ тогда же изложилъ въ стихахъ и пустилъ въ обращеніе рѣчь обвинителя по процессу 193-хъ В. А. Желеховскаго. Стихотвореніе это долго ходило въ рукописяхъ и было напечатано за границей лишь въ 1882 г. Участники процесса говорятъ, что авторъ стихотворенія необыкновенно мѣтко схватилъ содержаніе и тонъ прокурорской рѣчи, разумѣется, придавши ей въ то же время характеръ каррикатуры. Мы позволимъ себѣ закончить то немногое, что мы сказали о процессѣ 193-хъ, приведеніемъ этого стихотворенія полностью, въ качествѣ весьма характернаго „штриха“ къ картинѣ:

Я скажу вамъ предварительно,
Что защитники губительно
На преступниковъ воздѣйствуютъ,
Преступленьямъ ихъ содѣйствуютъ:
Раздуваютъ страсти бурныя
И, внушая имъ мишурныя
Пожеланья конституціи,—
Просто сѣютъ революціи!
Обратили засѣданія
Въ парламентскія собранія!
Что мы видимъ?—Агитацію,
Дерзость, буйство, протестацію,
Судъ поносятъ подсудимые!
Изъ него же выводимые
Чуть не поднимаютъ крикъ:
„Vive la république“!
Въ этомъ лишь одни виновны
Адвокаты поголовно!
Въ ихъ вполнѣ непозволительномъ
Поведеньи отвратительномъ

[1]) *Община*. 1878 г. № 8—9, стр 4.

Представитель обвиненья
Не находитъ снисхожденья:
То со злобой худо скрытою,
То съ насмѣшкой ядовитою,
Попирая всѣ приличія,
Въ грязь топча суда величіе,
Отвѣчаютъ обвинителю,
Мнѣ закона охранителю!
Обративъ суда вниманіе,
На такое поруганіе
Обвиненья и суда,
Приступаю, господа, -
Относясь къ суду почтительно,
Прямо къ рѣчи обвинительной.

(*Указывая на скамью подсудимыхъ*).

Вотъ мы видимъ представителей
Государства разрушителей!
Сбродъ воришекъ и грабителей,
Огорчающихъ родителей:
Бросивъ въ школахъ обученіе,
Всѣ они безъ исключенія,
Зарядивъ себя идеями,
Порожденными злодѣями,
Съ крикомъ: „въ бой, друзья, съ рутиною,“
Русь, какъ сѣтью паутиною,
Разорвавъ съ семьей и обществомъ,
Всю опутали сообществомъ.
Занимаясь агитаціей,
Прибѣгали къ конспираціи:
Мѣстожительства скрывали,
Кличекъ членамъ надавали:
Такъ, Надежду звали Надькой,
Катерину звали Катькой,
Васькой назвали Василія,
Но напрасны ихъ усилія!..
Правда,—лишь по ихней милости,
И по ихъ же крайней лживости,
Правды, истины скрывательства,—
У меня пѣть доказательства,
Что сообщество реальное,
А не только идеальное
По имперіи разлилося,
На скамьяхъ здѣсь очутилося.
Но извѣстно, господа,

Представителя суда
Очень чутокъ нюхъ собачій,
Несомнѣннѣе тѣмъ паче
Чуткость сердца прокурора.
Эта истина—внѣ спора.
Я на этомъ основаньи
Говорю безъ колебанья,
Какъ мнѣ сердце говоритъ,
Какъ сказать оно велитъ.
Что путемъ тѣснѣйшихъ узъ
Связанъ подлый ихъ союзъ!..
Раздувая страсти дикія,
Отрицая бракъ, религію,
Власть, имущество, монархію,
Проповѣдуя анархію,
Воровски прикрывшись маскою,
Подъ одеждою крестьянскою,
Ложь, обманъ пуская въ ходъ,
Пробрались они въ народъ.
Я не знаю,—чтобъ случилося,
Сколько крови бы пролилося,
Еслибъ мужички къ начальникамъ,
Къ становымъ своимъ, къ исправникамъ
И къ ближайшей властной братіи
Не питали бы симпатіи!
Но спокойно выжидающій,
Слово власти уважающій,
Не безъ добраго послѣдствія
Перенесъ народъ всѣ бѣдствія.
И, Христу благодареніе,
Въ мужикѣ наше спасеніе!
Такъ, служа Руси основою,
Дорожа свободой новою,
Безъ обычной своей лѣности,
Полнъ сыновней откровенности,
Вѣры въ власть и упованія,
О мятежныхъ злодѣяніяхъ
Представлялъ онъ донесенія
Въ волостныя управленія.

(*Съ восторгомъ*).

Вотъ высоко-благородная,
Вотъ черта вполнѣ народная!
И въ виду такого качества,
Революція—ребячество.

Я прибавлю положительно,
Еслибъ судъ да исключительно
Довѣрялъ вполнѣ свидѣтелю
Лишь съ такою добродѣтелью,—
Вообще и нынѣ въ частности,—
Русь была бы внѣ опасности.

(*Съ грустью*).

Жаль, такіе всѣ свидѣтели
Крестъ несутъ за добродѣтели!
Какъ помыслю, какъ стараются
Ихъ унизить!..
Люди злые, непокорные
Клеветой грязнятъ ихъ черною
И, ругаясь надъ законами,
Именуютъ ихъ шпіонами!

(*Убѣдительно*).

Не шпіоны-съ: доносители —
Государства охранители!

(*Махнувъ рукою*).

Впрочемъ, всѣ ихъ ухищренія,
Всѣ ихъ злобныя ученія,
Всѣ дѣла сихъ развратителей
Не опасны для правителей.
И не стоило-бъ вниманія
Обращать на ихъ дѣянія,
Но они законъ попрали
Даже судъ вашъ оплевали,
Наущенные коварною
И къ властямъ неблагодарною
Адвокатскою оравою,—
Этой гидрой многоглавою.
Вы терпѣли слишкомъ долго
Посему, во имя долга,
За закона поруганіе
Я взываю къ мщенью, къ мщенью,
Сообразно Уложенью!
А за порчу добрыхъ правовъ
Ихъ по божескому праву,
Въ адъ кромѣшный упекуть.

(*Грозясь*).

Тамъ возмездіе найдутъ.
Въ этомъ Третьемъ Отдѣленьи
Мірового управленья!

(*Разгорячась*).

Люциферъ съ своей командою
Разочтется съ этой бандою:
Жилы вытянетъ изъ нихъ,
Кожу съ нихъ сдеретъ съ живыхъ,
Будетъ драть ихъ оголенныхъ
Да на плитахъ раскаленныхъ,
Среди смрадной духоты,
Будетъ ихъ варить и жарить,
И изъ сѣрной кислоты
Будетъ имъ клистиры ставить.
И, клянусь, я самъ не прочь
Люциферу въ томъ помочь!.. [1]).

Такова была атмосфера, въ которой протекли три главнѣйшіе политическіе процесса разсматриваемаго промежутка времени...

* * *

Не надо пылкаго воображенія, чтобы представить себѣ, какъ все это дѣйствовало на молодежь. Она рвалась къ дѣятельности, борьбѣ, но какія формы должна принять эта дѣятельность и эта борьба, было для нея совершенно неясно. Ея настроеніе было ярко *антиправительственнымъ*, но бороться съ правительствомъ, какъ съ таковымъ, вступить съ нимъ въ борьбу *политическую*, — это попрежнему безусловно возбранялось ходячими теоріями.

Но что же дѣлать?

Объ этомъ среди революціонной молодежи шли, конечно, самыя горячія бесѣды, разладъ между теоріями и жизнью чувствовался все болѣе и болѣе: чрезвычайно суровые приговора (за участіе въ демонстраціи—каторга для шестнадцати—восемнадцатилѣтнихъ юношей и дѣвушекъ!) и жестокое обращеніе съ заключенными сгущали атмосферу, въ которой рождались, если не новыя *идеи*, то новыя *настроенія*, уже безсознательно влекшія многихъ народниковъ на новые пути борьбы. Въ такой атмосферѣ 24 января 1878 года раздался выстрѣлъ въ градоначальника Трепова В. И. Засуличъ.

---

[1]) Сборникъ „На родинѣ". 1882 № 2. Лондонъ. Стр. 30—35.

А власти? Какъ представляли они себѣ положеніе вещей?

„По окончаніи Большого процесса (193-хъ), — читаемъ мы въ изданной департаментомъ полиціи „Хроникѣ“, — когда главные коноводы смуты и пропаганды были осуждены или сосланы, а помилованные и оправданные отданы подъ строгій полицейскій и административный надзоръ, можно было ожидать наступленія спокойствія; многіе ласкали себя надеждой, что корни зла уничтожены, разсчитывали, что *великодушіе правительства, относящагося къ осужденнымъ мягко и подвергшаго виновныхъ минимальному, по статьямъ закона, наказанію,* окажетъ вліяніе на умы молодежи, создастъ въ ея средѣ лучшія чувства и привлечетъ ее къ идеѣ порядка и законности. Предположенія эти, однако, были далеки отъ осуществленія и 1878-мъ годомъ какъ разъ начинается наиболѣе сильный періодъ анархистскаго движенія въ Россіи, періодъ, который продолжался почти пять лѣтъ и внесъ яркую страницу въ революціонныя лѣтописи Европы“ [1]).

Та „мягкость“ отношенія властей къ осужденнымъ, о которой говорится въ департаментской „Хроникѣ“, получила 13 іюля того же 1877 г. наиболѣе наглядное выраженіе въ формѣ истязанія розгами осужденнаго въ каторжныя работы Боголюбова петербургскимъ градоначальникомъ Треповымъ за то, что при встрѣчѣ съ нимъ во время прогулки въ домѣ предварительнаго заключенія Боголюбовъ не снялъ шапки. Истязаніе Боголюбова повлекло за собою „бунтъ“ другихъ заключенныхъ и ихъ избіеніе, а затѣмъ вышеупомянутый выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, ея оправданіе присяжными засѣдателями и цѣлый рядъ событій, основное значеніе которыхъ состояло уже несомнѣнно въ измѣненіи направленія борьбы въ сторону *политическую.* Это еще не было сознано и тѣмъ болѣе не было оформлено, народническая печать говорила объ обратномъ, — но внутренній смыслъ событій былъ именно таковъ. На событіяхъ этихъ мы теперь и остановимся, но сначала приведемъ нѣсколько цитатъ изъ вышеупомянутой „Хроники“ относительно наказанія розгами Боголюбова.

Одинъ изъ главныхъ манифестантовъ (на Казанской площади), — пишутъ составители „Хроники“, — считался извѣстнымъ соціалистомъ и называлъ себя во время процесса и даже послѣ него Боголюбовымъ,

[1]) Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г., стр. 12.

хотя позднѣе было открыто, что его настоящая фамилія Емельяновъ и что онъ уроженецъ Донской области. Онъ былъ осужденъ въ каторжныя работы съ лишеніемъ правъ, но не подавалъ кассаціонной жалобы объ отмѣнѣ приговора, который былъ объявленъ 8 апрѣля 1877 года и утвержденъ 8 мая того же года. Съ этого дня Боголюбовъ вошелъ въ разрядъ арестантовъ-каторжниковъ и ipso facto подлежалъ дѣйствію тѣхъ статей уложенія о наказаніяхъ, которыя относятся къ самымъ тяжкимъ преступникамъ. 13 іюля 1877 года, во время инспекторскаго осмотра генераломъ Треповымъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ пока находился Боголюбовъ до отправленія его въ Сибирь, послѣдній позволилъ себѣ въ высшей степени оскорбительное поведеніе по отношенію къ этому представителю высшей администраціи. По точному и ясному смыслу дѣйствующаго закона каторжники даже за проступки второстепенной важности могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію розгами въ количествѣ до ста ударовъ. Въ силу необходимости примѣнить эти правила при данныхъ обстоятельствахъ и для примѣра остальнымъ арестантамъ, тѣмъ болѣе, что Боголюбовъ нанесъ оскорбленіе въ присутствіи своихъ товарищей по наказанію, генералъ Треповъ приказалъ подвергнуть его тѣлесному наказанію средней степени—25 ударовъ. *Достаточно было этого простого факта, не представляющаго почти никакой важности* и во всякомъ случаѣ не переходящаго границъ самой строгой законности, чтобы внести возбужденіе въ горячія головы приверженцевъ анархизма; игнорируя законы, *они придирались къ малѣйшему акту правительственной строгости*, чтобы возбуждать неудовольствіе общества, чтобы приводить новые мотивы для оправданія своихъ недостойныхъ дѣйствій, *которыя и безъ того уже вызывали сильную ненависть въ груди русскаго народа*. Анархисты стали кричать о тиранін, о пыткахъ, инквизиціи, произволѣ, тюремныхъ ужасахъ, тайнахъ и т. д. Градоначальникъ долженъ былъ пасть отъ руки мстителя. Эта идея почти годъ волновала кругъ анархистовъ [1]).

Мы сказали, что вслѣдъ за истязаніемъ Боголюбова въ тюрьмѣ произошелъ „бунтъ“ другихъ заключенныхъ. Въ чемъ состоялъ „бунтъ“ и какія изъ этого вышли послѣдствія для заключенныхъ, это явствуетъ изъ слѣдующаго „отношенія прокурора петербургскаго окружнаго суда отъ 27 августа 1877 г. за № 71 с.-петербургскому градоначальнику“.

Товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда Платоновъ, исполняющій прокурорскія обязанности по дому предварительнаго заключенія, донесъ мнѣ, что 13 минувшаго іюля къ нему доставлено

[1]) Ibid., стр. 13.

изъ дома предварительнаго заключенія много просьбъ отъ содержащихся тамъ политическихъ арестантовъ, изъ коихъ каждый требовалъ немедленнаго прибытія товарища прокурора къ нему въ камеру для принятія жалобы или заявленія по поводу происшедшихъ въ тотъ день безпорядковъ въ домѣ заключенія. По прибытіи же товарища прокурора надзиратели доложили, что почти всѣ политическіе арестанты заявили желаніе видѣть его въ тотъ же день. Исполнить такую просьбу заключенныхъ въ одинъ день не было возможности, а потому дознаніе могло быть окончено только 18 іюля. Всѣ заключенные жаловались, что, вслѣдствіе шума, поднятаго большею частью изъ нихъ по поводу наказанія лишеннаго всѣхъ правъ состоянія бывшаго студента Боголюбова розгами, тюремное начальство распорядилось посадить въ карцеры столько изъ политическихъ арестантовъ, сколько позволяло количество существующихъ въ тюрьмѣ карцеровъ. Мѣра эта, по словамъ жаловавшихся, приводилась въ исполненіе при помощи 20—30 полицейскихъ служителей, при чемъ брали въ карцеръ не только дѣйствительно участвовавшихъ въ шумѣ, но и такихъ, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, вовсе не могли въ немъ участвовать. При вводѣ въ карцеръ, заявляли далѣе заключенные, многіе изъ политическихъ арестантовъ были избиты надзирателями, при чемъ побои наносились не только съ вѣдома помощниковъ управляющаго, распоряжавшихся размѣщеніемъ арестантовъ въ карцеры, но даже по ихъ приказанію. Наконецъ, нѣкоторые изъ арестантовъ были заключены на продолжительное время въ такіе карцеры, въ которыхъ невозможно было оставаться безъ явной и серьезной опасности для здоровья.

Далѣе идетъ слѣдующее описаніе карцера, въ которомъ сидѣлъ заключенный Фишеръ:

Воздухъ въ камерѣ былъ такъ зараженъ, что невозможно было оставаться въ немъ и двухъ минутъ, вслѣдствіе чего товарищъ прокурора вынужденъ былъ вывести Фишера въ коридоръ, чтобы дослушать его заявленіе. Затѣмъ товарищъ прокурора пригласилъ заключеннаго Голоушева изъ карцера въ тюремную школу, „гдѣ лично удостовѣрился, что ему дѣйствительно были нанесены весьма значительные побои: онъ имѣлъ на лбу опухоль почти въ куриное яйцо величиною, а правый рукавъ сорочки былъ у него весь окровавленъ. По словамъ Голоушева, ему набросили на голову какой-то мѣшокъ, чтобы не было слышно его криковъ, а затѣмъ чѣмъ-то мягкимъ его били по головѣ и спинѣ до того, что онъ потерялъ сознаніе.

Далѣе къ прокурору поступило 17 іюля новое заявленіе, которое излагается въ цитируемомъ документѣ такъ:

Дворянинъ Дическуло съ 13-го іюля содержится въ такомъ карцерѣ, который устроенъ для содержанія самыхъ буйныхъ арестантовъ и то на нѣсколько часовъ, что тюремное начальство превратило этотъ карцеръ въ постоянное орудіе пытки для Дическуло, что тюремный врачъ заявилъ уже управляющему о невозможности держать тамъ Дическуло безъ явной опасности для его здоровья и даже жизни, но что управляющій ничего знать не хочетъ и продолжалъ относительно Дическуло ту же мѣру, которая привела князя Циціанова (сосѣда Дическуло по карцеру) прямо изъ карцера въ больницу еще наканунѣ, т.-е. 16 іюля. Вслѣдствіе этого заявленія, товарищъ прокурора Платоновъ предложилъ дежурному помощнику управляющаго проводить его къ Дическуло и нашелъ слѣдующее: Дическуло помѣщается въ особомъ карцерѣ, недавно устроенномъ подъ воротами рядомъ съ паровымъ котломъ, въ которомъ нагрѣвается вода для прачешной. Въ теченіе какихъ-нибудь 5—7 минутъ осмотра этого карцера и сосѣдняго съ нимъ товарищу прокурора два раза дѣлалось дурно. Температура въ одномъ изъ нихъ, гдѣ содержался сначала Циціановъ, а потомъ Бобковъ, была приблизительно 35 градусовъ, свѣта никакого, смрадъ и сырость такъ велика, что товарищъ прокурора съ трудомъ могъ себѣ представить возможность дышать въ нихъ даже нѣсколько часовъ; на полу нечистоты отъ испражненій и другіе продукты разложенія, въ которыхъ завелись даже черви; „парашъ“ въ началѣ совсѣмъ не было, но затѣмъ поставлены, но открытыя, и за время содержанія тамъ заключенныхъ онѣ ни разу не очищались. То обстоятельство, что Дическуло оставался въ живыхъ въ теченіе 4-хъ полныхъ сутокъ, объясняется, по мнѣнію товарища прокурора, единственно тѣмъ, что, обладая достаточною физическою силою, онъ выбилъ форточку въ дверяхъ карцера и черезъ нее дышалъ въ коридорчикъ, составляющій темное преддверіе къ этимъ двумъ карцерамъ. По словамъ Дическуло и сосѣда его Циціанова, температура, которую товарищъ прокурора засталъ въ этихъ карцерахъ, — ничто въ сравненію съ тою, какая была въ первые дни, когда карцеры будто бы *искусственно нагрѣвались*.

На основаніи этихъ и подобныхъ же другихъ данныхъ, офиціальное „отношеніе“ прокурора заканчивается словами:

Сообщая о всемъ вышеизложенномъ, на основаніи ст. 1085 Уст. Уг. Суд., я, вслѣдствіе предписанія прокурора судебной палаты, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство о зависящемъ распоряженіи къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія на основаніи ст. 345 Улож. о Наказ. въ отношеніи управляющаго домомъ предварительнаго заключенія Курнѣева, помощниковъ его Кудасова и Куриленко, а равно и тѣхъ полицейскихъ служителей, которые дозволили себѣ нанести побои арестантамъ, и въ послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ для донесенія прокурору палаты. Подлинное под-

писалъ: и. д. прокурора *Жуковскій*. Скрѣпилъ: и. д. секретаря *Квятковскій* [1]).

Нечего и говорить, что никакого „уголовнаго преслѣдованія“ противъ тюремной администраціи возбуждено Треповымъ не было, ибо главнымъ виновникомъ всего происшедшаго въ домѣ предварительнаго заключенія былъ онъ самъ, а составители „Хроники“ продолжали свои упражненія на тему о „великодушіи правительства“ и „мягкости“ его обращенія съ арестованными.

Такова почва, на которой выросло „дѣло Засуличъ“.

На этомъ процессѣ, какъ на совершенно исключительномъ, ибо В. И. Засуличъ судили судомъ присяжныхъ, мы теперь и остановимся. Дѣло разбиралось 31 марта 1878 года. Предсѣдателемъ суда былъ А. Ф. Кони, защитникомъ—присяжный повѣренный Александровъ, пріобрѣвшій себѣ рѣчью именно на этомъ процессѣ громадную извѣстность. Входъ въ судъ допускался лишь по билетамъ, которые достать было очень трудно. По свидѣтельству присутствовавшаго на процессѣ въ качествѣ журналиста Г. К. Градовскаго, „можно увѣренно сказать, что въ судебной залѣ не было ни одного „нигилиста“, ни одного студента“. Когда изъ свидѣтельскихъ показаній стало вырисовываться въ истинномъ свѣтѣ все то, что творилось въ тюрьмахъ и что привело къ покушенію Засуличъ, то, какъ вспоминаетъ Г. К. Градовскій, всѣмъ „стало тяжело, какъ отъ пытки, стыдно отъ сознанія, что подобныя варварства могутъ совершаться надъ русскимъ народомъ въ столицѣ Петра, у самаго зданія суда „правды и милости“, да еще во время войны за освобожденіе“... Съ глубокимъ волненіемъ, вспоминаютъ современники, были выслушаны и блестящая рѣчь присяжнаго повѣреннаго Александрова, и слово самой подсудимой, сказавшей: „тяжело поднимать руку на человѣка, но я находила, что должна это сдѣлать“. Присяжные удалились для совѣщанія. Всѣ были очень возбуждены. Рядомъ съ Г. К. Градовскимъ, по его воспоминаніямъ, сидѣлъ, также въ качествѣ журналиста, Ф. М. Достоевскій. „Осудить нельзя,—говоритъ онъ,—наказаніе неумѣстно, излишне; но какъ бы ей сказать: иди, но не

[1]) Этотъ, составляющій большую библіографическую рѣдкость, документъ былъ изданъ въ формѣ отдѣльнаго листка, приложеннаго къ V тому сборниковъ *Впередъ*.

поступай такъ въ другой разъ"... Присяжные вынесли оправдательный приговоръ. Даже находившаяся въ залѣ суда „избранная публика" ликовала, на прилегающихъ къ зданію суда запруженныхъ болѣе демократическими элементами столицы улицахъ произошла демонстрація [1]).

Шебековская „Хроника" изображаетъ эти событія такъ:

Правительство нашло нужнымъ примѣнить къ дѣлу о покушеніи Засуличъ обычный порядокъ уголовнаго процесса; дѣло разбиралось петербургскимъ окружнымъ судомъ, съ участіемъ защитниковъ и присяжныхъ засѣдателей. Процессъ этотъ былъ какъ бы попыткой, пробнымъ камнемъ для того, чтобы удостовѣриться, не достаточно ли обыкновенныхъ юридическихъ формъ для суда надъ политическими преступниками; старались убѣдить себя въ глубокомъ довѣріи къ прямотѣ присяжныхъ, къ серьезности адвокатуры, благоразумію общества и осторожности юристовъ. *Результаты показали совершенно противоположное...* Вѣра Засуличъ была оправдана.

Какой же изъ этого урокъ вынесли власти? Не было ли ясно, что въ обществѣ смотрятъ иначе на многое, нежели смотритъ правительство, и не слѣдовало ли поэтому подумать о перемѣнѣ „правительственнаго курса"?

Нѣтъ, власти вынесли совсѣмъ другой урокъ:

Результатъ этотъ,— продолжаютъ авторы „Хроники",— осязательно доказалъ правительству, что опасность больше, чѣмъ предполагали, что нѣкоторые классы общества *отравлены губительнымъ ядомъ*, что средства надзора трудны и испытанія, черезъ которыя придется еще пройти правительству, серьезны и сложны [2]).

Противъ „губительнаго яда" и были приняты мѣры. Сейчасъ же послѣ процесса Засуличъ, дѣла „о неповиновеніи властямъ и насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ" были изъяты изъ вѣдѣнія судовъ присяжныхъ, приговоръ по дѣлу Засуличъ кассированъ, сдѣлано распоряженіе о ея розыскѣ. Такъ какъ судъ „не оправдалъ" возлагавшихся на него надеждъ, то министръ юстиціи графъ Паленъ вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ Набоковымъ. Катковъ громилъ въ *Московскихъ Вѣдомо-*

[1]) О дѣлѣ Засуличъ, кромѣ газетъ того времени, см. „Процессъ Вѣры Засуличъ" въ изданіи книгоиздательства „Современникъ", въ книгѣ Г. К. Градовскаго „Итоги" и статью Д. М. Герценштейна „Тридцать лѣтъ тому назадъ". *Былое* 1907 г., іюнь. См. также нелегальную газету 1878 г. *Начало* и брошюру Драгоманова „За что старика обидѣли".

[2]) *Хроника*, стр. 14.

стяхъ не только „сумасшедшую петербургскую интеллигенцію“, не только защитника В. И. Засуличъ Александрова и предсѣдателя суда А. Ф. Кони, но и государственнаго канцлера князя Горчакова, бывшаго на процессѣ и будто бы тоже аплодировавшаго оправданію Засуличъ [1]).

Въ это же время произошли безпорядки въ кіевскомъ университетѣ, въ результатѣ которыхъ, какъ водится, студентовъ стали высылать административно въ сѣверныя губерніи. Ихъ привезли сначала въ Москву, гдѣ группа московскихъ студентовъ встрѣтила ихъ на улицахъ привѣтственными кликами. Тогда на эту группу бросились мясники изъ Охотнаго ряда и подвергли студентовъ жестокому избіенію. По этому поводу въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появились строки, гласившія, что „это отвѣтъ русскаго простого народа на скандалъ „избранной“ публики 31 марта въ Петербургѣ“ (въ день оправданія Засуличъ)...[2]) Привѣтствовалъ, разумѣется, это побоище и Катковъ, сгущая тѣмъ, конечно, атмосферу еще болѣе [3]).

* * *

Въ революціонныхъ кругахъ всѣ эти событія вызвали большое возбужденіе, но, повторяемъ, мысль о планомѣрной борьбѣ за *политическую свободу* считалась попрежнему мыслью безусловно еретическою. Хаосъ, царившій въ этомъ отношеніи среди революціонеровъ, нисколько не уменьшился.

Къ тому же явилась увѣренность, что конституція безъ всякой борьбы за нее явится какъ-то сама собой и притомъ явится буквально не сегодня—завтра. И это совмѣщалось съ констатированіемъ двухъ фактовъ: полнаго равнодушія къ вопросу о политическомъ переустройствѣ Россіи со стороны массы народной, и столь же полнаго отсутствія дѣйственныхъ элемен-

---

[1]) О принятыхъ правительствомъ тотчасъ же послѣ оправданія Засуличъ „мѣрахъ“ см. изданную тогда же нелегально въ Петербургѣ (въ „вольной русской типографіи“) брошюру „Два засѣданія комитета министровъ“.

[2]) *Правительственный Вѣстникъ*, 1878 г., № 77.

[3]) См. изданный въ той же „вольной русской типографіи“ — „Отвѣтъ московской учащейся молодежи „*Московскимъ Вѣдомостямъ*“. Отвѣтъ этотъ, какъ значится въ поясненіи къ нему „издателей“, напечатанъ нелегально, послѣ того, какъ всѣ редакціи, куда они (студенты) обращались, отговорились запретомъ печатать коллективныя заявленія и спеціальнымъ распоряженіемъ отъ 10 апрѣля прекратить всякія ссобщенія о „бывшихъ безпорядкахъ“ (стр. 4).

товъ для борьбы за конституцію въ обществѣ. И все-таки эта конституція должна была придти,—придти, не взирая на то, что правительство не обнаруживало ни малѣйшей склонности измѣнять свою реакціонную политику.

„Въ ближайшемъ будущемъ самодержавіе такъ или иначе должно рухнуть"—говорилось въ передовой статьѣ № 4 начавшей выходить въ самой Россіи первой русской нелегальной газеты *Начало*.

Почему „должно",—газета не объясняла, но зато не оставляла сомнѣнія относительно той точки зрѣнія, на которой она стояла въ основахъ своего соціально-политическаго міровоззрѣнія:

„Русскій народъ, благодаря особымъ историческимъ условіямъ, анархиченъ; онъ еще не усвоилъ себѣ, подобно другимъ народамъ, государственныхъ инстинктовъ; вопреки освященному закономъ принципу частной собственности,—требуетъ общаго раздѣла полей и, несмотря на вѣковое татарское и государственное иго, мечтаетъ о широкой вольной жизни. Міровоззрѣніе его, выраженное въ понятной для него формулѣ „Земля и Воля",—въ корнѣ соціалистично" [1]).

Тутъ мы имѣемъ, слѣдовательно, старый, рѣшительно ни въ чемъ себѣ не измѣнившій „бакунизмъ". Редакторы газеты въ полномъ смыслѣ слова „ничему не научились"...

Совершенно то же проповѣдывалъ и журналъ *Земля и Воля*, органъ того общества „Земля и Воля", о которомъ у насъ уже была рѣчь. Органъ этотъ сталъ выходить въ Петербургѣ съ октября 1878 года.

Въ № 1 этой газеты по вопросу о политической свободѣ говорилось такъ:

„Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственною властью значило бы оставить свою прямую постоянную цѣль и погнаться за случайной, временной. Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще и съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя *не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію*.

Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. *Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится*" [2]).

---

[1]) *Начало*, мартъ 1878 г., № 1.

[2]) *Земля и Воля*, 25 октября 1878 г., № 1 (передовая статья).

Ту же мысль и почти тѣми же словами выражалъ черезъ годъ послѣ того въ *Народной Волѣ* и Н. К. Михайловскій.

„Конституціонный режимъ,—писалъ онъ подъ псевдонимомъ Гроньяра,—*есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи*“ [1]).

И никто, рѣшительно никто, ни разу не привелъ въ доказательство этой мысли сколько-нибудь солидныхъ аргументовъ...

Не было ясности во взглядѣ на этотъ предметъ и у Н. К. Михайловскаго. Изъ вышецитированнаго письма его къ Лаврову мы знаемъ его взглядъ на конституцію, высказанный за нѣсколько лѣтъ до описываемыхъ событій. Тогда онъ писалъ: „Японія (!), Турція имѣютъ конституцію, долженъ же придти и нашъ чередъ“. А потому: „сидите смирно и готовьтесь“. Затѣмъ изъ сочиненій Михайловскаго мы знаемъ, что онъ вполнѣ раздѣлялъ господствовавшіе въ семидесятыхъ годахъ взгляды на политическую свободу („свобода великая и соблазнительная вещь, но мы не хотимъ свободы, если она, *какъ было въ Европѣ*, только увеличитъ нашъ вѣковой долгъ народу“). Послѣ дѣла Засуличъ и московскаго побоища Михайловскій написалъ *Летучій Листокъ* (изданный особой соціалистической группой), въ которомъ, перечисливши нѣсколько фактовъ, которыми былъ ознаменованъ 1878 годъ, писалъ: „разрозненные и безпорядочные, они должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется *Конституція, Земскій Соборъ*... Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки“ [2]). Можно подумать поэтому, что, по крайней мѣрѣ, въ это уже время Н. К. Михайловскій вполнѣ отдѣлался отъ народническихъ воззрѣній, но это не такъ, свидѣтельствомъ чему служатъ и дѣловой разговоръ Н. К. Михайловскаго съ Н. И. Петрункевичемъ о конституціи [3]), и первая статья, написанная Михайловскимъ, для *Народной Воли*, но тамъ не напечатанная, благодаря проникавшему статью старонародническому духу [4]), и другіе факты.

---

[1]) *Народная Воля*, № 2 (Политическія письма соціалиста).

[2]) Цитируемъ по подлиннику.

[3]) Объ этомъ см. въ нашей книгѣ о „Народной Волѣ“, стр. 399—400.

[4]) См. письмо *Н. А. Морозова* къ *Е. Е. Колосову*, напечатанное въ предисловіи къ X тому полнаго собранія сочиненій Н. К. Михайловскаго стр. XXIII. Резюме статьи Михайловскаго, какъ помнитъ Н. А. Морозовъ, составляло восклицаніе: „садись на землю и земля твоя“. Въ составѣ же редакціи *Народной Воли* имѣлись и лица, уже не признававшія находившей всеобщее признаніе среди активныхъ народниковъ семидесятыхъ годовъ точки

На землевольцевъ *Листокъ* Михайловскаго никакого воздѣйствія не оказалъ, ибо они считали по прежнему „принципомъ времени“ не „конституцію,“ а „садись на землю, и земля твоя“. Они сочли *Листокъ* продуктомъ пера какого-нибудь „либерала“, на котораго, конечно, не стоитъ обращать вниманія. Это до такой степени вѣрно, что, цитируя въ своихъ мемуарахъ этотъ же *Листокъ* почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ его появленія, такой крупный землевольцъ, какъ О. В. Аптекманъ, комментируетъ его такъ: „вотъ, наконецъ, какимъ языкомъ заговорили *либералы* въ апрѣлѣ 1878 года“... [1]).

По поводу того же *Листка* газета *Начало* писала:

„Самый фактъ замѣны самодержавнаго правительства конституціоннымъ, фактъ „передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки“, *какъ выражаются либералы*, совершенно безразличенъ для соціалистовъ... Намъ смѣшны тѣ „печальники народа“, которые думаютъ облагодѣтельствовать его „принципомъ“ конституціи, такъ какъ этотъ принципъ, очевидно, сводится на замѣну однихъ эксплоататоровъ другими... Конечно, такой „принципъ“ не можетъ быть принципомъ соціалистовъ и никто изъ нихъ не можетъ выйти на его защиту“ [2]).

Это писалось въ маѣ 1878 года, т.-е. еще до появленія газеты *Земля и Воля*, но въ то время за границей издавалась газета *Община*, которая встрѣтила появленіе *Листка* также очень характернымъ отзывомъ.

Авторъ статьи „Должны ли мы, соціалисты, принимать дѣятельное участіе въ движеніи общества“, начинаетъ какъ бы съ извиненія за подобную тему: „у насъ имѣется многое болѣе важное, чѣмъ вопросъ хотя бы о конституціонализмѣ, о которомъ приходится говорить въ настоящемъ обозрѣніи. Но что

зрѣнія, на которой продолжалъ стоять въ своей статьѣ и Михайловскій, и смотрѣвшія „на земельный вопросъ, какъ на одинъ изъ самыхъ сложныхъ“. Признавать одновременно „принципомъ времени“ — „конституцію“, и въ то же время руководиться при рѣшеніи аграрной проблемы другимъ „принципомъ“ (П. А. Морозовъ говоритъ, что статья Михайловскаго была „принципіальнаго характера“)—„садись на землю и земля твоя“,—не значитъ ли это впадать въ противорѣчіе съ самимъ собой? Такія противорѣчія въ моментъ перелома въ воззрѣніяхъ народнической интеллигенціи въ концѣ семидесятыхъ годовъ были явленіемъ часто встрѣчавшимся; ихъ не избѣжалъ и такой несомнѣнно выдающійся писатель, какъ Н. К. Михайловскій.

[1]) *О. В. Аптекманъ.* Земля и Воля 70-хъ годовъ, стр. 131.

[2]) *Начало*, № 4 (передовая статья).

же вы подѣлаете? Текущія событія русской жизни вынуждаютъ насъ отдать эту дань времени".

Какія же это „событія"?

Отвѣтомъ служатъ такія слова автора статьи, слѣдующія непосредственно (мы не пропускаемъ ни одной фразы) за прерванной цитатою: „когда въ обществѣ, возбужденномъ, какъ русское общество въ настоящій моментъ, распространяютъ *Летучій Листокъ*, требующій конституціи или же организаціи „комитета общественнаго спасенія" (!—Восклицательный знакъ принадлежитъ автору статьи. *В. Б.*), листокъ, напечатанный и распространяемый, говорятъ, при содѣйствіи русскихъ соціалистовъ (?—Вопросительный—тоже),—тутъ невольно остановишься въ раздумьи надъ степенью выясненности принциповъ русскихъ общественныхъ партій и ихъ взаимныхъ отношеній"...

„Еще ни одна группа, являвшаяся предъ судомъ русскаго правительства,—продолжаетъ авторъ,—не давала повода усумниться въ чистотѣ ея соціалистической программы и открытой вражды къ конституціонализму, а послѣдніе процессы, программа журнала *Начало*,—появленіе котораго мы привѣтствуемъ, какъ новое свидѣтельство роста соціалистической партіи,—свидѣтельствуетъ объ ясномъ пониманіи программы соціалистовъ-федералистовъ. Чѣмъ же объяснить участіе соціалистовъ въ дѣлѣ изданія и распространенія *Летучаго Листка*? Неужели дѣйствительно имѣются въ нашей партіи люди, готовые возлагать какія-либо надежды на русскихъ либераловъ и русскій конституціонализмъ и которые, ради достиженія кажущейся свободы общественной жизни, готовы пойти на сдѣлки и уступки?..

„Краеугольный камень конституціонализма—право представителей страны на обсужденіе бюджета и контроль за его расходованіемъ. Прекрасно. Что же, крестьянству-то и рабочему люду станетъ легче отъ этого обсужденія? Убавятся ихъ податныя тяготы? Нѣтъ, читатель, не убавятся, а скорѣе возростутъ. У либераловъ даже афоризмъ такой существуетъ, что чѣмъ либеральнѣе правительство, тѣмъ оно дороже стоитъ странѣ, т.-е. народу, который неизмѣнно оплачиваетъ всѣ расходы государства, и дворянства, и буржуазіи, и всего, словомъ, праздная населенія страны, *всѣхъ фантастическихъ потребностей буржуазной культуры*" [1]).

---

[1]) *Община*. 1878 г. май. № 5, стр. 12—14.

Такимъ образомъ въ нелегальной печати *Листокъ* вызвалъ лишь протесты, насмѣшки да раздумье надъ тѣмъ, какимъ образомъ подобное произведеніе могло быть издано при содѣйствіи соціалистовъ [1])... Старое еще цѣпко держалось за свои позиціи, но и жизнь, однако, дѣлала *свое* дѣло...

* *
*

Въ это именно время на югѣ Россіи уже складывалась иное настроеніе. По разсказу В. К. Мокріевича, въ Кіевѣ образовался изъ студентовъ,—дѣло раньше неслыханное,—даже „спеціальный кружокъ, назвавшійся „конституціоннымъ кружкомъ“ поставившій своей задачей *агитацію въ пользу конституціи и пропаганду политическихъ идей*“.

„Помню, разсказываетъ В. К. Дебогорій-Мокріевичъ, — на одномъ изъ засѣданій „конституціоннаго кружка“, куда мы ввели Осинскаго тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Кіевъ, выступилъ онъ съ рѣчью, гдѣ принялся доказывать несостоятельность политическихъ программъ и необходимость соціально-революціонной, которая одна только въ силахъ радикально измѣнить жизнь, уничтожить эксплоатацію народа и прочее въ такомъ духѣ. „Все это мы давнымъ давно слышали“,—замѣтилъ ему кто-то, когда онъ окончилъ свою рѣчь, и послѣ этого собраніе перешло къ очереднымъ вопросамъ. Любопытно, что даже не были подняты дебаты по этому вопросу“ [2]).

Самъ Осинскій скоро сталъ нетолько признавать „политику“, но

[1]) Н. К. Михайловскому видно было на роду написано, чтобы выходившія изъ-подъ его пера прокламаціи,—*Летучій Листокъ*, въ сущности, прокламація, — считались правовѣрными соціалистами за написанныя *либералами*. Совершенно то же, что и въ 1878 году, случилось съ Михайловскимъ и въ 1892, когда имъ была написана, по поводу разразившагося тогда въ Россіи голода, прокламація „Свободное Слово“ (эта прокламація теперь напечатана въ X томѣ сочиненій Михайловскаго, стр. 71—72). И эта прокламація сочтена была за произведеніе „либеральной оппозиціи“, и за нее „либеральная оппозиція“ эта (т.-е. фактически Н. К. Михайловскій, хотя, конечно, авторамъ листка, о которомъ идетъ рѣчь, это было неизвѣстно) подверглась нападенію за „лойяльность“. „Они („либералы“) и прокламацію-то свою начинаютъ съ того, что противопоставляютъ попечительность правительства равнодушію, мало того,—нравственному паденію общества“ и т. д. Такова была по отношенію къ Михайловскому „иронія судьбы“... См. листокъ „По поводу недавнихъ прокламацій“, изданіе кружка старыхъ народовольцевъ. Женева, 1892 г.

[2]) *Мокріевичъ*. Стр. 249.

сдѣлался на югѣ главою именно этого направленія. Однако, условія жизни были таковы, что здоровыя начала повели къ нездоровымъ методамъ ихъ приложенія къ жизни: въ глазахъ революціонеровъ политическая дѣятельность стала почти синонимомъ дѣятельности террористической.

Кромѣ Осинскаго, къ этому направленію примкнули на югѣ Попко, Лизогубъ, Волошенко и другіе.

„Расправа съ Боголюбовымъ,—разсказываетъ въ біографіи Попко Р. А. Стеблинъ-Каменскій,—до того сильно подѣйствовала на Попко, что онъ, до того времени горячій противникъ конституціи, *переходитъ вдругъ въ ряды ея защитниковъ*. Попко не могъ не видѣть, что при конституціонномъ образѣ правленія, предполагающемъ неотъемлемость нѣкоторыхъ правъ личности, врядъ ли былъ бы возможенъ такой фактъ, какъ расправа съ Боголюбовымъ“... Попко и еще нѣсколько человѣкъ рѣшаются убить Трепова, отправляются въ Петербургъ, дѣлаютъ къ убійству приготовленія и оставляютъ свой замыселъ лишь тогда, когда неожиданно для нихъ самихъ раздался выстрѣлъ В. И. Засуличъ [1]).

На этомъ мѣстѣ позволимъ себѣ прервать повѣствованіе о фактической сторонѣ описываемыхъ событій и остановиться на идейной атмосферѣ, въ которой жили тогда южные народники.

Было бы чрезвычайно интересно прослѣдить, не существовало ли вліянія дѣйствовавшихъ въ семидесятыхъ годахъ на югѣ украинцевъ-конституціоналистовъ на тотъ кіевскій „конституціонный кружокъ“ (кружокъ этотъ, состоявшій изъ учащейся молодежи, былъ довольно значительный,—во главѣ его стоялъ Ювенальевъ), о которомъ разсказываетъ В. К. Мокріевичъ. Тамъ же на югѣ жили и работали въ то же время такіе выдающіеся земскіе конституціоналисты, какъ А. Ф. Линдфорсъ, И. И. Петрункевичъ и другіе. Какимъ образомъ возникло столь исключительное по тому времени явленіе, какъ кіевскій „конституціонный кружокъ“, приведшій своимъ *направленіемъ* въ такое удивленіе стараго народника В. К. Мокріевича и не пожелавшій даже полемизировать („все это мы давнымъ давно

---

[1]) *Р. А. Стеблинъ-Каменскій*. „Григорій Анфимовичъ Попко“. Журналъ *Съ родины и на родину*. 1893 г. № 3. Перепечатано также въ іюньской книжкѣ *Былого* за 1907 г. Цитируемыя мѣста стр. 186—188.

слышали“) съ полнымъ тогда еще тѣхъ же народническихъ иллюзій В. А. Осинскимъ? Между тѣмъ именно Осинскій сталъ вслѣдъ за тѣмъ главою южныхъ „политиковъ“ [1]). Были же, значитъ, причины, заставившія его такъ быстро и такъ рѣзко измѣнить на этотъ предметъ свои взгляды. Подъ какими же вліяніями произошла у Осинскаго эта перемѣна? *Толчкомъ* къ такой же перемѣнѣ, напр., у Попко было, по свидѣтельству его біографа, истязаніе Боголюбова, которое такъ на Попко подѣйствовало „что онъ, *до этого времени горячій противникъ конституціи, переходитъ вдругъ въ ряды ея защитниковъ*“. Кто же, однако, составлялъ эти „ряды“, къ которымъ перешелъ Попко? В. К. Дебогорій-Мокріевичъ разсказываетъ про состоявшіяся въ это время демонстративныя похороны одного рабочаго слѣдующее: „по иниціативѣ студенческой организаціи, *въ центрѣ которой стоялъ „конституціонный кружокъ*“, собралась толпа молодежи и двинулась процессіей черезъ городъ, неся впереди деревянный крестъ. Раза два или три толпа останавливалась и присутствующіе ораторы, словно Евангеліе по усопшему, произносили рѣчи. *Какъ ни странно можетъ показаться*, но рѣчи сводились къ тому, что „*намъ надо добиваться конституціи*“ [2]).

Вотъ кто, значитъ, составлялъ „ряды“ защитниковъ конституціи. То были ряды кіевскаго „конституціоннаго кружка“ и элементовъ, къ нему примыкавшихъ.

Сильно ли было вліяніе конституціоналистовъ на населеніе Кіева, понимая въ данномъ случаѣ подъ послѣднимъ, разумѣется, лишь интеллигенцію и передовые слои рабочаго класса этого города?

Р. А. Стеблинъ-Каменскій разсказываетъ въ той же біографіи Попко, что тогда „весь Кіевъ былъ полонъ разговорами о конституціи... Устроенъ даже былъ клубъ спеціально для разговоровъ о конституціи“ и,—насмѣшливо прибавляетъ біографъ Попко,—„если бы отъ количества сказанныхъ словъ зависѣлъ успѣхъ дѣла, то у насъ на Руси было бы въ то время двадцать конституцій“ [3]). Насмѣшка, однако, насмѣшкой, но была

---

[1]) См. въ біографіи А. И. Желябова. Стр. 16.

[2]) *Мокріевичъ*. Стр. 239.

[3]) См. *Съ родину и на родину*. № 3. стр. 170 и *Былое*. 1907 г. іюнь стр. 187.

здѣсь и чрезвычайно важная сторона дѣла. В. К. Мокріевичъ, послѣ вышецитированныхъ строкъ своихъ воспоминаній о жизни въ Кіевѣ въ 1877—78 годахъ, начинаетъ слѣдующую главу („Политика и первые террористы") такими словами: „Въ подобной то атмосферѣ, если можно такъ выразиться, *пропитанной конституціонными парами* (курсивъ здѣсь и далѣе нашъ), пришлось вращаться тогда народникамъ-революціонерамъ. Самособою разумѣется, что *общее настроеніе должно было отразиться и на насъ*, тѣмъ болѣе, что среди насъ самихъ къ этому времени стало наблюдаться какое то новое *ненародническое* (курсивъ подлинника) настроеніе". Эти строки, на ряду съ тѣмъ, что писалъ и Р. А. Стеблинъ-Каменскій, требуютъ самого внимательнаго къ себѣ отношенія. Въ самомъ дѣлѣ,—является вопросъ: кто же это такъ „пропиталъ" Кіевъ „конституціонными парами?" Не народники же это, и не Попко, который перешелъ „*въ ряды*" старопниковъ конституціи послѣ истязанія Боголюбова, и не Осинскій, пытавшійся убѣдить кіевскій „конституціонный кружокъ" стать въ его дѣятельности на народническую точку зрѣнія т.-е. это были даже и не тѣ, кто составили вскорѣ тамъ же въ Кіевѣ *первое* ядро революціонеровъ съ *политическимъ* направленіемъ. Но тогда,—повторяемъ,—кто же это такъ „пропиталъ" Кіевъ „конституціонными парами" и „наполнилъ весь городъ" „разговорами о конституціи"? Кто?

Надо думать, что никто другой, какъ конституціоналисты-украинцы, исторіи движенія которыхъ въ нашей литературѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ совершенно не существуетъ [1]). А если это такъ, то не безъ основанія можно думать, что *политическія идеи* народовольцевъ, непосредственными предшественниками которыхъ (народовольцевъ) были южные революціонеры 1877—78 года (Осинскій, Попко и др.), явились результатомъ проникновенія въ революціонную среду идей кіевскихъ конституціоналистовъ и побѣды такимъ образомъ и въ этой средѣ реализма надъ утопизмомъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и южные конституціоналисты земскіе, которые, по свидѣтельству извѣстнаго общественнаго дѣятеля А. А. Русова, „были и тогда, по нынѣшней терминологіи, „ка-детами",

[1]) См. примѣчанія *А. А. Русова* и *Ф. К. Волкова* къ „Своду указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ". *Былое*. 1907 г. Іюнь.

относились къ украйнофильству не враждебно, а сочувственно, знали всѣ украинскія дѣла, читали *Громаду* и другія изданія Драгоманова, но считали, что это (т.-е. украйнофильство) не очередное дѣло. Въ украинской партіи они видѣли, однако, болѣе близкихъ союзниковъ, чѣмъ въ „нигилистахъ“, какъ тогда называли революціонеровъ-бакунистовъ“ [1]). Конечно, какъ мы уже объ этомъ говорили и будемъ еще говорить, новыя идеи, преломившись черезъ боевые темпераменты революціонеровъ-южанъ, дали въ результатѣ „терроризмъ“, которому конституціонализмъ былъ совершенно чуждъ (на этомъ именно вопросѣ,—на вопросѣ *о методахъ* борьбы за политическую свободу,—и потерпѣли неудачу въ 1878 году въ Кіевѣ переговоры двухъ земцевъ-конституціоналистовъ,—А. Ф. Линдфорса и П. П. Петрункевича,—съ группою кіевскихъ революціонеровъ—Осинскимъ, Волошенко и др.), но фактъ тотъ, что *политическое направленіе* среди революціонеровъ родилось именно въ 1877—78 гг. и именно въ Кіевѣ, въ городѣ, „пропитанномъ конституціонными парами“, и этотъ фактъ не можетъ не имѣть въ глазахъ историка очень большого значенія для опредѣленія *генезиса* политическихъ идей въ освободительномъ движеніи Россіи. Среда „либеральная“ была въ общемъ средою очень рыхлой и безхарактерной,—объ исключеніяхъ мы не говоримъ,—но она отличалась гораздо большимъ реализмомъ сравнительно съ утопизмомъ активныхъ народниковъ; но зато послѣдніе неизмѣримо превосходили первыхъ *дѣйственностью* своихъ натуръ и своимъ мужествомъ. О массѣ русскихъ „либераловъ“ не ихъ принципіальный противникъ, а, наоборотъ, самъ убѣжденнѣйшій конституціоналистъ М. П. Драгомановъ писалъ такъ: „не могутъ либеральные земцы похвалиться своею энергіею и въ дѣлѣ организаціи законно-либеральнаго движенія въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ въ Россіи. Достаточно было правительству припугнуть земскій либерализмъ высылкою нѣсколькихъ человѣкъ, и то „въ мѣста не столь отдаленныя“, и даже выговорами, чтобы цѣлые планы о заявленіяхъ, напр., противъ даже административной ссылки, оставались въ карманахъ. Наконецъ, нѣкоторые земцы и даже цѣлыя собранія, которые просили общеземскаго представительства для борьбы съ крамолой, доводили оппортюнизмъ не только за предѣлы морали, но и за

[1]) См. нашу книгу о Народной Волѣ, стр. 407.

предѣлы политической дальновидности и даже простого разумѣнія общественныхъ явленій, такъ какъ русское правительство называло крамолой и соціальное движеніе вообще, и политическія убійства въ частности и все это окрещивалось именемъ анархизма. Между тѣмъ соціальное движеніе теперь неизбѣжно во всякой европейской странѣ и, чѣмъ болѣе и чѣмъ давнѣе страна свободна, тѣмъ болѣе оно имѣетъ мирный характеръ и наоборотъ; политическія же убійства или представляютъ явленія случайныя, которыя могутъ быть вездѣ (покушеніе Пассананте на короля Гумберта), или же, если становятся систематическими, какъ въ Россіи, то именно вслѣдствіе гнета и жестокостей правительства" [1]). Въ этомъ суровомъ отзывѣ о массѣ

---

[1]) *М. Драгомановъ*—Либерализмъ и земство въ Россіи, стр. 40—41. Къ этому можно прибавить еще и слѣдующее: нѣкоторые адрессы земствъ были напечатаны въ особомъ *Прибавленіи къ № 4 Земли и Воли* (8 марта 1879 г.), при чемъ редакція сопроводила ихъ вступительной статьей, изъ которой приведемъ слѣдующія строки: „мы будемъ издавать эти земскія заявленія, какъ фактъ, свидѣтельствующій о полномъ разложеніи самодержавія, по мѣрѣ того, какъ они станутъ появляться въ свѣтѣ. Теперь же переходимъ къ оцѣнкѣ уже появившихся земскихъ отвѣтовъ. Безусловно общая точка зрѣнія, на которую становятся всѣ они—такого рода: въ Россіи, молъ, существуетъ. дѣйствительно, огромное зло—соціалистическая пропаганда и агитація—и земство признаетъ необходимость бороться съ нимъ, но не имѣетъ средствъ для этого; дайте, молъ, намъ средства и мы искоренимъ соціалистовъ много лучше, чѣмъ можетъ это сдѣлать правительство. Изъ объясненій земствъ кажется, какъ будто имъ свобода, просвѣщеніе, честный судъ только затѣмъ и нужны, чтобы помочь правительству придушить людей, до сихъ поръ во всей Россіи единственно доказавшихъ страстную и энергичную любовь къ свободѣ, ненависть къ насилію и произволу. Скажутъ, что это не болѣе, какъ практическій пріемъ. Въ такомъ случаѣ пріемъ-то очень нехорошій. Свободы достоинъ тотъ, кто любитъ ее саму по себѣ, а не потому, что, молъ, такъ удобнѣе будетъ другихъ душить. „Проситься въ собаки", какъ когда-то выразился *Впередъ* о нашихъ газетахъ—не лестно, господа, и святое дѣло воплощенія свободы въ русскую жизнь не мѣшало бы начать какимъ-нибудь другимъ, болѣе достойнымъ образомъ. Далѣе. Вы, господа, желаете просвѣщенія, обезпеченія свободы личности, слова, печати, желаете земскаго собора и т. д. Но, повѣрьте, что только дѣйствительная сила, требующая и умѣющая поддержать требованіе, достигаетъ того, чего ей хочется. А вы боитесь даже договаривать до конца. Вы очень хорошо понимаете, что только серьезное ограниченіе самодержавія можетъ дать намъ свободу, а между тѣмъ боитесь даже заикнуться объ этомъ. Касательно объединенія земствъ—и то вы намекаете лишь обиняками. Этимъ путемъ ничего нельзя получить. Вы, напримѣръ, жалуетесь на невозможность свободно говорить, писать. А какъ же соціалисты говорятъ и пишутъ? Почему бы и вамъ не завести подпольную типографію? Неужели вы

русскихъ „либеральныхъ земцевъ“ Драгомановъ былъ совершенно правъ и, тѣмъ не менѣе, политическая струя мысли сообщилась нашимъ южнымъ революціонерамъ,—а они были, повторяемъ, прямыми предшественниками народовольцевъ,—повидимому, именно отъ южныхъ же конституціоналистовъ.

не чувствуете, какой приговоръ подписываете себѣ, когда говорите, что соціалисты дѣйствуютъ болѣе свободно, чѣмъ вы. Соціалисты, которыхъ разстрѣливаютъ, судятъ, ссылаютъ сотнями—оказываются менѣе стѣсненными всѣми этими внѣшними давленіями, чѣмъ вы—своей собственной боязливостью! Ахъ, господа, можно ли сознаваться въ такихъ вещахъ! Намъ, однако, хотѣлось бы думать, что ваше безсиліе происходитъ въ значительной степени отъ другой, болѣе общей причины. Дѣло въ томъ, что соціалисты чувствуютъ подъ собою почву, они дѣйствуютъ во имя народныхъ интересовъ, желаній, идеаловъ, за ними—масса. Если же масса не поняла ихъ сегодня, то пойметъ ихъ завтра. При такихъ условіяхъ можно требовать, какъ это дѣлаютъ соціалисты. Но вы, господа, за кого стоите, чьи интересы желаете оградить? Вы не можете имѣть за собой никогда никого, кромѣ самихъ себя. Это обстоятельство, заслуживающее глубокаго вниманія со стороны каждаго борца за свободу. Всякая политическая, всякая общественная реформа для своего осуществленія требуетъ существованія силы, на которую реформа могла бы опереться. У насъ въ Россіи существуетъ государство и народная масса; другой силы у насъ нѣтъ и вы, въ своемъ стремленіи къ свободѣ, можете выбирать только между ними. До сихъ поръ вы всегда стояли на сторонѣ государства и имѣли достаточно столѣтій времени убѣдиться, что оно не дастъ вамъ ни свободы, ни обезпеченности личной. Пора понять это и честно перейти на сторону народной массы. Только она одна дастъ вамъ свободу, если вы избавите ее отъ своего сословнаго и имущественнаго гнета. Обезпечьте народу реализованіе его экономическихъ идеаловъ, его общинной и мѣстной независимости и онъ, въ свою очередь, дастъ вамъ свою могучую силу—единственный противовѣсъ силѣ государственной, для прочнаго обезпеченія свободы и всесторонняго развитія личности“. Землевольцы заблуждались въ томъ, что „за ними масса“, заблуждались и противопоставляя эту массу народную „государству“. Будучи „бакунистами“, они въ 1879 году продолжали вѣрить въ „безгосударственность“ русскаго народа, но въ своей критикѣ дѣйствій земцевъ они высказывали совершенно то же, что и М. П. Драгомановъ, упрекавшій ихъ, какъ читатели видѣли выше, въ томъ, что они „доводили свой оппортюнизмъ не только за предѣлы морали, но и за предѣлы политической дальновидности и даже простого разумѣнія общественныхъ явленій“. Въ этомъ же упрекалъ ихъ еще раньше землевольцевъ и раньше Драгоманова и южный земецъ—авторъ брошюры „Ближайшія задачи земства“, о которой мы скажемъ ниже. Земецъ этотъ писалъ въ ней такія строки: „мы думаемъ, что полтавское и харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей, ими живущихъ?“ (См. № 53 *Вольнаго Слова* и въ нашей книгѣ о Народной Волѣ стр. 414).

Потомъ революціонеры пошли своею дорогою, ихъ движеніе шло совершенно отдѣльно отъ движенія конституціоналистовъ, съ которыми у нихъ не было даже никакихъ связей, но мы говоримъ лишь о первоначальномъ, *чисто идейномъ* вліяніи южныхъ конституціоналистовъ (черезъ кіевскій „конституціонный кружокъ“ и лицъ къ нему примыкавшихъ) на южныхъ революціонеровъ.

Отмѣтимъ еще, что когда черезъ годъ послѣ того состоялся знаменитый Липецкій съѣздъ, то на него изъ Кіева прибылъ очень извѣстный впослѣдствіи въ качествѣ члена народовольческаго Исполнительнаго Комитета Н. Н. Колоткевичъ, говоря о которомъ въ своихъ мемуарахъ, М. Ф. Фроленко называетъ его „обломкомъ кіевскаго конституціонализма“ [1]). На этотъ же съѣздъ прибылъ изъ Одессы, не состоявшій,—какъ и Колоткевичъ,—въ народнической организаціи „Земля и Воля“, А. И. Желябовъ. Оттуда онъ поѣхалъ и на съѣздъ Воронежскій, гдѣ и былъ принятъ въ организацію. По словамъ біографа Желябова, землевольцы произвели на него такое впечатлѣніе: „Желябовъ страшно злился: „хороши ваши землевольцы,—говорилъ онъ. И эти люди воображаютъ себя революціонерами!“ И затѣмъ онъ прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ развилъ передъ съѣздомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе: „*да, вѣдь, онъ чистый конституціоналистъ*“, — говорили правовѣрные соціалисты“ [2]). Откуда все это взялось? Если даже и допустить, что на переходъ активныхъ народниковъ къ *политической* дѣятельности имѣлъ какое-либо вліяніе ткачевскій *Набатъ*, то во всякомъ случаѣ это вліяніе было совершенно ничтожнымъ,—да и ни о какой конституціи, ни о какомъ Учредительномъ Собраніи — требованіе котораго поставили народовольцы въ своей программѣ—*Набатъ* никогда не говорилъ; когда же „набатчики“ стали, дѣйствительно, приписывать себѣ эту заслугу, то, узнавши объ этомъ,—какъ разсказала намъ В. Н. Фигнеръ и дала намъ право на нее сослаться,— надъ ними просто-таки смѣялись,—до такой степени это не отвѣчало дѣйствительности. Съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить и такой, относящійся къ занимающему насъ въ данный моментъ

[1]) *М. Ф. Фроленко.* Липецкій и Воронежскій съѣзды. *Былое.* 1907 г. январь, стр. 80.

[2]) А. И. Желябовъ, стр. 26.

предмету, замѣчательный фактъ, о которомъ мы уже вскользь упоминали выше: *въ 1878 году*, т.-е., значитъ, еще *до возникновенія* народовольческой партіи, одинъ извѣстный южный земецъ написалъ брошюру „Ближайшія задачи земства“, въ которой и было *въ первый разъ* выставлено требованіе Учредительнаго Собранія. Свои идеи авторъ брошюры резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а, отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, *будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія*. Итакъ, въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ Учредительнаго Собранія. Всѣ остальные вопросы должны быть на время отложены“ Брошюра эта должна была быть напечатана въ Галиціи, но наборъ былъ арестованъ австрійскими властями; поэтому она тогда не увидѣла свѣта и лишь въ 1883 году съ единственнаго сохранившагося экземпляра была напечатана съ коментаріями Драгоманова, называющимися „Голосъ земства изъ недавняго прошлаго“, въ *Вольномъ Словѣ* [1]). Такимъ образомъ въ качествѣ литературнаго произведенія, въ которомъ впервые было прямо и рѣшительно выставлено требованіе созыва Учредительнаго Собранія, брошюра эта, какъ не увидѣвшая еще свѣта въ моментъ образованія народовольческой партіи, не могла имѣть непосредственнаго вліянія на программу политическихъ требованій этой партіи, но то обстоятельство, что авторъ брошюры былъ земецъ-южанинъ, дѣйствовавшій тамъ именно въ описываемое время, должно быть также учтено при рѣшеніи интересующаго насъ въ данную минуту вопроса. Замѣтимъ еще и слѣдующее: намъ извѣстно съ безусловною точностью, что брошюра „Ближайшія задачи земства“ была написана ея авторомъ въ 1878 году въ Одессѣ и что для изданія ея въ Галиціи отправился туда одинъ извѣстный украйнофилъ. Такимъ образомъ идея Учредительнаго Собранія родилась въ земскихъ и украйнофильскихъ кругахъ юга Россіи. Затѣмъ, какъ мы уже сказали, отправились на Липецкій и Воронежскій съѣзды — изъ Кіева „обломокъ кіевскаго конституціонализма“ Н. Н. Колоткевичъ, а изъ Одессы,—приведшій въ такое изумленіе сво-

[1]) См. *Вольное Слово* отъ 1 марта 1883 г., № 56, стр. 4—6. См. также въ нашей книгѣ о „Народной Волѣ“, стр. 414.

ими идеями старовѣровъ-землевольцевъ, какъ „чистый конституціоналистъ“, — А. И. Желябовъ. Этотъ послѣдній, будучи автономистомъ, явился вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе горячимъ защитникомъ идеи созыва Учредительнаго Собранія. Идея эта вызвала не мало всякихъ треній. Самъ А. И. Желябовъ писалъ въ 1880 году М. П. Драгоманову такія замѣчательныя строки:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмѣ за Учредительное Собраніе. Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе, въ нашихъ глазахъ, только ликвидаціонная комиссія, а во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть иступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнелль? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь экономическое освобожденіе его за существеннѣйшее благо—и ставишь ближайшей задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части—и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета—хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами“ [1]).

Вотъ, слѣдовательно, какъ складывались идеи у наиболѣе замѣчательныхъ представителей народовольчества. Необходимо поставить въ связь слѣдующія явленія: украинское конституціонное движеніе, дѣятельность отдѣльныхъ южныхъ земцевъ, кіевскій „конституціонный кружокъ“, переговоры двухъ земцевъ-конституціоналистовъ съ Валерьяномъ Осинскимъ и другими основателями южнаго „Исполнительнаго Комитета“ 1878 г. [2]), написанную тогда же въ Одессѣ земцемъ брошюру „Ближайшія задачи земства“ съ требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія и, съ другой стороны,—взгляды одессита Андрея Желябова, горячо отстаивающаго эту же идею; Кіевъ, „пропитанный конституціонными парами“,—и дѣятельность Николая Колоткевича, явившагося на Липецкій съѣздъ въ качествѣ „обломка кіевскаго конституціонализма [3])“.—Вотъ рядъ чрезвычайно важныхъ фак-

[1]) Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову. *Былое*, 1906 г., мартъ, стр. 71.

[2]) Объ этомъ Комитетѣ ниже.

[3]) Колоткевичъ и Желябовъ играли выдающуюся роль въ народовольческой организаціи, гдѣ и оказывали несомнѣнно очень сильное вліяніе на своихъ товарищей, какъ оказывали они его и раньше, живя на югѣ. Очень

товъ, требующихъ детальной ихъ разработки. Повторяемъ, опредѣлить *генезисъ политическихъ идей* народовольцевъ, принимая во вниманіе большую неясность этихъ идей на сѣверѣ даже у наиболѣе крупныхъ, группировавшихся около *Отечественныхъ Записокъ*, писателей, очень трудно, благодаря недостатку именно матеріаловъ по исторіи земскаго и въ особенности украинскаго конституціонализма, но и вообще въ настоящей книгѣ, какъ имѣющей своимъ предметомъ очеркъ исторіи *активнаго народничества*, т.-е. движенія *донародовольческаго* періода, мы на этомъ вопросѣ, несмотря на его чрезвычайную важность, болѣе подробно останавливаться не можемъ. Мы его здѣсь лишь намѣчаемъ, позволяя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить украинцамъ, какъ необходимо разработать исторію украйнофильства въ Россіи.

* * *

Какъ бы то ни было, но на югѣ появилось среди революціонеровъ политическое направленіе, выразившееся въ „терроризмѣ“. Начавшійся переломъ, безъ сомнѣнія, превращалъ дви-

интересенъ отзывъ о Колоткевичѣ и Желябовѣ въ извѣстныхъ „откровенныхъ показаніяхъ“ Гольденберга: „Николай Колоткевичъ,—говоритъ Гольденбергъ,—мой близкій пріятель и я его хорошо знаю. Онъ — бывшій студентъ кіевскаго университета, медицинскаго факультета. Онъ человѣкъ умный, въ высшей степени гуманный, принадлежа къ извѣстной опредѣленной фракціи, *пользуется глубокимъ уваженіемъ всей революціонной партіи*. Въ послѣднее время онъ принадлежалъ къ фракціи террористовъ, но нужно замѣтить, что къ террористической системѣ онъ относился какъ то не особенно дружелюбно, даже тяготился ею и если примкнулъ къ фракціи террористовъ, то былъ движимъ къ этому чувствомъ мести и озлобленія противъ правительства за цѣлый рядъ жестокихъ преслѣдованій, которыя на него произвели еще большее впечатлѣніе потому, что между казненными у него были близкіе люди и друзья“ (*процессъ 16-ти террористовъ, стр. 108*). О Желябовѣ: „Я долженъ здѣсь присовокупить, что подъ террористическимъ движеніемъ, о которомъ я упоминаю во всемъ моемъ показаніи, не слѣдуетъ понимать одни лишь политическія убійства, которыя признавались однимъ изъ средствъ; террористическая же фракція стремилась къ достиженію цѣли путемъ широкой агитаціи въ средѣ молодежи, войска и вообще въ обществѣ; *это болѣе, чѣмъ кто-нибудь, признавалъ и понималъ Желябовъ, въ высшей степени развитая, геніальная личность*“. (*Ibid., стр. 122.*) И подобные отзывы о Желябовѣ и Колоткевичѣ дѣлались далеко не однимъ только Гольденбергомъ. Могли ли такіе люди не наложить печать своей индивидуальности и въ Петербургѣ, въ той организаціи, въ которую они вступили послѣ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ?..

женіе въ борьбу за политическую свободу, но *сознаніе* этого далеко еще не сдѣлало полнаго завоеванія даже и среди самихъ сторонниковъ „новаго направленія". Именно старое еще цѣпко хваталось за новое, производя подчасъ въ головахъ бывшихъ народниковъ страшный хаосъ.

Біографъ Желябова разсказываетъ слѣдующее:

„Въ 1878 году уже былъ на югѣ элементъ, который сталъ смотрѣть на терроръ не какъ на отместку, а какъ на средство борьбы. Я полагаю, что Вал. Осинскій былъ главнымъ источникомъ этой теоріи. Отчаянныя головушки въ родѣ Ивичевича не понимали, почему нельзя терроризовать правительство и заставить его дать соціалистамъ свободу дѣйствій.

„Вы, значитъ, конституціоналисты,—замѣчали имъ. Вы признаете необходимость политической свободы?" Вал. Осинскій, конечно, не сталъ бы отпираться отъ этого, но „террористы" отпирались: *„намъ не нужна конституція, намъ не нужны ихъ законы,—пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободою"* [1])...

Конечно, не всѣ разсуждали такъ, какъ разсуждали, поистинѣ, „отчаянныя головушки", но и вообще идея борьбы за политическую свободу усвапвалась, несомнѣнно, въ революціонныхъ кругахъ лишь съ большимъ трудомъ.

Несовсѣмъ ясно, почему біографъ Желябова противопоставляетъ „террористовъ" Осинскому, который былъ также не только несомнѣнный террористъ, но былъ именно главою ихъ на югѣ Россіи въ 1878 году. Онъ отличался отъ Ивичевича не во взглядѣ на методы борьбы,—и потому „террористамъ" противопоставляемъ быть не можетъ,—а гораздо большею сознательностью и силой логической мысли.

Были на ряду съ Осинскимъ люди того же умственнаго калибра и даже далеко его превосходившіе, но это были все же еще лишь единицы.

В. К. Дебогорій-Мокріевичъ разсказываетъ о Волошенко, какъ о „человѣкѣ необыкновеннаго ума, успѣвшемъ отрѣшиться очень рано отъ общаго всѣмъ народникамъ предразсудка". „Другимъ страстнымъ защитникомъ конституціонной реформы,— продолжаетъ В. К. Мокріевичъ,—оказался мой братъ Иванъ,— только онъ шелъ въ этомъ направленіи значительно дальше

[1]) Андрей Ивановичъ Желябовъ, стр. 16.

другихъ. По его мнѣнію, революціонеры должны были направить свои силы исключительно на пріобрѣтеніе политическихъ правъ. Въ такомъ духѣ была имъ написана брошюра и пущена въ рукописи въ обращеніе. Исходя изъ того положенія, что экономическое освобожденіе народа должно быть дѣломъ только самого же народа, онъ находилъ, что революціонерамъ не подъ силу и брать на себя эту задачу. Максимумъ пользы, которую могутъ принести народу революціонеры изъ интеллигенціи,—это добыть политическую свободу, необходимую для созданія въ будущемъ широкой народной организаціи, которая одна только можетъ повести къ осуществленію соціалистическаго строя".

Въ другомъ мѣстѣ своихъ „Воспоминаній" Мокріевичъ пишетъ такія строки:

„Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность *конституціоннаго режима*, и на югѣ одно время были всѣ шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами, а „Земля и Воля" оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою" [1]).

На югѣ же работалъ въ это время человѣкъ, представляющій полное исключеніе не только для той эпохи, но и для временъ послѣдующихъ. Это,—впослѣдствіи умершій въ Шлиссельбургѣ,—Дмитрій Буцинскій, заявившій на судѣ, что онъ „политическій революціонеръ, а не соціалистъ" [2]).

Къ южнымъ „политикамъ" примкнулъ тогда и такой замѣчательный человѣкъ, какъ Д. А. Лизогубъ [3]).

Мы сказали, что здоровая политическая мысль, столкнувшись съ правительственными преслѣдованіями, приняла у революціонеровъ болѣзненное направленіе и претворилась черезъ то въ „терроризмъ". 23 февраля 1878 года Осинскимъ, Иваномъ Ивн-

[1]) *Мокріевичъ*. Стр. 311 и 369.

[2]) См. написанную С. Г. Сватиковымъ біографію Б. въ „Галлереѣ шлиссельб. узниковъ" стр. 7—8. У Буцинскаго отобрана при обыскѣ и программа группы южныхъ рабочихъ (программа эта приведена въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Буцинскаго и воспроизведена въ нашей книгѣ о „Народной Волѣ" стр. 7—8), въ которой рабочіе говорятъ, что они *„задались мыслью какимъ бы то ни было путемъ добиваться политической свободы"*.

[3]) Повѣшенъ въ Одессѣ 10 августа 1879 года. О немъ см. въ „Подпольной Россіи" *Степняка* и брошюрѣ „Святой революціонеръ" (ноябрь 1906). Онъ же выведенъ у *Л. Н. Толстого* („Божеское и человѣческое") подъ именемъ Свѣтлогуба.

чевичемъ и еще однимъ южнымъ революціонеромъ было совершено въ Кіевѣ покушеніе на жизнь товарища прокурора кіевскаго окружнаго суда Котляревскаго, а 25 мая того же года въ томъ же Кіевѣ былъ убитъ Григоріемъ Попко жандармскій офицеръ баронъ Гейкингъ. Совершено было также нѣсколько убійствъ агентовъ полиціи (въ Кіевѣ—Барановскій, въ Ростовѣ—Никоновъ и т. д.)

Тотчасъ же послѣ покушенія на жизнь товарища прокурора Котляревскаго среди южныхъ революціонеровъ возникла мысль назвать группу лицъ, практиковавшихъ „терроръ", „Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи".

„Названіе „Исполнительнаго Комитета", разсказываетъ В. К. Мокріевичъ,—присвапвалось (группѣ) потому, что террористы, по первоначальному представленію, должны были явиться не чѣмъ другимъ, какъ исполнителемъ рѣшеній, принятыхъ всей „соціально-революціонной партіей". Но какъ эти рѣшенія могли приниматься, *когда на самомъ дѣлѣ и партіи такой не существовало*, объ этомъ пока не думали".

Сдѣлали поэтому печать овальной формы, наверху которой были вырѣзаны слова „Исполнительный Комитетъ", а внизу—„Русской Соціально-Революціонной Партіи". Въ серединѣ были вырѣзаны скрещивающіеся кинжалъ, топоръ и револьверъ.

На прокламаціи о покушеніи на убійство Котляревскаго была приложена впервые печать этого Комитета, а затѣмъ такія же печати прилагались и къ листкамъ, выпускавшимся по поводу разныхъ событій (убійство Гейкинга, побѣгъ Стефановича и другія), какъ организованныхъ будто бы „по распоряженію Исполнительнаго Комитета".

Между тѣмъ въ дѣйствительности такого „Комитета", какъ организованнаго учрежденія, еще вовсе не существовало и самъ В. К. Мокріевичъ, находившійся безусловно въ центрѣ движенія среди южанъ и принимавшій непосредственное участіе во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, говоритъ, что трудно даже сказать, „изъ кого въ точности Комитетъ состоялъ, такъ какъ онъ совсѣмъ не представлялъ собою строго опредѣленной организаціи" [1]).

Въ это же время имѣли мѣсто два случая коллективныхъ вооруженныхъ сопротивленій: первое произошло при арестѣ тайной типографіи на Садовой улицѣ въ Одессѣ 30 января

---

1) См. *Дебогорій-Мокріевичъ* „Воспоминанія", стр. 260 и послѣдующія.

1878 года. Тамъ были въ это время Ковальскій, Виташевскій, Кленовъ, Свитычъ и др. Жандармовъ встрѣтили огнемъ и взятіе типографіи обратилось въ цѣлое сраженіе [1]). Еще болѣе грандіозный характеръ приняло вооруженное сопротивленіе на Жилянской улицѣ въ Кіевѣ 11 февраля 1879 года. Во время этого сопротивленія получили тяжелыя раны два брата Ивичевичи (Иванъ и Игнатъ, которые вскорѣ отъ нихъ умерли) и болѣе легкія—нѣсколько другихъ лицъ (Брандтнеръ, Иванченко и др.). Со стороны жандармовъ были также убитые и раненые. „Приступомъ“ руководилъ жандармскій офицеръ Судейкинъ, откуда и началась его „извѣстность“.

Ковальскій и его товарищи были *преданы военному суду*. Ихъ судили въ Одессѣ съ 20 по 24 іюля 1878 года. Судъ приговорилъ Ковальскаго къ смертной казни черезъ разстрѣляніе; другихъ — къ каторжнымъ работамъ. Послѣ объявленія этого приговора около суда произошла демонстрація, во время которой одинъ изъ демонстрантовъ (Погребицкій) былъ убитъ.

Второго августа Ковальскаго разстрѣляли въ Одессѣ, а четвертаго августа въ Петербургѣ былъ убитъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцевъ. Это было совпаденіе датъ, ибо убійство Мезенцева было замышлено и приготовлено гораздо раньше, но тѣмъ не менѣе, оно явилось какъ бы отвѣтомъ на одесскую казнь и выпущенная по поводу этого событія брошюра, такъ и озаглавленная „Смерть за смерть“, была посвящена „святой памяти мученика Ивана Мартыновича Ковальскаго“.

Къ убійству Мезенцева мы еще вернемся, а теперь отмѣтимъ слѣдующее обстоятельство: мы цитировали разсказъ В. К. Дебогорія-Мокріевича, изъ котораго ясно слѣдуетъ, что южный Исполнительный Комитетъ еще не существовалъ, какъ строго организованное учрежденіе; тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе на представителей власти отъ появленія „Исполнительнаго Комитета Русской Соціально-Революціонной Партіи“ было очень сильное, и казнь Ковальскаго явилась актомъ устрашенія, направленнымъ именно на этотъ „комитетъ“.

Это можетъ быть подтверждено прямымъ документомъ,—оффиціальнымъ письмомъ шефа жандармовъ Мезенцева къ министру

[1]) См. *Н. А. Виташевскій.*—Первое вооруженное сопротивленіе и первый военный судъ. *Былое.* 1906 г. февраль.

внутреннихъ дѣлъ Макову (по III Отдѣленію № 2067), которое гласило слѣдующее:

Милостивый Государь, Левъ Савичъ! Въ силу доходящихъ до Высочайшаго свѣдѣнія извѣстій о распространеніи дѣятельности подпольнаго соціалистическаго кружка, избравшаго театромъ своихъ дѣйствій города Кіевъ, Харьковъ и Одессу, именующагося „исполнительнымъ комитетомъ русской соціально-революціонной партіи“, Государю Императору угодно было назначить подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, изъ гг. министровъ военнаго, юстиціи, вашего превосходительства и меня особое совѣщаніе для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять, дабы остановить развитіе зла, столь вреднаго для государственнаго порядка. Исполняя симъ Высочайшую волю, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что я бы полагалъ необходимымъ собраться для совѣщанія сего 27 іюля, на которомъ разсмотрѣть рѣшеніе одесскаго военно-окружного суда по дѣлу Ковальскаго. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Николай Мезенцевъ [1]).

Это письмо Мезенцева датировано *20-мъ іюля* 1878 года, т.-е. тѣмъ самымъ днемъ, когда *началось* разбирательство въ Одессѣ дѣла Ковальскаго. Засѣданіе „особаго совѣщанія“, на которомъ имѣлось въ виду „разсмотрѣть рѣшеніе одесскаго военно-окружного суда по дѣлу Ковальскаго“, было назначено Мезенцевымъ на 27 іюля. Очевидно, рѣшеніе суда на этомъ засѣданіи и было разсмотрѣно и утверждено. Второго августа, какъ мы сказали, приговоръ суда надъ Ковальскимъ былъ приведенъ въ исполненіе, а четвертаго августа Кравчинскій закололъ кинжаломъ Мезенцева [2]).

По поводу этого событія было напечатано „правительственное сообщеніе“, которое мы и приведемъ здѣсь полностью:

Рядъ возмутительныхъ и преступныхъ дѣяній, предпринятыхъ горстью злонамѣрныхъ лицъ, съ цѣлью поколебать существующій въ Россіи строй государственнаго управленія, достигъ 4-го сего августа крайней степени злодѣянія совершеніемъ въ здѣшней столицѣ убійства шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцева.

Правительство, несмотря на обнаруживавшіяся по временамъ проявленія пропаганды преступнаго свойства, съ особеннымъ долготерпѣ-

[1]) *Земля и Воля*. 20 февраля 1879 г. № 4.

[2]) Кромѣ газетъ того времени см. листокъ „Правительственная Комедія“ (1878 г.), брошюру (Кравчинскаго) „Смерть за Смерть“, различныя воспоминанія о Кравчинскомъ и замѣтку *В. І.* „Къ событію 4 августа 1878 г.“. *Былое*. 1907 г. апрѣль.

ніемъ направляло всѣ, подлежащія судебному преслѣдованію, дѣла о пропагандистахъ путемъ, указаннымъ закономъ, воздерживаясь отъ принятія какихъ-либо особыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ.

Нынѣ терпѣніе правительства исчерпано до конца; нынѣ оно считаетъ долгомъ и своею святою обязанностью, по отношенію къ каждому честному и доброму гражданину русскаго государства, оградить общественную, частную жизнь и права собственности отъ тѣхъ правонарушеній, которыя по ихъ зловредному и преступному свойству задерживаютъ спокойное и правомѣрное развитіе государственной жизни и правильное исполненіе разнородными органами управленія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей.

Правительство не можетъ и не должно относиться къ людямъ, глумящимся надъ закономъ и попирающимъ все, что дорого и священно русскому народу, такъ, какъ оно относится къ остальнымъ вѣрноподданнымъ русскаго Государя. Еще менѣе можетъ оно оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ кровавымъ преступленіямъ, которыми люди, выдѣлившіяся изъ среды добрыхъ гражданъ государства, ознаменовали свою возмутительную дѣятельность. Требуя правъ гражданства своимъ извращеннымъ, лишеннымъ здраваго смысла идеямъ, они попираютъ идею о законности и законахъ государственныхъ; проповѣдуя свободу, они угрозами и подметными письмами вознамѣрились угнетать свободу тѣхъ, которые исполняютъ свои обязанности по чувству долга и совѣсти; ратуя за принципъ своей личной неприкосновенности, они не гнушаются прибѣгать къ убійствамъ изъ-за угла!

Въ виду сего правительство отнынѣ съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности.

Русскій народъ во всеуслышаніе провозглашаетъ нарушителей государственнаго и общественнаго спокойствія и виновниковъ совершенныхъ преступленій—отверженниками и съ негодованіемъ отворачивается отъ ихъ кровавой дѣятельности. Онъ громко требуетъ и ожидаетъ защиты отъ законныхъ властей и проситъ правительство вырвать съ корнемъ позорящее русскую землю зло.

Представители нашихъ сословныхъ и общественныхъ учрежденій высказались уже въ этомъ смыслѣ, а цѣлый рядъ полученныхъ разными правительственными учрежденіями частныхъ писемъ и заявленій отъ лицъ всѣхъ классовъ населенія, не исключая и крестьянскаго свидѣтельствуютъ, что населеніе Имперіи возмущено до глубины души дѣятельностью преступниковъ и пропагандистовъ лжеученій, чуждыхъ русскому народу.

Но какъ бы ни были тверды и стойки дѣйствія правительства,

какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ—правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи и самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій.

Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступникамъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками, и что каждый вѣрноподданный русскаго государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага.

Въ заключеніе правительство считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ молодому, учащемуся поколѣнію съ напоминаніемъ и просьбою зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ оно себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ его средѣ лжеученіями. Добросовѣстное и здравое отношеніе къ наукѣ, соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчающіяся же, до сего времени, уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвременно не мало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность [1]).

Какъ-бы кто ни относился къ направленію, которое приняла тогда дѣятельность революціонеровъ, но это „правительственное сообщеніе“ явилось въ глазахъ рѣшительно всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества такимъ вопіющимъ искаженіемъ истины („воздерживалось отъ принятія какихъ-либо особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ“ и не только морило людей, вопреки закону, въ каторжныхъ „одиночкахъ“, но и предало Ковальскаго *военному суду*, осудило и казнило его еще *до* убійства Мезенцева и т. д.), такой абсурдной угрозой строжайшими репрессіями всѣмъ даже „прикосновеннымъ“—къ чему?—„къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ *общественнаго*

[1]) *Правительственный Вѣстникъ*. 1878 г. № 186.

и семейнаго быта (!!!) и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности" (кого и чего только нельзя было подвести подъ эти формулы!), такимъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаніемъ своего безсилія (правительство звало къ себѣ „на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло"), такимъ, словомъ, изъ ряда вонъ выходящимъ актомъ, что именно оно, это „правительственное сообщеніе", явилось отправнымъ пунктомъ и для начавшагося тогда же нѣкотораго движенія и въ земской средѣ [1]).

Что касается революціонеровъ, то въ ихъ средѣ казнь Ковальскаго и угроза „правительственнаго сообщенія" произвели совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого ожидали власти.

„Среди южныхъ революціонеровъ,—разсказываетъ В. К. Дебогорій Мокріевичъ,—„правительственныя репрессіи, вмѣсто того, чтобы напугать, вызвали необыкновенный подъемъ духа и сознаніе собственныхъ силъ. «Видно правительство боится насъ, когда преслѣдуетъ съ такимъ ожесточеніемъ.—А если боится, значитъ, оно слабо. Задать же ему страху!"

„Пріѣхалъ я въ Одессу (послѣ казни Ковальскаго),—разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ своихъ „Воспоминаній" Дебогорій-Мокріевичъ,—и засталъ тамъ необыкновенное возбужденіе умовъ: всѣ пылали мщеніемъ. Одни находили нужнымъ отомстить прокурору, обвинявшему по дѣлу Ковальскаго, другіе—предсѣдателю суда. Осинскій высказывался за убійство генерала Семеки (одесскаго градоначальника). И такъ какъ все это говорилось и проектировалось не болтунами, а людьми дѣла, то можно было ожидать, что борьба закипитъ на жизнь и смерть" [2]).

Тогда же на югѣ родилась уже и мысль о динамитѣ. И не только мысль, но и приведеніе ея въ исполненіе, такъ какъ динамитъ стали и изготовлять. Создался замыселъ произвести динамитный взрывъ въ Николаевѣ подъ дорогою, по которой 18 августа 1878 года долженъ былъ проѣзжать императоръ Александръ II. Заготовили для этой цѣли динамитъ и гальваническую батарею. Замыселъ былъ открытъ за два дня до проѣзда по этой дорогѣ государя.

Участники приготовленія покушенія на цареубійство (Вит-

---

[1]) На этомъ движеніи мы остановились особо въ нашей книгѣ о Народной Волѣ.

[2]) Воспоминанія, стр. 324 и 363.

тенбергъ и Логовенко) были въ 1879 году осуждены въ Одессѣ, привезены въ Николаевъ и тамъ казнены.

Вообще къ лѣту 1879 года южный Исполнительный Комитетъ былъ почти поголовно сметенъ съ лица земли. Кто изъ его членовъ не попалъ на эшафотъ, тотъ былъ или убитъ во время вооруженныхъ сопротивленій, какъ братья Ивичевичи, или умеръ въ тюрьмѣ, какъ Сентянинъ [1]), или отправленъ въ безсрочную каторгу, какъ Попко и нѣкоторые другіе. Кромѣ разстрѣлянія Ковальскаго, по Россіи въ это время было воздвигнуто шестнадцать висѣлицъ [2]). Изъ упомянутыхъ въ „Воспоминаніяхъ“ Дебогорія Мокріевича южанъ спаслись, кажется, только игравшіе затѣмъ выдающуюся роль въ народовольческомъ движеніи Н. Н. Колоткевичъ и М. Ф. Фроленко.

Но вернемся къ лѣту 1878 года. Было тогда и еще одно обстоятельство, отрывавшее революціонеровъ отъ дѣятельности „въ народѣ“ и направлявшее ее, въ сущности, на тотъ же путь политической борьбы съ существующимъ строемъ.

Мы уже сказали, что послѣ окончанія процесса 193-хъ, по которому многіе были оправданы судомъ, послѣднихъ начали высылать изъ Петербурга въ сѣверныя губерніи, благодаря чему цѣлый рядъ лицъ перешелъ на нелегальное положеніе. Въ числѣ оправданныхъ судомъ находилась Софья Перовская, которая, тѣмъ не менѣе, была тоже арестована и отправлена въ административную ссылку, но по дорогѣ ей удалось скрыться. Попрежнему горячая народница, попрежнему и не помышлявшая еще о „политикѣ“, Перовская не могла, однако, и думать въ это время о непосредственной дѣятельности „въ народѣ“. Явились новыя нетерпѣвшія отлагательства задачи, которыя теоретически какъ будто и вполнѣ уживались съ народническими воззрѣніями, но на практикѣ должны были, конечно, отвлечь и мысль и волю далеко отъ „деревни“, направляя ихъ совсѣмъ въ другую сторону и подготовляя такимъ образомъ все болѣе переходъ къ „политикѣ“. Задачи эти — осво-

[1]) Революціонеръ Сентянинъ умеръ 26 мая 1879 года въ петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ принадлежности къ южному Исполнительному Комитету. См. *Листокъ Земли и Воли* № 5 (отъ 8 іюня 1879 года).

[2]) О лицахъ, казненныхъ въ это время, см. въ нашей книгѣ „Изъ исторіи политической борьбы“ и нашу статью „Кровавый синодикъ“ въ декабрьской книжкѣ *Современнаго Міра* за 1905 года и въ отдѣльномъ изданіи.

божденіе осужденныхъ въ каторгу и свозимыхъ въ ужасную харьковскую „централку“ товарищей, — а это не могло быть совершено иначе, какъ вооруженною рукою. Такимъ образомъ и съ этой стороны мысль склонилась къ необходимости непосредственной вооруженной борьбы, т.-е. къ чему-то близкому къ тому же „террору“.

Знали, что въ „централку“ будутъ отправлены въ числѣ другихъ Мышкинъ, Войнаральскій и Коваликъ — самые популярные въ революціонной средѣ дѣятели народничества. И вотъ Перовская отдается всей душой замыслу объ ихъ освобожденіи путемъ вооруженнаго нападенія на конвой, когда осужденныхъ будутъ перевозить въ Новобѣлгородскую центральную тюрьму. Составляется сложный планъ дѣйствій, разрабатываются всѣ его детали и цѣлый рядъ впослѣдствіи выдающихся народовольцевъ (А. Д. Михайловъ, А. И. Баранниковъ, Л. А. Квятковскій, С. Л. Перовская и М. Н. Оловенникова) прибыли въ Харьковъ. Къ нимъ присоединились южанинъ Фоминъ [1]) и нѣкоторые другіе. Распредѣлили роли. Михайловъ сталъ играть роль прибывшаго на ярмарку помѣщика, Оловенникова — его жены, Перовская—горничной, Фоминъ—кучера. Остальные участники дѣла пріобрѣли верховыхъ лошадей. Баранниковъ сверхъ того пріобрѣлъ форму жандармскаго офицера.

Но осужденныхъ, оказалось, повезли различными дорогами и потому попытку освобожденія удалось предпринять только по отношенію къ Войнаральскому „Дѣло было, разсказываетъ М. Р. Поповъ, такъ: Баранниковъ въ формѣ жандармскаго офицера потребовалъ отъ унтеръ-офицеровъ, сопровождавшихъ Войнаральскаго, чтобы они остановились. Тѣ, ничего не подозрѣвая, повиновались. Баранниковъ выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ нихъ. Другой унтеръ-офицеръ, очевидно, понялъ въ чемъ дѣло, вставилъ конецъ своей шашки въ кольцо кандаловъ Войнаральскаго, чтобы тѣмъ предупредить попытку послѣдняго выскочить изъ телѣги [2]) и крикнулъ ямщику: пошелъ! Квятковскій забѣжалъ впередъ и выстрѣлилъ въ лошадей, надѣясь, что, по-

[1]) Дѣйствительная фамилія Медвѣдевъ.

[2]) Войнаральскій разсказывалъ, что, какъ только жандармскій унтеръ-офицеръ сообразилъ въ чемъ дѣло, онъ приставилъ ему, Войнаральскому, ко лбу револьверъ, заявивши, что спуститъ курокъ при первомъ движеніи, обнаруживающемъ намѣреніе выскочить изъ экипажа. Въ такомъ положеніи и находился Войнаральскій, пока его не доставили въ тюрьму.

павъ въ голову лошади, онъ свалитъ ее съ ногъ и тѣмъ задержитъ экипажъ. Но, очевидно, Квятковскому не удалось попасть лошади въ голову, а нѣсколько выстрѣловъ въ мягкія части только разгорячили лошадей и онѣ бѣшено помчались. Догнать ихъ было невозможно и пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ".

Участники попытки затѣмъ отправились въ Харьковъ и предупредили о неудачѣ ожидавшихъ ихъ тамъ товарищей. Пришлось всѣмъ скрываться.

„Болѣе всѣхъ подвергались риску быть арестованными А. Д. Михайловъ, М. Н. Оловенникова, С. Л. Перовская и Фоминъ. Всѣхъ ихъ, конечно, зналъ въ лицо дворникъ (дома, гдѣ они жили), который былъ уже на вокзалѣ. Оловенникова кое-какъ принарядилась въ дамской комнатѣ и вышла на платформу подъ вуалью, въ сопровожденіи какого-то генерала, съ которымъ успѣла завязать знакомство тутъ же на вокзалѣ, всучила ему свой багажъ и поручила занять мѣсто въ вагонѣ. Исполнивши все это, любезный кавалеръ пришелъ за Марьей Николаевной и провелъ ее въ вагонъ. Проѣхавъ нѣсколько станцій съ этимъ генераломъ, Марья Николаевна, не доѣзжая до Орла, встала подъ какимъ-то предлогомъ на какой-то станціи, поручивъ своему любезному спутнику доставить по данному адресу ея багажъ въ Орелъ. Въ доставленномъ генераломъ въ Орелъ багажѣ были револьверы и кинжалы... Михайловъ какъ-то счастливо уже на ходу вскочилъ въ одинъ изъ вагоновъ этого же поѣзда и тоже благополучно унесъ ноги. Какъ успѣла избѣжать ареста Перовская, не помню. Такимъ образомъ, изъ четырехъ лицъ, завѣдомо извѣстныхъ дворнику, только одинъ Фоминъ былъ арестованъ на вокзалѣ" [1]).

Теперь пришлось думать объ освобожденіи Фомина. „Близкая ему группа кіевлянъ и одесситовъ—вспоминаетъ осужденный по дѣлу о попыткѣ освободить Фомина В. С. Ефремовъ,—имѣла основаніе дорожить имъ и рѣшила во что бы то ни стало освободить его". Два составленные плана разлетѣлись одинъ за другимъ. Обратились къ третьему, который,—разсказываетъ В. С. Ефремовъ,—состоялъ вотъ въ чемъ: „два лица, переодѣвшись жандармами, явятся въ тюрьму съ приказомъ жандармскаго гене-

[1]) *М. Р. Поповъ* „Изъ моего революціоннаго прошлаго" *Былое.* 1907 г. августъ, стр. 252—253.

рала Ковалинскаго прислать Фомина для допроса и увезутъ его. Дѣло это всецѣло принадлежало кіевлянамъ, но безъ содѣйствія мѣстныхъ силъ обойтись было нельзя. Самой видной въ Харьковѣ группой былъ тогда кружокъ Буцинскаго (умеръ въ Шлиссельбургѣ), къ которому принадлежалъ и я. У насъ были связи съ другими городами, но наиболѣе близкія—съ кіевлянами, съ многими изъ которыхъ мы были лично и хорошо знакомы. Къ намъ и обратились кіевляне. Какъ-то заходитъ ко мнѣ Иванъ Ивичевичъ. Зналъ я его около года, зналъ хорошо,—онъ иногда въ бытность въ Харьковѣ ночевалъ у меня и каждый разъ предупреждалъ, что, если явятся жандармы, то будетъ стрѣлять, но зналъ только, какъ Ивана,—фамилію узналъ уже потомъ. По силѣ характера и рѣшимости онъ мнѣ замѣчательно нравился. Это былъ рабочій изъ семьи когда-то сербскихъ выходцевъ. Широкой теоретической подготовкой онъ не обладалъ, но тѣмъ не менѣе, мнѣ, студенту, импонировалъ. И когда онъ спросилъ меня, могу ли я временно помѣстить у себя двухъ человѣкъ, я безъ всякихъ колебаній согласился. Цѣли Ивичевичъ мнѣ не объяснилъ, я не разспрашивалъ, хотя, разумѣется, общую цѣль я отлично понималъ. Вечеромъ того же дня ко мнѣ пересѣхали Рашко и Березнюкъ (Тищенко). Отрекомендовались,—одинъ „Американцемъ“,—другой Иваномъ, и дѣлу конецъ... Такихъ, какъ Рашко, революціонеровъ я встрѣтилъ въ первый разъ. Это былъ профессіональный разбойникъ, извѣстный въ уголовномъ мірѣ подъ кличкой „Американецъ“, но разбойникъ съ тенденціозной подкладкой. Исторія его „обращенія“ такова: по какому-то темному уголовному дѣлу онъ въ качествѣ бродяги былъ посаженъ въ кіевскую тюрьму, гдѣ въ это время сидѣлъ политическій Избицкій (бѣжалъ съ пути слѣдованія въ Сибирь и безъ вѣсти пропалъ; по слухамъ, убитъ бродягами въ сибирской тайгѣ), человѣкъ увлекающійся. Онъ-то и „открылъ“ Рашко, познакомивъ его съ революціоннымъ направленіемъ кіевской группы, тогда становившейся на террористическую дорогу. Рашко ухватился за мысль „загладить свое прошлое“ услугами революціи въ доступной и посильной для него формѣ“ [1]). Вотъ этого-то Рашко и Березнюка переодѣли

---

[1]) *В. С. Ефремовъ.* „Маленькое дѣло“. *Былое.* 1907. Май, стр. 83—86 и далѣе. Рашко былъ осужденъ въ безсрочную каторгу, но выдавши все дѣло, помилованъ и поселенъ въ Тюмени, гдѣ вскорѣ умеръ. По этому же дѣлу осужденъ въ безсрочную каторгу не принимавшій въ немъ никакого уча-

жандармами и послали въ тюрьму за Фомпнымъ, но тамъ уже начальство было предупреждено и обоихъ мнимыхъ жандармовъ арестовали.

Около этого же времени былъ устроенъ чрезвычайно смѣлый и необыкновенно искусно задуманный побѣгъ изъ кіевской тюрьмы Стефановича, Дейча и Боховскаго [1]).

Въ ноябрѣ 1878 года сдѣлалъ попытку бѣжать изъ Пинеги Бобоховъ. Задержанный, онъ оказалъ вооруженное сопротивленіе, за что былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной затѣмъ каторжными работами. Произошло и много другихъ побѣговъ.

Ивичевичъ говорилъ Ефремову, что при арестѣ онъ непремѣнно окажетъ вооруженное сопротивленіе. Мысль о такихъ сопротивленіяхъ, уже заключавшихъ въ себѣ несомнѣнно идею защиты политическихъ *правъ* (хотя часто еще и неосознанную), дѣлала все большія и большія завоеванія въ рядахъ активныхъ народниковъ, но прямая мысль о борьбѣ за политическую свободу встрѣчала по прежнему у большинства революціонеровъ,— особенно на сѣверѣ,—лишь отрицательное къ себѣ отношеніе.

Мы уже говорили, что 4-го августа 1878 года въ Петербургѣ былъ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцевъ. По этому поводу самъ убившій его С. М. Кравчинскій-Степнякъ написалъ брошюру „Смерть за смерть“, по политическому содержанію до такой степени наивную, что извѣстный писатель Зайцевъ, бывшій въ то время однимъ изъ редакторовъ издававшагося заграницей революціоннаго журнала *Общее Дѣло*, принялъ самымъ серьезнымъ образомъ брошюру Кравчинскаго за издѣліе „шпіоновъ“ и поспѣшилъ вскрыть „грубую поддѣлку“ въ написанной имъ по этому поводу въ *Общемъ Дѣлѣ* особой статьѣ... [2]).

Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться.

По поводу появившагося тогда же вышеприведеннаго „правп-

стія Родинъ. Изъ разоблаченій Рашко власти это узнали и, тѣмъ не менѣе, Родина оставили въ каторгѣ, гдѣ онъ потомъ отравился. Ефремовъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, замѣненному безсрочной каторгой (Ibid.).

[1]) Объ этомъ см. ст. *М. Ф. Фроленко* „Какъ я былъ тюремнымъ надзирателемъ“. *Русское Богатство.* 1906 г. май, а также „Воспоминанія“ Мокріевича. Помѣщенный въ „Подпольной Россіи“ разсказъ объ этомъ Степняка далеко не точенъ.

[2]) См. статью В. З. (Вароломея Зайцева) „Новыя продѣлки шпіоновъ“, напечатанную въ № 16 *Общаго Дѣла* за 1878 годъ.

тельственнаго сообщенія“ въ Петербургѣ была издана составляющая нынѣ чрезвычайную библіографическую рѣдкость небольшая брошюрка, называющаяся „Правительственная комедія или призывъ къ обществу“. Указавши на явныя противорѣчія правительственнаго сообщенія (съ одной стороны, „горсть злоумышленниковъ“, съ другой—признаваемое самимъ правительствомъ его безсиліе справиться съ этой „горстью“ и проч.), а также отсутствіе въ обществѣ дѣйственнаго настроенія, авторъ брошюрки совершенно неожиданно оканчиваетъ ее такими словами:

„Но русское общество должно понять, что надо не клянчить, а добиваться свободы! Оно должно это понять и организоваться для борьбы съ правительствомъ. Если русское общество начнетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, если оно энергично примется за свою задачу, *то, конечно, соціалисты окажутъ ему свою дѣятельную поддержку, такъ какъ у нихъ одна общая цѣль—добиться политической свободы*“ [1]).

Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, кто былъ авторъ этихъ въ высшей степени еретическихъ для сѣверныхъ народниковъ строкъ, но голосъ его прозвучалъ совершенно одиноко.

На брошюрѣ „Правительственная Комедія“ помѣщено объявленіе о скоромъ выходѣ *Земли и Воли*, но когда газета эта появилась, то въ ней не только не оказалось и помину о борьбѣ за политическую свободу и о совмѣстной дѣятельности въ этихъ цѣляхъ съ „обществомъ“, но явилось рѣшительное отрицаніе подобнаго рода тенденцій. Вмѣсто того на сцену опять выступили всѣ народническія иллюзіи во всей ихъ дѣвственной неприкосновенности. Была выброшена такая программа:

Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда и поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей *государства* и учрежденіе „казачьихъ круговъ“, т.-е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли,—такова была всегда неизмѣнная „программа“ народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

Такова же безъ сомнѣнія остается она и теперь *для громаднаго большинства русскаго народа.*

Поэтому принимаемъ ее и мы, революціонеры-народники [2]).

[1]) „Правительственная комедія или призывъ къ обществу“. Стр. 8.
[2]) *Земля и Воля* отъ 25 октября 1878 г., № 1.

Отсюда ясно, что политическая мысль землевольцевъ не сдѣлала ни шагу впередъ, и весь опытъ движенія „въ народъ“ для нихъ совершенно пропалъ даромъ. Все тѣ же „казачьи круги“, тѣ же Пугачевъ и Разинъ, та же фанатическая вѣра въ то, что программа этихъ „народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ“ остается непзмѣнно и въ 1878 году программою „для большинства русскаго народа“...

Этой точки зрѣнія *Земля и Воля* неукоснительно держалась за все время своего существованія. Такъ какая ужъ тутъ борьба за „политическую свободу“, какая тамъ „совмѣстная съ обществомъ“ работа для достиженія этой цѣли?..

Земля и Воля высказалась по вопросу о политической борьбѣ не косвенно только, но и прямо.

„Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственною властью,— говорилось въ передовой статьѣ перваго же номера *Земли и Воли*, т.-е. при изложеніи ея profession de foi,—значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной и временной. Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще и съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя *не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію*. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. *Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится*. Этотъ строй, поражаемый со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегированныя сословія помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ,—всѣхъ владѣльцевъ капитала движимаго и недвижимаго, словомъ, буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрозненны и потому безсильны; конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ-то во всякомъ случаѣ дастъ возможность организоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ“ [1]).

Почему вопросъ о паденіи самодержавнаго строя въ Россіи былъ въ 1878 году лишь вопросомъ „дня и часа, когда это совершится“, какими именно силами строй этотъ былъ „пораженъ со всѣхъ сторонъ“, когда сама же *Земля и Воля* настаивала на равнодушіи массы народной къ формамъ правленія и упрекала съ другой стороны общество и печать въ дряблости и трусости, при наличности которыхъ правительство не усту-

[1]) Ibid.

питъ либеральнымъ требованіямъ, на эти и на многіе другіе вопросы тщетно стали бы мы искать въ *Земль и Волѣ* отвѣтовъ, о чемъ, впрочемъ, мы уже упоминали. Но ясно одно: для соціалистовъ вступать въ борьбу за политическую свободу значило, по мнѣнію *Земли и Воли*, совершать двойную ошибку,— и принципіальную, и тактическую.

Такимъ образомъ авторъ брошюры „Правительственная комедія“ былъ совершенно посрамленъ.

Но что же рекомендовали дѣлать землевольцы? Ихъ главною заботою стала организація „поселеній“ въ народѣ, съ цѣлью вести тамъ агитацію на почвѣ „сознанныхъ народомъ его интересовъ“. На практикѣ, однако, попытки селиться „въ народѣ“ все болѣе и болѣе ослабѣвали и ко времени съѣзда землевольцевъ въ Воронежѣ въ 1879 году, по свидѣтельству землевольца М. Р. Попова, „по деревнямъ былъ разбросанъ какой-нибудь десятокъ-два лицъ“ [1]). Да и что дѣлали и эти „колонисты“? Вели ли они „агитацію“, „бунтовали“ ли народъ, какъ это полагалось по землевольческой программѣ? Ничего подобнаго. Мы знаемъ уже изъ воспоминаній современниковъ, какъ даже нелегальная литература оказывалась въ народѣ все болѣе и болѣе ненужною. На практикѣ задача „колонистовъ“ состояла въ томъ, чтобы постояннымъ отстаиваніемъ интересовъ крестьянъ противъ міроѣдовъ и всякаго рода мѣстнаго начальства пріобрѣсти на крестьянскую массу вліяніе, пользуясь которымъ имъ уже легче было подымать уровень самосознанія въ этой массѣ и пробуждать въ ней чувство человѣческаго достоинства. При всей неоспоримой пользѣ такой дѣятельности, конечно, и единственно продуктивной, какая только и возможна была тогда для революціонера *въ деревнѣ*, надо же признать, что дѣятельность эта была въ сущности культурной, а отнюдь не „бунтовской“. „Деревенщики“ и превращались все болѣе и болѣе почти въ „культурниковъ“. Оттого-то, встрѣтившись съ народниками-землевольцами на Воронежскомъ съѣздѣ, А. И. Желябовъ выходилъ изъ себя и отзывался о нихъ такъ: „хороши ваши землевольцы! *И эти люди воображаютъ себя революціонерами*!“ [2]).

Словомъ, съ точки зрѣнія „бунтовской“, дѣятельность „въ

[1]) Поповъ.—Изъ моего революціоннаго прошлаго. *Былое*. 1907 г. августъ. Стр. 277.

[2]) А. И. Желябовъ. Стр. 26.

народѣ“ и во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ была столь же мало продуктивна, какъ и въ первой ихъ половинѣ.

* * *

Совсѣмъ другіе результаты получились уже и тогда отъ дѣятельности *народниковъ* въ *городахъ*, т.-е. именно тамъ, гдѣ сосредоточивать свои силы они вовсе не желали,—болѣе того, *на словахъ* они все еще отъ этого попрежнему открещивались. Но жизнь брала и здѣсь свое.

Мы говорили уже о дѣятельности Заславскаго въ Одессѣ и возникновеніи тамъ первой чисто рабочей организаціи.

Затѣмъ въ Петербургѣ возникъ, по иниціативѣ извѣстныхъ рабочихъ Степана Халтурина и Виктора Обнорскаго [1]), „Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ“ съ программой, представлявшей несомнѣнно *шагъ впередъ* въ сравненіи съ программой землевольцевъ. Хотя эта программа и была еще очень обвѣяна анархическимъ духомъ, но все же въ ней были и реалистическіе элементы. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была попытка организаціи, состоящей изъ однихъ лишь рабочихъ. Въ программѣ, выпущенной „Союзомъ“, прямо говорилось, что „въ члены этого союза избираются исключительно только рабочіе“. Самая программа была формулирована въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанной на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣна ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильная ассоціаціонная организація труда, предоставляющая въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

---

[1]) Обнорскій долго жилъ передъ тѣмъ заграницей.

4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ обществамъ.

Въ той же программѣ находятся и такія, характерныя въ томъ отношеніи, о которомъ мы говорили не разъ, строки:

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло—дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши и истощающаго наши силы — и мы должны дать его.

Вспомните кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернувшаго весь старый міръ. Простые поселяне. Мы тоже зовемъ къ проповѣди, мы тоже призываемъ быть апостолами новаго, *но, въ сущности, только непонятаго и позабытаго ученія Христа.* Насъ будутъ гнать, какъ первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ тою силою, какую мы представимъ собою.

Вы развращаете міръ,—скажутъ намъ,— вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскорбляете религію.

Нѣтъ, будемъ отвѣчать мы: не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы причиняемъ зло, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ [1]).

Къ программѣ „Союза“ организація „Земля и Воля“ отнеслась слѣдующимъ характернымъ образомъ:

„*Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи* (т.-е. анархическое требованіе, какъ и въ землевольческой программѣ, „учрежденія свободной народной федераціи

[1]) Цитируемъ по подлиннику.

общинъ". *В. Б*),—писала по поводу программы „Союза" газета *Земля и Воля*,—зачисляютъ нашихъ товарищей въ лагерь соціалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ „Сѣвернаго Союза", а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты *изъ катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ*. Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплоатируемыхъ съ эксплоататорами посвящается *слишкомъ много мѣста и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ*" [1]).

Мы еще возвратимся къ этимъ строкамъ *Земли и Воли* ниже, а теперь приведемъ еще другія данныя, свидѣтельствующія о гораздо болѣе успѣшной дѣятельности народниковъ среди рабочаго класса по сравненію съ агитаціей среди крестьянъ, хотя повторяемъ, дѣятельность среди рабочихъ далеко не составляла главной задачи работы народниковъ.

Относительно состоянія Харьковской губерніи въ 1877 году харьковскій губернаторъ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за этотъ годъ такія строки:

„Соціальныя ученія, къ счастью и несмотря на дѣлаемыя многочисленныя попытки со стороны злоумышленниковъ, можно сказать, вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ началамъ религіи, нравственности и порядка. Нельзя того же сказать о низшемъ классѣ городского населенія, которое, подкапываемое соціальными ученіями, во многомъ утратило прежнюю неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальныхъ семейныхъ отношеній. Классъ рабочихъ, весьма многочисленный въ Харьковѣ, требуетъ усиленнаго надзора и не представляетъ залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ ученій. Въ средѣ этого населенія революціонная пропаганда *встрѣчаетъ постоянное сочувствіе*, и въ случаѣ какого-либо движенія въ смыслѣ перехода отъ теоріи къ дѣйствію, классъ харьковскихъ рабочихъ въ огромномъ большинствѣ своемъ не представитъ отпора возмутителямъ" [2]).

Въ Кіевѣ кружокъ рабочихъ составилъ тоже самостоятельно программу, въ которой говорилось, что „мы, южные рабочіе,

---

[1]) *Земля и Воля*. 20 февраля 1879 г. № 4.

[2]) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Харьковскаго губернатора за 1877 годъ. *Земля и Воля* № 2.

задались мыслью *какимъ бы то ни было путемъ добиваться политической свободы*“ [1]).

Въ Ростовѣ на Дону, по свидѣтельству М. Р. Попова, дѣло обстояло такъ:

„Въ Ростовѣ дѣло съ рабочими было поставлено очень хорошо. У насъ были знакомства среди рабочихъ и въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги и на заводахъ Грагама и Фронштейна. Кромѣ того, мы имѣли въ своей мѣстной ростовской организаціи нѣсколько человѣкъ изъ плотничной артели и среди приказчиковъ. Внѣ Ростова наша же организація вела дѣло на Грушевскихъ шахтахъ. На заводѣ Грагама вся почти администрація оказывала намъ услуги по пропагандѣ среди рабочихъ этого завода. Вообще революціонеры въ Ростовѣ сравнительно съ другими провинціальными городами находились въ очень хорошихъ условіяхъ. Въ Ростовѣ семья Оспинскихъ, два брата которой были членами земской управы, тоже готова были всегда оказать намъ услуги. *Многолюдныя сходки рабочихъ* собирались за городомъ на открытомъ воздухѣ лѣтомъ“ [2]).

Все это было очень знаменательно, и тѣмъ не менѣе, никому и въ голову не приходило усмотрѣть не въ крестьянствѣ, а въ рабочемъ классѣ самую основу революціоннаго движенія. Правда, очень скоро послѣ того революціонеры, въ лицѣ народовольцевъ, перешли къ *политической* дѣятельности, но переходъ этотъ произошелъ вовсе не потому, что тяготѣніе въ эту сторону уже несомнѣнно стало обнаруживаться, хотя, конечно, относительно говоря, еще въ крайне слабой степени, именно среди передовыхъ элементовъ рабочаго класса, а также и не потому, чтобы соціально-политическія воззрѣнія русскихъ революціонеровъ стали приближаться болѣе къ воззрѣніямъ соціалъ-демократовъ европейскихъ, а по совершенно другимъ причинамъ. Оттого и направилось движеніе лишь по руслу „единоборства“ революціонной интеллигенціи съ правительствомъ.

Отчего же народники вообще и землевольцы въ частности были такъ глухи къ столь осязательнымъ доказательствамъ

[1]) На этомъ фактѣ мы подробнѣе останавливались въ нашей книгѣ „Изъ исторіи политической борьбы“ стр. 7—8.

[2]) *М. Р. Поповъ.* „Изъ моего революціоннаго прошлаго“. *Былое.* 1907. іюль, стр. 289—290 и 295.

воспріимчивости рабочаго класса къ соціалистическимъ идеямъ? Отчего въ статьѣ *Земли и Воли* о программѣ „Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ“ прозвучала иронія по адресу „катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ“ и предостереженіе рабочимъ отъ увлеченія идеей „политической свободы“? Отчего не приходило въ голову, что тутъ-то въ „катехизисѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ“ и можетъ лежать тотъ синтезъ „соціализма“ и „политики“, то „примиреніе“ между ними, которое представлялось невозможнымъ?

Конечно, были на то и причины, такъ сказать, характера мѣстнаго: можно ли „сдѣлать“ революцію,—а ее именно хотѣли „сдѣлать“,—съ какою то горстью рабочихъ, составляющею каплю въ морѣ среди населенія Россіи? И въ будущемъ останется тоже численное отношеніе, ибо, какъ это доказалъ авторъ „Судебъ капитализма въ Россіи“, у насъ капитализмъ къ счастью развиваться не можетъ; а не можетъ развиваться онъ, не можетъ, значитъ, развиваться и порождаемый имъ рабочій классъ. Слѣдовательно, соціально-революціонная проповѣдь въ Россіи должна быть направлена къ ея единственно великой силѣ — крестьянству. Но, кромѣ этихъ причинъ, которыя мы назвали мѣстными, была и еще одна: „роковой“ примѣръ рабочаго движенія въ Германіи. Чтобы понять психологію народниковъ второй половины семидесятыхъ годовъ, намъ надо вспомнить объ отношеніяхъ „бакунизма“ къ „марксизму“ въ Европѣ, о тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ мы много говорили въ главѣ, посвященной Бакунину. Мы говорили тогда, что съ точки зрѣнія Бакунина и бакунистовъ марксизмъ является *отреченіемъ* отъ „соціальной революціи“, и въ исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи семидесятыхъ годовъ русскіе народники видѣли лишь блестящее подтвержденіе такого мнѣнія Бакунина. Это очень важное, по нашему мнѣнію, обстоятельство и необходимо имѣть въ виду для пониманія психологіи нѣкоторыхъ, оставшихся вѣрными старымъ знаменамъ, народниковъ даже и послѣ обнаружившагося въ народничествѣ раскола.

Къ „чернопередѣльцамъ“ примкнулъ въ числѣ другихъ одинъ изъ главныхъ народническихъ литераторовъ П. Б. Аксельродъ. Вотъ онъ-то незадолго до того въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ 1878 году въ журналѣ *Община*, и развивалъ отмѣченныя нами выше мысли о неизбѣжномъ превращеніи нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ въ *соціалъ-реформистовъ*.

Мы должны остановиться теперь именно на этихъ статьяхъ П. Б. Аксельрода о нѣмецкомъ рабочемъ движеніи, какъ чрезвычайно характерныхъ для той идейной атмосферы, въ которой находилось русское народничество наканунѣ происшедшаго въ немъ раскола. Читатели увидятъ, что такое кажущееся отступленіе отъ нашей прямой темы необходимо для дальнѣйшаго. Статьи П. Б. Аксельрода, о которыхъ идетъ рѣчь, называются „Итоги соціально-демократической партіи въ Германіи".

Будучи очень хорошо знакомъ съ предметомъ, П. Б. Аксельродъ сжато, но точно излагаетъ сначала исторію „лассальянцевъ" и „эйзенахцевъ", а потомъ и той партіи, которая явилась результатомъ ихъ сліянія. Слѣдя далѣе за исторіей этой партіи, П. Б. Аксельродъ отмѣчаетъ „*роковую неизбѣжность* тяготѣнія вождей германской соціалъ-демократической партіи (Либкнехта, Бебеля и другихъ) къ *легально-реформаторской дѣятельности*, тяготѣнія, проявившагося въ *послѣднее время* (въ 1877—78 годахъ) въ такихъ безобразныхъ формахъ, что нужны особыя старанія, чтобы не замѣчать этого явленія и не задумываться надъ его причинами" [1]).

Въ чемъ же причины того, что не теперь, а уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ (въ 1877—78 годахъ), какъ доказываетъ съ документами въ рукахъ П. Б. Аксельродъ, нѣмецкая соціалъ-демократія становилась на путь *соціальнаго реформизма* („легально-реформаторской дѣятельности")? Въ чемъ причины „роковой неизбѣжности" этого явленія?

Причины эти,—объясняетъ П. Б. Аксельродъ,—лежатъ прежде всего въ унаслѣдованіи нѣмецкой соціалъ-демократіей основныхъ принциповъ Лассальянскаго Союза, принявшаго, по предложенію Лассаля, положеніе: „рабочее сословіе должно организоваться въ самостоятельную политическую партію и принять лозунгомъ этой партіи всеобщее, равное и прямое избирательное право". Соотвѣтственно этой, чреватой буржуазностью, задачѣ, Союзъ организовался централистически и его главари повели себя по-диктаторски: „секретарь союза Фальтейнъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ Лассаля за свою оппозицію диктаторскимъ его замашкамъ" [2]) и былъ исключенъ изъ Союза, а Либкнехта „объявляли за его оппозицію шпіономъ".

[1]) *Община.* 1878 г. № 6—7, стр. 38.

[2]) П. Б. Аксельродъ напоминаетъ про манеру и тонъ даже публичныхъ рѣчей Лассаля къ рабочимъ: „*я вызываю* движеніе общее, демократическое... *помо-*

Вотъ такіе-то оппозиціонеры и образовали ядро „эйзенахцевъ“. Въ противоположность лассальянцамъ, они отнюдь не придавали значенія парламентаризму и были полны революціоннаго духа.

„Либкнехтъ былъ того мнѣнія, что соціалистическимъ депутатамъ слѣдуетъ только *одинъ разъ* явиться въ рейхстагъ съ протестомъ противъ всей господствовавшей системы и затѣмъ удалиться изъ этой „кунсткамеры“. Но прочіе лейпцигскіе соціалисты считали необходимымъ, чтобы соціалъ-демократы *отъ времени до времени* пользовались *трибуною рейхстага* для заявленія передъ всѣмъ народомъ о своемъ *принципіально враждебномъ отношеніи* къ этому законодательному учрежденію и *невозможности соціальныхъ реформъ въ рамкахъ современнаго* государства. Поэтому рѣшено было воздерживаться *отъ всякаго участія въ законодательныхъ работахъ рейхстага*“.

Бебель въ рейхстагѣ 22 апрѣля 1871 г. сказалъ: „что касается насъ, то мы надѣемся, что еще *раньше конца XIX вѣка* мы завоюемъ не только такъ называемыя основныя права, но и *осуществимъ всю нашу программу*“.

Онъ же говорилъ, что „парижская коммуна не болѣе, какъ форпостное сраженіе, что настоящее дѣло еще впереди“ и что „Коммуна слишкомъ снисходительно поступила съ виновниками современнаго положенія во Франціи“. „Сомнѣваюсь,—говорилъ Бебель въ рейхстагѣ,—поступили ли бы мы такимъ образомъ, если бы очутились въ подобномъ положеніи“.

А Либкнехтъ въ томъ же рейхстагѣ гремѣлъ: „мы *рѣшительные противники парламентской дѣятельности*. Центръ нашей работы — внѣ-парламентскіе вопросы, волнующіе теперь Германію,—могутъ быть рѣшены только силой, и слѣдовательно не въ парламентѣ, а въ другомъ мѣстѣ... Наша партія стоитъ внѣ рейхстага, она ему враждебна“.

Тогда же *Volksstaat* (1871 г. № 2) писалъ: „какъ можетъ принесть съ собой свободу власть, девизъ которой желѣзо и кровь? Германская имперія окроплена кровью мучениковъ 49-го года, братской кровью войны 66-го и, наконецъ, кровью сыновъ Германіи и Франціи. Изъ года въ годъ она будетъ тре-

---

чите же мнѣ передать это знамя“... Или „если большинство нѣмецкаго народа рѣшитъ противъ *меня*, то это докажетъ, что, стало быть, *я преждевременно задумалъ освобожденіе его*“...

бовать крови для своего существованія, и настанетъ день, когда она въ крови же будетъ потоплена".

Казалось бы,—какого же болѣе революціоннаго настроенія можно было и желать съ какой угодно самой „непримиримой" точки зрѣнія, но,—предостерегаетъ оптимистовъ П. Б. Аксельродъ,—все это исчезло, какъ дымъ, и исчезло съ чрезвычайною быстротою. И это было слѣдствіемъ „роковой неизбѣжности". Разъ вступивши въ парламентъ, они черезъ нѣкоторое время должны были начать *законодательствовать*, т.-е. дѣлать то самое, что дѣлаютъ и буржуазныя партіи т.-е. отречься отъ „соціальной революціи".

Такъ это, по разсказу П. Б. Аксельрода, и случилось. „Отчасти подъ вліяніемъ борьбы противъ тактики и организаціи лассальянскаго союза, отчасти подъ вліяніемъ одушевлявшихъ ее въ то время революціонныхъ порывовъ, основатели эйзенахской партіи объявили въ началѣ войну и централизаціи, и парламентаризму. Но эти революціонныя стремленія не могли не встрѣтить себѣ вскорѣ отпора въ политическихъ вѣрованіяхъ этихъ людей. И, дѣйствительно, недолго спустя послѣ образованія эйзенахской партіи въ ея средѣ завязывается борьба между тенденціями къ парламентаризму и тенденціями противоположнаго свойства". Была назначена „комиссія для пересмотра программы". На конгрессѣ 1874 года Либкнехтъ уже прямо высказался въ пользу положительнаго участія рабочихъ депутатовъ въ законодательныхъ работахъ"... „Но самымъ рѣзкимъ образомъ обозначился переходъ эйзенахцевъ къ парламентаризму послѣ объединенія ихъ съ лассальянцами. Разумѣется, было бы громадной ошибкой считать этотъ союзъ первостепенной причиной отклоненія эйзенахцевъ отъ ихъ первоначальной тактики". Этотъ союзъ можетъ быть *ускорилъ* перемѣну, но никакъ не вызвалъ ее". И вотъ случилось слѣдующее: „Въ 1869 году эйзенахцы провозглашали: „Долой обоготвореніе всеобщаго избирательнаго права", а затѣмъ дѣло рѣзко измѣнилось; и они же начали распространять брошюру Ольденбурга „Чего мы желаемъ", въ которой говорилось, что соціалистическіе депутаты уже кое-что сдѣлали для народа и что, по мѣрѣ увеличенія численности ихъ, они *постепенно*, путемъ *мирныхъ реформъ* осуществлять соціалистическія требованія" [1]).

[1]) *Община*. № 6—7. Стр. 37.

„Соціалъ-демократическіе депутаты начали вносить въ рейхстагъ свои законопроекты. Съ этого времени старый лозунгъ эйзенахцевъ „долой обоготвореніе всеобщаго избирательнаго права,—долой парламентаризмъ“!—*окончательно и безповоротно* брошенъ. На его мѣсто выдвигается другой: „*мирное и спокойное* шествіе впередъ, сосредоточеніе всѣхъ усилій партіи на *постепенномъ и медленномъ реформированіи законодательства*“. „Убѣдить всѣ классы общества, особенно мелкую буржуазію въ *своемъ искреннемъ отвращеніи къ революціи*—такова отнынѣ цѣль, страстно овладѣвшая вожаками этой партіи“.

„И вотъ мы видимъ, какъ *Vorwärts*, подъ вліяніемъ охватившей его страсти къ благонамѣренности, порядку и законности, съ большею яростью набрасывается *на участниковъ казанской демонстраціи* и беневентской попытки [1]), чѣмъ реакціонные журналы. „Комедіанты или полицейскіе агенты!“—вотъ товарищескій привѣтъ, который онъ съ пѣной у рта посылаетъ первымъ, осужденнымъ на медленную, мучительную смерть въ централкахъ. „Разбойники!“ а затѣмъ „безумные“ или даже „комедіанты“,—вотъ эпитеты, которыми германскій *Vorwärts* надѣляетъ участниковъ Беневента, заключенныхъ въ тюрьму“ [2]).

Но вдругъ раздались одинъ за другимъ выстрѣлы Геделя и Нобилинга въ императора Вильгельма въ самой Германіи.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ выстрѣла Геделя, пишетъ П. Б. Аксельродъ,—въ *Vorwärts*'ѣ появилась статья подъ заглавіемъ „Сумасшедшій“. Въ этой статьѣ почтенный органъ нѣмецкой соціалъ-демократіи категорически заявляетъ, что Гедель, очевидно, безумный. Но такъ какъ реакція воспользуется его поступкомъ для усиленія преслѣдованій противъ всей соціалисти-

[1]) Въ провинціи Беневенто (въ южной Италіи) въ апрѣлѣ 1877 года итальянскими соціалистами была сдѣлана попытка поднять вооруженное возстаніе. Отношеніе *Vorwärts'a* къ этому факту отмѣчаетъ и Кравчинскій: „лягнула ихъ и пресса нѣмецкой соціалъ-демократіи“ (*Община*. 1878. № 2, стр. 29). Такое же отношеніе послѣдней къ революціонной дѣятельности констатируетъ и П. А. Кропоткинъ: германская соціалъ-демократія,—пишетъ онъ,—„проникласъ ненавистью къ революціонному духу вообще. Она злобно обличала его, гдѣ бы онъ ни проявился,—даже тогда, когда усмотрѣла первыя его проявленія въ Россіи“ („Записки революціонера“. Стр. 368). Все это безъ сомнѣнія имѣло свое вліяніе на рѣшеніе русскими революціонерами въ 1879 году вопроса,—что имъ дѣлать дальше.

[2]) *Община*. № 6—7, стр. 38.

ческой партіи, то да будетъ всѣмъ извѣстно, что онъ уже давно исключенъ изъ партіи по предложенію лейпцигскихъ членовъ центральнымъ комитетомъ. Недовольствуясь этимъ, Либкнехтъ не постыдился представить императорскимъ чиновникамъ цѣлый коробъ свѣдѣній изъ прошлаго Геделя, могущихъ компрометировать его личность. Такимъ образомъ для того, чтобы нагляднѣе показать свою несолидарность съ „преступникомъ“, вожаки партіи почли первымъ своимъ долгомъ изобразить самыми черными красками личность стрѣлявшаго и взять на себя роль добровольныхъ слѣдователей... Обезумѣвъ отъ страха *лишиться легальной почвы*, вожаки германскихъ соціалистовъ начинаютъ торжественно увѣрять реакцію, что впредь они еще настойчивѣе будутъ пропагандировать противъ насильственныхъ дѣйствій... Но чтобы еще рельефнѣе выразить свою благонамѣренность и любовь къ законности, политическія убійства подводятся подъ одну рубрику съ преступленіями самыми звѣрскими, совершенными съ самыми корыстными цѣлями (*Vorwärts* №№ 59 и 60), а *Берлинская Свободная Пресса* (органъ также соціалъ-демократическій) дошла даже до того, что начала доказывать либераламъ, что не соціалисты, а они (либералы) прославляли злодѣйское (Meuchelmord) *покушеніе на Трепова*“ [1]).

Правительство, тѣмъ не менѣе, стало вырабатывать для внесенія въ рейхстагъ исключительный законъ противъ соціалъ-демократовъ. Въ виду этого, послѣдніе „окончательно теряютъ голову,—забыто прошлое, забыта программа,—главные соціалистическіе органы заговорили съ буржуазіей тономъ, въ которомъ звучала просьба о пощадѣ и обѣщаніе сдѣлаться въ будущемъ еще сговорчивѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Центральный органъ партіи обращается въ № 60 къ буржуазіи съ такими словами: „она должна вспомнить свою молодость,—можетъ ли, станетъ ли она отрицать ее?..“

Законопроектъ, однако, въ рейхстагъ внесли. Тогда соціалъ-демократы, вмѣсто того, чтобы мужественно встрѣтить его и выступить въ свою очередь съ обличительными рѣчами, заявили, что они не будутъ принимать участія въ дебатахъ, а будутъ лишь голосовать противъ законопроекта...

„Воля ваша,—пишетъ П. Б. Аксельродъ,—а мнѣ эта тактика напоминаетъ поведеніе струсившаго школьника, который смире-

[1]) *Ibid., стр. 39.*

ніемъ и покорностью думаетъ отвлечь отъ себя грозу и снискать себѣ прощеніе за возводимые на него грѣхи".

„Выслушавши молча всѣ любезности, которыя были наговорены по ихъ адресу всѣми партіями, соціалъ-демократы имѣли удовольствіе увидѣть, что законопроектъ на этотъ разъ не прошелъ".

Буря, казалось, миновала, всѣ груди вздохнули съ облегченіемъ, Геделю отрубили голову, какъ вдругъ выстрѣлъ Нобилинга...

Поведеніе стрѣлявшаго было полно достоинства и,—пишетъ П. Б. Аксельродъ,—„можно было надѣяться, что этотъ героизмъ Нобилинга заставитъ соціалъ-демократію хоть немного приличнѣе держать себя".

„Но нѣтъ,—восклицаетъ П. Б. Аксельродъ,—законодательныя страсти, „мирное, спокойно-мужественное движеніе впередъ" лишили ихъ всякаго чувства стыда и приличія. Отъ одной мысли о возможности лишиться блаженства *дѣлать законную революцію* они обезумѣли до чертиковъ" [1]).

„Въ № 67 *Vorwärts* писалось о Нобилингѣ: болѣзненное честолюбіе этого человѣка вещь доказанная, а многочисленныя свидѣтельства его товарищей-студентовъ доказываютъ, что мозгъ его функціонировалъ неправильно и т. д. Въ это же время *Піонеръ* (другой нѣмецкій соціалъ-демократическій органъ) писалъ „о второмъ гнусномъ покушеніи", „достойномъ проклятія преступленіи, совершенномъ сынкомъ майора" и проч.

Тѣмъ не менѣе, рейхстагъ былъ распущенъ и назначены новые выборы. Тогда „берлинскій центральный комитетъ соціалъ-демократіи обращается со своей прокламаціей къ избирателямъ. Ни одного соціалистическаго требованія, ни одного принципіальнаго пункта нѣтъ въ этой прокламаціи. Она до того очищена отъ соціалистическаго духа, что органъ прогрессистовъ могъ язвительно заявить свою солидарность съ этой прокламаціей и объявить, что прогрессисты могли бы смѣло подписаться подъ нею. Тотъ же органъ замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ избиратели могутъ, вмѣсто соціалъ-демократовъ, послать въ рейхстагъ представителей его партіи".

Въ виду всего этого П. Б. Аксельродъ писалъ:

„Было время, когда Либкнехтъ и Бебель говорили въ рейх-

[1]) *Ibid., стр. 40.*

стагѣ рѣчи о парижской коммунѣ. Теперь не то: теперь „законно“, „мирно“, „спокойно“, „медленно“, „шагъ за шагомъ“,— таковъ современный кличъ этихъ людей“.

И П. Б. Аксельродъ выражалъ надежду, что исключительный законъ снова революціонизируетъ нѣмецкую соціалъ-демократическую партію...

Бросая еще общій взглядъ на нѣмецкую соціалъ-демократію, П. Б. Аксельродъ замѣчаетъ, что въ критикѣ методовъ дѣятельности партіи лидеры партіи привыкаютъ видѣть „опасное покушеніе на существованіе самой партіи; всякое нападеніе на членовъ аристократіи партіи представляется подкапываніемъ подъ самыя основы зданія, вмѣщающаго въ себя высшія цѣли и интересы человѣчества. При такихъ условіяхъ широкая мѣстная инціатива совершенно естественно и логично считается слишкомъ опасной, обязательное повиновеніе главному центру—высшею добродѣтелью, однообразіе выводовъ и догматичность программы отождествляется съ условіями роста партіи и успѣшной борьбы съ деспотизмомъ и неравенствомъ“ [1]).

Не для того, конечно, сдѣлали мы это большое отступленіе отъ нашей прямой темы, чтобы соглашаться съ высказанными здѣсь П. Б. Аксельродомъ на нѣмецкую соціалъ-демократію взглядами или опровергать ихъ. Наша цѣль, разумѣется, совершенно другая. Намъ нужно было ввести читателя, на основаніи документальныхъ данныхъ, въ ту атмосферу, въ которой жили активные народники „наканунѣ Народной Воли“. Старое народничество говорило имъ: кто изъ васъ хочетъ бороться за политическую свободу, за парламентъ, пусть помнитъ онъ, къ чему это неизбѣжно приведетъ. Къ отреченію отъ соціальной революціи и вступленію на путь соціальныхъ реформъ. Это „роковая необходимость“. Нѣмецкая соціалъ-демократическая партія тому яркое свидѣтельство. Вѣдь и ея вожди,— Либкхехтъ и Бебель,— также говорили въ началѣ въ парламентѣ революціонныя рѣчи. А теперь,—въ 1878 году? Теперь, ставши обѣими ногами на почву соціальнаго реформизма, они сдѣлались заклятыми врагами революціоннаго соціализма. Разъ вы вступите на путь завоеванія парламента, а затѣмъ и работы въ немъ, то, въ силу „роковой необходимости“ вы будете тѣмъ же, чѣмъ стали нѣмецкіе соціалъ-демократы: реформи-

[1]) *Община*. № 8—9, стр. 43.

стами-легалистами и только имп. Остерегитесь же, пока не поздно...

Необходимо замѣтить, что между *Общиною* и Обществомъ „Земля и Воля“ была самая тѣсная идейная солидарность и непосредственное личное общеніе. Одинъ изъ редакторовъ *Общины* скоро сдѣлался и редакторомъ журнала *Земля и Воля*. Отсюда ясна и пронія землевольцевъ касательно „катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ“ и предостереженіе ихъ „Сѣверному Союзу русскихъ рабочихъ“ отъ увлеченія борьбою за политическую свободу...

Что же оставалось дѣлать? Бороться такъ, какъ и говорилъ авторъ „Правительственной комедіи“, т.-е. бороться за политическую свободу рука объ руку съ „обществомъ“, значило бы, по мнѣнію землевольцевъ, отдать себя на служеніе дѣлу не соціалистическому, а чисто „буржуазному“, значило бы раздѣлить ту точку зрѣнія, которую развилъ вскорѣ послѣ того на Воронежскомъ съѣздѣ такой, по мнѣнію тѣхъ же землевольцевъ, „чистый конституціоналистъ“, какъ Андрей Желябовъ. Это было для землевольцевъ совершенно непріемлемо. Признать необходимость политической борьбы хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ это признавалось „Сѣвернымъ союзомъ русскихъ рабочихъ“,—зло не меньшее. Это значило бы принять въ значительной степени „катехизисъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ“, что, въ свою очередь, означало бы, какъ это доказывалъ своими статьями въ *Общинѣ* въ томъ же 1878 году П. Б. Аксельродъ, отречься отъ „соціальной революціи“ и стать, въ силу „роковой необходимости“, на почву реформаторства въ будущемъ русскомъ парламентѣ, который къ тому же тоже нужно еще въ такомъ случаѣ завоевывать и, значитъ, уже окончательно заниматься „буржуазнымъ дѣломъ“. А если бы онъ и былъ, то что до того русскимъ революціоннымъ соціалистамъ? Примѣръ Германіи налицо,—вѣдь тамъ тоже раздавались въ самомъ парламентѣ революціонныя рѣчи соціалистовъ, но сила вещей сдѣлала свое дѣло и теперь, въ 1878 году, отъ всего этого осталось одно воспоминаніе... То же самое будетъ, конечно, въ силу „роковой необходимости“, и съ соціалистами русскими, если они пойдутъ по пагубному пути соціалъ-демократовъ нѣмецкихъ....

Оставалось, слѣдовательно, лишь одно: тѣни „народныхъ соціалъ-революціонеровъ—Разина, Пугачева и ихъ сподвижниковъ“,

Ими и не переставали клясться землевольцы, одинаково враждебно настроенные, какъ по отношенію къ конституціонализму, такъ и по отношенію къ марксизму.

* * *

Петербургскіе народники, „затронутые политикой“, въ свою очередь напрягали всѣ силы, чтобы обѣлить себя отъ подозрѣнія въ идейной „измѣнѣ соціальной революціи“ и дѣлали для этого самыя отчаянныя усилія примирить старыя народническія воззрѣнія съ необходимостью борьбы за политическую свободу, плодомъ чего и явилась впослѣдствіи въ народовольческой программѣ идея „захвата власти“, та идея, которой, судя по мемуарамъ всѣхъ народовольцевъ, серьезнаго значенія они и сами не придавали.

Въ этомъ спорѣ правовѣрныхъ народниковъ съ народниками, „затронутыми политикой“, все дѣло затемняла у тѣхъ и другихъ все та же утопическая идея „соціальной революціи“ и въ этомъ отношеніи ихъ споръ былъ очень похожъ на споръ европейскихъ „бакунистовъ“ и „марксистовъ“ конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, когда обѣ спорящія стороны исходили изъ одинаковой *вѣры* въ „соціальную революцію“. И тамъ „бакунисты“ обвиняли „марксистовъ“ за ихъ политическую дѣятельность въ „буржуазности“ и въ „измѣнѣ соціальной революціи“, какъ въ свою очередь обвиняли „марксисты“ „бакунистовъ“ въ „утопизмѣ“, а сами выдвигали для спасенія идеи „соціальной революціи“ столь же утопическую мечту о „диктатурѣ пролетаріата“. Тотъ же споръ далъ въ русскихъ условіяхъ жизни споръ о томъ, какъ должна совершиться „соціальная революція“ въ Россіи; будетъ ли она совершена массою русскаго крестьянства, поднятаго бакунинскимъ „коллективнымъ Стенькой Разинымъ“, подъ которымъ разумѣлась революціонная интеллигенція, или черезъ „захватъ власти“ тою же революціонной интеллигенціей, которая и совершитъ переворотъ „сверху внизъ“ [1]).

[1]) Ср. у Михайловскаго: „предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо *властью*, либо *своею многочисленностью*, возьмутъ на себя починъ проложенія этого („новаго историческаго“) пути“. (*Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго, т. IV стр. 952*). Несмотря на цензурныя условія, Михайловскій обрисовалъ въ этихъ строкахъ дѣло, какъ оно обстояло, совершенно вѣрно. „Нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ“ могли сдѣлаться сильны *„либо властью“* (читай: революціоннымъ

Сколько-нибудь проведенная въ жизнь, вторая точка зрѣнія не могла дать ничего другого, кромѣ борьбы за политическую свободу, принципъ, считавшійся „буржуазнымъ“, а этого-то подавляющая масса народниковъ не желала. Плодомъ усилій мысли примирить непримиримое, согласить вѣрность старымъ народническимъ идеямъ съ фактически завязавшеюся уже во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ борьбою съ политическимъ строемъ и явилась, какъ мы сказали, вскорѣ въ

захватомъ ея), „*либо своею многочисленностью*“ (читай: прямымъ возстаніемъ крестьянской массы), и черезъ то „элементы“ эти „могли взять на себя починъ проложенія новаго историческаго пути, который состоялъ въ „возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства“. Въ эту именно „возможность“, „скептически настроенные по отношенію *къ принципу свободы*“, какъ опять-таки совершенно вѣрно говоритъ Михайловскій, народники „всю душу клали“. Къ сожалѣнію, далѣе Михайловскій очень запутываетъ дѣло, и это одними цензурными условіями объяснить едва ли возможно. Пусть читатель перечитаетъ 957 страницу того же IV тома сочиненій Михайловскаго и рѣшитъ вопросъ, что же именно надо тамъ понимать подъ „благонамѣренными представителями власти“? Разсказавши объ окончившейся полной неудачей борьбѣ, которую велъ въ Оренбургской губ. честный прокуроръ Павловъ-Сильванскій съ злоупотребленіями мѣстной администраціи, Михайловскій писалъ: „благонамѣренные, исполненные наилучшихъ пожеланій представители власти, которыми являются въ данномъ случаѣ прокуроръ, и отчасти, пожалуй, и министръ юстиціи, не выдерживаютъ борьбы съ кучкою мѣстныхъ администраторовъ и кулаковъ... Съ другой стороны, „народъ крестился и плакалъ“, глядя на возмутительное поруганіе человѣческой личности и жестокія пытки. А между тѣмъ та теоретическая возможность, въ которую мы всю душу свою клали, *только на этихъ элементахъ, порознь или вмѣстѣ взятыхъ* (курсивъ здѣсь и далѣе нашъ), и могла быть построена (т.-е. на какихъ же значитъ? Во 1) „на народѣ“ и во 2) на „благонамѣренныхъ представителяхъ власти“. *В. Б.*). *Благонамѣренные представители центральной власти и народъ* (опять тоже самое! *В. Б.*) въ нашемъ представленіи должны были полежить починъ новому особливому историческому пути въ Россіи. Но, если между *этими элементами* (опять „этими элементами“, т.-е. „народомъ“ и „благонамѣренными представителями центральной власти“ *В. Б.*) протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ, то наша теоретическая возможность обращается въ простую иллюзію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естественнаго права теряетъ всякій смыслъ“ (*Михайловскій*, стр. 957). Здѣсь какъ будто выходитъ, что подъ „благонамѣренными представителями власти“, надо понимать „благонамѣренныхъ“ представителей *существующей* власти. Но на *эту* власть тѣхъ упованій, о которыхъ разсказываетъ Михайловскій, революціонеры никогда не возлагали, и тутъ кроется несомнѣнное недоразумѣніе. *Такъ* дѣло не происходило.

программѣ „народовольцевъ“ идея того же „захвата власти“, но не для пользованія ею самими революціонерами, а для передачи ея Учредительному Собранію, вѣруя, что Собраніе это дастъ „полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ государственныхъ отношеній“ [1]).

Такая идея вылилась на практикѣ въ борьбу за политическую свободу, какъ таковую, но это уже произошло нѣсколько позже, въ эпоху „народовольчества“.

Органъ землевольцевъ твердо стоялъ на старыхъ народническихъ идеяхъ, не дѣлая ни малѣйшихъ уступокъ пробивавшемуся новому среди революціонеровъ теченію, а жизнь шла своимъ путемъ: ростъ новыхъ соціально-экономическихъ отношеній въ Россіи, который и являлся въ глазахъ народниковъ главнымъ бѣдствіемъ, главною опасностью, для спасенія отъ которой и была необходима какъ можно скорѣе крестьянская „соціальная революція“, но который только и обусловилъ собою большой, относительно говоря, успѣхъ революціонеровъ среди рабочаго класса, сказывался все болѣе и болѣе. Замѣчалось, послѣдовавшее за русско-турецкой войной, оживленіе и въ обществѣ, не прекращались и террористическіе акты.

На послѣднихъ намъ теперь и надо нѣсколько остановиться.

Девятаго марта 1879 года въ Харьковѣ былъ убитъ губернаторъ князь Крапоткинъ. Его убійцею оказался прославившійся впослѣдствіи обширными „откровенными показаніями“, на основаніи которыхъ правительству сталъ извѣстенъ весь составъ народовольческаго „Исполнительнаго Комитета“, Григорій Гольденбергъ. Главнымъ мотивомъ этого убійства явились жестокости въ обращеніи съ политически-ссыльными въ харьковской „централкѣ“, о чемъ землевольцами была издана брошюра „Заживо погребенные“. Біографъ Попко Р. А. Стеблинъ-Каменскій говоритъ, что у южныхъ революціонеровъ намѣреніе убить князя Крапоткина „возникло задолго до исполненія его Гольденбергомъ: участь Крапоткина была рѣшена сейчасъ же послѣ полученія „Заживо погребенныхъ“ и дѣло было бы выполнено непремѣнно и безъ Гольденберга“ [2]).

Но и этотъ фактъ былъ разсматриваемъ лишь, какъ „отместкa“. Между тѣмъ, среди членовъ общества „Земля и Воля“

---

[1]) См. передовую статью въ № 2 *Народной Воли* (1 октября 1879 года).
[2]) „Г. А. Попко“, стр. 194.

произошли крупные аресты, и Александръ Михайловъ для пополненія убыли сталъ вызывать членовъ общества, находившихся въ провинціи. Вызвавши изъ Воронежа М. Р. Попова, онъ сталъ, какъ разсказываетъ Поповъ, прямо держать такія рѣчи:

„Мы должны отнынѣ вступить съ правительствомъ въ борьбу, разбираясь въ средствахъ только по указанію самой борьбы. Мы должны прежде всего бороться всѣми средствами за наше существованіе, за существованіе революціонной партіи въ Россіи. И вотъ что намъ сейчасъ предстоитъ, господа: во-первыхъ, убрать Рейнштейна, агента III-го Отдѣленія, который, по свѣдѣніямъ отъ чина полиціи (Клѣточникова), готовитъ намъ провалъ, не уступающій недавно нами пережитому, такъ какъ въ Москвѣ Рейнштейнъ опуталъ московскую революціонную молодежь цѣлой сѣтью паутины, во-вторыхъ, намъ нужно отомстить Дрентельну [1]) за варварское избіеніе нашихъ товарищей въ Петропавловкѣ". При этомъ онъ показалъ намъ письмо изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ говорилось объ избіеніи и о томъ, что на заявленіе заключенныхъ Дрентельну о незаконномъ обращеніи съ ними, тотъ сказалъ. „вы же не признаете законовъ, а требуете исполненія ихъ отъ насъ".—„Вотъ что совершается надъ нашими товарищами, говорилъ Александръ Дмитріевичъ (Михайловъ)—быть можетъ скоро то же будетъ совершаться и надъ нами. Мнѣ кажется, что теперь *не время заниматься обоснованіемъ программъ дѣятельности*". Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что Александръ Михайловъ ставилъ на первый планъ *месть* правительству за всѣ его беззаконія надъ революціонерами. Такое настроеніе царило въ это время не только въ революціонной средѣ, даже и не въ интеллигентной только молодежи, но и вообще среди интеллигенціи" [2]).

Вслѣдъ затѣмъ и произошли намѣченные Михайловымъ террористическіе акты: въ Москвѣ былъ убитъ „агентъ тайной полиціи" Рейнштейнъ, въ Петербургѣ произошло покушеніе на жизнь шефа жандармовъ Дрентельна. Появилось и на сѣверѣ „террористическое направленіе". Но оно вызывало попрежнему рѣшительное съ нимъ несогласіе со стороны многихъ народниковъ, видѣвшихъ въ немъ переходъ съ пути „соціализма" на путь „политики".

---

[1]) Шефъ жандармовъ, заступившій мѣсто Мезенцева.

[2]) *М. Р. Поповъ.*—„Изъ моего революціоннаго прошлаго". *Былое* 1907 г. августъ. Стр. 269—270.

Мы уже говорили, что на югѣ образовалась особая, пріобрѣтшая въ революціонныхъ кругахъ большую извѣстность группа, называвшая себя „Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи“, но члены этой группы вскорѣ были всѣ переарестованы.

Журналъ *Земля и Воля* не только не дѣлалъ на своихъ страницахъ ни малѣйшихъ уступокъ въ сторону „политики“, но и замалчивалъ самое существованіе „Исполнительнаго Комитета“. Во всѣхъ пяти номерахъ *Земли и Воли* это названіе было употреблено всего *одинъ разъ* и то лишь тогда, когда такое упоминаніе оказалось неизбѣжнымъ: при воспроизведеніи полностью вышецитированнаго письма Мезенцева къ Макову, гдѣ упоминалось объ Исполнительномъ Комитетѣ.

Но, съ другой стороны, нѣкоторые землевольцы (Александръ Михайловъ, Баранниковъ и другіе) не только сочувственно отнеслись къ „террору“, но даже принимали въ такого рода дѣйствіяхъ непосредственное участіе. Какъ же было быть?

Происходитъ убійство Рейнштейна и, хотя никакого „Исполнительнаго Комитета“ на сѣверѣ *еще* не возникало, а на югѣ онъ *уже* не существовалъ, тѣмъ не менѣе, по поводу убійства, изъ принадлежавшей землевольцамъ типографіи вышла прокламація отъ имени Исполнительнаго Комитета. („Казнь агента тайной полиціи Рейнштейна въ Москвѣ“. Изданіе „Петербургской Вольной типографіи“, 1 марта 1879 г.). Такая же прокламація была выпущена также отъ имени Исполнительнаго Комитета и по поводу покушенія на жизнь Дрентельна. („Покушеніе на жизнь Дрентельна“. Петербургская Вольная типографія. 13 марта 1879 года [1]).

Положеніе становилось совершенно неестественнымъ.

И вотъ, съ 12 марта 1879 года, на ряду съ журналомъ *Земля и Воля*, сталъ издаваться подъ редакціей землевольца П. А. Морозова *Листокъ Земли и Воли*, занявшій позицію, совершенно отличную отъ позиціи *Земли и Воли*...

Уже съ первыхъ номеровъ *Листка* на страницахъ его сталъ фигурировать систематически замалчиваемый *Землей и Волей*

[1]) По поводу убійства Кропоткина землевольцами были напечатаны: прокламація „Казнь Кропоткина“ и „Письмо соціалиста-революціонера, взявшаго на себя казнь Кропоткина“, но ни въ одномъ изъ этихъ изданій про „Исполнительный Комитетъ“ не упоминается.

и, какъ организованное учрежденіе, еще не существовавшій Исполнительный Комитетъ...

Фактически же дѣло обстояло такъ. Большинство землевольцевъ и слышать не хотѣло о „политикѣ“, мирясь до извѣстной степени съ „терроромъ“, какъ съ „отместкой“, и то при условіи, что „акты“ такого рода не должны ни въ какомъ случаѣ занимать въ дѣятельности партіи большого мѣста, что главныя силы партіи должны быть направлены „въ народъ“. Но тутъ же находились Михайловъ, Морозовъ, Квятковскій, Оловенникова и другіе, которые отводили „террору“ совсѣмъ не то мѣсто, какъ остальные землевольцы, понимая, что на то и другое у землевольцевъ силъ ни въ какомъ случаѣ не хватитъ и хватить не можетъ и что нужно выбирать одно изъ двухъ: они и выбрали „терроръ“ и, даже не организовавшись еще въ особую группу, стали, подобно тому, какъ это сдѣлали раньше кіевляне, выпускать листки по поводу террористическихъ актовъ отъ имени „Исполнительнаго Комитета“. Впрочемъ, А. А. Квятковскій и Н. А. Морозовъ стали скоро, подобно Волошенко, Попко и нѣкоторымъ другимъ южанамъ, смотрѣть на „акты“ не только, какъ на „отместку“, но и какъ на средство *политической* борьбы. Что касается М. Н. Оловенниковой, то для нея, какъ уже издавна „ткачевки“, „якобинки“, кризисъ былъ все-таки менѣе глубокъ, чѣмъ для правовѣрныхъ народниковъ. А правовѣрными народниками были тогда еще не только Г. В. Плехановъ, М. Р. Поповъ, О. В. Аптекманъ и другіе, но и такіе люди, какъ С. Л. Перовская.

Въ такомъ положеніи дѣла, конечно, долго оставаться не могли. Разногласія среди землевольцевъ особенно обострились, когда въ Петербургъ прибылъ съ намѣреніемъ совершить цареубійство А. К. Соловьевъ. Въ это же время въ Петербургѣ были Григорій Гольденбергъ и польскій революціонеръ Людвигъ Кобылянскій. Эти три лица и землевольцы Александръ Михайловъ, Квятковскій и Зунделевичъ собирались нѣсколько разъ вшестеромъ для обсужденія вопроса о цареубійствѣ; на этихъ собраніяхъ мысль Соловьева была одобрена, въ результатѣ чего и произошло покушеніе на цареубійство второго апрѣля 1879 г.

Еще до этого событія Александръ Михайловъ, созвавши сособраніе землевольцевъ, заявилъ имъ, что „нѣкто“ пріѣхалъ въ Петербургъ для совершенія цареубійства, что покушеніе будетъ произведено во всякомъ случаѣ, независимо отъ того,

какъ отнесутся къ нему землевольцы, но что, по его, Михайлова, мнѣнію, организація „Земля и Воля“ должна съ этимъ фактомъ солидаризироваться.

Мнѣнія по этому поводу раздѣлились такъ рѣзко, что произошли бурныя сцены и въ результатѣ собраніе большинствомъ голосовъ предложеніе Михайлова совершенно отвергло, отнесясь къ предстоящему событію „съ порицаніемъ“.

Михайловъ отвѣтилъ, что „нѣкто“ въ своемъ рѣшеніи непоколебимъ и потому, въ виду неизбѣжныхъ послѣ покушенія репрессій, указалъ на необходимость для многихъ разъѣхаться на время изъ Петербурга.

Такъ и было сдѣлано.

Второго апрѣля 1879 года произошло покушеніе Соловьева и вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ были назначены генералъ-губернаторы съ чрезвычайными полномочіями; такія же полномочія были даны также существовавшимъ и раньше генералъ-губернаторамъ Московскому, Кіевскому и Варшавскому.

Началась дѣятельность военныхъ судовъ и уже двадцатаго апрѣля былъ казненъ содержавшійся въ Петропавловской крѣпости за вооруженное сопротивленіе при обыскѣ подпоручикъ Вилманстрандскаго пѣхотнаго полка Дубровинъ.

Опять журналъ *Земля и Воля* и *Листокъ Земли и Воли* отозвались на происходившія событія совершенно различно.

Послѣ соловьевскаго покушенія вышелъ пятый и (послѣдній) № *Земли и Воли*. Въ немъ попрежнему объ „Исполнительномъ Комитетѣ“ ни звука, и самому покушенію въ обширномъ номерѣ посвящена всего одна небольшая замѣтка чисто фактическаго содержанія („Отголоски 2-го апрѣля“).

Совершенно иначе повелъ себя *Листокъ*, котораго послѣ событія второго апрѣля вышло еще три номера. Онъ не только писалъ статьи и замѣтки въ защиту этого событія, но усиленно подчеркивалъ существованіе Исполнительнаго Комитета, печаталъ отъ его имени угрозы и даже приложилъ къ одному *Листку* печать Комитета, точно такую (скрещенные кинжалъ, топоръ и револьверъ), какую раньше прикладывалъ къ своимъ изданіямъ Комитетъ южный.

Сдѣлалось до очевидности ясно, что въ нѣдрахъ Общества „Земля и Воля“ назрѣли всѣ элементы для кризиса.

Выпустивши (16-го апрѣля 1879 года) пятый номеръ *Земли*

и Воли, редакція ея еще вовсе не думала прекращать изданіе. Въ концѣ номера было помѣщено такое объявленіе: „слѣдующій номеръ *Земли и Воли* будетъ выпущенъ въ концѣ лѣта". Этому, однако, не суждено было осуществиться, но не по причинамъ полицейскаго характера, а въ силу происшедшаго среди землевольцевъ окончательнаго раскола.

Стали говорить о необходимости общаго съѣзда для рѣшенія основныхъ вопросовъ программы и тактики. Мысль эта была встрѣчена вездѣ съ полнымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что и согласно уставу Общества „Земля и Воля" подходило время для очередного съѣзда. Весна и начало лѣта 1879 года ушли на приготовленія къ осуществленію этой идеи.

Представители „политическаго" направленія среди землевольцевъ (Квятковскій, Александръ Михайловъ, Тихомировъ и др.) рѣшили въ свою очередь явиться на общій съѣздъ уже сплоченной группой, для чего устроили съѣздъ предварительный изъ „землевольцевъ-политиковъ" и нѣсколькихъ, раздѣлявшихъ ихъ направленіе, южанъ.

Въ числѣ послѣднихъ былъ приглашенъ на предварительный съѣздъ и сдѣлавшійся вслѣдъ затѣмъ лидеромъ новой „народовольческой „партіи" А. И. Желябовъ. Этотъ предварительный съѣздъ происходилъ въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, съ 17-го по 21 іюня 1879 года и, хотя въ немъ принимало участіе всего одиннадцать человѣкъ, но именно онъ („Липецкій съѣздъ") сталъ отправною точкою для многихъ послѣдовавшихъ затѣмъ событій. Всѣ участники этого съѣзда, за исключеніемъ одного Гольденберга, отправились затѣмъ на съѣздъ землевольцевъ въ Воронежъ [1]).

Когда собрался Воронежскій съѣздъ, то, хотя на немъ и обнаружилось среди землевольцевъ большое расхожденіе во взглядахъ, но, изъ нежеланія раскалываться, была сдѣлана попытка къ соглашенію: рѣшили продолжать совмѣстную работу, съ одной стороны, по прежней народнической программѣ, а съ другой—съ допущеніемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и „политики". Все это было сшито на живую нитку и потому не могло быть сколько-нибудь прочнымъ. И дѣйствительно, по

[1]) Объ этихъ съѣздахъ см. ст. *Н. А. Морозова* „Возникновеніе Народной Воли". *Былое* 1906 г. декабрь и статьи *М. Ф. Фроленко:* „Коментарій къ ст. Морозова". (*Ibid.*) и „Липецкій и Воронежскій съѣзды". *Былое* 1907 г. январь.

возвращеніи членовъ съѣзда въ Петербургъ разногласія приняли столь рѣзкій характеръ, что уже осенью того же 1879 года прежняя организація „Земля и Воля“ формально распалась на двѣ новыя: „Черный Передѣлъ“ и „Народную Волю“. Первая изъ этихъ организацій оказалась нежизненною и недолговѣчною,—духъ времени былъ противъ нея и попытки „чернопередѣльцевъ“ (исключительно литературнаго характера) оживить умравшее старое народничество явились лишь его агоніей. Въ сущности, Воронежскимъ съѣздомъ *закончилась исторія активнаго народничества въ Россіи въ его прежнихъ формахъ*. Отличительная черта стараго народничества,—его *аполитизмъ*, исчезла навсегда, и въ этомъ отношеніи народовольчество одержало надъ своимъ оппонентомъ самую рѣшительную побѣду.

Но, съ другой стороны, и большинство народовольцевъ, начиная борьбу за политическую свободу, отнюдь не переставало быть въ основахъ міровоззрѣнія своего народниками. Народовольческая программа начиналась словами: „по своимъ основнымъ убѣжденіямъ мы соціалисты и *народники*“. Большинство народовольцевъ смотрѣло на предстоявшую имъ политическую борьбу, какъ на *средство* для достиженія иной цѣли или какъ на цѣль временную, по достиженіи которой движеніе опять пойдетъ по народническимъ путямъ, но ихъ оппоненты относились къ этому скептически. „Разъ колесо завертится въ одну сторону, его уже трудно будетъ повернуть въ другую“—говорилъ народовольцамъ чернопередѣлецъ М. Р. Поповъ.

Къ чернопередѣльцамъ же примкнулъ пріѣхавшій изъ-за границы П. Б. Аксельродъ, мнѣнія котораго читатели уже знаютъ по приведеннымъ выше цитатамъ изъ его статей въ *Общинѣ*.

Мысль напряженно искала выхода, синтеза сталкивавшихся взглядовъ на „соціализмъ“ и „политическую борьбу“, и не находила его. Продолжать дѣятельность въ деревнѣ, не добившись предварительно политической свободы, говорили народовольцы, значитъ „биться, какъ рыба объ ледъ“. Начать борьбу *за* политическую свободу, возражали правовѣрные народники, значитъ забросить свою основную задачу среди трудящихся массъ, покинуть соціалистическій лозунгъ „освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа“, перенести центръ тяжести дѣятельности въ „общество“ и тѣмъ неминуемо сдѣлать

самое движеніе „буржуазнымъ“. Но, быть можетъ, есть и третій выходъ? Быть можетъ, слѣдуетъ бороться за политическую свободу на почвѣ классовыхъ интересовъ „рабочаго сословія“, организовавъ его въ особую, отдѣльную отъ буржуазіи политическую партію для работы, какъ въ будущемъ парламентѣ, такъ и внѣ его? Но и на этотъ вопросъ уже далъ отвѣтъ, какъ мы видѣли, со страницъ *Общины* П. Б. Аксельродъ. Онъ предостерегалъ, что вступивши на такой путь, придется съ „роковою необходимостью“ разстаться съ „соціальной революціей“, ибо, добившись парламента и работая въ немъ, революціонная партія соціалистовъ обратится силою вещей въ партію соціальныхъ реформъ. Онъ указывалъ на Германію, какъ на яркій примѣръ того, какъ *не слѣдуетъ поступать*. Словомъ, въ этомъ отношеніи вопросъ и въ 1879 году стоялъ у чернопередѣльцевъ совершенно такъ же, какъ онъ былъ поставленъ Бакунинымъ.

Но что же тогда оставалось? Опять „народные соціалисты-революціонеры Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники“? Но среди закипѣвшей политической борьбы ихъ тѣни уже не производили прежняго чарующаго дѣйствія.

„Чернопередѣльцы“, поэтому и остались лишь незначительной группой, нѣкоторые члены которой сыграли крупную роль лишь впослѣдствіи, когда, разставшись окончательно съ народничествомъ, они,— въ особенности Г. В. Плехановъ,— литературною дѣятельностью заграницей заложили основы русскаго соціалъ-демократизма. Въ самой Россіи чернопередѣльцы попытались издавать свой органъ *Черный Передѣлъ*, но типографія была арестована при наборѣ перваго номера и онъ былъ перепзданъ заграницей. Тамъ же былъ изданъ и № 2. Слѣдующій № былъ изданъ въ Россіи (въ Минскѣ) въ небольшомъ количествѣ (оттого именно этотъ № 3 и составляетъ теперь чрезвычайную библіографическую рѣдкость), 4-й изданъ тоже заграницей. На немъ изданіе *Чернаго Передѣла* и прекратилось. Оставшіеся въ Россіи чернопередѣльцы издали еще нѣсколько прокламацій въ Россіи и больше ничѣмъ ихъ дѣятельность не проявилась [1]).

---

[1]) М. Р. Поповъ былъ однимъ изъ главныхъ „старовѣровъ“. Послѣ раскола онъ уѣхалъ въ Кіевъ, чтобы продолжать работать по прежней программѣ, но, какъ разсказываетъ онъ самъ въ своихъ мемуарахъ, дѣятельность эта приняла по существу вполнѣ народовольческій характеръ. См. „Изъ моего прошлаго“. *Минувшіе Годы*. 1908 г. Февраль.

„Народовольцы“ пошли своею дорогою, но исторія ихъ уже выходитъ за предѣлы настоящихъ очерковъ. О ней мы говорили въ другой книгѣ.

Народовольцы завѣщали послѣдовавшему освободительному движенію въ Россіи идею борьбы за политическую свободу; чернопредѣльцы—основной лозунгъ всего прежняго движенія—„освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа“. Эти двѣ идеи были затѣмъ синтезированы въ русскомъ соціалъ-демократическомъ движеніи, но если въ немъ самомъ реалистическіе элементы до сихъ поръ еще не побѣдили окончательно элементы утопическіе, если оно не приняло еще того русла, по которому *фактически* главнымъ образомъ течетъ соціалъ-демократическое движеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ, то это главнымъ образомъ потому, что въ Россіи не рѣшена еще ея политическая проблема. Съ рѣшеніемъ этой проблемы и рабочее движеніе въ Россіи пойдетъ несомнѣнно по тому же реалистическому пути, какъ и на Западѣ. Столь же несомнѣнно, что тогда и освободившемуся отъ утопическихъ элементовъ народничеству предстоитъ еще въ Россіи широкая и плодотворная дѣятельность среди массъ ея земледѣльческаго населенія, среди того самаго „народа“, тяга къ которому, тяга, исходящая изъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ порывовъ души, была всегда нераздѣльна съ самымъ существомъ русскаго активнаго народничества.

Дополненія и поправки.

Страница.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
36	31	Въ разсказѣ Чернышевскаго	Въ романѣ Чернышевскаго.
68	Примѣч. 2, стр. 2.	къ итальянцамъ Чельсо и Черрети	къ итальянцу Чельсо Черрети.
79	Примѣчаніе, стр. 11.	Послѣ словъ *Morning Advertiser* пропущены слова, которыя должны стоять въ скобкахъ:	(оно было и раньше воспроизведено на страницѣ 129 замѣчательнаго труда *Нетлау* „Michael Bakunin. Eine Biographie").
92	32	пропущено примѣчаніе, которое должно гласить:	См. *Августъ Бебель.* „Изъ моей жизни", часть I (русскій переводъ), стр. 64—65.
124	33—34	вооруженное сопротивленіе, оказанное Ціціановымъ еще въ 1875 году.	вооруженныя сопротивленія, оказанныя Ціціановымъ и Мышкинымъ еще въ 1875 году.
135	7	М. П. Купріянова	М. В. Купріянова

Примѣчаніе къ страницѣ 66.

Въ Россіи Бакунина судили заочно еще въ 1844 году.

Въ настоящее время, на основаніи точныхъ (рукописныхъ) данныхъ (приносимъ лицу, намъ эти данныя приславшему, искреннюю признательность) можемъ вполнѣ опредѣленно установить, что еще до выдачи Бакунина Россіи Австріей, судимый заочно сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ въ 1844 году „отставной прапорщикъ Михаилъ Бакунинъ, 28 лѣтъ", былъ признанъ виновнымъ „въ преступныхъ за границею сношеніяхъ съ обществомъ злонамѣренныхъ людей и въ ослушаніи вызову правительства и Высочайшей волѣ о возвращеніи въ Россію", за что Бакунина, по мнѣнію суда, надлежитъ: „лишить чина и дворянскаго достоинства и сослать, въ случаѣ явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу" (Срокъ не опредѣленъ, почему надо думать, что безъ срока. *В. Б.*). На этомъ мнѣніи государственнаго совѣта императоръ Николай Павловичъ 12-го декабря 1844 года написалъ: „Быть по сему". Когда Бакунинъ былъ выданъ Австріей Россіи, то его, вмѣсто каторжныхъ работъ, оставили въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости.

Алфавитный указатель упоминаемыхъ въ книгѣ фамилій и названій періодическихъ изданій.

Аграновъ, С. П. 220. 227. 300.
Адлербергъ, гр. 142.
Аксаковъ, И. С. 10. 11. 16. 266. 286.
Аксаковъ, К. С. 9. 10. 11. 13. 18. 19. 20. 21. 23. 181.
Аксельродъ, П. Б. 208. 209. 354. 355. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 371. 372.
Александръ I. 263. 273.
Александръ II. 41. 42. 43. 66. 254. 255. 263. 341.
Александрова, В. П. 220. 300.
Александровъ. 172.
Александровъ, Вл. 300.
Александровъ, Гр. 300.
Александровъ, прис. пов. 316. 318.
Алексѣевъ, П. А. 220. 227. 297. 299. 300. 301. 302.
„Allgemeine Oder Zeitung“ (газ.). 75.
Альбовъ, М. Н. 270.
Андраши гр. 284.
Анна Іоанновна (императрица). 263.
Анненковъ, П. В. 64. 65.
Анненскій, Н. Ф. 196.
Аптекманъ, О. В. 184, 185. 197. 198. 229. 230. 231 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 241. 242. 243. 244. 293. 321. 368.
Армфельдъ, Н. А. 175.
„Атеней“ (журн.). 25. 27.
Афанасьевъ. 270.
Бабёфъ. 51.
Базилевскій (см. Богучарскій). 43. 47. 49. 55. 135. 258. 300. 304. 305.
Байронъ. 274.
Бакстъ, И. 14.
Бакунинъ, М. А. 3. 10. 11. 18. 20. 21. 22. 23. 24. 52. 53. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 92. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 105. 107. 110. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 120. 124. 137. 138. 139. 148. 149. 150. 151. 165. 166. 167. 168. 169. 174. 177. 184. 197. 207. 231. 232. 268. 275. 276. 277. 285. 287. 288. 292. 293. 294. 354. 372. 374.
Балашевъ, И. (изд.). 53. 74. 285.
Баранниковъ, А. П. 238. 244. 343. 367.
Барановскій. 336.
Бардина, С. П. 188. 220. 221. 223. 224. 226. 227. 297. 298. 299. 300. 302.
Барри. 284.
Барро, О. 98.
Барсуковъ, И. П. 13.
Вастелика. 70.
Ватюшкова, В. И. 175.
Вахметьевъ. 148.
Бебель, А. 93. 94. 355. 356. 360. 361. 374.
Бергъ. 67.
Бердниковъ. 238.
„Берлинская Свободная Пресса“ (газ.). 359.
Бернштейнъ, Э. 79. 98. 284.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. (проф.). 9. 268.
Бестужевъ-Рюминъ, М. П. (декабристъ). 273.
„Бесѣда“ (журн.). 61.
Бибергаль. 296.
Бибиковъ, П. А. 28.
Биконсфильдъ. 283. 284.
Бирюковъ, П. И. 39.
Бисмаркъ. 93. 95. 118. 284.
Бистромъ. 45.
Бланки, О. 51.
Бланъ, Л. 73.

Бобковъ. 315.
Бобоховъ, С. П. 346.
Богдановичъ, Ю. П. 243.
Боголюбовъ. 189. 240. 241. 296. 312. 313. 314. 324. 325. 326.
Богучарскій, В. Я. 5. 56. 151. 196. 262. 268. 302. 320. 327. 329. 331. 335. 341. 342. 353. 373.
Бокль. 161.
Бориштейнъ. 74.
Боръ. 65. 66.
Боровиковскій, А. А. 300.
Борхгеймъ. 78. 79.
Ботевъ, Х. (болг.). 292. 293.
Боткинъ, С. П. 133.
Бохановскій, П. 257. 346.
Бочаровъ. 296.
Брандтперъ, Л. 337.
Брешковская, Е. К. 186. 188. 195. 196. 304. 306.
Брокгаузъ. 56. 302.
Будановъ, Л. П. 238.
Бурке. 82.
Бурцевъ, В. Л. 125. 171.
Буцинскій, Д. 335. 345.
Бѣлинскій, В. Г. 31. 63. 100.
Бѣлоголовый, П. А. 264.
„Былое“ (журн.). 39. 47. 55. 71. 124. 125. 133. 148. 155. 156. 162. 183. 192. 216. 218. 221. 230. 231. 238. 245. 254. 256. 258. 264. 274. 289. 290. 292. 293. 301. 317. 324. 325. 326. 330. 332. 337. 338. 344. 345. 348. 353. 366. 370.
„Былое“ (заграничное). 118.
В. В. (В. П. Воронцовъ). 8. 354.
Вагперъ, Р. 66.
Вазовъ, П. 278.
Валуевъ, П. А., гр. 61. 338.
Варленъ. 107.
Васплевскій. 132. 133.
Васпльевъ. 172.
Васпльчиковъ, кп. 116.
Вейнбергъ, П. И. 55.
Вейтлингъ. 64.
„Великороссъ“ (лист.). 39. 51.
Венгеровъ, С. А. 178. 179. 180.
Веревочкина. 186.
Верещагинъ. 169.
Вирховъ. 35.
Виташевскій, Н. А. 125. 337.
Витте, С. Ю., гр. 266.
Виттенбергъ, С. 341.
Войнаральскій, П. И. 165. 174. 175. 183. 187. 304. 305. 306. 343.
„Волжскій Вѣстникъ“ (газ.). 38.
Волковъ, Ф. К. 326.
Волошенко, П. 291. 324. 327. 334. 368.
Волощукъ. 260.
Волховской, Ф. В. 251. 287. 306.
„Вольное Слово“ (газ.). 13. 148. 276. 329. 331.
Ворцель. 78.
„Впередъ“ (газ.). 116. 117. 118. 259. 281.
„Впередъ“ (журн.). 18. 108. 109. 110. 112. 113. 114. 115. 120. 122. 123. 124. 125. 126. 131. 216. 258. 281. 282. 283. 287. 288. 328.
„Вѣдомости Петербургской Городской Полиціи“ (газ.). 55.
„Вѣстникъ Европы“ (журн.). 114. 120. 156. 168. 280.
„Вѣстникъ Народной Воли“ (журн.). 39. 125. 151.
„Вѣсть“ (газ.). 57. 58.
Габель, О. 292.
Габсбурги. 94.
„Gazeta Narodowa“. 67.
Гакстгаузенъ. 9. 10.
Гамкрелидзе. 300.
Гамовъ. 172.
Гартманъ, Л. Н. 244.
Гаршинъ, В. М. 270.
Гегель. 63.
Гедель. 358. 359. 360.
Гейбнеръ. 66.
Гейкингъ. 336.
Геллеръ. 296.
Георгіевскій. 227.
Георгіевъ, Б. 278.
Герасимовъ. 172.
Гервасій. 296.
Гервегъ. 64. 74. 75.
Герценштейнъ, Д. М. 317.
Герценъ, А. А. 148.
Герценъ, А. П. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 18. 21. 22. 23. 41. 42. 43. 45. 49. 50. 51. 52. 58. 59. 60. 65. 66. 67. 77. 78. 82. 88. 95. 99. 106. 107. 110. 139. 147. 148. 150. 152. 181. 253. 268. 275. 276. 285. 292. 293.
Герценъ, Н. А. 150.
Гессе. 79.
Гизо. 64.
Гильомъ, Дж. 71. 72. 76. 78. 79. 97. 148. 292.
Гинцбургъ. 216.
Гладстонъ. 268. 283. 284. 285.
Г., Никифоръ. 55.

Гогенцоллерны. 94.
Голицынскій. 176.
„Голосъ“ (газ.). 57. 140. 267.
Голоушевъ. 314.
Гольденбергъ, Г. 333. 365. 368. 370.
Гольцевъ, В. А. 117. 118.
Гольштейнъ, В. А. 87. 168. 227.
Гончаровъ (студ.). 163.
Горбачевскій, И. И. (декабристъ). 273.
Гориновичъ. 125. 251. 257.
Горчаковъ, кн. 318.
Гоцъ, М. Р. 155.
Грагамъ. 353.
Градовскій, А. Д. 142. 264.
Градовскій, Г. К. 316. 317.
Гранатъ (изд.). 97.
Грачевскій, М. Ф. 220. 305.
Грейлихъ. 79.
Григорьевъ. 296.
Гриневичъ. 124.
„Громада“ (журн.). 327.
Громовъ. 296.
Гроньяръ (И. К. Михайловскій). 320.
Гумбертъ (король). 328.
Гуревичъ, П. 55.
Даниловъ, В. А. 186.
Дантесъ. 37.
Дебогорій-Мокріевичъ, В. К. 61. 95. 96. 156. 162. 166. 183. 188. 192. 193. 194. 204. 233. 245. 246. 247. 248. 250. 251. 252. 257. 278. 286. 290. 293. 295. 323. 324. 325. 326. 334. 335. 336. 337. 341. 342. 346.
Дебогорій-Мокріевичъ, П. К. 292.
Девель. 244.
Дейчъ, Л. Г. 114. 119. 251. 253. 254. 257. 346.
Дементьева-Ткачева, А. Д. 35. 135.
„Deutsche Jahrbücher“ (журн.). 3.
Джабадари, И. С. 216. 217. 218. 220. 221. 223. 224. 227. 297. 300.
„Diplomatic Review“ (журн.). 79.
Дическуло, Л. 315.
Дмоховскій, Л. А. 169. 172.
Добровольскій, П. П. 293. 304.
Добролюбовъ, Н. А. 13. 14. 18. 24. 25. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 36. 37. 38. 95. 103. 104. 105. 106. 107. 119. 160. 161. 178.
Догматъ. 217.
Долгушинъ, А. В. 169. 171. 172.
Достоевскій, Ф. М. 15. 39. 179. 269. 316.
Драгомановъ, М. П. 148. 163. 230. 231. 264. 273. 288. 289. 317. 327. 328. 329. 331. 332.
Дрентельнъ. 366. 367.
Дреперъ. 161.
Дробязгинъ. 252.
Дубровинъ. 369.
Духовской, М. В. 175.
Дюранъ. 82.
Дьяковъ. 172. 228.
„Egalité“ (газ.). 83.
Екатерина II. 234. 263.
Емельяновъ (Боголюбовъ). 238. 240. 291. 313.
Ерошенко, А. Г. 287.
Ефремовъ, В. С. 344. 345. 346.
Жаклярь. 69.
Жебуневы, бр. 186.
Жебуневъ, С. А. 258. 306.
Желеховскій. 304. 307.
Желябовъ, А. И. 181. 182. 200. 201. 202. 204. 205. 222. 230. 231. 288. 289. 305. 325. 330. 332. 333. 334. 349. 362. 370.
Живкова. 270.
Жуковскій, 316.
Жуковскій, Н. П. 69. 163. 227.
Жуковъ. 221. 224.
„Journal de Genève“ (газ.). 81.
Завалишинъ, Д. И. (декабр.). 274.
Зайцевъ, В. А. 29. 87. 110. 124. 265. 346.
Зайчневскій, П. Г. 49.
Закревскій (ген.-губ.). 10.
Зандъ, Жоржъ. 64. 75. 76. 78.
Заринъ. 28.
Зарубаевъ. 304. 306.
Заславскій, Е. І. 212. 228. 258. 259. 260. 350.
Засуличъ, В. П. 241. 295. 311. 312. 316. 317. 318. 320. 324.
Здановичъ, Г. Ф. 227. 300.
Зелинскій, В. 270.
„Земля и Воля“ (журн.). 258. 269. 295. 296. 319. 321. 338. 347. 348. 349. 352. 354. 362. 367. 369. 370.
Зорге, Ф. 78. 81. 82. 94. 95. 284. 285.
Зунделевичъ, А. П. 238. 368.
Иванишевичъ (сербъ). 217. 219.
Ивановъ (нечаевецъ). 139. 141. 151.
Иванченко. 337.
Иванчинъ-Писаревъ, А. П. 238.
Ивичевичъ, Ив. 334. 335. 337. 342. 345. 346.
Ивичевичъ, Игп. 337. 342.
Игнатовъ. 238.
Избицкій, В. 345.
„Internationale Wochenschrift für Wissenschaft“ (газ.). 292.

Искандеръ (см. Герценъ). 275.
„Историческій Вѣстникъ“ (журн.). 67.
Ишутинъ, Н. А. 54.
Іеккъ. 82. 97. 100.
Кабе. 108.
Каблицъ, І. П. 186.
Кавелинъ, К. Д. 13.
Кавуръ. 38.
Калачевскій. 61.
Калина, П. Н. (болгаринъ). 275. 292.
Каминская, Б. 220. 224. 225. 226. 227.
„Капитанъ“ (см. Чубаровъ). 246.
Караведовъ, Любенъ. 275. 292. 293.
Караведовъ, П. 292.
Каракозовъ, Д. В. 54. 55. 141.
Кардашевъ. 300.
Карцовъ. 268. 271. 272.
Катковъ, М. Н. 54. 133. 142. 266. 267. 317. 318.
Каховскій, П. А. (дек.). 273. 274.
Кацъ, М. П. (Геро-Доброджано). 293.
Квятковскій, А. А. 238. 244. 245. 293. 343. 344. 368. 370.
Квятковскій, Т. 293. 304. 306.
Квятковскій. 316.
Кибальчичъ, Н. И. 201. 205.
„Qui vive?“ (газ.). 81.
Кирѣевскій, И. В. 10. 21.
Кирѣевскій, П. В. 10. 21.
Клеменцъ, Д. А. 163. 175. 264. 268. 269. 271. 287. 307.
Кленовъ. 337.
Клѣточниковъ, И. 366.
Клюзере. 70.
Кобылянскій, Л. 368.
Коваликъ, С. Ф. 165. 166. 167. 175. 186. 216. 304. 305. 306. 343.
Ковалинскій. 345.
Ковальскій, И. М. 125. 241. 337. 338. 340. 341. 342.
Козловъ. 133.
„Колоколъ“ (журн.). 10. 12. 13. 21. 22. 41. 45. 49. 51. 55. 58. 59. 61. 65. 67. 139. 253. 268.
„Колоколъ“ (журн., изд. Нечаевымъ). 147.
Колосовъ, Е. Е. 320.
Колоткевичъ, Н. Н. 330. 331. 332. 333. 342.
Колотовъ. 175.
Колѣнкина, М. А. 188.
Конп, А. Ф. 316. 318.
Конради, Е. И. 102.
Консидеранъ. 99.
Константинъ Николаевичъ (в. кн.). 54.
Кончевъ, А. (болг.). 278.
Корба, А. П. 290.
Корниловы (сестры). 153.
Корниловъ, А. А. 51. 142.
Корниловъ (адм.). 280.
Короленко (рабочій). 260.
Косидьеръ. 22. 64.
Костомаровъ, Н. И. 161. 274.
Костюринъ, В. Ф. 263. 290. 306.
Котляревскій, (тов. прокурора). 336.
Кошелевъ, А. И. 9.
Кравченко. 260.
Кравчинскій, С. М. 125. 126. 129. 130. 131. 155. 158. 168. 175. 179. 180. 195. 196. 237. 269. 287. 288. 302. 306. 338. 346. 358.
Краевскій, А. А. 142.
Крапоткинъ, А. А., кн. 60.
Крапоткинъ, П. А., кн. 20. 60. 61. 152. 153. 156. 157. 158. 159. 160. 166. 168. 172. 176. 179. 180. 195. 203. 235. 238. 287. 358. 365. 367.
Крузе, И. Ф. 61.
Крушевскій. 54.
Кръстевъ (болг.). 292.
Кугельманъ. 78. 82. 94.
Кудасовъ. 315.
Кузнецовъ, А. К. 139.
Куприяновъ, М. В. 135. 153. 155. 156. 306. 374.
Курганскій, 259. 260.
Курпленко. 315.
Куропаткинъ, А. Н. 266.
Курпѣевъ. 315.
Лавелэ. 63.
Лавровъ, П. А. 18. 24. 31. 38.39. 40. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 123. 124. 125. 126. 130. 131. 160. 161. 163. 166. 167. 197. 212. 237. 258. 281. 302. 320.
Лазаревъ, Е. Е. 293.
Ламанскій, Я. В. 142.
Ланинскій. 67.
„La Révolution Sociale“ (газ.). 81.
Лассаль, Ф. 22. 83. 84. 85. 93. 95. 96. 161. 355.
Левитовъ, А. И. 176.
Левскій, В. (болг.). 278.
Лелевель. 64.
Лемке, М. К. 47.
Лео, Андре. 81.
Ленешинскій. 291.
Лермонтовъ, М. Ю. 37.

Лермонтовъ, О. И. 186. 306.
„Летучій Листокъ“. 320. 321. 322. 323.
Лефрансе. 163.
Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, С. А. 175.
„Liberta e Giustizia“ (журн.). 68.
„Liberté“ (газ.). 294.
Либкнехтъ. 78. 79. 285. 355. 356. 357. 359. 360. 361.
Ливановъ. 304. 306.
Лизогубъ, Д. А. 238. 290. 324. 335.
Линдфорсъ, А. Ф. 324. 327.
„Листокъ Земли и Воли“. 342. 367. 369.
Лихутины. 61.
Логовенко. 342.
Лопатинъ, Г. А. 107.
Лореръ, Н. И. (дек.). 274.
Лукашевичъ, А. О. 188. 189. 190. 191. 192. 220. 224. 227. 300. 306.
Лункевичъ. 71.
Лущенко. 260.
Любатовичъ, О. С. 220. 224. 297. 300.
Любатовичъ, В. С. 220. 224. 300.
Любибратичъ (сербъ). 288.
Любощинскій. 53.
Лясковскій, В. 9.
Ляховичъ. 260.
Магеръ. 289.
Мазюро. 70.
Макаревичъ. 304. 306.
Маковъ. 338. 367.
Максимовъ, С. 292.
Малавскій, В. 257.
Маликовъ, А. К. 156. 183.
Малинка, В. А. 251. 252. 290.
Мальтусъ. 108.
Марковичъ, Свѣтозаръ (сербъ). 263. 282. 292. 293.
Марксъ. Карлъ. 16. 23. 48. 64. 68. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 90. 91. 92. 94. 95. 97. 98. 99. 114. 161. 168. 284. 285.
Марксъ, Францискъ. 79.
Маццини, Дж. 22. 68. 71. 76. 77. 78. 99.
Мезенцевъ, Н. В. 142. 269. 295. 337. 338. 340. 346. 366. 367.
Мерингъ. 97.
Меттерних. 274.
Мечниковъ, Л. И. 163.
Миланъ (кор. серб.). 281.
„Минувшіе Годы“ (журн.). 23. 65. 71. 79. 123. 140. 149. 285. 292. 372.
Мирговъ (см. Лавровъ). 101.
„Мисъль“ (журн.). 262.
Мишле, Ж. 14.
Михайловскій, Н. К. 8. 14. 15. 16. 36. 39. 102. 120. 121. 123. 124. 320. 321. 323. 363. 364.
Михайловъ, Адріанъ. 238.
Михайловъ, Александръ Д. 182. 183. 201. 202. 238. 241. 242. 244. 245. 246. 343. 344. 366. 367. 368. 369. 370.
Михайловъ. М. Л. 8. 14. 43. 45. 47. 48. 51.
Младеновъ, С. (болг.). 278.
Мокріевичъ (нечаевецъ). 61.
„Молва“ (журн.). 9.
Молешотъ. 123.
„Morning Advertiser“ (газ.). 76. 78. 79.
Мордовцевъ, Д. Л. 224. 268.
Морозовъ, Н. А. 196. 251. 320. 321. 367. 368. 370.
Морской (псевд.). 266.
„Москвитянинъ“ (журналъ). 9.
„Московскія Вѣдомости“ (газ.). 57. 267. 317. 318.
Мощенко. 238. 241.
Мрочковскій, В. 69.
Мрочковскій (рабочій). 259. 260.
Муравскій, М. Д. 186. 304. 305. 306.
Муравьевъ-Амурскій, Н. Н., гр. 66. 276.
Муравьевъ-Апостолъ, С. И. (декабристъ). 273.
Муравьевъ-Виленскій, М. Н., гр. 54. 55.
Мышкинъ, П. Н. 42. 166. 173. 182. 187. 302. 303. 304. 305. 343. 374.
„Набатъ“ (журн.). 3. 4. 135. 184. 252. 330.
Набоковъ, Д. 317.
Навроцкій. 168.
Наддачинъ. 258. 260.
Надуткинъ, 132. 133.
Наполеонъ I. 60.
Наполеонъ III. 93.
„На родинѣ“ (журн.). 246.
„Народная Воля“ (журн.). 320. 365.
„Народная Расправа“ (журн.). 139. 141.
„Народное Дѣло“ (журн.). 40. 41. 86. 90. 91. 115. 159.
Натансонъ, М. А. 238. 242.
Натансонъ, О. 238. 242. 245.
Наумовъ. 168. 260.
„Начало“ (газ.). 295. 296. 317. 319. 321. 322.

„Наша Страна“ (сборникъ). 69.
Неволинъ. 39.
Невѣдомскій (рядов.). 54.
„Недѣля“ (газ.). 101. 102.
Некрасовъ, Н. А. 301.
Нетлау, Н. 69. 374.
Нечаевъ, С. Г. 61. 82. 87. 132. 134. 135. 136. 137. 139. 140. 142. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 216. 219. 251. 257. 293. 294.
Нечмировъ. 54.
„New York Daily Tribune“ (газ.) .78.
„Neue Rheinische Zeitung“ (газ). 74. 75. 76. 78.
„Neue Zeit“ (журн.). 76.
Никитенко, А. В. 53. 56.
Николаевъ. 227.
Николай Павловичъ (Императоръ). 6. 10. 21. 41. 66. 263. 273.
Никоновъ. 336.
Нобилингъ. 360.
Новикова, О. 285.
„Новое Время“ (газ.). 219. 267.
Обнорскій, В. 350.
Ободовская, А. Я. 172.
Оболешевъ. 238. 245.
Обручевъ, В. А. 51.
„Общее Дѣло“ (журн.). 135. 265. 301. 346.
„Община“ (журн.). 42. 164. 195. 196. 207. 209. 226. 265. 303. 305. 306. 307. 321. 322. 354. 355. 357. 358. 361. 362. 371. 372.
„Община“ (журн., изд. Нечаевымъ). 147.
Общій (болг.). 278.
Овчинниковъ. 175.
Огаревъ, Н. П. 11. 21. 66. 87. 88. 110. 150. 285. 292. 293. 294.
Озеровъ, В. 71. 87.
Оловенникова (см. Ошанина). 343. 344. 368.
Ольденбургъ. 357.
Ольхинъ, А. А. 268. 269.
Осинскіе. 353.
Осинскій, В. А. 238. 323. 324. 325. 326. 327. 332. 334. 335. 341.
Осташкинъ. 306.
Островская, Н. 37.
Островскій, А. Н. 32.
„Отечественныя Записки“ (журн.). 9. 268. 333.
Оуэнъ, Р. 21.
Ошанина, М. Н. (Оловенникова). 244. 245.
Павленковъ, Ф. Ѳ. 30.
Павликъ, М. 289.
Павловичъ, Пеко (болгаринъ). 291.
Павловскій, П. 219.
Павловъ-Сильванскій (прокуроръ). 364.
Павловъ, П. В. 43.
Палацкій, 65.
Паленъ, гр. К. Н. 129. 173. 177. 182. 317.
Паликсъ. 70. 71. 96.
Пальмерстонъ. 38.
Пантелѣевъ, Л. Ф. 40. 51. 301.
Папинъ, Н. Н. 169. 172.
Парнель. 332.
Пассананте. 328.
Пекарскій, Э. К. 244.
Пелькопенъ. 187.
Пеневъ, Б. (болг.). 263.
Перовская, С. Л. 153. 175. 188. 305. 342. 343. 344. 368.
Перронъ. 163.
Пестель, П. И. (декабристъ). 53. 273.
Петрункевичъ. Н. И. 320. 324. 327.
Петръ Великій. 41. 263.
Писаревъ, Д. И. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 53. 56. 102. 103. 104. 106. 107. 115. 119. 120. 160.
„Піонеръ“ (газ.). 360.
Платоновъ. 313. 315.
Плеве, В. К. 266.
Плетневъ. 175.
Плехановъ, Г. В. 105. 189. 198. 199. 230. 238. 239. 240. 241. 244. 275. 296. 368. 372.
Плотниковъ, Н. А. 169. 172.
Побѣдоносцевъ, К. П. 268.
Погодинъ, М. П. 13. 142.
Погребицкій. 337.
„Подпольное Слово“ (журн.). 55.
Полонскій, Я. П. 301.
„Полярная Звѣзда“ (журн.). 11.
Попко, Г. А. 124. 324. 325. 326. 335. 336. 342. 365. 368.
Поповъ, М. Р. 230. 238. 240. 244. 245. 343. 344. 349. 353. 366. 368. 371. 372.
Поповъ (участникъ демонстраціи 6 дек. 1876 г.), 296.
Португаловъ, В. О. 175.
Потаповъ. 296. 297.
„Правительственный Вѣстникъ“(газ.). 44. 135. 141. 163. 171. 172. 215. 258. 297. 300. 302. 318. 340.
Преображенскій. 238.

„Прибавленіе къ № 4 Земли и Воли“. 328.
Прудонъ. 21. 23. 64. 72. 73. 81. 170.
Прыжовъ, И. Г. 139. 140.
Прядько, Ѳ. 253.
Пугачевъ, Е. 2. 53. 87. 234. 244. 248. 258. 267. 347. 348. 362. 372.
Рабиновичъ. 216. 219.
„Работникъ“ (газ.). 177. 227. 228. 259.
Разинъ, Степанъ. 2. 87. 89. 108. 137. 138. 168. 169. 193. 224. 232. 347. 348. 362. 363. 372.
Райко. 274.
Райтевъ (Raizeff). 294.
Ралли, З. К. 23. 65. 71. 87. 148. 149. 168. 227. 263. 292. 293.
Распоповъ, Вл. (изд.). 186.
Рашко. 345. 346.
Рейнштейнъ. 366. 367.
Рейхель. 97.
Реклю, Элизе. 69. 163.
Реклю, Эли. 163.
Ривьеръ. 70.
Рикардо. 108.
Ришаръ, А. 70. 82.
Робеспьеръ. 73.
Рогачева, В. И. 188.
Рогачевъ, Д. М. 175. 195. 116. 304. 305. 306.
Родинъ. 346.
Романовичъ-Славатинскій. 234.
Россъ, Арманъ (см. Сажинъ). 87. 277.
Рохальскій. 249.
Ругэ, А. З. 63. 97.
Рудневъ (проф.). 132. 133.
Русановъ, Н. С. 102. 103. 105. 106. 124.
Русовъ, А. А. 326.
„Русская Бесѣда“ (газ.). 9. 20.
„Русская Мысль“ (журн.). 118. 293.
„Русскій Архивъ“ (журн.). 140. 273.
„Русскій Вѣстникъ“ (журн.). 267.
„Русскій Инвалидъ“ (газ.). 43. 44. 54.
„Русскія Вѣдомости“ (газ.). 264. 269. 271. 293.
„Русское Богатство“ (журн.). 155. 243. 257. 274. 346.
„Русское Слово“ (журн.). 29. 56. 57.
„Русь“ (газ.). 16.
Рыбицкій. 259. 260.
Рылѣевъ, К. Ф. (декабристъ). 43. 273.
„Рѣчь“ (газ.). 51.
Рязановъ, Н. 76. 79.
Саблинъ, И. А. 305.
Сажинъ, М. П. (см. Россъ). 87. 163. 263. 277. 287. 288. 291. 293. 304. 306.
Самаринъ, Ю. Ф. 8. 9. 15. 16. 279. 280.
Сватиковъ, С. Г. 335.
Свитычъ. 337.
Семевскій, В. И. 196. 274.
Семека. 341.
„Сенатскія Вѣдомости“ (газ.). 54. 55.
Сенека. 51.
Сентянинъ. 342.
Сенъ. 70.
Сенъ-Симонъ. 73. 81. 108.
Сенявинъ (адм.). 274.
Серайе. 81.
Серебряковъ, Э. А. 197. 230. 244.
Серно-Соловьевичъ, Н. А. 40. 43. 53.
Серно-Соловьевичъ, А. А. 40.
Силенко, И. М. 260.
Сипегубъ, С. С. 154. 155. 251. 304. 305. 306.
Сиряковъ. 172.
Скабичевскій, А. М. 39.
Скарятинъ, Вл. 58. 142.
Скерличъ, І. (сербъ). 263. 282. 292.
Славейковъ, Пенчо (болг.). 263. 294.
Славейковъ, Петко (болг.). 270.
Смирновъ, В. 87. 121.
Смирновъ (инспекторъ). 132. 133.
Смирновъ, І. 155.
„Современникъ“ (журн. 60-хъ гг.). 25. 28. 33. 37. 42. 56. 57. 101.
„Современникъ“ (журн. изд. 1911—1912 гг.). 155. 262.
„Современный Міръ“ (журн.) 105. 342.
Соколовъ. 260.
Соколовъ, Н. В. 110. 124.
Соловьевъ, А. К. 243. 368. 369.
Соловьевъ, Вл. С. 280.
Соловьевъ, С. М. 19.
„Société Nouvelle“ (журн.). 69.
Союзовъ. 220. 304. 306.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“. 57.
Спиридоновъ, И. 224.
Стамбуловъ, С. (болг.). 290. 292. 293.
Сруль. 249. 250.
Станкевичъ. Н. В. 11. 63.
„Старикъ“ (псевдонимъ). 182. 183. 184. 185. 187.
Стасовъ, Д. В. 55.
Стаховскій. 304. 306.
Стеблинъ-Каменскій, Р. А. 324. 325. 326. 365.

Степнякъ, С. (см. Кравчинскій). 288. 335. 346.
Стефановичъ, Я. В. 202. 203. 207. 245. 246. 251. 252. 253. 254. 257. 336. 346.
Стопани. 306.
Стояновъ, З. 278. 292. 293.
Субботина, С. А. 175.
Субботины (сестры). 224.
Судейкинъ. 337.
Судзиловскій. 293.
Сухомлиновъ, М. И. 10.
„Съ родины и на родину" (журн.). 324. 325.
„Сѣверная Почта" (газ.). 44. 55. 56. 57.
„Сѣверный Вѣстникъ" (журн.). 293.
„Tagwacht" (газ.). 79.
Таландье. 149.
Тарапенко. 260.
Телеки, гр. 65.
„Телескопъ" (журн.). 6.
Теллаловъ, П. А. 205.
Тимофеевъ. 296.
„Титычъ" (Тищенко). 238.
Тихомировъ, Л. А. 125. 168. 234. 251. 370.
Тищенко (Березнюкъ). 345.
Ткачевъ, П. Н. 3. 39. 134. 135.
Тодоровъ, П. (болг.). 263. 275. 292.
Толстая, С. Л., гр. 267.
Толстой, Л. Н., гр. 39. 156. 267. 275. 280. 335.
Толстой, С. Н., гр. 280.
Толстоносовъ. 259.
„Travailleur" (журн.). 163. 164.
Треповъ, Ф. Ф. 60. 142. 241. 295. 311. 312. 313. 316. 324. 359.
Трощанскій. 238. 242.
Тунъ. 189. 199. 230. 244.
Тургеневъ, А. И. 8.
Тургеневъ, И. С. 13. 15. 25. 28. 30. 37. 63. 258. 269. 270. 285. 301.
Тютчевъ, Ф. И. 7.
Тютчевъ, Н. С. 238.
Тьеръ. 38.
Уркхардъ. 79.
Успенскій, Г. И. 198. 271.
Успенскій, П. Г. 139. 140. 141.
Утинъ, Н. И. 40. 48. 90. 159.
Фальтейнъ. 355.
Фанелли. 69. 71.
Федоръ Алексѣевичъ (Царь). 263.
Фейербахъ. 74. 97.
Фесенко. 114. 119.
Фигнеръ, В. Н. 108. 196. 212. 243. 330.
Фигнеръ, Е. Н. 243.
Фигнеръ, Л. Н. 188. 220. 223. 224. 297. 300.
Фишеръ. 314.
F. M. (= Марксъ Францискъ). 78. 79.
„Филологическія Записки". 140.
Флеровскій, В. В. (Берви). 91. 161.
Фогтъ, А. 97.
„Folksstaat" (газ.). 78. 356.
Фоминъ (Медвѣдевъ). 343. 344. 345. 346.
„Vorwärts" (газ.). 358. 359. 360.
Францъ-Іосифъ. 281.
Фроленко, М. Ф. 244. 257. 290. 330. 342. 346. 370.
Фронштейнъ. 353.
Фурье. 99.
Фуше 59.
Халтуринъ, С. Н. 350.
Хомяковъ, А. С. 9. 10. 13. 21. 266. 272. 279. 280.
Хоржевская. 300.
Хотинскій. 236. 238.
Христофоровъ, А. Х. 265.
Худяковъ, П. А. 23. 54. 55. 159. 168.
Цициаповъ, кн. А. 124. 217. 227. 300. 315. 374.
„Zukunft" (газ.). 78.
Чаадаевъ П. Я. 6. 7. 8.
Чайковскій. Н. В. 156. 183.
Чарушинъ, Н. А. 304. 306.
Челокаевъ. 217.
„Черный Передѣлъ" (журн.). 118. 372.
Чернышевскій, М. И. 13. 28.
Чернышевскій, Н. Г. 12. 13. 18. 24. 25. 26. 27. 28. 32. 36. 41. 51. 53. 91. 148. 161. 178. 275. 293. 304. 374.
Чернышевъ. 125. 238.
Чернявскій. 296. 304. 306.
Черняевъ, М. Г. 271. 272. 289.
Черрети, Чельсо. 68. 374.
Чикондзе, М. Н. 217. 220. 227. 300.
Чичеринъ, Б. Н. 13. 43.
Чубаровъ. С. Ф. 246.
Чудновскій, С. Л. 132. 133. 156. 162. 306.
Шатилова. 175.
Швейцеръ. 161.
Шевченко, Т. Г. 274.
Шекспиръ. 307.
Шелгуновъ, Н. В. 14.
Шефтель. 296.
Шиллеръ. 98.

Шишко, Л. Э. 155. 158. 159. 163. 168. 304. 306.
Шишмановъ, И. Д. 292.
Шильгагенъ. 161.
Штирнеръ. М. (К. Шмидтъ). 22.
Шуваловъ, А. П., гр. 61.
Шульце . Деличъ. 84.
Щаповъ, А. П. 161.
Щеголевъ. П. Е. 274.
Элизаръ, Ж. (см. Бакунинъ). 3. 63.
Эліазовъ. 217.
Элпидинъ, М. 55.
Эльсницъ, А. 87. 163. 168.
Энгельсъ, Ф. 64. 74. 75. 80. 81. 82. 84. 87. 93. 95. 97. 98. 107.
Эндауровъ (мир. судья). 174.
Энкуватовъ, П. 292.
Эркманъ и Шатріанъ. 168.
Южаковъ, С. Н. 292.
Юзовъ (см. Каблицъ). 186.
Юматовъ. П. 58.
Якимова, А. В. 305.
Яковлевъ, И. (см. Павловскій, Исаакъ). 219.
Якубовичъ, П. Ф. 196.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Нѣсколько предварительныхъ словъ 1
II. Источники идей и настроеній активнаго народничества 6
III. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ и „бакунизмъ“ 63
IV. Петръ Лавровичъ Лавровъ и „лавризмъ“ 101
V. Студенческія волненія конца шестидесятыхъ годовъ.—С. Г. Нечаевъ и „нечаевщина“ 132
VI. „Чайковцы“ и другіе народническіе кружки первой половины семидесятыхъ годовъ. Политическіе процессы той же эпохи . 152
VII. Первое массовое движеніе русской молодежи „въ народъ“ и его послѣдствія 173
VIII. „Всероссійская соціально-революціонная организація“. Общество „Земля и Воля“. Демонстрація на Казанской площади въ Петербургѣ 6-го декабря 1876 г. „Чигиринское дѣло“. Кружокъ Заславскаго въ Одессѣ 212
IX. Революціонное движеніе среди балканскихъ славянъ, русско-турецкая война и отношеніе къ этимъ событіямъ русскихъ соціалистовъ 262
X. Процессы демонстрантовъ Казанской площади, „пятидесяти“ и „ста девяносто трехъ“. Покушеніе на жизнь генерала Трепова и дѣло Вѣры Засуличъ. Первые нелегальные журналы въ Россіи: „Начало“ и „Земля и Воля“. Настроеніе активныхъ народниковъ на югѣ Россіи и возникновеніе „террористическаго“ направленія. Убійство шефа жандармовъ Мезенцева. Идейный кризисъ въ „Обществѣ Земля и Воля“ и распаденіе Общества на „Черный Передѣлъ“ и „Народную Волю“ 295

Дополненія и поправки 374
Алфавитный указатель упоминаемыхъ въ книгѣ фамилій и названій періодическихъ изданій 375

КАЛЬДЕРОНЪ. Философскія и героическія драмы. Жизнь есть сонъ. Поклоненіе Кресту. Стойкій принцъ. Любовь послѣ смерти. Пер. К. Бальмонта, 2 р. 75 к.

КАЛЬДЕРОНЪ. Чистилище св. Патрика. Трагедія. Пер. К. Бальмонта, 90 к.

КАЛЬДЕРОНЪ. Врачъ своей чести. Драма ревности. Пер. К. Бальмонта, 1 р.

ОГАРЕВЪ, Н. Стихотворенія въ 2-хъ т., 3 р. 50 к.

СЛОВАЦКІЙ, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта, 1 р. 60 к.

ШЕЛЛИ, Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта, 75 к.

ЯКУШКИНЪ, В. О Пушкинѣ. Пушкинъ и Радищевъ. Кончина Пушкина и др. статьи, 1 р.

БИНЕ, А. и СИМОНЪ, Т. Ненормальныя дѣти. Руководство при пріемѣ ненормальныхъ дѣтей въ спеціальные классы. Съ предисловіемъ Леона Буржуа. Пер. М. Владимірскаго, 1 р.

БРЕАЛЬ, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Пер. Н. Сперанскаго, 75 к.

ГИЛЬДЕБРАНДЪ, Р. О преподаваніи родного языка въ школѣ и о національномъ воспитаніи и образованіи. Пер. Е. Якушкина, 1 р.

ГИРШЪ, М. Народные университеты, ихъ задачи, организація, развитіе, пропаганда. Пер. Н. Сперанскаго, 20 к.

ДЕМЕНИ, Ж., ФИЛИППЪ, І., РАСИНЪ, П. Курсъ теоріи и практики физическаго воспитанія. Пер. М. Владимірскаго, 1 р. 75 к.

КОМПЕРЕ, Г. Умственное и нравственное развитіе ребенка. Пер. М. Владимірскаго, 2 р.

ПАУЛЬСЕНЪ, Ф. Образованіе. Пер. М. Гершензона, 15 к.

СПЕРАНСКІЙ, Н. Очерки исторіи средней школы въ Германіи, 1 р.

СПЕРАНСКІЙ, Н. Борьба за школу, 1 р. 20 к.

10-

Вышли въ свѣтъ:

Беловъ, Г.—Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи, 1 р. 25 к.

Корниловъ, А.—Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I 1 р. 25 к. Ч. II 1 р. 25 к.

Готовятся къ печати:

Боголюбовъ, А.—Н. И. Новиковъ и его время.

Бочкаревъ, В.—Восточная война 1853—56 гг.

Готье, Ю.—Очеркъ исторіи дворянства въ Россіи.

Кизеветтеръ, А.—Очерки по исторіи русскаго города.

Любавскій, М.—Исторія русской колонизаціи.

Сыромятниковъ, Б.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Цѣна 2 р.

СКЛАДЪ У ИЗДАТЕЛЕЙ: Москва, Тверской бульваръ, № 6.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Ко Москва.